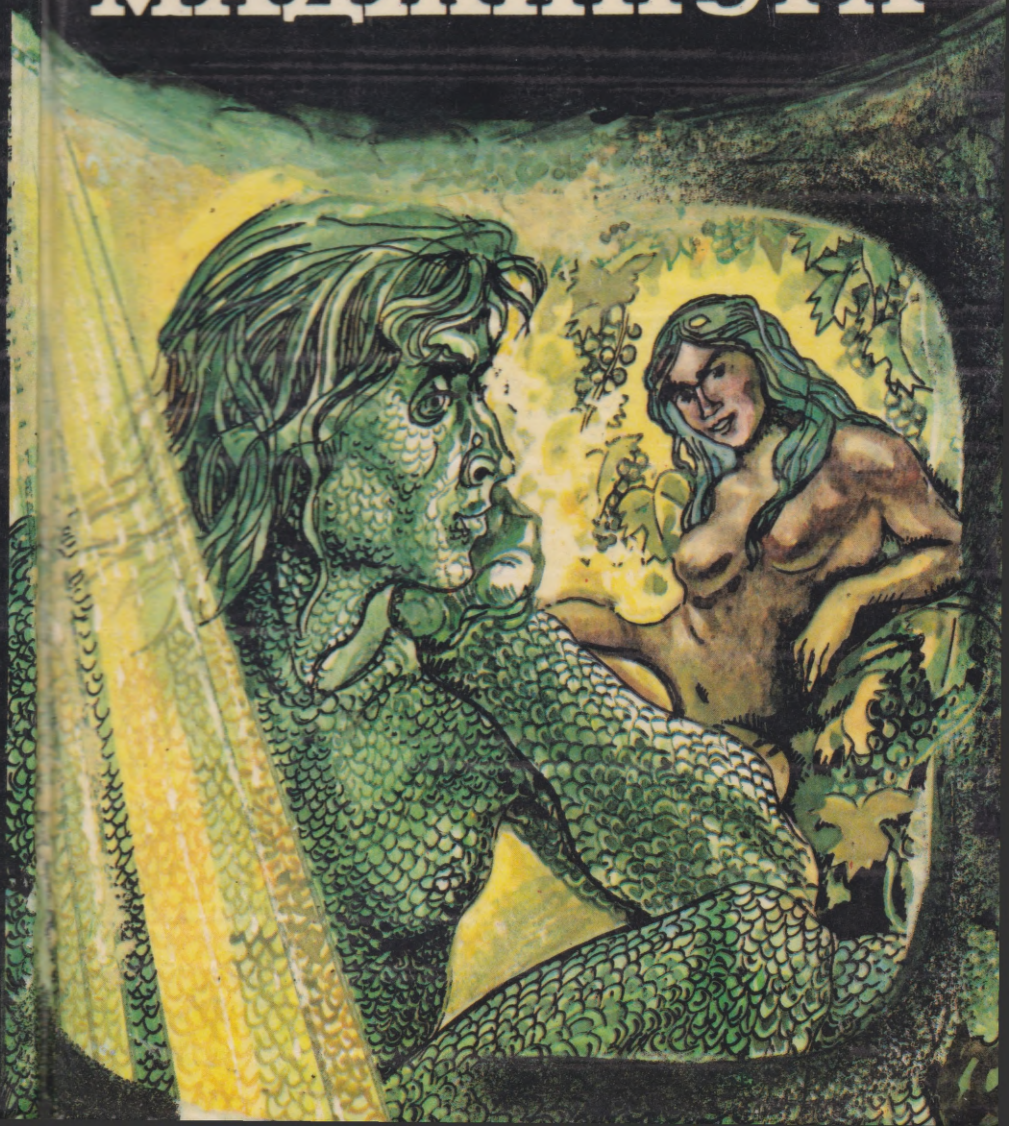
ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

РОБЕРТ СИЛВЕРБЕРГ

ХРОНИКИ МАДЖИПУРА

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

РОБЕРТ СИЛВЕРБЕРГ

ХРОНИКИ МАДЖИПУРА

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ РОМАНЫ

Перевод с английского

НОВОСИБИРСК 1993

ББК 84.7 США
С 36

Силверберг Роберт

С 36 Хроники Маджипура: Фантастический роман / Пер. с англ.— Новосибирск: Фирма «Тимур», 1993.— 512 с. (Серия «Шедевры фантастики»).

ISBN 5—85513—003—7

Роберт Силверберг родился в 1935 году в Нью-Йорке. Литературный дебют писателя состоялся, когда ему едва исполнилось восемнадцать лет — он буквально ворвался в литературу, заставив говорить о себе с первых же опубликованных рассказов. А уже через два года Силверберг был удостоен одной из самых почетных наград в англоязычной научной фантастике — премии «Хьюго» как наиболее перспективный молодой автор.

В настоящее издание включены роман «Хроники Маджипура» и несколько повестей писателя. Роман «Хроники Маджипура» является по-видимому попыткой автора продолжить его роман «Замок Лорда Валентина», который имел чрезвычайный успех у читателей.

С 4703040100—03 Без объявл.
ЛР 061507—93

ББК 84.7 США

ISBN 5—85513—003—7

© Молокин М. А., 1993, составление.
© Заплавный А. А., 1993, оформление.

ХРОНИКИ МАДЖИПУРА

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Пролог

Через два года после воцарения на троне Лорда Валентина что-то перевернуло душу мальчишке Гиссану, служившему в Доме Записей Лабиринта Маджипура. Он шесть месяцев разбирал архивы сборщиков налогов, в которые никто никогда не заглядывал, составляя бесконечный перечень документов, и казалось, что этой работой он будет заниматься и следующий год, и два, и три. Она не имела смысла, как понимал Гиссан, кому могли понадобиться отчеты провинциальных сборщиков налогов, живших во времена Лорда Деккерета, Лорда Калинтайна, или Лорда Стиамота? Документы были свалены беспорядочной кучей, и теперь какой-то злой рок избрал Гиссана разбирать их. Он отлично видел, насколько бесполезна и бессмысленна его работа, разве что можно было получить великолепный урок географии огромного Маджипура. Сколько провинций! Сколько городов! Три колоссальных материка разделялись и подразделялись на тысячи муниципальных единиц, каждая с многомиллионным населением. И во время работы в памяти оседали названия Пятидесяти Городов, огромных городских округов Зимрола, таинственных поселений в пустынях Суврейла, провинциальных столиц, всего, выросшего за время четырнадцатилетнего процветания Маджипура на планете: Пидруд, Нарабал, Ни-Мойе, Алайсор, Стоен, Пилиплок, Пендивейн, Эмблморн, Толигай и много-много других — миллионы названий! Но потом ему это надоело.

Его вдруг охватило нетерпение, ожидание чего-то лучшего. А послушание никогда не было ему присуще.

Рядом с пыльной маленькой комнатушкой в Доме Записей, где Гиссан разбирал и изучал свою груду налоговых отчетов, находилось нечто гораздо более интересное — Счетчик Душ, доступ к которому был открыт

только для высокопоставленных, да и то, говорили, не для всех. Гиссан кое-что знал об этом месте, он вообще много знал о Лабиринте, даже о запрещенных местах. «Дом Записей,— говорил он слушателям, еще когда в восьмилетнем возрасте болтался на улицах огромного подземного города и нанимался в проводники к приезжим ради кроны-другой,— таит в себе комнату, где хранятся миллионы мыслезаписей-воспоминаний. Берешь капсулу, вкладываешь ее в щель специального устройства — и внезапно становишься тем, кем оставлена запись, и живешь во времена Лорда Конфалума или Лорда Симинейва, или сражаешься вместе с Лордом Стиамотом против метаморфов. Но только попасть в ту комнату почти невозможно». И это действительно было почти невозможно, но Гиссан думал, размышлял, прикидывал, не удастся ли пробраться туда под предлогом необходимости установить даты для налоговых документов. А потом пожить жизнью современников самых величайших и удивительных событий Маджипура.

И постепенно мечта его начала обретать реальность. Он знал, где находятся печати для документов в Доме Записей, и потихоньку снабдил себя всеми необходимыми пропусками. И как-то в полдень он, с пересохшим горлом и звоном в ушах, направился по ярко освещенным кривым коридорам.

Давным-давно уже он не испытывал подобного состояния, а маленьким бродяжкой он его вообще не испытывал, но они его обучили, дали работу. РАБОТУ! РАБОТУ! РАБОТУ! ОНИ! КТО ОНИ? Он, Венценосец, и тогда, когда после скитаний по планете, лишенный своего тела и трона захватчиком Барджазедом, он пришел в Лабиринт, где Гиссан сделался его проводником и каким-то образом почувствовал в нем истинного Венценосца, и это стало началом конца бродяжки-Гиссана. Потом Гиссан узнал, что Лорд Валентин отправился к Горному Замку и Барджазед повержен, а потом, во время второй коронации, Гиссан вдруг очутился, Дивине знает, почему, на этой церемонии в замке Лорда Валентина. Никогда раньше он не покидал Лабиринта, не бывал на солнечном свете, не ездил на государственном флотере по Долине Клайна, минуя города, известные ему лишь по сновидениям. А потом он увидел Гору, тридцатимильную громадину, взметнувшуюся в высь, и сам Замок; грязный мальчишка стоял рядом с Венценосцем и перешучивался с ним. Венценосец восхищался умом и энергией мальчишки, его предприим-

чивостью. Прекрасно. И Гиссан стал протеже Венценосца. Прекрасно! Он вернулся в Лабиринт и был назначен на должность в Дом Записей — уже не так прекрасно. Гиссан терпеть не мог чиновников, эти лица-маски идиотов, зарывшихся в бумаги в кишках Лабиринта, а теперь он, любимец Венценосца, сам стал таким же. Он-то считал, что будет, как прежде, водить по Лабиринту приезжих, а вместо этого!.. ОТЧЕТ СБОРЩИКА ДОХОДОВ ОДИННАДЦАТОГО ОКРУГА ПРОВИНЦИИ НАТАНАЛА ДВЕННАДЦАТОГО ГОДА ЦАРСТВОВАНИЯ ЛОРДА ОССЬЕРА И ПОНТИФИКСА КИННОКЕНА. Гиссан надеялся, что Венценосец вспомнит о нем и призовет к себе на службу в Горный Замок, тогда его жизнь будет иметь какое-то значение в жизни Маджипура, но Венценосец, кажется, забыл о нем, как и следовало ожидать. У него целый мир с двадцати — или тридцатимиллиардным населением, и какое ему дело до маленького мальчишки в Лабиринте?! Гиссан боялся, что вся жизнь его теперь пройдет среди пыльных бумаг...

Но все-таки здесь был Счетчик Душ.

Даже если он никогда не выберется из Лабиринта снова, он сможет — если никто ему не помешает — странствовать в сознаниях давно умерших людей, разведчиков, первопроходцев, воинов, даже Венценосцев и Понтификсов. Это немного утешало.

Он вошел в небольшой вестибюль и предъявил пропуск дежурившему тускоглазому хьорту.

Гиссан заготовил поток объяснений: особое поручение Венценосца, важнейшее историческое исследование, необходимость в корреляции демографических дат... Все это было готово сорваться с его языка, но хьорт только сказал:

— Знаешь, как обращаться с механизмом?

— Плохо. Лучше покажите мне.

Отвернув некрасивое бородавчатое лицо с бесчисленными подбородками, хьорт поднялся на ноги и повел Гиссана внутрь, там он указал на шлем и ряд кнопок:

— Контрольная консоль. Вставишь вот сюда отобранные капсулы записей и сиди. Не забудь погасить свет, когда будешь уходить.

И все? Такая секретная машина, так тщательно охраняемая!

Гиссан остался один с записями воспоминаний тех, кто жил когда-то на Маджипуре.

Не все, конечно, оставляли запись, но примерно один из десяти делал это, обычно раз лет в двадцать. Гиссан

знал, что их миллиарды в хранилищах Лабиринта. Он положил руки на консоль. Пальцы дрожали.

С чего начать?

Он хотел познать все. Он хотел пересекать леса Зимрола с первопроходцами, побывать у метаморфов, переплыть под парусами Великое Море, поохотиться на морских драконов в Родамаунском Архипелаге, и... и... и... Он дрожал от возбуждения. С чего начать? Он осмотрел кнопки. Можно было выбрать дату, место, определенную личность из огромного периода в четырнадцать тысяч лет... Из далекого прошлого он знал только о Великом Лорде Стиамоте. Минут десять он сидел, не шевелясь, почти парализованный. Потом выбрал наобум. Континент — Зимрол, время — царствование Венценосца Лорда Бархольда, жившего даже раньше Стиамота, личность — ... любая. Да, любая!

Маленькая блестящая капсула возникла на консоли. Трепеща от предвкушаемой неизведанности Гиссан вложил ее в отверстие и надел шлем. В ушах раздались потрескивающие звуки. Неясные смазанные полосы — синие, зеленые и алые побежали перед глазами под закрытыми веками. Работает? Да! Да! Он ощущал присутствие чужого разума! Кто-то, кто умер девять тысяч лет назад, но Гиссан чувствовал, как ее сознание... ее? да, ее, ибо это была женщина, юная женщина — как оно заполняет его, пока наконец он не перестал понимать, кто он — Гиссан или Тесме из Нарабала...

И тогда он радостно освободился от осознания того, что живет, мыслит и чувствует, и позволил чужой душе овладеть им.

Часть 1

ТЕСМЕ И ЧАУРОГ

Глава 1

Уже шесть месяцев Тесме жила одна в хибарке, которую построила своими руками в густых тропических джунглях милях в пяти к востоку от Нарабала; в местечке, куда не долетали морские ветра, и где тяжелый сырой воздух цеплялся за все, как меховой саван. Раньше

ей никогда не приходилось делать все своими руками, и поначалу она поражалась, как это здорово. Она срезала несколько тонких стволов молоденьких деревьев, ободрала золотистую кору и вбила их скользкие острые концы в мягкую влажную землю, затем переплела их лозами и лианами, а сверху укрепила пять громадных ветвей врамы, сделав кровлю. Не архитектурный шедевр, но дождь внутрь не попадал, и о холодах можно было не беспокоиться. За месяц стволы сиджании разрослись и закрыли всю кровлю побегами новых кожистых листьев прямо под потолком, а связывающие их виноградные лозы тоже продолжали жить, спуская вниз мягкие красные усики, ищущие и находящие богатую плодородную почву, так что дом теперь стал живым и с каждым днем делается все более уютным и надежным, поскольку лианы со временем становятся крепче, и Тесме это нравилось. Здесь, как и в Нарабале, ничто не умирало надолго, и воздух был таким же теплым, и солнце таким же ярким, и дожди такими же обильными, и все быстро преображалось само по себе, с буйной, жизнерадостной легкостью тропиков.

Одиночество тоже переносилось легко по сравнению с Нарабалом, где ей хотелось очень многого и где жизнь пошла как-то вкривь и вкось: слишком много внутренних неурядиц, слишком много суматохи, шума, друзей, отправившихся в путешествия, любовников, ставших врагами. Ей было двадцать пять лет, и нужно было приостановиться, оглянуться на прошлое, сменить жизненный ритм, пока не растратилась по пустякам. Джунгли подходили для этого идеально. Она рано вставала, купалась в маленьком естественном пруду, завтракала, собирая ягоды с лоз токки, затем гуляла, пела, читала стихи и сочиняла их, проверяла ловушки — нет ли пойманных животных, взбиралась на деревья и высоко вверху подставляла себя солнцу, устроившись в гамаке из лиан, снова купалась, разговаривала сама с собой и отправлялась спать с заходом солнца. Поначалу она думала, что нечем будет заняться и ей все вскоре наскучит, но ошиблась: дни были заполнены до предела и всегда оставалось несколько задумок на завтра.

Она также думала вначале, что раз в неделю будет возвращаться в Нарабал купить кое-что, подобрать новые кубики и книги, заглянуть иной раз на концерт или игрище, или даже навестить семью или некоторых приятелей. И действительно, в город она ходила довольно часто. Но дорога была жаркая и душная и, к тому же, отнимала

полдня, поэтому по мере того, как Тесме привыкала к уединению, она находила Нарабал все более шумным и суматошным, а удовольствие, получаемое от походов, все меньшим.

Люди там глазели на нее. Она знала, что ее всегда считали эксцентричной, чуть спятившей дикаркой, а теперь сравнивали с живущей самой по себе обезьяной, прыгающей по вершинам деревьев; и таким образом промежутки между ее визитами в город становились все больше. Она ходила теперь лишь в случае крайней необходимости. В день, когда она наткнулась на чаурога, она не была в Нарабале, по меньшей мере, пять недель.

Она бродила утром по болотистому подлеску, собирая душистые желтые фанжи; мешочек был почти полон, и она подумывала о возвращении, когда случайно заметила в нескольких ярдах от себя нечто необычное — под большим деревом-сиджайлом на земле неуклюже вытянулось существо с какой-то блестящей, отливающей металлом серой кожей и трубчатыми конечностями. Оно напомнило ей хищную рептилию, погубившую ее отца и брата в Нарабальском Проливе, гладкую, длинную, медленно двигающуюся тварь с кривыми когтями и большими ровными зубами. Но, осторожно подобравшись поближе, Тесме заметила, что существо своей массивной круглой головой, длинными руками и крепкими ногами отдаленно напоминает человека. Она было сочла его мертвым, но, стоило ей подойти ближе, существо шевельнулось и сказало:

— У меня нарушена двигательная функция. Я был глуп и поплатился за это.

— Можешь пошевелить руками или ногами? — спросила Тесме.

— Руками — да. Сломана одна нога и, возможно, спина. Помоги мне.

Она нагнулась, рассматривая его получше. Да, оно походило на рептилию со сверкающей чешуей и гладким жестким телом. Глаза зеленые, холодные, совершенно немигающие. Волосы выглядели странной густой массой черных завитушек, которые медленно шевелились сами по себе. Язык был змеевидный, ярко-алый и раздвоенный, он безостановочно мелькал взад и вперед меж губами.

— Кто ты? — спросила она.

— Чаурог. Знаешь о нас что-нибудь?

— Конечно, — кивнула Тесме, хотя по-настоящему знала совсем мало. За прошедшее столетие несколько нечеловеческих рас обосновалось на Маджипуре, целый зве-

ринец инородцев, приглашенных сюда Венценосцем Лордом Меликандом, поскольку людей не хватало для столь огромной планеты. Тесме слышала о четырехруких, о двуглавых, о крошечных существах со щупальцами и о чешуйчатых чужаках со змеиными языками и змеящимися волосами, однако до сих пор никто из инородцев не подбирался так близко к Нарабалу, удаленному от цивилизации на громадное расстояние. Значит, это чаурог? Странное существо, подумала она. Тело почти человеческое и, тем не менее, не человеческое. Чудовищная, по-настоящему кошмарная тварь, хотя и не особо пугающая.

Она посочувствовала чаурогу — заблудиться вдвойне, оказаться так далеко от чего-либо похожего на него на Маджипуре! К тому же, он ранен. Что ей теперь делать? Пожелать всего хорошего и бросить на произвол судьбы? Жестоко. Отправиться в Нарабал и организовать спасательную экспедицию? На это уйдет, по меньшей мере, два дня. Тащить к себе в хижину и выхаживать, пока не выздоровеет? Это казалось самым подходящим. Но что будет с ее одиночеством и уединенностью? И как ухаживать за чаурогом? Да и хочет ли она брать на себя такую ответственность? Рисковать? Он чужак, и она понятия не имеет, чего ждать от него.

— Я — Висмаан,— сказал чаурог.

Было ли это именем, или титулом, или же просто описанием состояния? Она не спрашивала. Она сказала:

— Меня зовут Тесме. Я живу в джунглях, в часе ходьбы отсюда. Как, по-твоему, сможем мы туда добраться?

— Дай мне опереться на тебя, и я попробую идти. Но... ты достаточно сильная?

— Наверное.

— Ты женщина, я прав?

Тесме носила только сандалии. Она засмеялась, чуть коснувшись груди и ягодиц, и кивнула:

— Женщина.

— Я так и подумал. Я мужчина, и слишком, наверное, тяжел для тебя.

Мужчина? Место между ногами у него было гладким и бесполым, как у машины. Хотя, подумала она, может быть, у чаурогов эти органы расположены в иных местах. И если они рептилии, то с их точки зрения грудь ее не могла указывать пол. Странно, что он вообще спросил.

Она опустилась на колени, не понимая, как ему удастся встать и идти со сломанной ногой. Он положил руки

ей на плечи. Прикосновение заставило ее вздрогнуть: кожа казалась прохладной, жесткой, сухой и гладкой, словно он носил доспехи. И это не было неприятно, просто необычно. От него исходил сильный запах, болотистый, с чуть заметным привкусом меда. Трудно понять, как она не заметила его раньше — очевидно, ее поразила неожиданность случившегося. Но теперь на запах нельзя было не обратить внимания, и сначала она почувствовала, как неприятно напряглись мускулы, но спустя несколько минут он перестал ее беспокоить.

— Держись ровно,— предупредил чаурог.— Я навалюсь на тебя.

Тесме пригнулась, упершись руками и коленями в землю, и, к ее удивлению, чаурог довольно легко вытянулся вверх своеобразным извивающимся движением, на мгновение навалившись на спину девушки между лопаток. Она задохнулась. Затем он, шатаясь, выпрямился, ухватился за свесившуюся лиану. Она расставила ноги, готовясь подхватить его, если он будет падать, но он устоял.

— Нога сломана,— объяснил он.— Спина повреждена, но не сломана.

— Сильно болит?

— Болит? Нет, мы почти не чувствуем боли. Проблема в функционировании. Нога не держит меня. Может, ты найдешь мне крепкую палку?

Тесме огляделась вокруг в поисках чего-нибудь, что он мог бы использовать как костыль, и почти сразу заметила жесткий надземный корень, тянувшийся к земле с лесного полога. Гладкий черный корень был толстым и не ломким, и она гнула его во все стороны, пока не отломила кусок ярда в два. Висмаан крепко сжал его, обхватил другой рукой Тесме и осторожно перенес тяжесть на поврежденную ногу. Тесме показалось, что его запах изменился, стал резче, с привкусом уксуса, без меда. Несомненно — от напряженной ходьбы. Боль, вероятно, была не такая слабая, как он хотел ее уверить. Но, в любом случае, он справлялся.

— Как ты сломал ногу? — спросила она.

— Я взобрался на дерево, хотел осмотреть местность, а оно не выдержало моего веса.

Он кивнул на тонкий блестящий ствол высокого сиджайла. Нижняя ветвь футах в сорока над головой была сломана и держалась только на лоскутке коры. Тесме с удивлением подумала, как он вообще уцелел, свалившись с такой высоты, а секунду спустя изумилась еще больше,

подумав, как же ему удалось взобраться на сорок футов по тонкому гладкому стволу.

— Я хочу обосноваться здесь и заняться земледелием. У тебя есть ферма?

— В джунглях-то? Нет. Я просто тут живу.

— С мужчиной?

— Одна. Я выросла в Нарабале, но решила какое-то время пожить в одиночестве.— Они добрались до мешка с климботосами, который она выронила, когда заметила лежавшего на земле чужака. Тесме забросила его себе на плечо.— Можешь оставаться у меня, пока твоя нога не заживет. Только до моей хижины добираться придется весь день. Ты уверен, что сможешь идти?

— Я ведь иду сейчас,— сказал он.

— Если захочешь отдохнуть, скажи.

— Потом. Не сейчас.

И действительно, прошло около получаса, прежде чем он попросил остановиться, но даже тогда он остался стоять, привалившись к дереву, пояснив, что не стоит заново производить весь сложный процесс вставания с земли. Тесме он казался и бесстрастным, и чуть встревоженным, хотя невозможно было понять что-либо по его неменяющемуся лицу и немигающим глазам. Единственным указателем проявления эмоций был для нее мелькающий раздвоенный язык, только она не знала, как истолковать эти непрерывные стремительные движения. Через несколько минут они снова тронулись в путь.

Медленный шаг угнетал ее — его вес давил на плечи, и она чувствовала, как сводит судорогой мышцы и как протестуют мускулы, пока они с чаурогом пробирались по джунглям. Говорили они мало. Он, кажется, изо всех сил старался удержаться на ногах, а Тесме сосредоточилась на дороге, отыскивая удобные проходы и стараясь избегать ручьев и густого подлеска, которые он не смог бы одолеть. Когда они прошли полпути до хижины, начался теплый дождь, после которого они окунулись в горячий липкий туман. Она уже изнывала от усталости, когда показалась ее хибарка.

— На дворец совсем не похоже,— заметила Тесме,— но мне хватает. Ложись тут.

Она подвела его к своей постели из листьев зании. Он сел, испустив тихий, еле слышный свистящий звук.

— Хочешь чего-нибудь перекусить? — поинтересовалась Тесме.

— Не сейчас.

— Или пить? Нет? Понимаю, тебе надо немного отдохнуть. Я выйду, а ты лежи спокойно.

— Я все равно не буду спать,— сказал Висмаан.

— Не понимаю, причем...

— Мы спим только часть года, обычно — зиму.

— И бодрствуете все оставшееся время?

— Да,— кивнул он.— В этом году мой сонный цикл завершился. Я понимаю, что это не похоже на человека...

— Сильно не похоже,— согласилась Тесме.— Как бы то ни было, я оставлю тебя — отдыхай. Ты, должно быть, страшно устал.

— Я бы не хотел выгонять тебя из твоего дома.

— Ничего,— ответила Тесме и шагнула наружу. Дождь начался снова. Знакомый, почти успокаивающий дождь, моросящий по несколько часов каждый день. Она вытянулась на насыпи из мягкого упругого мха, позволяя дождевым струям омывать усталое тело.

Гость в доме, подумала она. Да еще и чужак. А почему бы и нет? Чаурог казался нетребовательным, равнодушным, спокойным даже в несчастье. Повреждение у него было более серьезным, чем он готов был признать, поскольку даже такое относительно недолгое путешествие через лес измотало его. В таком состоянии ему не одолеть пути до Нарабала. Тесме, правда, могла сама сходить в город и договориться с кем-нибудь насчет флотера, чтобы перевезти чаурога, но такая мысль ей не понравилась. Никто не знал, где она живет, и она совсем не хотела приводить сюда кого-нибудь. С некоторым смущением она вдруг поняла, что вовсе не хочет, чтобы чаурог уезжал, а наоборот, ей хочется удержать его тут и ухаживать, пока он не восстановит силы. Она сомневалась, чтобы кто-нибудь еще в Нарабале дал приют чужаку, и это наполняло ее приятным ощущением собственной порочности и возможности подняться над узколобыми привычками родного города. Год-два назад она слышала много перешептываний об иномирянах, поселившихся на Маджипуре. Люди опасались и недолюбливали рептилеобразных чаурогов, гигантских, неуклюжих, волосатых скандаров, маленьких хитроумцев со щупальцами — вруонов, кажется,— и прочих причудливых созданий; и пусть пока чужаков еще не видели воочию в отдаленном Нарабале, враждебная почва для них была уже вполне подготовлена. Только дикой и эксцентричной Тесме, подумала она, ничего не стоит подобрать инородца и выхаживать его, кормя с ложечки лекарствами и супом,

или что там дают чаурогам со сломанными ногами? Она не имела никакого понятия, как ухаживать за ним, но это ее не останавливало. Ей вдруг пришло в голову, что за всю жизнь она вообще никогда ни о ком не заботилась: не было ни удобного случая, ни возможности. Как на самую младшую в семье, на нее никто никогда не возлагал никакой ответственности. Она не была замужем, не рожала детей, даже не держала домашних животных, не говоря уже о том, что несмотря на все ее бурные бесчисленные любовные истории, ее никогда не влекло навестить заболевшего возлюбленного. И теперь она понимала, почему решилась оставить чаурога у себя в хижине — ведь одна из причин, по которой она сбежала из Нарабала в джунгли, заключалась в том, чтобы побороть отвратительные качества прежней Тесме.

Она решила поутру отправиться в город, разузнать, если удастся, что необходимо для лечения чаурогов, и купить лекарств и подходящей провизии.

Глава 2

После долгого перерыва она вернулась в хижину. Висмаан спокойно лежал на спине там, где она его оставила, вытянув руки вдоль тела. Он, казалось, вообще не шевелился, если не считать его змееподобно извивающиеся волосы. Спит? После его объяснений? Она подошла поближе, пристально всматриваясь в странную массивную фигуру на постели. Глаза его были открыты, и она видела, что они следят за ней.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила она.

— Не очень. Прогулка через лес оказалась тяжелее, чем я думал.

Она приложила ладонь к его лбу. Твердая чешуйчатая кожа на ощупь казалась холодной. И нелепость ее жеста заставила ее улыбнуться. Откуда ей знать, какая нормальная температура у чаурогов? Бывает ли у них жар вообще, а если да, то что ей из этого? Рептилии они или нет? Поднимается ли температура у рептилий во время болезни? Внезапно ей вообще показалось нелепым свое желание ухаживать за существом из иного мира.

— Почему ты трогаешь мой лоб? — поинтересовался он.

— Мы так делаем, когда человек болен. Учти, если у тебя жар, у меня тут нет никаких медикаментов. Ты понимаешь, что я имею в виду, когда говорю — жар?

— Ненормальная температура тела? Да. У меня она сейчас высокая.

— Больно?

— Немного. Но главное в том, что мои системы дезорганизованы. Можешь ты принести мне воды?

— Конечно. А ты не голоден? Что ты обычно ешь?

— Мясо вареное или жареное. Фрукты. Овощи. И побольше воды.

Она принесла воды. Висмаан с трудом присел — он казался гораздо слабее, чем тогда, когда хромал через джунгли, видимо, все больше страдал от болезненного перелома — и осушил чашу тремя большими глотками.

Как зачарованная, она смотрела на яростное мелькание раздвоенного языка.

— Еще,— попросил он, и она налила вторую чашу. Кувшин почти опустел, и она вышла наполнить его из ручья. Заодно она сорвала несколько ягод токки и принесла с собой. Он подержал одну из сочных сине-белых ягод в вытянутой руке, словно лишь так мог должным образом рассмотреть ее, и покатал на пробу между пальцами. Руки у него были почти человеческие. Тесме обратила внимание, что на каждой есть по одному большому пальцу, зато ногтей совсем не было, а только поперечные чешуйчатые перепонки, тянувшиеся до двух первых фаланг.

— Как называется этот фрукт? — спросил он.

— Токка. В Нарабале их лозы растут повсюду. Если тебе понравится, я принесу еще, сколько хочешь.

Он осторожно попробовал. Затем язык его замелькал еще быстрее, и он жадно доел остаток ягоды и потянулся за второй. Лишь тогда Тесме вспомнила репутацию токки как средства, усиливающего половое влечение, но отвернулась, пряча усмешку, и ничего не сказала. Он назвался мужчиной, стало быть, у чаурогов есть секс, но как они им занимаются? Внезапно, по какой-то прихоти она представила, как самец-чаурог испускает струю семенной жидкости из некоего скрытого отверстия в ванну, куда погружаются самки оплодотворяться. Действенно, но не очень романтично, подумала она, в то же время желая узнать, поступают ли они так и действительно ли оплодотворение у них происходит раздельно, как у некоторых рыб и змей.

Она приготовила для него еду из токки, поджаренных климботосов и небольшого многоногого нежно-ароматного хиктияна, которого поймала сетью в ручье. Вино у нее кончилось, но недавно она обнаружила сок, забродивший

после двух дней на открытом воздухе, сок большого красного дерева, название которого она не знала, и дала ему немного.

Аппетит у него был, как у здорового. После она спросила, не осмотреть ли его ногу, и он согласился.

Перелом был где-то посередине широкой части бедра. Толстая опухоль выделялась над чешуйчатой кожей. Она легонько ощупала ее кончиками пальцев. Он издал еле слышный свист, но больше ничем не выказал, что она делает ему больно. Тесме показалось, что что-то движется внутри его бедра. Сломанные концы кости? «Я знаю так мало,— уныло подумала она,— о чаурогах, об искусстве исцеления, вообще обо всем.»

— Будь ты человеком,— пробормотала она,— мы использовали бы машину, чтобы посмотреть перелом, свели бы вместе сломанные кости и оставили бы до полного заживления. У твоих сородичей ничего подобного не практикуется?

— Кости срастутся сами,— отозвался Висмаан.— Я свел их вместе сокращением мышц и буду держать так, пока они не срастутся, только мне придется лежать несколько дней, чтобы кости не разошлись. Можно мне остаться у тебя?

— Конечно. Оставайся, сколько понадобится.

— Ты очень добра.

— Завтра я пойду в город. Тебе что-нибудь нужно?

— У тебя есть развлекательные кубики? Музыка? Книги?

— Здесь почти ничего нет. Могу завтра принести.

— Пожалуйста. Ночи будут очень долгими, если лежать без сна. Мой народ — большой любитель развлечений.

— Я принесу, что найдется,— пообещала Тесме.

Она дала ему три кубика: игровой, для подборки цветовой композиции и симфонический,— и занялась послеобеденной уборкой.

Ночь опустилась рано, как всегда здесь, рядом с экватором. Она услышала легкий шелест дождя снаружи. Обычно она немного читала, пока не становилось совсем темно, а потом ложилась спать. Но нынче ночью все изменилось. Загадочное существо заняло ее постель, и ей пришлось устраивать себе новое ложе на полу, да еще эти разговоры после многих недель одиночества,— все заставляло держаться напряженно и немного настороже. Сам Висмаан, казалось, с головой ушел в кубики.

Она вышла наружу, нарвала с пузырчатого кустарника листьев и уложила их на полу возле двери. Затем, подойдя к чаурогу, она поинтересовалась, может ли еще что-либо сделать для него. Тот в ответ лишь коротко покачал головой, не отрываясь от кубиков. Она пожелала ему доброй ночи и легла на импровизированную постель. Та оказалась вполне удобной, даже больше, чем она ожидала. Но уснуть было невозможно. Она ворочалась с боку на бок: чувство стесненности и неудобства в присутствии чужака не давало покоя. И еще запах чаурога, острый и пронизывающий. За день она как-то притерпелась и перестала обращать на него внимание, но теперь, лежа в темноте, со взвинченными нервами, она воспринимала его, как бесконечно повторяющийся звук трубы. Время от времени она садилась и присматривалась сквозь темноту к Висмаану, лежавшему неподвижно и молча. Но в конце концов сон постепенно овладел ею, и она задремала, пока звуки нового утра не разбудили ее привычной мелодией множества писков и криков и первый свет не просочился в открытую дверь. Она проснулась, ничего не понимая, как это с ней часто случалось, когда она крепко спала в незнакомом месте. Несколько минут она не могла сообразить, где она, но потом вспомнила.

Он наблюдал за ней.

— Ты провела ночь без отдыха. Мое присутствие тебя тревожит.

— Ничего, я привыкла. Как ты себя чувствуешь?

— Не очень, но уже начинаю поправляться. Я чувствую, как внутри идет процесс заживления.

Она принесла ему воды и целую тарелку фруктов. Затем вышла во влажный туманный рассвет и быстро скользнула в пруд. Когда она вернулась в хижину, запах вновь поразил ее с новой силой: контраст между свежим утренним воздухом и резким запахом чаурога внутри хижины был разителен.

Одеваясь, она сказала:

— Я вернусь из Нарабала только к ночи. Ты как, продержишься один?

— Если ты оставишь пищи и воды, чтобы я мог дотянуться. И что-нибудь почитать.

— Почти ничего нет. Но я принесу. Надеюсь, день у тебя пройдет спокойно.

— Если не заглянет какой-нибудь гость...

— Гость? — обескуражено воскликнула Тесме.— Кто? Что еще за гость? Никто сюда не придет. Или ты хочешь

сказать, что с тобой был еще кто-то и он начнет тебя искать?

— Нет-нет, со мной никого не было. Я подумал, может быть, твои друзья...

— У меня нет друзей,— торжественно объявила Тесме. И сразу же ей эти слова показались глупыми, полужалобными и мелодраматичными. Но чаурог ничего не сказал, и, пряча свое смущение, она принялась тщательно затягивать ремнем мешок.

Он молчал до тех пор, пока она не собралась идти, потом поинтересовался:

— Нарабал красив?

— Разве ты его не видел?

— Я шел с другой стороны, из Тил-Омона. В Тил-Омоне мне рассказывали, как красив Нарабал.

— Ничего особенного,— ответила Тесме.— Лачуги. Грязь на улицах. Повсюду растут виноградные лозы, опутывая дом за год целиком. Тебе говорили в Тил-Омоне? Ну, над тобой подшутили. Жители Тил-Омона не выносят Нарабал. Это городасоперники. Два главных тропических порта. Если кто-то в Тил-Омоне расхваливает красоты Нарабала, он просто лжет.

— Но для чего?

Тесме пожала плечами.

— Откуда я знаю? Может, чтобы убрать тебя подальше от Тил-Омона. В любом случае, в Нарабале нечего смотреть. Тысячу лет назад он, возможно, и был чем-то, но теперь это просто грязный город.

— Все же я надеюсь повидать его. Когда моя нога окрепнет, ты мне покажешь его?

— Разумеется,— кивнула она.— Почему бы и нет? Но ты будешь разочарован, уверяю тебя. А теперь я пойду. Я хочу добраться до города пока еще прохладно.

Глава 3

Она быстро шла по тропе, представляя на ходу, как войдет однажды в город с чаурогом. Интересно, как на это отреагируют в Нарабале? Начнут забрасывать их камнями или навозом? Будут тыкать пальцем и ржать, а заодно и поносить ее, когда она начнет здороваться со знакомыми? Вероятно. Чокнутая Тесме, станут судачить, привезла в город инородца; не занимаются ли они в джунглях непотребством? Да, да. Тесме улыбнулась. За-

бавно будет пройтись по Нарабалу с Висмааном. И она это попробует, как только он сможет одолеть долгую дорогу через джунгли.

Сама дорога была просто грязной неухоженной тропкой, отмеченной зарубками на деревьях да редкими короткими просеками, быстро зарастающими во многих местах. Но за время путешествия по джунглям она овладела искусством находить дорогу и редко надолго теряла тропу. Поздним утром она добралась до отдаленных плантаций, а вскоре увидела и сам Нарабал, карабкающийся вверх по одному склону холма и сбегающий вниз к морю по противоположному.

Тесме не знала, для чего кому-то понадобилось основывать здесь город — в самой западной точке Зимрола. Какая-то задумка Лорда Меликанда, того самого Венценосца, что допустил поселение чужаков на Маджипуре, способствуя развитию западного континента. Да, в начале царствования Лорда Меликанда на Зимроле в ужасающем одиночестве находились всего два города — фактически географические названия,— созданные первыми человеческими поселенцами на планете до того, как стало ясно, что центром жизни Маджипура стал другой континент — Алханрол. На северо-западе Зимрола тогда располагался Пидруд, город с чудесным климатом и отличной естественной гаванью, а дальше по восточному побережью находился Пилиплок, где обосновались охотники на морских драконов. Теперь к ним добавились два пограничных поста: Ни-Мойе, воздвигнутый на одной из самых больших внутренних рек континента, и Тил-Омон, стоящий на краю тропического пояса западного побережья; к тому же существовало несколько поселений в центральных горах, да ходили слухи, что чауроги строят свой город в тысяче миль к востоку от Пидруда.

И еще был Нарабал, тут, на дождливом юге, на краю континента, окруженный морем. Здесь, если стоять у края Нарабальского Пролива и долго смотреть на воду, постепенно с ужасом начинаешь ощущать все эти тысячи миль дикости, лежащей за спиной, и тысячи миль океана, отделяющего тебя от Алханрола, где находятся другие города. В юности Тесме пугалась мысли, что она живет в месте, столь далеком от центров цивилизации — как на другой планете — и иной раз и Алханрол, и те процветающие города казались ей просто мифом, а подлинным центром вселенной был Нарабал. Она никогда нигде не бывала, нигде, кроме него, и не надеялась побывать.

Слишком велики были расстояния. Единственным городом в пределах досягаемости являлся Тил-Омон, но и до него было неблизко, и те, кто бывал там, рассказывали, что он сильно похож на Нарабал, только меньше дождей и солнце постоянно висит в небе докучливым пытливым зеленоватым глазом.

В Нарабале она повсюду ощущала на себе любопытствующие взоры. Каждый раз, когда Тесме оборачивалась, она замечала, что все пристально пялятся на нее, словно она заявилась в город голой. Все знали ее — дикую Тесме, сбежавшую в джунгли,— ей улыбались, расспрашивали, как идут дела, а за этим внешним добродушием были глаза — пристальные, враждебные, сверлящие ее с неподдельным интересом и старающиеся разгадать, что у нее на душе. «Почему ты презираешь нас? Почему ты нас чуждаешься? Почему ты делишь дом с отвратительным чужаком?» И она улыбалась в ответ, махала рукой и говорила вслух: «Рада увидеться с вами снова», «Все отлично», а про себя отвечала пронизывающим глазам: «Я никого не презираю, мне просто нужно было уйти, и чаурогу я помогла потому, что помоги я кому-нибудь, мне, возможно, за это воздастся», но они не понимали.

Никто не заходил в ее комнату в материнском доме. Она сложила в мешок книги и кубики и отыскала аптечку с лекарствами, которые, по ее мнению, могли сгодиться Висмаану. Здесь были противовоспалительные средства для ускорения заживления ран, жаропонижающее, и многое другое — вероятно, бесполезное для чужака, но она полагала, что стоит попробовать. Тесме бродила по дому, ставшему для нее каким-то непривычным несмотря на то, что она прожила здесь всю жизнь. Деревянные полы вместо разбросанных листьев, настоящие прозрачные стекла на шарнирах, чистильщик, настоящий механический чистильщик с кнопками и рукоятками — все эти миллионы *цивилизованных* вещей и приспособлений, выдуманных человечеством так много тысяч лет назад в другом мире, от которых она сбежала в свою маленькую хижину с живыми ветвями, растущими по стенам...

— Тесме?

Она удивленно оглянулась. В дверях стояла ее сестра Мирифейн, близняшка; та же манера говорить, то же лицо, те же длинные тонкие руки и ноги, те же прямые черные волосы. Только на десять лет старше. Замужняя работающая женщина, мать. Тесме всегда страдала при виде

Мирифейн. Словно смотрелась в зеркало и видела себя на десять лет старше.

— Мне кое-что нужно,— нехотя объяснила Тесме.

— А я надеялась, что ты решила вернуться домой,— сказала Мирифейн.

— Зачем?

Мирифейн ответила привычной проповедью о возобновлении нормальной жизни, возвращении в общество и о полезном труде.

В конце она сказала:

— Мы упустили тебя.

— Может быть,— ответила Тесме,— но я делаю то, что нужно мне.— Она немного помолчала.— Рада была повидать тебя, Мирифейн.

— По крайней мере, ты останешься на ночь? Мать скоро вернется, она будет рада, если ты пообедаешь с нами.

— Мне еще далеко идти. Я не могу здесь долго оставаться.

— Знаешь, ты хорошо выглядишь. Загорелая, окрепшая... По-моему, отшельничество тебе на пользу.

— По-моему, тоже.

— Думаешь еще пожить в одиночестве?

— Пока мне нравится,— ответила Тесме. Она начала завязывать мешок.— Как у вас?

Мирифейн пожала плечами.

— По-прежнему. Только я на время отправлюсь в Тил-Омон.

— Счастливо.

— Хочу вырваться из нашей заплесневелой зоны и отдохнуть. Холтас поработает там с месяц над проектами постройки новых городов в горах — приходится обеспечивать жильем всех этих инородцев, что начинают прибывать. Он хочет взять с собой меня и детей.

— Инородцев? — переспросила Тесме.

— Ты разве не знаешь?

— Расскажи.

— Ну, иномиряне, что живут на севере, начинают проникать сюда. Есть один вид, вроде ящериц с руками и ногами, они хотят развивать фермы в джунглях.

— Чауроги?

— А, так ты слышала? И еще одно племя, напыщенное и воинственное, с лягушачьими рожами и темно-серой кожей. Холтас говорит, что они сейчас заняли все мелкие должности в Пидруде, типа клерков и писцов, ну и прочих,

а теперь начинают наниматься сюда, и Холтас и кое-кто из архитекторов собираются спроектировать для них поселения внутри страны.

— Значит, они не будут вонять в прибрежных городах?

— Что? А, ну, я думаю, часть из них все равно тут осядет. Никто не знает, сколько их будет, но, по-моему, наши вряд ли согласятся на большое число иммигрантов в Нарабале да и в Тил-Омоне тоже...

— Да, я вижу,— кивнула Тесме.— Ну, передавай привет, пойду обратно. Надеюсь, ты приятно отдохнешь в Тил-Омоне.

— Тесме, пожайлуста...

— Что, пожайлуста?

Мирифейн сказала с досадой:

— Ты такая резкая, такая далекая и холодная! Мы не виделись уже несколько месяцев, а ты еле терпишь мои расппросы и смотришь на меня с таким раздражением. Почему ты злишься, Тесме? Разве я тебя когда-нибудь обижала? Почему ты такая?

Тесме знала, что бесполезно снова все объяснять. Никто не понимал ее, никто, и меньше всего те, кто уверял, что любит ее. Стараясь говорить мягче, она ответила:

— Назови это запоздалым переходным возрастом, Мири, или возмужанием юности. Ты очень хорошо относишься ко мне. Но только зря, я все равно уйду.— Она чуть коснулась пальцами руки сестры.— Может, я загляну еще на днях.

— Надеюсь.

— Только скоро не ждите. Передай всем привет от меня,— сказала Тесме и вышла.

Она торопливо и напряженно шла по городу, боясь встретиться с матерью или с кем-нибудь из старых знакомых, особенно бывших любовников. Она украдкой оглядывалась, как вор, и не раз быстро ныряла в переулки, заметив того, кого не хотела видеть. Встречи с сестрой было достаточно. Пока Мирифейн не сказала, что она явно выказывает раздражение, Тесме не сознавала этого. И Мири права — да. Тесме чувствовала, что остатки раздражения еще кипят внутри нее. Эти люди, эти унылые маленькие людишки со своим ничтожным честолюбием, со своими маленькими страхами и маленькими предрассудками, замкнувшиеся в череде своих бессмысленных дней — они приводили ее в ярость. Чумой рассеяться по Маджипуру, сгрызая ненанесенные на карту леса и загаживая необъятный океан, основывать грязные города

в центрах удивительной красоты и никогда не задаваться какой-либо целью. Слепые, нерассуждающие натуры — это было хуже всего. Никогда они не посмотрят на звезды и не спросят, что это такое. А ведь именно это волновало человечество на Старой Земле, заставляя превращать в копию материнского мира тысячи захваченных планет. Имеют ли звезды хоть какое-нибудь значение для человечества Маджипура? Наверное, Старая Земля все еще для них что-то значит и кажется прекрасной, очистившись за прошедшие столетия от серой скучной шелухи и накипи, и, несомненно, Старая Земля далеко ушла от Маджипура, который через пять тысячелетий станет ее отражением с раскинувшимися на сотни миль городами, всеобщей торговлей, грязью в реках, истребленными животными и бедными обманутыми Меняющими Форму, повсюду загнанными в резервации,— со всеми старыми ошибками, принесенными в девственный мир. Тесме это поражало до глубины души, заставляло кипеть от бешенства. Она считала, что все дело в расстроенных нервах и отсутствии любовника, но затопившая ее ярость возникла вдруг от недовольства всем человеческим миром. Ей хотелось схватить Нарабал и сбросить в океан. К сожалению, она не могла этого сделать, не могла ничего изменить, не могла ни на мгновение приостановить то, что называли распространением цивилизации. Все, что она могла — это вернуться в джунгли к сплетающимся лианам, влажному сырому воздуху, пугливым животным болот, к хижине, к увечному чаурогу, который сам был частью затопляющего планету прилива, но был и тем, о ком она заботилась, кого даже лелеяла, потому что остальным ее сородичам он не нравился, пожалуй, они даже ненавидели его, и она, заботясь о нем, отличалась от *них*.

Голова болела, мускулы лица стали жесткими, будто одеревенели, она понимала, что идет, сгорбившись, словно неся на плечах всю тяжесть жизни, от которой отреклась. Она сбежала из Нарабала так быстро, как только смогла, но еще часа два, пока она не свернула на тропку в джунглях и не почувствовала, как спадает напряжение, последние городские окраины маячили позади. Она остановилась у знакомого озера и долго плавала в его прохладной глубине, ей хотелось смыть с себя сами воспоминания о городе, а после, не надевая одежды, а лишь набросив ее на плечи, нагая, направилась через джунгли к хижине.

Глава 4

Висмаан лежал в постели и, кажется, ни разу не шевельнулся, пока ее не было.

— Как тебе, лучше? — поинтересовалась Тесме.— Как ты один справлялся?

— Очень спокойный день. Нога только чуть больше опухла.

— Давай, взгляну.

Она осторожно ощупала ногу. Та казалась слегка одутловатой, и он чуть дернулся, когда Тесме дотронулась до опухоли, что, по-видимому, означало, что боль очень сильная, если верить утверждению Висмаана, что к боли чауроги нечувствительны. Тесме задумалась, возможно, стоило отправить чаурога в Нарабал, но он выглядел необеспокоенным, а она сомневалась, что доктора в городе знают что-нибудь о психологии и анатомии чужаков. Кроме того, она хотела, чтобы он остался здесь. Тесме распаковала лекарства, принесенные из дома, и дала ему противовоспалительное и жаропонижающее, затем приготовила на обед фрукты и овощи. До наступления темноты она успела проверить ловушки на краю лесной поляны и обнаружила в них несколько небольших зверушек — маленького сигимона и пару минтансов. Она привычно свернула им шеи — в самом начале ее отшельничества ей было ужасно тяжело это делать, но ей требовалось мясо, а никто не стал бы убивать за нее и для нее — и разделала тушки. Она приготовила костер, подвесила мясо и вернулась внутрь.

Висмаан забавлялся одним из кубиков, которые она принесла ему, но отложил его в сторону, едва она вошла.

— Ты ничего не рассказала о визите в Нарабал,— заметил он.

— Я была там недолго. Взяла, что нужно, поболтала немного с сестрой и ушла — одно расстройство. Только в джунглях себя хорошо почувствовала.

— Ты ненавидишь город.

— А он того и заслуживает. Эти унылые надоедливые люди, эти безобразные, зажатые со всех сторон маленькие здания... — Она пожала плечами и покачала головой. — Да, сестра говорила, что закладываются какие-то новые города на континенте для иномирян, потому что их много переселяется на юг. В основном, чауроги, и еще какие-то, с серой кожей и...

— Хьорты,— подсказал Висмаан.

— Мне все равно,— отмахнулась Тесме.— Мири говорила, что они любят работать клерками и писцами. По-моему, они устраиваются внутри провинции лишь потому, что никто не хочет допускать их в Тил-Омон или Нарабал.

— Странно, а я никогда не замечал недоброжелательства людей,— заметил чаурог.

— В самом деле? Может быть, просто не обращал внимания? Предрассудков на Маджипуре хватает.

— Мне не совсем понятно. Разумеется, я никогда не бывал в Нарабале и, возможно, у вас строже и иначе. Вот на севере, я убежден, затруднений нет. Ты была на севере?

— Нет.

— Жители Пидруда встретили нас очень радушно.

— Правда? Я слышала, будто чауроги построили себе город где-то к востоку от Пидруда у Большого Раскола. Если в Пидруде у вас все было так хорошо, зачем куда-то переселяться.

— Вместе с нами людям жить не очень-то удобно,— спокойно заметил Висмаан.— Ритм нашей жизни сильно отличается от вашего. Наша привычка спать, например. Да и самим нам жить трудно в городе, который засыпает на восемь часов каждую ночь, когда сами мы бодрствуем. Есть и другие различия. Вот мы и создали Долорн. Я надеюсь, что ты когда-нибудь увидишь его. Он изумительно красив, отстроен целиком из белого камня, сияющего внутренним светом. Мы очень гордимся им.

— Почему же тогда тебе там не понравилось?

— Мясо не сгорит? — осведомился он.

Она покраснела и выскочила наружу, едва успев сорвать обед с вертела. Чуть нахмурясь, она нарезала мясо и подала его вместе с токкой и фляжкой вина, которое принесла днем из Нарабала. Неуклюже поднявшись, Висмаан принялся за еду.

Немного погодя он сказал:

— Я прожил в Долорне несколько лет. Но там очень засушливая местность, а я жил на нашей планете в теплом и сыром краю, как в Нарабале. Вот я и хотел найти плодородную землю. Мои далекие предки были земледельцами, и я подумывал вернуться к их занятию, а когда услышал, что в тропиках Маджипура можно снимать урожай шесть раз в год и имеется много свободной земли, то отправился сюда.

— Один?

— Да, один. У меня нет жены, хотя я и собираюсь завести ее, как только поселюсь здесь.

— И будешь продавать выращенный урожай в Нарабале?

— Да. В моем родном мире едва ли найдется какая-нибудь невозделанная земля, но и то ее едва хватает, чтобы прокормить нас. Большую часть продуктов питания мы ввозим. Поэтому Маджипур так сильно притягивал нас. Эта гигантская планета со столь малочисленным населением большей частью дикая и ждущая развития. Я счастлив здесь. И думаю, ты не права насчет своих соседей-горожан: вы, маджипурцы, сердечный и приветливый народ, учтивый, законопослушный и опрятный.

— Даже так? Хмм... Стоит кому-нибудь пронюхать, что я живу с чаурогом, все будут шокированы.

— Шокированы? Почему?

— Потому что ты чужак. Потому что ты рептилия.

Висмаан издал странный фыркающий звук. Смеялся?

— Мы не рептилии. Мы теплокровные, как и вы, растим детей.

— Ну, как рептилии.

— Внешне, пожалуй. Но я настаиваю, что близок к млекопитающим.

— Близок?

— Только мы откладываем яйца. Но ведь есть и млекопитающие, поступающие так же. Вы ошибаетесь, считая...

— Это несущественно. Люди воспринимают вас как рептилий, а человек издревле не терпел змей. Боюсь, из-за этого всегда будут недоразумения между нами и вами. Это идет еще с давних времен на Старой Земле. Кроме того... — Она спохватилась, что чуть было не ляпнула о его запахе. — Кроме того, — повторила она неуклюже, — вы немного пугаете.

— Неужели больше, чем огромные лохматые сканда-ры? Или су-сухирисы с двумя головами? — Висмаан повернулся к Тесме и уставился на нее глазами без век. — Я думал, ты скажешь, что тебе самой неудобно с чаурогом, Тесме.

— Нет.

— Предубеждений, о которых ты говоришь, я никогда не замечал. И вообще, впервые слышу о них. Мне лучше уйти, потому что я тебя расстраиваю.

— Нет-нет, ты совершенно неправильно меня понял. Я хочу, чтобы ты остался здесь. Я хочу помочь тебе. Я совершенно не боюсь тебя, и ни к чему в тебе не отношусь с предубеждением. Я только пытаюсь объяснить тебе, что почувствуют люди в Нарабале, то есть, это я полагаю, что

они могут почувствовать, и... — Она сделала долгий глоток из фляжки. — Я не знаю, как нам справиться со всем этим. Извини. Лучше поболтаем о чем-нибудь другом.

— Конечно.

Но она заподозрила, что обидела его, по меньшей мере, расстроила. Несмотря на холодную отчужденность иномирянина, он, казалось, был очень проницателен, и может быть, он был прав, может быть, наружу прорвалось ее собственное предубеждение, ее собственные предрассудки. Вполне понятно, подумала она, что запутавшись в отношениях с людьми, она просто не способна больше заботиться о ком-либо, о человеке или о чужаке, и поэтому многочисленными мелочами показывает Висмаану, что ее гостеприимство просто прихоть, неестественная и почти вынужденная, таящая в себе недовольство его присутствием здесь. Но так ли это? Она все меньше и меньше понимала себя, словно взрослела. И тем не менее, правдой было то, что она не хотела, чтобы он чувствовал себя здесь незваным гостем. И решила в будущем показать, что заботится о нем искренне.

Этой ночью она спала лучше, чем предыдущей, хотя все еще не привыкла спать в куче листьев пузырчатого кустарника на полу в присутствии постороннего, и каждые несколько часов она просыпалась и всматривалась сквозь темноту в чаурога, и каждый раз видела его, занятого развлекательными кубиками. Он не замечал ее. Она пыталась представить, каково это — спать один раз в три месяца, а оставшееся время бодрствовать. Она подумала, что это самое чуждое в нем. А еще думала о том, как это тяжело, лежать часами, не в состоянии ни встать, ни уснуть, чтобы забыться от боли, и заниматься чем угодно, лишь бы отвлечься, лишь бы убить время — что может быть более мучительным? И тем не менее, его настроение не менялось, оставалось таким же спокойным, мирным, бесстрастным. Неужели таковы все чауроги? Неужели они никогда не пьянеют, не ссорятся, не бранятся на улицах, не ругаются с женами? Но ведь они не люди, напомнила она себе.

Глава 5

Утром она мыла чаурога до тех пор, пока его чешуя не заблестела, затем поменяла постель. Накормив его, она провела день, как обычно. Но блуждая в джунглях, она чувствовала себя виноватой за то, что, пока она

бродит по лесу, он лежит неподвижно в хижине и гадает, когда она вернется и расскажет ему что-нибудь или просто втянет в разговор и развеет скуку. Но в то же время она понимала, что если будет непрерывно торчать у его постели, то они быстро исчерпают все темы и начнут действовать друг другу на нервы, пока же у него есть с десяток развлекательных кубиков, которые помогут отвлечься. И, возможно, он предпочитает большую часть времени проводить в одиночестве. И уж во всяком случае, одиночество нужно ей самой, теперь даже больше, раз она делит хижину с чужаком, и потому она отправилась на длительную прогулку, собирая заодно для обеда ягоды и коренья. К полудню пошел дождь, и она присела под деревом-врамма, чьи широкие листья хорошо укрывали от струй. Она прикрыла глаза и постаралась ни о чем не думать: ни о страхах, ни о хлопотах, ни о воспоминаниях, ни о чауроге, ни о семье, ни о бывших любовниках, ни о своем невезении, ни об одиночестве. Мир и покой наконец воцарились в ее душе.

Последующие дни она привыкала к чужаку. Он оказался неприхотливым и нетребовательным, развлекался кубиками и стоически переносил неподвижность. Он редко спрашивал о чем-либо или сам заводил разговор, но всегда дружелюбно отвечал на ее расспросы и охотно рассказывал о своем родном мире — убогом и страшно перенаселенном — и о своей жизни там, о своих мечтах обосноваться на Маджипуре и о волнении, когда впервые увидел эту прекрасную, усыновившую его планету. Тесме пыталась представить его волнение однажды: может быть, его волосы поднялись дыбом, вместо того, чтобы медленно закручиваться в завитушки, или его эмоции выражаются изменением запаха?

На четвертые сутки он впервые поднялся. С ее помощью он выпрямился и, опираясь на ее плечо и здоровую ногу, осторожно попробовал коснуться больной ногой пола. Она внезапно почувствовала, как изменился его запах, став более резким — нечто вроде человеческой дрожи,— и уверилась в том, что именно так чауроги выражают свои эмоции.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила она.— Слабость?

— Нога не выдерживает моей тяжести. Но излечение идет хорошо. Еще несколько дней, я думаю, и я смогу встать. Пойдем, помоги мне немного пройтись, а то у меня тело ослабло от долгого ничегонеделанья.

Он оперся на нее, и они вышли наружу, где он начал медленно прохаживаться взад и вперед, осторожно прихрамывая. Эта недолгая прогулка, кажется, освежила его. Тесме с удивлением осознала, что ее опечалил этот первый признак выздоровления, поскольку он означал, что скоро — через неделю или две — он достаточно окрепнет, чтобы уйти, а она не хотела этого. *Она не хочет, чтобы он уходил!* Это внезапное понимание было настолько странным, что изумило ее до глубины души. Снова жить отшельницей, с наслаждением спать в своей постели и бродить по лесу, не заботясь ни о каких гостях, делать, что вздумается, избавиться от раздражающего присутствия чаурога — и тем не менее, тем не менее, тем не менее, она чувствовала подавленность и беспокойство при мысли, что он скоро покинет ее. Как странно, думала она, как необычно и как непохоже на меня!

Теперь они гуляли несколько раз в день. Он все еще не мог наступать на сломанную ногу, но с каждым разом двигался все легче. Наконец он объявил, что опухоль спала и кость явно срослась как следует. Он начал заводить разговор о ферме, которую хотел основать, о видах на урожай, о расчистке джунглей.

Однажды днем в конце первой недели Тесме, возвращаясь из экспедиции по сбору климботосов с луга, где она впервые наткнулась на чаурога, остановилась проверить ловушки. Большинство оказались пустыми или с обычными мелкими зверушками, но в одной (в кустарнике за водоемом) что-то неистово колотилось, и когда она подошла, то увидела, что поймала билантона — самое большое животное, когда-либо попадавшее в ее западню. Билантоны водились по всему западному Зимролу — изящные, быстрые, небольшие животные с острыми копытами и хрупкими ножками. Но здесь у Нарабала, они были просто гигантскими, вдвое больше утонченных северных сородичей. Здешние билантоны доставали до запястья человека и ценились за нежное и ароматное мясо. Первым побуждением Тесме было выпустить прелестное создание: слишком большим оно казалось, слишком красивым, чтобы его убивать. Она научилась резать мелких животных, придерживая их одной рукой, но тут было совсем другое. Большое животное, выглядевшее чуть ли не разумным, благородным, несомненно, ценившим свою жизнь, поджидавшее, возможно, подругу. Тесме сказала себе, что она дура. И дрелси, и минтансы, и сигимоны так же стремились жить, как рвется сейчас жить этот билантон, а она убивала

их, не колеблясь. Она понимала, что не стоит одухотворять животных. В своей цивилизованной жизни она охотно и с удовольствием ела их мясо, если убивала другая рука. И уж тем более, ей нет дела до осиротевшей подруги билантона.

Подойдя поближе, она поняла, что билантон в панике сломал одну из крупных ног, и на мгновение у нее мелькнула мысль наложить ему шину и оставить у себя как любимца. Но это было бы еще более нелепо. Она просто не состоянии усыновлять каждую увечную тварь из джунглей. Чтобы наложить шину, ей необходимо осмотреть ногу, а билантон вряд ли будет вести себя спокойно, и если даже ей удастся каким-то чудом справиться с ним, он сбежит при первом же удобном случае. Глубоко вздохнув, она подошла сзади к бившемуся животному, схватила его за нежную морду и свернула длинную грациозную шею.

Разделка туши оказалась делом более тяжелым и кровавым, чем она ожидала. Она ожесточенно кромсала и резала, как ей показалось, несколько часов, до тех пор пока Висмаан не окликнул ее из хижины, спрашивая, чем она занята.

— Готовлю обед,— отозвалась она.— Сюрприз. Будет большое угощение. Жаркое из билантона.

Она тихонечко хихикнула, подумав, что это прозвучало, как у доброй жены, когда та готовила филе, а муж лежал в постели, ожидая обеда.

В конце концов неприятная работа была сделана. Она поставила мясо коптиться на медленном дымном огне, а сама отправилась мыться, набирать токку и корни гамбы, затем она открыла фляжки с вином, которые принесла из Нарабала. Обед был готов с приходом темноты, и Тесме чувствовала гордость за содеянное.

Она ожидала, что Висмаан набросится на еду без комментариев в своей обычной флегматичной манере, но нет: она впервые заметила оживление в его лице, какие-то новые искорки в глазах, да и язык мелькал как-то по-другому. Она решила, что теперь лучше разбирается в его чувствах. Он с воодушевлением грыз мясо, похваливал вкус и мягкость, и просил еще и еще. Каждый раз, подавая ему, она накладывала и себе, пока не пресытилась.

— К мясу очень хороша токка,— заметила Тесме, кладя сине-белые ягоды в рот.

— Да, очень приятно,— спокойно подтвердил он.

Наконец она больше не могла не только есть, но даже и просто смотреть на еду. Она положила остатки так, чтобы они были доступны для его протянутой руки, допила последний глоток вина и, вздрогнув, засмеялась, когда несколько капель пролились на подбородок и груди. Потом она вытянулась на листьях. Голова у нее кружилась. Она лежала лицом вниз, поглаживая пол и слушая все продолжавшееся чавканье. Наконец чаурог тоже насытился, и все стихло. Тесме ждала, но сон не приходил. Голова кружилась все сильнее и сильнее до тех пор, пока ей не начало казаться, будто ее швыряет по какой-то ужасной центробежной дуге на стену хижины. Кожа горела, соски грудей набухли и воспалились.

Я слишком много выпила, подумала она, и съела слишком много токки, по меньшей мере, ягод десять. Яростный сок кипел теперь в ней.

Она не желала спать одна, скорчившись на полу.

С преувеличенной осторожностью Тесме встала на колени, замерла на мгновение, и медленно поползла к кровати. Она до боли всматривалась в чаурога, но в глазах туманилось, и она различала лишь общие его очертания.

— Ты спишь? — прошептала она.

— Ты ведь знаешь, что я не буду спать.

— Конечно, конечно. Я как-то отупела.

— Тебе плохо, Тесме?

— Плохо? Нет, не очень. Ничего особенного, разве что... как бы это... — Она колебалась. — Я пьяна, понимаешь? Понимаешь, что значит быть пьяным?

— Да.

— Мне не нравится на полу. Можно, я лягу с тобой?

— Если хочешь.

— Я буду очень осторожна. Я не хочу задевать твою больную ногу. Покажи, какая.

— Она почти зажила, Тесме, не беспокойся. Ложись здесь.

Она почувствовала, как его рука взяла ее за запястье и потянула вверх. Она поднялась и легла рядом на бок, чувствуя чешуйчатую кожу от груди до бедра, такую прохладную и такую гладкую. Она несмело потерла рукой его тело. Как отлично выделанная кожа для чемодана, подумала она, надавив пальцами и ощущая могучие мускулы под жестким покровом. Запах его изменился, стал резким, пронизывающим.

— Мне нравится твой запах, — пробормотала она.

Она уткнулась лбом в его грудь и плотно прижалась к нему. Много месяцев, почти год, она не была ни с кем в постели, и было хорошо чувствовать так близко чужое тело. «Даже чаурога,— подумала она,— даже чаурога.» Просто прикоснуться к кому-нибудь, почувствовать близость. Это так хорошо — чувствовать.

Он дотронулся до нее.

Она не ожидала этого. Все их отношения складывались так, что она заботилась о нем, а он покорно принимал ее услуги. Но внезапно его рука — прохладная, жесткая, чешуйчатая, гладкая — прошлась по ее телу. Легко скользнула по груди, проследовала ниже, задержалась на бедрах. Что это было? Неужели Висмаан решил заняться с ней любовью? Она подумала о его теле, лишенном мужских органов. Он продолжал гладить ее. «Это очень непонятно,— подумала она,— и сверхъестественно. Даже для Тесме. Совершенно необъяснимо,— сказала она себе.— Он не человек, а я...

А я очень одинока.

И очень пьяна.»

Она надеялась, что он будет лишь гладить ее. Но вдруг одна его рука скользнула вокруг ее плеч и легко и нежно приподняла ее, перекатила на себя, и бережно опустила, и она почувствовала бедрами несомненно выступающую твердую плоть мужчины. Что? Неужели его пенис таился где-то в чешуе, и он выпустил его, когда подошло время? И он...

Да.

Он, казалось, знал, что нужно делать. Пусть он чужак, при первой встрече с которым она не могла определить, мужчина он или женщина, но он явно понимал теорию любовных игр людей. На мгновение, когда она почувствовала, как его пенис входит в нее, ее поглотили ужас и отвращение, страх, что он повредит ей или причинит боль, и где-то в глубине сознания билась мысль, что это карикатурно и чудовищно, это совокупление женщины с чаурогом, то, чего никогда не случалось за всю историю вселенной. Ей отчаянно захотелось вырваться и убежать в ночь. Но она была слишком пьяна, слишком кружилась голова, а потом она осознала, что он вовсе не повредил ей, и что пенис его скользит внутрь и наружу, как какой-то размеренный часовой механизм, а ее лоно трепещет от затопившего его наслаждения, заставляя ее дрожать и всхлипывать, наваливаясь на его гладкий, жесткий...

Она пронзительно закричала в момент оргазма, а после лежала, свернувшись, на его груди, трепеща, немного

хныкая и мало-помалу успокаиваясь. Теперь она протрезвела. Она понимала, что сделала, и это изумило ее, даже больше, чем изумило. Знали бы в Нарабале! Чаурог — любовник! И наслаждение было таким сильным! Но вот получил ли он какое-нибудь удовольствие? Она не посмела спросить. Как узнать, бывает ли у чаурогов оргазм? Есть ли вообще у них такое понятие? Ей захотелось узнать, занимался ли он и раньше любовью с женщинами, и она снова не посмела спросить. Он был не очень искусен, но определенно более ловок, чем некоторые из тех мужчин, которых она знала. Экспериментировал ли он с ней, или просто его чистый ясный разум вычислил анатомические потребности, она не знала, и сомневалась, что когда-нибудь узнает.

Он ничего не сказал. Она прижалась к нему и вплыла в беззвучный тихий сон, каким не спала уже неделю.

Глава 6

Утром она чувствовала себя необычно, но не раскаивалась. Они не говорили о том, что произошло между ними ночью. Он играл кубиками, она на рассвете ушла поплавать, вымыть похмелье из головы, затем убрала остатки вчерашнего пиршества, приготовила завтрак, а после отправилась в длительную прогулку на север к небольшой мшистой пещере, где просидела большую часть утра, вспоминая плоть прижатого к ней тела, прикосновение его рук к ее бедрам, бешеную дрожь сотрясавшего ее экстаза. Она не могла сказать, что находит его привлекательным,— раздвоенный язык, волосы, как живые змеи, чешуя по всему телу — нет, нет, случившееся прошлой ночью не имеет ничего общего с его физической привлекательностью, подумала Тесме. Но тогда почему это случилось? Вино и токка, сказала она себе. И одиночество, и готовность восстать против общепринятых ценностей горожан Нарабала. Отдаться чаургу, поняла она,— лучший способ бросить вызов всему тому, во что верят эти люди. Но с другой стороны, подобный поступок теряет смысл, если о нем не узнают. И она решила взять Висмаана с собой в Нарабал, как только он сможет вынести дорогу.

После случившегося они делили постель каждую ночь. Поступать иначе казалось нелепо. Но ни на вторую ночь, ни на третью, ни на четвертую они не занимались любовью.

Они лежали рядом, не касаясь друг друга, и не разговаривали. Тесме готова была отдаться, если бы он потянулся к ней, но он не делал этого, а сама она предпочитала не навязываться.

Молчание между ними становилось все тягостнее, но она боялась нарушить его, опасаясь услышать то, чего не хотела слышать: что ему не по вкусу их любовные игры, или что он смотрит на свершившееся совокупление, как на непристойное и неестественное, которое позволил он себе только один раз и только потому, что она оказалась слишком настойчивой, или что он понимает, что по-настоящему она не испытывает к нему страсти, а просто воспользовалась им, дабы дойти до конца в своей непрекращающейся войне против всяких условностей.

К концу недели, измучившись накапливавшимся беспокойством и напряжением и страдая от невысказанной неопределенности, Тесме рискнула прижаться к нему, когда легла вечером в постель, позаботившись, чтобы это выглядело, как случайность, и он с готовностью легко обнял ее, не колеблясь приняв в свои объятия. Потом они одни ночи занимались любовью, другие — нет, но всегда это происходило случайно и ненамеренно, почти обыденно, как-то непроизвольно, после чего она засыпала. Каждый раз, отдаваясь, она получала огромное наслаждение. Чуждость его тела она вскоре перестала замечать.

Теперь он уже ходил без помощи и упражнялся каждый день. Сначала с ее помощью, затем самостоятельно, он обследовал краешек джунглей, поначалу передвигаясь осторожно и с опаской, но вскоре шагал уже свободно, лишь слегка прихрамывая. Купания, кажется, способствовали выздоровлению, и он часами плескался в маленьком пруду, досаждая громварку, жившему у берега в грязной норке,— эта старая тварь украдкой выбиралась из своего местечка и разваливалась у воды, подобно выпотрошенному, промокшему и покрытому грязью мешку с колючками. Он мрачно глядел на чаурога и не возвращался в воду, пока тот купался.

Тесме утешала его нежными зелеными ростками, которые выдергивала в ручье и до которых громварку было не добраться на своих маленьких лапках.

— Когда же ты покажешь мне Нарабал? — спросил однажды Висмаан дождливым вечером.

— Могу завтра,— ответила она.

Ночью она чувствовала необычное возбуждение и настойчиво прижималась к нему, желая отдаться.

Они вышли в путь с первыми проблесками дождливого рассвета, уступившего скоро яркому сиянию солнца.

Тесме шла осторожно, не спеша, и хотя казалось, что чаурог вполне выздоровел, она все равно двигалась медленно и Висмаану было не трудно держаться за ней. Она заметила, что без удержу болтает, называя ему каждое дерево или животное, на какое они натыкались, рассказывая что-то из истории Нарабала, потом о своих братьях и сестрах и о знакомых в городе. Ей страстно хотелось пройтись перед ними с Висмааном — глядите, мой любовник — инородец! Я сплю с чаурогом! И когда они подошли к окраинам, она принялась внимательно оглядываться, надеясь увидеть знакомых, но едва ли можно было встретить кого-либо на окраинных фермах, а местных она не знала.

— Видишь, как на нас уставились? — шепнула она Висмаану, когда они очутились в более населенных кварталах.— Они тебя боятся, считают Предтечей некоего нашествия, и гадают, что я с тобой делаю и почему так любезна.

— Я ничего такого не вижу,— сказал Висмаан.— Они проявляют любопытство, да. Но я не замечаю ни страха, ни враждебности. Может быть, потому, что я плохо разбираюсь в мимике человеческих лиц? Правда, я считал, что узнал людей вполне достаточно, чтобы разобраться.

— Подожди и увидишь,— обнадежила Тесме. Она не хотела признаться себе, что могла немного преувеличивать, даже более, чем немного.

Они находились уже почти в центре Нарабала, и кое-кто глазел на чаурога с удивлением и любопытством, да, но почти сразу же отводил пристальный взгляд, а остальные просто улыбались и кивали, как будто идущее по улице существо из иного мира для них — самая обыденная вещь. Действительно, враждебности она не заметила никакой, и это ее разозлило. Мягкая приветливость людей, этих вежливых, дружелюбных людей, была вовсе не тем, чего она ожидала. Даже когда они наконец повстречали знакомых — Канидора, закадычного приятеля ее старшего брата, эннимонта Сиброу, державшего маленькую гостиницу в порту, и женщину из цветочной лавки,— те выказали такое же радушие, как и все прочие, даже когда Тесме сказала:

— Это Висмаан, он живет у меня последнее время.

Канидор улыбнулся, словно всегда знал Тесме, как содержательницу гостиниц для чужаков, и завел разговор

о новых городах для чаурогов и хьортов, которые планировал для застройки муж Мирифейн.

Владелец гостиницы протянул ладонь и общительно тряхнул руку Висмаана, пригласив отведать вина к себе домой, а цветочница все твердила:

— Как интересно, как интересно, мы надеемся, что вам понравится наш небольшой городок.

Тесме вдруг почувствовала снисходительность к их жизнерадостности, словно они набрались от нее дикости и теперь принимают и соглашаются с ней во всем без опасений, без удивления, без комментариев. Возможно, они просто неверно истолковали суть ее отношений с чаурогом и думают, будто он просто поселился у нее. Интересно, возникнут ли у них чувства, которых она ждет, если она прямо выложит, что они любовники? Что лоно ее принимало его пенис? И что они сотворили то, что было невозможно между человеком и чужаком?

Скорее всего, нет. Вероятно, даже если они с чаурогом лягут и совокупятся на Площади Понтификса, то и это не расшевелит город, хмуро подумала Тесме.

Понравился ли город Висмаану? Ей трудно было определить его реакцию. Они поднимались по одним улицам, спускались по другим, миновали строившуюся площадь, лавку портного, проходили вдоль маленьких кривобоких домишек, утопавших в садах.

Тесме ощущала разочарование и неодобрение в его молчании, и, несмотря на всю свою неприязнь к Нарабалу, ей захотелось защитить его. Несмотря ни на что, это было новое поселение, одинокий форпост в глухом закоулке второразрядного континента, насчитывающего всего несколько поколений.

— О чем ты думаешь? — спросила она наконец.— Нарабал не производит на тебя впечатления?

— Ты же предупреждала, чтобы я не ждал слишком многого.

— Тут даже более уныло, чем я тебе обещала?

— Нет, просто он кажется маленьким и недоработанным,— сказал Висмаан.— Он таким смотрится после Пидруда, и...

— Пидруду уже тысячи лет!

— ...Долорна,— закончил он.— Долорн удивительно прекрасен даже сейчас, когда только начал строиться. Но, разумеется, белый камень, который там используют...

— Да,— согласилась Тесме,— Нарабал тоже планировали построить из камня, поскольку тут слишком влаж-

ный климат и дерево гниет, только пока еще ничего не сделали. Когда вырастет население, можно будет устроить каменоломню в горах и уж тогда создать что-нибудь прекрасное по-настоящему. И вот лет через пятьдесят-сто, хорошенько потрудившись, и то, если у нас будут работать те гиганты-чужаки...

— Скандары,— подсказал Висмаан.

— Да, скандары. Послал бы нам Венценосец тысяч десять скандаров...

— Тела скандаров покрыты густой шерстью, им будет тяжело в здешнем климате, но, несомненно, они поселятся здесь, как и су-сухирисы и многие из влажной страны чаурогов, вроде меня. Со стороны вашего правителя очень смелый шаг — впустить к себе иномирян в таком количестве.

— Другие планеты не такие большие,— отмахнулась Тесме.— Я как-то слышала, что, невзирая даже на все наши колоссальные океаны, земли на Маджипуре в три или в четыре раза больше, чем в любом населенном мире. Или что-то вроде того. Мы счастливы обладать столь большой планетой, где, однако, нормальная гравитация, так что здесь могут жить и люди, и гуманоиды. Естественно, мы платим за это высокую цену тем, что почти не имеем тут тяжелых элементов, но зато... О, привет! — тон ее резко изменился, голос чуть дрогнул. Стройный, очень высокий молодой человек со светлыми волосами столкнулся с ней, появившись из банка на углу, и стоял теперь, глядя на нее, разинув рот.

Это был Раскелорн Юлван, любовник Тесме последние четыре месяца ее жизни в городе, непосредственный виновник ее бегства в джунгли. Меньше всего она хотела встретить в Нарабале именно его, но уж столкнувшись с ним лицом к лицу, она, после секундного замешательства, сказала, беря инициативу в свои руки:

— Ты хорошо выглядишь, Раскелорн.

— И ты. Жизнь в джунглях тебе на пользу.

— На пользу. Это счастливейшие месяцы в моей жизни. Раскелорн, это мой друг Висмаан, он жил со мной несколько последних недель. С ним произошло несчастье, когда он подыскивал землю для фермы неподалеку отсюда, он сломал ногу, упав с дерева, а я на него наткнулась.

— Представляю,— спокойно сказал Раскелорн.— На мой взгляд, он находился в превосходных условиях.— Он повернулся к чаурогу.— Рад с вами встретиться,— сказал он так, будто был действительно рад.

Тесме сказала:

— Он из Пидруда, климат там мало похож на наш. Говорит, что у нас в тропиках скоро поселится много его соплеменников.

— Я тоже слышал,— с усмешкой кивнул Раскелорн и добавил: — Земля у нас удивительно плодородная. Посеешь семена перед завтраком, а к ночи уже получишь вино. Так уверяют все, так что это, должно быть, правда.

Легкость и непринужденность его речи взбесили ее. Разве он не понимает, что эта чешуйчатая змея, этот иномирянин, этот чаурог занял его место в ее постели? Или он не ревнив, или просто не понимает сложившейся ситуации? Отчаянно напрягаясь, она попыталась передать правду бывшему любовнику, мысленно представляя себя в объятиях чужака, показывая, как его руки мнут ее груди и бедра, как мелькает его небольшой алый раздвоенный язык по ее закрытым глазам, ее соскам, ее лону. Но это было бесполезно. Раскелорн мог читать в мыслях не больше ее. «Он мой любовник,— думала Тесме,— он обладает мною, меня все время тянет к нему, и я не могу дождаться возвращения в джунгли, чтобы оказаться с ним в постели». Но все это время Раскелорн стоял, улыбаясь, и вежливо болтал с чаурогом, обсуждая возможности выращивания ниука, глейны и сангги в здешних краях и посев семян в болотистых районах, и лишь после долгого перерыва перевел взгляд на Тесме и осведомился — так безмятежно, словно интересовался, какой нынче день недели,— намерена ли она жить в джунглях и дальше.

Она со злостью посмотрела на него:

— Хочешь знать, почему я предпочитаю жить в джунглях?

— Удивляюсь, как ты обходишься без элементарных удобств.

— Зато я никогда не была так счастлива.

— Хорошо, я рад за тебя, Тесме.— Еще одна вежливая улыбка.— Приятно было повидаться с вами. До новой встречи,— попрощался он с чаурогом и ушел.

Тесме сжигала ярость: он не заметил, равнодушно не заметил, что она отдается чаурогу. Ему безразлично, отдается ли она чаурогу, скандару или громварку в пруду! Она хотела оскорбить его или, по крайней мере, шокировать, а он был лишь просто вежлив. Вежлив! Должно быть, он, как и все остальные, обманывался насчет их настоящих взаимоотношений с Висмааном. Для них, наверное, просто непостижимо, что женщина готова пред-

ложить свое тело рептилии-иномирянину, и они не то что не думали, даже мысли об этом не допускали...

— Ну как, насмотрелся на Нарабал? — спросила она.

— Вполне. Здесь нечего смотреть.

— Как твоя нога? Дойдем обратно?

— Разве тебе ничего не нужно сделать в городе?

— Ничего,— ответила она.— Я хочу уйти.

— Тогда пойдем,— кивнул чаурог.

Все же нога, казалось, доставляла ему какое-то беспокойство — мышцы, видимо, сводило судорогой, что делало пешую прогулку затруднительной для любого, но он не жаловался и следовал за ней по тропинке в джунглях. Время было не самое удачное, солнце висело почти прямо над головой, и тяжелый влажный воздух давил на плечи — первый признак скапливающихся туч, которые вскоре после полудня разрядятся дождем.

Они шли медленно, часто останавливаясь, хотя ни разу он не признался, что устал. Уставала сама Тесме и останавливалась, заявляя, что хочет показать ему то геологическое напластование, то необычное дерево, то еще что-нибудь.

Происшедшее в Нарабале было для нее катастрофой. Надменный, вызывающий, непослушный, презрительный Нарабал. Она привела в город своего любовника-чаурога, желая гордо покрасоваться перед случайными жителями, а они не обратили на них никакого внимания. Неужто они отупели настолько, что не в состоянии угадать правду? Или намеренно смотрели на нее сквозь пальцы, решив не доставлять ей удовольствия? И какую нетерпимость она видела раньше в горожанах Нарабала? Почему она считала, будто они боятся соседства чужаков? Все были так очаровательно приветливы с Висмааном, так дружелюбны. Возможно, мрачно думала Тесме, предубеждения существуют только в ее воображении и она неверно истолковывает замечания других людей? В таком случае отдаваться чаургу было глупостью. Это сработало впустую и не достигло цели в той личной войне, которую она вела против своих сограждан. Просто необычный, нелепый и непреднамеренный случай.

Ни она, ни чаурог не разговаривали во время долгого, длинного, медленного и неудобного возвращения в джунгли.

Когда они добрались до хижины, он сразу вошел внутрь, а она торопливо выкупалась, проверила ловушки, нарвала ягод, затем взяла вещи и тут же бросила, забыв, что хотела с ними сделать.

Наконец она вошла в хижину и сказала:

— Я думаю, тебе лучше уйти отсюда.

— Хорошо,— кивнул он.— Сейчас?

— Скоро стемнеет. А ты уже отшагал нынче много миль.

— Я не хочу беспокоить тебя. Я пойду сейчас.

Даже теперь она была не в состоянии прочесть его чувства. Удивлен? Обижен? Зол? Она не могла понять. Он не попрощался, просто повернулся и ровным шагом направился в джунгли.

Тесме провожала его взглядом, в горле у нее пересохло, сердце колотилось, пока он не исчез за низко висящими лианами; она еле сдержалась, чтобы не кинуться следом. Но он ушел, и скоро спустилась тропическая ночь.

Она тщательно приготовила себе обед, но ела мало, представляя, как он сидит в темноте, дожидаясь утра. Они даже не попрощались. А ведь она могла бы немного пошутить, посоветовав ему держаться подальше от высоких деревьев, или он мог бы поблагодарить ее за все, что она для него сделала, но вместо этого она просто выгнала его, а он спокойно ушел. «Он чужой,— подумала она,— и пути его чужды ей. И все же, когда они были вместе в постели и он дотрагивался до нее и втягивал ее тело на себя...»

Ночь тянулась бесконечная и длинная. Она лежала, сжавшись на постели, которую они так недавно делили вдвоем, слушая бормотание ночного дождя, стучавшего по широким синим листьям, заменившим хижине крышу, и впервые с тех пор, как она очутилась в джунглях, почувствовала боль одиночества.

До этой минуты она не подозревала, как много значила для нее причудливая пародия на семейную жизнь, которую они разыгрывали здесь с чаурогом и которая теперь кончилась, она снова была одна и даже более одинока, чем прежде. А он был где-то снаружи и сидел в темноте, без сна, не укрытый от дождя.

Я влюбилась в чужака, сказала она себе с удивлением. Я влюбилась в чешуйчатую тварь, не сказавшую мне ни одного нежного слова, не задававшую никаких вопросов и ушедшую, не сказав ни слова — ни спасибо, ни до свидания. Она лежала, бодрствуя, несколько часов. Напряженное тело ныло от долгой дневной ходьбы. Она подтянула колени к груди и долго лежала так, а затем просунула руку между бедер и возбуждала себя до

тех пор, пока не наступил миг оргазма; она задохнулась, издав чуть слышный стон, и погрузилась в сон.

Глава 7

Утром она проснулась, проверила ловушки и собрала завтрак, а потом бродила по всем знакомым тропам возле хижины. Никаких признаков, указывавших на присутствие чаурога, она не заметила.

К середине дня ее настроение немного улучшилось, а в полдень она уже снова радовалась жизни, но к наступлению ночи, когда подошло время обедать в одиночестве, она ощутила, как вновь подступает хандра. Но она терпела. Она поиграла немного кубиками, которые принесла для него из дому, и в конце концов уснула, а следующий день прошел уже лучше, и следующий тоже.

И так шли дни...

Постепенно жизнь Тесме возвращалась в свое русло. Больше она не встречала чаурога, и он стал мало-помалу ускользать из ее сознания. Дни шли, складывались в недели одиночества, вновь даря радость отшельничества, или это ей казалось? Но иной раз ее пронизывали резкие и болезненные воспоминания о нем при виде билантона в зарослях, или обломанной ветки, или громварка, сидящего у воды, и тогда она понимала, что все еще тоскует по нему. Она бродила по джунглям, описывая все расширяющиеся круги вокруг хижины, не вполне понимая зачем, пока, наконец, не призналась себе, что ищет его.

Она искала его больше трех месяцев.

Однажды она заметила признаки поселения на юго-востоке: две или три расчищенные вершины холмов, виднеющиеся вдали, и направилась прямо в ту сторону, перебравшись через большую, не известную ей раньше реку, где за чащей болотных деревьев оказалась недавно основанная ферма.

Притаившись на краю поля, Тесме увидела чаурога — это был Висмаан, она была уверенна в этом,— удобрявшего поле богатым черным перегноем. Страх вдруг сжал душу, заставив задрожать. А если это другой чаурог? Нет-нет, она была убеждена, что это он. Она даже убедила себя, будто замечает небольшую хромоту. Она быстро пригнулась, опасаясь показаться ему. Что она скажет? Почему забралась так далеко в его поисках, после того как прогнала его? Она двинулась к зарослям кустарника

и совсем было скрылась в них, но потом собралась с духом и окликнула его по имени.

Он замер и огляделся вокруг.

— Висмаан? Я здесь, это я — Тесме.

Щеки ее пылали, сердце бешено стучало. На одно мрачное мгновение она решила, что это чужак, незнакомый чаурог, и извинения были уже готовы сорваться с ее губ. Но стоило ему шагнуть к ней, как она поняла, что не ошиблась.

— Я заметила расчищенную долину и подумала, что это, должно быть, твоя ферма,— сказала она, выходя из-под свешивающихся до самой земли ветвей.— Ну как ты живешь?

— Отлично. А ты?

Она передернула плечами.

— Как обычно. Но ты тут сотворил удивительное... Всего несколько месяцев, а смотри сколько сделано!

— Да,— кивнул он,— мы здорово потрудились.

— Мы?

— Мы, с подругой. Идем, я вас познакомлю и покажу тебе, чего мы достигли.

Его спокойные слова околдовали ее. Возможно, он хотел скрыть за ними негодование или обиду за то, что она выгнала его? Возможно, он мстил так, обуздывая свою злость? Но скорее всего, подумала она, он не испытывает обиды и не собирается мстить. И взгляд его на все происшедшее между ними, вероятно, совсем не такой, как у нее. «Не забывай, нельзя забывать, что он чужак»,— сказала она себе.

Она поднялась за ним по невысокому склону, перепрыгнув через дренажную канаву, обошла небольшое поле, явно недавно засеянное.

На вершине холма, полускрытый буйно разросшимся огородом, стоял дом из обтесанных бревен сиджайла, не очень-то отличавшийся от ее хижины, но побольше и как-то более угловатый. Отсюда было видно всю ферму, занимавшую три невысоких холма. Тесме поразилась, как много он успел — казалось невозможным расчистить все это, поставить дом, подготовить поле к посеву и даже начать сеять — и все за несколько месяцев. Она помнила, что чауроги не спят, но разве им не требуется отдых?

— Турном! — позвал Висмаан.— У нас гостья, Турном.

Тесме заставила себя оставаться спокойной. Лишь теперь она поняла, что пришла взглянуть на чаурога потому, что больше не хотела жить одна, потому, что

где-то в глубине ее таилось полуосознанное желание помочь ему устроить ферму и разделить с ним жизнь так же, как делила постель, связать себя с ним по-настоящему. На мгновение она даже представила себя вдвоем с ним где-нибудь на празднике в Долорне, на встрече с его соплеменниками. Все это глупо, она понимала, но с упорным безумием верила в такую возможность до тех пор, пока он не сказал про свою подругу. Теперь она с трудом заставляла себя держаться спокойно и приветливо.

Из дома вышел чаурог, почти такой же высокий, как Висмаан, с такими же блестящими чешуйками и змеящимися волосами. Между ними было только одно различие, но существенное: второго чаурога украшали свисающие цилиндрические груди, с десяток или больше, каждая с темно-зеленым соском.

Тесме вздрогнула. Висмаан говорил ей, что чауроги млекопитающие, и доказательство было налицо, хотя, на ее взгляд, груди не столько подчеркивали принадлежность чаурогов к млекопитающим, сколько придавали им вид таинственного и непостижимого гибрида. С глубокой неловкостью Тесме смотрела то на одного, то на другого чужака.

— Это та женщина, о которой я рассказывал тебе,— сказал Висмаан.— Она нашла меня, когда я сломал ногу. Тесме, это моя подруга Турном.

— Добро пожаловать,— торжественно объявила женщина-чаурог.

Тесме пробормотала что-то о работе, которой им следовало заняться на ферме. Она хотела сейчас лишь одного — бежать, но у нее не было такой возможности: она зашла навестить соседей по джунглям и те хотели показать ей все подробно.

Висмаан пригласил ее зайти в дом. А что дальше? Чашка чаю, стакан вина, немного токки и жареный минтанс? Вряд ли внутри дома есть что-нибудь, кроме стола и немногочисленной посуды.

Войдя, Тесме поняла, что не ошиблась, только в дальнем углу на трехногом табурете стоял еще любопытный плетеный ящик с высокими стенками. Взглянув на него, Тесме тут же отвела взгляд, машинально подумав почему-то, что не стоит особо любопытствовать, но Висмаан взял ее под локоть и предложил:

— Подойди. Взляни.

Она шагнула вперед.

Это был инкубатор. В гнездышках из мха лежало около десяти кожистых круглых яиц, ярко-зеленых, с большими овальными пятнами.

— Наш первенец появится меньше чем через месяц,— похвалился Висмаан.

У Тесме закружилась голова. Почему-то именно это свидетельство подлинной чуждости иномирян ошеломило ее, как ничто другое: не холодный взгляд немигающих глаз, не змеящиеся волосы, не прикосновение чешуи к ее обнаженным бедрам, не внезапное поражающее проникновение его члена в ее лоно... Яйца! Детеныши! А в груди Турном уже копится молоко, чтобы кормить их. Тесме как наяву увидела десяток маленьких ящериц, вцепившихся в бесчисленные груди, и ужас захлестнул ее. Один миг она стояла неподвижно, даже не дыша, а затем выскочила из дома и бросилась вниз по холму через дренажные канавы, маленькое поле, поздно осознав, что поле засеяно, и в джунгли.

Глава 8

Она не знала, сколько прошло времени, когда Висмаан появился у ее двери. Может, прошел день, может, два, а может, неделя. Он появился, заслонив головой и плечами вход в хижину, и позвал ее по имени.

— Чего ты хочешь?

— Поговорить. Я хочу сказать тебе кое-что. Почему ты сбежала так внезапно?

— Разве это имеет значение?

Он наклонился к ней. Рука его легонько легла на ее плечо:

— Тесме, я в долгу перед тобой.

— За что?

— Когда я ушел отсюда, я не поблагодарил тебя за все, что ты для меня сделала. Мы с Турном долго обсуждали, из-за чего ты убежала, и она утверждает, что ты рассержена на меня. Но я не понимаю, почему. Мы с ней перебрали все возможные причины, пока она не спросила, поблагодарил ли я тебя за помощь. Но я не знал, что это нужно сделать. И я пошел к тебе. Прости мою грубость, Тесме, мое неведение.

— Хорошо, я тебя простила,— сказала она приглушенно.— Теперь ты уйдешь?

— Посмотри на меня, Тесме.

— Лучше не буду.

— Пожалуйста.— Он потянул ее за плечо.

Она угрюмо обернулась к нему.

— У тебя влажные глаза,— сказал он.

— Иногда они меня не слушаются.

— Ты все еще сердишься? Почему? Я прошу тебя понять, что я не невежлив. Чауроги не выражают благодарность так, как люди. Но позволь мне так сделать. Я верю, что ты спасла мне жизнь. Ты очень добрая. Я всегда буду помнить, что ты сделала для меня, когда я был беспомощен. Плохо, что я не сказал тебе этого раньше.

— И плохо, что я тебя выгнала,— пробормотала она.— Только не проси объяснить, почему я так сделала. Все очень запутано. Я прощу тебе то, что ты не поблагодарил меня, если ты простишь меня за то, что я тебя прогнала.

— Мне не за что тебя прощать. Моя нога зажила, и настало время идти, как ты и подсказала, и я пошел своей дорогой. Я нашел землю для фермы.

— И это было совсем нетрудно, так?

— Да, конечно.

Она поднялась на ноги и встала к нему лицом.

— Висмаан, почему ты занимался со мной сексом?

— Потому что ты, кажется, хотела этого.

— И только?

— Ты была несчастлива и не могла уснуть в одиночестве. Я надеялся, что это успокоит тебя, и пытался по-дружески помочь из сострадания.

— Ах, вот как...

— Я верил, что доставляю тебе удовольствие,— заметил он.

— Да. Да. Это доставляло мне удовольствие. Но ведь ты не хотел меня?

Его язык замелькал так, что она решила, будто это соответствует человеческому удивлению.

— Нет,— ответил он.— Ты — человек. Как же я могу испытывать желание к человеку? Мы разные, Тесме. На Маджипуре нас зовут чужаками, но для меня чужак ты, разве не так?

— Я полагаю, так.

— Но я хотел помочь тебе. Я желал тебе счастья. В этом смысле я желал тебя. Понимаешь? И я навсегда останусь твоим другом. Я надеюсь, ты навестишь нас и разделишь щедрые дары нашей фермы?

— Я... да, да, я приду...

— Хорошо. Тогда я пойду, но сначала...

Тяжеловесно, с достоинством он притянул ее к себе и обнял могучими руками. И вновь она ощутила необычайную гладкую жесткость его чешуйчатой кожи, вновь небольшой алый язык метался по ее векам, целуя. Он обнимал ее долго. Потом отпустил и сказал:

— Я не смогу забыть тебя, Тесме.

— И я.

Она стояла в дверях и смотрела, как он уходит. Ощущение легкости, мира и тепла пронзило ее душу. Она сомневалась, что когда-либо решится навестить Висмаана, Турном и их вылупившихся ящериц, но все было правильно. Висмаан понял. Тесме начала собирать свое имущество и укладывать в мешок. Стояла еще середина утра, и можно было спокойно идти в Нарабал.

Она добралась до города после полудня.

Прошел год с тех пор, как она покинула город, и много месяцев с тех пор, когда была здесь в последний раз. Ее удивили перемены, которые она нашла теперь: город заполнила гудящая суета, повсюду росли новые здания, в Проливе стояли корабли, улицы шумели. Город, казалось, был захвачен чужаками: множество чаурогов, хьортов, сотни гигантских четырехруких скандаров — целая круговерть странных существ, занятых своими делами. Тесме с трудом добралась до дома матери, где застала обеих сестер и брата Далкана. Они смотрели на нее с изумлением, чуть ли не со страхом.

— Я вернулась,— сказала она.— Я знаю, что выгляжу, как дикий зверь, но нужно просто привести в порядок волосы, надеть новую тунику, и я снова стану человеком.

Она переехала жить к Раскелорну Юлвану спустя несколько дней, а в конце года они поженились. Временами ей хотелось признаться ему в том, что произошло между нею и чаурогом, но она не решалась, и постепенно случившееся когда-то стало забываться, стало казаться ей не столь важным, как и то,— откроется она ему, или нет. Она открылась, наконец, десять или двенадцать лет спустя, во время обеда в одном из новых ресторанов в квартале чаурогов в Нарабале за жарким из билантона; она много выпила, слишком много золотистого вина, и слишком сильно навалились на нее воспоминания. В конце своей исповеди она сказала:

— Ты хоть что-нибудь подозревал?

И он ответил:

— Я понял это сразу, едва увидел тебя с ним на улице. Но какое это имеет значение?

Часть 2

ВРЕМЯ ОГНЯ

Несколько недель после поразительного опыта Гиссан не осмеливался возвращаться к Счетчику Душ. Ему нужно было время, чтобы все переварить, впитать в себя. За какой-то час в маленькой комнатке он прожил несколько месяцев жизнью женщины, оставившей зарубку на сердце. Странные новые образы теперь возникали в сознании.

Во-первых, джунгли; Гиссан не знал ничего, кроме подземного Лабиринта с его заботливо управляемым ровным климатом, если не считать поездки в Горный Замок, где климат был почти такой же. Поэтому его поразила сырость, густая листва, дожди, птичьи трели и гудение насекомых, ощущение влажной грязи под ногами.

Во-вторых, то, кем он был. Женщиной! Как поразительно! И взять в любовники чужака!

Гиссан даже не находил слов, он просто воспринял все, как должное, чтобы не терзать себя понапрасну и не запутаться. Но и помимо этого хватало тем для раздумий, например, ощущение Маджипура, как развивающегося мира с дикими, неисследованными областями, с грязными немощеными улицами в Нарабале. Гиссан часами размышлял над этим, пока бездумно готовил свои ненужные статьи дохода для архивов, и постепенно приходил к мысли, что навсегда изменился, благодаря Счетчику Душ, и никогда не станет прежним Гиссаном, что каким-то непостижимым образом будет не только самим собой, но и женщиной Тесме, жившей и умершей девять тысяч лет назад на другом материке в жарком дождливом местечке, которое он никогда не увидит.

И, разумеется, он жаждал еще раз прикоснуться к Летописи. Когда он решился на вторую попытку, дежурил другой чиновник — хмурый, миниатюрный вруон, косо поглядывавший на подошедшего Гиссана.

Гиссан протянул ему пропуск и быстро очутился внутри. Там он задумался, что выбрать, и в конце концов решил остановиться на временах Лорда Стиамота, на последних днях покорения армией человеческих поселенцев метаморфов Маджипура.

«Я стану солдатом армии Венценосца, — подумал он, — а, возможно, увижу даже самого Лорда Стиамота.»

Сухие предгорья полыхали от Милиморна до Хэмфиси, и даже здесь, наверху, в гнезде, в пятидесяти милях восточнее на Зугнорском Пике капитан Эремайл мог ощущать горячие порывы ветра и запах гари.

Густой столб черного дыма поднимался над всей областью. За час или два летатели протянут огненную линию от Хэмфиси до небольшого поселения в начале долины, а завтра зажгут зону с юга до Силтанмонда, и тогда заполыхает вся провинция, и горе тем Меняющим Форму, которые там замешкаются.

— Теперь недолго,— произнес Вигган.— Война почти закончилась.

Эремайл оторвался от карт северной части континента и посмотрел на младшего офицера.

— Вы так думаете? — пробормотал он.

— Тридцать лет. Вполне достаточно.

— Не тридцать. Пять тысяч лет, шесть тысяч лет — с тех самых пор, как люди впервые пришли в этот мир. И почти все время шла война, Вигган.

— Но ведь какое-то время мы просто не сознавали, что ведем войну!

— Да,— согласился Эремайл,— да, мы не понимали. Зато понимаем теперь.

И он вновь обратился к картам, низко склонившись над ними, но все же краем глаза поглядывая на окружающее. Запах гари в воздухе резал глаза и туманил взор, а карты были слишком мелкие. Медленно он провел карандашом по контурным линиям предгорья под Хэмфиси, не задерживаясь на селениях.

Каждая, как он надеялся, деревушка вдоль огненной дуги была отмечена на карте, и офицеры побывали во всех, доставив предупреждение о скором испепелении.

Ему и его команде было очень тяжело при мысли, что картографы могли пропустить какое-нибудь богом забытое местечко.

Лорд Стиамот приказал, чтобы ни один человек не погиб в пламени колоссальной облавы: всех поселенцев следовало предупредить загодя и дать им время на эвакуацию.

Метаморфы получили такое же уведомление. Нужно не выжигать врага, повторял неоднократно Лорд Стиамот; нужно заставить метаморфов подчиняться, и огонь, кажется, является самым лучшим средством для этого. На носителях Огня тоже может сказаться столь тяжелая обязанность, подумал Эремайл, но с этим затруднений не возникнет.

— Каттикаун, Визферн, Домгроув... Сколько же их! И отчего людям хочется жить тут, Вигган?

— Они уверяют, что земли здесь плодородные, а климат мягкий для такого северного района.

— Мягкий? Это по полгода без дождя? — Эремайл закашлялся. Ему почудилось, будто он слышит треск далекого огня сквозь рыжевато-коричневую, до колен, траву. В этой части Алханрола дожди шли всю долгую зиму и напрочь исчезали летом; можно было подумать, что природа бросала вызов земледельцам, но, очевидно, те как-то справлялись, учитывая, сколько ферм тянулось здесь по склонам холмов и вдоль долин до самого моря. Сейчас стояло самое засушливое время года, и местность несколько месяцев изнывала под летним солнцем, чернозем растрескался, выросшие за зиму травы поникли и высохли, густолиственные кусты свернулись и затаились в ожидании влаги. Самое подходящее время, чтобы поджечь местность и оттеснить упорного врага к океану, или сбросить его туда! И не потерять ни одной человеческой жизни, ни одной! Эремайл вновь принялся изучать список: Чикмоуг, Фиэйли, Мичимэнд... Потом вновь поднял взгляд.

— Вигган, чем вы займетесь после войны?

— У нашей семьи земли в долине Клайга. Наверное, снова займусь фермерством, а вы?

— Мой дом в Сти. Я был инженером, строил каналы, водоводы и тому подобное. Могу опять этим заняться. А когда вы в последний раз видели Клайг?

— Четыре года назад, — ответил Вигган.

— Я пять лет не видел Сти. Вы ведь участвовали в битве под Тримэйном?

— Был даже легко ранен.

— И вам приходилось убивать метаморфов?

— Да.

— Нет. — Эремайл покачал головой. — Мне — нет. За все девять лет в армии я не отнял ни единой жизни. Конечно, я офицер, но подозреваю, убийца из меня никакой.

— Да и из всех нас тоже, — заметил Вигган. — Но когда они приближаются к вам, меняя форму раз по пять в минуту, или когда вы узнаете, что они совершили налет на землю вашего брата и перебили ваших близких...

— С вами это случалось, Вигган?

— Нет, не со мной. Но другие... Таких очень много. Зверства! Стоит ли объяснять, как...

— Да не стоит. Как называется этот городок, Вигган?

Офицер наклонился к карте.

— Сингасерин. На надписи маленькое пятнышко, но название прочесть можно. Он есть у нас в списке, мы предупредили их позавчера.

— По-моему, мы сделали все.

— По-моему, тоже.

Эремайл свернул карты, отложил их в сторону и снова посмотрел на запад, где отчетливо прослеживалась граница между зоной огня и неподвижными темно-зелеными, видимо, с буйной растительностью, холмами. Однако и там листва сморщилась, сделалась пыльной за долгие месяцы без дождя, и склоны холмов внезапно вспыхивали, едва огонь достигал их. Эремайл видел все новые и новые вспышки пламени. Огонь мчался, пожирая леса за Хэмфиси.

— К вам посыльный, капитан,— сказал Вигган.

Эремайл обернулся. Рослый молодой человек в мокрой от пота форме пристально смотрел на них.

— Ну,— спросил Эремайл.

— Меня послал капитан Вануйл. У нас затруднение — в долине неэвакуированный поселенец.

— Хм, вот как,— Эремайл передернул плечами.— Какой поселок?

— Это между Каттикауном и Визферном, на хорошем тракте. Человека тоже зовут Каттикаун, Айбил Каттикаун. Он утверждает, будто получил землю в подарок от Понтификса Дворна и его люди живут здесь тысячи лет. Он отказывается уходить.

Эремайл сказал со вздохом:

— Мне все равно, что он получил землю в подарок от Понтификса Дворна, завтра мы зажжем округу, и он сгорит, если не уберется оттуда.

— Он это знает, капитан.

— Что он хочет? Чтобы огонь не задел его ферму? — Эремайл нетерпеливо махнул рукой.— Эвакуируйте его, хочет он того или нет.

— Мы пытались,— ответил посыльный,— но он вооружен, и оказал сопротивление. Он заявил, что убьет всякого, кто попробует согнать его.

— Убьет? — повторил Эремайл, словно не поняв значения слова.— Убьет? Кто станет угрожать убийством? Только безумец. Возьмите взвод солдат и переведите его в безопасную зону.

— Я ведь говорил, капитан, он оказывает сопротивление. Была перестрелка. Капитан Вануйл полагает, что его невозможно убрать оттуда живым. Капитан Вануйл просит вас спуститься к нему и разобраться лично.

— Я...

Вигган тихо заметил:

— Все может оказаться проще простого: у крупных землевладельцев характеры тяжелые, и они требуют к себе повышенного внимания.

— Пусть Вануйл и займется им,— буркнул Кремайл.

— Он уже пытался вести переговоры с этим человеком, капитан,— объяснил посыльный,— и неудачно. Каттикаун требует невозможного — встречи с Лордом Стиамотом, но если бы вы...

Эремайл задумался. Конечно, нелепо командующему всем районом офицеру брать на себя подобную задачу. Это дело Вануйла. Его обязанностью было очистить территорию от людей к завтрашнему утру, а обязанностью Эремайла — оставаться здесь и осуществлять общее руководство всей акцией. С другой стороны, эвакуация людей в конечном счете была и обязанностью Эремайла, а Вануйл явно не справляется, и отправка отряда насильственно сгонять людей с земли скорее всего окончится смертью Каттикауна и гибелью кое-кого из солдат. Почему бы и не съездить? Эремайл медленно кивнул. Ничего важного на сегодня не оставалось, а Вигган и один управится со всем прочим. И если ему удастся спасти одну жизнь, жизнь одного старого упрямого дурака..

— Возьмите мой флотер,— предложил он Виггану,— а я воспользуюсь вашим.

— Но, капитан...

— Давайте, давайте, пока я не передумал. Поеду, взгляну, что там.

— Но Вайнул уже...

— Не стоит беспокоиться, Вигган. Я спущусь совсем ненадолго. Вы тут командуйте, пока я не вернусь, но я думаю, вряд ли у вас сегодня будет какая-нибудь работа. Справитесь?

— Да, капитан,— хмуро ответил младший офицер.

Ферма оказалась дальше, чем Эремайл предполагал. Пришлось почти два часа пробираться по еле приметной тропке с базы на Зугнорском Пике, затем пересечь неровный склон плато, ведущий к подножию холмов, окружающих прибрежную равнину.

Здесь внизу воздух стал горячее, хотя и не таким дымным, струящийся от жара, он порождал миражи и заставлял пейзаж плавиться и плыть. Дорога оказалась вполне приличной, но приходилось часто останавливаться, пропуская в панике мчавшихся животных, некоторых

он не мог узнать, бешено вылетающих из огненной зоны впереди. Тени начали удлиняться, когда Эремайл добрался наконец до небольшого поселения в предгорье. Здесь присутствие огня чувствовалось почти осязаемо. Жаром обдавало щеки, на кожу и одежду оседали мелкие песчинки.

Места, которые он проверил по своему списку, стали теперь неуютно реальными — Вайели, Домгроув, Визферн. Последний они только что миновали; городки со скучившимися в центре лавками и административными зданиями, окруженными домиками, от которых тянулись фермы, располагались в небольшой долине с речушкой, текущей вниз по склону холма и терявшейся где-то на равнине. Они были пусты сейчас, или почти пусты, оставалось лишь несколько замешкавшихся, остальные уже шли по тракту, ведущему к побережью.

Эремайл не сомневался, что зайди в любой дом, и найдешь там книги, гравюры, картины, всяческие безделушки, даже домашних любимцев, возможно, забытых в спешке. А завтра все это обратится в пепел. Но местность вокруг кишела Меняющими Форму. Столетиями поселенцы жили здесь рядом с неумолимым жестоким врагом, проникавшим к ним из леса и скрывавшимся под личиной друга, возлюбленной, сына, и всегда только с одним намерением — убить. Это была тайная, бесшумная война между лишенными прав аборигенами и теми, кто пришел сюда позже, и война эта длилась с тех самых пор, как первые поселки на Маджипуре переросли в города и расползлись, занимая плодородные площади и захватывая все больше и больше владений местных уроженцев. А теперь все пожирающий огонь подведет итог в этой судорожной борьбе между людьми и Меняющими Форму, и ничто не в силах помешать этому — и Вайели, и Домгроув, и Визферн должны быть разрушены, чтобы прекратилась наконец мучительная борьба. И все-таки нелегко покинуть родной дом, подумал Эремайл, нелегко даже просто разрушить чей-то дом, чем он занимался прошедшие дни, разве что делать это издали, на таком безопасном расстоянии, где сожжение чьих-то родных очагов выглядело только стратегией.

За Визферном дорога шла вдоль предгорья, уходившего далеко на запад. Здесь было множество больших ручьев, скорее даже маленьких речушек, и землю густо покрывали леса без единой вырубки для посева. Однако и здесь поработала многомесячная засуха: кучи мертвых опавших листьев, сломанные ветви и потемневшие стволы готовы были мгновенно вспыхнуть.

— Вот это место, капитан,— сказал посыльный.

Эремайл увидел отделенное перегородкой ущелье, в начале узкое, а затем расширяющееся, с текущим посередине ручьем. В сгущавшихся сумерках поместье — огромный белый дом с крышей из зеленой черепицы — производило впечатление, за ним тянулось необъятное засеянное поле. У входа в ущелье стояла вооруженная охрана. Эремайл с беспокойством заметил, что это было не просто фермерское ополчение, а настоящая стража человека, который ставил себя не ниже Герцога.

Эремайл спешился и шагнул к холодно смотревшим на него охранникам, державшим энергометы наготове, он обратился к одному, выглядевшему более значительно:

— Капитан группы Эремайл хотел бы повидать Айбила Каттикауна.

— Каттикаун ожидает Лорда Стиамота,— последовал холодный ответ.

— Лорд Стиамот занят в другом месте. Здесь его заменяю я. Я командую этим округом.

— Нам приказано пропустить только Лорда Стиамота.

— Передайте своему хозяину,— бросил Эремайл устало,— что Венценосец шлет свои извинения и просит изложить свои обиды капитану Эремайлу вместо себя.

Казалось, охранник остался равнодушным к услышанному, однако чуть погодя он повернулся и вошел в ущелье. Эремайл видел, как он не спеша шел вдоль ручья и исчез за густым кустарником, окружавшим площадку перед домом.

Прошло порядочно времени; ветер переменился, теперь он дышал жаром, дым разъедал глаза и горло. Эремайл чувствовал, как сажа оседает в легких. Но отсюда, из этого укрытого места, сам огонь не был виден.

Наконец, так же неторопливо, вернулся охранник.

— Каттикаун примет вас,— объявил он.

Эремайл кивнул водителю и своей охране, но стражник Каттикауна покачал головой:

— Только вы, капитан.

Посыльный обеспокоено взглянул на Эремайла, но тот махнул рукой, отсылая его.

— Ждите меня здесь,— распорядился он.— Не думаю, чтобы я задержался надолго.

Он последовал за охранником по дорожке в ущелье к дому.

От Айбила Каттикауна он ожидал столь же прохладной встречи, как и от его охраны. Но провинциальный аристократ встретил его с учтивостью.

Каттикаун приветствовал его теплой улыбкой и проницательным взглядом, а затем, подхватив под руку, проводил в свое жилище, оказавшееся скудно меблированным, правда, обстановка была изящной и красивой. Сводчатый потолок крепили выступающие балки из черного дерева, высоко на стенах были развешены охотничьи трофеи, мебель была массивная и, очевидно, древняя. Все было выдержано в архаичном духе, как и сам Айбил Каттикаун. Он был рослым — значительно выше хрупкого Эремайла — и широкоплечим. Массивное тело театрально облегал тяжелый плащ, выкроенный из шкуры ститмота. Лоб его был открытым и высоким, темные густые волосы свисали тяжелыми локонами, глаза были черными, губы — тонкими. Во всяком случае, он производил впечатление.

Усадив Эремайла, он наполнил бокалы каким-то игристым янтарным вином и сказал, когда они пригубили:

— Итак, вы собираетесь сжечь всю мою землю?

Эремайл вздохнул:

— Боюсь, нам придется сжечь всю провинцию целиком.

— Идиотская затея. Наверное, самая дурацкая за всю историю человеческих войн. Знаете, как ценится продукция нашего округа? Знаете, сколько поколений тяжкого труда ушло на строительство наших ферм?

— Вся зона от Милиморна до Синталмонда — последний оставшийся в Алханроле очаг сопротивления метаморфов. Венценосец хочет наконец покончить с войной, а это возможно, лишь выкурив Меняющих Форму из потайных нор в здешних холмах.

— Есть иные средства.

— *Мы испробовали все,* — *ответил* Эремайл, — но это ни к чему не привело.

— Вот как! А вы пытались дюйм за дюймом идти по лесам, выискивая их? Разве перебросили сюда всех солдат Маджипура, чтобы провести такую операцию? Конечно, это слишком хлопотно. Гораздо проще выслать летателей и все сжечь.

— Война перемолола уже несколько поколений.

— И Венценосец горит желанием закончить ее, — кивнул Каттикаун, — за мой счет.

— Венценосец отличный стратег, — не согласился Эремайл. — Он разбил опасного, почти неуловимого врага и обезопасил Маджипур для наших поселений — весь, кроме вашего округа.

— Мы и сами неплохо справлялись с окружающими нас метаморфами, капитан. Однако мы не устраивали

резни. Я в состоянии справиться с ними. Не настолько они опасны, по крайней мере, они не так сильно угрожают нашему благоденствию, как наше правительство. Ваш Венценосец глупец, капитан.

Эремайл сдержался:

— Будущие поколения восславят его, как героя из героев.

— Очень похоже,— согласился Каттикаун.— Люди подобного сорта обычно превращаются в героев. Я заявляю, что нет необходимости разорять целую провинцию, чтобы окружить несколько тысяч оставшихся аборигенов. Уверяю вас, это близорукое и опрометчивое решение усталого военачальника, который торопится вернуться к наслаждениям Горного Замка.

— Ничего не изменить. Решение принято, и от Милиморна до Хэмфиси все уже пылает.

— Я это заметил.

— Огонь подбирается к вашему поместью. Возможно, на рассвете здесь будет уже опасно. В течение дня летатели зажгут не только ваш район, но и потянут линию на юг до самого Синталмонда.

— Представляю,— спокойно сказал Каттикаун.

— Эта местность станет адом. Мы просим вас уйти, пока еще есть время.

— Я уже выбрал, капитан. Я остаюсь.

Эремайл тихо вздохнул:

— Мы не сможем нести ответственность за вашу безопасность, если вы так поступите.

— Никто и никогда не отвечал за мою безопасность, кроме меня самого.

— Поймите, вы погибнете и погибнете ужасной смертью. У нас нет возможности продолжить линию огня так, чтобы не затронуть ваше поместье.

— Я понимаю.

— Значит, вы хотите, чтобы мы вас убили?

— Ничего подобного я не прошу. Боюсь, нам не понять друг друга. Вы деретесь на своей войне, я охраняю свой дом, и если огонь вашей войны вторгнется на мою землю — это будет очень плохо для меня, но это не будет убийством. У каждого свой путь, капитан.

— Вы странно рассуждаете. Вы погибнете в результате наших действий, и ваша смерть будет на нашей совести.

— Я остаюсь здесь по собственному желанию, после того, как был вовремя предупрежден,— ответил Каттикаун,— так что моя смерть будет лишь на моей совести.

— А жизнь ваших людей? Они ведь тоже погибнут?

— Здесь только те, кто выбрал сам. Они остаются по доброй воле, их предупреждали. Трое ушли на побережье, остальные остались, чем не доставили мне никакой радости. Но здесь наш дом. Еще бокал, капитан?

Эремайл отказался, потом вдруг передумал и протянул бокал. Наливая, Каттикаун, заметил:

— Значит, переговорить с Лордом Стиамотом нет никакой возможности?

— Ни малейшей.

— Как я понимаю, Венценосец находится в нашем районе?

— Да, но до его ставки полдня пути. И, насколько я знаю, он недосягаем для такого рода прошений.

— Причем, намеренно. Понимаю,— улыбнулся Каттикаун.— Как по-вашему, капитан, он не безумен?

— Венценосец? Нет, конечно.

— Огонь — отчаянная, идиотская мера. Возмещение, которое ему придется впоследствии выплатить, составит миллионы ройялов — крах всего его состояния; это будет стоить больше, чем пятьдесят таких замков, который он возводит на вершине Горы. А зачем? Года два-три, и мы договоримся с Меняющими Форму.

— Или пять, десять, или двадцать,— отозвался Эремайл.— Войну нужно заканчивать как можно скорее. Это страшное потрясение, это позор для нас всех, пятно, это долгий кошмар...

— Значит, вы считаете эту войну ошибочной?

Эремайл быстро покачал головой:

— Основную ошибку сделали давным-давно, еще когда наши предки избрали для переселения этот мир, который уже был обитаем. Но сейчас у нас нет выбора: или мы одолеем метаморфов, или нам придется вообще уйти с Маджипура. Но разве мы в силах это сделать?

— Да,— кивнул Каттикаун,— как же бросить дом, которым владеешь так давно!

Эремайл не обратил внимания на его иронию.

— И мы вырвем планету у несговорчивых метаморфов. Тысячи лет мы старались жить с ними в мире, пока не убедились, что такое сосуществование невозможно, и теперь нам силой приходится утверждать свое будущее. Это никому не нравится, но ведь есть альтернативы и похуже.

— И что будет делать Лорд Стиамот с метаморфами, когда загонит их в лагеря для интернированных? Изрежет на удобрения для сожженных полей?

— Они получат огромную резервацию на Зимроле,— ответил Эремайл,— половину континента. По-моему, совсем не жестоко.

Алханрол останется нам, да еще океан между нами. Уже закладываются города в соответствии с этим решением. И лишь в вашем краю бушует война. Лорд Стиамот взвалил на себя всю ответственность за этот жестокий, но необходимый акт, за что будущие поколения воздадут ему почести.

— Я могу воздать и сейчас,— буркнул Каттикаун.— О, мудрейший и справедливейший Венценосец, в своей бесконечной мудрости уничтоживший землю, поскольку тебя тревожат таящиеся в ней аборигены! Для меня было бы гораздо лучше, капитан, имей ваш герой-правитель поменьше благородства духа. Или, возможно, наоборот — побольше. Он показался бы мне гораздо привлекательнее, выбери более медленный способ покорения нашей провинции. Тридцать лет войны — что значат еще год-два?

— Но он уже выбрал, и огонь приближается к этому месту, пока мы болтаем.

— Пусть приходит. Я буду здесь, я буду оборонять свой дом.

— Вы, очевидно, не видели еще зону огня,— заметил Эремайл.— Вы не продержитесь и десяти секунд, огонь поглотит вас.

— Вполне возможно.

— Я прошу вас...

— Вы просите? Значит, вы проситель? А если прошу я? Значит... Я прошу вас, капитан, пощадите мое имущество.

— Это невозможно. И я искренне прошу вас: уходите, сохраните свою жизнь и жизнь своих людей!

— И что мне тогда делать? Доползти до побережья и прозябать в каком-нибудь убогом уголке Алайсора или Вайлемона? Подавать на стол в гостинице или подметать улицы, а может, ухаживать за маунтами в конюшне? Мое место здесь. Я лучше завтра погибну тут за десять секунд, чем буду тысячи лет прозябать в трусливой ссылке.— Каттикаун подошел к окну.— Темнеет, капитан. Пообедаете со мной?

— К сожалению, я не могу оставаться. Поверьте, я искренне сожалею...

— Можно поговорить и о другом.

Эремайл протянул руку.

— У меня есть обязанности. Конечно, для меня было бы незабываемым удовольствием воспользоваться вашим гостеприимством, я бы очень хотел этого.

— Мне больно видеть, что вы уходите, не отобедав. Торопитесь к Лорду Стиамоту?

Эремайл не ответил.

— Я прошу вас получить для меня аудиенцию у него,— сказал Каттикаун.

— Сделать это невозможно, да и ни к чему хорошему это не приведет. Я прошу вас, покиньте свое поместье нынче ночью. Давайте пообедаем вместе, а затем вы оставите свои владения.

— Здесь мой дом, и я останусь здесь — сказал Каттикаун.— Я желаю вам, капитан, всего доброго и доброй и хорошей жизни. Я благодарен вам за этот разговор.

Он на мгновение прикрыл глаза и опустил голову в сдержанном поклоне.

Эремайл направился к дверям огромного зала. Каттикаун сказал:

— А ваш офицер думал, будто сумеет выдворить меня силой. У вас больше здравого смысла, и я вам благодарен. Прощайте, капитан Эремайл.

Эремайл поискал подходящие слова и, не найдя ни одного, взмахнул рукой, прощаясь.

Люди Каттикауна проводили его к выходу из ущелья, где дожидались водитель и посыльный, играя в кости на борту флотера. Они поспешно вскочили, завидев Эремайла, но он знаком остановил их. Он смотрел на восток, на колоссальный горный кряж, вздымавшийся в дальнем конце ущелья. Летней ночью в здешних северных широтах небо оставалось светлым, и тяжелая громада Зугнорского Пика тянулась через горизонт, подобно черной стене на бледно-сером небе. В южной его части виднелась гора Хаймеон, где устроил свою ставку Венценосец.

Эремайл постоял немного, глядя на могучие пики, на огонь и дым, поднимавшиеся из-за них, на восходящие луны, затем покачал головой, повернулся и взглянул назад, на владения Айбила Каттикауна, на его поместье, исчезнувшее сейчас в сгустившихся тенях. Поднимаясь обратно в гору и пересекая цепи вооруженных людей своего отряда, Эремайл подумал, что знает герцогов и принцев и прочих высокопоставленных сановников, которых простой инженер вообще нечасто встречает за свою жизнь; и он, проведший много времени с самим Венценосцем и хорошо знающий круг его советников, тем не менее, никогда не встречал такого, как Каттикаун, который был либо самым благородным, либо самым заблуждающимся человеком в мире, а возможно, и тем и другим.

— Едем,— бросил он внезапно водителю.— К Хайемону.

— К Хайемону, капитан?

— Да, к Венценосцу. Сможем добраться туда к полуночи?

— Не знаю.

— Постарайтесь.

Дорога к южному пику сильно походила на подъем к Зугнору, только была еще круче и не так хорошо вымощена. В темноте ее повороты и виражи были опасны на той скорости, с какой гнала машину водитель, женщина из Стоена, хотя полыхающая сфера огненной зоны немного освещала ущелье и уменьшала риск.

Эремайл не произнес ни слова за всю длинную поездку, говорить было не о чем и нечего. Разве могли водитель или парень-посыльный понять сущность Айбила Каттикауна? Эремайл сам, впервые услышав, что один из местных фермеров отказывается покидать свои земли, неверно истолковал его намерения, представив себе некоего спятившего старца, упрямого фанатика, ослепленного реальностью опасности. Конечно, подумал он, Каттикаун упрям, и его можно назвать фанатиком, но и только; он не безумец, какой бы сумасшедшей ни казалась его философия для таких, как Эремайл, живущих по иным законам. Он удивлялся, для чего едет к Венценосцу: не пересказывать же слова — толку не будет, они что есть, что нет. Постепенно Эремайл начал дремать. Флотер скользил легко и быстро по головокружительной дороге, поднимаясь из ущелья в зубчатую страну. К полуночи они еще не добрались до ставки, но Эремайл не сомневался, что Венценосец бодрствует — последние дни он часто не ложился вовсе.

Где-то перед вершиной горы Хайемон Эремайл вдруг заснул по-настоящему и был удивлен и смущен, когда посыльный мягко потряс его за плечо и сказал:

— Ставка Лорда Стиамота, капитан.

Полусонный, ничего не соображающий Эремайл обнаружил, что все еще сидит прямо, ноги его свело судорогой, спина одеревенела. Луны теперь высоко поднялись в небо, и ночь была совершенно черной, нарушаемой только пламенем полыхающего огня на востоке. Эремайл встряхнулся и вылез из флотера. Даже сейчас, в полночь, в лагере Венценосца царило оживление: спешили куда-то посыльные, в многочисленных палатках горели огни. Откуда-то появился адъютант, узнал Эремайла, отдал ему исключительно официальный салют:

— Ваш визит для нас, капитан, полная неожиданность.

— Для меня тоже. Лорд Стиамот в лагере?

— Венценосец совещается со штабом. Он вас ждет, капитан?

— Нет,— ответил Эремайл,— но мне нужно поговорить с ним.

Адъютант спокойно выслушал его слова. Венценосец в полночь совещается со штабом, а командир небольшого отряда просит о встрече — ну и что? Война есть война, и протоколы меняются каждый день.

Эремайл последовал за адъютантом через лагерь к восьмиугольной палатке со знаком звездного взрыва, которую окружало кольцо охранников, таких же жестких и хладнокровных, как и те, что охраняли вход в ущелье Каттикауна. За последние восемнадцать месяцев на жизнь Венценосца было совершено четыре покушения несговорчивыми метаморфами. Ни один Венценосец за всю историю Маджипура не погиб насильственной смертью, но ни один и не вел такой войны.

Адъютант подошел к начальнику караула, а Эремайл вдруг обнаружил себя в центре группы вооруженных людей, слепивших его сводящими с ума яркими факелами и больно вцепившихся в его руки.

— В чем дело? — спросил он.— Я капитан группы эвакуации Эремайл.

— Или Меняющий Форму? — ответили ему.

— И вы считаете, что сумеете это распознать таким образом?

— Есть и такая возможность.

Эремайл засмеялся:

— Никто и никогда раньше не доказывал свою сущность. Ну, хорошо, проверяйте меня, только поскорее. Я должен переговорить с Лордом Стиамотом.

И они действительно устроили проверку. Кто-то сунул ему полоску зеленой бумаги и велел коснуться ее языком. Он подчинился, и бумага сделалась оранжевой. Потом кто-то потребовал отрезать клок его волос и поднес их к огню.

Эремайл удивленно смотрел на происходящее. Прошел месяц с тех пор, когда он последний раз был в ставке, и ничем подобным тогда не занимались; очевидно, произошло еще одно покушение, решил он, или объявился еще какой-то ученый шарлатан с новыми техническими приемами. Насколько Эремайл знал, невозможно отличить человека от метаморфа, когда последний принимает человеческий облик, разве что вскрытием. Но на такое он бы не согласился.

— Все в порядке, — сказали ему наконец. — Можете пройти.

Однако одного его не пустили, и охранники вошли вместе с ним. Глаза полуослепшего Эремайла с трудом приспосабливались к полумраку палатки, но чуть погодя он различил с полдесятка фигур в противоположном от себя углу и среди них — Лорда Стиамота.

Кажется, они молились, до него доносились обрывки древнего святого писания. Неужели Венценосец для этого ночью встретился со штабом? Эремайл прошел вперед и остановился в нескольких шагах от группы молящихся. Он знал лишь одного из собравшихся — Дамланга из Бибируна, считавшегося вторым или третьим лицом после самого Венценосца; остальные даже не выглядели солдатами — старцы в гражданском платье с мягкими городскими взглядами, может быть, поэты, толкователи снов, но явно не воины. Хотя... война почти кончилась.

Венценосец взглянул в сторону Эремайла, но, видимо, не узнал его.

Эремайл вздрогнул под его торопливым яростным взглядом. Венценосец сильно постарел за прошедшие три года войны, однако сейчас этот процесс, казалось, пошел быстрее: он выглядел каким-то бесцветным, одряхлевшим и болезненным, кожа высохла, глаза потускнели. Ему можно было дать лет сто, а ведь они с Эремайлом были ровесниками, и Эремайл, мужчина средних лет, хорошо помнил тот день, когда Лорд Стиамот взошел на трон и дал обещание покончить с безумием войны, нескончаемой войны с метаморфами, подчинить трону древних уроженцев планеты и изгнать их с территорий, где обосновались люди. Всего тридцать лет, а Венценосец выглядел лет на пятьдесят старше, но все свое царствование он провел в боях и походах, чего не делал до него ни один владыка Маджипура и, вероятно, ни один не сделает впредь. Он воевал в долине Клайга, в знойных землях юга, в непроходимых чащобах северо-востока, в плодородных саваннах Залива Стоена, год за годом окружая метаморфов своими двадцатью армиями и загоняя в лагерь для интернированных. Теперь он почти завершил свой труд — свободными оставались лишь несколько отрядов Меняющих Форму на северо-востоке. Постоянная борьба, долгая неистовая походная жизнь наложили на него свой отпечаток, и едва ли теперь он, вернувшись в ласковую весну Горного Замка, мог в полной мере насладиться привилегиями, даруемыми троном. Время

от времени Эремайл задумывался, как поступит во время войны Венценосец, если умрет Понтификс, и его призовут на вершину иного царствования, заставив занять место в Лабиринте — откажется ли он и оставит себе Венец Лорда, как остается в походах, или нет? Но Понтификс, судя по сообщениям, находился в добром здравии, а перед Эремайлом стоял сейчас Лорд Стиамот, пусть постаревший и усталый. И Эремайл вдруг понял, Айбилу Каттикауну не достает понимания, из-за чего Венценосец так стремится закончить эту войну, невзирая на цену.

— Кто? — спросил Венценосец.— Финивейн?

— Эремайл, господин, командующий зоной эвакуации.

— Эремайл?.. Да, Эремайл. Я помню. Подойдите, капитан. Мы возносим благодарность Дивине за окончание войны. Эти люди прибыли к нам от моей матери, Властительницы Острова Снов, и мы хотим провести ночь, восхваляя Дивине. К утру огненный круг будет замкнут. Подойдите, Эремайл, присоединяйтесь к нам. Вы ведь знаете песнопения Властительнице, не так ли?

Эремайл в ошеломлении слушал дребезжащий голос Венценосца. Это сухое дребезжание все, что осталось от его величественного тона? Герой, полубог иссох и угас в долгих походах, стал тенью самого себя. Вглядываясь в него сейчас, Эремайл поражался и не мог вспомнить, был ли Лорд Стиамот в его памяти могущественной фигурой, или только мифом...

Венценосец кивнул. Эремайл подошел ближе. Он думал, что, оказавшись в палатке, скажет: «Господин, на линии огня стоят владения человека, который не сдвинется с места и не позволит увести себя силой. Он может уйти только мертвый, и, господин, он слишком хороший человек, чтобы погибнуть так. Я прошу вас, господин, остановите летателей. Может быть, можно выработать какую-нибудь иную стратегию, чтобы разгромить метаморфов, когда они начнут спасаться бегством из зоны огня, но нет нужды простирать разрушение дальше той точки, до которой мы уже добрались, потому что...»

Но теперь он видел, что невозможно просить Венценосца отложить окончание войны хоть на один час. Ни ради Каттикауна, ни ради Эремайла, ни ради священной Властительницы, своей матери он не может остановить летателей в эти последние часы, ибо возможность окончания войны была важней всего остального. Эремайл мог своей властью попытаться задержать летателей, но ни просить Венценосца, ни требовать, он не мог.

Лорд Стиамот наклонился к нему:

— Что с вами, капитан? Что вас беспокоит? Подойдите. Станьте-ка рядом. Помолитесь с нами, капитан, присоедините свой голос к благодарности Дивине.

Начался новый гимн. Такой мелодии Эремайл не знал, он подпевал, импровизируя. Затем последовал второй гимн, третий — этот Эремайлу был знаком, и он запел, но без души и немелодично. До рассвета оставалось совсем немного. Он быстро отошел в темный угол и выскочил из палатки. Да; солнце близилось — первые зеленоватые проблески играли на склоне Хайемон, пройдет еще час или немного больше, и его лучи поднимутся по горной стене и осветят обреченное ущелье на юго-востоке. Эремайл почувствовал, что валится с ног, он уже неделю мечтал выспаться. Он высмотрел адъютанта и сказал ему:

— Отправите мое сообщение офицеру на Зугнорском Пике?

— Конечно, капитан.

— Передайте ему, пусть летатели действуют по плану. Я останусь здесь на день и вернусь вечером, когда немного отдохну.

— Хорошо, капитан.

Эремайл отвернулся и посмотрел на запад, все еще окутанный ночным мраком, исключая те места, куда попадал отсвет ужасной огненной сферы. Вероятно, Айбил Каттикаун всю ночь был занят тем, что поливал из шлангов и насосов свой дом и земли. Разумеется, это ничего не изменит: огонь такой величины пожрет все на своем пути и ничего не оставит. Айбил Каттикаун сгорит в своем доме, и нет никакой возможности помочь ему. Эремайл мог бы спасти его, рискнув отдать приказ действовать силой, рискнув жизнями неповинных солдат, но скорее всего, и тогда не сумел бы. Спасти Каттикауна он мог бы лишь в одном случае: решившись, хоть ненадолго, игнорировать приказ Лорда Стиамота. Но он не посмел. Теперь Каттикаун погиб. После девяти лет, проведенных в походах, подумал Эремайл, я все-таки убил одного из своих...

Он продолжал стоять. Усталость давила на плечи, но еще час или чуть больше он не мог уйти и стоял до тех пор, пока не увидел первые всполохи пламени в предгорье подле Визферна или, может быть, Домгроува и не понял, что летатели начали прокладывать огненную линию.

Война скоро кончится, сказал он про себя. Последние из наших врагов бегут сейчас к побережью, где будут

интернированы и отправлены за море. В мире вновь воцарится спокойствие.

Он почувствовал жар летнего солнца на спине и жар, вдруг прильнувший к щекам. В мире вновь воцарится спокойствие, подумал он еще раз, и пошел искать место, где можно было бы спокойно поспать.

Часть 3

В ПЯТЫЙ ГОД ПУТЕШЕСТВИЯ

Вторая летопись сильно отличалась от первой, как и его восприятие. Гиссан теперь меньше переживал и меньше удивлялся; это был печальный и живой рассказ, но он не так глубоко затронул душу, как объятия женщины и чаурога. Тем не менее, Гиссан узнал много нового для себя: об ответственности, о конфликтах, что возникают между людьми, когда они не хотят признавать правоту других, о том, чем достигается подлинное спокойствие духа. Еще он узнал, как создаются мифы. Во всей истории Маджипура не было столь обожествляемой фигуры, как Лорд Стиамот, воин-Венценосец, сломивший силу зловещих метаморфов; восемь лет поклонения превратили его во внушающее благоговение существо колоссального величия и силы. И хоть миф о великом Лорде Стиамоте продолжал жить в сознании Гиссана, но теперь он видел его глазами Эремайла — усталым, морщинистым, постаревшим раньше времени, сжегшим в сражениях душу. Герой? Конечно, для всех, кроме метаморфов. Но полубог? Нет, просто человек, обычный человек со всеми человеческими слабостями и недостатками. И это важно, об этом никогда не следует забывать, твердил себе Гиссан, начиная сознавать, что именно краденые минуты в Счетчике Душ дарят ему подлинное знание жизни.

Прошло довольно много времени, прежде чем он почувствовал себя готовым вернуться к летописи, тем более что пыль налоговых архивов делала однообразной его жизнь, и он страстно желал новых приключений.

На сей раз он хотел уточнить другую легенду: когда-то давно снаряженное судно вышло под парусами в кругосветное путешествие через Великое Море. Безумие, конечно, если безумие можно когда-нибудь замыслить и спланировать, и Гиссан очень хотел узнать, что происхо-

дило с экипажем. Недолгие поиски открыли ему имя капитана — Синнабор Лавон, уроженец Горного Замка. Гиссан легонько касался пальцами клавиш, набирая дату, место, имя, и устроился поудобнее, готовый выйти в море.

На пятый год плавания Синнабор Лавон заметил первые пряди морских водорослей, свивавшихся кольцами и кружившихся вдоль корпуса судна.

Конечно, он понятия не имел, что это такое — никто из людей Маджипура никогда прежде не видел морской травы; на такие расстояния Великое Море еще не исследовалось. Каждое утро Синнабор Лавон аккуратно отмечал дату и координаты корабля, так что команда не теряла физического ощущения своего положения в этом бескрайнем и однообразном океане на пятый год путешествия. Синнабор Лавон знал, что идет двадцатый год Понтификса Дизимола в царствование Венценосца Лорда Ариока и пятый год с тех пор, как «Спьюрифон» вышла из порта Тил-Омон в кругосветное путешествие.

Сначала он принял морскую траву за морских змей, поскольку она, казалось, двигалась по своей воле, изгибаясь, скручиваясь, сжимаясь и распускаясь. Она мерцала на спокойной темной воде, как фантастические сияющие цветы, каждая прядь переливалась вспышками зелени, индиго и киновари. По левому борту плыли небольшие островки ее травы, зато справа она покрывала море довольно широкой полосой.

Лавон посмотрел, перегнувшись через поручни, на нижнюю палубу и увидел троицу лохматых четырехруких фигур. Скандары чинили сеть или делали вид, что чинят. Они встретили его пристальный взгляд раздраженными угрюмыми взорами. Как и вся команда, они устали от долгого плавания.

— Вы, там,— выкрикнул Лавон.— Забросьте ковш. Поймаем-ка несколько этих змей!

— Змей, капитан? О каких змеях вы говорите?

— Вон там, неужели вы не видите?

Скандары долго всматривались в воду, потом один из них снисходительно ответил:

— Вы имеете в виду эту траву в воде?

Лавон вгляделся получше. Трава? Судно уже миновало первые островки, но впереди было еще много обширных скоплений, и он долго пытался проследить одну прядь в спутанной массе. Да, *это* двигалось так, как обычно свиваются змеи, но Лавон не видел ни голов, ни глаз. Хорошо, пусть будет трава.

Он сделал нетерпеливый жест, и скандары неторопливо принялись вытягивать установку с черпаком, которым собирали биологические образцы.

К тому времени, как Лавон спустился на нижнюю палубу, из моря подняли немного травы, и человек шесть команды столпились вокруг: первый помощник Вормеехт, первый штурман Калимойн, Джоахил Нур с парочкой своих ученых, Майкдал Хац, летописец. В воздухе витал резкий аммиачный запах. Трос скандаров стояли, отвернувшись, зажав демонстративно носы и что-то ворча. Зато остальные кивали, хохотали, тыкали руками в траву и выглядели более оживленными, нежели за все последние недели.

Лавон опустился на колени рядом с образцом. Несомненно, это была какая-то разновидность морских водорослей. Каждая мясистая прядь была длиной в рост человека, шириной с предплечье и толщиной с палец. Они судорожно скручивались и дергались, будто натянутые струны, но с каждой минутой их движения замедлялись, по мере того, как они высыхали на солнце, и яркие цвета быстро блекли.

— Забросьте-ка черпак еще раз,— бросила Джоахил Нур скандарам,— только не выливайте воду, чтобы трава не завяла.

Скандары не шелохнулись.

— Вонь, такая грязная вонь,— буркнул один.

Джоахил Нур шагнула к ним; невысокая неутомимая женщина выглядела ребенком рядом с гигантскими существами. Она резко взмахнула рукой, и скандары, пожав плечами, вновь принялись за работу.

— Что вы будете с ней делать? — осведомился у нее Синнабор Лавон.

— Разбираться. Это какой-то неизвестный вид морской водоросли, хотя тут, так далеко в море, все неизвестно. Интересно меняется цвет. Я не знаю, то ли потому, что изменяется пигмент, то ли просто оптический обман, вроде игры света на пласте эпидермы.

— А движения? Морские водоросли не имеют мускулов.

— Двигаться способны многие растения. Небольшие электроколебания в жидкости вызывают изменение внутренней структуры — знаете, так называемые «чувствелюшки» на северо-востоке Зимрола? Прикрикните на них, и они кланяются. Морская вода великолепный проводник; эти же водоросли, должно быть, реагируют на электрические импульсы. Мы их внимательно изучим. Еще неделя пустого моря, и я бы бросилась за борт.

Лавон кивнул. Он чувствовал то же самое, ту же страшную убийственную скуку, от которой возникало ощущение, будто он приговорил себя к бесконечному плаванию в никуда. Даже его, отдавшего семь лет жизни на организацию этого путешествия, даже его на пятый год охватило одиночество, оцепенение и апатия.

— Сегодня вечером,— попросил он,— расскажите нам о находке. Ну, там, единственная в своем роде новая разновидность морской и так далее...

Джоахил Нур махнула рукой, и скандары, подняв бадью с водорослями на свои плечи, понесли ее в лабораторию.

— Завидую,— вздохнул Вормеехт.— Будут изучать...— И вдруг вскрикнул: — Смотрите, там! Море впереди просто заросло ими!

— Не слишком ли густо заросло,— пробормотал Майкдал.

Синнабор Лавон повернулся к летописцу, невысокому человеку с сухим голосом и бледными глазами, у которого одно плечо было выше другого:

— Что вы имеете в виду?

— Боюсь, как бы не опутало винты, капитан, если водоросли станут гуще. Я читал рассказы Старой Земли об океанах, где корабли безнадежно застревали в непроходимых водорослях. Экипажи питались крабами и рыбой, но в конечном итоге погибали от жажды, а суда дрейфовали бесцельно сотни лет со скелетами на борту.

Калимойн фыркнул:

— Сказки!

— Но если такое случится с нами? — поинтересовался Майкдал Хац.

— Такое возможно? — ни к кому конкретно не обращаясь, осведомился Вормеехт.

До Лавона дошло, что все глядят на него. Он внимательно всмотрелся в море. Да, водоросли стали гуще, их судорожные подергивания заставляли пульсировать и распухать гладкую морскую поверхность. Однако между островками лежали широкие проходы. Возможно ли, что водоросли остановят такой мощный корабль, как «Спьюрифон»? На палубе воцарилась тишина. Казалось смешным опасаться морской травы, но офицеры напряженно ждали решения капитана с таким видом, будто от этого зависела их жизнь.

Настоящую угрозу, подумал Лавон, таят не водоросли, а скука. Последние месяцы путешествие было настолько

небогато событиями, а дни настолько пусты, что всех заполонило отчаяние: рассвет распухающего бронзово-зеленого тропического солнца, поднимающегося со стороны Зимрола, сменяли сиявшие над головой в безоблачном небе луны, а после полудня огненный шар начинал постепенно опускаться к непостижимо далекому горизонту, и так день за днем. Несколько месяцев не было ни дождей, ни каких других изменений в погоде. Великое Море заполонило собой всю вселенную. Они не встречали ни земли, ни островков, ни птиц, ни морских животных. При таком положении дел наличие морской травы стало очаровательной новизной. Дикое нетерпение сжигало души путешественников, этих преданных науке исследователей, поддержавших в свое время Лавона и сейчас мучительно переносящих скуку, осознавших теперь, чему посвятили свои жизни в минуту романтической глупости. Никто не ожидал, что все сложится именно так, когда они впервые в истории отправились пересечь Великое Море, занимающее более половины огромной планеты. Они предвкушали ежедневные приключения, встречи с неведомыми чудовищами, созданными фантазией природы, с неизвестными островами, героическую борьбу со штормами, когда небеса раскалываются от молний и окрашивают облака необычными цветами. Но никто не ждал однообразной и бесконечной вереницы пустых дней. Лавон уже сознавал реальную опасность мятежа, поскольку могло пройти и девять, и одиннадцать лет, прежде чем они пристанут к берегу далекого Алханрола. Человек десять команды уже мечтало повернуть корабль назад, к Зимролу, бывали минуты, когда он мечтал об этом сам. Поэтому нужна опасность, подумал он. Можно даже самим придумать опасность, а потом смело пойти ей навстречу. Возможный риск пробудит всех от летаргии.

— Мы сумеем справиться с травой,— возвестил он.— Идем вперед.

Но не прошло и часа, как ему пришлось усомниться в своих словах. Стоя на капитанском мостике, он устало вглядывался во все более густеющие водоросли. Теперь они скапливались в островки от пятидесяти до ста ярдов в поперечнике, и проходы между ними суживались. Вся поверхность моря находилась в движении, дрожащая и трепещущая. Под обжигающими лучами висящего над головой солнца водоросли делались все сочнее в цвете и мерцали радужными тонами, будто накачивались солнечной энергией. Лавон углядел существа, движущиеся

между плотно спрессованными прядями. Одни, довольно большие, похожие на крабов, многоногие, округлые, с шишковатыми зелеными панцирями, и другие, извивающиеся, змеевидные, чем-то похожие на сигидов, пожирали каких-то мелких тварей, слишком маленьких, чтобы можно было различить их невооруженным глазом.

Вормеехт нервно сказал:

— Может, изменим курс?

— Пожалуй,— согласился Лавон.— Впередсмотрящий скажет скоро, насколько далеко тянется эта дрянь.

Его совсем не привлекало изменять курс даже на несколько градусов, он боялся, что малейшее отклонение сведет на нет всю его решимость, но все-таки он не был маньяком, идущим вперед, невзирая на риск. С другой стороны, ему хотелось подбодрить команду «Спьюрифон», всех тех, кто посвятил себя такому колоссальному замыслу.

Это был золотой век Маджипура, время героев и великих свершений. Исследования шли повсюду: в пустынном бесплодии Суврейла, в чащах и болотах Зимрола, в девственных землях Алханрола, в Родамаунтском Архипелаге и островных группах, окружающих три материка. Население быстро росло, поселки превращались в города, становились неправдоподобно огромными мегаполисами, в поисках счастья с соседних миров шел поток негуманоидных переселенцев, все было оживленным, переменчивым, растущим.

А Синнабор Лавон решился на самое безумное предприятие из всех — пересечь Великое Море на корабле. Никто никогда не отваживался на это. Если смотреть из космоса, половину огромной планеты занимала вода; континенты, несмотря на всю свою величину, были сведены вместе в одном полушарии, а все остальное пространство Маджипура занимала пустота океана. И хотя прошло несколько тысяч лет с того дня, когда началась колонизация планеты человеком, на земле оставалось работы с избытком, и Великое Море было предоставлено самому себе да армадам морских драконов, неторопливо пересекающих его с запада на восток в десятилетних миграциях.

Но Лавон был влюблен в Маджипур и рвался объять все.

Из Эмблморна, от подножия Горного Замка, он добрался до Тил-Омона, города на противоположном берегу Великого Моря, а затем, испытывая необоримое желание замкнуть круг, вложил все свои средства и энергию в снаряжение этой экспедиции и в подбор экипажа, включавшего таких же сумасшедших, как он сам, решив-

шихся на десятилетие уйти в неизвестный океан. Теперь и Лавон, и все остальные сознавали, что взяли на себя непосильную задачу. Но если им удастся задуманное и они приведут «Спьюрифон» к восточному побережью Алханрола, куда еще не приставал ни один трансокеанский корабль, имена их восславят при жизни.

— Эй! — взревел вдруг впередсмотрящий.— Драконы! Хой! Хой!

— Драконы! — подхватил в один голос десяток матросов.

В первые дни путешествия, через шесть месяцев после выхода в океан, «Спьюрифон» встретила два стада морских драконов — одно среди островов, которые они назвали Архипелагом Стиамота, а второе два года спустя, в той части Великого Моря, которую назвали Впадиной Ариока. Оба стада были большими — сотни огромных созданий — с многочисленными беременными самками, и проходили они далеко от судна. Сейчас, судя по внешним границам стада, их было не больше пятнадцати-двадцати; несколько пар гигантских особей, остальные щенки, едва достигающие в длину сорока футов. На водоросли теперь никто не смотрел, внимание всех привлекли приближающиеся драконы. Вся команда высыпала на палубу, чуть не танцуя от возбуждения.

Лавон с силой сжал поручень. Он искал риска, чтобы хоть как-то вывести экипаж из состояния раздражающей скуки,— здесь был риск: в ярости морские драконы несколькими могучими ударами могут искалечить судно, даже столь хорошо защищенное, как «Спьюрифон». Правда, они редко бросались на корабли, если те не нападали первыми, но случалось и такое. Что если эти твари примут «Спьюрифон» за корабль охотников на драконов? Каждый год новое стадо проходило между Пилиплоком и Островом Снов, где разрешался их отлов, и флотилии охотников сильно прореживали тогда поголовье морских драконов. Лавон подумал, что самые большие в приближающемся стаде, должно быть, уцелели на той охоте и, кто знает, какие негодующие чувства вызывают у них корабли. Гарпунеры «Спьюрифон» уже приготовились, ожидая сигнала Лавона.

Но нападения не произошло. Драконы, казалось, смотрели на судно, как на что-то любопытное, и только. Они пришли сюда питаться. Достигнув первых пучков водорослей, они распахнули необъятные пасти и принялись глотать траву, всасывая вместе с ней змеевидную, крабоподобную, и прочую живность океана. Несколько часов драконы шум-

но паслись среди водорослей, а затем, словно по сигналу, скользнули под воду и исчезли через несколько секунд.

«Спьюрифон» опять оказался в окружении чистой воды.

— Они съели не меньше нескольких тонн,— пробормотал Лавон.— Тонн!

— Зато теперь наш путь очищен,— заметил Калимойн, но Вормеехт покачал головой:

— Нет, видите, капитан? Дальше снова водоросли. Причем, все гуще и гуще.

Лавон напряг зрение. Куда бы он не взглянул, повсюду до самого горизонта тянулась темная полоса.

— А если это земля? — предположил Калимойн.— Острова или атоллы?

— Со всех-то сторон? — насмешливо откликнулся Вормеехт.— Нет, Калимойн, мы на всех парусах вляпались в центр этого драконьего пастбища, и не стоит надеяться, что драконы проели для нас проходы. Мы в ловушке!

— Всего-навсего водоросли,— буркнул Калимойн.— Если понадобится, мы прорежем себе путь.

Лавон встревожено оглядел горизонт. Он начинал разделять беспокойство Вормеехта. Несколько часов назад водоросли тянулись отдельными прядями, потом рассеянными островками, но сейчас, хоть судно находилось в чистой воде, казалось, что водоросли взяли его в кольцо. Способна ли морская трава задержать судно? Этого никто не знал.

Сгустились сумерки. Жаркий, тяжелый воздух порозовел, затем быстро стал серым. С востока на путешественников стремительным потоком нахлынула темнота.

— Поутру вышлем лодки посмотреть, что к чему,— объявил Лавон.

Вечером после обеда Джоахил Нур прочитала лекцию о водорослях. Гигантские «алгае», говорила она, нуждаются в тщательном изучении их сложной биохимии; и долго рассказывала о комплексной системе цветовой гаммы. Все на борту, даже те, кто впал в безнадежность уныния, столпились вокруг, разглядывая образцы в лоханке, щупали их, размышляли, высказывались. Лавон радовался при виде оживления команды после стольких недель угнетенного отчаяния.

Ночью ему снилось, будто он танцует на воде, исполняя сольную партию в каком-то одухотворенном быстром балете; водоросли под ногами были прочными и упругими.

За час до рассвета его поднял настоятельный стук в дверь каюты. Это был Скин, скандар, несший третью вахту.

— Идемте скорее, капитан... водоросли...

Размер бедствия был очевиден даже в тусклом жемчужном мерцании зарождающегося утра: «Спьюрифон» шла всю ночь, но, как стало ясно, морская трава двигалась тоже, и теперь корабль находился в центре тесно сплетенного поля водорослей, протянувшегося, казалось, до края вселенной. Теперь, когда первые зеленоватые прожилки солнечного света окрасили небо, окружающее походило на какой-то сон: единый, нигде не разорванный ковер триллионов и триллионов спутанных прядей, поверхность которого колыхалась, подрагивала, трепетала и повсюду меняла цвета в нескончаемом спектре глубоких четких тонов. Там и тут в этой безгранично запутанной паутине сновали небольшие твари — нападающие и убегающие. Из густой спутанной массы поднимался столь резкий запах, что продирал до костей. Чистой воды не было видно. «Спьюрифон» оказалась так же беспомощна, как пройди она за ночь тысячи миль по земле и очутись в сердце пустынь Суврейла.

Лавон оглянулся на Вормеехта — первый помощник, такой раздраженный и язвительный вчера, сейчас был холоден и спокоен — и на штурмана Калимойна, чью бурную смелость сменили жесткий взгляд и плотно сжатые губы.

— Я отключил машины,— сказал Вормеехт.— Мы намотали на вал водоросли. Роторы забились почти сразу.

— Очистить можно? — спросил Лавон.

— Мы их чистили и чистим,— ответил Вормеехт,— но, только включаем, все забивает снова.

Помрачневший Лавон перевел взгляд на Калимойна.

— Сумели установить, какова площадь этой массы?

— К сожалению, мы не можем установить, где она кончается, капитан. Просто не видно.

— А глубину? Зондировали?

— Это как газон. Лот не опускается.

Лавон медленно перевел дыхание.

— Спускайте шлюпки, необходимо осмотреться. Вормеехт, пошлите своих ныряльщиков определить толщину слоя и установить, где можно поставить защитные экраны. Да, попросите Джоахил Нур подняться сюда.

Маленький биолог появилась быстро. Выглядела она усталой, но нарочито бодрой. Опережая Лавона, она сказала:

— Я не спала всю ночь, изучала нашу находку. Водоросли затвердевают до крепости металла, тем более что в них богатая концентрация рения и ванадия.

— Вы обратили внимание, что мы стоим? — перебил ее Лавон.

Она осталась равнодушной.

— Вижу.

— Мы оказались в древнем предании, где покидают корабли, захваченные водорослями. Но покинуть судно мы не можем, зато можем проторчать тут неизвестно сколько.

— Что даст мне возможность изучать сию уникальную экологическую область.

— Возможно, всю оставшуюся жизнь.

— Вы так думаете? — спросила Джоахил Нур, испугавшись наконец.

— Не знаю. Но я хочу, чтобы вы изменили цель своих исследований на какое-то время. Поищите средство, которое, помимо открытого воздуха, уничтожает водоросли. Кажется, придется начать биологическую войну, чтобы вырваться отсюда. Нужен какой-нибудь химический реагент, что-нибудь, что может очистить роторы.

— Поймайте парочку морских драконов,— мгновенно откликнулась Джоахил Нур,— привяжите у носа корабля, и пусть жрут, сколько влезет.

Лавон не улыбнулся.

— Обдумайте все,— сказал он,— и доложите после.

Он смотрел как спускались две шлюпки с четырьмя гребцами в каждой. Лавон надеялся, что подвесные моторы не намотают на винты водоросли, но напрасно: почти сразу моторы взревели, задыхаясь, и людям пришлось взяться за весла. Шлюпки начали медленно продвигаться сквозь толщу морской травы, время от времени останавливаясь, чтобы расчистить путь. За пятнадцать минут шлюпки удалились не больше, чем на сотню ярдов от корабля.

Тем временем двое ныряльщиков — человек и хьорт,— облаченные в маски для дыхания, прорубили отверстие в водорослях у борта судна и исчезли в глубине.

Когда спустя полчаса они не появились на поверхности, Лавон обратился к первому помощнику:

— Вормеехт, сколько можно продержаться под водой в таких масках?

— Не больше получаса, капитан. хьорт, возможно, продержится дольше, но не намного.

— Пожалуй...

— Посылать пловцов тоже не следует.

— Разумеется,— хмуро буркнул Лавон.— Как по-вашему, «Ныряльщик» сможет к ним пробиться?

— Не думаю, но мы должны попытаться. Вызывайте добровольцев.

На борту «Спьюрифон» было маленькое подводное

суденышко, которым пользовались для научных исследований. Его не трогали уже несколько месяцев, но для подготовки к погружению потребовался всего час. Вормеехт выбрал трех добровольцев, и душу Лавона, будто стальной цепью, сжало предчувствие, что он посылает их на смерть. Он никогда не видел, как умирают люди, кроме смерти нескольких глубоких старцев, и неожиданная, случайная гибель кого бы то ни было была для него тяжела и непостижима.

Когда трое добровольцев задраили люк, «Ныряльщика» лебедкой спустили за борт. Какое-то мгновение он оставался на поверхности, затем работающие на лебедке матросы отцепили удерживающие корпус захваты, и, подобно некоему толстому сверкающему крабу, «Ныряльщик» начал погружаться. Происходило это медленно. Водоросли плотно стискивали лодку, они оказались такими же прочными на разрыв, как захваты лебедки.

Калимойи выкинул что-то с нижней палубы. Лавон отвел взгляд от поверхности и увидел, как отправленные им шлюпки с трудом пробиваются сквозь гущу морской травы. Стояло уже позднее утро, и в ослепительном солнечном свете трудно было понять, куда они направляются. Но, похоже, они возвращались.

Молчаливый Лавон в одиночестве ждал на мостике. Никто не смел подойти к нему. Он уставился вниз на плавучий ковер водорослей, кишащий повсюду странными и жутковатыми формами жизни, и думал о двух ныряльщиках, экипаже подводного суденышка и остальных, находившихся пока в безопасности на борту «Спьюрифон». Все они оказались в одинаково бедственном и комичном положении; как легко этого можно было избежать, подумал он, и как тяжело об этом сейчас думать. И как бесплодно!

Почти весь день он неподвижно проторчал на мостике в молчании, тумане, жаре и зловонии. Затем пришел в каюту.

Позже к нему заглянул Вормеехт с новостями, что экипаж лодки обнаружил ныряльщиков, висящих около замерших винтов. Они были завернуты в плотные кольца морской травы, словно водоросли заботливо окутывали их. Лавон отнесся к такому предложению скептически; они наверняка сами запутались в водорослях, подумал он с болью. Сам «Ныряльщик» имел ограниченный запас времени для погружения, и машины чуть не расплавились от усилий, опуская лодку на пятидесятифутовую глубину. Трава, по словам Вормеехта, образовала фактически сплошной слой на десятки футов вглубь от поверхности.

— Что со шлюпками? — спросил Лавон, и первый помощник ответил, что они вернулись в целости и сохранности, только люди вымотались от изнурительной гребли сквозь путаницу водорослей. За весь день они ухитрились отойти от судна не больше мили, и не видели конца морской травы, не нашли они также ни одного прохода в сплошном ковре. На одного гребца напала похожая на краба тварь, она укусила его в спину, оставив царапину, и удрала.

За день положение не изменилось, и никаких перемен не предвиделось. Морская трава крепко держала «Спьюрифон», и невозможно было придумать, как освободить корабль.

Лавон бился в догадках. Он попросил летописца Майкдала Хаца потолкаться среди команды, узнать настроение людей. Часа через два тот возвратился.

— В основном, все спокойны,— доложил он.— И хотя кое-кто волнуется, большинство находит наше положение необычайно освежающим после монотонной обыденности прошедших месяцев.

— А вы?

— У меня свои страхи, капитан. Но хочется верить, что мы найдем способ вырваться. И все-таки я с удовольствием любуюсь красотой этого необычайного пейзажа.

Красота? Лавон не видел здесь ничего красивого. Он мрачно оглядел окружающие судно мили морской травы, бронзово-красной в кровавом закате. Красная туманная дымка поднималась от воды, и в густеющем тумане живущие на водорослях твари сновали повсюду в огромном количестве, так что похожие на островки спрессованные массы морской травы все время подрагивали. Красота? В чем-то действительно красиво, вынужден был признать Лавон. У него возникло ощущение, будто «Спьюрифон» села на мель посреди некоей огромной картины, где большими мазками в мягкой текучей манере был нанесен на полотно похожий на сон, сбивающий с толку мир без каких бы то ни было ориентиров, на тягучей поверхности которого происходило бесконечное изменение света. Сам же Лавон относится к морской траве, как к врагу, которого необходимо уничтожить.

Он не спал большую часть ночи, обдумывая всевозможные способы борьбы с неожиданным противником.

Утро внесло новый цвет в окружающие водоросли. Они сделались бледно-зелеными с желтыми полосами под расхолаживающим, обремененным редкими облаками небом. Вдали виднелись крылья пяти или шести огромных морских

драконов, которые создавали широкие проходы в окружающем ковре, пожирая водоросли. Как было бы хорошо, думал Лавон, сумей «Спьюрифон» проделывать тоже самое!

Он встретился с офицерами. Судя по их докладам, ночь прошла спокойно и большая часть экипажа была даже очарована необычностью, но к утру начало нарастать напряжение.

— Люди и так расстроены и тоскуют по дому,— сказал Вормеехт,— а теперь еще новая задержка на несколько дней или недель.

— Или месяцев, лет, или навсегда,— проворчал Калимойн.— Как по-вашему, мы когда-нибудь выберемся отсюда?

Голос штурмана был сварливым, и голосовые связки, казалось, выступают по обеим сторонам толстой шеи. Лавон давно уже чуял нарастающий нервный срыв и все равно оказался не готов к тому, что его штурман так быстро потеряет контроль над собой.

Вормеехт тоже выглядел удивленным.

— Вы же сами только вчера убеждали нас: «Это всего лишь водоросли. Мы прорвемся!» — помните?

— Вчера я не понимал, с чем нам пришлось столкнуться,— рыкнул в ответ Калимойн.

Лавон взглянул на Джоахил Нур.

— Есть вероятность, что эта дрянь движется, и рано или поздно взломается и выпустит нас?

Биолог покачала головой:

— Вероятность, конечно, есть, только не стоит на это надеяться. Скорее всего, перед нами квазипостоянная экосистема. Течения, разумеется, могут отнести ее в другие районы Великого Моря, но они понесут и нас вместе с ней.

— Видите,— мрачно прокомментировал Калимойн.— Безнадежно.

— Пока нет,— оборвал его Лавон.— Вормеехт, сможем мы смонтировать экраны вокруг винтов?

— Можно попробовать.

— Попробуйте. Пусть наши умельцы поработают над конструкцией экранов. Джоахил Нур, как насчет химических средств воздействия на водоросли?

— Проверяем,— ответила биолог,— но я не могу обещать.

Никто не мог ничего обещать. Им оставалось лишь размышлять, делать, верить и надеяться.

На разработку защитных экранов для винтов ушло два дня. Делали их еще пять дней. Тем временем Джоахил

Нур экспериментировала, изыскивая средства уничтожения водорослей вокруг корабля, но пока без результата.

Замерла, казалось, не только «Спьюрифон», замерло само время. Ежедневно Лавон продолжал наблюдения, производил замеры лагом, вел записи; фактически корабль не стоял — он двигался точно на юго-юго-запад, проходя по несколько миль в день. Но это был путь в никуда. Связанные массой водорослей, они могли до бесконечности дрейфовать в океане, не встречая земли.

Лавон чувствовал, что вот-вот сорвется. Он с трудом сохранял прямую осанку, плечи его поникли, голова свешивалась на грудь, словно на нее положили тяжкий груз. Он чувствовал старость, чувствовал, как она давит на него. На нем и только на нем лежала вся ответственность за то, что они не убрались из зоны морских водорослей в ту минуту, когда опасность стала очевидной. Ведь можно же было убедиться в этом за несколько остававшихся часов, твердил он себе, но он наслаждался видом морских драконов и своей дурацкой теорией, будто немного опасности добавит перца в смертную скуку путешествия. Он безжалостно терзал себя, виня и за то, что вовлек свою команду в абсурдное и ненужное путешествие. Путешествие в десять или пятнадцать лет из ниоткуда в никуда. Зачем? Для чего?

Тем не менее, он поддерживал остальных, не давал им пасть духом. Порции вина, выдававшегося в ограниченном количестве во время путешествия, были удвоены, устраивалось множество вечеринок, развлечений. Лавон распорядился каждой вахте заниматься изучением океанографии, считая, что сейчас не время для ленивой и праздной жизни. Бумаги, заполненные наблюдениями и отложенные для неторопливого изучения в ходе дальнейшего путешествия, начали дорабатываться сейчас. Работа была лучшим средством от скуки, нервных срывов и — нового фактора — нарастающего страха.

Когда были готовы экраны, добровольцы отправились под воду в «Ныряльщике» приваривать их вокруг винтов к корпусу судна. Задача осложнялась необходимостью сделать все с помощью крохотных захватов манипуляторов подводного суденышка. После гибели двух ныряльщиков Лавон не рискнул посылать кого-либо под воду в обычных масках. Под присмотром искусного механика Дэройна Клауса работы продолжались день за днем, но, к сожалению, шли слишком медленно — тяжелые массы зыби били о корпус, срывая хрупкую сварку, и дело продвигалось с трудом.

На шестой день Дэройн Клаус принес глянцевые фотографии оранжевых пятен на тускло-сером фоне.

— Что это? — спросил Лавон.

— Коррозия корпуса, капитан. Я обратил на нее внимание еще вчера, а нынче утром провел серию подводных съемок.

— Коррозия корпуса? — Лавон заставил себя усмехнуться.— Едва ли такое возможно. То, что вы мне тут показываете, скорее прилипшие к корпусу губки, моллюски или...

— Нет,— возразил Дэройн Клаус,— возможно, тут не очень-то хорошо видно, но вы сами можете убедиться, только спуститесь вниз на «Ныряльщике». Это как вгрызшиеся в металл маленькие рубцы. Я совершенно уверен, капитан.

Лавон отпустил механика и отправился к Джоахил Нур. Она долгое время изучала фотографии и наконец сказала:

— Очень похоже.

— Неужели морская трава проедает корпус?

— Вероятность этого мы подозревали уже несколько дней. Мы влезли в кислотную ванну, капитан,— я убеждена, что водоросли выделяют кислоты. Мы знаем, что они металло-фиксоры — то-есть, их привлекает металл,— ткани которых обременены тяжелыми элементами. Обычно они получают металл из морской воды, но могут уважить и нас, приняв «Спьюрифон» за гигантский банкетный стол. Не удивлюсь, если как раз по этой причине водоросли так быстро окружили судно — спешили со всей округи на пир.

— В таком случае надеяться, что они добром отпустят нас — просто глупо.

— Вот именно.

Лавон заморгал:

— Значит, останься мы здесь подольше, эта дрянь проест дыры в нашем корпусе?

Биолог засмеялась:

— Ну, на это уйдет не меньше сотни лет,— сказала она.— Голод, по-моему, более насущная проблема.

— Почему?

— Сколько мы продержимся, не пополняя запасов?

— Несколько месяцев, я полагаю. Вы же знаете, что рыбу мы можем ловить только на ходу. Вы думаете...

— Да. Все в окружающей корабль экосистеме для нас наверняка яд. Водоросли поглощают из воды металлы, а маленькие ракообразные и рыбы питаются водорослями. Большие твари пожирают мелких. Концентрация солей металлов делается все сильнее, если идти по цепочке, и мы...

— Вряд ли мы разжиреем на диете рения и ванадия.

— А заодно и молибдена с родием. Вот так, капитан. Кстати, вы просматривали последние медицинские отчеты? Настоящая эпидемия тошноты и лихорадки — как вы сами себя чувствуете, капитан? И это только начало. Пока еще ничего серьезного, но неделя-другая, и...

— Защити нас, Властительница! — вздохнул Лавон.

— Благословения Властительницы не простираются так далеко на запад,— заметила Джоахил Нур. Она холодно улыбнулась.— Рекомендую прекратить всякую ловлю рыбы и сидеть на наших запасах до тех пор, пока не выберемся из здешних вод. Необходимо также закончить работы по экранированию винтов, и как можно скорее.

— Согласен,— кивнул Лавон.

Выйдя от биолога, он поднялся на мостик и уставился на покрытую травой колышущуюся воду. Цвета сегодня были сочнее, чем когда-либо — янтарные, цвета сепии, красновато-коричневые, индиго. Водоросли подрагивали. Лавон представил себе мясистые пряди, присосавшиеся к корпусу и разрушающие его кислотными выделениями, сжигая металл молекула за молекулой, превращая корпус в ионы супа на обед. Он содрогнулся. Он больше не видел, не мог видеть красоту в путанице заполонивших море водорослей. Густая, непроницаемая, плотно сплетенная масса означала теперь для него лишь зловоние и разложение, опасность и смерть. Час за часом борта гигантского корабля становились тоньше, а он не мог двинуться, беспомощный против ранящих его врагов.

Лавон постарался сохранить эту новую напасть в тайне, не вынося ее на всеобщее обсуждение, но тщетно: никаких секретов надолго в закрытом мирке, вроде «Спьюрифон», не сохранишь. Но он настоял на секретности, желая, по крайней мере, свести до минимума открытые разговоры, которые быстро могли привести к панике. В итоге знали все, но каждый притворялся, будто он один знает, насколько скверно обстоят дела.

Тем не менее, возбуждение нарастало. Настроения, разговоры стали натянутыми и резкими, тряслись пальцы, невнятно произносились слова, все валилось из рук. Лавон держался в стороне от остальных, поскольку зто позволяло положение капитана. Он молил об избавлении и искал выход в снах, но Джоахил Нур, кажется, была права: сюда не проникали послания возлюбленной Властительницы Острова Снов, чьи советы несли утешение страждущим и мудрость колеблющимся.

Один проблеск надежды подарили биологи. Джоахил Нур предположила, что можно нарушить электрическую систему морской травы, пропуская ток через воду. Предложение показалось Лавону сомнительным, но он уважал мнение биолога и распорядился подготовить нужное оборудование.

В конце концов последний из защитных экранов был установлен вокруг винтов. Произошло это к концу третьей недели.

— Запускайте двигатель,— приказал Лавон.

Корабль вздрогнул, пробуждаясь к жизни, как только заработали винты. Офицеры на мостике — Лавон, Вормеехт, Калимойн — замерли в напряженном молчании, едва дыша. Крошечная рябь вырвалась из-под носа судна — «Спьюрифон» двинулась! Медленно, упорно корабль начал продвигаться сквозь спутанную массу корчившейся морской травы, прошла минута, другая и... дрожь винтов прекратилась.

— Экраны не выдержали! — с болью воскликнул Калимойн.

— Посмотрите, что там произошло,— бросил Лавон Вормеехту, потом обернулся к трясущемуся и потному Калимойну, стоящему с таким видом, будто его ноги пригвоздило к палубе. Первый штурман плотно поджал губы, из-за чего на щеках образовались желваки:

— Скорее всего, задержка будет недолгой,— мягко произнес Лавон.— Пойдемте-ка со мной, у меня осталось немного вина, и как только корабль снова тронется, мы...

— Нет! — взревел Калимойн.— Я чувствую, экраны сорвало. Водоросли сожрали их!

— Экраны на месте,— проговорил Лавон более настоятельно.— Завтра к этому времени мы будем далеко отсюда, и вы снова проложите нам курс к Алханролу.

— Мы погибли! — выкрикнул Калимойн и вдруг метнулся прочь. Размахивая руками, он сбежал вниз по трапу и исчез из поля зрения. Лавон колебался. Вернулся Вермеехт, выглядел он мрачнее тучи. Экраны действительно сорвало, винты запутались и судно вновь остановилось.

Лавон пошатнулся, чувствуя, как заражается отчаянием своего штурмана. Мечта всей жизни завершилась нелепым, катастрофическим фарсом.

В этот момент на мостик поднялась Джоахил Нур.

— Капитан, вы знаете, что Калимойн скоро спятит? Он забрался на наблюдательную вышку, плачет, кричит, танцует и призывает к мятежу.

— Я пойду к нему,— сказал Лавон.

— Я почувствовала, как заработали винты, но потом...

Лавон кивнул:

— Запутались снова. Сорвало экраны.

И, уже уходя, он услышал, как биолог заговорила о своем электрическом проекте и о том, что готова провести первую пробу в полном масштабе. Он ответил, чтобы она начинала немедленно и сразу доложила, если будут результаты, но все ее слова проходили мимо сознания — голова была занята только одним, что делать с Калимойном. Первый штурман находился на высокой площадке правого борта, где обычно проводил наблюдения и вычисления широты и долготы. Сейчас он то прыгал, как помешанный, то гордо расхаживал взад и вперед, размахивая руками, то распевал непристойные отрывки баллад, то вопил, обвиняя и понося дурака Лавона, который умышленно завлек их в ловушку. Человек десять команды собрались внизу, слушая немного насмешливо, немного одобрительно. К ним быстро присоединились остальные — все-таки развлечение, дневная потеха. К своему ужасу, Лавон вдруг заметил, что к площадке Калимойна пробирается Майкдал Хац. Подойдя, он позвал штурмана и заговорил низким басом, спокойно уговаривая того спуститься. Несколько раз Калимойн поглядывал на летописца и прерывал его, бормоча в его адрес угрозы. Но Хац продолжал подниматься. Теперь он уже находился в двух ярдах от штурмана, продолжая говорить и улыбаться, протянув вперед раскрытые ладони, словно показывая, что у него ничего нет.

— Убирайся! — взревел Калимойн.— Пошел обратно!

Лавон, сам было шагнувший к площадке, жестом дал понять Хацу, чтобы тот держался подальше от штурмана. Слишком поздно! В одно мгновение взбешенный Калимойн прыгнул к Хацу, обхватил маленького летописца, поднял, как куклу, вверх и швырнул через поручни в море. Крик ужаса вырвался у зрителей. Лавон метнулся к поручням и успел увидеть, как Хац, колотя руками, рухнул в воду. По водорослям пронеслась мгновенная судорожная дрожь. Подобно сводящим с ума угрям, мясистые пряди зашевелились, завертелись. Море, казалось, вскипело на миг — и Хац исчез.

У Лавона от ужаса пошла голова кругом. Сердце словно бы целиком заполнило грудь, раздавив легкие, а мозг будто вертелся в черепной коробке. Он никогда не видел насилия раньше. За всю жизнь ему ни разу

не довелось услышать о намеренном убийстве одного человека другим. И *это* произошло на его корабле, и совершено *это* одним из его офицеров — невыносимая, смертельная рана! Как во сне он двинулся вперед, руки его легли на мускулистые плечи Калимойна, и, не задумываясь, с силой, которой у него не было никогда прежде, он легко перекинул штурмана через поручень. Он услышал приглушенный вой, потом всплеск. Пораженный, он посмотрел вниз и увидел, как море вскипело во второй раз и морская трава сомкнулась на бьющемся теле Калимойна.

Медленно, оцепенело, Лавон спустился с площадки. Чувствовал он себя ошеломленным и трясся, как в лихорадке. Казалось, что-то надломилось внутри. Кольцо расплывающихся в глазах людей окружило его. Постепенно он различил глаза, рты, знакомые лица. Он хотел что-то сказать, но не смог произнести ни слова — только выдавливал неразборчивые звуки. Потом рухнул вниз, не почувствовав удара о палубу. Чьи-то руки поддержали его за плечи, кто-то поднес ему вина.

— Посмотри на его глаза,— услышал он чей-то голос.— Он в обмороке.

Лавона затрясло. Как-то — он не сознавал, как — он оказался в своей каюте, где над ним склонился Вормеехт, а остальные толпились вокруг.

Первый помощник тихо произнес:

— Корабль движется, капитан.

— Я *убил* его, Вормеехт.

— Мы бы все равно не смогли держать сумасшедшего под замком следующие десять лет. Он был опасен для всех. У вас все права, и вы поступили совершенно правильно.

— Мы не убийцы,— пробормотал Лавон.— Давным-давно наши варварские предки отнимали друг у друга жизни, но мы — не убийцы и не убиваем. Я никогда никого не убивал. Мы были дикарями раньше, но теперь-то мы живем в иной эпохе и на другой планете. А я убил его, Вормеехт.

— Да, капитан. И были правы. Он угрожал успеху путешествия.

— Успеху? Какому успеху?

— Корабль снова движется, капитан.

Лавон не сводил с него глаз.

— О чем вы?

— Пойдемте, убедитесь сами.

Четыре массивные руки обняли его, и Лавон ощутил резкий запах шкуры скандара. Гигант-матрос подхватил его, вынес на палубу и заботливо опустил вниз. Лавон

пошатнулся, но рядом были Вормеехт и Джоахил Нур. Первый помощник указал на море. Вдоль всего корпуса «Спьюрифон» окружала чистая вода.

— Мы опустили в воду кабели,— рассказывала Джоахил Нур,— и тряхнули эту дрянь доброй порцией тока. Это взорвало всю систему... Ближайшие водоросли погибли мгновенно, а прочие начали отодвигаться. Перед нами чистый проход до самого горизонта.

— Путешествие спасено, капитан,— сказал Вормеехт.— Теперь мы снова пойдем вперед.

— Нет,— Лавон покачал головой. Сознание мутилось и туманилось.— Мы остались без штурмана. Чтобы найти нового, придется повернуть назад к Зимролу.

— Но...

— Поворачивайте!

Сбитые с толку, пораженные, они смотрели на него с раскрытыми ртами.

— Капитан, вы все еще не в себе. Отдать такой приказ, когда все обошлось благополучно... Вам просто нужно отдохнуть и тогда...

— Путешествие закончено, Вормеехт. Мы идем назад.

— Нет!

— Нет? Это что, бунт? — Их взгляды скрестились.— Вы действительно хотите продолжать плавание? — спросил Лавон.— На борту обреченного корабля с убийцей-капитаном? Вас ведь тошнило от путешествия, прежде чем это все произошло. Вы думали, будто я не знал? Вы жаждали вернуться домой, только не решались сказать вслух... Ну, так теперь я удовлетворю ваши чувства.

— Мы пять лет в море,— проговорил Вормеехт.— Вполне возможно, что мы уже одолели половину пути, и добираться до противоположного берега ближе, чем возвращаться.

— Или мы можем навечно уйти в никуда,— возразил Лавон.— Но дело не в этом. Просто у меня не лежит сердце идти вперед.

— А если вы завтра решите по-другому, капитан?

— И завтра *у меня на руках останется кровь*, Вормеехт. Я обязан был провести корабль через Великое Море в полной безопасности. Мы уже заплатили за нашу свободу жизнью четверых; путешествие закончено.

— Капитан...

— Поворачивайте судно,— приказал Лавон.

Когда они на следующий день пришли к нему хлопотать о продолжении путешествия, упирая на вечную славу

и бессмертие, ожидающие их в Алханроле, Лавон холодно и решительно отказался от какого-либо обсуждения. Продолжать путешествие теперь, сказал он, невозможно. Они смотрели друг на друга: те, кто прежде ненавидел плавание и стремился избавиться от него, и тот, кто в эйфорический миг победы над водорослями изменил решение. И в конце концов им пришлось тоже изменить решение, согласившись с Лавоном. Они взяли курс на восток и больше не заговаривали о том, чтобы пересечь Великое Море. Весь год они с трудом пробивались сквозь штормы, на следующий год у них произошло столкновение с морскими драконами, чуть не повредившими кормовую часть судна, но, тем не менее, они продолжали плыть, и из 163 путешественников, в свое время покинувших Тил-Омон, более ста остались в живых — среди них капитан Лавон,— когда «Спьюрифон» вошла в родной порт на одиннадцатый год путешествия.

Часть 4

ОБЪЯСНЕНИЯ КАЛИНТАЙНА

Четыре дня после этого Гиссаном владела меланхолия. Разумеется, он знал, что путешествие завершилось неудачей — ни одному кораблю так и не удалось пересечь Великое Море, очевидно, не удастся в ближайшем будущем. Но неудача в этом случае!.. Зайти так далеко, а потом вернуться, причем, не из-за трусости, болезней или голода, а только из моральных соображений — Гиссан с трудом мог понять это, сам бы он никогда не повернул назад. Все пятнадцать лет своей жизни он упорно шел к тому, что сделал своей целью, а те, кто колебался на избранном пути, всегда казались ему лентяями и слабаками. Но с другой стороны, он не Синнабор Лавон и ни у кого не отнимал жизнь, а ведь такой поступок может потрясти любую душу. Он испытывал к капитану смешанное чувство жалости и презрения. А потом... потом он понял, что Синнабор Лавон был не слабым человеком, а личностью с колоссальной моральной ответственностью. Мое образование, думал он, продолжается.

Затем он принялся отыскивать записи приключений и развлекательные, не столь философского плана, но находил не совсем то, что искал. Однако за столько лет,

проведенных под землей, он узнал, что был невероятный случай в самом Лабиринте, сильно позабавивший бы любого, и даже сейчас, более чем через шесть тысячелетий, о нем рассказывали, как об одном из самых необычных происшествий, виденных на Маджипуре.

Дождавшись подходящего времени, Гиссан провел кое-какие исторические исследования, а затем с помощью Счетчика Душ вошел в сознание некоего юного официала при дворе Понтификса Ариока, имевшего репутацию эксцентричного человека.

Наутро после того дня, когда кризис достиг кульминационной точки и всеми овладело настоящее безумие, в Лабиринте воцарилась непривычная тишина, поскольку все были слишком поражены, чтобы разговаривать. Удар от вчерашнего был слишком ошеломителен, и даже те, кто имел к случившемуся прямое отношение, никак не могли в это поверить. По приказанию нового Понтификса утром собрались все чиновники — высокопоставленные и рангом пониже,— участвовавшие в недавней перестановке. Сидели свободно, отгоняя сон, тогда как новый Понтификс и новый Венценосец — оба как громом пораженные нежданным возведением в сан,— удалились в личные покои поразмыслить над своим внезапным превращением, что позволило, наконец, Калинтайну найти время повидаться с Силимэр. Занятый делами, он не виделся с ней целый месяц, а она была не из тех, кто легко прощает. Теперь он сумел переправить ей записку, в которой написал: «Каюсь, я виновен в постыдном пренебрежении, но, возможно, теперь ты начинаешь понимать, почему. Встретимся в полдень за ленчем у Двора Сфер, и я все объясню».

За время их знакомства он уже разобрался в ее темпераменте, довольно бурном и в лучшие минуты встреч. Фактически, это был ее единственный, зато сильный недостаток, и Калинтайн побаивался ее гнева. Уже год они были любовниками, и дело шло к обручению. Все высшие сановники двора Понтификса соглашались, что он поступит хорошо, женившись. Силимэр была прелестна, разумна и образованна в делах политических. Она принадлежала к хорошей семье, среди предков которой были три Венценосца, включая самого легендарного Лорда Стиамота, и было ясно, что она станет идеальной женой для молодого человека, судьбой предназначенного для высоких мест в государстве, ведь уже сейчас, незадолго до тридцатилетия, Калинтайн достиг внешнего края внутреннего круга двора Понтификса, неся на своих плечах ответственность,

какая не многим дается в его годы. Именно ответственность и удерживала его не только от объяснений, но даже от встреч с Силимэр. Без особой уверенности он надеялся, что она простит его.

Всю прошедшую бессонную ночь он повторял в уме заготовленную речь, желая уменьшить свою вину: «Ты ведь знаешь, я был занят настоятельными делами государственной важности в последние недели, слишком щекотливыми, чтобы обсуждать их даже с тобой, и...» И продолжал обкатывать фразы, поднимаясь по ярусам Лабиринта к Двору Сфер на встречу с Силимэр.

Непривычная тишина Лабиринта в это утро заставляла воспринимать все окружающее очень отчетливо и остро. Нижние уровни, где находились правительственные учреждения, казались напрочь вымершими и опустевшими, а в расположенных выше этажах встретилось всего несколько человек, собиравшихся небольшими хмурыми группками в темных уголках и перешептывающихся с таким видом, будто произошел государственный переворот. И все пристально разглядывали Калинтайна, некоторые тыкали пальцами. Калинтайн удивлялся, как они узнают в нем официала Первосвященного, пока не сообразил, что так и не снял маску. Он носил ее на всякий случай, вроде для защиты от яркого искусственного света воспаленных от бессонницы глаз.

Сегодня Лабиринт выглядел холодным и гнетущим, и он поспешно покинул эти мрачные подземные глубины, чьи многоэтажные колоссальные залы спиралью уходили вниз и вниз. За какую-то одну-единственную ночь это место стало для него отвратительным.

На уровне Двора Сфер он сошел с подъемника и наискось пересек его зал, запутанный, огромный, украшенный тысячами непостижимым образом подвешенных в воздухе сфер-шаров, направляясь к маленькому кафе на противоположной стороне. Полдень пробило как раз в ту минуту, когда он входил внутрь. Силимэр уже сидела здесь — он был уверен, что так и будет, поскольку она всегда была пунктуальна, когда хотела устроить ему неприятности,— за небольшим столиком у задней стены.

Она встала, но не подставила губы, а протянула руку, как он и ожидал. Улыбка ее была четко отмеренной и холодной. Измученному Калинтайну она показалась поразительно красивой: короткие золотистые волосы, вспыхивающие бирюзовые глаза, полные губы, высокие скулы, вся ее стройная фигурка.

— Я виноват,— хрипло пробормотал он.

— Конечно. Столь долгая разлука, должно быть, была для тебя непосильной ношей...

— Как ты знаешь, последние недели я был очень занят делами государственной важности, слишком щекотливыми, чтобы обсуждать их даже с тобой...

Слова звучали невероятно глупо, и Калинтайн испытал облегчение, когда она прервала его ровным голосом:

— У нас еще будет время, милый. Может быть, пока выпьем?

— Пожалуй, да.

Она махнула рукой. Одетый в ливрею официант — надменно державшийся хьорт — подошел, принял заказ и гордо удалился.

— Ты разве не снимешь маску? — поинтересовалась Силимэр.

— Ох, прости... Последние дни была такая неразбериха...— Он сорвал ярко-желтую тряпицу, которая скрывала глаза и нос и четко определяла в нем человека Понтификса. Выражение лица Силимэр изменилось, когда она увидела его лицо, яростные огоньки в глазах погасли, взамен их возникла заинтересованность, почти жалость.

— У тебя глаза красные, словно кровью налились,— заметила она,— а щеки бледные-бледные и натянутые...

— Я не спал. Сумасшедшее время.

— Бедняжка Калинтайн!

— Думаешь, мы не виделись, потому что я так хотел? У меня просто не было времени.

— Знаю. И вижу, чего тебе это стоило.

Внезапно до него дошло, что она не насмехается над ним, а искренне сочувствует, и что все, возможно, окажется легче и проще, чем он себе представлял.

— Проклятые дела вздохнуть не дают. Ты слышала, что выкинул вчера Понтификс Ариок?

Силимэр задохнулась от смеха:

— Разумеется. До меня ведь доходят слухи. Все слухи. Это правда? Это действительно произошло?

— К несчастью, да.

— Какое чудо! Какое изумительное чудо! Но случившееся перевернет мир вверх дном. Это подействовало на тебя так ужасно?

— На меня, на тебя, на каждого,— буркнул Калинтайн, жестом охватывая Двор Сфер, Лабиринт, окружающую планету за этим ограниченным подземельем — от внушающего благоговение Горного Замка до дальних

городов на западном континенте. — Я сам с трудом понимаю. Но лучше начать сначала...

Возможно, ты не знаешь, что последние месяцы Понтификс Ариок вел себя необычно. Я полагаю, напряжение, испытываемое человеком на высоком посту, зачастую сводит людей с ума, или еще раньше становишься немного сумасшедшим, когда стремишься добиться высокого места. Но, как ты знаешь, Ариок из Дизимола тринадцать лет был Венценосцем и более десяти лет Понтификсом, а за это время можно, пожалуй, научиться держать себя в руках. Особенно, если живешь здесь, в Лабиринте. Должно быть, Понтификс просто затосковал по весеннему ветру с Замковой горы, по охоте на гихорнов в Зимроле или просто хотел поплавать где-нибудь по настоящей реке, а ему приходилось торчать глубоко под землей и это до конца жизни.

Однажды, около года назад, Ариок начал поговаривать о грандиозном шествии по Маджипуру. Я был в тот день при дворе с Герцогом Гиделоном. Понтификс попросил карты и начал строить планы путешествия по реке к Адэйсору, затем он хотел отправиться на Остров Снов навестить во Внутреннем Храме Властительницу, после чего пересечь весь Зимрол, останавливаясь в Пилиплоке, Ни-Мойе, Пидруде, Нарабале — понимаешь, везде. Поездка, которая заняла бы по меньшей мере лет пять. Гиделон бросил на меня странный взгляд и указал Ариоку, что столь грандиозные шествия устраивают Венценосцы, а не Понтификсы, и Лорд Стрэйн вернулся из такого всего два года назад.

«Выходит, мне запрещено это делать?» — осведомился Понтификс.

«Не запрещено, ваше величие, но обычай требует...»

«...от меня оставаться узником Лабиринта.»

«Нет, нет, вовсе не узником, но...»

«...но мне не дано выходить во внешний мир.»

Должен заметить, мои симпатии были на стороне Ариока, но не забывай, что я, не в пример тебе, не уроженец Лабиринта, а лишь один из тех, кого долг и обязанности перед Маджипуром привели сюда, поэтому жизнь под землей для меня немного необычна. И когда Гиделон убедил Ариока в невозможности грандиозного шествия, я не мог не заметить неуспокоенности в глазах Понтификса.

А затем произошло то, чего никто не ожидал — его величие начал удирать по ночам и слоняться по Лабиринту. Никто не знал, часто ли он поступал так раньше, прежде чем мы обнаружили, что происходит, хотя до нас доходили

слухи, будто закутанную в плащ, носящую маску прячущуюся фигуру, сильно смахивающую на Понтификса, изредка видели то у Двора Пирамид, то в Зале Ветров. Мы относились к ним безразлично до той ночи, когда по счастливой случайности постельничему Ариока почудилось, будто Понтификс требует его к себе, он отправился взглянуть, что тому надо, и нашел комнату пустой. Ты должна помнить ту ночь, Силимэр, потому что мы были вместе, когда ворвался один из людей Гиделона и увел меня с собой, заявив, что созывается неотложная встреча высших советников и необходимы мои услуги. Ты тогда была расстроена, вернее, в бешенстве. Разумеется, причиной встречи послужило исчезновение Понтификса, хотя впоследствии мы скрыли это, объявив, что обсуждали последствия гигантской волны, опустошившей Стоенцар.

Ариока нашли в четыре часа утра. Он был на Арене — ты знаешь, что это идиотское пустое место было создано по одному из безумных указов Понтификса Дизимола. Ариок сидел на корточках у дальней стены, играл на зутибаре и пел песенки аудитории из пяти-шести оборванных мальчишек. Мы доставили его домой. Через несколько недель он снова удрал и ухитрился добраться до Двора Колонн. Гиделон много говорил с ним. Ариок настойчиво утверждал, что монарху важно побродить среди народа, послушать его горести, и ссылался на прецеденты в дальнем прошлом Старой Земли. Гиделон принялся втихомолку расставлять охрану в его покоях — предположительно от наемных убийц, но кому нужно убивать Понтификса? Стража не давала — не физически, нет — Ариоку убегать, но хотя Понтификс и странный человек, он отнюдь не дурак и, вопреки охране, раза два-три ускользал в последующие два месяца. Положение становилось критическим: а если он вдруг исчезнет на неделю или вообще покинет Лабиринт и отправится погулять в пустыню?

«Раз мы не в силах воспрепятствовать его скитаниям по Лабиринту, почему бы тогда не дать ему напарника, который сопровождал бы его и заодно присматривал, чтобы с ним ничего не случилось?» — сказал я как-то Гиделону.

«Отличная мысль, — кивнул Герцог. — Вот тебя-то я и определю на этот пост. Ты достаточно молод и проворен, чтобы помочь ему выпутаться из затруднительных положений».

Это было шесть недель назад, Силимэр. Ты, конечно, помнишь, что как раз тогда я перестал проводить с тобой

ночи, оправдываясь увеличением обязанностей при дворе, и началось наше отчуждение. Я не мог рассказать тебе, какого рода обязанности мне приходится выполнять по ночам, и лишь надеялся, что ты не заподозришь меня в желании сменить любовницу. Теперь я могу открыть, что был вынужден поселиться в комнате поближе к спальне Понтификса и ухаживать за ним каждую ночь. Спать приходилось, когда придется, днем, и благодаря то одной, то другой хитрости, я сделался товарищем Ариока в его ночных прогулках.

Дело оказалось трудным. По-настоящему, я был хранителем Понтификса, и мы оба знали об этом, но разумеется, я постарался, чтобы это не сильно било в глаза. Как бы там ни было, я оберегал его от грубиянов и рискованных экскурсий. Нам встречались плуты, забияки, просто горячие головы. И ни один не стал бы вредить Понтификсу, но сам он вполне мог ввязаться в неприятную ситуацию. В редкие минуты отдыха и сна я искал помощи Властительницы Острова — да покоится она на груди Дивине! — и она пришла ко мне в благословенных посланиях и предрекла, что я должен стать другом Понтификса, раз не желаю быть его тюремщиком. Какое все-таки счастье, что мы можем получать материнские советы в наших снах! Следуя им, я сам осмелился проявить инициативу и вовлек Ариока в несколько приключений. «Давайте прогуляемся нынче ночью»,— частенько говорил я ему теперь. Это была моя идея — побывать ночью на жилых уровнях Лабиринта, в местах, где и ночью не прекращалось бражничанье и веселье. Загримированным, конечно, и в маске, чтобы его не узнали. Я вводил его в таинственные проходы, где обитали опасные азартные игроки — меня там знали, и я не представлял для них никакой угрозы. И опять же я в одну отчаянную ночь по-настоящему охранял его за стенами Лабиринта. Я понимал, чего он желает больше всего, но боится даже предлагать это, и тогда предложил сам, как тайный подарок, и мы воспользовались личными проходами Венценосца наверх, в Месяц Вод.

Мы стояли так близко к Клайгу, что чувствовали прохладный воздух, несомый ветрами с Замковой горы, и смотрели вверх на пылающие звезды.

«Я не был здесь шесть лет»,— сказал Понтификс.

Он дрожал, и я подумал, что он плачет под маской. И я, который слишком долго никогда не смотрел на звезды, тоже был недалеко от этого. Понтификс указал на одну

звезду и сказал, что с нее пришел в наш мир народ чаурогов, затем показал звезду хьортов, а потом еще одну — пустяковое пятнышко света — и дал понять, что она ничто иное, как солнце Старой Земли. Я усомнился — все-таки я учился в школе,— но он так радовался, что я не посмел ему противоречить. А он повернулся ко мне, сжал мою руку и сказал низким голосом:

«Калинтайн, я олицетворяю высшую власть в нашем колоссальном мире, и в то же время я — ничто, раб, узник. Я отдал бы все, чтобы освободиться, бежать из этого подземного Лабиринта и провести оставшиеся годы под звездами».

«Почему вы тогда не отречетесь?» — спросил я, поражаясь собственной наглости.

Он усмехнулся:

«Это было бы трусостью. Я избран Дивине, как я могу отвергнуть ношу? — Он помолчал.— До конца дней я назначен судьбой быть властью Маджипура. Но ведь должен же найтись какой-нибудь честный путь освободиться от этого подземного заточения!»

И я увидел, что Понтификс не безумец, не капризен, а просто одинок среди этой ночи, гор, лун, деревьев и рек — всего мира, который его заставили покинуть, дабы он нес на своих плечах всю тяжесть ноши правления планетой.

Позже, две недели спустя, пришла весть о постигшей Властительницу Острова, мать Венценосца Стрейна, болезни и о том, что она вряд ли поправится. Необычный кризис вызвал колоссальные трудности, поскольку по своему положению Властительница равна Венценосцу и Понтификсу, и заменить ее едва ли дело обычное. Сам Лорд Стрейн, говорили, покинул Горный Замок, чтобы посоветоваться с Понтификсом перед поездкой на Остров к матери, но он мог и не поспеть туда. Между тем, Герцог Гиделон, как первый глас Понтификса и начальник стражи двора, начал составлять список кандидаток на место Властительницы, который затем нужно было сравнить с таким же списком Лорда Стрейна и посмотреть, нет ли в том и в другом какого-нибудь одного и того же имени. Совет Понтификса Ариока был необходим всем, и мы считали, что ему, в его нынешней неудовлетворенности, будет полезно поглубже войти в дела государства. По крайней мере, умирающая в определенном смысле считалась его женой — по формальностям нашего закона о праве наследования он усыновил Лорда Стрейна, когда того избрали Венценосцем; конечно, у Властительницы

был настоящий муж где-то в Горном Замке, но ты же понимаешь, что такое обычай? Гиделон сообщил Понтификсу о нависшей над Властительницей угрозе, и началось окружное совещание правительства. Я на нем не присутствовал — у меня еще нет пока такого положения при дворе.

Полагая, что тяжелое положение Властительницы заставит Понтификса, по меньшей мере, отвлечься от своих прогулок, мы, видимо, неосознанно ослабили нашу бдительность. И в ту самую ночь, когда весть о кончине Властительницы Острова Снов достигла Лабиринта, Ариок вновь ускользнул один — впервые с тех пор, как я стал присматривать за ним. Одурачив охрану, одурачив меня, одурачив своих прислужников, он выскользнул в бесконечную путаницу переходов и уровней Лабиринта, и никто не мог найти его. Мы искали всю ночь и весь следующий день. Я был в панике, опасаясь как за него, так и за свою карьеру. С дурными предчувствиями я направил офицеров к каждому из семи Устьев Лабиринта на поиски в пустыне, а сам заглянул во все распутные притоны, куда водил его в свое время. Люди Гиделона перерывали неизвестные даже мне места, но, осуществляя наши поиски, мы держали население в неведении относительно исчезновения Понтификса.

Мы нашли его после полудня в здании, расположенном на уровне, известном под названием Зубы Стиамота, в первом кольце Лабиринта, где он скрывался под женской одеждой. Мы никогда бы не нашли его, не возникни какая-то ссора с неоплаченным счетом, по поводу которой были вызваны прокторы, и когда Понтификс не смог удостоверить свою личность и из-под женского одеяния раздался мужской голос, у прокторов хватило ума вызвать меня, и я поспешил забрать у них арестованного. Выглядел он ужасно непривычно в своей мантии и браслетах, но спокойно и разумно приветствовал меня, назвав по имени, и выразил надежду, что не причинил нам больших хлопот.

Я ждал, что Гиделон понизит меня в должности, но Герцог был в настроении и простил меня, к тому же он был слишком занят разразившимся кризисом, чтобы обращать внимание на мои ошибки, и ничего не сказал о том, что я позволил Понтификсу незаметно покинуть его опочивальню.

«Лорд Стрейн прибыл сегодня утром, — сказал он мне торопливо и устало. — Естественно, он хотел сразу встретиться с Понтификсом, но мы уверили его, будто тот спит

и не стоит его беспокоить. В то время, как половина моих людей была брошена на поиски. Какая это все-таки боль — лгать Венценосцу, Калинтайн!»

«Понтификс, действительно, сейчас спит у себя в покоях»,— ответил я.

«Да, да, и он там и останется, я полагаю?»

«Я приложу все силы к этому».

«Я имею в виду не это,— перебил меня Гиделон.— Понтификс Ариок, очевидно, лишился разума. Тайком удирать из своих покоев, шляться по ночам вокруг жилых кварталов и, наконец, облачиться в женский наряд — это уже выходит за рамки обычной эксцентричности, Калинтайн. Сейчас, когда у нас на носу дело об избрании новой Властительницы, я предлагаю содержать его постоянно в личных покоях под строгой охраной — ради его собственного блага — и передать обязанности Понтификса в руки регента. Такие случаи уже бывали, я порылся в документах. В свое время Понтификс Нархольд подхватил болотную лихорадку, которая поразила его разум, и...»

«Господин,— сказал я,— я не верю в безумие Понтификса».

Гиделон нахмурился:

«Как же еще можно назвать человека, сделавшего то, что сделал Понтификс Ариок?»

«Поступком человека, слишком долго бывшего правителем, чей дух бунтует против всего того, что ему приходится нести на своих плечах. Я неплохо изучил его, и рискну сказать, что своими выходками Понтификс выражает душевные муки, но никак не безумие».

Это была красноречивая речь и, сказал я себе, смелая для младшего советника, тем более, что Гиделон в настоящий момент являлся третьим по величине лицом на Маджипуре после самого Ариока и Лорда Стрейна. Но настало время, когда кому-то нужно было отбросить дипломатию, честолюбие и хитрость и просто сказать правду, а мысль о заключении в узилище несчастного Ариока, когда он и так уже терпит огромную муку из-за ограниченности Лабиринта, ужаснула меня. Гиделон довольно долго молчал, и я уже начал пугать себя предположениями, что меня либо уволят со службы, либо отправят в какой-нибудь закуток к писцам перебирать бумаги до конца жизни, но я спокойно, совершенно спокойно ждал ответа.

Неожиданно раздался стук в дверь — посланец принес конверт с изображением звездного взрыва, личной печатью

Венценосца. Герцог вскрыл его, прочел, перечитал снова, затем прочел в третий раз. Я никогда не видел такого недоверия и ужаса, какие появились на его лице. Он смертельно побледнел, руки тряслись.

Взглянув на меня, он произнес странным голосом: «Венценосец собственноручно извещает меня, что Понтификс Ариок покинул свою опочивальню и удалился в Зал Масок, где издал указ, столь поразительный, что я не в силах заставить себя повторить его.— Он протянул мне послание.— Идем, нужно торопиться в Зал Масок».

Он выбежал из комнаты, я последовал за ним, тщетно пытаясь на ходу просмотреть текст письма. Почерк у Лорда Стрейна оказался отвратительным, а Гиделон бежал с поразительной быстротой по слабоосвещенным изгибам коридоров, так что я разбирал лишь отрывки — что-то о новой Властительнице и об отречении. Чье могло быть отречение, если не Понтификса Ариока? Но ведь он сам говорил мне, что было бы трусостью сбросить с плеч бремя власти, назначенное судьбой?!

Задыхаясь, я влетел в Зал Масок, одно из немногих мест в Лабиринте, которое и в лучшие времена не любил за огромные узкоглазые лица, которые казались мне фигурами из кошмара. Шаги Гиделона простучали по каменному полу, за ними эхом отдавались мои собственные, и, хотя он был вдвое старше меня, мчался он, как демон. Впереди я слышал крики, смех, рукоплескания, а немного погодя увидел и собравшихся — сотни полторы жителей Лабиринта, среди которых я узнал несколько главных советников Первосвященного. Гиделон и я с трудом втиснулись в толпу и остановились, лишь увидев фигуры в зелено-золотой форме службы Венценосца. Лорд Стрейн выглядел одновременно взбешенным и изумленным. Он явно находился в шоке.

«Его не остановить,— произнес он хрипло.— Он переходит из зала в зал, повторяя свое провозглашение, слушайте: он снова начал.»

Только тогда я заметил неподалеку от нас Понтификса Ариока, сидевшего на плечах громадного скандара. Его величие был одет в белую струящуюся мантию женского покроя с великолепными парчовыми оборками, а на груди его покоился пылающий красным цветом драгоценный камень, поразительно большой и сияющий.

«Тогда как пустота возникла среди высших Сил Маджипура! — воскликнул он удивительно сильным голосом,—

и нужна новая Властительница Острова Снов! И она должна как можно скорее править душами людей! Появляясь в снах и даря утешение! И помощь! И! Так как! Мое горячее желание! Сбросить бремя Первосвященности! Которое я несу двенадцать лет! Я! Объявляю себя отныне и впредь! Женщиной! И как Понтификс! Я называю имя новой Властительницы Острова Снов — женщину Ариок!...»

«Безумие»,— пробормотал Гиделон.

«Я слышу это в третий раз, и все равно не могу поверить»,— сказал Венценосец Лорд Стрейн.

«...отрекаясь одновременно от трона Понтификса! И призываю жителей Лабиринта! Принести Властительнице Ариок колесницу! Помочь добраться до порта Стоен! Потом до Острова Снов! Дабы могла она нести всем вам свое утешение!»

В этот миг взгляд Ариока встретился с моим. Понтификс волновался, лоб его был покрыт испариной. Но он узнал меня, улыбнулся и *подмигнул*, подмигнул радостно, с торжеством. Я отвернулся.

«Его нужно остановить»,— сказал Гиделон.

Лорд Стрейн покачал головой:

«Слышите аплодисменты? Им нравится, и толпа все нарастает по мере того, как он переходит с уровня на уровень. Его поднимут до Устья Лезвий и доставят в Стоен еще до конца дня.»

«Вы — Венценосец,— напомнил Гиделон.— Неужели ничего нельзя сделать?»

«Высший правитель планеты — Понтификс, и каждое его распоряжение я поклялся исполнять. Изменить всенародно? Нет-нет, Гиделон, что сделано, то сделано, пусть и невероятно, но теперь нам придется жить с этим.»

«Многая лета Властительнице Ариок!» — проревел гудящий голос.

«Властительница Ариок! Властительница Ариок! Многая лета!»

Я смотрел, как процессия двинулась из Зала Масок, направляясь то ли в Залу Ветров, то ли ко Двору Пирамид. Мы — Гиделон, Венценосец и я — не последовали за ней. Ошеломленные, молчаливые, мы стояли неподвижно до тех пор, пока не исчезли оживленные фигуры. Я был смущен, находясь в обществе двух самых великих людей нашего мира в столь унизительный момент. Это отречение и провозглашение Властительницы Острова Снов было настолько нелепо и фантастично, что они были сбиты с толку.

Наконец Гиделон задумчиво произнес:

«Если вы принимаете отречение, как имеющее силу, Лорд Стрейн, то вы больше не Венценосец и должны быть готовы стать главой планеты и Лабиринта. Теперь вы наш Понтификс.»

Слова его поразили Лорда Стрейна, словно огромная тяжесть. Сгоряча он, видимо, не подумал о последствиях признания желания Ариока.

Рот его открылся, но он ничего не сказал. Он сжимал и разжимал кулаки, словно делая себе самому знак звездного взрыва, но я понимал, что это всего лишь выражение замешательства. Я чувствовал благоговейную дрожь: стать свидетелем при передаче власти, к чему Лорд Стрейн был совершенно не готов. Я понимал его: оставить в расцвете лет радости Горного Замка, сменить веселье городов и красоту мира на мрачный Лабиринт, снять венец звездного взрыва и надеть диадему — нет, он был совершенно не готов, и когда истинное положение вещей дошло до него, он смутился и заморгал. Наконец, после длительного молчания, он проговорил:

«Да будет так. Я — Понтификс. Но кто, спрашиваю я вас, займет мое место Венценосца?»

Я полагал, что это риторический вопрос, поэтому ни я, ни Герцог ничего не ответили.

«Кто будет Венценосцем?» — с гневом повторил Лорд Стрейн.

Он не сводил глаз с Гиделона.

Скажу честно, я был поражен, став свидетелем событий, которые вряд ли забудутся и за десять тысяч лет. Но насколько сильнее это ударило по ним! Гиделон отшатнулся, невнятно бормоча. С той поры еще, когда Ариок и Лорд Стрейн были относительно юными, прежними Лордами Маджипура был разработан план о праве передачи престола. И хотя Гиделон был человеком сильным и могущественным, сомневаюсь, чтобы он когда-нибудь ждал, что достигнет вершины Горного Замка, и уж, конечно, не таким путем. Он задохнулся, не в силах произнести ни слова, и в конце концов, первым отреагировал я — я опустился на колени, сделав знак звездного взрыва, и выкрикнул, задыхаясь от волнения:

«Гиделон! Лорд Гиделон! Да здравствует Лорд Гиделон! Многая лета Венценосцу!»

Никогда я не видел, чтобы люди так поражались, смущались, так мгновенно менялись, как бывший Лорд Стрейн, ставший Понтификсом, и бывший Герцог Гиделон,

ставший Венценосцем. На лице Стрейна бушевала буря чувств из гнева и боли. Лорд Гиделон был чуть не при смерти.

И великая тишина.

Наконец Лорд Гиделон заговорил необычно дрожащим голосом:

«Если я Венценосец, обычай требует, чтобы моя мать стала Властительницей Острова Снов.»

«Сколько лет вашей матери?» — спросил Лорд Стрейн.

«Она очень стара, дряхла, можно сказать.»

«М-да... Наверняка, она совершенно не подготовлена к труду Властительницы, да и недостаточно сильна, чтобы вынести его.»

«Все так»,— кивнул Лорд Гиделон.

«Кроме того,— продолжал Стрейн,— у нас уже имеется новоявленная Властительница, и другую так сразу не подберешь. Давайте посмотрим, как поведет себя и будет справляться с обязанностями во Внутреннем Храме Ариок, прежде чем мы подыщем кого-нибудь на его место.»

«Безумие»,— повторил Гиделон.

«Действительно, безумие,— согласился Понтификс Стрейн.— Идемте, проследим, чтобы Властительницу в безопасности доставили на Остров.»

Я отправился за ними к выходу из Лабиринта, где мы наткнулись на десятитысячную толпу, славящую его или ее — Ариока, босого, в роскошной мантии — и готовую доставить колесницу и отвезти его или ее в порт Стоен. Пробиться к Ариоку оказалось невозможно, настолько плотно стояла толпа.

«Безумие,— снова и снова повторял Гиделон.— Безумие!»

Но я знал другое: я видел, как подмигнул мне Ариок, и я понял его. Это было вовсе не безумие. Понтификс Ариок нашел лазейку, как выбраться из Лабиринта. Будущие поколения, я уверен, станут считать его имя символом глупости и нелепости, но я знаю, что он совершенно нормальный человек. Человек, для которого венец стал тягостью.

Так, после позавчерашнего необычного случая у нас появились новый Понтификс, новый Венценосец и новая Властительница Острова Снов. Теперь ты знаешь, как все произошло.

Калинтайн закончил рассказ и надолго приник к чаше с вином. Силимэр смотрела на него с выражением, ка-

завшимся молодому человеку смесью жалости, презрения и любви.

— Ты как малое дитя,— сказала она, наконец.— С твоими титулами, верноподаническими выражениями и прочими узами чести. Но я понимаю, сколько тебе пришлось пережить и как это на тебя повлияло.

— Еще есть кое-что,— заметил Калинтайн.

— Вот как?

— Венценосец Лорд Гиделон, прежде чем удалиться в свои покои и заняться всеми этими перевоплощениями, назначил меня своим помощником. На следующей неделе он уезжает в Горный Замок, и если... естественно, я обязан быть рядом с ним.

Ее изумительно бирюзовые глаза смотрели на него.

— Я родилась в Лабиринте,— сказала Силимэр,— и люблю то, что дорого всем здешним жителям.

— Таков твой ответ?

— Нет,— Силимэр покачала головой.— Ответ ты получишь позже. Чтобы привыкнуть к великим переменам, мне требуется гораздо больше времени, чем всем твоим Понтификсам и Венценосцам.

— Значит, ты *ответила?*

— Потом,— повторила она и, поблагодарив за вино и рассказ, оставила его за столиком.

Немного погодя, Калинтайн тоже поднялся и устало направился к себе, слыша, как повсюду гудят о новостях. Как гудение комаров над ухом доносились слова о том, что Ариок теперь Властительница, Стрейн — Понтификс, Гиделон — Венценосец. Он вошел в свою комнату и попытался уснуть, но сон не шел, и он уныло думал, что время отдаленности от Силимэр стало роковым для их любви и что, вопреки ее намеку, она отвергла его. Но он ошибался. Через день она прислала записку, что готова ехать с ним, и когда Калинтайн занял свое место в Горном Замке, Силимэр была рядом с ним, как и много лет спустя после того, как он первым приветствовал Венценосца Лорда Гиделона. Его пребывание на посту помощника было кратким, но веселым, в это время он занимался созданием великой дороги к Вершине Горы, что носит теперь его имя. И когда в старости он вернулся в Лабиринт уже Понтификсом, он не удивился этому, ибо всю способность удивляться он утратил в тот давний день, когда Понтификс Ариок провозгласил себя Властительницей Острова Снов.

Часть 5

ПУСТЫНЯ УКРАДЕННЫХ СНОВ

Так легенда об Ариоке, как видел теперь Гиссан, извратила правду о нем. Искаженный временем Ариок выглядел шутом, капризным клоуном, а между тем, если свидетельство Лорда Калинтайна что-нибудь значит, все было совсем не так. Страдающий человек, искавший свободы и обретший ее, а не клоун и не сумасшедший. Гиссан, сам угодивший в западню Лабиринта и стремившийся вкусить свежего воздуха внешнего мира, отнесся к Ариоку как к брату по духу через тысячи лет.

Довольно долго потом Гиссан не подходил к Счетчику Душ. Проникновение в прошлое оказалось слишком сильным и чувствительным: в сознании оставались какие-то черты характеров Тесме, капитана Эремайла, Синнабора Лавона — так что он с трудом разбирал, кто есть кто.

Помимо всего прочего, ему приходилось заниматься и делами. За полтора года он покончил с налоговыми документами и так успешно, что ему тут же поручили новую работу в Хранилище Записей — обзор распределений в группах коренного населения Маджипура. Гиссан знал, что у Лорда Валентина какие-то затруднения с метаморфами (несколько лет назад произошло жуткое происшествие — заговор метаморфов сверг его с трона), и Гиссан припоминал, что во время своего пребывания на вершине Замковой горы среди сильных мира сего, ему довелось слышать о планах Венценосца насчет большего вовлечения Меняющих Форму в жизнь планеты, если такое возможно.

Гиссан подозревал, что те статистические данные, которые он собирал, имеют некое отношение к великой стратегии Венценосца, и это доставляло ему искреннее удовольствие, но вызывало также и ироническую улыбку, поскольку он был достаточно проницателен, чтобы осознать, что произошло с уличным оборвышем Гиссаном. Сей ловкий и проворный мальчишка превратился в выучившегося и остепенившегося человека, чиновника, а ведь прошло всего семь лет с тех пор, как на него пал венценосный взор. Да, думал он, четырнадцатилетним навсегда не останешься; пришло время покинуть улицы и стать полноправным членом общества. Но все равно, он испытывал некоторое сожаление об утраченном детстве,

о том мальчишке, каким был. Правда, кое-что от того проказливого мальчишки до сих пор кипело в нем, кое-что, но хватало и этого. Еще он вдруг обнаружил, что стал глубоко задумываться над общественным строем Маджипура, над расстановкой политических сил и над понятием ответственности; за счет чего различные племена сохраняют гармоничный союз — за счет выполнения взаимных обязательств? Четыре могущественные силы планеты — Понтификс, Венценосец, Властительница Острова Снов и Король Снов,— как, удивлялся Гиссан, как они ухитряются управлять, и хорошо управлять, всем огромным и сложным миром? Даже в их глубоко консервативном обществе, где почти ничего не изменилось за прошедшие тысячелетия, гармония власти казалась сверхъестественной, а равновесие сил — неким божественным вдохновением. У Гиссана не было обычного наставника, не было никого, к кому бы он мог обратиться с просьбой объяснить эту загадку, но зато у него был Счетчик Душ и жизнь людей прошлого, откуда он мог получить нужные знания. И потому Гиссан, вновь подделав пропуск, прошел стражу и вновь начал подбирать ключи, отыскивая теперь в минувшем не просто удивительное или забавное, но то, что позволит ему понять развитие политических сил своей планеты. «Каким серьезным молодым человеком ты заделался»,— говорил он себе, пока, как ослепительный свет, пробивалась в его сознание душа давно умершего человека.

Глава 1

Суврейл лежал подобно сверкающему мечу на южном горизонте,— мерцая и пульсируя от жары. Деккерет, стоявший на носу грузового судна, на котором совершил долгое и утомительное путешествие через море, ощутил, как кровь быстрее заструилась в жилах. Наконец-то Суврейл! Страшное место, отвратительный континент, бесплодная и жалкая земля, до которой осталось еще несколько дней плавания,— кто знает, какие ужасы ждут его там? Но он готов. Деккерет верил, что в Суврейле, как и в Горном Замке, что бы ни произошло, все к лучшему. Ему было двадцать лет, он был высок, полноват, с короткой шеей и невероятно широкими плечами. Шло второе лето славного царствия Лорда Престимиона при великом Понтификсе Конфалуме.

Предпринятое путешествие к пылающим водам бес-

плодного Суврейла было для Деккерета актом искупления. Он, поначалу едва ли осознав весь позор случившегося, совершил серьезный поступок, когда охотился в Болотах Кантора в далеком северном краю, и какое-то искупление казалось ему необходимым. Он понимал, что жест сей романтичный, на публику, но не мог ни простить себя, ни преодолеть. И если не впасть в романтику в двадцать лет, то когда? Конечно, не через десять-пятнадцать лет, когда он будет прикован к колеснице судьбы, уютно устроившись при дворе Лорда Престимиона, где ждет его неизбежная и легкая карьера. А сейчас Суврейл должен очистить его душу, и плевать на последствия!

Его друг, наставник и товарищ по охоте в Кантоpe Акбалик так и не смог его понять, хоть Акбалик, конечно, не романтик, а кроме того, ему далеко за двадцать. Как-то весенней ночью в неухоженной горной таверне после нескольких фляжек золотистого вина Деккерет объявил о своем решении, и Акбалик разразился грубым фыркающим хохотом:

— Суврейл? — выкрикнул он.— Ты осудил себя слишком тяжко. Нет вообще такого вонючего греха, что заслуживал бы прогулки на Суврейл!

Но Деккерет, уязвленный снисходительностью приятеля, медленно покачал головой:

— Зло пятном лежит на мне. Я сниму его с души жарким солнцем.

— Лучше отправляйся в паломничество на Остров Снов и попроси благословенную Властительницу исцелить твою душу.

— Нет, только Суврейл.

— Почему?

— Я хочу убраться подальше от наслаждений Горного Замка,— объяснил Деккерет,— хочу сменить самое приятное место Маджипура на мрачную и отвратительную пустыню бешеных ветров. Умерщвление плоти, Акбалик, поможет мне искренне раскаяться. Я хочу чувствовать боль — понимаешь? — с тех пор, пока сам не прощу себя. Вот так.

— Вот так. Но коли ты собрался умерщвлять плоть, умерщвляй ее до конца; предлагаю тебе не снимать ее,— ухмыляющийся Акбалик ткнул пальцем в плотную мантию из черного меха канторов, которую носил Деккерет,— пока будешь слоняться под суврейлским солнцем.

Деккерет расхохотался:

— В умерщвлении тоже не стоит переходить границ,— заметил он и потянулся за вином.

Акбалик был вдвое старше Деккерета и, разумеется, находил его желание смешным.

— Может, я попробую тебя отговорить?

— Бесполезно.

— Ведь это пустая трата времени,— тем не менее продолжал Акбалик.— Перед тобой карьера. Имя твое сейчас часто повторяется в Горном Замке. Лорд Престимион отзывается о тебе, как о многообещающем молодом человеке, обладающем характером и обязанным подниматься по служебной лестнице. В тебе все черты самого Престимиона в юности, потому-то он и выделяет тебя. А ты тут, среди полей Кантора... Забудь о Суврейле, Деккерет, и возвращайся со мной в Замок. Венценосец устроит твое будущее. На Маджипуре сейчас доброе царствие, и приятно будет провести его среди сильных мира сего. Какой демон несет тебя на Суврейл? Ведь никто не знает о... э... твоем грехе?

— Я знаю.

— Ну, пообещай никогда больше не повторять этого, и все.

— Не так-то все просто,— ответил Деккерет.

— Потратить впустую год-два жизни, если вообще не потерять ее в бессмысленном и безумном путешествии...

— Не бессмысленное. И не бесполезное. Все не так, Акбалик. Я связался с людьми Первосвященного и получил официальное назначение. Мне поручено навести кое-какие справки. Не звучит, правда? Последнее время Суврейл не поставляет ни скот, ни мясо, и Понтификс хочет знать, почему. Понимаешь? Карьера моя не прервется даже теперь, хоть ты и считаешь мою поездку глупостью.

— Значит, ты все уже решил?

— На следующий Четвертый день я отплываю.— Деккерет протянул товарищу руку.— Я уезжаю по меньшей мере года на два. Встретимся после на Горе, скажем, года через два на играх в День Зимы в Верхнем Морпине, а?

Спокойные серые глаза Акбалика с минуту смотрели прямо в глаза Деккерета.

— Я буду там,— медленно произнес он.— Обещаю.

Разговор произошел всего несколько месяцев назад, но Деккерету, ощущавшему знойное дыхание южного континента, доносившееся до него над бледно-зелеными водами Внутреннего Моря, казалось, что это было невероятно давно, а поездка — нескончаемо долгой. Начало путешествия было довольно приятным — спуск по горам к большой провинциальной столице Ни-Мойе, а затем

поездка на речной барже вниз по Зимру до портового города Пилиплока на восточном побережье материка. Там он поднялся на борт грузового судна, самого дешевого, которое сумел найти, приписанного к суврейлскому городу Толигаю, а потом все долгое лето на юг, на юг, на юг в душной маленькой клетушке, расположенной прямо под сложенными в кипы высушенными детенышами морских драконов, а когда корабль вошел в тропики, днем стояла такая жара, какой он в жизни не видел, и ночи были ненамного лучше, а команда — в большинстве лохматые скандары — посмеивалась и призывала наслаждаться прохладой, пока можно, потому что настоящая жара будет в Суврейле. Но он жаждал страдания, и хотя желание его было уже с лихвой удовлетворено, он покорно ждал худшего.

Деккерет не роптал, хотя жизнь со всеми удобствами среди юных рыцарей Горного Замка и не подготовила его ни к бессонным ночам с вонью от туш морских драконов, ножом режущей ноздри, ни к одуряющей жаре, поглотившей корабль через несколько недель после выхода из Пилиплока, ни к невыносимой скуке неменяющегося морского пейзажа.

Деккерет словно плыл из ниоткуда в никуда. Проехать по родному Алханролу и добраться до западного берега Зимрола — уже большое путешествие: баркой от Алайсора на Горе, потом морем до Пилиплока и вверх по реке до горных болот. Но то было время, когда рядом находился Акбалик, когда Деккеретом владело возбуждение от первого большого путешествия, от новых мест, новой пищи, непривычного говора. И от предвкушения охотничьих забав. А тут? Тюремная клетка на борту этого грязного скрипучего судна, заваленного сушеным мясом с резким запахом. Нескончаемая череда пустых дней без друзей, без обязанностей, без умных бесед. Хоть бы какой-нибудь чудовищный морской дракон появился, думал он, и оживил бы плавание. Но нет, нет, нет — миграция драконов проходит где угодно, но не здесь. Одно огромное стадо, говорили, находится сейчас в западных водах у Нарабала, а другое между Пилиплоком и Родамаунтским Архипелагом, и Деккерету не пришлось увидеть ни одного морского дракона. Что делать со скукой?

Он страдал, это правда, и страдания бальзамом лились на рану, но все равно, осознание того чудовищного поступка, который он совершил в горах, совсем не уменьшалось. Было жарко, скучно, не было никакой возможности

отдохнуть, и к тому же его терзало чувство вины, а он еще бередил свою рану, отыскивая в себе черты трусости, слабости и глупости, с иронией вспоминая похвальный отзыв о себе самого Лорда Престимиона.

В конце концов, Деккерет пришел к выводу, что душу, должно быть, излечивает нечто большее, чем сырость и скука вперемежку с сомнительными ароматами. Во всяком случае, он получил представление об этом, и причем, с лихвой, и был готов начать следующий этап своего паломничества в неизвестное.

Глава 2

Любое плавание кончается, даже бесконечное. Жаркий ветер с юга усиливался день ото дня до тех пор, пока палуба не раскалилась до такой степени, что по ней невозможно стало пройтись босиком. А потом вдруг пышущая жаром масса закрыла горизонт и распалась на береговую линию и пасть гавани... Они, наконец, добрались до Толигая.

Суврейл лежал в тропиках. Внутренняя часть континента была пустыней, угнетавшей колоссальной тяжестью сухого мертвого воздуха и опаленной бешеными циклонами, но побережье было заселено, там находились пять основных городов, из которых самым большим и самым близким звеном в торговле с остальным Маджипуром являлся Толигай.

Когда судно входило в широкую гавань, Деккерета поразила необычайность окружающего. За свою недолгую пока жизнь он видел великое множество огромных городов: десяток из пятидесяти на склонах Горы, взметнувшийся, открытый ветрам Алайсор, изумляющую белыми стенами Ни-Мойе, пышный Пилиплок и многие, многие другие,— но никогда он не встречал города, выглядевшего таким голубым, таинственным, отталкивающим. Толигай, как краб, прицепился к низкому горному гребню, идущему вдоль моря. Здания были приземистые, из обожженного солнцем оранжевого кирпича, с простыми щелями вместо окон и редкими деревцами вокруг, среди которых преобладали жутковатого вида угловатые пальмы с голыми стволами и крошечными лиственными кронами высоко над головой.

Сейчас, в полдень, улицы были почти пусты. Морской ветер забрасывал водяными брызгами и песком о потре-

скавшиеся камни мостовой. Деккерету Толигай показался чем-то вроде открытой тюрьмы, грубой и безобразной, или, возможно, городом вне времени, который принадлежал некоему доисторическому народу. Почему кто-то избрал под строительство столь удручающее место? Ответ, несомненно, заключался в обычной выгоде, и все-таки, невзирая на отталкивающую архитектуру, город, наверное, можно было назвать вызовом жаре и засухе.

По наивности Деккерет считал, что сможет сразу сойти на берег, но здесь оказалось не так-то просто. Судно стояло на якоре больше часа в ожидании портовых чиновников — трех мрачных хьортов, которые должны были прибыть на борт. Затем последовали долгий санитарный осмотр, проверка грузовой декларации, долгое препирательство по поводу оплаты стоянки в доке, и, наконец, пассажир сошел на берег.

Носильщик-чаурог подхватил багаж Деккерета и осведомился о названии гостиницы. Деккерет объяснил, что нигде не заказывал места, и поинтересовался, где можно остановиться.

Змееподобное существо с постоянно высовывающимся языком и черными мясистыми волосами, извивающимися, как клубок змей, ответило холодно-насмешливым взглядом, сказав:

— Все зависит от оплаты. Деньги у вас есть?

— Немного. Могу предложить три кроны за ночлег.

— Маловато. На это купишь только соломенный тюфяк да паразитов на стенах.

— Как раз по мне,— кивнул Деккерет.

Чаурог, казалось, оторопел, насколько мог выглядеть оторопевшим чаурог.

— Вам там не понравится, господин. Я по вашему виду вижу, что вы господин.

— Возможно. Но у меня тощий кошелек, так что рискну поспать с клопами.

Но в действительности гостиница оказалась не столь уж скверной, как он опасался: древняя, убогая и унылая — да, но таким же выглядело все окружающее, а отведенная комната показалась Деккерету чуть ли не дворцом после корабельной каморки, к тому же в ней не было вони от туш морских драконов — только сухой резкий привкус воздуха Суврейла, похожий на затхлость осушенной тысячи лет назад фляги с вином. Деккерет дал чаурогу полкроны, за что не получил обычной благодарности, и распаковал свои нехитрые пожитки.

День клонился к вечеру, когда он вышел из гостиницы. Одуряющий зной почти не спал, но хлесткий режущий ветер дул уже не столь яростно, и на улицах сейчас было больше народу. И все тот же мрачный город. Подходящее место для искупления. Он чувствовал отвращение к неокрашенным пустым фасадам кирпичных зданий; с ненавистью глядел на окружающее и скучал по мягкой свежести родного Норморка, раскинувшегося на нижнем склоне Замковой горы. Почему, удивлялся он, кто-то решил поселиться здесь, когда имеются гораздо более приятные места на континенте? Что за очерствление души заставляет несколько миллионов маджипурцев сносить ежедневную суровость жизни в Суврейле?

Представительство Преосвященного располагалось на пустой огромной площади, выходящей к гавани. Полученные указания призывали Деккерета побывать там, и, вопреки позднему уже часу, он нашел представительство открытым: как оказалось, все жители Толигая пережидали день в домах, избегая жары и перенося все дела на поздний вечер.

Ему пришлось обождать немного в передней, украшенной большими портретами царствующих Лордов: Понтификса Конфалума, изображенного в анфас и глядевшего великодушно, но подавляющего своим величием, и молодого Венценосца Лорда Престимиона — в профиль,— в чьих глазах светились ум и энергия. Маджипур расцвел под его правлением, подумал Деккерет. Еще мальчишкой он видел Венценосца, чей двор находился в красивейшем городе Бомбифейле на вершине Горы. Деккерет помнил, как ему хотелось кричать от радости при виде спокойного, излучающего силу Венценосца. Несколько лет спустя *Конфалум стал Понтификсом и переселился в подземные* тайники Лабиринта, а Престимион был избран Венценосцем. Он был совершенно не похож на прежнего Лорда: в равной степени производящий впечатление, он отличался более стремительной, энергичной силой. И во время грандиозного шествия по Пятидесяти Городам Горы он углядел в Норморке юного Деккерета и приблизил его к себе. В той поездке к нему присоединилось много рыцарей в Верхних Городах. Эпохальным событием казались Деккерету великие перемены в его жизни, наступившие с той поры. В восемнадцать лет ему выпал фантастический шанс подняться за один день к трону Венценосца, а затем... затем был несчастный отдых в горах Зимрола, и теперь, когда ему едва за двадцать, он нервничал в пыльном

вестибюле представительства Первосвященного в скучном городе мрачного Суврейла и испытывал ощущение, что у него вообще нет будущего, только бесплодная, бессмысленная череда лет.

Невысокий и пухлый раздраженный хьорт появился в дверях и объявил:

— Старший Управляющий Колатор Ласгия сейчас вас примет.

Титул был звучным, но владельцем оказалась стройная темнокожая женщина не старше Деккерета, которая внимательно оглядела его большими ласковыми глазами. Она небрежно сделала знак Первосвященности, отвечая на приветствие, и приняла верительные грамоты.

— Инитэйт Деккерет,— прочла она вслух.— Поручено расследовать и навести справки... подразумевает... провинция Кантора... так... Я не понимаю, Инитэйт Деккерет, вы служите у Венценосца или Понтификса?

— Я служу у Лорда Престимиона, в самой низшей ступени, но когда я был в Канторской провинции, Службе Первосвященного понадобился человек для проведения расследования в Суврейле, и когда местные официалы узнали, что я все равно собираюсь сюда, они сделали мне предложение, хоть я и не отношусь к службе Понтификса...

С легким шлепком бросив бумаги Деккерета на крышку стола, Колатор Ласгия перебила его сбивчивые объяснения вопросом:

— Вы все равно собирались сюда? Могу я узнать, зачем?

Деккерет вспыхнул:

— Это мое личное дело, если позволите.

— А какие дела,— продолжала она,— вызвали к Суврейлу столь пристальный интерес моих братьев Первосвященности из Кантора, или мое любопытство и в данном случае неуместно?

Деккерет почувствовал себя неуютно.

— Это связано с дисбалансом в торговле,— ответил он, с трудом выдерживая ее холодный пронзительный взгляд.— Кантор является производственным центром и поставляет свою продукцию в Суврейл в обмен на скот; последние два года поставки блейсов из Суврейла неуклонно снижались, и сейчас экономику Кантора трясет. Производственникам трудно оказывать Суврейлу такой большой кредит.

— Для нас это не ново.

— Необходимо осмотреть здешние пастбища,— сказал Деккерет.— Необходимо также сделать все возможное, чтобы поставки скота увеличились как можно скорее.

— Хотите вина? — внезапно предложила Колатор Ласгия.

Деккерет по традиции считался с гостеприимством; пока он что-то невнятно бормотал, женщина достала две фляжки золотистого вина, ловко сорвала пробки и протянула одну Деккерету. Вино было холодным и ароматным.

— Вино из Кантора,— заметила женщина. — А насчет дисбаланса в торговле Суврейла, Инитэйт, ответ в том, что в последний год Понтификса Пранкипина Суврейл поразила страшная засуха. Спросите, какая разница между засушливым годом и обычным? Но разница есть, Инитэйт, и значительная — от засухи пострадали округа, где выращивают скот, так что у нас не было возможности его прокормить, и пришлось забить столько, сколько смог принять рынок, а большую часть оставшегося продать фермерам в восточном Зимроле. Немного времени спустя — как раз когда Лорд Конфалум перебрался в Лабиринт — снова пошли дожди, и в саваннах начали расти травы, но на восстановление поголовья потребуется несколько лет. Потому-то торговый дисбаланс и продолжался так долго, но теперь, смею вас уверить, все входит в норму.— Она холодно улыбнулась.— Что ж, я рада, что могу уберечь вас от неудобств неинтересной поездки во внутренние округа.

Деккерет вдруг почувствовал, что весь покрылся потом.

— Как бы там ни было, Старший Управляющий, я обязан побывать на пастбищах.

— Вы не узнаете ничего больше того, что я вам сейчас сказала.

— Я не хотел бы быть непочтительным, но в моем поручении особо подчеркнуто, чтобы я лично проверил все.

— Поездка на пастбища,— заметила Колатор Ласгия,— доставит вам много хлопот, я уж не говорю об обычных физических неудобствах и опасностях. На вашем месте я бы осталась в Толигае и занималась бы теми личными делами, что привели вас на Суврейл, а по прошествии времени я бы проконсультировалась в нашем представительстве и написала отчет об инспекции, после чего вернулась бы в Кантор.

В Деккерете мгновенно расцвели подозрения. Филиал представительства, в котором она служила, не всегда сотрудничал со службой Венценосца, к тому же, она

довольно прозрачно намекнула на что-то, происходящее в Суврейле, и хотя поручение было всего лишь предлогом для его поездки сюда, он все-таки хотел в дальнейшем продвигаться по службе, а если позволить Старшему Управляющему Понтификса легко себя надуть, это впоследствии могло обернуться дурной услугой. Теперь он пожалел, что согласился испить вина, но, скрывая смущение, сделал несколько учтивых глотков и сказал:

— Честь не позволяет мне воспользоваться вашим советом.

— Сколько вам лет, Инитэйт?

— Я родился на двадцатый год царствования Лорда Конфалума.

— Да, тогда понятно, что ваше чувство чести еще обострено. Пойдемте, взгляните на карты.— Она резко встала. Она оказалась выше, чем он ожидал, почти его роста. Черные густые завитки волос испускали тонкий аромат, пробивавшийся даже сквозь сильный винный запах. Она коснулась стены, и карта Суврейла в бриллиантовой оправе появилась перед глазами.

— Вот Толигай,— сказала она, постучав по северо-западному углу континента.— Выпас скота здесь.— Она указала на ленту, начинавшуюся в шести-семи милях от берега и грубым кольцом огибавшую пустыню в сердце Суврейла. Из Толигая,— продолжала она,— к пастбищам ведут три дороги. Вот одна из них. В данное время разрушена песчаными бурями, и безопасное продвижение по ней невозможно. Вот это — вторая. Здесь у нас кое-какие затруднения с Меняющими Форму бандитами, и она также закрыта для путников. Третья лежит здесь, у Кавагского Прохода, но этой дорогой не пользуются уже давно, и рука огромной пустыни начинает вторгаться сюда. Теперь вы видите сами.

Деккерет произнес как можно мягче:

— Но если все дороги между выпасами и основным портом Суврейла разрушены, действительно ли недостаток пастбищ — подлинная причина прекращения поставок скота?

Женщина засмеялась:

— Есть ведь и другие порты, откуда корабли вывозят продукцию в подобных ситуациях.

— Следовательно, если я попаду в такой порт, то оттуда смогу добраться до пастбищ?

Она вновь постучала по карте.

— В прошлом году центром экспорта скота стал порт

Нати-Корвин. Но он расположен на востоке, на Алханролском побережье, в шести тысячах миль отсюда.

— Шесть тысяч...

— И торговых связей между Нати-Корвином и Толигаем почти нет. Где-то раз в год корабль ходит от одного города в другой. А с наземными путями дела обстоят еще хуже, чем с дорогами до выпасов: от Толигая пришлось бы добираться до Кэнгиза, — она показала городок, отстоящий от Толигая на пару тысяч миль, — а дальше — кто знает? Континент наш негусто заселен.

— Получается, что возможности добраться до Нати-Корвина нет? — заключил Деккерет с удивлением.

— Почему же? Одна есть. Нужно лишь сесть на корабль до Стоена в Алханроле, а уж оттуда добираться до Нати-Корвина. Это займет не больше года. К тому времени, когда вы снова доберетесь до Суврейла, неувязки, которые вы прибыли расследовать, скорее всего, прекратятся. Ещё вина, Инитэйт?

Он с трудом заставил себя взять фляжку. Услышанное поразило его. Еще один страшный вояж через Внутреннее Море?! Вновь проделать все это? Весь этот обратный путь до родного Алханрола, только затем, чтобы в третий раз перебраться через океан, уже к противоположной оконечности Суврейла, и после, вероятно, узнать, что дороги вглубь страны тем временем закрылись и там... нет, нет! Искупление не заходило так далеко. Лучше уж вообще не заниматься делом, чем подвергать себя такой нелепости. Пока он колебался, Колатор Ласгия сказала:

— Час поздний, а ваши дела необходимо подробно обсудить. Отобедаете со мной, Инитэйт?

И ее поразительно темные глаза внезапно заблестели.

В компании Старшего Управляющего Колатор Ласгии Деккерет открыл, что жизнь в Толигае не так уж мрачна и уныла, как показалось ему на первый взгляд. Она на флотере отвезла его в гостиницу — он заметил ее отвращение к этому «отелю» — и предложила отдохнуть, выкупаться и быть готовым через час.

Сгущались медные сумерки, и за какой-то час небо стало совершенно черным, высветленным лишь немногочисленными чужими созвездиями да полумесяцем у нижнего края горизонта — слабым намеком на одну из лун.

Колатор Ласгия заехала за ним в точно назначенное время. Взамен официальной туники она надела нечто вроде прицепленной к плечам сети и выглядела очень соблазнительной.

Деккерет немного удивился: он пользовался успехом у женщин, но, насколько помнил, он ничем не дал понять, будто интересуется ею — с его стороны не было ничего, кроме обычного уважения, и тем не менее, ее одежда явно предполагала ночную близость. Почему? Очевидно, не из-за его неотразимых умственных и физических данных, да и никаких политических выгод она не могла от него получить. Оставалось одно — здесь был мрачный и скучный аванпост на чужом континенте, где жизнь местных обитателей была унылой и мрачной, а он был молодым странником, который мог своей юностью развлечь молодую женщину. Он понимал, что его используют, но не находил в этом ничего дурного. После стольких месяцев, проведенных в море, он и сам был непрочь получить удовольствие.

Глава 3

Они обедали в саду какого-то частного ресторана на окраине города, красиво и столь обильно украшенном знаменитыми живыми растениями Стоенцара и прочими цветущими чудесами, что Деккерет невольно начал прикидывать, сколько скромных водных запасов Толигая используется для поддержания этого оазиса. За остальными, довольно удаленными друг от друга столиками сидели суврейлцы в красивых нарядах, и Колатор Ласгия кивала то одному, то другому, но к ним никто не подошел, хотя многие с любопытством разглядывали Деккерета. Здесь же стояло небольшое одноэтажное здание, изнутри которого тянул прохладой освежающий ветерок, словно там работала некая удивительная и непонятная машина древних, сестра тех, что создавали восхитительную атмосферу Горного Замка.

Деккерет наслаждался прохладой впервые за много недель. Превосходный обед состоял из чуть ферментированных фруктов и нежных, сочных спинок бледно-зеленых рыб вкупе с отличным сухим вином из Эмблморна, способным украсить стол и в покоях Венценосца.

Женщина много и непринужденно пила, и Деккерет следовал ее примеру. Глаза их оживились, заблестели, холодность официального разговора в представительстве исчезла. Он узнал, что она уже десять лет возглавляет здешнее отделение и что сама она уроженка влажного и пышного Нарабала на западном континенте, что в

службу Понтификса она вступила еще девочкой, что живет в Суврейле уже десять лет.

— Вам здесь нравится? — спросил Деккерет.

Она пожала плечами:

— Привыкла. Можно привыкнуть ко всему.

— Сомневаюсь, чтобы я смог. Для меня Суврейл просто мучительное место, нечто вроде чистилища.

Колатор Ласгия кивнула:

— Точно.

Глаза ее на мгновение вспыхнули. Деккерет не решился спросить ее, но что-то подсказывало ему, что у них много общего. Он вновь наполнил чаши и позволил себе дразняще-холодную понимающую улыбку.

— Вы ищете здесь очищения? — спросила она.

— Да.

Она обвела рукой щедрый сад, фляжки с вином, блюда с недоеденными деликатесами.

— Не скажу, чтобы вы выбрали удачно.

— Обед с вами не входил в мои планы.

— В мои тоже, но по провидению Дивине все вышло так, а не иначе.— Она наклонилась поближе.— Что вы будете делать? Отправитесь в Нати-Корвин?

— Не знаю. Честно говоря, меня не прельщает столь тяжелая поездка.

— Тогда послушайтесь моего совета: останьтесь в Толигае, до поры до времени, а после напишите отчет. По-моему, это самое разумное.

— Нет. Я должен ехать.

На ее губах заиграла усмешка.

— Какое трудолюбие! Только как это сделать? Дороги закрыты.

— Вы упоминали о Кавагском Проходе. По-моему, это лучше, чем бандиты и песчаные бури. Попробую нанять караван, вернее, проводника.

— В пустыню?

— Если придется.

— Что ж, пустыню посещают довольно часто,— усмехнулась Колатор Ласгия.— Только лучше выбросьте эту затею из головы.

— Спасибо, но нет.

— Хорошо. Мы пойдем куда-нибудь?

Выйдя из прохладного сада на душную улицу, Деккерет ощутил что-то вроде шока — настолько резким оказался контраст между жарой и прохладой за столом.

Но, быстро усевшись во флотер, они скоро очутились

в другом саду. Здесь не было погодной установки, но был бассейн, и, сбросив одежду, женщина устремилась в его прохладу.

Потом они лежали в объятиях на постели из трав, и он падал куда-то в глубину, а когда снова выбрался наружу, солнце уже висело в небе.

Он повернулся к женщине и, вспомнив ее вчерашние слова, спросил:

— Расскажи мне об этой посещаемой пустыне. Там что, являются духи?

— Не смейся.

— Хорошо. Но все-таки?

— Там в сны вторгаются призраки и похищают их. Похищают душу радости, оставляя только страх. Днем они поют, завлекая, и уводят с пути своей музыкой.

— И в это верят?

— За столько лет многие, кто вошел в пустыню, погибли.

— Хм... Крадущие сны призраки!

— Не смейся,— повторила она.

— Будет о чем рассказать, когда вернусь в Горный Замок.

— Если вернешься.

— Но ты же говоришь, погибают не все?

— Да. Но только когда идут большие караваны.

— Ну, я-то пойду один.

— Ты погибнешь.— Она прижалась к нему, поцеловала в плечо.— Забудь о пустыне. Останься здесь.

— Нет.

Деккерету не верилось в правдивость рассказов о призраках. Он уже принял решение.

Бедра Колатор Ласгии прижались к его бедрам, и он забыл обо всем.

Потом они окунулись в бассейн, и она привезла его к себе, где угостила завтраком из фруктов и вяленой рыбы.

Внезапно, когда время уже близилось к полудню, она спросила:

— Ты *должен* ехать? Но почему?

— Я не могу объяснить, но это нужно мне самому.

— Хорошо. В Толигае есть один негодяй, который частенько рискует забираться вглубь Кавагского Прохода и остается в живых, то есть, это он так заявляет. Если набить его ройялами, он, несомненно, согласится стать проводником. Его зовут Барджазед, и, если ты не передумаешь, я свяжусь с ним и попрошу помочь тебе.

Глава 4

«Негодяй» подходило к Барджазеду в самый раз. Тщедушный, не заслуживающий на вид уважения коротышка в старом коричневом плаще, оборванной одежде и поношенных кожаных сандалиях. На шее у него болталось старинное, неудачно подобранное ожерелье из костей морского дракона. Губы его были тонкими, а в глазах сиял лихорадочный блеск, кожа загорела до черноты под солнцем пустыни. На Деккерета он смотрел с таким видом, будто прикидывал тяжесть его кошелька.

— Если я соглашусь взять вас с собой,— проговорил он абсолютно невыразительным голосом,— то первым делом вы дадите мне обязательство, освобождающее меня от всякой ответственности перед вашими наследниками, даже за вашу гибель.

— У меня нет наследников,— заметил Деккерет.

— Значит, перед родственниками. Я не желаю, чтобы меня притягивали к ответу служба Понтификса, ваш отец или старшая сестра, потому что вы сгинули в пустыне.

— Разве вы сами сгинули в пустыне?

Барджазед, казалось, был сбит с толку.

— Нелепый вопрос.

— Вы несколько раз ходили в пустыню,— упорствовал Деккерет,— и возвращались живым. Так? Стало быть, если вы знаете свое дело, то выберетесь живым и на этот раз. Так же и я: если я погибну, вы погибнете тоже, и у моей семьи претензий к вам не возникнет.

— Да, но я могу противостоять похитителям снов,— сказал Барджазед.— Все это я уже проверил и испытал. Вам же необходимо осознать, с чем придется столкнуться.

Деккерет нанимал на службу Барджазеда, попивая круто заваренный напиток из какого-то сильнодействующего сока кустарника барханов. Они сидели на корточках на выдубленных шкурах чаусов в заплесневелой задней комнатушке торговой лавки, принадлежащей племяннику Барджазеда. Очевидно, семья — или клан — Барджазедов была велика. Деккерет машинально отхлебывал крошечными глотками напиток. Чуть погодя он сказал:

— А кто они — похитители снов?

— Не могу сказать.

— Случаем, не Меняющие Форму?

Барджазед пожал плечами.

— Они не лезли ко мне со своей родословной. Меняющие Форму, чауроги, вруоны, люди — откуда я знаю?

Очень похоже на голоса во сне. Да, в пустыне определенно есть племена Меняющих Форму, которые живут свободно, и кое-кто из этого рассерженного народа наверняка таит злые умыслы, и вполне возможно, что они владеют искусством проникновения в сознание... Ну, вроде как изменяют свои тела. А, может быть, и нет...

— Хм, если две из трех дорог Толигая перекрыли Меняющие Форму, то у войск Венценосца здесь есть работа.

— Это не мое дело.

— Меняющие Форму — племя покоренных, и нельзя позволить им нарушать ежедневную нормальную жизнь Маджипура.

— Но вы только предполагаете, что похитители снов — это Меняющие Форму,— кисло заметил Барджазед.— Сам я в этом далеко не уверен. Да мне и не важно, кто такие похитители снов. Важно лишь то, что благодаря им земля за Кавагским Проходом опасна для путников.

— Тогда почему вы идете?

— Вряд ли я когда-нибудь сумею ответить на такой вопрос,— пробормотал Барджазед.— Иду, потому что есть причины. Но я не похож на других и вернусь живым.

— А кто-нибудь еще сумел выйти из пустыни живым?

— Сомневаюсь. Вернее, не знаю. Как не знаю и того, сколько погибло с тех пор, как впервые услышал о похитителях снов. Даже в лучшие времена пустыня была опасна.— Барджазед помешал напиток.— Раз вы идете со мной, я защищу вас, как сумею. Но гарантировать вашу безопасность я не могу. Вот почему я прошу вас дать мне законную подписку освобождения от ответственности.

— Если я оформлю такую бумагу, она будет чем-то вроде разрешения на мою смерть. Что тогда помешает вам прикончить меня через десять минут после выхода из города, ограбить мой труп и свалить все на похитителей снов?

— Клянусь Властительницей, я не убийца! Я даже не вор!

— Вполне возможно, но бумагой, гласящей, что в моей гибели нельзя никого винить, можно искусить и совершенно честного человека и заставить его перешагнуть через все моральные препоны.

Глаза Барджазеда вспыхнули от ярости. Он сделал такой жест, словно намеревался оборвать разговор.

— Эта дерзость переходит уже всякие границы,— буркнул он, вставая и отодвигая чашку.— Ищите себе другого проводника, коли так боитесь меня.

Деккерет, продолжая сидеть, спокойно ответил:

— Я сожалею о своих предположениях и прошу видеть в моей позиции только естественное опасение путешественника, который в дальней и совершенно чужой стране ищет проводника в такое место, где происходят непостижимые вещи. Приходится быть осторожным.

— Если сильно осторожничать, лучше нанять корабль до Стоена и вернуться к легкой жизни Горного Замка.

— Я снова прошу вас быть моим проводником. За хорошую плату, но без этого дурацкого похоронного свидетельства. Во сколько вы оцениваете свои услуги?

— Тридцать ройялов,— ответил Барджазед.

Деккерет громко хмыкнул, словно получил удар под дых. Цена оказалась чуть меньше стоимости проезда от Пилиплока до Толигая. Тридцать ройялов — годовой заработок для таких, как Барджазед. Чтобы расплатиться, Деккерету потребуется подписать долговое обязательство. Первым его порывом было отказаться с рыцарским презрением и предложить десять ройялов, но он тут же понял, что тогда лишится всякого преимущества в торговле за расписку, освобождающую проводника от всякой ответственности. Если же начать скаредничать насчет цены, Барджазед просто закончит разговор. И он немедленно произнес:

— Так и быть. Но без письменного обязательства.

— Хорошо, без обязательства, раз вы настаиваете.

— Как будем расплачиваться?

— Половину сейчас, половину утром во время отъезда.

— Десять ройялов сейчас,— бросил Деккерет,— десять при отъезде. Последние десять по возвращении в Толигай.

— Тогда треть моего заработка будет только условной, раз станет зависеть от того, выживете ли вы в поездке. Помните, что я не могу вам этого гарантировать.

— Что ж, возможно, мое выживание будет более вероятным, если я придержу треть платы до конца поездки.

— Да, от рыцаря Венценосца стоило ожидать надменности. Мы почему-то не слишком доверяем друг другу. Вряд ли совместное путешествие доставит нам удовольствие.

— Я не имел в виду ничего непочтительного,— заметил Деккерет.

— Зато вы хотите оставить меня на милость вашей семьи, если вы погибнете, а сами смотрите на меня, как на обычного головореза или, в лучшем случае, как на разбойника, и прямо ощущаете потребность расплачиваться так, чтобы у меня возникло как можно меньше соблазнов вас прикончить! — выпалил со злобой Бард-

жазед.— К тому же, пусть ваша надменность и зависит от возраста, юный рыцарь, даже скандары, охотники на морских драконов, по-моему, гораздо вежливее. А ведь я вовсе не стремлюсь наниматься к вам на службу, и не собираюсь унижаться, помогая вам, и...

— Подождите.

— У меня есть еще дела.

— Пятнадцать ройялов сейчас,— предложил Деккерет,— и пятнадцать, когда выступим.

— Вы действительно думаете, что я убью вас в пустыне?

— Я излишне подозрителен только потому, что не хочу показаться слишком наивным,— усмехнулся Деккерет.— Разумеется, все сказанное мною нетактично. Приношу свои извинения и прошу вас поступить ко мне на службу.

Барджазед молчал.

Деккерет вытащил из кошелька три пятиройяловые монеты. Две были старой чеканки с портретами Понтификса Пранкипина и Лорда Конфалума. На третьей, блестящей и новенькой, были выгравированы профили Конфалума, теперь уже Понтификса, и нового Венценосца Лорда Престимиона на обратной стороне. Деккерет протянул деньги Барджазеду. Тот выбрал блестящую монету и с огромным любопытством осмотрел ее.

— Таких я еще не видел,— произнес он.— Звать племянника, чтобы он определил, настоящая она или нет?

Это было слишком.

— Вы считаете меня заезжим фальшивомонетчиком! — взревел Деккерет, вскакивая на ноги и нависая над тщедушным человечком. Ярость клокотала в нем, он шагнул вперед и замахнулся.

И только тут до него дошло, что лицо Барджазеда осталось совершенно спокойным и бесстрастным. Он улыбнулся и взял две оставшиеся монеты из трясущейся от гнева руки Деккерета.

— Выходит, вам тоже не по нутру беспочвенные обвинения, юный рыцарь? — засмеялся Барджазед.— Итак, договорились. Вы больше не ждете, что я убью вас за Кавагским Проходом, а я не буду отправлять ваши деньги на проверку.

Деккерет устало кивнул.

— Но как бы там ни было, путешествие действительно рискованное,— продолжал Барджазед,— и уповать на безопасное возвращение не стоит.

— Пусть так. Когда выезжаем?

— На закате Пятого дня. Из города выйдем через Врата Пинитева. Вы знаете, где это?

— Найду,— кивнул Деккерет.— Значит Пятый день, на закате.— И он протянул коротышке руку.

Глава 5

Пятый день наступил через три дня. Деккерет не жалел о задержке — она дарила ему четыре ночи с Колатор Ласгией, вернее, он так думал, но вышло по-иному. В представительстве, куда зашел вечером Деккерет после разговора с Барджазедом, не оказалось ни ее, ни записки, и долго еще он, расстроенный, бродил по городу после прихода ночи. В конце концов он вернулся к себе и перекусил пресной и абсолютно безвкусной едой в гостинице, все еще надеясь, что Колатор Ласгия чудом вдруг возникнет в дверях и мгновенно унесет его отсюда. Но она не появилась. Спал он неспокойно и тяжело, сознание преследовали воспоминания о ее гладкой коже, небольших твердых грудях, жадных чувственных губах. А на рассвете пришел сон, неясный и непонятный, в котором она, Барджазед и какие-то хьорты с вруонами исполняли сложный танец в занесенных песком каменных развалинах, а затем он погрузился в здоровый сон и проспал до полудня, до Дня Моря, когда весь город уже укрылся от палящего зноя.

Позднее, в более прохладные часы, он вновь прогулялся до представительства и, снова не найдя ее, скоротал вечер так же бесцельно, как и предыдущий. Ложась спать, он возбужденно просил Властительницу Острова Снов послать ему образ Колатор Ласгии. Но Властительница далека от подобных вещей, и в эту ночь он получил только обычный успокаивающий и ободряющий сон — возможно, дар благословенной Властительницы, а возможно, и нет,— в котором он пребывал под соломенной крышей хижины на берегу Великого Моря под Тил-Омоном, откусывал маленькие кусочки от сладкого багряного фрукта, и брызжущая струя сока окрашивала его щеки.

А когда он проснулся, то нашел поджидавшего за дверью хьорта из службы представительства, пригласившего его навестить Колатор Ласгию.

Вечером они пообедали вместе и снова отправились к ней на виллу, где провели ночь любви, накинувшись друг на друга, словно не виделись несколько месяцев.

Деккерет пока не спрашивал, почему она не встречалась с ним две минувшие ночи, но когда, энергичные и свежие, несмотря на бессонную ночь, они завтракали, запивая блюда золотистым вином и сидя на мягкой шкуре гихорна, она сказала:

— Как бы я хотела быть с тобой всю неделю, но, по крайней мере, мы хоть последнюю ночь смогли провести вместе. Теперь ты отправишься в Пустыню Украденных Снов с моими поцелуями на губах. Заставила я тебя забыть остальных женщин?

— Ты знаешь ответ.

— Это хорошо. Ведь ты, может быть, уже никогда не познаешь женщину, зато твоя последняя женщина была самой лучшей, а это посчастливилось немногим.

— Ты так убеждена, что я погибну в пустыне?

— Оттуда возвращались очень немногие,— ответила она.— Шансов снова увидеть тебя у меня очень мало.

Деккерет чуть вздрогнул — не от страха, просто он понял, *что* двигало Колатор Ласгией: две ночи она избегала его, а третью наполнила ненасытными ласками потому, что верила, будто он вскоре погибнет, и испытывала особое удовольствие быть его последней женщиной. Хотя, если он скоро погибнет, ей следовало бы провести с ним и две минувшие ночи, но, очевидно, подобные тонкости лежали за пределами ее понимания. Он учтиво попрощался, не зная, встретятся ли они снова, даже если он захочет: слишком много загадочного и опасного непостоянства таилось в ней.

Незадолго до заката он был у Врат Пинитева в юго-восточной части города. Он бы не удивился, если бы Барджазед расторг их соглашение, но нет, флотер уже ждал за изрытым оспинами песчаником старых ворот, и маленький человек стоял, облокотившись о корпус у места водителя. Его сопровождали трое: вруон, скандар и худощавый желтоглазый юноша, очевидно, его сын.

Повинуясь жесту Барджазеда, четырехрукий гигант скандар забрал у Деккерета два прочных мешка, пробил их ярлыком и поставил в багажник флотера. До Деккерета внезапно дошло, что это не скандар, а скандарша.

— Ее зовут Кеймак Греп,— представил ее Барджазед.— Говорить она не может, но далеко не глупа. Она служит у меня много лет, с тех пор как я подобрал ее полумертвую, с отрезанным языком в пустыне. Вруона зовут Серифем Рейнейлион, и он частенько много болтает, зато знает тропки в пустыне лучше кого бы то ни было в городе.

Деккерет обменялся кратким приветствием с маленьким существом, сплетавшим и расплетавшим свои щупальца.

— И мой сын — Динитак, он также будет сопровождать нас,— закончил Барджазед.— Хорошо отдохнули, Инитэйт?

— Вполне,— ответил Деккерет. Он проспал большую часть дня после бессонной ночи.

— Двигаемся мы в основном по ночам,— продолжал Барджазед,— а днем, в самое пекло, устраиваем бивак. Итак, я должен провести вас через Кавагский Проход и Пустыню Украденных Снов до начала пастбищ вокруг Кэзин Кора, где вам нужно навести какие-то справки у пастухов, и вернуться с вами в Толигай, так?

— Да,— кивнул Деккерет.

Но Барджазед не сделал никакого движения, чтобы сесть во флотер. Деккерет нахмурился, но затем понял. Он вынул из кошелька три большие пятиройяловые монеты — две старой чеканки и третью — блестящую монету Лорда Престимиона — и подал Барджазеду, который отделил новую монету и протянул своему сыну.

— Новый Венценосец,— сказал Барджазед.— Знакомься. Теперь часто будешь видеть его лицо.

— И царствие его будет славным,— заметил Деккерет.— Он превзойдет величием даже Лорда Конфалума. Грядет волна нового процветания северного континента; Лорд Престимион — человек энергичный и решительный, с честолюбивыми планами.

Барджазед сказал, пожав плечами:

— Происходящее на северном материке значит здесь очень мало, и едва ли процветание Алханрола или Зимрола будет иметь значение для Суврейла. Но мы рады, что Дивине благословила нас добрым Венценосцем. Может быть, он будет иногда вспоминать, что есть земля на юге, где живут его подданные. Ладно, отправляемся, время настало.

Глава 6

Врата Пинитева четко разделяли город и пустыню: с одной стороны район безликих невысоких растянутых вилл, окруженных стенами, с другой — только бесплодная пустошь. Ничто не нарушало однообразия пустыни, кроме дороги — широкого, вымощенного булыжником тракта, что неторопливо вился вверх к гребню горной цепи, окружавшей Толигай.

Жара была нестерпимой. Правда, к ночи в пустыне стало заметно прохладней, чем днем, но все равно палило до изнеможения. Хотя огромное пылающее око солнца скрылось, оранжевые пески, излучая накопленный за день жар, мерцали и шипели с напряженностью раскаленной печки. Дул сильный ветер. С наступлением темноты Деккерет заметил, что направление ветра изменилось — он дул теперь из сердца континента, но разница между морским и береговым ветром оказалась невелика: оба являли собой угнетающие потоки сухого раскаленного воздуха, не приносящего облегчения.

В чистой сухой атмосфере свет звезд и лун был необычайно ярок. От земли тоже шло странное призрачно-зеленоватое сияние, поднимавшееся беспорядочными лоскутами с откосов по сторонам дороги, и Деккерет заинтересовался им.

— Это от растений,— объяснил вруон.— Они светятся внутренним светом в темноте. Между прочим, прикосновение к такому растению всегда болезненно, а зачастую и смертельно.

— А как их отличать при дневном свете?

— Они похожи на изношенные куски старой веревки, измочаленной погодой, и растут связками в расщелинах скал. Правда, не все растения такой формы опасны, но вы лучше сторонитесь от всех.

— Да и от всех остальных тоже,— поддержал вруона Барджазед.— Растения в пустыне очень хорошо защищены, иной раз самым неожиданным образом. Каждый год наш сад преподносит нам какую-нибудь новую неожиданность.

Деккерет кивнул. Он не собирался тут прогуливаться, но если придется, он возьмет за правило не дотрагиваться ни до чего.

Флотер был старым и тихоходным, что особенно проявлялось на крутой дороге, он не спеша катил через светлую ночь. Между собой спутники почти не разговаривали. Скандарша вела машину, вруон устроился подле нее и время от времени делал замечания о состоянии дороги. В заднем отделении молча сидели оба Барджазеда, предоставив Деккерету в одиночестве рассматривать нарастающую мрачность адского пейзажа. Под немилосердными ударами солнца земля приобрела необычный вид. Влага всосалась этой землей давным-давно, оставив после себя угловатые трещины. Поверхность в тех местах, где непрерывные ветры сдували песок напоминала водную

рябь. Низкие растения были самой разнообразной формы. Все казалось исковерканным, скрученным и шишковатым. К жаре Деккерет постепенно привыкал, но омертвелое безобразие всего увиденного, сухая грубая заостренность всеобщей бесплодности заставляла цепенеть душу. Ненавистный пейзаж был для него внове. Где бы он ни бывал на Маджипуре, он видел только красоту. Он подумал о своем родном городе Норморке, распростершемся на скалах Горы, с изгибающимися бульварами, удивительно красивыми стенами и мягкими полуночными дождями, красившими его. Он подумал о гигантском городе Сти, расположенном выше, у Горы, где он однажды гулял на рассвете в саду с деревьями высотой по колено и листьями ярко-зеленого цвета, которые слепили глаза. Подумал о Высоком Морпине, мерцающем чуде, целиком рассчитанном на развлечения, раскинувшемся почти в тени внушающего благоговение Замка Венценосца на вершине Горы. Подумал о суровой лесной дикости Кантора и ослепительно-белых башнях Ни-Мойе, о душистых лугах долины Клайга — как прекрасен мир, сколько таит он чудес, и как ужасно место, в котором он теперь очутился.

Он сказал себе, что должен пересмотреть свои критерии и оценить красоту этой пустыни, пока она не парализовала все его чувства. Отыскать красоту в угрожающей угловатости окружающего, в истрепанных растениях, сияющих бледно-зеленым светом по ночам; найти красоту в резкой, грубой действительности. Что такое красота, спросил себя Деккерет, если не познание увиденного? Почему луг гораздо красивее голой пустыни? Говорят, красота зависит от взгляда смотрящего, поэтому перевоспитывай свои глаза, Деккерет, чтобы безобразие этой земли не убило тебя.

Он попытался заставить себя полюбить пустыню. Он выбросил из головы такие слова, как «бесплодность», «мрачность», «отталкивающий», и приказал себе смотреть на окружающий пейзаж, как на мягкий и утешительный, заставляя себя восхищаться четкими пластами незащищенных каменных граней и огромными выемками высохших водоемов, вызывая в себе восторг при взгляде на истрепанный, избитый ветрами кустарник. С уважением поглядывал он на небольших зубастых тварей, время от времени перебегавших дорогу. И чем дальше флотер продвигался в ночь, пустыня все менее и менее становилась ненавистной для него. Затем он стал равнодушен к ней и, наконец, поверил, что действительно видит в ней красоту; а за час до рассвета он вообще перестал думать об этом.

Утро пришло внезапно: копье оранжевого света пробило стену гор с запада, и ярко-красная огненная ветвь поднялась над противоположным краем горной цепи, а следом солнце, чей желтый лик оказался чуть более окрашенным бронзово-зеленым цветом, чем в северных широтах, вспыхнуло в небе, как взлетевший шар. И в тот же миг Деккерета пронзила острая боль воспоминаний о Колатор Ласгии: ему очень захотелось узнать, где встречает она рассвет и с кем, и отгоняя эту мысль, он повернулся и к Барджазеду.

— Нынче ночь прошла без призраков. Или в этой части пустыни они не являются?

— Они появляются за Кавагским Проходом,— отозвался маленький человечек,— там, где начинаются настоящие трудности.

Первые ранние часы нарождавшегося дня они продолжали ехать. Динитак наспех соорудил грубое подобие завтрака из сухарей и кислого вина. Закусив, Деккерет оглянулся назад и увидел величественное зрелище: земля разворачивалась под ним гигантским рыжевато-коричневым фартуком, на котором четко отпечатались поля, трещины и Толигай, еле видимый беспорядочной кучей далеко внизу, на самом дне, с примыкающей к нему обширностью моря. Небо было безоблачным, и синеву его усиливал терракотовый оттенок почвы, так что само небо казалось вторым морем над головой. Уже навалилась жара. К середине утра она охватила все, но была еще терпимой, и скандарша бесстрастно продолжала вести флотер дальше, к вершинам гор. Деккерет задремывал время от времени, но в судорожно дергавшемся флотере уснуть было невозможно. Неужели они будут ехать весь день? Он не спрашивал. Но как только усталость сделалась невыносимой, Кеймак Греп развернула машину влево к небольшому тупичку дороги и остановила машину.

— Первая дневка,— объяснил Барджазед.

Там, где кончался тупичок, высокий бок скалы возвышался над дорогой, образуя нечто вроде ниши, перед которой, защищенное тенью в это время дня, находилось довольно обширное песчаное пространство, очевидно, не раз использовавшееся для стоянок. У основания скалы Деккерет заметил небольшое темное пятно — вода в этом месте загадочным образом просачивалась из-под земли. Для ручейка ее было недостаточно, но усталые путники с радостью приветствовали ее в этой страшной пустыне. Место было превосходным.

Скандарша и юный Барджазед вытащили соломенный тюфяк из отделения флотера и расстелили его на песке. Наступал полдень. Они поели сушеного мяса, кисловатых фруктов и теплых лепешек, после чего, не говоря ни слова, оба Барджазеда, вруон и скандарша растянулись на тюфяках и мгновенно уснули.

Деккерет остался один; он сидел, очищал зубы зубочисткой от застрявших кусочков мяса. Теперь, когда можно и нужно было отдыхать, он не мог уснуть. Он поднялся и пошел к краю лагеря. Он посмотрел на пораженную солнцем пустошь за краем тени. Ни одного зверька не было видно, и даже растения, бедные и оборванные, казалось, старались вжаться в почву. Горы круто вздымались впереди, до Кавагского Прохода, видимо, оставалось недалеко. А что потом?

Он попробовал уснуть, но досаждали нежелательные образы: Колатор Ласгия парила над его тюфяком так близко, что он мог бы схватить ее и прижать к себе, но она вдруг отскочила и растворилась в жарком тумане; в тысячный раз он видел себя в лесных Болотах Кантора, гонящимся за добычей, прицеливающимся. Он отогнал это видение, и обнаружил себя карабкающимся по громадной стене Норморка, прохладный ветерок наполнял легкие.

Но это были не послания, а просто болезненные фантасмагоричные воспоминания и беглые воспоминания. Сон не приходил долгое время, зато когда пришел, то был глубоким, кратким и без сновидений.

Разбудили его странные звуки — напевная звенящая музыка в отдалении, неясные, но отчетливые шумы каравана со множеством путников. Ему слышался звон колокольчиков, гул барабанов. Какое-то время он еще лежал, вслушиваясь и стараясь понять. Потом сел, проморгался и огляделся вокруг. Подступали сумерки. Он проспал самую жаркую часть дня, и тени теперь тянулись с противоположной стороны. Четверо его спутников уже поднялись и складывали свои матрацы. Деккерет напряг слух, пытаясь определить направление, откуда исходили эти звуки. Но казалось, они исходят отовсюду и ниоткуда. Ему припомнились слова Колатор Ласгии о поющих днем призраках пустыни, сбивающих с толку путников и уводящих их с дороги своей музыкой и пением.

— Что это за звуки? — обратился он к Барджазеду.

— Звуки?

— Вы разве не слышите? Голоса, колокольцы, барабаны, шаги...

Барджазед выглядел удивленным.

— Вы имеете в виду песни пустыни?

— Песни призраков?

— Можно сказать и так. Или просто звуки, идущие с гор. Грохотание цепей, удары гонгов. Похоже?

— Не знаю,— мрачно отозвался Деккерет.— У меня на родине нет никаких призраков. Но это не звуки гор.

— Вы уверены, Инитэйт?

— Что это не звуки гор и не призраки?

— Хм...

Динитак Барджазед, стоявший рядом, вмешался в разговор, обратившись к Деккерету:

— Неведомое всегда тревожит. Но тут вы, по-моему, чувствуете больше любопытство, чем страх. Могу удовлетворить ваше любопытство. Дневной жар спал. Скальные утесы и пески отдают тепло, которые являют контраст с прохладой, и издают те звуки колокольцев и барабанов, что вы слышите. Здесь нет призраков.

Старший Барджазед сделал резкий жест. Парень тут же отошел.

— Не хотите, чтобы он объяснил мне? — осведомился Деккерет.— Предлагаете мне считать, будто это призраки?

Барджазед ответил с улыбкой:

— А мне все равно. Верьте, во что хотите; вы еще встретите предостаточно призраков по ту сторону Прохода, уверяю вас.

Глава 7

Весь вечер Дня Звезды они поднимались по серпантину дороги и к полуночи добрались до Кавагского Прохода. Воздух здесь оказался прохладнее, они находились в нескольких тысячах футов над уровнем моря, и воинственные ветра приносили некое облегчение от зноя и духоты. Проход был широкий и с поразительно глубокой выемкой в склоне горы. Наступило утро Дня Солнца, когда они миновали его и начали спуск к великой пустыне.

Деккерет был поражен открывающимся впереди видом. В ярком лунном свете он увидел картину беспримерного бесплодия, по сравнению с которой земли, лежавшие по другую сторону Прохода, казались роскошным садом. Насколько та пустыня была скалистой, настолько эта была песчаной — настоящий океан барханов, нарушаемый то тут, то там пятнами твердой, усыпанной гравием, земли.

Едва ли здесь имелись какие-либо растения — по крайней мере, на барханах не было ни одного — и мелкие животные, ни малейших признаков которых тоже не было видно. И зной! Из этой колоссальной открывшейся впереди чаши вверх шли потоки раскаленного воздуха, который, казалось, сдирал кожу, опаляя до смерти. Деккерет усомнился, чтобы где-то среди этой топки могли находиться пастбища. Он напряг память, стараясь вспомнить карту, виденную в представительстве. Земли выпасов поясом охватывали наибольшую зону внутриконтинентальной пустыни, но под Кавагским Проходом рукав центральной пустыни каким-то образом вторгался сюда, а на противоположной стороне этой бесплодной земли раскинулась зеленая область трав и ручьев.

Все утренние часы они ехали вниз к огромному центральному плато, и в первых проблесках дневного света Деккерет заметил нечто странное далеко внизу: странный чернильно-тёмный клочек резко выделялся на груди пустыни. По мере их приближения пятно превращалось в оазис, рощицу тонкоствольных деревьев с длинными ветвями и фиолетового цвета листьями. Оазис стал местом второй дневки. Следы на песке неопровержимо указывали, что здесь уже неоднократно отдыхали путники. Более того, под деревьями валялось множество осколков, а в самом сердце рощи стояло что-то вроде грубого подобия навеса из наваленных кучами камней, увенчанных старыми высохшими сучьями. Чуть дальше между деревьями кружил маленький солоноватый ручеек и стекал в небольшой стоячий водоем, зеленый от водорослей. А маленькая тропка, начинавшаяся от него, вела ко второму водоему, видимо, питаемому ручьем, полностью бегущим под землей, его воды были абсолютно чистыми. Между двух водоемов Деккерет увидел любопытное сооружение: семь поставленных кругом каменных столбиков высотой по пояс образовывали двойную арку. Он осмотрел их.

— Работа Меняющих Форму,— пояснил Барджазед.

— Капище метаморфов?

— Скорее, алтарь. Мы знаем, что Меняющие Форму часто бывают в оазисе. Мы находим тут маленькие подарки пьюриваров своему богу: молитвенные палочки, обрывки перьев, небольшие искусно сплетенные чаши.

Деккерет беспомощно уставился на деревья, словно ожидая, что они превратятся в диких аборигенов. Он мало общался с уроженцами Маджипура, этими побежденными и изгнанными туземцами, а то, что он знал

о них, было в основном слухами и выдумками, основанными на страхе, невежестве и чувстве вины.

Некогда они жили в больших городах — в Алханроле, например, сохранились их руины,— и в школе Деккерет видел нарисованные изображения самого большого из них и самого знаменитого — Велализера,— расположенного неподалеку от Лабиринта Понтификса; но города эти умерли тысячи лет назад, а с приходом человека и прочих племен местные пьюривары были силой оттеснены в самый мрачный край планеты, в основном в огромную лесистую резервацию на Зимроле, где-то юго-восточнее Кантора. В добавок к своим скудным познаниям Деккерет видел настоящих метаморфов всего два раза: хилые люди с зеленоватой кожей и совершенно невыразительными лицами, хоть они и меняли одну форму на другую с поразительной легкостью. И он мог только гадать, не являются ли маленький вруон или сам Барджазед затаившимися метаморфами.

Он тряхнул головой, отгоняя дикие мысли, и сказал:

— Интересно, как удается Меняющим Форму или кому бы то ни было выжить в пустыне?

— Они народ изобретательный. Приспособились.

— И много их здесь?

— Кто знает! Я натыкался несколько раз на их группы человек по пятьдесят, по семьдесят. Вероятно, есть и другие, хотя, возможно, я встречал одних и тех же, только в разных обличиях.

— Странный народ,— пробормотал Деккерет, лениво потерев отшлифованный камень, венчающий ближний столбик алтаря. С молниеносной быстротой Барджазед схватил Деккерета за запястье и отвел его руку.

— Не прикасайтесь к ним!

— Почему? — удивился Деккерет.

— Это святыня.

— Для вас?

— Для тех, кто воздвиг их,— раздраженно ответил Барджазед.— Мы относимся к ним с уважением и чтим магию, которая может здесь заключаться. В здешних местах все стараются не навлекать на себя месть соседей.

Деккерет удивленно смотрел на маленького человечка, столбики, два водоема, стройные остролистые деревья. И, несмотря на зной, его затрясло. Он окинул взглядом местность за маленьким оазисом с волнами барханов, пыльную полосу дороги, исчезающей на юго-западе в стране тайн.

Солнце быстро поднималось, испуская настоящий жар.

Он оглянулся на горы, через которые они перевалили — огромные и зловещие, они, как стена, отрезали их от цивилизации. И вдруг он ощутил пугающее одиночество, усталость и затерянность.

Подошел Динитак Барджазед, покачиваясь под громадным грузом фляг, которые сбросил чуть ли не на ноги Деккерету. Деккерет помог парнишке наполнить их водой из чистого бассейна. Потом напился сам. На вкус вода оказалась холодной, чистой, со странным металлическим привкусом, правда, не неприятным, и Деккерет решил, что в этом повинны минералы.

Чтобы погрузить фляги во флотер, пришлось сходить до водоема и обратно раз десять, Динитак объяснил — больше источников не будет несколько дней.

Подкрепившись такой же грубой пищей, что и в первый день, они, когда зной достиг своего сводящего с ума полуденного пика, растянулись на соломенных тюфяках.

Третий раз за всю свою жизнь Деккерет спал днем, и организм начинал привыкать к такой перемене. Он закрыл глаза, вверяя душу возлюбленной Властительнице Острова Снов, святой матери Лорда Престимиона, и почти сразу погрузился в сон.

На сей раз пришло послание.

Он уже не помнил, как и когда получал послания. Для него, как и для всех на Маджипуре, послания являлись основной сутью бытия, ночным наслаждением, успокаивающим разум, указаниями, очищением души, руководством и назиданием, и многим другим. Каждый с детства обучался восприятию посланий во сне, наблюдению и запоминанию их, соотношению их с бодрствующими часами. И всегда благосклонная вездесущность Властительницы Острова Снов воспаряла над понимающим послание, помогая ему познать состояние своей души, причем, связь она поддерживала со всеми миллиардами жителей огромного Маджипура одновременно.

Деккерет увидел себя поднимающимся на горный кряж, через который они недавно перевалили. Он был один на один с невероятно огромным солнцем, заполнившим половину неба, но жара почему-то не тревожила его. Крутой склон, как он мог видеть, обрывался прямо за гребнем вниз, вниз, вниз, растягиваясь, казалось, на сотни миль, а над собой он видел ревущий, дымящийся котел — вздымающийся кратер вулкана, где пузырями лопалась красная магма. Невероятный водоворот подземных сил не пугал его. Наоборот, его тянул к себе этот странный

шум так, что он стремился погрузиться в его глубину, поплавать в расплавленной жаре. Он начал спускаться бегом, оскальзываясь, часто пролетал несколько метров, а приблизившись, увидел лица в трепещущей лаве: Лорд Престимион, Понтификс, Барджазед, Колатор Ласгия и метаморфы, чьи странные таинственные полураскрытые образы плясали по краям. Могущественные фигуры изнемогали от жары в центре вулкана, и Деккерет рванулся к ним. Возьмите меня к себе, я здесь, я пришел! — кричал он, пока не осознал, что все фигуры исчезли, оставив один огромный лик, в котором он узнал возлюбленное лицо Властительницы Острова Снов, чей вид влил блаженство в его душу, ведь прошло много месяцев с той поры, когда Властительница последний раз являлась ему.

И теперь во сне он видел сон, и он ждал завершения, соединения своего сна с посланием Властительницы, например, принесения себя в жертву вулкану, образ которого нес в себе некое откровение правды, некое мгновение познания, ведущее к радости. Но затем некая странность вошла в сон, подобно какой-то развернувшейся вуали. Цвета поблекли, лица смазались. Он решил бежать вниз к краю горной стены, но теперь часто спотыкался, падал, обдирая руки и колени о раскаленные скалы пустыни, и вдруг напрочь потерял направление, двигаясь в сторону, вместо того, чтобы двигаться вниз, и был не в состоянии продвинуться просто вперед. Одно мгновение он был на грани восторга, но как-то не смог полностью погрузиться в него и только огорчился, ощущая тяжесть и шок. Легкость исчезла, яркие цвета сменились всеобъемлющей серостью, и всякое движение прекратилось; он стоял, оцепенев, на лицевом склоне горы, всматриваясь вниз, в мертвый кратер, чей вид заставил его вдруг затрепетать и лечь, подтянув колени к груди, и он лежал, рыдая, пока не проснулся.

Он заморгал и сел. В голове стучало, глаза слезились, ломило грудь и плечи. Это было не послание. Даже самые ужасные послания не оставляли такого осадка смущения и страха. Был еще день, и ослепительное солнце висело над макушками деревьев. Возле него лежали Кеймак Греп и вруон, чуть поодаль — Динитак Барджазед. Они спали. Старшего Барджазеда нигде не было видно.

Деккерет перевернулся и прижался щекой к горячему песку у матраца, пытаясь изгнать из себя напряжение. Что-то произошло во сне, что-то дурное, что-то не то, он понимал это. Какая-то темная сила вмешалась в

послание, похитив радость и дав взамен боль. Не в этом ли суть похитителей снов пустыни? Но тогда это были похитители снов.

Он сжался, чувствуя себя грязным, выпотрошенным, опустошенным, желая знать только одно — неужели все сны будут такими по мере их продвижения в пустыню? Не станет ли еще хуже?

Спустя какое-то время он снова уснул. Сны пришли случайные, смазанные обрывки без ритма и узора, они не досаждали. Когда он проснулся, день близился к концу, и звуки пустыни — песни призраков — бились в ушах, бормоча и звеня далеким смехом. Чувствовал он себя намного более уставшим, чем если он не спал бы вовсе.

Глава 8

Никто из попутчиков не показал вида, будто что-то тревожило их сны. Они встретили проснувшегося Деккерета каждый на свой манер: огромная скандарша молча, вруон с любезным жужжащим щебетом свернул щупальца, оба Барджазеда короткими кивками. Если они и поняли, что их товарища навестили мучительные сны, то ничем этого не выказали.

После «завтрака» старший Барджазед наскоро посоветовался с вруоном относительно маршрута на эту ночь, и затем они вновь нырнули в темноту, озаренную лунным светом.

Притворюсь, будто ничего необычного не случилось, решил Деккерет, я не дам им понять, что уязвим для призраков.

Но его решение продержалось недолго. Когда флотер пересекал район высохших русел озер, где тысячами вздымались странные серо-зеленые каменистые горбы, Барджазед внезапно повернулся к Деккерету и спросил, нарушив долгое молчание:

— Хорошо спали?

Деккерет понял, что ему не удалось скрыть усталость.

— Приходилось отдыхать и лучше,— пробормотал он.

Блестящие глаза Барджазеда безжалостно сверлили его.

— Сын говорит, что вы стонали во сне, сильно ворочались и прижимали колени к груди. Вы чувствовали прикосновение похитителей снов, Инитэйт?

— Я просто чувствовал присутствие тревожащей силы

в своих снах. Было ли это прикосновение похитителей снов, я не знаю.

— Опишите мне свои ощущения.

— Вы сами похититель снов, Барджазед! — огрызнулся Деккерет, разозлившись.— С какой стати я должен открывать перед вами душу? Мои сны — это мои сны.

— Тише, тише, добрый рыцарь, я не имел в виду ничего обидного и не хотел бы навязываться вам.

— Тогда...

— Но я отвечаю за вашу безопасность. И если демоны этой безводной земли проникли в вашу душу, в ваших же интересах рассказать мне.

— Демоны?

— Демоны, призраки, фантомы, недовольные метаморфы — кто бы ни был,— нетерпеливо произнес Барджазед,— существа, которые грабят сны уснувших путников. Приходили они к вам или нет?

— В снах было мало радости.

— Прошу вас, расскажите.

Деккерет тихо вздохнул.

— Я получил послание Властительницы — мирное и радостное. Но постепенно суть его изменилась, понимаете? Послание помрачнело и стало бессвязным, лишенным всякой радости, и закончилось просто отвратительно.

— Да,— кивнул Барджазед,— это призраки. Прикосновение к сознанию, вторжение в сон, разрушение его и выкачивание энергии.

— Вид вампиризма,— усмехнулся Деккерет.— Существа таятся в засаде, поджидая в пустыне путников, а потом высасывают из них все жизненные силы?

Барджазед улыбнулся в ответ:

— Вы основываетесь лишь на догадках. Я бы не делал таких поспешных выводов, Инитэйт.

— А вам самим доводилось чувствовать их присутствие в своих снах?

Коротышка как-то странно посмотрел на Деккерета.

— Нет, никогда.

— Никогда? У вас что, иммунитет?

— По-видимому, так.

— А ваш сын?

— О, несколько раз его охватывало. Как правило — здесь. Один раз в пятьдесят поездок, но, видимо, невосприимчивость не передается по наследству.

— А скандарша и вруон?

— У них бывало,— кивнул Барджазед,— но редко. К тому же они находят это неприятным, но не смертельным.

— Однако, кое-кто умер от прикосновения похитителей снов.

— В основном — предположительно, что именно от этого,— заметил Барджазед.— Большинство путешественников, проходивших этим путем до недавнего времени, рассказывали, что видели необычные сны. Некоторые из них сбивались здесь с пути и не возвращались. Откуда нам знать, есть связь между этим и разрушенными снами?

— Вы очень осторожный человек,— усмехнулся Деккерет,— не хотите выносить окончательных решений?

— Я прожил довольно долгую жизнь, в то время, как многие опрометчивые смельчаки уже вернулись в источник Дивине.

— По-вашему, просто выжить — наивысшее достижение?

Барджазед рассмеялся:

— Речь истинного рыцаря Замка! Нет, я считаю, жить — значит не просто уклониться от смерти. Но выжить — это счастье, Инитэйт, а смерть и гибель — это не достижение.

Деккерету не хотелось продолжать. Кодексы ценностей посвященного рыцаря, и такого как Барджазед, едва ли сравнимы. Кроме того, было что-то хитроватое и скользкое в аргументах Варджазида. Деккерет промолчал; потом ответил:

— Меня волнует одно: станут ли сны еще хуже.

Барджазед пожал плечами.

К тому времени, когда ночь поблекла и подошло время подыскивать место для стоянки, Деккерет вдруг понял, что готов и даже с нетерпением ждет встречи с призраками сна.

Дневку они устроили на ровной площадке, где основную массу песка сдуло к одной стороне очищающими ветрами, оголив скальное основание: вдобавок к этому сухой воздух пустыни жутко растрескал ее, а солнце содрало все остальное. Где-то за час до полудня они стали готовиться ко сну.

Деккерет спокойно опустился на соломенный тюфяк и без страха послал свой дух навстречу тому, что могло прийти. Он, рыцарь, с детства обучался быть храбрым и ждал теперь встречи с неведомым без боязни, но все-таки ощущал некое присутствие страха в душе. На Маджипуре нужно было хорошо потрудиться, чтобы найти страшное и опасное, неведомое; для этого приходилось забираться в самые отдаленные и дикие уголки планеты, поскольку

в обитаемых районах жизнь текла равномерно и безопасно. Именно поэтому Деккерет и поднялся на борт корабля, идущего в Суврейл, и теперь он впервые должен подвергнуться серьезному испытанию, если не считать случая в лесах Кантора. Но здесь было совершенно другое, эти грязные...

Он заставил себя уснуть.

И сразу увидел сон. Он снова был в Толигае, но теперь город необычайно изменился, перестав быть местом безликих вилл и пышных садов, хотя зной по-прежнему остался тропическим. Он шел, переходя с одного бульвара на другой, восхищаясь изяществом архитектуры и пышностью деревьев. Одеянием его была зеленая с золотым мантия Венценосца, и при встречах с горожанами Толигая, прогуливающимися в сумерках, ох изящно отвешивал поклоны в обмен на знак звездного взрыва, которым они приветствовали власть Венценосца. Потом к нему приблизилась стройная фигура его любовницы Колатор Ласгии. Она улыбалась. Подхватив его под руку, она повлекла его к каскадам фонтанов, чьи прохладные струи били в воздух, и там, сбросив одежду, они выкупались и, поднявшись из душистого бассейна, пошли, едва касаясь земли, в сад. Она без слов подтолкнула его в тенистую аллею, отделенную от дорожки кругом близко посаженных деревьев с дугообразными стволами и широкими листьями. Она шла чуть впереди него, мучительно ускользающая фигурка, плывущая в каком-то дюйме от его руки, постепенно увеличивающая расстояние между ними сначала до фута, потом до нескольких ярдов. Поначалу казалось, что он легко догонит ее, но это ему не удавалось, и, двигаясь все быстрее, он старался уже просто не упускать ее из виду. Ее нежная, оливкового цвета кожа блестела в первом лунном свете, она часто оглядывалась назад с ослепительной улыбкой, кивками приглашая его поторопиться. Но он не мог догнать ее. Теперь она опережала его почти на всю длину сада. С нарастающим отчаянием он рванулся к ней, но она растворилась, исчезла и возникла так далеко, что теперь он с трудом различал игру мускулов под ее гладкой кожей; и, помчавшись вперед, пересекая одну садовую дорожку за другой, он вдруг начал сознавать повышение температуры, неожиданную и стойкую перемену в воздухе; откуда-то здесь, ночью, поднялось солнце и с полной силой обрушилось ему на плечи. Деревья поникли и завяли, листья опали. Сам он с трудом удерживался на ногах. Колатор Ласгия превратилась в пят-

нышко на горизонте. Еще подзывающая к себе, еще улыбающаяся, она становилась все меньше и меньше, а солнце все поднималось, делаясь еще, более испепеляющим, высушивая вокруг все, до чего могло дотянуться. От сада остались голые сучья на потрескавшейся иссохшей земле. Страшная жажда охватила его, и, когда он заметил фигуры, скрывающиеся в засаде позади покрытых волдырями почерневших деревьев — это были метаморфы, твари, полные хитрого коварства, не придерживающиеся одной какой-нибудь застывшей формы, а колышущиеся и плывущие в сводящем с ума потоке разных обликов,— он закричал им, прося хоть глоток воды, но услышал в ответ лишь легкий звенящий смех. Он пошатнулся. Свирепый пульсирующий свет в небесах начал сжигать его. Он чувствовал, как кожа твердеет, трескается, хрустит, ломается. Еще один миг, и он обуглится. Что стало с Колатор Ласгией? Куда делись улыбающиеся, кланяющиеся горожане, приветствовавшие его знаком звездного взрыва? Сейчас он не видел сада. Он был в пустыне и, шатаясь, брел сквозь зной, где даже тени пылали. Теперь в нем поднялся настоящий ужас. Даже во сне он ощущал болезненный жар, и какая-то часть его рассудка следила за этим с нарастающей тревогой, опасаясь, как бы сила сновидения не оказались слишком велика и не смогла бы повредить физическому состоянию тела наяву. О таких вещах рассказывали: люди погибали во сне, пораженные силой могучих посланий или обычных сновидений. И хотя это шло вразрез с заученной с детства истиной, хотя он знал, что обязан досмотреть даже наиужаснейший из ужасов, чтобы увидеть окончательное откровение, он решил проснуться ради собственной безопасности; он попытался немедленно проснуться, но не сумел. Он упал на колени, дергаясь на раскаленном песке и вглядываясь в загадочных крошечных насекомых с золотистыми туловищами, шедших к нему колонной по краю одного из барханов. Они добрались до него, муравьи с безобразно раздутыми челюстями, и каждый, чуть поворачиваясь, поднимал свое туловище и кусал, впиваясь челюстями и не отпуская, так что в одну неуловимую долю секунды насекомые покрыли всю его кожу. Он сметал их с себя и никак не мог стряхнуть: их клещи держали мертво, даже когда головы отрывались от тел. Песок вокруг почернел от обезглавленных тел, но все равно их было слишком много, они покрывали тело, как плащ, а он с силой все стряхивал и стряхивал их, пока не воздвиг

вокруг себя настоящую гору, но все равно еще больше муравьев вцеплялось в него своими челюстями. Он устал сметать их. К тому же, в этом живом плаще оказалось прохладнее. Они защитили его от солнечного жара, и хотя сами жалили и жгли его своими укусами, но не так болезненно, как солнечные лучи.

Неужели сон никогда не кончится? Он попытался взять его под контроль, обернуть нарастающий поток прибывающих муравьев в струю холодной чистой воды, но не смог, ничего не произошло, и он вновь соскользнул в кошмар, продолжая устало ползти по песку.

И постепенно начал сознавать, что уже не спит.

Не было границы между сном и пробуждением, которую он бы обязательно заметил, — только внезапное и полное понимание, что глаза его открыты. И два сознания (спящего наблюдателя и страдающего Деккерета) слились в одно. Но тем не менее, он находился в пустыне под страшным полуденным солнцем. И он был наг. Кожу чувствительно саднили царапины и волдыри. И были муравьи. Крошечные муравьи действительно карабкались по его ногам, поднимаясь до колен, вцепляясь в кожу. Сбитый с толку, он подумал, что наверное метался во сне, но сразу отказался от этой мысли: он не мог уйти так далеко во сне в настоящую пустыню, а он похоже, находился чуть ли не в ее центре. Он встал, стряхнув муравьев, и посмотрел в сторону лагеря.

И не увидел его. Значит, действительно, он бродил во сне голый по обжигающей наковальне пустыни, и заблудился. Это все еще сон, подумал он с яростью и сейчас я проснусь в тени флотера Барджазеда! Но пробуждения не произошло. Теперь Деккерет понял, как погибали люди в Пустыне Украденных Снов.

— Барджазед! — закричал он. — *Барджазед!*

Глава 9

Крик эхом отозвался в дюнах. Он закричал снова, потом второй раз, третий, но слышал лишь дрожащий собственный голос, оставшийся без ответа. Сколько он мог продержаться? Час? Два? Без воды, без укрытия от солнца. Даже без одежды. На непокрытую голову изливал свой жар огромный пылающий глаз в небе. Стояла самая жаркая часть дня. Окружающий пейзаж повсюду выглядел одинаково — плоская мелкая чаша,

выбитая жаркими ветрами. Он пошел было по своим следам, но следы оборвались через несколько ярдов — дальше начиналась твердая и скалистая поверхность. Лагерь мог находиться где угодно, скрытый возвышавшимися барханами. Он еще раз позвал на помощь, и опять не услышал ничего, кроме эха. Возможно, если бы ему удалось подыскать подходящий бархан, он мог бы успеть закопаться по шею и продержаться до тех пор, пока не спадет жара, а в темноте попытаться отыскать лагерь по костру. Но таких барханов он тут не видел. Как бы поступил в таком положении Лорд Стиамот, подумал он, или Лорд Тимин, или один из великих воинов прошлого? И что мог сделать он сам? Просто умереть? Глупо. Он все поворачивался, исследуя горизонт. Ни одной путеводной нити, ни единого признака, куда пойти. Передернув плечами, он опустился в месте, где не было муравьев. Не было здесь и слоя песка, зарывшись в который он мог бы попытаться спасти себя. Не было и силы духа, которая, несмотря ни на что, помогла бы ему выжить. Он утратил себя во сне и умрет, как и предсказала Колатор Ласгия. Единственное, что у него осталось — это характер: он умрет без слез, гнева и стенаний. Может быть, на это уйдет час, может быть, меньше. Но это очень важно — умереть с честью.

И он стал ждать прихода смерти.

Но вместо нее пришел — через десять минут, полчаса, час, он не знал — Серифем Рейнейлион. Вруон, как мираж, появился в востока, медленно, с трудом направляясь к Деккерету, нагруженный двумя флягами воды. Подойдя ярдов на сто, он помахал двумя щупальцами и окликнул:

— Вы живы?

— Более или менее. Вы настоящий?

— Самый настоящий. Мы вас полдня ищем.— Резинистое щупальце маленького существа порывисто сунуло в руки Деккерету флягу с водой.— Держите. Глотните-ка, только немного. НЕМНОГО! Вы слишком измождены и захлебнетесь, если станете пить с жадностью.

Деккерет с трудом справился с порывом осушить фляжку одним глотком. Вруон был прав, нужно было пить умеренно, не спеша, иначе могло стать плохо. Он отхлебнул немного воды, подержал на языке, прополоскал горло и наконец проглотил. Потом сделал еще один осторожный глоток, затем глоток побольше. В голове немного закружилось. Вруон кивнул на фляжку. Деккерет встряхнул ее и отпил снова, подержав воду за щеками.

— Далеко отсюда лагерь? — спросил он наконец.

— Минут десять ходьбы. У вас хватит сил идти самому, или мне сходить за остальными?

— Я дойду сам.

— Тогда идемте.

Деккерет кивнул.

— Сейчас, еще один глоток.

— Берите фляжку и пейте, сколько хотите. Если устанете, скажите мне, отдохнем. Не забывайте, мне вас не унести.

Вруон медленно направился к невысокому песчаному гребню в пятистах футах на востоке. Пошатываясь от слабости и головокружения, Деккерет последовал за ним и с удивлением понял, что гребень совсем не так полог и низок, как казалось, что-то произошло с глазами. Он возвышался над головой футов на тридцать, скрывая два более низких бархана, следующих за ним. Флотер стоял у подножия дальнего.

В лагере был лишь один Барджазед. Он взглянул на Деккерета с презрительной досадой и сказал:

— Решили прогуляться днем?

— Во сне. Меня все-таки поймали ваши похитители снов. Словно заклятье.— Деккерета начало трясти — солнечные ожоги стали жечь тело. Он лег у флотера и накрылся легкой рубашкой.— Когда я проснулся, то не увидел лагеря. Я был уверен, что погибну.

— Еще полчаса, и так бы и вышло. Вы и так уже высохли на две трети. Счастье, что мой мальчишка проснулся и заметил, что вас нет.

Деккерет плотнее закутался в одежду.

— Значит, вот как здесь погибают. Уходят во сне днем.

— И так тоже.

— Я в долгу перед вами. Вы спасли мне жизнь.

— Хм, жизнь вам спасают с тех самых пор, как мы миновали Кавагский Проход. Вы бы уже погибли раз пятьдесят. Но если хотите кого-то благодарить, благодарите вруона. Он-то по настоящему потрудился, разыскивая вас.

Деккерет кивнул:

— А где ваш сын? И Кэймак Грэп? Тоже меня ищут?

— Уже возвращаются,— ответил Барджазед, указывая на только что появившихся из-за бархана скандаршу и мальчишку. Ни на кого не глядя, скандарша опустилась на свой тюфяк. Динитак Барджазед лукаво улыбнулся Деккерету и сказал:

— Приятно прогулялись?

— Не очень. Я сожалею о причиненных вам хлопотах.

— Ничего. Только вот что теперь делать?

— Может быть, привязывать меня, пока я сплю?

— Или придавливать тяжелыми валунами,— предложил Динитак, зевая во все горло.— Лучше постарайтесь оставаться на месте хотя бы до захода солнца.

— Я попробую,— сказал Деккерет.

Но снова уснуть оказалось невозможно. Кожа зудела от бесчисленных укусов насекомых и солнечных ожогов, несмотря на успокаивающую мазь, которой снабдил его вруон, и чувствовал он себя отвратительно. В горле першило, глаза болезненно слезились. И он вновь и вновь перебирал в памяти случившееся: сон, жару, муравьев, жажду, внезапное осознание смерти. Он искал в себе трусость, но не нашел ее. Расстройство, да, и гнев, и тревога, но никакой паники, никакого страха. Хорошо. Самое худшее, решил он, было не в зное, жажде и опасности, а в самом сне, в мрачной тревоге, в сне, который снова начался в радости, а посредине претерпел мрачное изменение. Невозможность получить утешение здорового сна, подумал Деккерет, гораздо хуже гибели в пустыне, потому что умирать приходится только раз, а сны человек видит постоянно. Не связанны ли такие сны с пустынной бесплодностью Суврейла? Деккерет знал, что, когда послание исходит от Властительницы, его внимательно изучают (если необходимо — с помощью тех, кто поднаторел в искусстве толкования снов), поскольку в них таятся знания, жизненно важные для надлежащего поведения человека. Но эти послания, вернее, просто сны, вряд ли исходили от Властительницы. Казалось, они направлялись какой-то темной силой, зловещей и деспотичной, более пригодной брать, чем давать. Меняющие Форму? Возможно. Что, если какое-то их племя сумело раздобыть, несмотря на огромные расстояния, отделяющие их от Острова Снов, один из механизмов, благодаря которым Властительница может достичь глубин сознания любого из своей паствы, и теперь, скрываясь в засаде в жарком сердце Суврейла, оно грабит путников? Ворует их души? Лишает жизненной силы тех, кто украл их мир?

Когда удлинились полуденные тени, он почувствовал, что начинает задремывать и соскальзывать в сон. Он боролся, боясь невидимых захватчиков душ, и отчаянно старался держать глаза открытыми, глядя в темное пространство и вслушиваясь в бормочущие звуки пустыни,

но так и не мог перебороть естественную усталость измученного тела. Он погрузился в сон, не в послание от Властительницы или от неведомой темной силы, а просто в сон. А потом кто-то потряс его за плечо — вруон, с трудом узнал Деккерет. Соображал он медленно, в голове шумело, губы потрескались, спина болела. Наступила ночь, и его спутники готовились к отъезду, сворачивая лагерь.

Вруон подал Деккерету чашу с каким-то освежающим густым бледно-зеленым напитком, и он осушил ее одним глотком.

— Вставайте,— сказал вруон.— Пора ехать.

Глава 10

Пустыня снова изменилась, сделавшись темно-красной и грубой. Очевидно, здесь случались гигантские землетрясения. Земля была изломана и перемешана с колоссальными плитами каменистого ложа, нагроможденными друг на друга под невероятными углами. Через эту зону хаоса вел только один путь — широкое русло давно высохшей реки, которое петляло долгим и приметным изгибом между разломанных и растрескавшихся скал. В небе повисла полная луна, и свет ее по яркости почти не уступал дневному. Пейзаж не менялся и после того, как флотер одолел несколько миль, хотя казалось, будто машина застыла на одном месте. Деккерет повернулся к Барджазеду:

— Сколько нам еще добираться до выпасов?

— Пустыню от пастбищ отделяет ущелье. Оно вон там.— Барджазед указал на юго-восток, где терялось высохшее речное русло меж двух высившихся скалистых пиков, торчавших из земли, словно кинжалы.— Там, за Маннеракским ущельем, климат совершенно иной. К дальней стороне горного кряжа по ночам подкатываются морские туманы с запада, и земля там зеленая, вполне пригодная для выпасов. Утром мы доберемся до ущелья, через день пройдем его, а к Дню Моря вы будете отдыхать в Цузун-Каре.

— А вы? — поинтересовался Деккерет.

— У нас с сыном есть еще кое-какие дела. Мы вернемся за вами позже. Сколько вам надо — три дня, пять?

— Пяти дней вполне достаточно.

— Хорошо. А потом поедем обратно.

— Этим же путем?

— Другого нет,— ответил Барджазед.— Вам, наверное, уже объяснили в Толигае, что все остальные дороги к пастбищам закрыты, кроме этого пути через пустыню. Почему вы его боитесь? Из-за снов? Но если вы не станете бродить во сне по пустыне, вам нечего опасаться.

Замечание выглядело разумным. Он чувствовал в себе достаточно сил, чтобы пережить поездку, но вчерашний сон оказался слишком мучительным, и он без особой радости ждал следующего.

Когда они на другое утро разбивали лагерь, Деккерет с тревогой ждал наступления сна. В первый час отдыха он заставлял себя не спать, вслушиваясь в потрескивание скал, накалявшихся полуденным солнцем, до тех пор пока усталость не окутала сознание темным облаком. Он уснул.

И едва сон охватил его, он понял, что это только начало, ведущее к чему-то еще более страшному.

Сначала пришла боль — ноющая, острая боль, затем, без какого-либо намека, взрыв ослепительного света в голове заставил его закричать и стиснуть виски. Но спазм быстро прошел, и он ощутил мягкое присутствие Колатор Ласгии, успокаивающей его и баюкающей на своей груди. Она качала его, что-то бормоча, и утешала до тех пор, пока он не открыл глаза и не сел, оглядываясь по сторонам, и не увидел, что он не в пустыне и вообще не в Суврейле. Вместе с Колатор Ласгией они находились на какой-то прохладной поляне в лесу, где гигантские деревья с абсолютно прямыми стволами, покрытыми желтой корой, поднимались на непостижимую высоту и быстрый поток, усеивая все брызгами, метался и ревел почти под ногами. За потоком земля резко опускалась, открывая далекую долину, и в дальнем ее конце высилась огромная, серая с белым зубцом снежной вершины гора, в которой Деккерет мгновенно узнал один из девяти больших пиков Канторских Болот.

«Нет,— пробормотал он,— я не хочу!»

Колатор Ласгия засмеялась, и звенящий ее смех показался ему зловещим, похожим на звуки пустыни в сумерках.

«Но это сон, милый друг, и тебе придется принять его».

«Ладно, но я не хочу возвращаться в Болота Кантора. Посмотри, как все изменилось! Мы на Зимре, неподалеку от огромной излучины реки. Видишь? Видишь? Ни-мойе сверкает перед нами».

Он действительно видел огромный город, белый на фоне зеленых холмов. Но Колатор Ласгия покачала головой.

«Это не город, любовь моя. Это только северный лес. Чувствуешь ветер? Прислушайся к песне потока. Сюда, стань на колени, зачерпни падающих на землю игл. Ни-мойе далеко, и мы здесь на охоте».

«Прошу тебя, давай побудем в Ни-мойе».

«В другой раз»,— ответила Колатор Ласгия.

И он не смог переубедить ее. Магические башни Ни-мойе задрожали, сделались прозрачными и исчезли, и остались лишь деревья с желтой корой, прохладный ветерок, звуки леса. Деккерет вздрогнул. Он был пленником своего сна и не мог сбежать.

И теперь, небрежно приветствуя его, появились пятеро охотников в грубо пошитых куртках из шкур хейгусов, протягивая ему оружие — короткие тупые трубки энергометов и трехгранные кинжалы, длинные лезвия которых немного загибались на концах. Он покачал головой, но один из охотников подошел ближе, насмешливо усмехаясь, оскалив белые зубы. Деккерет узнал лицо — это была она — и со стыдом отвернулся. Это она погибла тогда в Болотах Кантора тысячу лет назад. Если бы только она была сейчас не здесь, подумал он, сон можно было бы стерпеть. Какая дьявольская пытка — заставлять его пережить все снова!

«Возьми у нее оружие,— сказала Колатор Ласгия.— Стима уже подняли, и мы должны догнать его».

«Я не хочу... Я...»

«Глупо. Думаешь, во сне желания уважают? *Сон — твое собственное желание.* Возьми оружие».

Деккерет решился. Похолодевшими пальцами он принял кинжал, энергомет и убрал их в надлежащие места на поясе. Охотники одобрительно заулыбались, ворча что-то на хриплом северном наречии, а затем, пригнувшись, помчались длинными скачками, по пять шагов в каждом, по берегу; Деккерет поневоле побежал следом, сперва неуклюже, потом со все более плавной грацией, сопровождаемый Колатор Ласгией, легко выдерживающей этот темп. Ее черные волосы развевались вокруг лица, глаза горели от возбуждения. Они свернули налево в сердце леса, петляя в поисках добычи.

Добыча! Деккерет разглядел трех стимов с белой шерстью, сияющих, как фонари, в глубине леса. Животные тревожно крались, взрывая землю. Они учуяли пришельцев, но пока не собирались оставлять свою территорию; огромные твари, наверное, самые опасные из всех диких зверей Маджипура, быстрые, сильные и хитрые — ужас се-

верных земель. Деккерет вытащил кинжал. Убивать стимов из энергометов — даже не развлечение, просто убийство, к тому же, сильно пострадает ценный мех. Почетнее всего подобраться ближе и действовать ножом, предпочтительней кинжалом. Только так охотник заслужит славу.

Загонщики смотрели на него. Выбери себе одного в добычу, попросили они. Деккерет кивнул. Средний, указал он. Охотники заулыбались. Они что-то знали, о чем не сообщили ему. Так было и в тот раз: такое же едва скрываемое презрение лесовиков к господам, избалованным и алчущим смертельно опасных развлечений, тем более, что подобные развлечения оканчивались зачастую плохо. Деккерет держал кинжал наготове. Стимы, что рыскали за деревьями, были невероятно громадными, с огромными тяжелыми ляжками; ни один человек не справился бы с таким в одиночку, имея только холодное оружие. Но поворачивать назад было нельзя — Деккерет сознавал, что намертво прикован к данному судьбой сну. Раздались звуки охотничьих рогов и свист загонщиков. Стимы, рассерженные и встревоженные необычными звуками, завертелись, обдирая когтями деревья, и, сделав круг, больше из отвращения, чем от страха, пустились бежать.

Теперь наступило время.

Деккерет знал, что сейчас загонщики прогонят дальше двух отвергнутых животных, оставляя одного избранного, но не смотрел ни вправо, ни влево. В сопровождении Колатор Ласгии и охотницы, давшей ему оружие, он ринулся вперед, начиная погоню, так как стим с ревом и треском помчался через лес.

Плохо. Хоть люди и быстрее, стимы легче продирались через подлески, и он мог потерять добычу в этой беспорядочной погоне. Лес здесь немного расступался, но стим рвался в заросли, и вскоре Деккерет обнаружил, что борется с молодыми деревцами, лианами и мелким кустарником, едва успевая следить за удаляющимся белым призраком лесов. Захваченный одним-единственным чувством, он вырвался из объятий чащи и побежал, прокладывая дорогу мачете. Все было ужасно знакомым, вроде старой избитой шутки, особенно, когда до него дошло, что стим петляет по зарослям, будто собирается напасть сам...

И спящий Деккерет знал, что такой случай скоро представится, когда обезумевший зверь случайно наткнется на охотницу и отшвырнет ее на дерево, а Деккерет, не ожидавший такого и не сумевший помешать, умчится вперед, продолжая погоню и оставив женщину лежать там,

где она лежала, так что когда затаившийся большеротый пожиратель падали высунется из норы и начнет рвать охотнице живот, рядом не окажется никого, способного защитить ее, и лишь позже, когда будет время вернуться за раненой, он пожалеет о своем бездушии, о том, что позволил себе не обратить внимания на падение человека, ради него выслеживавшего добычу. А после — стыд, вина, бесконечные самообвинения. Да, ему предстояло пережить все это снова, во сне, в цепенящем зное Суврейла... Или нет?

Нет. Это было бы слишком просто для всеобщего языка снов, и в густом тумане, внезапно окутавшем Деккерета, он увидел, как стим вдруг развернулся и хлестнул охотницу, сбив ее с ног, но женщина поднялась, выплюнув несколько окровавленных зубов, и расхохоталась, и погоня продолжалась — точнее, вернулась к своей начальной стадии, а после стим вдруг вырвался из гущи леса и ударил самого Деккерета, вышибая кинжал из его руки, грозно взревел перед последним ударом, но не нанес его; а сцена вновь и вновь менялась, и теперь уже Колатор Ласгия лежала под опускающейся лапой, пока Деккерет беспомощно дрожал рядом, не способный шевельнуться. Затем жертвой снова стала охотница, потом Деккерет, и — совсем уж неожиданно и невероятно — старший Барджазед, а после него — Колатор Ласгия. Деккерет смотрел, не отводя глаз, и голос под его локтем произнес:

«В чем же дело? Все мы — и жизнь наша, и смерть — принадлежим Дивине. Возможно, для тебя тогда было важнее не упустить добычу».

Деккерет огляделся. Голос принадлежал охотнице, и звук его поразил Деккерета. Сон начал сбивать с толку. Он попытался проникнуть в его тайну, напрягая свою волю.

Теперь он видел Барджазеда, стоящего неподалеку на темной лесной прогалине. Стим снова рвал охотницу.

«Такова правда?» — спросил Барджазед.

«Наверное, да. Я не видел».

«А что вы делали?»

«Продолжал погоню. Я не хотел лишаться добычи».

«Вы его убили?»

«Да».

«А потом?»

«Вернулся обратно и нашел ее. Так...»

Деккерет помотал головой. Гнусный пожиратель падали уже оседлал женщину. Колатор Ласгия, улыбаясь, стояла рядом, скрестив руки.

«А после?»

«Подошли остальные. Они похоронили ее, затем мы сняли шкуру со стима и вернулись в лагерь».

«Дальше».

«Кто вы? Почему вы меня спрашиваете?»

Деккерет на один краткий миг увидел себя под клыкастым рылом пожирателя падали.

«Вам было стыдно?» — спросил Барджазед.

«Конечно. Я поставил охотничий азарт выше человеческой жизни».

«Вы не могли знать, что она ранена».

«Но я чувствовал. И ведь видел, но просто не позволил себе смотреть, понимаете? Я знал, что ей плохо, и ушел».

«А кто позаботился о ней потом?»

«Я».

«Даже так?»

«Да».

«Вы чувствуете себя виноватым?»

«Конечно».

«Ваша *вина* — это юность, глупость и воспитание».

«Разве вы мой судья?»

«Да, — сказал Барджазед. — Взгляните на мое лицо». — Он дернул шрам на своем лице и надул щеки, и его продубленная пустыней кожа начала трескаться и лицо сморщилось, как маска, и соскользнуло, открыв под собой иное лицо, искаженное отвратительной ухмылкой, дергающееся от конвульсивного хохота. И Деккерет узнал его — это было его лицо!

Глава 11

В тот же миг Деккерета пронизало такое ощущение, будто игла жесточайшего света пробила ему голову. Подобной боли он еще никогда не испытывал — внезапная и нестерпимая игла пылала в голове с чудовищной силой. И этот вспыхнувший в сознании свет высветил для него всю его глупую мальчишескую романтику, единственную виновницу драмы, выдумавшую трагедию для него самого в поисках очищения от греха, который вовсе не был грехом, если исключить снисходительность к себе. В разгаре агонии Деккерет услышал вдали удар огромного гонга и сухой, режущий слух дьявольский хохот Барджазеда, а затем, рванувшись изо всех сил, он вырвался из сна и перевернулся на бок, дрожащий и ошеломленный, все еще ис-

пытывая боль, хотя она уже таяла, уходя с последними остатками сна.

Он попытался встать, и обнаружил, что завернут в густой пахнувший мускусом мех, словно стим прижал его к своей груди. Могучие руки сжимали его. *Четыре* руки, осознал он, и когда окончательно стряхнул с себя остатки сна, то понял, что лежит в объятиях гигантской скандарши Кеймак Греп. Вероятно, он бился и кричал во сне, а когда попытался встать, она решила, что кошмар продолжает мучить его, и не дала ему подняться. Она держала его с такой силой, что чуть не трещали ребра.

— Все в порядке,— пробормотал он, с трудом открыв рот, плотно прижатый к серой шерсти.— Я не сплю.

Она продолжала держать его.

— Вы... меня... задушите...

Он с трудом дышал. В своей заботе она могла убить его в материнских объятиях. Деккерет вырывался, отталкивал ее, даже бил. Извиваясь, он как-то ухитрился сбить ее с ног, и они рухнули на землю. Она оказалась под ним, и в последнее мгновение руки ее разжались, позволив Деккерету откатиться в сторону. Согнувшись, он поднялся на колени, все тело его болело. Выпрямляясь, он увидел стоящего у флотера Барджазеда, который поспешно снимал со лба какой-то механизм — нечто вроде изящной, похожей на корону диадемы — и прятал его в потайное отделение машины.

— Что это? — выкрикнул Деккерет.

Барджазед выглядел необычно взволнованным.

— Ничего. Просто игрушка.

— Дайте-ка посмотреть.

Барджазед подал знак. Краем глаза Деккерет заметил, что Кеймак Греп поднимается на ноги и снова тянется к нему, но прежде чем тяжеловесная скандарша управилась, Деккерет отскочил в сторону и стрелой помчался вокруг флотера к Барджазеду. Коротышка продолжал возиться со своим запутанным приспособлением. Деккерет, нависнув над ним, как над ним самим только что нависала скандарша, быстро схватил его за руку и заломил ее за спину, после чего выхватил механизм из флотера и осмотрел.

Теперь проснулись все. Вруон уставился вытаращенными глазами на происходящее, а юный Динитак выхватил нож и крикнул:

— Отпусти его!

Деккерет рывком развернул Барджазеда, прикрываясь им, как щитом.

— Скажи сыну, чтобы убрал нож,— приказал он.

Барджазед молчал.

— Или он уберет нож, или я раздавлю тебе руку! — Он сдавил посильнее.— Выбирай!

Низким голосом Барджазед отдал приказ. Динитак воткнул нож в песок почти у самых ног Деккерета. Деккерет чуть шагнул вперед, поднял нож и отбросил его за спину, потом покачал механизм перед лицом Барджазеда. Это была вещица из золота, хрусталя и слоновой кости, тщательно и со вкусом отделанная, с непонятными проводами и завязками.

— Что это? — повторил он.

— Я ведь сказал — игрушка. Пожалуйста, отдайте... отдайте, а то вы ее сломаете.

— И каково назначение этой игрушки?

— Она развлекает меня во сне,— хрипло пробормотал Барджазед.

— Каким образом?

— Она усиливает сны и делает их интереснее.

Деккерет поднес механизм поближе к глазам.

— А если я надену его на себя, он и мои сны усилит?

— Вы только сами себе навредите, Инитейт.

— Ну-ну, расскажи-ка, что эта штука делает для тебя?

— Это очень трудно объяснить,— ответил Барджазед.

— А ты потрудись, подыщи слова. Как ты оказался в моем сне, например? Ты не имел никакого отношения к столь щепетильному посланию.

Коротышка пожал плечами и неловко сказал:

— Я был в вашем сне? Да откуда мне знать, что происходило в вашем сне? Такое вообще невозможно.

— Да? А я думаю, твой механизм помог тебе туда проникнуть и узнать, что я вижу.

Барджазед ответил угрюмым молчанием.

— Опиши-ка его действие,— продолжал Деккерет,— или я его просто сломаю.

Сильные пальцы Деккерета стиснули одну из самых хрупких на вид частей непонятного приспособления. Барджазед судорожно сглотнул, тело его напряглось.

— Ну? — подстегнул Деккерет.

— Да, вы правильно угадали. Это... это позволяет мне проникать в спящее сознание.

— Вот как? Где же ты достал такую вещь?

— Я сам его придумал и совершенствовал много лет.

— Значит, эта штука вроде машин Властительницы Острова Снов?

— Не совсем. Моя сильнее. Властительница может лишь говорить с сознанием, я же могу читать сны и управлять как их образованием, так и спящим сознанием.

— И ты придумал его сам, а не украл на Острове Снов?

— Сам,— пробормотал Барджазед.

Деккерета захлестнула волна ярости. На мгновение ему захотелось раздавить механизм и отдубасить Барджазеда до крови. Воспоминание о всех полуправдах, недомолвках и прямой лжи, которые скармливал ему коротышка, о том, как за время поездки он вмешивался в его сны, как бесцельно расстраивал и лишал его целительного отдыха, как подмешивал ложные страхи, мучения и ненадежность в подаренные послания Властительницы вызывало почти убийственный гнев. Сердце бешено колотилось, в горле пересохло, глаза застлала красная дымка, рука его на локте Барджазеда сжималась до тех пор, пока коротышка не взвыл, сильнее и сильнее...

Нет.

Деккерет достиг некоей внутренней вершины своего гнева, продержался там мгновенье и, перевалив через пик, спустился вниз по шкале к спокойствию. Постепенно он вновь обрел хладнокровие. Он все еще сжимал руку Барджазеда. Он отпустил его, отшвырнув к флотеру. Тот, зашатавшись, вцепился в изогнутый борт машины. Все цвета исчезли с его лица. Он нежно потер посиневшую руку и взглянул на Деккерета со смешанным чувством ужаса, боли и негодования.

Деккерет внимательно изучал любопытный инструмент, мягко дотрагиваясь кончиками пальцев до изящных и сложных частей конструкции, затем потянулся водрузить его себе на лоб.

— Не надо! — выдохнул Барджазед.

— А что случится? Думаешь, сделаю себе хуже? Я справлюсь.

— Справитесь. И сами же себе навредите.

Деккерет кивнул. Он не сомневался, что Барджазед лжет, но не стал уличать его. Немного помолчав, он спросил:

— Выходит, в пустыне нет никаких метаморфов — похитителей снов?

— Да,— прошептал Барджазед.

— Есть только ты. Ты проводил опыты над сознанием спящих путников, так?

— Да.

— И доводил их до смерти.

— Нет! — взвизгнул Барджазед.— Я не хотел никого убивать. Они сами умирали от испуга, от того, что ничего не могли понять, от того, что убегали в пустыню или терялись в своих снах, как и вы...

— Но умирали они потому, что ты вмешивался в их сознание.

— Кто может быть в этом уверен? Некоторые умерли, некоторые нет. Я никому не желал смерти. Вспомните, когда вы исчезли, мы вас старательно искали.

— Да, потому что я нанял тебя ради своей же безопасности, и об этом знают в Толигае,— произнес Деккерет.— А других ни в чем не повинных путников ты грабил издавна, разве не так?

Барджазед промолчал.

— Ты знал, что люди погибают в результате твоих опытов, но продолжал экспериментировать.

Так же молча Барджазед пожал плечами.

— Сколько ты этим занимаешься?

— Несколько лет.

— Но зачем?

Барджазед отвел взгляд.

— Я уже как-то говорил вам, что никогда не отвечаю на подобные вопросы.

— Даже если я сломаю твою машину?

— Вы все равно не сломаете.

— Нет,— сказал Деккерет.— На, бери.

— *ЧТО?*

Деккерет протянул ему руку с лежавшим на ладони механизмом.

— Возьми.

— Вы не убьете меня? — вздрогнул Барджазед.

— Разве я судья? Вот если я поймаю тебя еще раз, когда ты будешь его испытывать на мне, то убью, будь уверен. А так — нет. Убийство не по мне. У меня на душе и так уже есть один грех. К тому же ты должен провести меня обратно в Толигай, или ты забыл?

— Конечно, конечно.— Барджазед был явно ошеломлен милосердием Деккерета.

— Хотя, убить тебя стоило,— пробормотал Деккерет.

— Но послушайте...— начал Барджазед.— Я вмешивался в ваши сны...

— Ну?

— Я хотел понять вас.

— Хм...

— Я... Вы не хотите отомстить?

Деккерет покачал головой.

— Ты позволил себе слишком вольно обойтись со мной и рассердил меня, но теперь гнев прошел, и я не хочу тебя наказывать.— Он наклонился поближе к коротышке и сказал низким угрожающим тоном: — Я пришел в Суврейл полный расстройства и вины, в поисках очищающих физических страданий. Глупости! Физические страдания лишь укрепляют тело и силу и совсем немного значат для душевных ран. Ты же дал мне кое-что другое. Ты и твоя игрушка. Хоть ты и мучил меня в снах, но ты держал зеркало моей души и я видел себя и свою сущность. Ты хорошо видел мой последний сон, Барджазед?

— Вы были в лесу... на севере...

— Да.

— Вы охотились. Одного из ваших загонщиков ранил зверь, да?

— Продолжай.

— И вы оставили ее. Вы продолжили погоню за добычей, а потом, когда вернулись, было уже поздно, и вы обвинили себя в ее гибели. Я ощущал в вас чувство огромной вины и чувствовал исходящую от вас силу.

— Да,— кивнул Деккерет.— Это вина, которую мне предстоит нести всю жизнь. И нельзя ничего сделать для нее теперь.— Поразительное спокойствие вдруг охватило его. Он ни в чем не был уверен, исключая то, что во сне он, наконец, встал лицом к лицу с событиями в Канторском лесу и взглянул на то, что он там сотворил и чего не сделал. Но понимая это, он не мог выразить словами, что глупо мучить себя всю жизнь за один беспечный поступок, и что наступил момент отбросить самобичевание и заняться делом. И теперь он простил себя. Он приехал в Суврейл ради искупления, и каким-то образом получил его, за что должен был благодарить Барджазеда.

— Возможно, я мог бы спасти ее,— продолжал он,— а возможно, и нет. Смерть есть смерть, да, Барджазед? И я должен служить не мертвым — живым. Едем. Разворачивай флотер, мы возвращаемся в Толигай.

— Но... а как же с вашим визитом на пастбища?

— Идиотское поручение. Недопоставки мяса! Вопрос уже решен. Так что едем в Толигай.

— А там?

— Ты поедешь со мной в Горный Замок, покажешь свою игрушку Венценосцу.

— Нет! — в ужасе выкрикнул Барджазед. Впервые с тех пор, как они познакомились, он по-настоящему перепугался. — Прошу вас...

— Отец? — окликнул его Динитак.

Под палящими лучами солнца парнишка здорово загорел, лицо его казалось совсем черным. И надменным.

— Отец, поезжай в Горный Замок, пусть все увидят, *ЧТО* ты сделал.

Барджазед облизнул пересохшие губы.

— Я боюсь...

— Нечего бояться, наступает наше время.

Деккерет переводил взгляд с одного Барджазеда на другого.

Старик внезапно оробел и как-то съежился, зато парень совершенно преобразился. Он чувствовал, что происходит историческое событие, что происходит перестановка могущественных сил, которую он едва понимал.

Барджазед сказал хрипло:

— А что будет со мной в Горном Замке?

— Не знаю, — ответил Деккерет, — вполне возможно, что твою голову выставят на всеобщее обозрение на шпиле башни Лорда Симинейва, а может быть, ты займешь место среди Великих Сил Маджипура. Случиться может все, что угодно, откуда мне знать? — Он понимал, что ведет себя неосмотрительно, потому что ему была безразлична судьба Барджазеда и он не испытывал ненависти к коротышке, а только какую-то порочную благодарность за то, что тот помог ему справиться с собой. — Все зависит от Венценосца. Но одно я знаю точно — ты вместе со своей машиной едешь со мной. Все, разворачивай флотер!

— Но день еще не кончился, — сказал Барджазед, — еще слишком жарко.

— Ничего, выдержим. Едем, и побыстрее! Нужно успеть захватить в Толигае корабль. К тому же, в городе есть женщина, с которой я хочу увидеться до отплытия.

Глава 12

Это произошло в юности того, кто стал впоследствии Лордом Деккеретом при Понтификсе Престимионе. И юный Динитак Барджазед стал первым повелителем Суврейла и владыкой душ всех спящих Маджипура, именуемым отныне Королем Снов.

Часть 6

ХУДОЖНИК И МЕНЯЮЩИЙ ФОРМУ

Это входило в привычку. Душа Гиссана была открыта для всего, а Счетчик Душ был ключом к восприятию безграничного мира. Он, один из жителей Лабиринта, получал особое ощущение мира, пусть немного неясное и нереальное, вроде названий на картах. Только мрак и закрытость Лабиринта имели сущность, все прочее — туман. Но в то же время Гиссан теперь побывал на всех континентах, пробовал необычную пищу, видел жуткие пейзажи, испытал холод и жару, и через все это он получил более полную картину сложного окружающего мира, что, как он подозревал, удалось очень немногим. Он возвращался и возвращался к Счетчику Душ, но больше не подделывал пропуск: он настолько часто бывал в архивах, что его лишь приветствовали кивками и без слов пропускали внутрь, где в его распоряжении было прошлое Маджипура. Часто он задерживался здесь всего на несколько минут, пока не понимал, что не найдет сегодня ничего нового, чтобы двигаться дальше по дороге знаний. Иногда с утра он в быстрой последовательности вызывал и обрывал по восемь, десять, пятнадцать записей. Разумеется, он знал, что каждая душа таит в себе целый мир, но не каждый такой мир был ему интересен. В поисках души, способной открыть для него что-то новое, случались иной раз неожиданные находки, такой находкой был, например, человек, полюбивший Меняющего Форму.

Совершенство изгнало художника Териона Нисмайла из хрустальных городов Замковой Горы в мрачные леса западного континента. Всю жизнь он прожил среди чудес Горы, путешествуя, согласно требованиям своей профессии, по Пятидесяти Городам, и каждые несколько лет менял роскошь одного города на чудеса другого. Он родился в Дэндилмире, и на первых его полотнах запечатлелись сцены Сверкающей Долины, буйные и страстные от вложенного в них пыла юности. Затем он прожил несколько лет в поразительном Кэнзилейне, городе говорящих статуй, потом во внушающем благоговение Сти, от одного предместья которого до противоположного было не меньше трех дней пути, побывал в Хеленксе, расположившемся почти у окраины Замка, и пять лет провел в самом Замке, где создавал картины придворной жизни

Венценосца Трейма. Его полотна высоко ценились за холодную сдержанность, изящество и совершенство форм, отражающие высшую степень совершенства Пятидесяти Городов. Но тем не менее, красота этих мест со временем перестала трогать душу и чувства художника, и, когда Нисмайлу стукнуло сорок лет, стало казаться ему совершенство застоем, и он не мог глядеть на свои самые знаменитые работы. Душа требовала непредсказуемости, преобразования.

Высшей критической точки, наибольшей глубины кризиса он достиг в садах Толингарского Барьера, удивительном парке, раскинувшемся между Дэндилмиром и Стипулом. Венценосец заказал ему серию картин о садах, чтобы украсить беседку из ползучих растений, выстроенную у края Замка. И Нисмайл услужливо проделал далекое путешествие вниз по склонам колоссальной Горы, прошел миль сорок по парку, выбирая подходящее место для работы, и установил мольберт на Казкаском Мысе, где горизонтальная линия сада тянулась вдаль гигантскими зелеными симметрично пульсирующими завитками. Он бывал здесь еще мальчишкой. На всем Маджипуре нельзя было найти более безмятежного места. Толингарские сады составляли растения, росшие в удивительной чистоте и опрятности, руки садовников не касались их, они сами росли в грациозной симметрии, регулируя промежутки между собой и подавляя всю близлежащую траву. Когда они роняли листья или считали необходимым избавиться от засохшей ветви, внутренние ферменты быстро разлагали сбрасываемый материал, превращая его в полезный компост. Этот сад основал Лорд Ховилбов более ста лет назад. Его преемники Лорд Кэнэтэ и Лорд Сирран продолжили и расширили программу генетически управляемых преобразований, и уже в царствие Лорда Трейма задумка была завершена. Это было само совершенство, его-то и решил запечатлеть Нисмайл.

Он стоял перед пустым холстом, глубоко и спокойно втягивая легкими воздух, как всегда, когда готовился войти в транс. А потом в одно мгновение дух его, отрешившись от сознания, впитал в себя всю эту уникальную совершенную картину. Он обвел взглядом нежные холмы в зарослях кустарника с изящными иглами листвы — и волна бунтарской ярости захлестнула его. Он задрожал, пошатнулся и чуть не упал. Этот замерший пейзаж, это место, чистое и прекрасное, этот непогрешимый и бесподобный сад — все это не нуждалось в нем. Все

это само по себе было неизменным, как картина, так же безупречно застывшим в своем невидимом ритме до конца времен. Как страшно! И как ненавистно! Нисмайл пошатнулся, прижав ладони к вискам. Он услышал тихий удивленный шепот сопровождающих, и когда открыл глаза, то увидел, что все в ужасе смотрят на почерневший, покрывшийся пузырями холст.

— Снимите! — закричал он и отвернулся. Все сразу пришло в движение, люди суетились, а в центре их группы замер Нисмайл, похожий на статую. Когда он вновь смог заговорить, то сказал спокойно:

— Передайте Лорду Трейму, что я не смог исполнить его поручение.

За день он купил в Дэндилмире все необходимое и отправился в долгое путешествие вниз к обширным и жарким заливным лугам реки Иоайн, там сел на баржу и долго-долго плыл по медлительным водам к Алайсору, порту на западном побережье Алханрола, откуда после недельного ожидания кораблем добрался до Ниминора, Острова Снов, где прожил месяц. Затем он устроился на корабль паломников, шедший в Пилиплок, город на диком материке Зимроле. Он был убежден, что Зимрол не будет угнетать ни изящной красотой, ни совершенством. Здесь было всего восемь-девять городов, совсем небольших, и простые пограничные поселения, а все внутренние земли континента оставались дикими и малоисследованными, куда Лорд Стиамот переселил метаморфов после их окончательного поражения четыре тысячи лет назад. Человек, уставший от цивилизации, мог бы восстановить душевные силы в таком окружении.

Нисмайл не питал иллюзий и ждал, что Пилиплок окажется грязной дырой, но, к его удивлению, город был древним и большим, выстроенным по четкому плану. Такого безобразия, никоим образом не освежающего душу, он не потерпел и двинулся на речной барже вверх по Зимру. Он оставил позади огромную Ни-Мойе, прославленную даже среди обитателей других материков, но в городе под названием Вирф он, подчинившись порыву, покинул баржу, нанял фургон и отправился в леса на юге. Забравшись настолько глубоко, что нигде не осталось и следа цивилизации, он поставил хижину возле быстрой темной речки; к тому времени прошло три года, как он покинул Горный Замок. Всю поездку он держался особняком, заговаривая с другими только по необходимости, и не писал совсем.

Здесь он почувствовал, что постепенно начинает излечиваться. Все в окружающем мире казалось незнакомым и удивительным. В Горном Замке с его управляемым климатом царствовала бесконечная весенняя свежесть, искусственный воздух был чистым и сухим и дожди шли по заранее расписанным планам. Но теперь он находился в туманном и сыром дождливом лесу с губчатой и плодородной почвой, где деревья росли в такой хаотичной путанице, какой он не мог и представить, когда стоял у Толингарского Барьера. Он носил минимум одежды, методом проб и ошибок познавал, какие плоды, ягоды и коренья пригодны в пищу, придумал плетеную запруду, облегчившую ловлю гибких красных рыб. Часами бродил он по густым джунглям, радуясь не только необычной красоте, но и самим прогулкам. Часто он пел громким срывающимся голосом, чего никогда не делал в Горном Замке. Иногда он начинал было готовить холсты, но убирал их, так и не прикоснувшись; сочинял поэму с прочувствованными словами и пел ее стройным высоким деревьям, опутанным лианами. Правда, время от времени ему хотелось узнать, что происходит во дворце Лорда Трейма и не нанял ли Венценосец другого живописца украшать беседку, но такие мысли приходили не часто.

Он утратил счет времени. Четыре, пять, возможно, шесть недель минуло — он не мог бы сказать — прежде, чем он увидел первого метаморфа.

Встреча произошла на болотистой лужайке в двух милях вверх по речке от его хижины. Нисмайл бродил там, собирая алые сочные луковицы земляных лилий, которые, как он недавно узнал, если размять и запечь, очень вкусны. Росли они глубоко, и он выкапывал их руками, извозившись в земле до плеч. Он поднял грязное лицо, вытаскивая набранную пригоршню луковиц, и заметил спокойно наблюдавшую за ним фигуру ярдах в десяти.

Он никогда не видел метаморфов. Уроженцы Маджипура были навечно изгнаны со столичного континента Алханрола, где провел свои детские годы Нисмайл. Но он знал, как они выглядели, и узнал это высокое, хрупкое, желтокожее существо, остролицее, с косящими глазами, еле заметным носом и волокнистыми, резинистыми волосами бледно-зеленого оттенка. На метаморфе был лишь кожаный пояс с коротким острым кинжалом из какого-то отшлифованного черного дерева. Метаморф стоял с большим достоинством, балансируя на хрупкой длинной ноге, обернув вокруг нее другую. Он выглядел зловещим и

мягким одновременно, угрожающим и смешным. Подумав, Нисмайл решил не тревожиться.

— Привет,— сказал он.— А я луковицы собираю.

Метаморф не ответил.

— Я Терион Нисмайл, был художником в Горном Замке. У меня тут хижина вниз по реке.

Так же молча метаморф продолжал смотреть на него. На его лице промелькнуло странное выражение. Затем он повернулся и скользнул в джунгли, почти мгновенно растворившись в них.

Пожав плечами, Нисмайл продолжал выкапывать луковицы. Через неделю-две он встретил второго метаморфа (или, возможно, того же самого), на этот раз, когда сдирал кору с лианы, делая канат для ловушки на билантона. Метаморф безмолвно возник перед Нисмайлом, как призрак, и принялся созерцать его, стоя в той же одноногой позе, что и в прошлый раз. Нисмайл опять попытался вовлечь его в разговор, но, как и тогда, ничего не вышло, и загадочное существо уже повернулось, чтобы снова исчезнуть в лесу.

— Подожди! — позвал Нисмайл.— Я хочу поговорить с тобой, я...— Но он уже остался один.

Несколько дней спустя, собирая дрова для костра, он снова почувствовал, что его пристально разглядывают. Он сразу заговорил:

— Я поймал билантона и испек его. Мяса больше, чем мне нужно. Может, разделишь со мной обед?

Метаморф улыбнулся, вернее, на лице его мелькнуло что-то вроде улыбки, хотя это могло быть и что-то другое, и, словно отвечая, вдруг превратился в зеркальное отражение самого Нисмайла, коренастого и мускулистого, с черными проницательными глазами и темными волосами до плеч. Нисмайл заморгал, задрожав, потом, узнав, улыбнулся, решив принять это как некую форму разговора, и сказал:

— Поразительно! Ни разу еще не видел. Идем, часа через полтора мясо будет готово, а мы пока поболтаем. Ты понимаешь наш язык? Или нет? — Было очень необычно разговаривать со своим двойником.— Скажи что-нибудь? Тут есть где-то неподалеку ваше поселение? Пьюривар,— поправился он, вспомнив, как сами метаморфы называют себя,— ваш поселок где-то здесь, в джунглях? — повторил Нисмайл, жестикулируя.— Пойдем к хижине, посидим у костра. У тебя нет вина? Единственное, чего мне недостает, так это доброго крепкого вина вроде того, что делают в Майдемаре. Ну скажи же хоть что-

нибудь! — Но метаморф ответил лишь гримасой, возможно, означавшей усмешку, исказившей второе лицо Нисмайла, и превратив его в нечто неприятное и странное, после чего Меняющий Форму мгновенно вернул свой естественный облик и неторопливой плывущей походкой удалился.

Нисмайл надеялся, что он вернется с фляжкой вина, но в тот день больше его не видел. Любопытные существа, подумал он. Или их рассердило, что он поставил хижину на чужой территории, или они держат его под надзором из боязни, что он является авангардом человеческих переселенцев? Странно, но он совсем не боялся за себя, хотя в большинстве своем метаморфы были недоброжелательны. Многочисленные повествования рассказывали о их набегах на приграничные поселения людей, о том, что народ Меняющих Форму таил ненависть к тем, кто захватил их мир, лишил их законных прав на планету и загнал в джунгли. Но Нисмайл знал себя как человека доброй воли, никогда не причинявшего вреда другим и желающего, чтобы его оставили в покое и позволили жить своей жизнью, и он воображал, будто какие-то неуловимые чувства дадут понять метаморфам, что он им не враг. Он хотел стать им другом. Он истосковался по дружеской беседе после столь долгого одиночества и хотел поделиться своими мыслями с этим необычным народом, он мог бы даже написать кого-нибудь из них. Позднее он снова подумал о возвращении к искусству и испытал необычайный душевный подъем. Несомненно, он отличался сейчас от того несчастного человека, каким был в Горном Замке, и отличие это само по себе должно было сказаться на его творчестве. В течение последующих нескольких дней он репетировал речь, которую придумал, чтобы завоевать доверие метаморфов. Со временем, рассуждал он, они могли стать друзьями, беседовать...

Но шли дни, а он не видел ни одного метаморфа. Он бродил по лесу и не встречал никого. Он решил, что слишком торопил события и вспугнул их. Это его расстроило.

Однажды в сырой и теплый день через несколько недель после того, как он в последний раз видел метаморфа, он купался в холодной и глубокой запруде, образованной естественными валунами в полумиле ниже хижины, когда заметил бледную стройную фигуру, быстро пробирающуюся сквозь густые заросли синелистого кустарника на берегу. Он выскочил из воды.

— Подожди! — закричал он. — Пожалуйста... не бойся!.. Не уходи!..

Фигура исчезла, но Нисмайл, бешено продираясь сквозь подлесок, снова увидел ее через несколько минут у гигантского дерева с красной корой.

Пораженный, Нисмайл замер — это был человек, женщина. Стройная, юная и нагая. С густыми каштановыми волосами, узенькими плечами, небольшой высокой грудью, яркими глазами, она, казалось, совершенно не боялась его, лесовика, который слишком очевидно наслаждался нежданной радостью встречи. Пока он собирался с мыслями, она неторопливо оглядела его и сказала со смехом:

— Какой ты исцарапанный! Разве ты умеешь бегать по лесу?

— Я не хотел, чтобы ты ушла.

— Ну, далеко я бы не ушла... Знаешь, я долго за тобой следила, пока ты меня заметил. Ты из хижины, правильно?

— Да-а, а ты? Где ты живешь?

— Здесь и там, повсюду, — прозвучал мелодичный ответ.

Он смотрел на нее в изумлении. Красота ее восхищала, бесстыдство потрясало. Ему подумалось, что она вполне может оказаться галлюцинацией. Откуда она взялась? Что делает обнаженная девушка одна в этих дебрях? Девушка?

Конечно, нет, дошло до него с внезапной горечью ребенка, жаждавшего во сне сокровища, обретшего его, и проснувшегося. Вспомнив, как легко метаморф стал его отражением, Нисмайл понял, что это просто какая-то шалость, маскарад. Он пристально изучал ее, выискивая признаки метаморфа: следы желтоватой кожи, острые выпирающие скулы, косящие глаза. Он выискивал эти следы на бесстыдно-веселом лице, но тщетно. Во всех отношениях она выглядела человеком. И тем не менее... поскольку встретить здесь кого-нибудь из соплеменников было просто-напросто невероятно, а кого-нибудь из пьюриваров вполне возможно, то...

Он не хотел верить в это, и решил воспринимать возможный обман сознательно и доверчиво, в надежде со временем больше поверить в ту, кем она выглядела.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Сэрайс. А тебя?

— Нисмайл. Где ты живешь?

— В лесу.

— Значит, тут неподалеку поселок?

Она дернула плечом:

— Я живу одна.— Она подошла к нему. Он почувствовал, как напрягаются его мускулы по мере ее приближения. В животе что-то екнуло, кожу словно обожгло, когда она легонько коснулась порезов от ветвей на его руках и груди.— Больно?

— Начинает болеть. Я их промою.

— Да, пожалуй. Давай вернемся к запруде. Я знаю тропку получше той, по которой ты мчался, сломя голову. Иди за мной.

Она отошла в сторону, раздвинула лопухи густой заросли папоротников, открыв узкую, но хорошо утоптанную тропинку. Она грациозно рванулась вперед, и он побежал следом, восхищаясь легкостью ее движений, игрой мышц спины и ягодиц. Он нырнул в воду секундой позже нее, взметнув фонтаны брызг. Холодная вода успокоила саднящие царапины. Когда они вышли из воды, его властно потянуло привлечь ее к себе и обнять, но он не посмел. Они растянулись на поросшем мхом берегу. В глазах ее сверкало озорство, недоброе озорство.

— Моя хижина недалеко,— сказал он.

— Я знаю.

— Не хочешь заглянуть туда?

— В другой раз, Нисмайл.

— Хорошо, в другой так в другой.

— Откуда ты? — поинтересовалась она.

— Я родился близ Горного Замка. Знаешь, где это? Я был придворным живописцем Венценосца, но не обычным — я пишу душой. Понимаешь, это... как бы переносишь душой картину на холст... Я могу показать. Я смотрю на что-нибудь внутренним взором, проникаю в его суть и охватываю душу увиденного своим подсознанием, затем впадаю в транс, почти засыпаю, преобразую увиденное во что-то свое и переношу на холст.— Он помолчал.— Это нужно видеть.

Она, кажется, почти не слушала его.

— Ты хочешь ко мне прикоснуться, Нисмайл?

— Да. Очень.

Густой и мягкий мох на ощупь напоминал толстый ковер. Она подкатилась к нему, и рука его нависла над ее телом, и тогда он заколебался: он был убежден, что она метаморф и играет с ним в какую-то извращенную игру Меняющих Форму, и наследие тысячелетнего страха и ненависти поднялось в нем. Он страшился ее прикос-

новения, боялся найти ее кожу липкой и отвратительной, какой, по его мнению, должна быть кожа метаморфов. Он боялся также, что она изменится, обернется чуждой тварью, когда будет покоиться в его объятиях. Глаза ее приблизились, губы раскрылись, язычок дразняще мелькнул за белыми зубами, как змеиный,— она ждала. В ужасе он заставил свою руку лечь на ее грудь. Кожа ее была теплой и упругой, чувственной плотью человеческой женщины — насколько он смог узнать после стольких лет одиночества. С тихим вскриком она прижалась к нему. На один пугающий миг безобразный образ метаморфа мелькнул в сознании — угловатый, длиннорукий, длинноногий, безносый, но он с силой отмел его прочь и, приподнявшись, лег и вдавился в ее сильное гибкое тело.

Долгое-долгое время спустя они лежали бок о бок, умиротворенные, сцепив руки и ничего не говоря. Даже когда пошел легкий грибной дождь, они не шевельнулись, позволяя быстрым острым каплям свежестью омывать их тела. Наконец он открыл глаза и обнаружил, что она смотрит на него с сильным любопытством.

— Я хочу нарисовать тебя,— сказал он.

— Нет.

— Не сейчас. Завтра. Ты придешь ко мне в хижину, и...

— Нет.

— Я уже несколько лет не пробовал писать. Для меня очень важно начать сызнова. И я очень хочу написать тебя.

— А я очень этого не хочу,— ответила она.

— Пожалуйста!

— Нет,— повторила Сэрайс мягко, откатилась от него и встала.— Рисуй джунгли, запруду. Только не рисуй меня, Нисмайл, хорошо?

Неторопливым жестом он дал понять, что согласен.

— Теперь я пойду,— сказала она.

— Скажи, где ты живешь?

— Я уже говорила. Здесь и там. В лесу. Почему ты задаешь такие вопросы?

— Я не хочу терять тебя, а если ты исчезнешь, откуда мне знать, где искать тебя?

— Но я ведь знаю, где тебя найти,— засмеялась Сэрайс.— По-моему, этого хватит.

— Ты придешь завтра ко мне в хижину, да?

— Да.

Он взял ее за руку и потянул к себе. Но теперь уже колебалась она. Ее тайна захватила его. Она не сказала ничего, кроме своего имени. С трудом верилось, будто она,

как и он, в одиночестве живет в джунглях и бродит по ним из прихоти, но он сомневался, что сумеет уличить ее в несоответствии между ее словами и действительностью. И все-таки самое вероятное объяснение состоит в том, что она метаморф, впутавшийся по непонятной причине в связь с человеком. Он всеми силами сопротивлялся этой мысли, но был слишком здравым человеком, чтобы отвергнуть ее напрочь. С другой стороны, она *выглядела* как человек, *чувствовала* как человек, *вела себя* как человек. Неужели метаморфы столь далеко заходят в своих перевоплощениях? Его тянуло спросить прямо, выложить свои подозрения, но это было бы просто глупо — она и так ничего не сказала, и ясно, что не ответит. И он оставил все вопросы при себе. Она мягко высвободила руку, улыбнулась, послала ему воздушный поцелуй и, шагнув к окаймляющим тропу папоротникам, исчезла из виду.

Весь следующий день Нисмайл прождал ее в хижине. Она не пришла, и это почти не удивило его. Встреча их казалась сном, фантазией, интермедией вне времени и пространства. Он даже не надеялся увидеть ее снова. К вечеру он достал из привезенного с собой мешка холст и натянул его, думая, что сможет запечатлеть открывавшийся из окна хижины вид, когда сумерки окрасят воздух. Он долго изучал пейзаж, проверяя вертикаль стройных деревьев относительно тяжелой горизонтали густых зарослей желтых ягодных кустов, и в конце концов покачал головой и убрал холст. Ничто в окружающем не нуждалось в перенесении на картину. Он решил утром подняться вверх по речке за луг к более обещающему пейзажу, где мясистые красные побеги торчали, как резиновые шипы из глубоких расщелин и скал.

Но утром нашелся предлог отложить поход, а днем показалось, что идти уже поздно. Тогда он принялся за работу в своем крошечном садике, куда он пересаживал кусты, ягоды или зелень которых употреблял в пищу, и провозился несколько часов. После полудня молочная мгла окутала лес. Он вошел в хижину, а через несколько минут в дверь постучали.

— Я надеялся,— сказал он ей.

Лоб и брови Сэрайс покрывали бусинки туманной влаги.

— Я обещала,— тихо сказала она,— и пришла.

— Вчера,— напомнил Нисмайл.

— Вот это — за вчерашний день,— она засмеялась и вытащила из-под одежды фляжку.— Ты любишь вино?

Я нашла немного. Пришлось, правда, порядочно пройти, чтобы достать его. Вчера.

Это было молодое темное вино, щекотавшее язык. Фляжка была без ярлыка, но Нисмайл полагал, что это какое-то вино, не известное в Горном Замке. Они выпили все, причем он выпил гораздо больше девушки — она наполняла его чашу снова и снова — и, когда вино кончилось, они нетвердыми шагами вышли наружу и занялись любовью на холодном и сыром берегу речки, после чего задремали.

В начале ночи она разбудила его и отвела в постель. Они провели на ней ночь, а утром она не выказала никакого желания уйти. Они сходили к запруде и начали день с купания, потом снова занимались любовью на толстом ковре из мхов, а после она провела его к древесному исполину с красной корой, где он впервые ее увидел, и показала гигантский желтый плод, упавший с одной из чудовищных ветвей. Нисмайл с сомнением оглядел его. Плод раскололся, показывая алую мякоть, усеянную большими поблескивающими черными зернами.

— Двикка, — сказала она. — Сейчас мы добудем питье. — Она разделась и сложила в платье большие куски плода, которые они отнесли к хижине, где и позавтракали. Почти до полудня они пели и смеялись. На обед они нажарили рыбы, наловив ее в плетеной запруде Нисмайла, а позже, когда они лежали рука в руке, любуясь приходом ночи, она задавала тысячи вопросов о его прошлой жизни, о картинах, детстве, путешествиях, о Горном Замке, о Пятидесяти Городах, о Шестиречье, о дворе Венценосца Лорда Трейма, о Замке Венценосцев и его неисчислимых залах. Вопросы лились из нее нескончаемым потоком, новый обгонял предыдущий, пока Нисмайл еще отвечал. Любопытство ее было неистощимым и не давало ему возможности узнать что-нибудь о ней самой, да он и сомневался, что она ответит.

— Что мы будем делать завтра? — спросила она.

Так началась их связь. В первые дни они почти ничего не делали, только ели, пили, купались, занимались любовью да жевали опьяняющие кусочки плода двикки. Наконец он перестал бояться, что она исчезнет так же внезапно, как появилась. Поток ее вопросов постепенно иссяк, но сам он так и не решился расспросить ее.

Он никак не мог избавиться от навязчивой мысли, будто она метаморф, и за лживой ее красотой таится чужое и безобразное лицо. Мысль эта особенно часто

поражала его, когда он ласкал прохладные и свежие гладкие бедра или груди. Как он ни отбрасывал подозрения, они не покидали его. В этой части Зимрола не было человеческих поселений, и казалось слишком невероятным, чтобы девушка — несмотря на все подозрения, она оставалась для него девушкой — избрала, как и сам он, жизнь отшельника. Гораздо более вероятно, думал Нисмайл, что она родилась здесь, что она одна из Меняющих Форму, которые скользят подобно призракам по этим сырым джунглям. Когда она засыпала, он иногда рассматривал ее в тусклом лунном свете, отыскивая места, где терялся человеческий облик, но ничего не мог найти — она оставалась человеком, и все равно он не мог избавиться от подозрений.

К тому же, не в характере метаморфов было искать компании человека или выказывать к последнему дружелюбие. Для большинства людей Маджипура метаморфы являлись призраками минувшей эпохи, нереальными и легендарными. Для чего кому-то из них нарушать его уединение, предлагать себя в убедительной подделке для любви, рьяно стараться расцветить ему день и ласкать ночью? Иной раз ему мерещилось, будто Сэрайс в темноте возвращается в свой естественный облик и, поднимаясь над ним спящим, вонзает сверкающий кинжал в горло, мстит за преступления его предков. Но он понимал, что подобные фантазии — дурость. Пожелай метаморфы убить его, им бы не потребовалось столь сложных способов.

Нелепо было верить, будто она метаморф, и так же нелепо было не верить в это.

В конце концов, отринув все сомнения, он решил вновь вернуться к своему искусству, и в один необычно ясный и солнечный день он вытащил Сэрайс на скалу сочного красного цвета, прихватив пустой холст. Она зачарованно смотрела за его приготовлениями.

— Ты рисуешь только сознанием? — спросила она.

— Только им. Я фиксирую сцену в душе, преобразую и... увидишь сама.

— А ничего, что я смотрю? Я ничего не испорчу?

— Конечно, нет.

— Но если еще чье-нибудь сознание вмешается?

— Этого не случится. Холсты настроены на меня. — Он посмотрел сбоку, поправил подрамник, отошел на несколько футов. В горле вдруг пересохло, руки дрожали. Прошло столько лет, сохранился ли у него этот дар? И техника? Он выровнял по прямой линии холст и коснулся

его, пока предварительно, сознанием. Сцена была хорошей, живой и необычной, цвета сильно контрастировали между собой — превосходная композиция. Массивная скала с жутковатыми мясистыми растениями, на кончиках ветвей которых цвели крошечные желтые чашечки, испещренный солнечным светом лес — да, да, это работается, это поможет перенести на холст суть окружающих густо переплетенных джунглей...

Он прикрыл глаза. Вошел в транс. И перенес картину на холст.

Сэрайс тихонько вскрикнула от удивления.

Нисмайл *почувствовал*, что весь *покрыт потом*. Он пошатнулся, с трудом сохраняя дыхание. Мгновение спустя он вновь обрел над собой контроль и взглянул на холст.

— Как красиво! — прошептала Сэрайс.

Но он был потрясен увиденным. Эти головокружительные линии, смазанные цвета, тяжелое сальное небо, угрюмо приклеенное к горизонту,— ничего похожего на сцену, которую он хотел запечатлеть, и, что гораздо тревожнее, ничего похожего на предыдущие работы Териона Нисмайла. Мрачная, болезненная картина, испорченная непреднамеренным диссонансом.

— Тебе не нравится? — удивилась Сэрайс.

— Я совсем не это пытался передать.

— Ну и что? Все равно, удивительно *ТАК* создавать картины, тем более, такую прекрасную...

— По-твоему, она прекрасна?

— Конечно. А разве не так?

Он *посмотрел на* Сэрайс. Это? Прекрасно? Что это — лесть? Или у нее просто нет вкуса? Невежество? Неужели она искренне восхищается тем, что он сотворил? Этой необычной, мучительной картиной, мрачной и чуждой... *ЧУЖДОЙ!*

— Тебе не нравится,— она уже не спрашивала — утверждала.

— Я не писал около четырех лет. Наверное, нужно начинать медленно и постепенно.

— Это я испортила,— перебила Сэрайс.

— Ты? Глупости!

— Мое сознание вмешалось, мое видение вещей.

— Я ведь говорил тебе, что холсты настроены только на меня. Я могу стоять среди многотысячной толпы, и не удастся никому повлиять на мою работу.

— Но, может, я как-то отвлекаю тебя?

— Вздор!

— Я пойду, прогуляюсь, рисуй пока один.

— Не стоит. Пойдем-ка лучше домой, искупаемся, перекусим и еще кое-чем займемся, а?

Он снял с подставки холст и скатал его. Однако слова ее подействовали на него сильнее, чем он сам признал бы. Несомненно, нечто странное вмешалось в создание картины. А вдруг это она каким-то образом испортила работу? Что если скрытая душа метаморфа наполнила своей сущностью его сознание, заставив воспринять чуждые цвета?..

Они молча шли вниз по течению реки, и, когда добрались до луга земляных лилий, где Нисмайл встретил первого метаморфа, он сболтнул, не подумав:

— Сэрайс, я хочу тебя кое о чем спросить.

— Да?

Теперь он уже не мог остановиться.

— Ты не человек, да? Ты действительно метаморф?

Она уставилась на него, щеки ее заалели.

— Ты серьезно?

Он кивнул.

— Я — метаморф? — она не очень убедительно рассмеялась.— Что за дикая мысль!

— Ответь мне, Сэрайс. Посмотри мне в глаза и ответь.

— Какая глупость, Терион.

— Пожалуйста, ответь.

— Ты хочешь, чтобы я доказала, что я человек? Но как?

— Я хочу, чтобы ты сказала мне, человек ты или что-то другое?

— Я человек,— сказала она.

— Я могу этому верить?

— Не знаю. Я тебе ответила.— Глаза ее весело блеснули.— Или я чувствую не как человек? Веду себя не по-человечески? Неужели я похожа на подделку?

— Может, я просто не могу подметить различий.

— Но с чего ты взял, будто я метаморф?

— Только метаморфы живут в здешних джунглях,— ответил он.— И логично... хотя, даже...— Он сбился.— Ладно, я получил ответ. Дурацкий вопрос, и я дурак.

— Странный ты! Ты ведь должен рассердиться на меня. Ты ведь думаешь, что я испортила твою картину.

— Нет.

— Ты совершенно не умеешь лгать.

— Ну хорошо. *Что-то* испортило мою работу. Я не знаю, что. Я собирался писать не это.

— Тогда напиши другую.

— Да. Позволь мне написать тебя.

— Я тебе уже говорила, я не хочу, чтобы меня рисовали.

— Мне это очень нужно. Мне необходимо увидеть свою душу, а я могу только так...

— Рисуй двикку, Терион, хижину.

— Но почему не тебя?

— Мне не хочется.

— Это не ответ. Что тут такого?

— Пожалуйста, Терион.

— Ты боишься, что я увижу тебя на холсте такой, какой ты себе не нравишься? Так? Или что я получу иной ответ на вопрос, если напишу тебя?

— Пожалуйста.

— Позволь мне написать тебя.

— Нет.

— Но почему? Скажи, почему?

— Не могу,— ответила она.

— Тогда и отказать ты не можешь.— Он вытащил холст из мешка.— Здесь, на лугу, сейчас. Подойди, Сэрайс, встань у реки. Это быстро, всего минута...

— Нет, Терион.

— Если ты меня любишь, ты мне не откажешь.

Столь грубый шантаж потряс его самого и рассердил ее. Он заметил зловещий огонек в глазах девушки, какого никогда не замечал раньше. Она сказала холодно и ровно:

— Не здесь, Терион. У хижины. Рисуй меня там, если настаиваешь.

За весь оставшийся путь они не сказали ни слова. Он старался забыться. Ему казалось, что он вырвал ее согласие силой, будто изнасиловал ее, и почти желал отдать назад ее уступку. Но... не спеша подготовил холст.

— Где мне встать? — осведомилась она.

— Где хочешь. У речки, у хижины.

Вялой походкой она подошла к хижине, посмотрела на Нисмайла — тот кивнул и удрученно принялся прохаживаться перед холстом, готовясь войти в транс. Сэрайс сердито смотрела на него полными слез глазами.

— Я люблю тебя! — выкрикнул он вдруг и погрузился в транс; последнее, что он видел, прежде чем закрыть глаза, была Сэрайс, замершая возле хижины, но теперь она уже не казалась унылой — плечи ее расправились, глаза засверкали, вспыхнула улыбка. Когда он вновь открыл глаза, картина была готова, а девушка робко глядела на него из дверей хижины.

— Ну, как? — спросила она.

— Иди сюда, посмотрим вместе.

Она подошла. Они вместе стали рассматривать картину, а минуту спустя рука Нисмайла обняла плечи девушки. Она задрожала и крепко прижалась к нему.

На картине, на фоне зубчатых, хаотичных, сталкивающихся красных, оранжевых и розовых цветов была женщина с человеческими глазами, но ртом и носом метаморфа.

Она спокойно сказала:

— Теперь ты узнал, что хотел.

— Значит, на лугу была ты? И в те два раза тоже?

— Да.

— Почему?

— Ты заинтересовал меня, Терион, и я захотела узнать о тебе побольше. Я никогда не видела таких, как ты.

— Я все равно не верю,— прошептал он.

Она кивнула на картину.

— Но этому ты веришь, Терион?

— Нет! Нет!

— Теперь ты получил ответ.

— Я *знаю*, ты человек! Картина лжет!

— Нет, Терион.

— Докажи! Изменись, изменись сейчас же! — Он отпустил ее и чуть шагнул назад.— Давай! Меняйся!

Она печально взглянула на него. Потом без какого-либо ощутимого перехода превратилась в его копию, как делала уже однажды. Нисмайл получил окончательный ответ. На щеке начала биться жилка. Он смотрел, не мигая, и она изменилась снова, превратившись на сей раз во что-то ужасное и чудовищное: кошмарный, испещренный оспинами серый шар с отвислой кожей, глазами-блюдцами и загнутым черным клювом. Потом она стала метаморфом, повыше его, с полной грудной клеткой и невыразительными, почти начисто отсутствующими чертами лица. Потом она вновь стала Сэрайс: водопад каштановых волос, изящные руки, стройные ноги, сильные бедра.

— Нет,— воспротивился он.— Нет, и не надо больше подделок.

Она вновь превратилась в метаморфа. Нисмайл кивнул.

— Да, так лучше. Оставайся такой, это гораздо красивее.

— Красивее, Терион?

— Для меня ты красива и такая, настоящая. Обман всегда отвратителен.

Он потянулся к ее руке, на ней оказалось шесть пальцев, очень длинных и узких, без ногтей и суставов, кожа была молочной и чуть глянцевитой — и все. Он ожидал большего. Он провел рукой по ее стройному, почти бесплотному телу. Она стояла, не шевелясь.

— Теперь я уйду,— сказала она наконец.

— Останься. Живи со мной.

— Даже теперь?

— Даже теперь. В своем настоящем облике.

— Ты действительно хочешь?

— Да, да,— кивнул он.— Останься.

— Когда я в первый раз пришла к тебе,— сказала она,— я хотела не только узнать тебя, но и вредить. Ты наш враг, Терион. И род твой навсегда останется нашим врагом. Но когда мы стали жить вместе, я больше не могла найти причины, чтобы ненавидеть тебя. ТЕБЯ! Ты особенный, понимаешь?

Это голос Сэрайе шел из чужих уст. Как странно, мелькнуло у него в голове, как похоже на сон.

— И я захотела остаться с тобой,— продолжала она.— И играть свою роль вечно. Но игра окончилась, и все равно, я хочу остаться с тобой.

— Тогда останься, Сэрайс.

— Только если ты действительно этого хочешь.

— Я сказал тебе, да.

— Я не страшу тебя?

— Нет.

— Нарисуй меня еще раз, Терион, покажи мне любовь в своей картине, тогда я останусь.

Он рисовал ее день за днем, пока не кончились холсты, и развешивал картины в хижине: Сэрайс у двикки, Сэрайс на лугу, Сэрайс в молочном вечернем тумане. У него не было возможности готовить новые холсты, хотя он и пытался. Они ходили в дальние походы, и она показывала ему новые деревья и цветы, животных джунглей, зубастых ящериц и зарывающихся в землю золотых червей, зловещих и неуклюжих аморфобсов, спящих днем в грязных мутных озерцах. Они мало разговаривали друг с другом — время ответов на вопросы миновало, и слова больше не были нужны.

День шел за днем, неделя за неделей, здесь в нескончаемом лете трудно было подсчитать время. Может быть, прошел месяц, может быть, шесть. Они никого не встречали. В джунглях было полно метаморфов по

ее словам, но те держались где-то поодаль, и он надеялся, что они оставят их в покое навсегда.

Однажды под мелким моросящим дождем он отправился проверить ловушки, и когда через час вернулся, то понял, что произошло что-то страшное. Едва он приблизился, из хижины выскочили четверо метаморфов. Он чувствовал, что один из них Сэрайс, но не мог сказать, какой.

— Подождите! — закричал он, когда они проходили мимо, и побежал следом.— Что вы от нее хотите? Куда вы ее уводите?

На какую-то долю секунды один из метаморфов заколебался, и Нисмайл увидел девушку с каштановыми волосами, но лишь на мгновение, и снова четверо метаморфов скользили призраками в глубину джунглей. Дождь разошелся сильней, упала тяжелая туманная мгла, ухудшив видимость. Нисмайл замер на краю еще чистого пространства, крича сквозь дождь и шум реки. Ему почудилось, что он услышал плач, но это могли быть и звуки джунглей. Преследовать метаморфов в густом белом тумане было просто невозможно.

Больше он никогда не видел ни Сэрайс, ни какого другого метаморфа. Одиночество теперь было совсем нестерпимым, и одно время он даже надеялся, что пьюривары нападут на него в лесу и убьют своими короткими отполированными кинжалами. Но ничего подобного не происходило. И когда стало ясно, что живет он теперь в чем-то вроде карантинной зоны, отрезанный не только от Сэрайс — если она еще была жива,— но вообще от всех метаморфов, он не мог больше оставаться здесь. Он собрал картины с изображением Сэрайс, заботливо закрыл хижину и пустился в долгое и опасное возвращение к цивилизации.

Оставалась неделя до его пятидесятилетия, когда он добрался до Горного Замка. За время его отсутствия, как он узнал, Лорд Трейм сделался Понтификсом, а новым Венценосцем стал Лорд Вилдивар, питавший мало симпатий к искусствам. Нисмайл снял студию на набережной в Сти и снова занялся живописью. Работал он только по памяти, создавая мрачные и тревожные сцены из жизни джунглей, где часто таились в засадах метаморфы. Подобные работы были не всем по душе в бодром и веселом мире Маджипура, и поначалу у Нисмайла было всего несколько покупателей. Однако со временем его работы попали к Герцогу Квирайну, который начал уставать

от солнечной безмятежности и совершенства местных живописцев. Благодаря покровительству Герцога, картины Нисмайла вошли в моду, и в последующие годы его жизни всегда был рынок, готовый принять любую его работу.

Ему подражали очень многие, но никогда — удачно, о нем писались многочисленные эссе и биографии.

— Ваши картины такие буйные, непокорные и необычные,— сказал ему один школяр.— Вы придумали какой-то новый способ работы?

— Я работаю только по памяти,— объяснил Нисмайл.

— Наверное, больно вспоминать такое?

— Не совсем,— ответил Нисмайл.— Все мои работы предназначены для того, чтобы помочь мне заново познать радость жизни, время любви, время счастья и самых драгоценных дней в моей жизни.— Он смотрел сквозь школяра в дальние туманы, густые и мягкие, как шерсть, которые окутывали заросли высоких стройных деревьев, окруженных перепутанной сетью лиан.

Часть 7

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Эта история заставила Гиссана вспомнить начало своих поисков в архивах. Снова Тесме и чаурог, правда, роман разворачивается между мужчиной и чужачкой. Тем не менее, сходство было поверхностным: совершенно другие люди в совершенно непохожей ситуации. Гиссан стал лучше понимать художника Териона Нисмайла, чьи картины, правда, не все, до сих пор висели для всеобщего обозрения в галереях Замка Лорда Валентина, но метаморф осталась для него загадкой, тайной за семью печатями, как, скорее всего, и осталась для самого Нисмайла. Он поискал индекс с записью души метаморфа и нисколько не удивился, не найдя такого. То ли Меняющие Форму не вели записей, то ли аппараты были неспособны считывать их сознание, то ли им просто не давали пользоваться архивом. Гиссан ничего не нашел. Со временем, говорил он себе, на все найдется ответ. Тем более, что оставалось еще очень и очень много неисследованных возможностей. Воздействие Короля Снов, например, на души людей — он хотел узнать об этом побольше. Тысячи лет потомки Барджазеда

терзают спящее сознание преступников, и Гиссан хотел понять, как это происходит. Он рылся в архивах, и после долгих поисков судьба вручила ему душу человека, унылого торговца города Сти.

Убийство он совершил поразительно легко. Маленький Клейм стоял у открытого окна небольшой комнатки на верхнем этаже таверны в Вигеле, где они с Халигейном договорились встретиться. Халигейн стоял возле кушетки; разговор был не из приятных. В конце концов, Клейм пожал плечами и сказал:

— Вы лишь попусту тратите мое и свое время. Я не понимаю, что вам нужно.

В ту же минуту Халигейну показалось, что Клейм и только Клейм стоит между ним и спокойной жизнью, которой, по его мнению, он заслуживает. Клейм враг.

Халигейн спокойно подошел к нему, настолько спокойно, что Клейм не встревожился до самого последнего мгновения, и одним движением вытолкнул Клейма через подоконник.

На лице Клейма появилось удивление. На один удивительно долгий миг он завис, словно подвешенный, в воздухе, потом с еле слышным всплеском рухнул в быстрые воды реки за окном таверны, и его тут же унесло к подножию далекого Горного Замка. В одно мгновение он скрылся из виду.

Халигейн посмотрел на свои руки так, будто не верил в то, что они сделали. Он вновь видел себя, подходящего к Клейму, он вновь видел Клейма, зависшего в воздухе, он вновь видел Клейма, исчезающего в темных водах реки. Скорее всего, Клейм уже мертв. Если нет, то через одну-две минуты умрет наверняка. Рано или поздно его выбросит на каменистый берег у Кэнзилейна, и кто-нибудь опознает в нем торговца из Кимканейла, пропавшего с неделю назад. Только будет ли у кого причина подозревать именно его, Халигейна? Убийство — совершенно необычное преступление на Маджипуре. Даже если ухитрятся установить — одна Дивине знает, как, — что Клейм погиб насильственной смертью, как доказать, что его вытолкнул из окна таверны в Вигеле Сигмар Халигейн? Это никому не удастся, убеждал себя Халигейн, но это ему мало помогало, суть оставалась прежней: Клейм убит, а сам он — убийца.

Он убийца? Это поразило Халигейна. Он шел сюда не убивать Клейма, он хотел договориться с ним, составить торговый контракт. Но разговор застрял в самом начале. Клейм, маленький привередливый человечек, наотрез от-

казался взять на себя новое обязательство. Он заявил, что торговый агент Халигейна ошибся, и не только отказался покупать геологическое оборудование, но даже не посочувствовал бедственному финансовому положению Халигейна. К концу разговора вежливый отказ Клейма заслонил Халигейну все, мерзкий, отвратительный отказ, и Халигейн желал лишь избежать его любой ценой. Отбрось он эту мысль и подумай о последствиях, он бы, разумеется, не стал выталкивать Клейма из окна — как бы там ни было, по природе Халигейн не был убийцей. Но он никак не мог перестать думать об этом, и теперь Клейм мертв, а жизнь Халигейна претерпела огромные изменения: в один миг он превратился из Халигейна-торговца в Халигейна-убийцу. Внезапно! Страшно! Непонятно!

А теперь?

Трясущимися руками Халигейн закрыл окно и опустился на кушетку весь мокрый от пота, в горле пересохло. Он не знал, что делать дальше. Отдаться в руки прокторов? Признаться и отправиться в тюрьму или куда там отсылают преступников? Он не был готов ни к тому, ни к другому. Он читал старые книги о преступлениях, наказаниях, древние легенды и мифы и, насколько он понял, убийство, как преступление, исчезло давным-давно, а механизм обнаружения и искупления ржавел неизвестно сколько столетий. Существовала знаменитая история о морском капитане, выбросившем за борт сошедшего с ума члена экипажа во время плавания через Великое Море после того, как тот убил кого-то на корабле. Она всегда казалась Халигейну дикой и невероятной. Но сейчас, обессиленный и ни о чем не думающий, он ощущал себя первобытной тварью, чудовищем, пожирателем человеческих жизней. Он знал, что ничего подобного больше с ним не произойдет, но от этого не становилось легче.

Нужно было убираться из таверны. Если кто-нибудь видел, как падал Клейм — невероятно, конечно, поскольку таверна стояла на фоне искрящейся солнечными бликами набережной, а Клейм свалился из заднего окна и сразу ушел в глубину,— совершенно незачем было торчать тут, дожидаясь появления любопытных.

Халигейн быстро уложил свой саквояж, посмотрел, не осталось ли в комнате чего-нибудь, наводящего на след Клейма, и сошел вниз. За стойкой стоял хьорт. Халигейн протянул ему несколько крон со словами:

— Я хотел бы получить счет.

Нервы расходились, он с трудом удерживался от не-

произвольной болтовни, боясь, что хьорт запомнит его. Нужно оплатить счет и поскорее убираться, твердил он себе. Его интересовало, знал ли хьорт, что постоялец из Сти принимал у себя гостя. Если да, то он быстро забудет об этом, как забудет и самого постояльца, поскольку нет никаких причин запоминать его. Владелец подвел итог, Халигейн прибавил еще пару монет, на слова хьорта «Благодарю, приезжайте снова» машинально ответил «Спасибо, непременно», вышел на улицу и быстро пошел прочь от реки. Сильный свежий ветер дул вниз по склону Горы, солнечный свет был ярким и теплым. Последний раз Халигейн был в Вигеле несколько лет назад, и в другой раз он бы с удовольствием заглянул на знаменитую драгоценную Площадь, полюбовался бы на прославленные картины и прочие здешние диковины, но теперь ему было не до экскурсий. Он спешил на пересадочную станцию, торопясь взять билет в один конец до Сти.

Страх, неуверенность, ощущение вины и стыд следовали за ним по пятам из города в город, пока он ехал по склонам Горы.

Знакомые растянутые пригороды гигантского Сти принесли ему некоторое успокоение. Очутиться дома, в безопасности. С каждым днем, приближающим его к Сти, он чувствовал себя спокойнее. Могучая река, чье имя дало название городу, с поразительной скоростью несла свои воды вниз по склону Горы. Отполированные фасады зданий Речной Стены взметнулись ввысь на сорок этажей и тянулись на несколько миль. Мост Киннокена, Башня Тимина, Поле Мощей. Дома! Вся живительная сила Сти кипела вокруг, пока он ехал от центральной станции в свой пригородный район, и успокаивала. Да, здесь, в величайшем городе Маджипура, процветающем благодаря тому, что здесь родился нынешний Венценосец Лорд Киннокен, он был в безопасности от мрачных последствий неосознанного поступка, совершенного в Вигеле.

Он обнял жену, двух дочерей, крепкого сына. Они видели его усталость, и отнеслись к нему с преувеличенной нежностью, словно он стал хрупким и бессильным во время поездки. Ему принесли вина, трубку, шлепанцы — они суетились вокруг, излучая любовь и доброту, ничего не спрашивали о поездке, зато болтали о местных сплетнях. В конце концов, он сказал сам:

— Думаю, мы с Клеймом сработаемся. У меня есть причины так считать.

Он сам почти верил в это.

Можно ли связать убийство с ним, если он держится спокойно и непринужденно? Он сомневался, что кто-либо видел падение Клейма. Конечно, для властей несложно установить, что они с Клеймом согласились встретиться в Вигеле — на нейтральной почве — и обсудить деловые разногласия, но что это доказывает? «Да, я виделся с ним в какой-то таверне у реки,— может сказать он.— Мы закусили, довольно много выпили, потому что пришли к взаимопониманию, а потом я уехал. Он еще стоял на ногах, когда я уходил, должен заметить. Видимо, бедняга Клейм, напившись вина Малдемара, сильно высунулся из окна, любуясь какой-нибудь красавицей, проплывавшей мимо на лодке...» Нет, нет, НЕТ! Пусть предполагают они. «Мы встретились, пообедали, заключили соглашение, а потом я ушел»,— ничего больше. Кто может доказать, что все было не так?

На следующий день он вернулся в свою контору и занялся делами, будто ничего необычного в Вигеле не произошло. Такую роскошь, как терзаться угрызениями совести о совершенном преступлении, он не мог себе позволить.

Дела шли неважно, в кредитах ему было отказано, он был близок к банкротству. Все это сделал Клейм.

Думать о Клейме было трудно. В последующие дни его имя постоянно всплывало в связи с делами, и Халигейну с трудом удавалось скрывать свою реакцию. В торговом мире все понимали, что Халигейн борется из последних сил, старались выразить сочувствие. Это поддерживало. Зато почти каждый разговор вертелся вокруг Клейма, его скупости, беззакония в сделках, мстительности, постоянно выводя Халигейна из себя. Имя звучало как выстрел. «Клейм!», и он цепенел. «Клейм!», и щеки дергались. «Клейм! Клейм!», и он прятал руки за спину, словно они несли ауру убийства.

Часто он ловил себя на мысли, будто говорит какому-нибудь клиенту в минуту усталости: «Знаете, я убил его. Я выбросил его в окно, когда был в Вигеле». Как легко эти слова могут сорваться с его губ, если только чуть-чуть расслабиться!

Он подумывал о паломничестве на Остров Снов ради очищения души, но позже, не сейчас, а пока отдавал каждую минуту делам, иначе предприятие могло полностью обанкротиться и семья его впала бы в нищету. Иногда он думал о признании и о том, удастся ли ему договориться с властями, чтобы ему позволили искупить вину, не прерывая деловой деятельности. Может быть, штраф?

Хотя, какой штраф он в состоянии заплатить теперь? Да и оставят ли его в покое так легко? В конце концов, он так ничего и не решил, только постарался хоть ненадолго выбросить убийство из головы и полностью отдаться работе.

А затем начались сны. Послания.

Первое пришло в ночь Дня Звезды второй недели лета, мрачное и болезненное. Глубокой ночью он видел уже третий сон, после которого сознание обычно начинает постепенно пробуждаться к рассвету, как вдруг обнаружил, что идет по полю светящихся желтых зубов, сминавшихся, корчившихся желтых зубов. В болотном, каком-то сером воздухе висела вонь, и клейкие, тягучие пряди сырого мяса свисали с неба, касаясь щек и рук и оставляя липкие следы, пылающие и пульсирующие. В голове звенело. Грубая тишина враждебного послания заставляла думать, будто мир растянут в невероятное далеко на туго натянутых струнах, и где-то за ним слышится глумливый хохот. Небо опалял нестерпимо яркий свет. Он пересекал чашечку гигантского «ртового», осознал Халигейн, одного из отвратительных плотоядных чудовищ флоры далекого Зимрола. Несколько таких растений он видел однажды на выставке диковин в Палате Киннокена, но те были всего трех-четырех ярдов в диаметре, а это оказалось величиной с целый пригород. Он угодил в самый центр дьявольской сердцевины и бежал так быстро, как мог, чтобы не свалиться на эти немилосердные скрежещущие зубы.

Значит, так это будет, думал он, скользя над сном и холодно обозревая картину. Это первое послание, и Король Снов будет мучить меня и дальше.

Скрыться было нельзя. На зубах торчали глаза, и глаза были глазами Клейма. Халигейн бежал, мокрый от пота, спотыкаясь и оскальзываясь, и он покачнулся и упал на россыпь безжалостных зубов, и они цапнули его за руку, а когда снова он сумел подняться на ноги, то увидел, что окровавленная кисть не такая, как прежде — она превратилась в бледную маленькую кисть Клейма, плохо пригнанную к его запястью. Он снова упал, и снова зубы ухватили его, снова произошло изменение, а затем снова все повторилось, и он мчался вперед, рыдая и завывая от ужаса, полу-Клейм, полу-Халигейн, пока не вырвался из оков сна и не сел на кровати потный и трясущийся, вцепившись в плечо жены.

— Отпусти,— пробормотала она.— Мне больно. Что случилось?

— Сон... препоганый...

— Послание? — поинтересовалась жена.— Ты весь мокрый, Сигмар. Что...

Он содрогнулся.

— Съел, наверное, что-то. Мясо морского дракона было слишком пересушенным и старым.

Пошатываясь, он поднялся с постели и налил себе немного вина, вино его успокоило. Потом снова лег. Жена погладила его по плечу, вытерла лоб и баюкала, пока он немного не расслабился, но он боялся снова заснуть и лежал, бодрствуя, до рассвета, уставившись в окружающую темень.

Король Снов. Таково его наказание. Он всегда считал Короля Снов только сказкой, которой пугают детей. Да-да, болтали, будто Король Снов живет в Суврейле, и титул его по наследству передается в семье Барджазедов, а по ночам Король Снов с приближенными пристально изучают ауру спящих и, находя недостойные души, мучают их, но правда ли это?

Халигейн никогда не встречал никого, кто получал послания от Короля Снов. Сам он однажды получил послание Властительницы, да и то не был в этом уверен, но в любом случае нынешнее послание всецело отличалось от того. Властительница посылала нежные видения, Король Снов поразил острой болью. Неужели он действительно управляется с целой планетой, с миллиардами ее обитателей, добродетельны из которых далеко не все?

«Возможно, это просто несварение желудка»,— успокаивал сам себя Халигейн.

Когда другая ночь и последующая прошли спокойно, он позволил себе поверить, что видел обычный кошмар, а Король Снов только миф. Но на Второй день пришло послание, не вызывающее сомнений.

Такой же звенящий звук. То же пронизывающее полыхание света, образы Клейма, отдающийся эхом хохот, разбухающая и сжимающаяся структура пространства и головокружение, сминающее дух. Халигейн зарыдал. Он уткнул лицо в подушку и еле дышал. Проснуться он не смел — поднявшись над гранью сна, он неизбежно выдаст свое горе жене, и она предложит ему обратиться к толкователям снов, чего он не может сделать. Любой толкователь снов свободно прочтет, *ЧТО* соединяет его душу с душой Клейма, и что произойдет с ним тогда? И он терпел кошмар, пока не иссякли силы, и лишь тогда проснулся и лежал, слабый и дрожащий, до прихода утра.

Это был кошмар Второго дня, но видение Четвертого дня оказалось еще хуже: он парил в воздухе и упал на шпиль Горного Замка, пронзивший его насквозь, острый, как копье, и холодный, как лед, и лежал несколько часов, пока птица гихорн с лицом Клейма терзала его внутренности.

На Пятый день он спал довольно спокойно, хотя напряженное ожидание послания не оставляло его.

День Звезды также не принес посланий. Зато в День Солнца он плыл по океану из сгустков крови, и зубы у него выпадали, а пальцы обдирались до костей. Ночи Лунного Дня и Второго дня принесли слабые ужасы, но все равно ужасы.

Утром Дня Моря жена сказала ему:

— Сигмар, если послания не смягчатся, что ты будешь делать?

— Делать? Ничего не буду делать.

— Я чувствую, что послания ты получаешь через день.

Он передернул плечами.

— Великие совершают какую-то ошибку. Должно быть, такое случается иногда. Рано или поздно, они поймут и оставят меня в покое.

— А если нет? — она проницательно посмотрела на него. — И если послания предназначены тебе?

Он подивился ее чуткости, но не сомневался, что она не знает правды. Ей известно лишь, что он ездил в Вигель на встречу с Клеймом, возможно, хотя и с трудом верилось, она узнала, что Клейм так и не вернулся к себе в Кимканейл, а муж ее стал получать послания от Короля Снов — из всего этого она легко могла сделать вывод. Может, так и есть. И если да, то что она будет делать? Донесет на собственного мужа? Пусть она его любит, но если будет покрывать убийцу, то может навлечь на себя месть Короля Снов.

— Если послания будут продолжаться, — ответил он, — я попрошу официалов Понтификса походатайствовать от моего имени.

Разумеется, ничего подобного он не сделал. Вместо этого он попытался бороться с посланиями и подавлять их так, чтобы не будить подозрений спящей рядом жены.

Ложась, он приказывал себе оставаться спокойным и, воспринимая какие-либо образы, считать их лишь бредом расстроенной души, а не реальностью. И тем не менее, когда он обнаружил себя плывущим над красивым морем огня, постепенно опускающимся на поверхность и погру-

жающимся до лодыжек, он не сумел сдержать крика, а когда иглы проткнули его кожу, прорастая из тела и делая его похожим на манкалайна — колючую тварь знойного юга, к которой невозможно притронуться, — он зарыдал, моля о милосердии. А когда прогуливался в безупречных садах Лорда Ховилбова и деревья тянулись к нему руками Клейма, он закричал во весь голос.

Жена больше ни о чем не спрашивала его. Она только глядела на него с тревогой.

Он с трудом мог заниматься делами. Кредиторы, требующие новых кредитов, производство, жалобы покупателей — все кружилось вокруг водоворотом падающих листьев. В тайне от всех он рылся в библиотеке в поисках сведений о Короле Снов и его силах, словно подцепил какую-то необычную болезнь, о которой хотел разузнать побольше. Сведения были скудными и ясными: Король Снов являлся проводником Закона и обладал силой, равной силе Понтификса, Венценосца или Властительницы, и сотни лет его обязанностью является наложение наказаний на виновных в преступлениях.

Суда не было, опротестовывать было нечего, и Халигейн молча оборонялся...

Но он не знал, что для этого нужно, и Королю Снов это было известно. По мере того, как продолжались страшные послания, терзающие душу и оставляющие от нервов тоненькие ниточки, Халигейн все отчетливей понимал, что у него нет ни возможности, ни надежды противостоять им. Его жизнь в Сти кончилась. Всего один опрометчивый миг, и он стал изгнанником, вынужденным скитаться по огромному лику Маджипура в поисках укрытия.

— Мне нужно отдохнуть, — объявил он жене. — Съезжу куда-нибудь на месяц-два, может быть, удастся восстановить душевный покой, успокою нервы.

Не откладывая далее, он вызвал сына — юноша стал почти мужчиной, мог действовать разумно в делах — и передал ему все свои права торговца. После чего, имея при себе небольшую сумму, которую сумел наскрести с сильно уменьшившихся доходов, выбрался из родного города на борту третьеразрядного флотера в выбранный наугад Норморк, находившийся среди Городов Склона Горы — у подножья Замковой Горы.

Не прошло и часа после отъезда, как он решил никогда не называться Сигмаром Халигейном, а именовать себя отныне Макланом Форба. Неужели он надеялся, что этого достаточно, чтобы обмануть Короля Снов?

Возможно.

Флотер плыл над склонами Замковой Горы и, пока добирался от Сти к Норморку, миновал Нижний Солнечный Взрыв, Бибирун, Толингарский Барьер, и в каждом городе, в каждой ночлежке Халигейн отправлялся в кровать, замирая от страха, с ужасом вцепляясь в подушку, но приходившие сны были обычными снами усталого и измученного человека без той призрачной напряженности, которая отличала послания Короля Снов.

С радостью глядя на симметрию и опрятность садов Толингарского Барьера, ничем не напоминающих бесплодные земли в его снах, Халигейн начал потихоньку расслабляться. Сравнивая сады с навеянными в посланиях образами, он с удивлением отметил, что Король Снов показал ему эти сады до мельчайших подробностей, прежде чем обратил сны в ужас, но он никогда не видел их раньше, и это означало, что послания передают целый поток новых данных, неизвестных воспринимающему ранее, а следовательно, обычные сны просто накладывались на послания.

И это частично отвечало на волновавший его вопрос. Он не понимал, то ли Король Снов просто освобождает частично его подсознание, затрагивая темные глубины издали, то ли по-настоящему передает образы. Очевидно, последнее, поскольку некоторые кошмары создавались специально для него, Сигмара Халигейна, чтобы, в свою очередь, растормошить подсознание. Он вспомнил, как сомневался, что в Суврейле достаточно народу, чтобы управиться с такой работой, но если людей хватало, то глупо было думать, что удастся скрыться от них. Он предпочитал верить, что у Короля Снов и его подручных существует расписание страшных посланий — ему, например, сначала послали зубы, потом острый шпиль, потом огненное море крови,— которые в определенной последовательности механически и безлично используют для каждого преступника. Возможно, пытался он убедить себя, что сейчас они нацеливают новые ужасы на его пустую подушку в Сти.

Миновав Дэндилмир и Стипул, он прибыл в Норморк, темный, наглухо отгороженный стенами город, венчающий грозные зубцы Норморского Гребня.

Ему подсознательно казалось, будто Норморк, наглухо закрытый со всех сторон циклопическими черными каменными блоками, лучше всего подходит для укрытия. Но он понимал, что даже стены Норморка не в силах задержать мстительные стрелы Короля Снов.

Врата Деккерета — глаз в пятидесятифутовой стене — были открыты всегда. Единственная брешь в укреплении, окантованная полированным черным деревом. Халигейн предпочел бы, чтобы они стояли закрытыми на тройной замок, но, разумеется, они были распахнуты настежь. Лорд Деккерет возвел их в тридцать третий год своего благостного царствия и указал, чтобы они закрывались лишь в случае, когда миру будет грозить опасность, а в эти дни под счастливым правлением Лорда Киннокена и Понтификса Тимина все расцветало на Маджипуре, кроме мятущейся души бывшего Сигмара Халигейна, называвшегося отныне Макланом Форба. Под именем Форба он и нашел приют в дешевой гостинице, под тем же именем он устроился на службу по осмотру стен, в которых ежедневно выдирал цепкую травку из бессмертной каменной кладки. Под именем Форба он каждую ночь засыпал, боясь того, что могло прийти, но шли неделя за неделей, а приходили только смазанные и бессмысленные видения обычных снов. Девять месяцев прожил он в Норморке, надеясь, что ускользнул от руки Короля Снов, но однажды ночью, когда после доброй закуски и фляжки отличного красного вина он растянулся на постели, чувствуя себя совершенно счастливым в первый раз за долгое время после встречи с Клеймом, и уснул, послание Суврейла настигло его и терзало душу чудовищными образами. И когда послание завершилось, он проснулся в рыданиях и понял, что нет никакой возможности скрыться надолго от мстительных сил Наказания.

И все-таки девять месяцев Маклан Форба прожил в мире и спокойствии. С небольшой накопленной суммой он пошел и купил билет вниз до Эмблморна, где превратился в Диграйла Килайлина и зарабатывал по десять крон в неделю, служа птицеловом при дворе здешнего Герцога.

Пять месяцев он был свободен от мук, пока однажды ночью сон не перенес его в рвущееся безмолвие яростного света, где дуга из слезящихся глаз была мостом через вселенную, и все глаза смотрели только на него.

Он спустился вниз по Клайгу до Макропулоса, где прожил беззаботно месяц под именем Огворна Брилла, прежде чем получил новое послание: раскаленный металл, клокочущий в горле.

Сушей, через бесплодные внутренние области континента он добрался до городского рынка Сивандейла. Король Снов настиг его в пути на седьмую неделю, послав видение, будто он катится в чашу «хлыстовика», когда

он проснулся, его тело кровоточило и опухло, так что пришлось искать врача в ближнем селении.

К концу путешествия попутчики, поняв, что он получает послания Короля Снов, бросили его, но в конце концов он оказался в Сивандейле, скучном и однообразном местечке, сильно отличавшемся от роскошных городов Горы, вспоминая о которых, он плакал каждое утро. Однако, как бы там ни было, он оставался здесь целых шесть месяцев.

Затем послания возобновились, гоня его на запад через девять городов — месяц здесь, полмесяца там — до тех пор, пока он, наконец, не осел в Алайсоре на целый спокойный год под именем Вадрила Мегенорна, где работал потрошителем рыбы в доках. Вопреки предчувствию, он позволил себе поверить, будто Король Снов, наконец, оставил его, и начал подумывать о возвращении в Сти, который покинул почти четыре года назад. Неужели четырех лет наказания недостаточно за непредумышленное, случайное преступление?

Очевидно, нет. В самом начале второго года в Алайсоре он ощутил, как знакомый зловещий гул послания запульсировал в затылке, и навеянный сон был таким, что все предыдущие показались детским спектаклем.

Он начался в бесплодной пустыне Суврейла, где Халигейн стоял, вглядываясь в иссохшую, разрушенную долину, поросшую деревьями Сигупа, несущими смерть всему живому, неосторожно очутившемуся в пределах десяти миль. И он видел в долине жену и детей, спокойно идущих к смертоносным деревьям. Он рванулся к ним по песку, облепляющему, как патока, и деревья шевельнулись и наклонились, и родные его были поглощены их черным сиянием, упали на землю и исчезли. Но он продолжал бежать до тех пор, пока не очутился внутри зловещего круга. Он молил о смерти, но смертоносные деревья на него не действовали. Он шел среди них, каждое было отделено от остальных пустым пространством, где не росло ничего: ни кустарник, ни лианы, ни трава, только диковинные стрелы безобразных деревьев без листьев стояли посреди этой пустоты. Больше в послании ничего не было, но это было страшнее всех тех ужасающих образов, которые терзали его раньше. Он бродил в отчаянии, жалкий и одинокий среди бесплодных деревьев, как в безвоздушной пустоте, а когда проснулся, лицо его покрыли морщины и глаза подрагивали, словно с ночи до рассвета прошли десятки лет.

Он был побежден. Бежать было бессмысленно, прятаться — тщетно. Он принадлежал Королю Снов навсегда. Больше не оставалось сил укрываться в каком-нибудь новом временном убежище под чужим именем. И когда дневной свет смыл с души ужасы чудовищного леса, он на трясущихся ногах добрел до Храма Властительницы на Алайсорских Высотах и испросил дозволения совершить паломничество на Остров Снов. Назвался он настоящим именем — Сигмар Халигейн. Что ему было скрывать?

Его приняли, как и любого другого, и на корабле паломников он отправился в Нимирон на северо-восточной стороне острова. Во время морского плавания послания иногда беспокоили его. Некоторые просто раздражали, некоторые потрясали ужасами, но когда он просыпался, мокрый от пота и дрожащий, остальные паломники дружески утешали его и вообще, теперь, когда он посвятил свою жизнь Властительнице, даже самые худшие сны воздействовали на него не так сильно, как раньше. Он знал теперь, что основная боль посланий происходит от тех мучений, которые они вносят ежедневно в чью-то жизнь, подавляя сознание необычностью. Но теперь у него не было никакой личной жизни, так почему же он с дрожью открывает глаза по утрам? Теперь он не занимался торговлей, не выкапывал сорняки, не ловил птиц, не разделывал рыбу. Он был никем и ничем и не пытался защититься от вторжения в свою душу. Иной раз среди этих будоражащих посланий странное умиротворение снисходило на него.

В Нимироне его приняли на Террасу Оценки внешнего обода острова, где, он был уверен в этом, он проведет оставшуюся жизнь. Властительница призывала к себе паломников постепенно, согласовывая их продвижение с незримым внутренним подъемом, и он, чья душа запятнана убийством, мог навечно остаться в роли прислужника на краю святой сферы. Все правильно, все хорошо. Он хотел только одного — избавиться от посланий Короля Снов — и надеялся, что под покровительством Властительницы это удастся ему рано или поздно и он забудет о Суврейле.

В мягкой мантии паломника он трудился на Внешней Террасе шесть лет, работая садовником. Он ссутулился, волосы его поседели, он научился отличать семена трав от семян цветов. Он страдал от посланий Короля Снов сначала каждый месяц, потом все реже и реже, и, хотя они никогда не оставляли его совсем, он обнаружил, что они становятся все менее и менее значительными, как

приступы боли от какой-нибудь давней раны. Иногда он вспоминал семью. Там, несомненно, считали его умершим. Думал он и о Клейме, вспоминая одну и ту же картину — Клейм, повисший в воздухе прежде чем рухнуть в реку, откуда не возвращаются. Неужели это произошло на самом деле и он действительно убил его? Это казалось невероятным, ведь это случилось так давно! Но он отчетливо помнил мгновение все затмевающей ярости после отказа невысокого человечка... Да, да, все это было, думал Халигейн, и мы — я и Клейм — оба лишились жизни в тот миг ослепления и гнева.

Халигейн много размышлял, истово работал, навещал толкователей снов — здесь это было обязательно, но они не разъясняли и не переводили его сны — и получал святые заветы.

Весной седьмого года он шагнул на следующую ступень — Террасу Начал, и жил там месяц за месяцем в то время, как другие паломники шли мимо к Террасе Зеркал. Он мало с кем разговаривал, ни с кем не дружил и получал послания Короля Снов через огромные промежутки времени.

На третий год пребывания на Террасе Начал он заметил человека средних лет, пристально глядевшего на него в трапезной, невысокого и хилого со странно знакомым взглядом. Две недели новичок держал Халигейна под неусыпным надзором, пока наконец любопытство последнего не выросло до небес, и проведя небольшое расследование, он не узнал, что незнакомца зовут Ковирам Клейм.

Разумеется, Халигейн подошел к нему в свободное время и сказал:

— Не согласитесь ли вы ответить на один вопрос?

— Если смогу.

— Вы уроженец города Кимканейла?

— Да,— кивнул Клейм.— А вы... вы из Сти?

— Да,— подтвердил Халигейн.

Какое-то время оба молчали. Потом Халигейн сказал:

— Значит, вы преследовали меня все эти годы?

— Вовсе нет.

— И то, что мы оба здесь, только совпадение?

— По-моему, совпадение,— согласился Ковирам Клейм,— поскольку я совершенно не собирался приезжать туда, где живете вы.

— Вы знаете, кто я и что сделал?

— Да.

— А что вы хотите от меня?

— Хочу? — глаза Клейма, маленькие, черные и блестящие, как и глаза его давно умершего отца, заглянули в глаза Халигейна. — Что я хочу? — повторил он. — Расскажите мне, что произошло в Вигеле?

— Пройдемся, — предложил Халигейн.

Они вышли за плотную сине-зеленую живую изгородь в сад элабендисов, за которыми присматривал Халигейн на Террасе Начал, прореживая бутоны, отчего цветы становились еще больше и красивее. В этом ароматном окружении Халигейн, чего никогда не делал раньше, ровно и спокойно описал случившееся: ссору, встречу, окно, реку — все это казалось ему теперь почти нереальным.

Во время рассказа лицо Ковирама Клейма оставалось бесстрастным, и напрасно Халигейн напряженно вглядывался в его черты, стараясь прочесть сокровенные цели.

Описав убийство, Халигейн ждал вопросов, но Клейм молчал. Наконец, он сказал:

— А что случилось с вами потом? Почему вы исчезли?

— Король Снов истерзал мне душу дьявольскими посланиями и вверг в такие муки, что мне пришлось бежать и укрываться в Норморке, но он нашел меня и там, и я бежал снова, и перебирался с места на место, пока, наконец, не стал паломником на Острове Снов.

— А Король Снов все еще преследует вас?

— Время от времени я получаю послания, — ответил Халигейн. Он тряхнул головой. — Но они бесполезны. Я страдаю и раскаиваюсь и без его посланий. Но я не чувствую вины за преступление. Оно случилось в минуту безумия, и я тысячу раз жалел о нем и желал, чтобы ничего подобного не произошло, но все равно я не могу возложить только на себя ответственность за смерть вашего отца — он сам довел меня до неистовства. Я лишь толкнул его, и он упал. Все произошло случайно, необдуманно.

— Но вы почувствовали, что делаете?

— Да. А потом годы мучительных посланий — что хорошего они мне принесли? Если бы я сумел удержаться от убийства из страха перед Королем Снов, то вся система наказания была бы оправдана, но я не думал о Короле Снов и потому вижу, что кодекс, по которому я наказан, не нужен. Так и с моим паломничеством: я приехал сюда не столько во искупление вины, сколько чтобы укрыться от Короля Снов и его посланий, и, по-моему, достиг этого. Но к сожалению, ни мое искупление, ни мои страдания

не вернут к жизни вашего отца, так что все бесцельно. Убейте меня, и дело с концом.

— Убить вас? — удивился Клейм.

— Разве вы не хотите отомстить?

— Я был мальчишкой, когда исчез отец. Сейчас я уже не молод, а вы еще старше. Вообще, все это — давняя история. Я хотел только узнать правду о его гибели, и теперь я ее знаю. Если бы ваша смерть вернула жизнь моему отцу, я, возможно, и убил бы вас, но как вы сами говорите, это не изменит ничего. У меня нет к вам никакой ненависти, и мне совсем не хочется испытать на себе руку Короля Снов. В отношении меня, по крайней мере, система наказания работает превосходно.

— Вы не хотите убить меня? — удивился Халигейн.

— Нет.

— Нет-нет, я понимаю. Но почему? Это только освободило бы меня от жизни, ставшей одним долгим наказанием.

Клейм тоже удивился.

— Вот как? Выходит, и я наказываю вас?

— Да, вы приговариваете меня к жизни.

— Но срок вашего наказания давно миновал. На вас теперь милость Властительницы, через смерть моего отца вы нашли путь к ней!

Халигейн не мог понять, то ли Клейм смеется над ним, то ли искренне верит в свои слова.

— Вы видите ее милость? — переспросил он.

— Да.

Халигейн покачал головой.

— И Остров, и все окружающее остались ничем для меня. Я приехал сюда только для того, чтобы избежать мести Короля Снов, и, по крайней мере, нашел место, где можно укрыться от него, но не больше.

Клейм смотрел на него внимательно и безмятежно.

— Вы обманываете себя,— сказал он и отошел, оставив Халигейна ошеломленным и сбитым с толку.

Возможно ли такое? Неужели он очищен от преступления и не понял этого? Он решил, что сегодня ночью придет послание от Короля Снов, обязательно придет, потому что последнее было год назад, и он подойдет тогда к краю Террасы и бросится в Море. И послание пришло. Послание Властительницы, теплое и святое послание, призывающее его на Террасу Зеркал, однако он не поверил ему, но утром толкователь снов передал ему наказ сразу идти к сияющей Террасе, и начался следующий этап его паломничества.

Часть 8

СРЕДИ ТОЛКОВАТЕЛЕЙ СНОВ

Часто теперь Гиссан обнаруживал, что одно его приключение требует немедленного разъяснения другим, и из мрачного, но познавательного рассказа об убийце Халигейне он много узнал о действиях Короля Снов, но сами толкователи снов, эти посредники между мирами бодрствования и сновидений, оставались для него загадкой. Он никогда не советовался ни с одним. Свои сны он считал скорее театральными постановками, нежели посланиями. Где-то там, в Зимроле, живет или жила знаменитая толковательница снов Тизана, с которой Гиссану довелось встретиться во время второй коронации Лорда Валентина. Толстая старуха из Фалкинкипа, очевидно сыгравшая какую-то роль в открытии Лордом Валентином своей подлинной сути. Гиссан ничего не знал об этом, но ему как-то неуютно вспоминался проницательный взгляд сильной и энергичной старухи. По какой-то причине она завладела вниманием мальчишки. Он помнил, как стоял рядом с ней и казался себе карликом, надеясь, что ей не взбредет в голову обнять его, поскольку вполне могла бы раздавить его о могучую грудь. Она сказала тогда: «... и тут маленький потерявшийся князек...» Что бы это значило? Толкователи снов могли бы, наверное, объяснить это, но он не ходил к толкователям снов. Ему вдруг захотелось узнать, не оставила ли Тизана записи в Счетчике Душ. Он проверил хранилище. Да, одна запись есть. Он вытащил ее и быстро определил, что она относится к молодости Тизаны — лет пятьдесят назад, когда она еще только училась своему ремеслу, других ее записей в хранилище не было. Он надел шлем, и неистовый дух юной Тизаны ворвался в сознание.

Утром за день до Испытания внезапно пошел дождь, и все выскочили из главного здания полюбоваться им: и новиции, и заступники, и совершенные, и наставники, и даже сама Высшая Толковательница Иньельда. Здесь, в пустыне равнин Велализера, дождь был очень редким событием. Тизана выбежала и стояла, глядя, как большие чистые капли косо падают из единственной черной тучи с рваными краями, которая замерла высоко над гигантским шпилем главного здания, словно привязанная. Капли били

в спекшуюся песчаную почву с отчетливо слышимым стуком, и темные грязноватые пятна от них расползались, образуя бледно-красноватую жижицу. Новиции, заступники, совершенные и наставники — все сбросили плащи и резвились под ливнем.

— Первый нормальный дождь за год,— произнес кто-то.

— Предзнаменование,— пробормотала Фрейлис, заступница, самая близкая для Тизаны в главном здании.— У тебя будет легкое Испытание.

— Ты действительно в это веришь?

— Не знаю, но лучше верить в добрый знак, чем в дурной,— заметила Фрейлис.

— Сей полезный девиз стоит взять на вооружение,— согласилась Тизана, и обе рассмеялись.

Фрейлис дернула Тизану за руку.

— Пойдем туда, потанцуем!

Тизана покачала головой, не двинувшись с места из-под навеса, и лишь поглядывала наружу, так что уговоры Фрейлис были бесполезны. Тизана была женщиной рослой, ширококостной и сильной. Фрейлис, изящная и легкая, рядом с ней напоминала птицу. Настроения плясать под дождем сейчас у Тизаны не было: завтрашний день должен стать кульминацией семи лет обучения, а она до сих пор понятия не имела, как происходит и чего потребует от нее ритуал, но в одном она была уверена — если ее сочтут недостойной, то с позором отошлют в далекий родной город. Страхи и мрачные предчувствия свинцовой тяжестью лежали на душе, и плясать в такое время казалось ей невероятным легкомыслием.

— Гляди! — воскликнула Фрейлис.— Высшая!

Да, даже сама почтенная, высохшая, седая Иньельда, пошатываясь, выбралась под дождь и двигалась церемониальными кругами, раскинув худые руки и запрокинув вверх лицо. Тизана улыбнулась. Высшая заметила ее, укрывшуюся на галерее, подозвала ее к себе, как подзывают надувшегося ребенка, не принимающего участия во всеобщей игре. Но Высшая прошла свое Испытание так давно, что, верно, забыла, каким страшным оно кажется новичкам; несомненно она не могла понять мрачную озабоченность Тизаны перед завтрашним тяжелым испытанием. С извиняющимся жестом Тизана повернулась и вошла внутрь. Из-за спины несся отрывистый стук тяжелых капель, а затем — внезапная тишина: необычная маленькая буря улеглась.

Наклонив голову под низкой аркой из синих каменных плит, Тизана вышла в свою келью и на мгновение прислонилась к шершавой стене, расслабляясь.

Келья была крохотной, только-только для матраца, умывального таза, шкатулки, рабочего ложа и миниатюрного шкафа, и Тизана, большая и плотная, со здоровым могучим телом девушки с фермы, которой и была раньше, занимала целиком почти все пространство. Но она привыкла к тесноте и теперь находила ее даже удобной. Удобными также были заведенные порядки главного здания: ежедневный круг занятий, физический труд, обучение и (с тех пор, как она достигла положения совершенной) наставничество над новициями. К тому времени, как разразился ливень, Тизана варила сонное зелье, обязательная работа, отнимавшая по часу каждое утро уже два года, и сейчас вернулась к своему занятию.

Все сонное зелье, используемое на Маджипуре, делалось здесь заступниками и совершенными в главном здании Велализера. Для такой работы требовались пальцы понежнее и половчее, чем у Тизаны, но она давно стала настоящим знатоком и легко справлялась с делом.

Перед ней лежали пузырьки с травами, крохотные серые листья муорны, сочные корни вейджлы, высушенные ягоды ситерил и прочие из двадцати девяти ингредиентов, способствующие созданию транса, в котором приходит понимание снов и посланий. Тизана принялась толочь и смешивать их — все необходимо было проделать быстро и точно, иначе химические реакции пойдут наперекосяк,— затем разожгла огонь, нагрела немного порошка, обратила его в водку и размешивала и разбавляла ее до тех пор, пока не получилось вино. Лишь тогда, после того как довольно долго напряженно и внимательно работала, она немного расслабилась и даже повеселела.

За работой она не сразу уловила тихое дыхание за спиной.

— Фрейлис?

— Не помешаю?

— Конечно, нет. Я почти закончила. Что, они все танцуют?

— Нет-нет, все опять по-прежнему. Солнце снова сияет во всю мочь.

Тизана взболтала темное тягучее вино во фляжке.

— В Фалкинкипе, где я выросла, погода тоже жаркая и сухая, однако мы не впадаем в экстаз и не прыгаем от радости при виде дождя.

— В Фалкинкипе,— откликнулась Фрейлис,— люди считают все само собой разумеющимся. Даже одиннадцатирукий скандар их не воодушевляет. Если Понтификс заглянет в ваш город и пройдется по площади на руках, и то толпа не соберется.

— Да? Ты там была?

— Один раз, девочкой. Отец подумывал перебраться на ранчо, но особой склонности к фермерству у него не оказалось, и через год мы вернулись в Тил-Омон... Между прочим, он все вспоминал потом жителей Фалкинкипа, какие они неторопливые, флегматичные и осмотрительные.

— И я такая же? — осведомилась Тизана с озорством.

— Ты... Ну... сверхустойчива.

— Да? Тогда почему я так волнуюсь из-за завтрашнего дня?

Маленькая женщина опустилась на колени перед Тизаной и взяла ее руки в свои.

— Ты вовсе не волнуешься,— заметила она мягко.

— Ну, нет, неизвестное всегда пугает.

— Это всего лишь проверка.

— Последняя проверка. А если я не справлюсь? Вдруг у меня отыщется какой-нибудь ужасный изъян, из-за которого я не смогу стать толковательницей снов?

— И что ты тогда сделаешь? — поинтересовалась Фрейлис.

— Потеряю семь лет и как дура притащусь в Фалкинкип, без ремесла, без профессии, и проведу остаток жизни, вскапывая поля на какой-нибудь ферме.

— *Если* только Испытание покажет, что ты не годишься в толкователи снов,— заметила Фрейлис.— Да все это риторика. Ты сама прекрасно знаешь, что нельзя позволять неспособному рыться в человеческих сознаниях, а кроме того, ты *НЕ* не подходишь в толкователи, и Испытание для тебя не проблема, и я не понимаю, отчего ты так тревожишься.

— Оттого, что не знаю, на что это похоже.

— Почему не знаешь? Скорее всего, с тобой поговорят, дадут зелье, осмотрят твое сознание и поймут, что ты мудрая, добрая, сильная, и Высшая обнимет тебя и скажет, что ты прошла Испытание.

— Откуда такая уверенность?

— Просто разумное предположение.

Тизана дернула плечом.

— Догадок я много слышала. Даже такую, будто с тобой что-то делают, чтобы поставить тебя лицом

к лицу с собственными самыми худшими поступками в жизни, или с тем, что тебя больше всего пугает, или внушает чувство боязни перед всеми остальными людьми на свете, таких предположений ты не слыхала?

— Слыхала,— улыбнулась Фрейлис.

— За день до *своего* Испытания разве ты не будешь немного волноваться?

— Но ведь это же только сплетни, Тизана. Похоже, никто не знает, что такое Испытание в действительности, кроме тех, кто прошел его.

— И тех, кто не прошел.

— А ты знаешь кого-нибудь из них?

— Ну... я полагаю...

Фрейлис опять улыбнулась.

— По-моему, такие отсеиваются задолго до того, как становятся совершенными. Вернее, даже до того, как становятся заступниками.— Она встала и начала играть пузырьками на рабочем ложе Тизаны.— В Фалкинкип ты вернешься толковательницей снов.

— Я тоже надеюсь на это.

— Тебе там нравится?

— Там мой дом.

— Но ведь мир такой большой. Ты можешь поехать в Ни-Мойе или Пилиплок, или вообще в Алханрол, пожить в Горном Замке, и даже...

— А мне по душе Фалкинкип,— перебила ее Тизана.— Я люблю пыльные дороги, люблю иссохшие коричневые холмы. Я семь лет их не видела. К тому же, в Фалкинкипе нужен толкователь снов, а в больших городах их и так хватает, все рвутся в Ни-Мойе или в Сти, разве нет? А мне не хватает Фалкинкипа.

— Может, тебя там ждет возлюбленный?— лукаво осведомилась Фрейлис.

Тизана фыркнула.

— Еще чего! Через семь-то лет!

— А у меня был в Тил-Омоне. Мы собирались пожениться, построить лодку и обойти вокруг Зимрола года за три-четыре, потом подняться по реке до Ни-Мойе, поселиться там и открыть лавку.

Услышанное поразило Тизану. За все время их знакомства с Фрейлис они никогда не говорили ни о чем подобном.

— Что случилось?

Фрейлис спокойно ответила:

— Я получила послание, гласившее, что я стану толковательницей снов, и спросила его, что он об этом думает.

Понимаешь, я даже не была уверена, что соглашусь, но хотела знать, как считает он, и в ту минуту, когда рассказывала, увидела ответ в его глазах. Он попросил день-два, чтобы переварить это, и это был последний раз, когда я его видела. Потом его друг передал мне, что он получил послание, повелевшее ему ехать срочно в Пидруд, и он уехал. Впоследствии, я слышала, он женился там на какой-то старой своей зазнобе, и, я полагаю, они до сих пор болтают о постройке лодки и путешествии вокруг Зимрола. Ну, а я подчинилась посланию и теперь здесь. В ближайшие месяцы я стану совершенной и, если все пойдет хорошо, на будущий год сделаюсь полноправной толковательницей снов на Большом Базаре.

— Бедная Фрейлис!

— Не стоит меня жалеть, Тизана. То, что произошло — к лучшему. Было лишь чуть-чуть горько. Он был ничего не стоящим пустозвоном, и я поняла бы это рано или поздно, а так мы расстались, и я буду толковательницей снов и воздам за это службой Дивине, ведь в противном случае я осталась бы никем. Понимаешь?

— Понимаю.

— И мне совсем не хочется быть просто чьей-то женой.

— Мне тоже,— согласилась Тизана. Она понюхала новое зелье, одобрительно кивнула и начала прибирать рабочее ложе, заботливо пряча под покрывало пузырьки. Фрейлис, думала она, такая заботливая, нежная, понимающая. Ни одной из этих черт Тизана не могла найти в себе. Она считала себя толстой, грубой, сильной, способной противостоять любому унынию, но не очень-то мягкой и определенно бесчувственной в нюансах нежных дел. Тизана понимала, что мужчины не всегда любят только нежность и понимание, но все же в этом что-то было, и Тизана всегда верила, что она слишком груба и толста, чтобы быть по-настоящему женственной. Поэтому Фрейлис, невысокая, хрупкая, с нежной душой, казалась ей почти неземным существом. Фрейлис, думала Тизана, будет Высшей толковательницей снов, интуитивно проницающей сознание тех, кто придет к ней за помощью, советы она будет давать точные и ясные. Властительница Острова и Король Снов, когда они по-разному навещают сознание спящих, часто говорят загадками, и труд толкователей заключается в том, чтобы стать собеседником этих внушающих благоговение сил, и разъяснять то, что они хотят сказать получившему послание. В этом была страшная ответственность. Своей деятельностью тол-

ковательницы снов могли создать или разрушить личную жизнь любого получающего послания. Фрейлис работала отлично: она точно знала, где быть строгой, где легкомысленной, а где утешить и ободрить. Как она узнавала? Опыт. В ее жизни были любовь, счастье, страдания. Даже не догадываясь о многом из прошлого Фрейлис, Тизана видела в холодных серых глазах стройной женщины знание, и это знание стоило больше, чем все трюки и ухищрения, необходимые в выбранной профессии, которым она выучилась в главном здании. У Тизаны были серьзные сомнения относительно своего призвания как толковательницы снов, тем более, что она ухитрилась пропустить мимо себя все многообразие шумного мира. Жизнь ее — слишком устойчивая, как сказала бы Фрейлис,— была связана с одним-единственным местом на свете. Жизнь в Фалкинкипе... Встать с восходом солнца, убраться, закусить, поработать и лечь спать, хорошо поев. Ни бурь, ни перемен, ни волнений, ни честолюбивых устремлений, ни настоящей боли — так откуда ей по-настоящему понять тех, кто страдает? Тизана думала о Фрейлис и об изменившем ей любовнике, изменившем мгновенно, едва ее неоформившиеся планы не совпали с его собственными; потом мысли ее перескочили на собственные романы, происходившие, как правило, на гумне, такие легкие, такие заурядные, когда два человека сходились на какое-то время и так же расходились, без боли, без страданий. Даже когда она занималась любовью последний раз перед отправкой сюда, все было просто и заурядно: два борющихся здоровых тела, легко соединяющиеся с негромкими вскриками и быстрой дрожью наслаждения; потом они расстались. Ничего больше. Она скользила по жизни без шрамов, без страданий, без отклонений. Как тогда она может оценивать других? Если их затруднения и противоречия ничего не значат для нее? Возможно, она потому и боялась Испытания, что к ней, наконец-то, заглянут в душу и поймут, что она не годится в толкователи снов, поскольку так проста и наивна. Какая ирония, что теперь ей приходится сожалеть о прошлой безмятежной жизни!

Руки задрожали. Она подняла их и внимательно осмотрела: *Крестьянские* руки, большие и грубые, глупые крестьянские руки с толстыми пальцами дрожали, будто натянутые струны. Фрейлис, заметив жест Тизаны, опустила их и взяла в свои, еле сумев обхватить тонкими изящными пальчиками.

— Расслабься,— шепнула она с нажимом.— Не о чем тревожиться.

Тизана кивнула.

— Который час?

— Тебе время заниматься с новициями, а мне совершать обряды.

— Да-да, хорошо, идем.

— Я загляну к тебе позже. В обед. А ночью мы покараулим послание, а?

— Да,— кивнула Тизана,— Конечно.

Они покинули келью. Тизана поспешила наружу, пройдя по двору к залу собраний, где ждали ее десять новиций. От прошедшего дождя не осталось и следа — бешеное солнце выпило каждую каплю; в полдень здесь прятались даже ящерицы.

От задней стены главного дома к Тизане направлялась наставница Вандайна, женщина из Пилиплока почти одного возраста с Высшей. Тизана улыбнулась и прошла мимо, но наставница окликнула ее и жестом подозвала к себе.

— Ваш день завтра?

— Боюсь, что так.

— Вам сообщили, кто проведет ваше Испытание?

— Нет,— пожала плечами Тизана,— оставили гадать.

— Так и должно быть,— кивнула Вандайна.— Неуверенность хороша для души.

— Могла бы и сказать,— проворчала Тизана, когда Вандайна с трудом утащилась прочь.

Интересно, думала Тизана, сама-то она когда-нибудь готовилась к Испытанию? Хотя, конечно, да. Мы просто смотрим на одно и то же по-разному, подумала она, вспоминая, как в детстве клялась всегда с пониманием относиться к делам и заботам детей без той насмешливой надменности, с которой к ним обращаются взрослые. Она не забыла клятву, но через десять-пятнадцать лет просто не помнила, как это важно в детстве. Очевидно, что-то похожее происходило и сейчас.

Она вошла в зал собраний. Обучение в главном доме велось в основном наставниками, наиболее квалифицированными толкователями снов, добровольно отдававшими несколько лет жизни практике обучения. Но и совершенные — обучающиеся последней ступени, которые были толкователями снов во всем, только не прошли еще Испытания,— также привлекались для работы с новициями, приобретая необходимый профессиональный опыт в общении с людьми. Тизана обучала варке сонного зелья,

теории посланий и общей гармонии. Новиции смотрели на нее с благоговейным уважением, когда она заняла свое место за столом. Что они знали о ее страхах и сомнениях? Для них она была высочайшим примером посвящения в обряд толкования снов, всего на одну-две ступени ниже Высшей Иньсельды. Она полностью владела искусством, которое они только начинали постигать. Знай они об Испытании, они бы отнеслись к нему, как к смутному темному облаку где-то вдалеке, которое заинтересовало бы их не больше, чем старость или смерть.

— Вчера,— начала Тизана, глубоко вздохнув и стараясь выглядеть спокойной и хладнокровной провидицей, источником мудрости,— мы говорили о роли Короля Снов в регулировании поведения всего общества Маджипура. Вы, Мелиара, подняли вопрос о частых недоброжелательных образах в посланиях Короля Снов и интересовались лежащей в основе нравственности общественной системой наказания посланиями. Постараюсь изложить все это сегодня более подробно. Возьмем для примера гипотетическую личность, скажем, охотника на морских драконов из Пилиплока, который под воздействием сильнейшего нервного напряжения совершил непредумышленный скверный поступок по отношению к своему экипажу...

Слова катились из нее, как разматывающийся клубок. Новиции, щурясь и потряхивая гривами волос, торопливо записывали. Тизана помнила, как в бытность свою новицией ее не покидало отчаянное ощущение, будто она стоит перед лицом бесконечного обучения не просто техническим приемам толкователей снов, но всевозможным дополнительным нюансам и понятиям. Но сегодня ей было не до этого. Конечно, где-то в глубине души она сознавала, что ее переживания в основном — только поза. Не в ее привычках было расчитывать на худшее, разве что теперь ее выбивало из колеи предстоящее Испытание.

Однажды, семь лет назад, к ней пришло послание Властительницы, убеждавшее покинуть ферму и стать толкователем снов; она, не раздумывая, подчинилась, заняла денег и отправилась в долгое паломничество на Остров Снов для подготовительного обучения, а потом, получив разрешение занять место в главном здании Белализера, вновь пересекла необъятное море и добралась до этой уединенной и жалкой пустыни, где прожила четыре года. И никаких сомнений, никаких колебаний.

Но столько предстояло узнать! Мириады подробностей, относящихся к работе толкователя снов со своими нани-

мателями, профессиональная этика, ответственность, ловушки, способы приготовления сонного зелья и соединения сознаний, сами сны. Типы, значения, скрытый смысл. Семь снов самообмана и девять снов обучения. Призывающие сны и отпускающие сны, три переступающих себя сна, сны отсрочки, наслаждений, сны уничтожения знаний. Одиннадцать снов мучений, пять снов блаженства, сны прерывания поездок, сны борьбы, сны добрых надежд, сны злобных видений, сны ошибочного честолюбия, тринадцать снов благодарности... Тизана изучила их все, потратив огромное количество времени и нервов, изучая каждый тип сна месяц за месяцем. Она заслуженно стала знатоком своего дела. Достигла вершин того, что эти юные с широко открытыми глазами новиции только начинали изучать. И все же... все же завтрашнее Испытание могло лишить ее всего, чего ни один из новичков не мог понять.

...Или мог? Урок подошел к концу. Тизана задержалась, складывая затекшими пальцами бумаги на столе, пока новиции выходили из зала. Одна, невысокая пухленькая светловолосая девушка из Стража Городов Горного Замка, на минуту задержалась около нее — она, как и большинство людей, казалась карлицей рядом с Тизаной — и, глядя вверх, легонько коснулась кончиками пальцев локтя совершенной, словно крыльями мотылька, и робко прошептала:

— У вас будет все хорошо завтра, я уверена. — И с улыбкой на заалевших щеках убежала.

Выходит, они знали — во всяком случае, некоторые. Благословение девушки осталось с Тизаной на весь день, как огонек свечи. На долгий-долгий день, полный повседневной работы, от которой нельзя было увильнуть, хотя сегодня она предпочла бы выйти и прогуляться по пустыне. Но необходимо было исполнять обряды, вскапывать землю на огороде, а после полудня заниматься с группой других новиций. Затем немного созерцания перед обедом, и наконец сам обед на закате.

К тому времени Тизане стало казаться, будто утренний дождь случился несколько недель назад, а то и вовсе прошел во сне.

Обед тянулся для нее невыносимо долго. У Тизаны — совершенно неслыханное дело! — абсолютно не было аппетита. В трапезной все кипело теплом и жизнью — смех, болтовня, грубоватые песенки. Тизана в одиночестве и молчании сидела посреди всего этого, словно накрытая хрустальной сферой, и остальные старались не обращать

на нее внимания, зная, что сегодня канун ее Испытания, правда, те, что помоложе, хоть и старались изо всех сил, не могли удержаться и время от времени бросали на нее быстрые взгляды украдкой, как на кого-то, внезапного избранного нести особое бремя.

Тизана не знала, что хуже: вежливое притворство совершенных и наставниц, или острое любопытство заступников и новиций. Она ничего не ела, играя кусочком хлеба в руках. Подсевшая Фрейлис выбранила ее, как ребенка, убеждая, что ей понадобятся силы на завтрашний день. Тизана коротко рассмеялась, похлопав себя по твердому большому животу.

— У меня тут столько, что хватит на десять Испытаний.

— Все равно,— отмахнулась Фрейлис,— поешь.

— Не могу. Слишком разнервничалась.

С помоста донесся звук ложки, прозвеневшей о стекло. Тизана в испуге пробормотала:

— Сохрани меня, Властительница! Неужели она хочет что-то сказать всем о моем Испытании?

— Как?.. Новый Венценосец?..

— Да. Он занял место Лорда Туевераса, тот теперь Понтификс. Где ты была? Уже пять недель прошло...

— ... и в самом деле, утренний дождь был знаком новой весны и новых вестей...— говорила Высшая.

Усилием воли Тизана заставила себя слушать внимательно.

— Сегодня я получила весть, которая вознаградила нас за пять недель ожидания; Понтификс Туеверас избрал новым Венценосцем Малибора из Бомбифейла, и последний сегодняшней ночью займет свое место на Троне Конфалума в Горном Замке.

Раздались аплодисменты, все приветствовали весть о новом Венценосце знаками звездного взрыва. Тизана, как во сне, сделала то же самое. Новый Венценосец! Да-да, как же она забыла, старый Понтификс умер несколько месяцев назад, и государственное колесо завертелось снова. Лорд Туеверас стал теперь Понтификсом, и новый человек взошел сегодня на Вершину Замковой горы. «Малибор! Многая лета Венценосцу!» — кричала она с остальными. Но... все-таки это было чем-то нереальным да и неважным для нее сейчас. Новый Венценосец? Ну и что? Еще одно имя в длинном-длинном списке. Конечно, да здравствует Лорд Малибор, кто бы он ни был, но его заботы только начинаются, и Тизане до них пока дела нет. Разумеется, будет празднество начала царст-

вования. Она помнила, как выпила огненного вина маленькой девочкой, когда скончался знаменитый Киннокен, Лорд Оссер перебрался в Лабиринт, став Понтификсом, и Туеверас поднялся в Горный Замок. Теперь Туеверас сделался Понтификсом, а кто-то там стал Венценосцем, и когда-нибудь, несомненно, она услышит, что Малибор удалился в Лабиринт и пылкий юный Венценосец взошел на трон. И пусть события были очень важными, Тизане в данную минуту было все равно, кто сидит на троне — Малибор, Туеверас, Оссер или Киннокен. Горный Замок был далеко, в тысячах миль. И перед ней стоял сейчас не Горный Замок, а Испытание. Маниакальный страх перед Испытанием подавлял все. Она понимала, что это нелепо, что это вроде того ощущения, которое испытывает больной человек, когда ему кажется, что вся боль вселенной сосредоточилась в нем одном. Лорд Малибор? Его царствование она отпразднует в другой раз.

— Идем,— сказал Фрейлис.— Пошли к тебе.

Тизана кивнула. Сегодня трапезная была не для нее. Чувствуя, как все взгляды сосредоточились на ней, она нетвердо спустилась между рядами столиков и вышла наружу в темноту. Дул сухой и горячий ветер, шершавый, как терка, раздражающий нервы.

Когда они подошли к келье, Фрейлис засветила свечи и мягко подтолкнула Тизану к постели, затем достала из шкатулки два бокала, а из-под своей мантии вытащила небольшую фляжку.

— Что ты делаешь? — удивилась Тизана.

— Вино. Расслабишься немного.

— Сонное зелье?

— Почему бы нет?

Тизана нахмурилась.

— Мы не собирались...

— Мы и не станем заниматься разгадыванием снов... Это просто даст возможность немного расслабиться, и я смогу разделить свою силу с тобой. На, держи.— Она налила в бокалы темного густого напитка и вложила один в руку Тизаны.— Пей!

Тизана медленно подчинилась. Фрейлис быстро выпила свою долю и начала снимать мантию.

Тизана смотрела на нее с удивлением. Она никогда не занималась любовью с женщиной. Неужели Фрейлис хотела заняться ею сейчас? Зачем? «Это ошибка!» — подумала Тизана. В канун ее Испытания пить сонное зелье и делить постель с Фрейлис...

— Раздевайся,— шепнула Фрейлис.

— Что ты собираешься делать?

— Ловить сны, глупая. Как мы договорились, и ничего больше. Допивай зелье и снимай мантию.

Сама она уже стояла нагая. Тело ее выглядело по-детски прямым и худощавым, с бледной чистой кожей и небольшими девичьими грудями.

Тизана сбросила свою одежду на пол. Полнота смущала ее, могучие груди, толстые колонны ног, массивные бедра казались ей неприличными рядом с изящной Фрейлис. Хоть во время работы толкователь снов должен быть обнажен, сейчас-то Тизана принимала не клиента. Фрейлис подлила ей зелья в бокал, и она выпила без возражений. Потом Фрейлис взяла Тизану за запястья, опустилась перед ней на колени и посмотрела прямо в глаза, сказав одновременно нежно и презрительно:

— Ты большая и глупая. Ты должна избавиться от страхов перед завтрашним днем. Испытание — *НИЧТО!* — Она задула свечи и легла рядом с Тизаной.— Спи спокойно, сны будут хорошие.— Она повернулась к груди Тизаны и прижалась к ней.

Через минуту она спала.

Они не будут заниматься любовью. Тизана испытала облегчение. В другой раз — возможно, почему бы и нет? — но сейчас не время для таких приключений.

Тизана закрыла глаза и баюкала Фрейлис, как спящее дитя. Зелье билось в ней, согревая теплом. Оно открывало одно сознание другому, и Тизана чувствовала, что дух Фрейлис как бы парит рядом с ней. Однако они не общались между собой и не делали необходимых сосредоточенных упражнений, что создает полное единение. От Фрейлис исходили лишь волны умиротворения, любви и энергии. Она была сильной, гораздо сильнее своего хрупкого тела, и, по мере того как сонное зелье все глубже проникало в сознание, Тизана чувствовала себя все лучше оттого, что рядом лежит другая женщина. Она медленно погружалась вглубь своей души. Она все еще немного беспокоилась: об Испытании, о том, что могут подумать об их совместно проведенной ночи в одной постели, о нарушении правила, которое они совершили, вдвоем испив сонное зелье. Страхи, чувство вины и стыда поднялись в душе. Но постепенно она успокоилась. И уснула. И глазами профессионального толкователя снов смотрела свои сны, но те не имели ни формы, ни последовательности — загадочные образы, пустынный горизонт,

освещенный неясным и отдаленным светом, и вот, кажется, лицо Властительницы Иньельды, или Фрейлис, или просто теплая лента утешающего света, а потом — рассвет, и какая-то птица щебечет в пустыне, возвещая новый день.

Тизана села, протерла глаза. Она была одна. Фрейлис убрала свечи, вымыла бокалы и ушла, оставив на столике записку — нет, не записку, а рисунок светящейся стрелы, символа Короля Снов, помещенной в треугольник-внутри-треугольника, знак Властительницы Острова Снов, на фоне сияющего солнца — пожелание любви и удачи.

— Тизана?

Она повернулась к двери. Там стояла Вандайна.

— Уже время? — замирая, спросила Тизана.

— Да. Ты готова? Солнце взошло двадцать минут назад.

— Да,— кивнула Тизана, и вдруг успокоилась, совершенно успокоилась, какая ирония после недели страхов. Но сейчас уже не оставалось времени чего-либо бояться.

Следом за Вандайной она шла через двор, мимо огорода. Несколько человек окружили их, когда они вышли за территорию главного здания, не говоря ни слова. В зеленоватом свете зарождающегося дня они в молчании шли по хрустящему песку пустыни, и Тизане все время приходилось приноравливать свой шаг к походке старухи. Они направлялись на юго-запад. Казалось, шли часы. В пустыне начали возникать руины Велализера, древнего города метаморфов, обширное и часто посещаемое призраками место былого величия уроженцев Маджипура. Проклятое место, заброшенное тысячи лет назад.

Тизане показалось, что она поняла: Испытание, верно, заключается в том, что ее оставят бродить среди руин и призраков на весь день. Но так ли это? Так по-детски просто? Призраки ее не пугали. Но если ее оставят здесь и на ночь, чтобы просто напугать?

Днем Велализер представлял собой обычное зрелище рухнувших капищ, разбросанных колонн, похороненных под песком пирамид, но ночью...

Наконец они подошли к чему-то, напоминающему амфитеатр или цирк, довольно хорошо сохранившемуся. Каменные сиденья кольцами уходили вверх, одно над другим, образуя гигантскую чашу. В центре чаши стоял каменный стол и несколько каменных скамей, на столе лежала фляжка и стояла чаша. Здесь должно было пройти Испытание! Тизана решила, что они со старой Вандайной выпьют зелье, вместе лягут на песчаную землю и будут

ловить сны, а когда встанут, Вандайна будет знать, годится ли она в толкователи снов.

Но произошло совсем не так. Вандайна указала на фляжку.

— Мы оставим тебя здесь. Это сонное зелье. Наливай, сколько потребуется, пей и смотри в свою душу. Свое Испытание ты проведешь сама.

— Я?

Вандайна улыбнулась.

— Кто же еще сумеет тебя проверить? Ступай. Потом мы придем за тобой.

Старая наставница, согнувшись, отошла. На языке Тизаны вертелась тысяча вопросов, но она сдержалась, чувствуя, что Испытание уже началось, и что первая его часть — не задавать вопросов. С изумлением она следила, как Вандайна прошла в нишу амфитеатра и скрылась в тени. Ни звука вокруг, даже шагов. В подавляющей тишине безлюдного города песок, казалось, должен бы был греметь... но тишина! Тизана нахмурилась, потом улыбнулась, засмеялась — гулкий смех расшевелил далекое эхо. Она радовалась. Задумать и провести самой свое Испытание! Значит, это бывает: отводят в руины и предлагают посмотреть на себя. А сколько было страхов, сколько...

Но как?

Тизана пожала плечами. Она не завтракала и почувствовала, как напиток почти мгновенно ударил в голову. Тем не менее, она отхлебнула в третий раз.

Солнце поднималось быстро, первые лучи уже протянулись над стенами амфитеатра.

— Тизана! — выкрикнула она, и сама же ответила: — Да, Тизана!

Засмеялась, выпила снова.

Прежде она всегда принимала зелье в присутствии наставницы либо для разъяснения снов. Пить его в одиночестве сейчас все равно, что задавать вопросы своему отражению. Она вдруг со смущением осознала, что стоит между двух зеркал и видит один и тот же образ со спины и с лица.

— Тизана,— сказала она,— это твое Испытание. Годишься ли ты в толкователи снов?

И она ответила:

— Я училась четыре года, да еще три провела на Острове Властительницы. Я знаю семь снов самообмана, три сна обучения, призывающие сны и...

— Хорошо, пропустим это. Ты годишься в толкователи снов?

— Я умею смешивать зелье и принимать его.

— Отвечай на вопрос! Ты годишься в толкователи снов?

— Я очень устойчивая. У меня спокойная и чистая душа.

— Ты уклоняешься от ответа.

— Я сильная и способная, во мне почти нет злобы. Я желаю служить Дивине.

— А как насчет служения разумным существам?

— Служа Дивине, я служу и им.

— Очень красиво. Кто тебя научил так отвечать?

— Просто пришло на ум. Можно, я еще выпью?

— Как хочешь.

— Спасибо,— поблагодарила Тизана. Она выпила. Голоса закружились, но не от зелья, так как таинственные силы напитка, способствующие соединению сознания, сейчас не действовали. Она была одна и бодрствовала. Она спросила:

— Какой следующий вопрос?

— Ты до сих пор не ответила на предыдущий.

— Задай другой.

— Вопрос только один, Тизана. Годишься ли ты в толкователи снов? Сумеешь ли ты утешить души тех, кто придет к тебе?

— Я постараюсь.

— Таков твой ответ?

— Да,— сказала Тизана,— таков мой ответ. Оставь меня в покое, и разреши попробовать. Я женщина доброй воли. Я овладела своим искусством и желаю помогать другим. Сама Властительница приказала мне стать толкователь ницей снов.

— И ты ляжешь с любым, с кем потребуется? С человеком, с хьортом, со скандаром, с лиименом, с вруоном, с представителем любого другого племени нашего мира?

— С любым,— ответила она.

— И от каждого ты возьмешь на себя его тревоги?

— Если смогу, то да.

— Ты годишься в толкователи снов?

— Дай мне попробовать, и тогда узнаем,— сказала Тизана.

— Это кажется справедливым,— ответила Тизана.— У меня больше нет вопросов.— Она вылила в бокал остатки зелья и допила их. Потом она спокойно сидела, пока

поднималось солнце и нарастала дневная жара. Она была совершенно спокойна и не испытывала ни нетерпения, ни неудобства. Она просидела бы так весь день и всю ночь, если бы ее не тревожили, но через час или чуть больше возле нее без какого бы-то ни было предупреждения вдруг появилась Вандайна.

— Ты закончила? — мягко спросила старая женщина.

— Да.

— Ну как?

Я прошла через это,— сказал Тизана.

Вандайна улыбнулась.

— Я была уверена в этом. Идем. Нужно еще переговорить с Высшей и устроить твое будущее, будущее толковательницы, Тизана.

В главное здание они вернулись в таком же молчании, в каком уходили утром. Они шли быстро — палящее солнце подгоняло. До полудня оставалось совсем немного, когда они выбрались из руин Велализера. Новиции и заступники, работавшие на полях, шли ко второму завтраку. Они неуверенно поглядывали на Тизану, и та улыбалась в ответ яркой, успокаивающей улыбкой.

У входа вдруг появилась Фрейлис, подбежала и бросила на подругу быстрый встревоженный взгляд.

— Ну? — спросила она напряженно.

Тизана улыбнулась. Она хотела сказать, что испытание *НИЧТО*, просто шутка, обряд, а настоящее Испытание имело место задолго до сегодняшнего дня, но Фрейлис дошла до всего этого сама. Огромное пространство разделило их теперь — Тизану, ставшую толковательницей снов, и Фрейлис, все еще заступницу. И Тизана сказала просто:

— Все хорошо.

— Хорошо? Здорово, ой, как здорово, Тизана! Я так рада за тебя!

— Спасибо, что помогла мне,— сказала Тизана серьезно.

Внезапно тень накрыла двор. Тизана взглянула вверх. Небольшое темное облако, вроде вчерашнего, плыло в небе — наверное, осколок шторма с далекого побережья. Оно повисло, будто зацепилось за шпиль главного здания, и вдруг разразилось крупными и тяжелыми каплями дождя.

— Смотри,— сказала Тизана,— смотри, снова идет дождь. Идем, Фрейлис! Идем, потанцуем!

Часть 9

ВОРОВКА В НИ-МОЙЕ

К концу седьмого года вторичного воцарения на престоле Лорда Валентина до Лабиринта дошла весть, что Венценосец скоро прибудет с визитом — весть, заставившая сердце Гиссана забиться сильнее. Увидит ли он Венценосца? Вспомнит ли о нем Лорд Валентин? Один раз Венценосец вызвал его в Горный Замок, когда состоялась его вторая коронация, конечно же, он помнит кое-что о мальчишке, который...

А может быть, и нет, решил Гиссан. Возбуждение спало, к нему вернулся холодный самоконтроль. Конечно, если он, что совершенно невероятно, попадется на глаза Венценосцу, то тот вспомнит его, но чтобы сам Лорд Валентин поинтересовался им — это вообще сверхъестественно. Скорее всего, Венценосец спустится вниз, а затем покинет Лабиринт, никого не увидев, кроме Понтификса. Говорили, что он устраивает грандиозное шествие к Алайсору, а потом к Острову Снов (хочет повидаться с матерью) и по пути обязательно остановится в Лабиринте. Но Гиссан догадывался, что Венценосцу вовсе не по душе Лабиринт, встретивший его так неприветливо, когда он вновь поднимался в свой Замок. Гиссан знал также, что Понтификс Туеверас скорее мертвый, чем живой, потерявшийся в непроницаемых снах внутри кокона, поддерживающего его существование, не способный уже разговаривать. Он скорее символ, чем человек, и должен был быть похоронен много лет назад, но тлеющему в нем огоньку жизни не давали угаснуть, чтобы продлить царствование Лорда Валентина. Что, по мнению Гиссана, было хорошо не только для Венценосца, но и для всего Маджипура. Но это уже было не его ума дело.

Он вернулся к Счетчику Душ, продолжая лениво размышлять над грядущим визитом Венценосца, и так же лениво вытянул новую запись из записей горожан Ни-Мойе. Казалось, она ничего не обещает, и Гиссан чуть было не сунул ее обратно, но тут ему захотелось просто посмотреть великий город другого континента. Ради Ни-Мойе он позволил, чтобы жизнь маленькой лавочницы поглотила его, и скоро уже не жалел об этом.

Глава 1

Мать Иньянны, как и бабушка, содержала лавку в Велатхусе, и было похоже, что такая же судьба уготована и ей. Ни мать, ни бабушка не обижались на такую жизнь, но Иньянна — ей исполнилось девятнадцать, и она была единственной наследницей — чувствовала, что лавка слишком тяжелое бремя для ее плеч, невыносимо давящий горб. Она часто подумывала продать ее и попытать счастья в каком-нибудь городе подальше отсюда: в Пилиплоке, в Пидруде или даже в величественной столице провинции Ни-Мойе далеко на севере, о которой говорили, будто она превосходит всякое воображение.

Но времена были скучными, дела шли не очень хорошо, и Иньянне пока не попадались охотники приобрести ее лавку, а кроме того, Велатхус, пусть даже и опостылевший, был родиной для многих поколений ее семьи, и покинуть его просто так было нелегко. Каждое утро она поднималась с рассветом, выходила на маленькую, облицованную камнем террасу и умывалась в каменном чане с дождевой водой, которую специально собирала и хранила для купанья, потом одевалась, завтракала сушеной рыбой с вином, спускалась по лестнице и открывала лавку.

Торговала она самыми обыденными товарами: застежками для одежды, глиняными горшками с южного побережья, бочонками с пряностями и прессованными фруктами, кувшинами с вином, острыми ножовками Нарабала и дорогостоящими вырезками мяса морских драконов, сверкающими изящными фонариками, сделанными в Нарабале, и другим подобным товаром. Помимо ее лавки, в Велатхусе был еще десяток точно таких же, и ни одна особо не процветала. После смерти матери Иньянне приходилось вести счета, изобретательно управляться с покупателями, мыть полы и полировать прилавки, заполнять правительственные бланки и разрешения на торговлю — и она устала от всего этого. Но что толку? Она была ничем не примечательной девушкой в ничем не примечательном дождливом предгорном городке и никогда по-настоящему не расчитывала на какие-либо перемены в ближайшем будущем, да и позже.

Покупателей-людей было немного. За десятилетия этот район Велатхуса заполонили хьорты и лиимены... и метаморфы, поскольку Пьюрифайн — земли метаморфов — находился сразу за горной цепью на север от города, и значительное число Меняющих Форму просачивалось

в город. Она считала все само собой разумеющимся, даже метаморфов, обычно больше всего заставляющих человека тревожиться. Лишь об одном сожалела Иньянна, что мало видела среди покупателей своих соплеменников, и потому, хоть и была высокой, стройной и привлекательной, выглядевшей чуть ли не мальчишкой, с вьющимися рыжеватыми волосами и поразительно зелеными глазами, она с трудом находила любовников и до сих пор не встретила никого, с кем могла бы разделить жизнь. Конечно, совместное владение лавкой с кем-то намного облегчит труд, но с другой стороны, за это придется расплачиваться свободой, а заодно придется расстаться с мыслью о том времени, когда она избавится от лавки.

Однажды после полуденного дождя в лавку вошли два путника, первые покупатели за весь день. Один был невысокий и толстый — этакий огрызок человека, зато второй — бледный, тощий и длинный, с костлявым лицом, угловатым и бугристым, похожий на некую горную тварь. Оба были одеты в тяжелые белые туники с ярко-оранжевыми кушаками, а покрой одежды наводил на мысль о больших городах севера. Они оглядели помещение быстрыми презрительными взглядами так, что было видно, что они привыкли к иному уровню торговли. Потом коротышка осведомился:

— Вы Иньянна Форлейн?

— Я.

Он справился по бумажке, которую держал в руке.

— Дочь Форлейн Хаурон дочери Хаурон Иньянны?

— Вы правы. Могу я спросить...

— Наконец-то! — воскликнул длинный. — Наконец-то этот давний след привел куда надо! Знали бы вы, сколько мы вас искали! Пришлось по реке подниматься до Кантора, потом огибать Долорн, перебираться через проклятые горы — тут когда-нибудь дождь прекращается? — а потом ходить из дома в дом, от лавки к лавке по всему Велатхусу, расспросы, расспросы...

— Вы меня искали?

— Если сумеете удостоверить свое происхождение, то вас.

Иньянна пожала плечами.

— У меня есть документы. Но какое у вас дело?

— Давайте познакомимся, — сказал коротышка. — Я Безан Ормус, а моего товарища зовут Стойг. Мы официалы в штате Понтификса Туевераса из Бюро по наследству в Ни-Мойе. — Из богато отделанного кошелька Безан

Ормус достал связку бумаг, целеустремленно перебрал их и продолжил: — Ваша бабушка была старшей сестрой некоей Сэлин Иньянны, которая на двадцать третий год Понтификса Киннокена при Венценосце Лорде Оссере поселилась в Ни-Мойе, где вышла замуж за Хелмиота Кавона, третьего двоюродного брата Герцога.

Иньянна в изумлении смотрела на них.

— Я ничего не знаю об этом.

— Ничего удивительного,— кивнул Стойг.— Это было несколько поколений назад. Сомневаюсь, чтобы обе ветви вашей семьи поддерживали связь, принимая во внимание разделявшее их богатство.

— Бабушка никогда не упоминала ни о каких богатых родственниках в Ни-Мойе,— заметила Иньянна.

Безан Ормус откашлялся и порылся в бумагах.

— Вполне возможно. У Хелмиота Кавона и Сэлин Иньянны родилось трое детей. Старшая девочка унаследовала семейное состояние. Она погибла на охоте довольно молодой, и богатство перешло к ее единственному сыну Кавону Диламейну, оставшемуся бездетным и умершему в десятый год Понтификса Туевераса, то есть, десять лет назад. С той поры, пока велись поиски наследников, имущество остается без хозяина. Три года...

— Выходит, я наследница?

— Ну да,— вежливо подтвердил Стойг, широко улыбаясь.

Иньянна, давно понявшая, куда клонится разговор, тем не менее, поразилась. Ноги вдруг задрожали, губы и рот пересохли, сбитая с толку, она нечаянно смахнула на пол дорогую вазу, сделанную в Алханроле. Смутившись, она взяла себя в руки и сказала:

— И что же мне предстоит наследовать?

— Огромный дом под названием Ниссиморн Проспект на северном берегу Зимра в Ни-Мойе и три поместья в Долине Стейча, которые сданы в аренду и приносят прибыль,— ответил Стойг.

— Мы вас поздравляем,— сказал Безан Ормус.

— И я вас поздравляю,— откликнулась Иньянна,— с окончанием девятилетних поисков. Благодарю вас. А сейчас, если вы не хотите чего-нибудь купить, прошу вас пройти со мной и показать ваши бумаги, свидетельства и...

— Вы скептик,— заметил Безан Ормус,— все правильно. Мы явились с фантастической историей, и вы вправе отнестись к ней с недоверием. Но смотрите, мы из Ни-Мойе. Неужели бы мы потащились за тысячи миль в Велатхус

пошутить с лавочницей? Теперь взгляните сюда.— Он развернул связку бумаг и протянул Иньянне. Она приняла их подрагивающими руками и осмотрела. Картина большого особняка и подборка документов о наследстве и генеалогии, бумаги с печатью Понтификса и вписанным в них ее именем...

Она смотрела, ошеломленная.

Потом спросила слабым голосом:

— Что я должна теперь делать?

— Порядок совершенно обычный: вам следует написать и зарегистрировать письменное показание под присягой, что вы действительно Иньянна Форлейн, а также подписать обязательство на уплату налога с имущества, с накопленных доходов, раз уж вы вступаете во владение. Еще вы должны уплатить гонорар за регистрацию вашего вступления во владение наследством. Если хотите, можем вам помочь.

— Гонорар за регистрацию?

— О, всего несколько ройялов.

— Я могу их выплатить из доходов с полученного имущества?

— К сожалению, нет,— покачал головой Безан Ормус.— Деньги необходимо уплатить до того, как вы вступите во владение наследством, и, разумеется, вы не получите доступа к доходам с поместий, пока не зарегистрируете официально свои права, так что...

— Формальность, конечно, досадная,— перебил его Стойг,— но пустячная, если смотреть в будущее.

Глава 2

Все говорили, что гонорар за регистрацию составит двадцать ройялов. Для Иньянны это была огромная сумма, почти все ее сбережения, но просмотр документации показал, что одни только доходы с ферм составляют девятьсот ройялов в год, а ведь были еще другие доходы — с особняка, капитала...

Безан Ормус и Стойг оказали неоценимую помощь в оформлении всех формальностей. Весь день они просидели в маленькой конторке, приводя в порядок ее дела, скрепляя документы производящей впечатление печатью Понтификса. Потом она пригласила их отпраздновать событие в таверне у подножия холмов несколькими фляжками вина. Там Стойг настойчиво отталкивал руку

Иньянны, желая расплатиться сам. Они наслаждались отменным вином из Пидруда по полкроны за фляжку. Иньянна поражалась его расточительности — сама она обычно пила вино намного дешевле,— но потом вспомнила о грядущем богатстве и, когда фляжка опустела, заказала еще одну.

В переполненной таверне сидели в основном хьорты и лиимены, было несколько скандаров, и чиновники с севера выглядели несколько непривычно среди всех этих нелюдей. Время от времени то один, то второй зажимали носы, будто их беспокоил запах чужаков. Иньянна старалась их развеселить разговором о том, как она благодарна, что они разыскали ее в этом забытом Дивине Велатхусе.

— Но ведь это наша работа,— протестовал Безан Ормус.— В этом мире мы служим Дивине, распутывая хитросплетения жизни. Закон и справедливость требуют, чтобы владелец вступил во владение особняком и принадлежащими ему землями. На нас лишь пала приятная обязанность исполнить это.

— Все верно,— согласилась Иньянна, подливая в бокалы вина и чуть ли не кокетливо подавая его то одному, то другому.— Но ради меня вы перенесли тяготы большого путешествия, и я всегда буду вам обязана. Я закажу еще фляжку?

Было совсем темно, когда они наконец покинули таверну. В свете висевших на небе лун горный хребет, опоясывающий город, вернее, вытянутые клыки великого Конгарского Кольца, казались зубчатыми колоннами черного льда в холодном блеске. Иньянна показала гостям ночлежку, притулившуюся на краю Площади Деккерета, и в винном опьянении даже пригласила их к себе на ночлег. Но те, очевидно, не стремились к этому, и они распрощались.

Чуть пошатываясь, она поднялась к своему дому и вышла на террасу подышать ночным воздухом. В голове били молоточки. Слишком много вина, слишком много болтовни, слишком много неожиданных вестей. Она смотрела на свой городок. На эти небольшие с оштукатуренными стенами домишки, крытые черепицей, парочку обтрепанных парковых полос, несколько площадей и особняков, на герцогский ветхий дворец, примыкавший к городу с востока, на дорогу, поясом окружавшую город,— она видела все это со своего гнезда на вершине холма над склонами чаши Основы Велатхуса. Прощай!

«Не безобразный, не любимый город,— подумала она,— просто место — тихое, спокойное, холодное, ленивое, заурядное место, известное мраморными разработками и искусными каменщиками, захолустный городок на захолустном континенте. Но теперь в ее жизнь вторглось чудо, и казалось нестерпимым провести здесь хоть один лишний час, когда ждет сияющий Ни-Мойе... Ни-Мойе! Ни-Мойе!»

Спала она беспокойно и урывками...

Утром встретилась с Безаном Ормусом и Стойгом в нотариальной конторе позади банка и вытрясла из своего кошелька полновесные ройялы, большей частью старые, и даже очень старые, с изображениями Киннокена, Тимина, Оссера и времен царствования великого Конфалума. Взамен ей выдали один лист бумаги: расписку, извещавшую об уплате двадцати ройялов, которые официалы Безан Ормус и Стойг обязались уплатить за регистрацию передачи наследства. Ей объяснили, что все остальные документы пока останутся у них для утверждения старшим управляющим службы Понтификса, чтобы обрести силу. Но сама она может отправляться в Ни-Мойе и вступать во владение имуществом.

— Приглашаю вас в гости,— величаво сказала Иньянна,— в свои поместья, когда вы захотите.

— О, нет,— мягко произнес Безан Ормус.— Едва ли стоит таким, как мы, надоедать госпоже из Ниссиморн Проспект. Но мы понимаем ваши чувства и благодарим за приглашение.

Иньянна пригласила их отобедать, но Стойг ответил, что им необходимо ехать, работа не ждет, и нужно разыскать других наследников в Нарабале, Тил-Омоне и Пидруде. Пройдет много времени, прежде чем они увидят своих родных в Ни-Мойе. И это означает, спросила она, вдруг встревожившись, что регистрации о передаче наследства не произойдет, пока они не завершат свою поездку?

— Не совсем так,— объяснил Стойг.— Мы сегодня же ночью отправим ваши бумаги с посыльным в Ни-Мойе. Там все сделают. Вам дадут знать из нашего Бюро... ну, скажем, недель через семь-девять.

Она проводила их до гостиницы и подождала снаружи, пока они соберутся, потом смотрела, как они усаживаются во флотер, и махала им вслед, стоя посреди улицы, пока они ехали к шоссе, ведущему на юго-западное побережье. Затем снова открыла лавку.

В полдень заглянули двое покупателей, один приобрел на восемь весов гвоздей, другой попросил три ярда искусственного атласа по шестьдесят весов за ярд, так что доход за весь день не принес и двух крон. Ну и что? Скоро она будет богатой.

Прошел месяц, вести из Ни-Мойе не приходили. Еще месяц — такое же молчание.

Терпение, державшее Иньянну в Велатхусе девятнадцать лет, было терпением безнадежности и неизбежности. Но теперь ее ждали большие перемены, и терпения у нее не осталось. Она нервничала, металась, делала пометки в календаре.

Лето, с практически ежедневными дождями, подошло к концу, и началась сухая живительная осень, когда листья деревьев огненно сверкают у подножия холмов. И ни одной весточки.

Приближалось тяжелое дыхание зимы, и холодные массы воздуха, плывшие с Зимра на юг, пересекали земли метаморфов, становились ледяными резкими горными ветрами. Снега на высоких кольцах Конгара не бывает, и по улицам Велатхуса неслись потоки грязи. Из Ни-Мойе ни слова. Иньянна вспоминала о двадцати ройялах, и страх постепенно начал примешиваться к раздражению в ее душе. Она отметила свое двадцатилетие в одиночестве, выпив немного кислого вина и воображая, как бы повеселилась в такой день в Ниссиморн Проспект. Почему же так долго? Несомненно, Безан Ормус и Стойг, как и обещали, послали документы в службу Понтификса, и, видимо, бумаги ее пылятся в чьем-то столе.

В конце концов, накануне Дня Зимы Иньянна решила отправиться в Ни-Мойе и лично заняться своими делами.

На поездку требовалось немало денег, а у нее осталось лишь небольшое количество ее сбережений. Ей пришлось взять деньги под залог своей лавки у семейства хьортов. Десять ройялов. Сошлись на том, что хьорты будут торговать ее товарами, но выручку брать себе, если же доходы покроют долг прежде, чем она вернется, они будут торговать от ее имени и выплатят впоследствии арендную плату. Договор удовлетворял, в основном, хьортов, но Иньянну это не заботило. Она знала, только никому не говорила, что больше никогда не увидит ни лавки, ни этих хьортов, ни самого Велатхуса. Ее заботило лишь одно — добраться до Ни-Мойе.

Путешествие было долгое. Самый короткий путь от Велатхуса до Ни-Мойе лежал через Пьюрифайн — земли

Меняющих Форму, — а соваться туда было опасно и опрометчиво. Иньянне пришлось воспользоваться длинным кружным путем на запад через Проход Стиамота, затем необходимо было подняться по длинной и широкой долине, так называемой Долорнской Трещине, со стенами в милю высотой, да и после того, как она доберется до Долорна, ей все равно придется пересечь еще половину Зимрола сначала по суше, затем баржей, прежде чем добраться до Ни-Мойе. Но Иньянна видела во всем этом лишь славное приключение, каким бы долгим оно ни казалось. Она никогда нигде не была, только в десятилетнем возрасте мать, дела тогда шли великолепно, отправила ее провести месяц в теплых краях южного Конгара. Другие города были для нее так же недостижимы, как иные планеты. Мать ее однажды побывала в Тил-Омоне, и часто рассказывала об этом, вспоминая город, как место ослепительного солнечного света, золотистого вина и мягкого, никогда не кончающегося лета. Бабушка ее бывала еще дальше, в Нарабале, где сырой и тяжелый воздух облегал тело, как мантия. Но другие города — Пидруд, Пилиплок, Долорн, Ни-Мойе... — были для нее лишь названиями на карте, а мысль об океане вообще за пределами воображения, и она никак не могла душой поверить в материк за океаном с десятью громадными городами — такими же, как самый большой город Зимрола, с тысячами миллионов жителей, ей не верилось, что где-то есть место под землей, именуемое Лабиринтом, и Гора тридцатимильной высоты. Размышления над подобными вещами ничего, кроме головной боли, у нее не вызывали. Внушающая благоговейный страх непостижимость Маджипура была слишком велика для нее, один только раз выезжавшей за пределы Велатхуса.

Иньянна обратила внимание на очаровательную перемену воздуха, когда большой пассажирский флотер спускался к западным равнинам у горного хребта. Внизу еще была зима с быстрыми короткими днями и бледным зеленоватым светом солнца, но ветра были уже нежными и густыми, напоенными душистым ароматом, без зимней зябкой пронизывающей стужи. Она с удивлением увидела, что почва тут плотная, но рассыпчатая и губчатая, совершенно не похожая на мелкие искристые камешки вокруг ее дома, а растянувшиеся на многие мили красноватые оттенки казались просто поразительными. Деревья и растения были совсем другими, с толстыми блестящими листьями, летали птицы с незнакомым опереньем. А тя-

нувшиеся вдоль дороги городки и фермерские деревеньки казались воздушными и открытыми, ничуть не похожими на угрюмый и тяжелый Велатхус. И страшно непривычно было не видеть со всех сторон гор, как в Велатхусе, гнездящемся на груди Конгара. Сейчас она ехала по широкому плато между горной цепью и далекой береговой линией и, когда смотрела на запад, могла видеть так далеко, что ее почти пугала неограниченная перспектива, уходящая в бесконечность. С другой стороны находился Откос Венценосца, внешняя стена горной цепи, но даже и он был необычен — единый, сплошной угрюмый вертикальный барьер, лишь изредка разделяющийся на отдельные пики и тянувшийся на север насколько хватало глаз.

Постепенно местность менялась, и Откос отдалялся по мере продвижения дальше на север, к верхнему краю Долорнского Раскола. Здесь колоссальную впадину долины покрывали гипсовые отложения, и вереница холмов была белой, словно усыпанной инеем. Скалы внушали страх таинственным холодным сиянием. В школе она учила, что город Долорн целиком отстроен из этого минерала, и видела его изображения: шпили, арки, хрустальные фасады зданий, пылающих ледяным пламенем в свете дня. Ей тогда показалось все это просто сказкой, как рассказы о Старой Земле, откуда, как утверждали, пришло сюда человечество. И вот в один зимний день Иньянна обнаружила, что смотрит на предместья настоящего Долорна и видит, что сказка эта вовсе не сказка. Долорн оказался гораздо прекрасней и необычней, чем она могла даже вообразить. Казалось, он сиял собственным внутренним светом в то время, как солнечный свет, преломленный, рассеянный, отклоненный мириадами углов и граней надменных причудливых зданий, падал сверкающим ливнем на улицы.

Такой это был город! Рядом с ним, мелькнуло у Иньянны в голове, Велатхус выглядит чурбаном. Она бы осталась здесь на месяц, год, навсегда и бродила бы по улицам, любуясь башнями и мостами, заглядывая в дома, так не похожие на ее собственный. Эти толпы змееподобных — это был город чаурогов — похожих на рептилий чужаков и немногих представителей иных племен двигались по улицам с целеустремленностью, совершенно незнакомой простым горцам. Эти светящиеся афиши, возвещающие о представлениях в знаменитом Непрерывном Цирке Долорна; эти элегантные рестораны, отели, парки — все внушало Иньянне благоговение. Несомненно, ничто на Маджипуре не могло сравниться с этим местом!

Да, могли сказать, что Ни-Мойе намного больше, а Сти больше обоих, да еще знаменитый Пилиплок и порт Алайсор, и еще многие, многие... И все равно!

Но в Долорне она провела всего полдня, пока садились новые пассажиры, а флотер готовили к следующему этапу путешествия. И день спустя, когда миновали леса между Долорном и Мазадоном, она вдруг поняла, что не уверена, видела ли Долорн на самом деле или во сне.

С той поры удивительное окружало ее постоянно: места с багряным воздухом и деревьями выше холмов, заросли поющих папоротников. Потом потянулась длинная вереница скучных, неотличимых друг от друга городов: Кунтион, Мазадон, Тагобар и прочие. Пассажиры садились и выходили, водители флотера сменялись примерно каждые девятьсот миль, и только Иньянна, девчонка из захолустного городка, продолжала ехать, разглядывая мир с замирающим сердцем. Изредка попадались гейзеры, горячие озера и прочие термальные чудеса, и наконец показался город в центре континента, огромный город Кантор, от которого по реке был прямой путь до Ни-Мойе. Зимр напоминал море, потому что с одного его берега было просто невозможно разглядеть другой невооруженным глазом. Иньянна знала только горные речки, быстрые и узкие, они не подготовили ее к огромной извивающейся массе темной воды, которая была Зимром.

По груди этого монстра Иньянна плыла теперь недели, минуя Вирф и Стрейн, Лагоменфикс и еще пятьдесят городов, чьи названия ей ничего не говорили. Баржа стала для нее целым миром. В долине Зимра времена года почти не отличались друг от друга, и легко было потерять ощущение времени. Казалось, стоит весна, хотя она знала, что должно быть лето, и позднее лето, поскольку в путешествие она пустилась более полугода назад. Возможно, поездка никогда не кончится, возможно, самой судьбой ей назначено ехать с места на место, ничего не испытывая и приближаясь к бесконечности. Все было хорошо. Она стала забывать себя. Где-то вдали осталась ее лавка, где-то вдали осталась молодая женщина Иньянна Форлейн — все растворилось в нескончаемом движении.

Но однажды в каком-то сотом из новых городов начали проглядываться берега Зимра, а потом на борту баржи сделалось оживленно, и все бросились к поручням, вглядываясь в туманную даль. До Иньянны доносилось бормотание: «Ни-Мойе, Ни-Мойе!..» — и она поняла, что ее путешествие подошло к концу.

Глава 3

У нее хватило сметки понять, что оценить Ни-Мойе в первый же день все равно, что считать звезды. Это была столица провинции в двадцать раз больше Велатхуса, раскинувшаяся по обоим берегам необъятного Зимра, и она чувствовала, что можно прожить здесь всю жизнь, но все равно не сможешь обходиться без Карты. Очень хорошо. Она решительно запретила себе восхищаться чрезмерностью всего увиденного. Она завоюет город постепенно, шаг за шагом, а этим хладнокровным решением начнется ее преображение в настоящую жительницу Ни-Мойе.

Как бы там ни было, предстояло еще сделать первый шаг. Баржа причалила, кажется, к южному берегу Зимра. Подхватив небольшой чемоданчик, Иньянна смотрела на колоссальную поверхность воды — Зимр здесь разбухал от впадения нескольких больших притоков — и видела города на берегу. Какой из них — Ни-Мойе? Где находится представительство Понтификса? Как ей отыскать свои поместья и особняк? Светящиеся знаки указывали на паромы, но пункты их назначения ничего ей не говорили: Гимбелия, Истмоу, Стрилейн и Набережная Виста. В конце концов она решила, что это пригороды или... районы, потому что не было ни одного знака, указывающего на паром до Ни-Мойе.

— Заблудились? — произнес тонкий ехидный голос.

Иньянна обернулась и увидела девушку года на два-три моложе ее самой с замаранным лицом и волосами, причудливо окрашенными в лавандовый цвет. Гордость или, скорее, застенчивость заставила Иньянну резко покачать головой и отвернуться с заалевшими щеками.

— За окном билетной кассы справочник,— сказала девушка и исчезла в толпе спешивших на паромы пассажиров.

Иньянна влилась в очередь к справочнику и, постояв немного, добралась до кабинки, где нажала контакт.

— Справочник,— раздался голос.

— Представительство Понтификса, Бюро по наследованию,— сказала Иньянна.

— Такое бюро не зарегистрировано.

Иньянна нахмурилась.

— Тогда представительство службы Понтификса.

— 653, Прогулочная Родамаунтская, Стрилейн.

Немного встревожившись, она купила билет на паром до Стрилейна — крона и двадцать весов. У нее осталось

ровно два ройяла, которых, возможно, хватит прожить недели две в столь дорогом городе. А после? Ты наследница, сказала она себе и поднялась на борт парома. Но все равно ее не покидало чувство тревожного удивления — почему не значится в списке справочника Бюро по наследованию?

Был полдень. Паром, дав гудок, спокойно скользнул от пирса. Иньянна вцепилась в поручень, всматриваясь в удивительный город на противоположном берегу, где здания сияющими белыми башнями с плоскими крышами поднимались этажами к краю нежно-зеленеющих холмов на севере. Карта была вмонтирована в опору возле трапа на нижнюю палубу. Иньянна внимательно изучала ее: Стрилейн оказался центральным районом, начинавшимся от пристани парома, которая и называлась Ниссиморн. Люди Понтификса говорили, что ее владения находятся на северном берегу, следовательно, это должно быть в самом Стрилейне, где-нибудь в парковой зоне набережной к северо-востоку. Гимбелия была западным предместьем, отделенным от Стрилейна многочисленными мостами через приток Зимра. Истмоу располагался на востоке. С юга текла река Стейч, такая же широкая, как сам Зимр, и города по ее берегам назывались...

— В первый раз здесь? — Это была снова девушка с лавандовыми волосами.

Иньянна нервно улыбнулась.

— Да. Я из Велатхуса. Провинция...

— Ты, кажется, меня боишься?

— Я? С чего бы?

— Не знаю. Я не кусаюсь и даже не собираюсь тебя облапошить. Меня зовут Лилэйв, я воровка на Большом Базаре.

— Кто?

— Вполне законная профессия. И уважаемая. Правда, патент нам не дают, но и сильно не мешают, и у нас все как в настоящей гильдии. Я сейчас из Лагомендина, толкала добытые шмотки своему дяде. Ты мне почему-то понравилась, или я слишком распущена?

— Нет,— улыбнулась Иньянна.— Просто я долго ехала одна и, наверное, разучилась разговаривать с людьми.— Она заставила себя улыбнуться еще раз.— Ты в самом деле воровка?

— Да, но не карманник. Слушай, ты так взволнована! Как тебя зовут?

— Иньянна Форлейн.

— Хм, у меня раньше не было знакомых Иньянн. И ты проделала путь от Велатхуса до Ни-Мойе? Зачем?

— Получить наследство,— объяснила Иньянна.— Имущество сына бабушкиной сестры. Особняк Ниссиморн Проспект на северном...

Лилэйв хихикнула. Она попыталась удержаться, и щеки ее надулись. Тогда она закашлялась, прикрывая рот рукой и трясясь от смеха. Правда, она быстро взяла себя в руки, и выражение откровенного веселья на ее лице сменилось нежной жалостью.

— Значит, ты из семьи Герцога? Я приношу свои извинения, госпожа, за столь вольное обращение к вам.

— Из семьи Герцога? Нет, конечно. С чего ты...

— Ниссиморн Проспект — владение Галайна, младшего брата Герцога.

Иньянна покачала головой.

— Нет, бабушкиной сестры...

— Дурочка, к тебе даже в карман лезть не стоит, кто-то его уже обчистил.

Иньянна вцепилась в свой чемодан.

— Нет,— усмехнулась Лилэйв.— Я хочу сказать, что тебя облапошили, если ты думаешь, будто стала владелицей Ниссиморн Проспект.

— Я сама видела бумаги с печатью Понтификса. Два человека лично доставили их из Ни-Мойе в Велатхус. Может быть, я деревенщина, но не такая дура, чтобы пуститься в такую даль без доказательств. Я подозревала, да, но видела официальные документы. Я даже заплатила двадцать ройялов налога за регистрацию, и все бумаги подписаны.

— Ты где остановилась в Стрилейне?— перебила ее Лилэйв.

— Я еще не думала. В гостинице, наверное.

— Побереги кроны, они тебе понадобятся. Мы устроим тебя у себя на Базаре, а утром навестишь прокторов. Может, они сумеют вернуть что-нибудь из потерянного.

Глава 4

Итак, она стала жертвой мошенников, как и подозревала с самого начала. В приятный мотив вторгся тревожный гул, но она не захотела прислушиваться к нему, и даже сейчас, когда он перерос в рев, она заставляла себя оставаться невозмутимой. Эта распущенная девчонка,

убеждала себя Иньянна, эта похваляющаяся базарная воровка просто не доверяет тем, кто живет рядом с ней, и оттого видит мошенничество повсюду, даже там, где его нет. Иньянна понимала, что уверять себя в этом глупо, но было бессмысленно сразу стенать и плакать, возможно, несмотря ни на что, она все-таки имеет какое-то отношение к семье Герцога, или просто Лилэйв смутилась от своего панибратства с богатой женщиной, но даже если она *действительно свалилась в Ни-Мойе по дурости*, то все же она здесь, в Ни-Мойе, а не в Велатхусе, а это сам по себе приятный факт.

Когда паром пришвартовался у пирса, Иньянна впервые увидела вблизи центр Ни-Мойе: сияющие белые башни подходили почти к самому краю воды, взметнувшись так круто и резко, что казались неустойчивыми, и с трудом верилось, что они не рухнут в реку.

Спускалась ночь. Огни сияли повсюду. Иньянна оставалась спокойной, как во сне. Я дома, твердила она себе снова и снова. Я дома, этот город — мой дом, и я чувствую себя здесь, как дома. И все-таки, несмотря на это, она старалась держаться поближе к Лилэйв, пока они пробирались через толпы прибывших и поднимались по проходу на улицу.

В воротах пристани стояли три огромные металлические птицы с драгоценными камнями вместо глаз — гихорны. Приглядевшись, Иньянна поняла, что гихорн только один; вторым стоял большой и глупый длинноногий хазенмарл; третью — с громадным изогнутым, как серп, клювом — Иньянна не знала.

— Герб города, — объяснила Лилэйв, перехватив взгляд Иньянны. — Ты их повсюду увидишь. Идиотская затея, да еще с драгоценностями вместо глаз.

— И никто их не украл?

— Была бы у меня сила, я бы их выковыряла. Но вообще-то они тысячи лет приносят счастье, и болтают, будто без них метаморфы восстанут, вышвырнут нас, башни рухнут, ну и прочий вздор.

— Но если в легенды не верят, почему их не украдут?

Лилэйв рассмеялась коротким фыркающим смехом:

— Кто же их купит? Какой торговец не знает, откуда они, да и Король Снов начнет терзать, пока не взвоешь. Я лучше карман цветными стеклами набью, чем глазами птиц Ни-Мойе. Идем сюда! — Она открыла дверцу маленького городского флотера, стоявшего за воротами пристани, и толкнула Иньянну на сиденье. Устроившись

рядом, она быстро простучала код на кассе флотера, и маленькой экипаж тронулся с места.— Поблагодари своего родственника, что не идешь сейчас пешком,— ухмыльнулась она.

— Что? Кого?

— Галайна, брата Герцога. Я расплатилась его кодом: его разузнали в прошлом месяце, и многие из наших ездят свободно по городу, правда, до тех пор, пока счета за поездки не попадут к его секретарю, тогда код сменят. Но до тех пор... понимаешь?

— Видимо, я очень наивна,— отозвалась Иньянна.— Я до сих пор верю, что Властительница и Король Снов видят наши прегрешения и шлют послания, предостерегающие от таких поступков.

— Так ведь и мы верим,— кивнула Лилэйв.— Убей кого-нибудь, и ты узнаешь Короля Снов! Но сколько народу на Маджипуре? Восемнадцать миллиардов? Тридцать? Пятьдесят? И ты думаешь, у Короля есть время заниматься каждым, кому взбредет бесплатно прокатиться на флотере?

— Ну...

— Или теми, кто всучивает чужие дворцы?

Щеки Иньянны вспыхнули, она резко отвернулась.

— Куда мы едем? — спросила она тихо.

— Уже приехали. Большой Базар. Вылезай.

Иньянна вышла за Лилэйв на широкую площадь, огражденную с трех сторон невысокими башенками, а с четвертой — приземистым низким зданием, к фасаду которого вело множество мелких каменных ступенек. Сотни, если не тысячи, горожан в красивых белых туниках Ни-Мойе целой рекой вытекали из-под арки здания, увенчанной тремя гербовыми птицами.

— Пидрудские ворота,— сказала Лилэйв,— а вообще здесь тринадцать квадратных миль под землей, правда, не очень глубоко, похоже на Лабиринт, да? Он под улицами центрального района, кстати, сюда можно попасть и из некоторых зданий. Можно сказать, город в городе. Наши живут тут сотни лет. Мы потомственные воры. Без нас торговцам пришлось бы хуже.

— Я держала лавку в Велатхусе. У нас там нет воров, да, по-моему, у нас в них особой нужды не было,— сухо отозвалась Иньянна, пока они спускались по ступенькам к воротам Большого Базара.

— Здесь по-другому,— заметила Лилэйв.

Базар тянулся во все стороны путаницей пассажей, сводчатых ниш, проходов, тоннелей и галерей, ярко ос-

вещенных, разделяющихся и подразделяющихся на бесконечные маленькие лавки. «Небо» над головой было затянуто желтой искрящейся тканью, светящейся собственным внутренним светом. Одно это поразило Иньянну больше, чем все, что ей уже довелось здесь увидеть: она сама недавно продавала в лавке искристую ткань по три ройяла за рулон, а такого рулона едва-едва хватало на отделку небольшой комнаты. Душа ее дрогнула перед мыслью о пятнадцати квадратных милях этого материала, а в уме она тщетно пыталась прикинуть стоимость. Да, подобные излишества можно было встретить только смехом.

Они шли внутрь. Одна маленькая улочка, казалось, ничем не отличалась от предыдущей, и на каждой суматоха, суета у лавок с фарфором, материей, столовыми принадлежностями, одеждой, фруктами и мясом, зеленью и лакомствами; повсюду винные палатки и лавки со специями, галереи с драгоценностями; везде продавали жареную колбасу, сушеную рыбу и прочие закуски. Лилэйв знала точно, куда сворачивать на развилках, какой из бесчисленных одинаковых проходов куда ведет; она шла решительно и быстро, лишь время от времени задерживаясь, чтобы прихватить на обед то кусок рыбы, то фляжку вина, которые мастерски стягивала с прилавков. Несколько раз торговцы замечали ее проделки, но лишь улыбались.

Заинтригованная Иньянна спросила:

— Почему они не возмущаются?

— Они меня знают. Я ведь тебе говорила, нас, воров, здесь уважают. Мы им необходимы.

— Не понимаю.

— Мы поддерживаем на Базаре порядок. Никто не ворует тут кроме нас, а мы берем лишь самое необходимое, и к тому же не пускаем сюда залетных любителей. Каково бы им пришлось, если бы каждый из десяти в этих толпах набивал бы свою сумку краденым товаром. А мы их останавливаем. Сколько нас, известно всем. Понимаешь, мы вроде сборщиков налогов...Стой! — Последние слова относились не к Иньянне, а к мальчишке лет двенадцати, черноволосому и скользкому, как угорь, который рылся среди охотничьих ножей в открытом ящике прилавка. Быстрым рывком Лилэйв поймала мальчишку за руку и тем же движением схватила щупальце вруона, стоявшего в нескольких футах в тени. Иньянна услышала, как она заговорила пронзительным голосом, но не могла разобрать ни слова; стычка мгновенно завершилась, и вруон с мальчишкой улизнули.

— Что случилось? — не поняла Иньянна.

— Ножи таскали. Мальчишка передавал их вруону. Я им предложила убраться, и поскорее, или мои братья отрежут вруону щупальца и накормят ими мальчишку.

— Неужели такое делают?

— Нет, конечно, но ведь они-то этого не знают. Им известно, что лишь уважаемые и известные воры крадут на Базаре. Мы здесь, как прокторы и... Вот здесь мы живем. Ты мой гость.

Глава 5

Лилэйв жила в комнате, отделанной белым камнем, которая была одной из семи или восьми таких же комнат, расположенных под частью Большого Базара, отданной торговцам сырами и маслом. Потайная дверца и веревочная лестница вели в подземные помещения, и в ту минуту, когда Иньянна начала спускаться вниз, дверца захлопнулась, отрезав невыносимый шум Базара, и лишь приятный запах красного стойвизарского сыра, пропитавший каменные стены, напоминал о том, что находится над головой.

— Наша берлога, — объявила Лилэйв, просвистела какую-то мелодию, и из комнат появились люди, оборванные, плутоватые, тощие, очень похожие на Лилэйв, будто вылепленные по одной копии.

— Мои братья Силэйн и Ханэйн, — принялась перечислять Лилэйв. — Моя сестра Медилл Фарэйн. Мои двоюродные братья Авэйн и Атэйн. А это мой дядя Агормэйл, глава нашего клана.

— Дядя, это Иньянна Форлейн из Велатхуса, которой продали Ниссиморн Проспект два плута за двадцать ройялов. Я ее встретила на барже, пусть живет у нас и станет вором.

Иньянна задохнулась.

— Я...

Агормэйл напыщенно сделал жест благословения.

— Будьте одним из нас. Вы можете носить мужскую одежду?

Сбитая с толку Иньянна сказала:

— Да, но я не...

— У меня есть младший брат, он тоже в нашей гильдии, но живет в Авандройне среди Меняющих Форму и не был в Ни-Мойе несколько лет. Вы возьмете его имя

и займете его место. Так, пожалуй, проще... Дайте-ка мне ваши руки.— Она послушно протянула руки. Ладони ее были влажными и мягкими. Он посмотрел в ее глаза и произнес низким напряженным голосом: — Ваша настоящая жизнь только начинается. Все, что происходило прежде, было только сном. Теперь вы вор, и ваше имя — Калибай.

Он моргнул и добавил:

— А двадцать ройялов совсем недорого за Ниссиморн Проспект.

— Это была лишь плата за регистрацию наследства,— сказала Иньянна.— Они уверяли меня, будто я должна получить наследство от бабушки.

— Ну если так, вы устроите нам грандиозное празднество за гостеприимство, согласны? — Агормэйл засмеялся.— Авэйн, вина! Силэйн, Ханэйн, найдите одежду дяде Калибаю. Эй, кто-нибудь, музыку! Покажем нашу жизнь новичку. Медилл, постели гостю.— Маленький человечек важно приплясывал, отдавая приказания.

Иньянна, смущенная его неистовой энергией, приняла чашу с вином, позволила одному из братьев Лилэйв примерить на себя тунику, с трудом пыталась удержать в памяти поток имен.

В комнате теперь собрались прочие местные обитатели, в основном — люди, три серолицых хьорта и, к изумлению Иньянны, двое молчаливых метаморфов. Хоть она и привыкла иметь дело с ними в своей лавке, Иньянна не ожидала, что семья Лилэйв ютится под одной крышей с загадочными туземцами. Но, подумала она, может быть, воры-метаморфы и сами считаются париями среди своих сородичей и потому помогают остальным гильдиям воров.

Импровизированная вечеринка продолжалась несколько часов. Воры, кажется, соперничали между собой, стараясь привлечь ее внимание: ей дарили маленькие безделушки, рассказывали сплетни, приглашали танцевать. Раньше бывшей лавочнице воры представлялись естественными врагами, но эти люди, оборванные и отвергнутые, были дружелюбны и открыты. У Иньянны и в мыслях не было присоединиться к их профессии, но понимала, что судьба могла отнестись к ней и гораздо хуже, чем просто ввергнуть в племя Лилэйв.

Спала она урывками и несколько раз просыпалась, не понимая, где находится, но в конце концов усталость взяла свое и она погрузилась в глубокий сон. Обычно ее будил рассвет, но он не заглядывал в эту пещеру, и, когда она проснулась, мог быть любой час дня или ночи.

Лилэйв улыбнулась ей.

— Ты, должно быть, ужасно устала?

— Я долго спала?

— Ну, пока не выспалась.

Иньянна огляделась — вокруг были следы вечеринки: пустые фляжки, чаши, тарелки, предметы туалета, не было только воров. Они на утреннем промысле, объяснила Лилэйв. Она показала Иньянне, где можно умыться и привести себя в порядок, после чего они поднялись по веревочной лестнице и окунулись в водоворот Большого Базара.

День был такой же оживленный, как и предыдущий, но теперь все казалось менее сказочным — и ткань не такая яркая, и атмосфера не так заряжена электричеством. Обычный, хоть и большой, переполненный толпой рынок — сегодня он не казался Иньянне загадочной вселенной.

Они немного задержались, чтобы украсть еды на завтрак с трех-четырех прилавков, причем Лилэйв занималась этим откровенно, бесстыдно, и походя смеялась над смущением Иньянны, которая только уверовала еще больше, что ей никогда не сделаться воровкой, а затем, продолжая шагать по невероятно путанным лабиринтам Базара, они вдруг вырвались на чистый живительный воздух открытого мира.

— Мы вышли из Пилиплокских ворот,— заметила Лилэйв.— Отсюда ближе всего до представительства Понтификса.

Путь оказался недолгим, но ошеломляющим: вокруг, в каждом уголке, таились новые чудеса. На одном из великолепных бульваров Иньянна обратила внимание на поток яркого сияния, словно второе солнце, тянувшийся из мостовой. Лилэйв объяснила, что это начинается Хрустальный Бульвар, сияющий днем и ночью, когда освещается фонарями. С другой улицы она увидела то, что могло быть только дворцом Герцога Ни-Мойе, устроившегося на востоке города в месте, где Зимр резко поворачивается, загибаясь к югу; он выглядел копьем, и стеклянным и каменным одновременно, покоящимся на многочисленных колоннах, огромный даже на таком большом расстоянии, окруженный парком, настоящим ковром зелени. Еще один поворот, и Иньянна увидела нечто, похожее на распущенную стеклянно-хрустальную паутину неведомого насекомого, подвешенную над необъятно широкой аллеей. «Паутинная Галерея,— хмыкнула Лилэйв.— Тут товары по карману только богачам. Может, и ты

когда-нибудь будешь сорить ройялами в здешних лавках... Вот и пришли — Прогулочная Родамаунтская. Сейчас разузнаем о твоем наследстве».

Улица круто заворачивала к безликим башням одинаковой высоты, а потом шла в противоположную сторону к невысоким, зато огромным зданиям, очевидно, правительственным учреждениям. Иньянна была подавлена этим сложнейшим комплексом контор, и она могла бы несколько часов пробродить снаружи в смущении, но Лилэйв, не испытывавшая никакого смущения, быстро расспросила кое-кого и повела Иньянну внутрь по коридорам, почти не уступавшим запутанностью лабиринту Большого Базара; в конце концов Иньянна обнаружила, что сидит в большом и ярко освещенном зале и следит за мелькающими именами на световом табло. Через полчаса появилось и ее имя.

— Там Бюро по наследованию? — спросила она, когда они входили.

— Нет,— буркнула Лилэйв.— Это прокторы. Если кто и сумеет тебе помочь, то только они.

Хьорт с угрюмым обрюзгшим лицом и выпученными глазами, как у всех его соплеменников, попросил изложить суть дела, и Иньянна, поколебавшись сначала, многоречиво выложила свою историю: приехавшие из Ни-Мойе, наследство, двадцать ройялов.

Хьорт, по мере ее рассказа, облокотившись на стол, принялся тереть щеки и, смущая Иньянну, вращать своими огромными шарообразными глазами. Когда Иньянна закончила, он взял расписку и задумчиво пробежался толстыми пальцами по гребню печати Понтификса. Потом мрачно сказал:

— Вы уже девятнадцатая наследница Ниссиморн Проспект, приехавшая за этот год в Ни-Мойе. И боюсь, будет еще больше. Гораздо больше.

— Девятнадцатая?

— По нашим сведениям. Другие могут и не решиться надоедать прокторам рассказами о мошенниках.

— Мошенники? — повторила Иньянна.— Но как? Они мне показывали документы, генеалогическое древо, бумаги с моим именем — неужели они проделали такой путь от Ни-Мойе до Велатхуса, чтобы только выманить у меня двадцать ройялов?

— Почему же только у вас,— отозвался хьорт.— Скорее всего, в Велатхусе обнаружатся еще трое-четверо наследников Ниссиморн Проспект, да пятеро в Нарабале,

семеро в Тил-Омоне и десяток в Пидруде — создать генеалогическое древо да подделать документы труда не составит. Двадцать ройялов от одного, тридцать от другого, приятное времяпровождение, коли не живете на одном месте.

— Но ведь это незаконно!

— Разумеется,— согласился хьорт.

— И Король Снов...

— Накажет их, можете не сомневаться, правда, не сильно, да и мы наложим штраф, когда арестуем. Кстати, вы нам окажете огромную помощь, если составите их описание.

— А мои двадцать ройялов?

Хьорт пожал плечами.

— Значит, нет надежды их вернуть? — настойчиво продолжила Иньянна.

— Никакой.

— Но тогда я потеряю все.

— От имени Понтификса я приношу самые искрение соболезнования.

И это было все.

Выйдя, Иньянна резко бросила Лилэйв:

— Покажи мне Ниссиморн Проспект.

— Но ты убедилась...

— Что он не мой? Конечно. Но я хочу его увидеть. Я хочу знать, что мне продали за двадцать ройялов.

— Зачем тебе это?

— Пожалуйста,— повторила Иньянна.

— Хорошо, идем,— согласилась Лилэйв.

Они снова сели во флотер, как вчера на пристани, и Лилэйв набрала маршрут. Широко раскрытыми глазами Иньянна смотрела вокруг, пока маленький экипаж нес их по величественной Ни-Мойе. В теплом полуденном солнце все казалось омытым светом, и город пылал, но не холодной красотой хрустального Долорна, а трепещущим, чувственным великолепием, отражающимся от каждой омытой белым светом стены и улицы.

Лилэйв вкратце описывала знаменитые места, по которым они проезжали. «Музей Миров,— говорила она, указывая на огромное строение, увенчанное тиарой.— Тут хранятся сокровища тысяч планет, даже кое-что со Старой Земли. А это Палата Колдовства, здесь все о магии и сновидениях. Никогда тут не была. А там — видишь трех птиц, символ города на фронтоне? — Городской Дворец, там живет гражданской мэр».

Они свернули к подножию холмов у реки.

— В этой части гавани плавучие рестораны,— продолжала Лилэйв, обводя панораму широким жестом.— Девять из них как настоящие маленькие островки. Говорят, на каждом подают блюда отдельной провинции Маджипура. Когда-нибудь мы там закусим, в каждом из девяти, а?

Иньянна печально улыбнулась.

— Приятно будет об этом помечтать.

— Не грусти, у нас впереди жизнь, долгая и всякая, а жизнь у вора вполне приличная. В свое время я побродила по всем улицам Ни-Мойе, да и сейчас могу шляться куда и когда захочу, а ты будешь ходить со мной. Между прочим, в Гимбелии есть Парк Мифических чудовищ, там всякие твари, что вымерли давным-давно: сигимоны и галвары, димилионы и все такое прочее, а еще Дом Оперы, где играет оркестр — слыхала о нашем оркестре? Тысяча инструментов, ничего подобного во вселенной, и еще... О, нам сюда!

Они вышли из флотера. Они стояли у речной насыпи, и перед ними лежал Зимр, величайшая река на свете, такая широкая в этой части, что с трудом можно было разобрать противоположный берег, и смутно-смутно проглядывалась зеленая линия Ниссиморна на горизонте. Слева Иньянна увидела забор из металлических копий в два человеческих роста высотой, отстоящих друг от друга на восемь-десять футов и соединенных почти невидимой паутиной, издающей глубокий и зловещий гул. За этой оградой раскинулся удивительно красивый сад с прореженными изящными кустами в золотых, бирюзовых и алых цветах; лужайки были аккуратно пострижены. Чуть подальше земля сада начинала подниматься, сам особняк стоял на скальном выступе, вздымаясь над гаванью — это был поразительной величины дворец, белостенный, по обычаю Ни-Мойе, в который вложили душу и легкость, типичные для здешней архитектуры; порталы и балконы казались парящими в воздухе; уменьшенная копия Герцогского Дворца, который был виден здесь же неподалеку на набережной, величественно взметнувшийся на высоком фундаменте. Ниссиморн Проспект показался Иньянне самым красивым зданием, какое она видела в Ни-Мойе. И это она думала унаследовать! Она засмеялась. Потом побежала вдоль ограды, замерла и снова принялась рассматривать огромный дом, и смех ее лился, словно кто-то сказал ей подлинную правду вселенной, правду, содержащую тайну тайн.

Лилэйв бежала за ней, прося ее остановиться, но Иньянна вновь сорвалась с места, как одержимая. Наконец она очутилась у парадных ворот, где двое слоноподобных скандаров в безупречных белых ливреях стояли на страже, выразительно скрестив руки на груди.

Иньянна продолжала хохотать. Скандары хмурились.

Лилэйв, подбежав сзади, дергала Иньянну за рукав, понуждая убраться, пока не начались неприятности.

— Подожди,— попросила Иньянна, задыхаясь от смеха, и подошла к скандарам.— Вы на службе Галайна?

Они молча смотрели на нее.

— Передайте хозяину,— безмятежно продолжала Иньянна,— что была Иньянна из Велатхуса, осматривала дом, но, к сожалению, не смогла зайти отобедать. Благодарю вас.

— Идем,— прошептала Лилэйв настойчиво.

Гнев начал сменять равнодушие на волосатых лицах огромных стражей. Иньянна грациозно отсалютовала им, вновь согнулась от смеха, кивнула Лилэйв, и они бегом рванулись обратно к флотеру.

Глава 6

Прошло много времени, прежде чем Иньянна вновь увидела в Ни-Мойе свет солнца — теперь она жила жизнью вора в глубинах Большого Базара. Поначалу она и не думала осваивать ремесло Лилэйв и ее семейства, но практичный взгляд на вещи вскоре заставил ее пересмотреть нравственные устои. Она не могла вернуться в Велатхус, да и не хотела после того, как впервые увидела Ни-Мойе. Ничего не ждало ее дома, кроме торговли клеем да гвоздями, поддельным атласом и фонарями из Тил-Омона. Но чтобы оставаться в Ни-Мойе, нужно было искать себе средства на жизнь, а она ничего не умела, разве что торговать, но чтобы торговать и открыть лавку, необходим капитал, которого у нее не было. И довольно скоро, после того как последние деньги были истрачены (она не собиралась жить на милостыню новых друзей, приютивших ее в своем обществе, а иных перспектив у нее не было), ей стала казаться вполне приемлемой воровская жизнь. Пусть она и чужда ее природе, но теперь, ограбленная мошенниками, Иньянна смотрела на вещи немного по-иному, чем раньше. И в конце концов она решилась надеть мужскую одежду — рост у нее был довольно высокий, и костюм она

носила, хоть и неуклюже, но вполне правдоподобно, чтобы сойти за мужчину,— и под именем Калибая, младшего брата главаря Агормэйла, вступила в гильдию воров.

Лилэйв стала ее наставницей. Три дня Иньянна ходила за ней по пятам по Базару и внимательно следила, как девушка с лавандовыми волосами легко снимает с прилавков товар тут и там. Кое-какие приемы оказались довольно грубыми, как, например, примерить плащ в лавке и вдруг исчезнуть в толпе. Некоторые трюки выглядели фокусами, ловкостью рук, а некоторые требовали тщательно разработанного плана. И еще была обязанность пресекать действия воров-любителей. Дважды за три дня Иньянна видела, как это делает Лилэйв — рука на запястье, холодный гнев в глазах, резкий шепот, и в результате страх, извинения, поспешное бегство нарушителей. Иньянна сомневалась, что у нее когда-нибудь хватит смелости поступить так же. Это казалось ей трудней, чем само воровство, а ведь она вовсе не была еще уверена, что сумеет заставить себя воровать.

На четвертый день Лилэйв объявила:

— Принеси мне фляжку с молоком морского дракона и пару фляжек с золотистым вином Пидруда.

— Но ведь они стоят ройял за штуку! — пробормотала перепуганная Иньянна.

— Не может быть!

— Может, лучше начать с колбас?

— Стянуть редкое вино не так уж трудно,— заметила Лилэйв,— и значительно более выгодно.

— Я не готова...

— Ты просто так думаешь. Ты же видела, как это делается, и можешь сделать сама. Боишься ты зря, Иньянна, у тебя душа вора.

— Как ты можешь так говорить! — с ожесточением воскликнула бывшая лавочница.

— Тише, тише, я хотела сказать только приятное.

Иньянна кивнула:

— Пусть так, но ты ошибаешься.

— По-моему, ты себя просто недооцениваешь,— сказала Лилэйв.— Кое-какие черты в твоем характере лучше видны со стороны. Я их заметила, когда ты любовалась Ниссиморн Проспект. Вперед: принеси мне фляжки Пидрудского золотистого и драконьего молока. Хватит болтовни! Ты воровка в нашей гильдии, и нынче твой задел.

Не было возможности избежать этого. Но не было и причины рисковать, проделывая это в одиночку. И

Иньянна попросила Атэйва составить ей компанию. Они вместе отправились на Проход Оссера, где с важным видом вошли в винную палатку — два молодых повесы, решивших купить себе немного радости.

Иньянну охватило странное спокойствие. Она выбросила из головы все мысли, не относящиеся к делу,— о нравственности, о частной собственности или о наказании, тем более, что раньше она была лавочницей, а сейчас хотела пощипать собрата по профессии, и не стоило усложнять ситуацию философскими размышлениями.

За прилавком стоял чаурог: ледяные, никогда не мигающие глаза, чешуйчатая кожа, змеящиеся волосы. Иньянна, стараясь, чтобы голос звучал по возможности проникновенно, поинтересовалась стоимостью молока морского дракона в прозрачном сосуде, в то время как Атэйв копался среди бутылок с дешевым красным вином. Чаурог назвал цену. Иньянна всем видом показала, что шокирована. Чаурог пожал плечами. Иньянна взяла лежавшую сверху на сложенных фляжках прозрачную емкость и, хмурясь, начала рассматривать бледно-голубую жидкость, потом сказала:

— Оно темнее, чем обычно.

— Оно меняется год от года. И у разных драконов молоко разное.

— Но считается, что все должно соответствовать стандарту.

— Результат соответствует,— бросил чаурог с видом, равнозначным человеческому злобному взгляду под деланной улыбкой.— Несколько глотков, человек, и ты сможешь трудиться целую ночь.

— Дайте-ка мне минуту подумать,— попросила Иньянна.— Ройял сумма не малая, независимо от того, какой будет результат.

Это был знак Атэйву. Тот обернулся.

— И эта дрянь из Мазадона действительно стоит три кроны штука? Я уверен, что последние две недели ее продают по две.

— Если найдете по две, покупайте по две,— ответил чаурог.

С хмурым видом Атэйв потянулся, немного наклонившись, словно собирался поставить бутылку на полку, но покачнулся и свалил целый штабель фляжек. Чаурог зашипел от гнева. Атэйв, бормоча извинения, неуклюже попытался поставить все на место, и уронил еще больше. Чаурог встревоженно вскрикнул. Он бросился к товарам, и они с Атэйвом принялись мешать друг другу восста-

навливать порядок, и в то же мгновение Иньянна, запихав фляжку с драконьим молоком под тунику, прибавила к ней две фляжки золотистого и со словами «Я, пожалуй, поищу где-нибудь подешевле» вышла из палатки.

Она с трудом заставляла себя не бежать, хотя щеки ее пылали, и она была уверена, что все прохожие видят в ней воровку, лавочники вот-вот поднимут шум, да и сам чаурог сейчас выскочит следом. Она заставила себя спокойно дойти до угла, где свернула налево и прошла дальше, направляясь к рядам с маслами и сырами, где ее поджидала Лилэйв.

— На,— сказала Иньянна.— Они жгут мне грудь.

— Отлично сработано,— обнадежила ее Лилэйв.— Выпьем нынче ночью золотистого в твою честь.

— И драконьего молока?

— Сохрани его,— серьезно посоветовала девушка.— Выпьешь его с Галайном в ночь, когда тебя пригласят на обед в Ниссиморн Проспект.

Ночью Иньянна несколько часов лежала с открытыми глазами, боясь, что сон принесет послание, а с посланием наказание. Вино выпили, но фляжка драконьего молока лежала у нее под подушкой, и она испытывала желание выскользнуть наружу и вернуть ее чаурогу,— сказывались поколения предков-лавочников. Воровка, думала она, воровка, воровка, я стала воровкой в Ни-Мойе. Почему я так поступила, по какому праву? По праву,— ответила она себе,— такому же, по какому та парочка украла мои двадцать ройялов. Но причем здесь чаурог? Если они украли у меня, а я, оправдываясь этим, краду у него, он что же, пойдет красть в свою очередь? Прости меня, Властительница, подумала она, Король Снов истерзает мою душу. Но, в конце концов, она не могла не спать вечно и уснула, и пришедшие сны были снами чудесными и величавыми, она скользила бестелесно над городскими аллеями, над Хрустальным бульваром, над Музеем Миров, над Палатой Колдовства к Ниссиморн Проспект, где ее принял в объятия брат Герцога. Сон смутил ее, она ни в коем случае не могла видеть в нем наказание. Где же нравственность? Это шло против всего, во что она верила. Получалось так, словно сама судьба предназначила ей быть воровкой. Все, что произошло с ней за минувший год, подводило к этому. Так может, по воле Дивине она стала тем, кем стала. Иньянна улыбнулась своим мыслям. Какой цинизм! Она не может противиться судьбе!

Глава 7

Она крала часто и хорошо. Боязнь попасться прошла через несколько дней. Она свободно расхаживала по Большому Базару, иногда с кем-нибудь, иногда одна, прибирая все, что плохо лежит. Это было так легко, что начинало казаться почти непохожим на преступление, тем более, что Базар был всегда переполнен — население Ни-Мойе, говорили, составляет тридцать миллионов жителей, и, казалось, все они находились на Базаре одновременно. Здесь шумели, торговались, спорили, и Иньянна с удовольствием вносила свою лепту в реку этого бытия.

Большая часть добычи у нее не задерживалась. Профессиональный вор редко хранил у себя что-нибудь, кроме еды, и почти все трофеи немедленно продавались. Эта обязанность лежала на хьортах. Их было трое — Бьорк, Ханх и Мозинхант, — и они входили в широко раскинутую цепь скупщиков краденого, состоявшую в основном из их соплеменников; скупщики быстро и оптом вывозили краденое с базара, а после продавали товары по законным каналам, и зачастую товары возвращались к тем же торговцам, у которых были украдены. Иньянна быстро постигла, какие вещи нужно и можно красть, а какие нет.

Поскольку Иньянна была новичком, ей легко было действовать. Не все торговцы Большого Базара благодушно относились к гильдии воров. Некоторые, зная в лицо Лилэйв, Атэйва, Сидэйна и остальных, приказывали им убираться из своих лавок, едва те там появлялись. Но молодой человек Калибай был неизвестен никому, и Иньянна могла бы обирать лавки в здешнем столпотворении еще несколько лет, прежде чем ее начали бы узнавать.

Опасность подстерегала не столько от владельцев лавок, сколько от воров других семейств Базара. В лицо они ее пока не знали, а глаза у них были намного больше, чем у торговцев, и трижды за первые десять дней ее хватали за руку. Сначала было страшно почувствовать чужую руку на своем запястье, но она никогда не терялась, оставалась спокойной и говорила просто: «Вы нарушаете договоренность. Я Калибай, брат Агормэйла», и слова действовали мгновенно. После третьего случая ее больше не беспокоили.

Но решиться самой на такие действия оказалось гораздо сложнее. Сначала она не умела отличать законных воров от любителей, и не знала, хватать крадущего за руку или нет. Она удивительно легко научилась замечать

кражи, но если рядом не было кого-нибудь из клана Агормэйла, чтобы посоветоваться, она ничего не предпринимала. Разумеется, постепенно она начала узнавать многих законных представителей гильдии, хотя все равно почти каждый день замечала новую фигуру, роющуюся среди товаров, и наконец через несколько недель она решилась, думая, что если наткнется на законного вора, то всегда может извиниться. Суть системы заключалась в том, чтобы не просто красть, но и охранять, и она понимала, что отлынивает от обязанностей.

Первой ее задержанной оказалась угрюмая девушка, воровавшая зелень; говорить Иньянне ничего не пришлось, поскольку девушка в ужасе выронила все и улетучилась. Следующим оказался старейший вор, дальний родственник Агормэйла, который любезно разъяснил Иньянне ее ошибку, зато третий оказался любителем, но не испугался и ответил на увещевания Иньянны руганью и невнятными угрозами. Иньянна холодно заявила, что семь человек следят за ними и немедленно вмешаются в случае затруднений, после чего испарился и этот. Зато дальше она не испытывала сомнений и действовала спокойно и уверенно.

Само по себе воровство больше не тревожило ее совесть. Но в глубине души она ждала мести Короля Снов, считая, что погрязла в грехах, и когда, еще не засыпая, лежала с закрытыми глазами, кошмары и мучения лихорадили душу, но то ли Король Снов не считал мелкие кражи грехом, то ли он и его помощники наказывали за более тяжкие преступления, то ли у него просто не хватало на нее времени, но он не посылал ей посланий. Правда, иногда она видела его во сне — жестокого, старого великана-людоеда, посылавшего дурные вести с обожженного и бесплодного Суврейла, — но в этом не было ничего необычного, поскольку время от времени он появлялся в снах каждому, и это ничего не означало. Иногда Иньянна видела также благословенную Властительницу Острова Снов, нежную мать Венценосца Лорда Малибора, и ей казалось, будто она печально покачивает головой, словно говоря, что горько разочарована своей девочкой Иньянной. Но это выше сил Властительницы — упрекать тех, кто сбился с праведного пути. При таком отсутствии нравственных поправок Иньянна быстро приучилась смотреть на новую профессию, как на что-то обычное.

Со временем она взяла в любовники Сидэйна, старшего брата Лилэйв. Ростом он был ниже Иньянны и так костляв, что обниматься с ним в постели было небезопасно. Но

человек он был мягкий и задумчивый, сносно игравший на карманной арфе и певший старинные баллады чистым воздушным тенором. Чаще всего они ходили теперь на дело вместе, она находила его самым приятным спутником. Пришлось, правда, произвести некоторую перестановку спальных мест в логове Агормэйла, чтобы проводить ночи вместе, но остальные смотрели на это милостиво.

В компании Сидэйна она забредала все дальше и дальше по улицам чудесного города. Часто они за час-два вырабатывали дневную норму и были свободны весь оставшийся день: общая договоренность воров Большого Базара предписывала красть столько, сколько можно было взять. И покончив с делами, Иньянна выходила на улицы Ни-Мойе. Одним из ее любимых мест стал Парк Мифических Чудищ в холмистом пригороде Гимбелия, где она могла часами бродить среди давно вымерших животных, которые царили в своих эрах до появления цивилизации на Маджипуре. Она любовалась шатконогими димилионами, хрупкими длинношеими створчатыми-чомперсами, высотой в два роста скандара, изысканными сигимонами с густо заросшими мехом кончиками хвостов, неуклюжими на вид большеклювыми птицами зампидон, что некогда покрывали небо над Ни-Мойе огромными стаями, а сейчас остались только в Парке. Изобретенные в древние времена механизмы и приспособления заговаривали всякий раз, когда кто-нибудь из прогуливающихся подходил близко к экспонатам, сообщая название и место обитания. Еще в Парке имелись прелестные уединенные поляны, где Иньянна и Сидэйн прогуливались рука об руку в молчании, потому что Сидэйн не был болтуном.

Иногда они катались на лодке, подъезжая к Ниссиморну, а иногда спускались по Зимру до устья Стейча, по которому, если подняться выше, можно было попасть на территорию метаморфов. Но такое путешествие заняло бы слишком много времени, и они добирались лишь до маленькой рыбачьей деревушки Лиименов, к югу от Ниссиморна, где покупали свежей рыбы и устраивали пикник на пляже, плавали и лежали под солнцем. Или безлунными вечерами шли на Хрустальный Бульвар, где вращавшиеся Фонари бросали на мостовую поразительный, постоянно меняющийся свет. Иной раз они обедали в каком-нибудь из плавучих ресторанов, часто прихватывали с собой Лилэйв, которая любила эти места больше других. Каждый островок являл собой миниатюрную копию далекой провинции с ее растительностью и животным

миром, и блюда здесь подавали характерные для нее, например, в ветренном Пилиплоке кормили мясом морских драконов; влажный Нарабал хвалился богатством ягод и сочных папоротников, были кухни огромного Сти, и Стоена, и Пидруда, и Тил-Омона, но только не Велатхуса, что совсем не удивило Иньянну, и даже ни Пьюрифайна, столицы Меняющих Форму, так же как не было и кухни опаленного солнцем Толигая из далекого Суврейла. И Пьюрифайн, и Толигай были местами, о которых большая часть населения Маджипура предпочитала не вспоминать, а Велатхус просто не заслуживал внимания.

Но все имеющиеся островки Иньянна и Сидэйн навещали довольно часто. Еще одним ее любимым местом стала Паутинная Галерея — балкон в милю длиной, повисший высоко над улицами, где находились самые дорогие магазины Ни-Мойе, о которых говорили, что они самые лучшие из всех, имеющихся на Зимроле и даже в Горном Замке. Когда они собирались туда, Иньянна и Сидэйн наряжались в самые богатые одежды, позаимствованные в лучших лавках Большого Базара, не подделываясь, разумеется, под аристократов, но все же наряды были на разряд выше тех, в которых они щеголяли в повседневной жизни. Иньянна снимала костюм Калибая и надевала легкое женское платье, темно-красное с зеленым, распускала длинные золотистые волосы и, легко касаясь кончиками пальцев руки Сидэйна, величественно прогуливалась по Галерее, предаваясь приятным мечтам, пока они рассматривали драгоценности, украшенные перьями маски или шлифованные амулеты и металлические безделушки, только за одну из которых пришлось бы выложить пару пригоршней блестящих ройялов, целое состояние. Иньянна знала, что ни одна из этих вещей никогда не будет принадлежать ей. Воровать, почти не опасаясь, можно было на Большом Базаре, но не здесь.

И в одну из таких прогулок по Паутинной Галерее Иньянна попалась на глаза Галайну, брату Герцога.

Глава 8

Она, конечно, не заметила, что это произошло. В мыслях ее не было ничего, кроме невинного флирта и мечтаний, которым она предавалась, бывая на Галерее. Была полночь позднего лета, и она надела самое легкое свое платье из материи, казавшейся легче паутинки. Они

с Сидэйном зашли в магазинчик, где торговали резьбой по кости морских драконов, поглядеть на необычные, с ноготь величиной, шедевры капитанов-скандаров, вырезавших за время долгих путешествий мельчайшие до неправдоподобия переплетения и красивые завитки на кости, когда четыре человека в мантиях, по которым сразу угадывались аристократы, вошли внутрь. Сидэйн сразу стих в уголке, понимая, что и одежда, и манера ее носить, и стриженые волосы говорят, что он здесь не ровня никому. Но Иньянна, сознавая, что линии ее тела и холодный блеск зеленых глаз могут возместить все отсутствие необходимых манер, дерзко осталась у прилавка. Один из вошедших взглянул на фигурку в ее руке и сказал:

— Купив ее, вы не прогадаете.

— А я не собираюсь ничего покупать,— отозвалась Иньянна.

— Могу я взглянуть?

Она опустила фигурку в его ладонь, и в тот же миг ее глаза бестрепетно встретились с его взглядом. Он улыбнулся, но сразу перевел внимание на резную фигурку, карту-глобус Маджипура, собранную из бесчисленных прилаженных друг к другу кусочков кости. Минуту спустя он бросил владельцу:

— Сколько?

— Дарю,— в тон ему отозвался высокий и суровый чаурог.

— В самом деле? Ну и я вам, тоже,— незнакомец сбросил игрушку в ладонь пораженной Иньянны. Улыбка его стала еще шире.

— Вы из Ни-Мойе? — спросил он.

— Я живу в Стрилейне,— ответила Иньянна.

— Вы часто обедаете в плавучем ресторане Нарабала?

— Когда есть настроение.

— Отлично. Не заглянете ли вы туда завтра вечером? Там будет еще кое-кто, кому не терпится продолжить знакомство.

Скрывая замешательство, Иньянна чуть наклонила голову. Незнакомец с поклоном отвернулся, затем купил три маленькие безделушки, бросил на прилавок мешочек с монетами, и все четверо вышли. Иньянна с изумлением смотрела на изящную фигурку в руке. Сидэйн, возникнув из тени, шепнул:

— Она стоит два десятка ройялов! Продай ее снова хозяину.

— Нет,— отрезала она и повернулась к хозяину.— Кто это был?

— Разве вы с ним не знакомы?

— Иначе я бы на спрашивала.

— Да, да...— чаурог испустил тихий свистящий звук.— Его зовут Дюранд Ливолк, постельничий Герцога.

— А те трое?

— Двое на службе у Герцога, а их товарищ — брат Герцога Галайн.

— О! — прошептала Иньянна. Она протянула резной шарик хозяину.— Можно повесить его на цепочку?

— Одну минуту.

— А цена цепочки будет ему соответствовать?

Чаурог подарил ей долгий оценивающий взгляд.

— Цепочка лишь прилагается к резьбе,— сказал он наконец,— а поскольку сувенир подарен, то с цепочкой будет так же.— Он подобрал изящные золотые звенья к маленькому шарику и упаковал безделушку в коробочку.

— По меньшей мере двадцать пять ройялов с цепочкой,— бормотал пораженный Сидэйн, когда они вышли.— Иньянна, давай зайдем в другой магазин и продадим?

— Это подарок,— холодно ответила она.— Я надену его завтра вечером к обеду на Нарабальском островке.

Она не могла пойти на обед в платье, которое носила вечером, а чтобы найти другое такое же нарядное и воздушное, пришлось потратить два часа на следующее утро в лавках Большого Базара. Наконец она наткнулась на одно, скрывающее наготу чисто символически, однако, окутывающее тело тайной. Она надела его к обеду на Нарабальском островке, глобус висел на цепочке, покоясь в ложбинке между грудей.

В ресторане ее ждали. Сошедшая с парома, она была встречена темным и сосредоточенным вруоном в герцогской ливрее, который провел ее сквозь буйную зелень листвы, виноградных лоз и папоротников в тенистую беседку, уединенную и душистую, находившуюся в той части островка, которая была отрезана густой растительностью от основной площади ресторана. Здесь, за мерцающим столом из полированной древесины ее ждали трое; виноградные лозы образовывали шатер над головой, и с их толстых стеблей свешивалась гигантские шары синих цветов. За столом сидели Дюранд Ливолк, подаривший ей резную безделушку, стройная и темноволосая женщина, такая же гладкая и лоснящаяся, как стол, и человек вдвое старше Иньянны, хрупкого телосложения, с тонкими

поджатыми губами и мягкими чертами лица. Все трое были одеты столь роскошно, что Иньянне сделалось неловко за свои лохмотья. Дюранд Ливолк встал и подошел к ней со словами:

— Вы сегодня еще прелестнее, чем тогда. Идемте, я представлю вам своих друзей. Моя приятельница, госпожа Тискорна, и...

Изящный человек встал.

— Галайн из Ни-Мойе,— сказал он просто мягким и невыразительным голосом.

Иньянна смутилась, но лишь на мгновение. Она-то решила, что постельничий хочет ее для себя, теперь же до нее дошло, что Дюранд Ливолк пригласил ее для герцогского брата. Негодование на миг полыхнуло в ней, но сразу угасло. Что тут оскорбительного? Многим ли молодым женщинам довелось обедать на Нарабальском островке с братом Герцога? И, если кому-то покажется, что ее используют, пусть так.

Место ей приготовили рядом с Галайном. Она села, и вруон мгновенно подал поднос с ликерами, все совершенно незнакомое; она выбрала наугад один с привкусом горных туманов, и сразу же начало покалывать щеки и в голове зазвенели колокольчики. Начался легкий дождь, стучавший по блестевшим широким листьям деревьев и виноградным лозам, но ни капли не проникло в беседку. Буйная зелень тропиков на этом островке выращивалась под искусственными дождями, имитирующими климат Нарабала.

— У вас есть здесь любимые блюда? — осведомился Галайн.

— Полагаюсь на ваш вкус.

— Благодарю. У вас иное произношение, чем в Ни-Мойе.

— Я из Велатхуса,— объяснила Иньянна,— и приехала сюда только в прошлом году.

— Мудрое решение,— заметил Дюранд Ливолк.— А можно узнать, что побудило вас к этому?

Иньянна рассмеялась.

— По-моему, не стоит рассказывать эту историю сейчас.

— У вас очень милый выговор,— сказал Галайн.— Мы здесь редко вспоминаем о Велатхусе. Красивый город?

— Едва ли.

— Угнездился в Конгаре, хотя... наверное, красиво, когда со всех сторон величественные горы?

— Может быть. Но прожив там всю жизнь, не обращаешь внимания на величие. Хотя, возможно, даже Ни-Мойе покажется клеткой тому, кто здесь родился и вырос.

— Где вы живете? — поинтересовалась Тискорна.

— В Стрилейне,— ответила Иньянна, а затем с легкостью — крепкий ликер давал себя знать — добавила: — На Большом Базаре.

— На Большом Базаре? — переспросил Дюранд Ливолк.

— Да, под рядами с сыром.

— И по каким же причинам,— сказала Тискорна,— вы избрали это место своим домом?

— Ну,— беспечно произнесла Иньянна,— там ближе всего до моей работы.

— В молочных рядах? — воскликнула Тискорна. В голосе ее слышались нотки ужаса.

— Вы меня не так поняли. Я работаю на Базаре, но не торгую. Я — воровка.

Слово слетело с губ молнией, ударившей в вершину горы. Иньянна перехватила внезапный испуганный взгляд Галайна к Дюранду Ливолку, и лицо последнего налилось кровью. Но они были аристократами и вели себя соответственно. Галайн первым оправился от удивления и, холодно улыбнувшись, сказал:

— Я всегда верил, что профессия накладывает отпечаток. В вашем случае это грация и остроумие.— Он коснулся своим бокалом бокала Иньянны.— Я приветствую вора, открыто заявляющего, что он вор. Такая честность присуща немногим.

Вернулся вруон, неся большую фарфоровую чашу, полную бледно-голубых ягод с белыми кончиками, казавшихся восковыми. Иньянна узнала токку — излюбленное лакомство Нарабала,— которая, как говорили, горячит кровь и расширяет сосуды. Она взяла несколько ягод, Тискорна предусмотрительно выбрала одну, Дюранд Ливолк зачерпнул пригоршню, Галайн тоже. Иньянна обратила внимание, что последний ест ягоды с семенами, утверждая, что так полезнее. Тискорна отщипывала кусочками.

Затем пошли вина, кусочки пряной рыбы, устрицы, плавающие в собственном соку, грибные салаты и, наконец, вырезка ароматного мяса из ноги гигантского билантона, как пояснил Галайн. Иньянна ела мало, пробуя всего понемножку.

Немного погодя подошли жонглеры-скандары и устроили чудесное представление с факелами, кинжалами, булавами, заслужив горячие аплодисменты присутствующих. Галайн протянул грубым четырехруким существам блестящую монету — пять ройялов, заметила изумленная Иньянна. Потом вновь начался дождь, хоть на них не упало ни капли, а еще позже, когда по второму кругу отведали напитки, Дюранд Ливолк и Тискорна извинились и оставили Галайна с Иньянной в одиночестве сидеть в туманной мгле.

— Вы действительно воровка? — спросил Галайн.

— Действительно. Но это произошло случайно, а вообще я владею лавкой в Велатхусе.

— И что же произошло?

— Я потеряла все из-за обмана и без денег явилась в Ни-Мойе, а здесь попала к ворам, оказавшимся людьми умными и симпатичными.

— А теперь попали к еще большим ворам,— заметил Галайн.— Вас это не тревожит?

— Разве вы считаете себя вором?

— Я занимаю высокое положение лишь по стечению обстоятельств, только потому, что удачно родился. Я не работаю, разве что помогаю брату, когда понадобится, и живу в роскоши, невообразимой для большинства людей. Но ничего этого я не заслужил сам. Вы видели мой дом?

— Я его хорошо изучила. Снаружи, конечно.

— Если хотите, можете осмотреть и изнутри... сегодня.

Иньянна мельком подумала о Сидэйне, ждавшем ее в белой комнате под сырными рядами.

— Почему бы и нет, очень хочу,— кивнула она.— И когда увижу, расскажу вам небольшую историю обо мне, Ниссиморн Проспект и о том, как я попала в Ни-Мойе.

— Это будет очень интересно, я уверен. Мы едем?

— Да,— улыбнулась Иньянна.— Только вас не затруднит сперва остановиться у Базара?

— Впереди целая ночь,— ответил Галайн.— Нам некуда торопиться.

Одетый в ливрею вруон освещал им путь сквозь буйную зелень сада до причала островка, где Галайна ждал личный паром, доставивший их на берег. Пока они высаживались, был подогнан флотер, и Иньянна быстро очутилась на площади у Пидрудских ворот. «Я только на минуту»,— прошептала она и в призрачном платье сразу растворилась в толпе, даже в этот час заполнявшей

Базар. Она спустилась в подземное логово. Воры уже собрались за столом и играли в кости. Они одобрительно загудели и зааплодировали при ее величественном появлении, но она ответила лишь быстрой улыбкой и отвела в сторону Сидэйна.

— Я сейчас ухожу,— тихо сказала она,— на всю ночь. *Ты меня прощаешь?*

— Не всякой женщине дано поразить воображение постельничего Герцога.

— Не постельничего Герцога,— усмехнулась Иньянна,— а брата Герцога.

Она легонько коснулась губами губ Сидэйна, стоявшего с остекленевшими от изумления глазами.

— Завтра снова пойдем в Парк Мифических Чудищ, ладно?— Она еще раз поцеловала его, зашла в спальню и достала из-под подушки фляжку с молоком дракона, где прятала ее несколько месяцев.

Возвращаясь, она задержалась у игрового стола, наклонилась поближе к Лилэйв и развела руки, показывая фляжку. Глаза у девушки сделались круглыми. Иньянна подмигнула и сказала:

— Помнишь, для чего я ее берегла? Ты хотела, чтобы я выпила ее с Галайном, когда попаду в Ниссиморн Проспект, и вот...

Девушка глядела на нее с раскрытым ртом. Иньянна подмигнула ей еще раз, поцеловала и вышла.

Гораздо позже, глубокой ночью, когда она достала фляжку и предложила ее Галайну, ее вдруг охватила паника, не нарушает ли она этикет, предлагая средство для усиления полового влечения брату Герцога, подразумевая его бессилие. Но Галайн не высказал никакой обиды. Он спокойно принял ее дар, спокойно разлил бледно-голубую жидкость в фарфоровые чаши со столь тонкими стенками, что они казались почти прозрачными, и вложил одну в ее руку, вторую поднял сам. Молоко дракона оказалось необычным и горьким на вкус. Иньянна с трудом проглотила его, но выпив, она сразу ощутила нарастающий жар, запульсировавший в бедрах. Галайн улыбнулся. Они находились в Оконном Зале Ниссиморн Проспект, где единая полоса окаймленного золотом стекла открывала круговой обзор гавани Ни-Мойе и далекого южного берега реки. Галайн коснулся переключателя. Огромное окно потемнело, круглое ложе поднялось внезапно из пола. Он лег на него и притянул Иньянну к себе.

Глава 9

Стать любовницей брата Герцога — это могло удовлетворить любое честолюбие, тем более воровки с Большого Базара. Иньянна не питала иллюзий относительно своей связи с Галайном. Дюранд Ливолк выбрал ее для него, наверное, углядев что-то в ее глазах, волосах или в том, как она держала себя. Галайн же, видимо ожидавший, что она окажется женщиной не столь низкого положения, счел для себя интригующим провести время с женщиной с самого дна общества, и потому-то ей выпал вечер на Нарабальском островке и ночь в Ниссиморн Проспект; приятное, хотя и краткое исполнение мечты. Она знала, что утром вернется на Большой Базар, а память о случившемся останется навсегда. Вот так.

Но не совсем.

Они не спали всю ночь — то ли, гадала она, это действие молока дракона, то ли он всегда так неистощим в любви — и на рассвете, обнаженные, прошли по величественному зданию, и он показывал ей свои богатства, а позже, когда они завтракали на балконе, повисшем над садом, он предложил прогуляться по своему парку в Истмоу. И в конце концов вышло так, что дело не кончилось одной ночью. Сначала она хотела отправить на Базар весточку Сидэйну, что не вернется днем, но потом поняла, что Сидэйну это совершенно не нужно. Он и так истолкует ее молчание правильно. Правда, она не хотела бы причинять ему боль, но, с другой стороны, она не была и его собственностью, так, вульгарная связь. А у нее сейчас происходило великое событие в жизни, и когда она вернется на Большой Базар, то сделает это не ради Сидэйна, а просто потому, что приключение закончится.

Так и случилось, что она провела шесть дней с Галайном. Днем они катались на его великолепной яхте или гуляли в его саду, куда привозили лишние экспонаты из Парка Мифических Чудищ, или просто сидели на балконе Ниссиморн Проспект, любуясь солнечной колеей, тянувшейся через весь континент от Пилиплока до Пидруда. А к ночи начинались праздничные пиршества, иной раз на одном из плавучих островков, иной раз в огромном Городском Дворце, а один раз в Палатах самого Герцога.

Ростом Герцог был не ниже Галайна, но гораздо крупнее и намного старше. Манеры его были утомительны для окружающих и не отличались мягкостью. Тем не менее,

с Иньянной он держал себя любезно, ни разу не позволив себе намекнуть, что брат его спутался с уличной девкой с Большого Базара. Иньянна как бы плыла сквозь эти вечера, бесстрастно воспринимая все окружающее, будто видела сон. Выказывать страх, она понимала, было глупо и неприлично. Требовать равенства — еще хуже. Она избрала для себя поведение спокойной сдержанности, и это оказалось лучше всего. Через несколько дней ей казалось вполне естественным сидеть за одним столом с высшими сановниками города, вернувшимися недавно из Горного Замка со сплетнями о Венценосце Лорде Малиборе и его окружении, или с теми, кто рассказывал об охоте в северных болотах с Понтификсом Туеверасом в ту пору, когда он был еще Венценосцем при Понтификсе Оссере, или с теми, кто приехал из Внутреннего Храма после встречи с Властительницей Острова Снов.

Она так непринужденно чувствовала себя в компании великих, что обратись к ней кто-нибудь с вопросом «А как вы, госпожа, провели последние месяцы?», она бы легко ответила: «Как и положено воровке с Большого Базара». Но подобных вопросов не возникало. В таком высоком обществе не потворствуют праздному любопытству, каждый рассказывает о том и так, как ему хочется.

И потому, когда на седьмой день Галайн поинтересовался, не хочет ли она вернуться на Большой Базар, она не стала спрашивать, пресытился ли он ее обществом или просто устал. Он взял ее в любовницы на время, и время это теперь истекло. Что же, эту неделю она никогда не забудет.

И все-таки возвращение оказалось для нее тяжелым ударом. Роскошный флотер доставил ее от Ниссиморн Проспект к Пидрудским воротам Большого Базара, и служанка Галайна держала в руках узелок с подарками, которые преподносил ей любовник за время их совместного проживания в течение недели.

После того, как флотер исчез среди городских улиц, Иньянна окунулась в неистовый хаос Большого Базара и словно очнулась после долгого и колдовского сна. Пока она шла между рядами лавок, палаток и магазинчиков, никто не окликнул ее, ведь ее знали как Калибая, а сейчас она была одета в женское платье. Она молча шла через толпу, еще неся ауру аристократичности, но с каждой минутой угнетенно чувствовала, что теряет ее. Сон кончился, она снова живет по-настоящему.

Сегодня вечером Галайн обедает с гостем, Герцогом

Мазадона, а завтра они отправятся рыбачить на яхте вверх по Стейчу, потом... что будет потом, она не знала, но знала, что стащит сегодня фляжку сладкого вина и напьется.

На мгновение на глаза навернулись слезы. Она заставила их исчезнуть, говоря себе, что это глупо и нужно не жаловаться на возвращение из Ниссиморн Проспект, а радоваться, что провела такую неделю.

В комнате не оказалось никого, кроме хьорта Вьорка и одного из метаморфов. Они лишь кивнули, когда Иньянна появилась в подземной берлоге. Она прошла к себе и переоделась в костюм Калибая. Но сразу вернуться к воровству она пока была не в силах. Она спрятала мешочек с драгоценностями и безделушками, подаренными Галайном, под свою постель. Продав их, она легко могла бы жить, не занимаясь воровством, года два, но она не собиралась этого делать. Завтра, решила Иньянна, она выйдет на Базар, а сегодня,— она уткнулась в подушку,— она снова отдастся Сидэйну.

Слезы вновь навернулись на глаза, и на этот раз она выплакалась, потом встала, чувствуя себя намного спокойнее, умылась и принялась ждать появления остальных.

Сидэйн приветствовал ее с благородной невозмутимостью: никаких расспросов, никакого намека на обиду. Он с улыбкой взял ее руки в свои, довольный, что она вернулась, и предложил глоток только что украденного вина с Алханрола, рассказал пару случаев, приключившихся на Базаре, пока ее не было. Иньянна старалась понять, не испытывает ли он затруднений, зная, что последним мужчиной, ласкавшим ее тело, был брат самого Герцога? Но нет, он потянулся к ней ласково и без колебаний, едва они очутились в постели, и его тощее костлявое тело навалилось на нее.

На следующий день после работы они поехали в Парк Мифических Чудищ, где впервые увидели госсималя, настолько тонкого, что он казался невидимым с боку. Они смеялись и дурачились. Но остальные воры стали относиться к Иньянне с каким-то страхом, поскольку знали, где она была и чем занималась. Одна Лилэйв осмеливалась говорить с ней прямо, и только она спросила:

— Что он увидел в тебе?

— Откуда я знаю? Это было как сон.

— Я думаю, это справедливо.

— Ты о чем?

— Тебя ведь обманули, а так ты хоть как-то возместила

свою обиду. Дивине и добра, и зла одинаково.— Лилэйв рассмеялась.— Ты вернула свои двадцать ройялов?

Иньянне пришлось признать, что это так. Однако, долг, как оказалось, еще не был полностью оплачен. На следующий День Звезды, когда она ходила по разменным рядам, снимая лишние монеты то тут, то там, она вдруг поразилась чужой руке на своем запястье, удивляясь дураку-вору, не узнавшему ее. Но эта была Лилэйв. Лицо ее пылало, глаза сделались круглыми.

— Беги скорее домой! — выдохнула она.

— Что случилось?

— Там ждут два вруона. Тебя зовет Галайн, и они говорят, чтобы ты собрала все свои вещи, потому что больше не вернешься на Большой Базар.

Глава 10

Так случилось, что Иньянна Форлейн, бывшая лавочница в Велатхусе и бывшая воровка на Большом Базаре, поселилась в Ниссиморн Проспект с Галайном из Ни-Мойе. Галайн ничего не объяснял, и она не просила объяснений. Он хотел ее, и этого было достаточно. Первые несколько недель она ждала, что однажды утром он попросит ее вернуться на Базар, но ничего подобного не происходило, и она перестала об этом думать. Теперь, куда бы не направлялся Галайн, она находилась рядом: и на охоте на гихорнов в Болотах Зимра, и в Непрерывном Цирке ослепительного Долорна, и в Канторе на празднестве Цезарей, и даже в загадочном Пьюрифайне, где Галайн по поручению брата обследовал земли Меняющих Форму. Она, прожившая безвыездно в сыром Велатхусе двадцать лет, считала само собой разумеющимся сопровождать всюду своего мужчину, однако никогда не забывалась, никогда не теряла иронии, с которой относилась к столь необычной перемене в своей жизни.

Она не удивилась даже, когда обнаружила, что сидит за столом возле самого Венценосца. Лорд Малибор прибыл в Ни-Мойе, объезжая Маджипур и желая показать жителям западного континента, что они так же дороги ему, как и алханролцы. Герцог задал пиршество, и Иньянна оказалась по правую руку Венценосца, слева от нее сидел Галайн, сам Герцог с женой заняли места напротив Лорда Малибора. Иньянна еще в школе заучивала имена: Стиамот, Кочфалум, Престимион, Деккерет... Мать частенько

рассказывала ей, что в день ее рождения в Велатхус пришла весть о смерти Оссера и о том, что ставший новым Понтификсом Лорд Туеверас избрал Венценосцем некоего Малибора из Бомбифейла, широколицего мужчину с широко расставленными глазами и тяжелыми бровями. Но то, что такие люди, как Понтификс или Венценосец действительно существуют, всегда казалось ей нереальным, а тут ее локоть находился в каком-то дюйме от локтя Венценосца, и она поражалась массивности и дородности этого человека, чей лик чеканили на всех монетах.

Она разумно предполагала, что разговор Венценосца будет идти о положении дел в провинции, но Лорд Малибор болтал, в основном, об охоте: что он забрался так далеко, чтобы добыть голову редкого зверя, что только в этом недоступном месте можно добыть этого зверя, и так далее, и так далее; что он строит новый Тропический зал в Замке, что через год-два он вернется в Замок, что им с Галайном следует побывать у него в гостях, что Тропический зал закончат к тому времени, что он всем понравится и что все увидят там страшных зверюг, созданных искусными таксидермистами Горного Замка.

Иньянне было скучно, однако она заставила себя вежливо слушать и даже два-три раза сделала удачные замечания.

На рассвете, когда они наконец вернулись в Ниссиморн Проспект и готовились лечь, Галайн сказал ей:

— Венценосец собирается устроить охоту на морских драконов. Он хочет отыскать дракона, похожего на колосса Лорда Киннокена, футов в триста длиной.

Уставшая донельзя Иньянна передернула плечами.

— А что, в его Тропическом зале найдется место и для морского дракона?

— Для головы и крыльев наверняка. Но шансов добыть их у него немного. Того дракона видели всего четыре раза после Лорда Киннокена. Правда, если Венценосец его не отыщет, он удовольствуется другим.

— У него есть шанс?

Галайн кивнул.

— Но охота на морских драконов дело опасное, и лучше бы ему не пытаться. Однако всех ползающих по суше он уже собрал. В общем, в конце недели мы едем в Пилиплок.

— Мы?

— Венценосец просил меня сопровождать его на охоте,— с унылой усмешкой объяснил Галайн.— Сначала

он хотел пригласить Герцога, но брат отказался, сославшись на дела в провинции. Тогда он попросил меня. Отказаться я не мог.

— Я поеду с тобой? — спросила она.

— Вряд ли это получится.

— О,— произнесла она совершенно спокойно и, помолчав, спросила: — Когда ты вернешься?

— Обычно охота длится не меньше трех месяцев, пока не кончится сезон южных ветров, да еще добираться до Пилиплока, снаряжать судно и само возвращение... Месяцев семь-девять, наверное. К весне вернусь.

— Понимаю.

Галайн лег к ней и прижал к себе.

— Это будет очень тяжело для меня, клянусь тебе.

Ей хотелось сказать: «Неужели ты не можешь отказаться? Или, может, я смогу поехать с тобой?» — но она понимала, что это ничего не даст, и не протестовала. Она обняла его, и они занимались любовью до самого восхода солнца.

Накануне отъезда в Пилиплок, где стояли в гавани корабли охотников на драконов, Галайн позвал ее в свой кабинет на верхнем этаже Ниссиморн Проспект и протянул толстую пачку документов.

— Что это? — спросила она, не решаясь взять.

— Наш брачный договор.

— Шутка неумная, господин.

— Это не шутка, Иньянна, совсем не шутка.

— Но...

— Я хотел обсудить все с тобой зимой, но тут возникла эта проклятая поездка за драконом, и у меня не остается времени. Вот и пришлось поторопить события. Для меня ты не просто любовница, и эти бумаги узаконивают нашу связь.

— Разве наша любовь нуждается в узаконивании?

— Я отправляюсь в рискованную и дурацкую поездку, из которой, естественно, хочу вернуться живым, но в море моя судьба будет в руках Дивине. Как любовница ты не имеешь прав на наследство, но как моя жена...

Иньянна была ошарашена.

— Но если риск так велик, лучше откажись от поездки.

— Ты знаешь, что это невозможно. Придется рискнуть. Но я хочу тебя обеспечить. Посмотри бумаги, Иньянна.

Она долго смотрела на документы, разбитые на многочисленные пункты, но ничего не видела в изящной каллиграфии письма. Жена Галайна? Ей это казалось чудовищным, переходящим все границы. И все же, все же...

Он ждет. Она не может отказать ЕМУ.

Утром он уехал с Венценосцем в Пилиплок, и весь день унылая и смущенная Иньянна бродила по коридорам и комнатам Ниссиморн Проспект. Вечером ее пригласил на обед Герцог, на следующий вечер Дюранд Ливолк со своей дамой сердца заманили ее на Нарабальский островок. Затем приглашения следовали одно за другим, так что не оставалось ни минуты свободного времени, и месяцы летели. А потом пришла весть об огромном драконе, напавшем на корабль Лорда Малибора и отправившем его на дно Великого Моря. Погибли и Венценосец, и все, кто находился с ним на корабле. Некий Вариакс был провозглашен новым Венценосцем. И по завещанию Галайна Иньянна вступила в полное владение его имуществом и, в частности, особняком Ниссиморн Проспект.

Глава 11

Когда закончился траур и настало время заняться устройством собственных дел, она вызвала одного из управляющих и распорядилась большую сумму денег в виде дара доставить на Большой Базар и вручить вору Агормэйлу и членам его семьи. Так она давала понять, что не забыла их.

— Передадите мне, что они скажут, когда будут получать кошельки,— наказала она управляющему, надеясь, что воры пошлют ей теплый привет в память о совместно прожитых днях.

Но ни один не сказал ничего интересного — все просто благодарили госпожу Иньянну, кроме одного человека по имени Сидэйн, наотрез отказавшегося от подарка, несмотря на все уговоры. Иньянна печально улыбнулась и раздала двадцать ройялов, не принятых Сидэйном, детям на улицах, после чего больше не имела никаких дел с ворами Большого Базара и никогда не бывала там.

Несколько лет спустя во время прогулки по лавкам Паутинной Галереи она обратила внимание на двух подозрительно выглядевших мужчин в магазинчике с безделушками, вырезанными из кости морских драконов. Их движения, и то, как они переглядывались, заставляло думать, что это воры, собирающиеся в удобный момент обчистить лавку. Присмотревшись, она поняла вдруг, что видела их раньше — и невысокого коротко острижен-

ного, и второго — бледного, высокого, с шишковатым лицом. Она сделала жест сопровождающим, и те спокойно и быстро окружили парочку.

Иньянна сказала:

— Один из вас — Стойг, второй называет себя Безаном Ормусом, правда, я не помню, кто из вас кто. Зато все остальные детали нашей встречи я помню очень подробно.

— Госпожа,— сказал высокий,— вы ошибаетесь. Меня зовут Елакон Мирц, а моего друга — Тануз.

— Сейчас, может быть. Но в вашу бытность в Велатхусе вас звали по-другому. Вижу, вы сменили мошеннические проделки на обычное воровство. Расскажите-ка мне, сколько еще наследников Ниссиморн Проспект вы отыскали, прежде чем закончили с этим?

Теперь в их глазах читалась откровенная паника. Они, кажется, прикидывали шансы прорваться к двери мимо людей Иньянны, но это было бессмысленно, тем более, что стража Паутинной Галереи заметила происходящее и собралась у выхода снаружи.

— Мы честные торговцы, госпожа,— сказал низенький дрожащим голосом.

— Вы неисправимые мерзавцы,— отрезала Иньянна.— Посмейте только отрицать, что я вас знаю, и я отправлю вас на каторжные работы!

— Госпожа...

— Говорить правду,— предупредила Иньянна.

— Мы признаем обвинение. Но это было давно. Если мы оскорбили вас, то готовы полностью возместить убытки.

— Оскорбили? — Иньянна расхохоталась.— Скорей уж сослужили великую службу. Я вам только благодарна. Я, Иньянна Форлейн, лавочница из Велатхуса, которую вы надули на двадцать ройялов, теперь стала Иньянной из Ни-Мойе, владелицей Ниссиморн Проспект по воле Дивине.— Она кивнула стражникам: — Отведите эту парочку к прокторам и скажите, что доказательства я представлю позже, но прошу отнестись к ним снисходительно — месяца три исправительных работ или что-нибудь подобное. После я возьму их себе на службу.— Она махнула рукой, и их увели. Иньянна повернулась к хозяину лавки.— Я сожалею о происшедшем. Значит, эти резные гербы города стоят десять ройялов за штуку? А что вы скажите о тридцати ройялах, если добавить резьбу вот по этим кругам...

Часть 10

ВАРИАКС И ВАЛЕНТИН

Из всего, что узнал Гиссан, история Иньянны Форлейн больше всего тронула его сердце. Отчасти потому, что жила она в его время и мир ее не казался таким чуждым, как мир художника или Тесме. Но главная причина заключалась в том, что чувства Гиссана были созвучны чувствам современницы из Велатхуса, поскольку и та начинала практически с нуля, лишившись всего, но, тем не менее, достигла могущества, величия и богатства. Старая истина: Дивине помогает тем, кто помогает себе сам. Иньянна своими делами, вернее, отношением к делам, внушала уважение. Конечно, счастье ей улыбнулось — она привлекла внимание нужного человека в нужный момент, но разве у других не может быть так же? Во всяком случае, Гиссан, сам оказавшийся в нужное время в нужном месте, когда Лорд Валентин несколько лет назад скитался по Лабиринту, верил в это. Но мог ли он рассчитывать на что-нибудь выше места писца? Да! Пусть ему уже восемнадцать и делать карьеру, кажется, поздно — перед ним пример Иньянны Форлейн. Почему Лорд Валентин не может послать за ним в любую минуту, Лорд Валентин, прибывший в Лабиринт с неделю назад. Он может вызвать его и сказать: «Гиссан, ты уже достаточно послужил в этом грязном месте. Хочешь жить у меня в Горном Замке?» Разумеется, да, но он пока не слышал подобных предложений от Венценосца и вряд ли услышит. Несмотря на свою богатую фантазию, он никогда не тешил себя несбыточными мечтами. Поэтому он продолжал исполнять свою работу и осмысливать то, что познал в Счетчике Душ, а потом принялся искать в хранилище запись Лорда Валентина. Это была наглость. Он понимал, что опасно искушать судьбу: он бы не удивился, если бы вспыхнул свет, зазвенела тревога и стража схватила бы юного наглеца, без малейшего почтения проникшего в душу самого Венценосца. Так что больше всего его удивило, что механизм выдал ему запись Валентина, сделанную очень давно. Гиссан не колебался...

Их было двое, широкоплечих, высоких и сильных, с черными блестящими глазами; держались они так, что сразу было видно — они братья. Но они были разными.

В одном осталось еще что-то мальчишеское, и это было видно не только по чуть заметной поросли бородки и гладкому лицу, но и по теплоте и озорству в его глазах. Старший казался более сдержанным, более суровым, более властным, словно нес на плечах какое-то бремя, наложившее на него отпечаток. Так оно и было: ему, Вариаксу из Хеленкса, старшему сыну Канцлера Дамандайна, еще в детстве было прилюдно сказано, что он станет Венценосцем. Еще было предсказано, что после брата Валентин займет его место, но сам Валентин не питал никаких иллюзий относительно этого — обычные комплименты младшему сыну высокопоставленного лица. Вариакс был старше на восемь лет, и, вне всяких сомнений, если кто и отправится в Горный Замок, так это Вариакс. Их отец, Канцлер Дамандайн, был одним из ближайших советников Лорда Туевераса и тоже мог претендовать на роль следующего Венценосца, но когда Лорд Туеверас стал Понтификсом, он провозгласил Венценосцем Малибора, правителя Бомбифейла, города у подножия Горы. Никто не возражал, несмотря на то, что Малибор, человек довольно резкий, более интересовался охотой и развлечениями, нежели был озабочен государственными делами. Валентин тогда еще не родился, но Вариакс рассказывал ему, что отец никогда ничем не выдал разочарования, когда трон получил посторонний человек, хотя он подходил для него лучше всего.

Валентину очень хотелось знать, поступит ли Вариакс столь же благородно, если ему откажут в венце звездного взрыва вопреки всем обещаниям и провозгласят Венценосцем кого-нибудь из высокопоставленных особ — Элидата, например, или Морвойла, или Тунигорна. Иногда Валентин тайком произносил их имена, чтобы услышать на слух: Лорд Тунигорн, Лорд Морвойл, Лорд Вариакс и даже Лорд Валентин. Но подобного рода фантазии были глупыми и редко приходили на ум. Валентин не желал занимать место брата, напротив, очень хотел, чтобы именно Вариакс сделался Венценосцем, когда придет время Малибору стать Понтификсом.

Но сейчас сложная путаница дворцовых перестановок была далека от Валентина. Они с братом находились на отдыхе у подножия Горы. Это была давно откладываемая поездка, так как в позапрошлом году во время путешествия со своим другом Элидатом в лесах пигми под Эмблморном Валентин получил ужасный перелом ноги и лишь недавно оправился настолько, чтобы можно было

отправиться в новое далекое путешествие. Это был последний длительный отдых Валентина, поскольку ему исполнилось семнадцать лет и предстояло войти в группу княжичей, из которых обычно набирались Венценосцы и правители городов, а там предстояло учиться многому, после чего начиналась бесконечная работа.

Он ехал с Вариаксом, который под благовидным предлогом присматривать за братом удрал от своих обязанностей в Замке и радовался этому, как мальчишка. От семейного дворца в Хеленксе до ближайшего города удовольствий Верхнего Моргина можно было добраться на Колеснице Джаггернауна по силовым тоннелям, но Валентину хотелось прокатиться на зеркальных катках. Он высказал свое пожелание, намекнув, что хотел бы испытать сломанную ногу; по лицу Вариакса он понял, что тот не уверен, сумеет ли Валентин справиться, но Вариакс был слишком тактичен, чтобы высказывать свои сомнения вслух.

Когда они неслись вниз, Вариакс держался возле Валентина, подстраховывая брата. Валентину это не понравилось и он отъехал на несколько шагов. Вариакс не отставал; так продолжалось до тех пор, пока Валентин не оглянулся.

— Боишься, что я шлепнусь?

— Совсем не боюсь.

— Тогда чего прилип? Сам боишься грохнуться? — Валентин расхохотался. — Не волнуйся, я успею тебя подхватить.

— Какой ты всегда рассудительный, брат,— улыбнулся Вариакс в ответ. А затем катки развернули зеркала, и больше не осталось времени для шуток. Какое-то мгновение Валентин чувствовал себя неловко (зеркальные катки не для калек, а после перелома осталась легкая, но приводящая в ярость хромота), но он быстро ухватил ритм и выпрямился, великолепно балансируя даже на самых быстрых виражах, и когда, крича во все горло, пролетел мимо Вариакса, то заметил, что тревога исчезла с лица брата. Тем не менее, суть эпизода заставила Валентина о многом подумать, пока они спускались до Тентата, где любовались празднеством с деревенскими танцами, а потом до Эртсод Грэнда, Миниймейла и через Гимкандейл до Фьюрибла, города каменных птиц. Обычно, пока они ждали начала скольжения зеркальных катков, Вариакс держался с братом, как любящий страж, и его забота о безопасности Валентина казалась последнему

чрезмерной и неуместной, но он понимал, что Вариаксом движет братская любовь, и не корил его.

После Фьюрибла они миновали Бимбак Восточный и Бимбак Западный, задержавшись в обоих городах, чтобы полюбоваться двойными башнями в милю высотой, вид которых заставлял даже самых чванливых хвастунов чувствовать себя ничтожными муравьями, и за Бимбаком Западным они пересели на маунтов и выбрали путь, ведущий к Эмблморну, где десять бешеных потоков сливались, образуя могучую реку Клайг. На нижнем склоне Горы со стороны Эмблморна находилось плоское пространство в несколько миль в поперечнике с плотной меловой почвой, и деревья тут были не выше человека и не толще девичьего запястья. Именно здесь, в лесу пигми с Валентином и случилось несчастье в позапрошлом году. Он тогда слишком сильно пришпорил маунта там, где этого делать не стоило: коварные корни здесь выдавались над землей. Маунт оступился, и Валентин упал. Нога застряла между двух тонких, но неподатливых деревьев, стволы которых закостенели за тысячелетия. Зачем они вернулись сюда теперь? Вариакс пробирался по странному лесу так осторожно, словно искал спрятанные сокровища. Наконец он повернулся к Валентину и сказал:

— Место кажется зачарованным.

— Объяснение простое. Корни деревьев не могут глубоко проникать в эту поганую твердую почву и потому тянутся даже вверх, цепляясь за все, что попадется, и все равно умирают от истощения, и питаются...

— Да, я знаю,— холодно заметил Вариакс.— Я не сказал, что это место очаровывает, я сказал, оно кажется зачарованным, и даже целый легион колдунов-вруонов не сумеет сотворить что-либо такое же безобразное. Однако я рад возможности еще раз увидеть все это. Поедем дальше?

— Хитрец.

— Я? Я просто...

— Предлагаю проехать там же, где я сломал ногу.

Румяное лицо Вариакса покраснело еще больше.

— Я не думаю, что ты упадешь снова.

— Конечно, не думаешь. Но думал, будто я могу так подумать. Ты ведь веришь, что преодолеть страх означает идти прямо на то, чего боишься, вот и подводишь меня к мысли еще раз проехаться здесь, чтобы избавиться от робости, какую этот лес мне будто бы внушает. Вроде бы прямо противоположное тому, как ты опекал меня на зеркальных катках, хотя по сути — то же самое.

— Ничего не понял,— пробурчал Вариакс.— Тебя, наверное, лихорадит.

— Еще чего! Так едем?

— Нет.

Сбитый с толку Валентин стукнул кулаком по ладони.

— Ты же только что сам предлагал!

— Да,— согласился Вариакс,— предлагал. Но ты обвиняешь меня в хитрости, а сам полон непонятного гнева и вызова, и если мы поедем по лесу, пока ты в таком состоянии, ты наверняка свалишься опять, и что-нибудь сломаешь. Заворачивай, едем в Эмблморн.

— Вариакс...

— Поехали!

— Я сам хочу проехать через лес.— Валентин не сводил глаз с брата.— Сам! Ты едешь со мной или будешь ждать здесь?

— С тобой, конечно.

— Теперь не забудь напомнить мне быть внимательным и смотреть под ноги, потому что там могут оказаться предательские корни.

Вариакс раздраженно дернул щекой. Он вздохнул.

— Ты не ребенок, и я не стану тебе ничего говорить. И кроме того, если бы я думал, что ты нуждаешься в таких советах, я бы просто не пустил тебя.

Он пришпорил маунта и помчался вниз по узкой тропке между деревьев пигми.

Валентин мгновенно последовал за ним, стараясь не отставать. Ехать было тяжело — повсюду подстерегали угрожающие ветви и корни, вроде тех, что сбили его в прошлый раз, когда он здесь ехал с Элидатом, но теперь его маунт твердо ступал по земле, и не было нужды натягивать поводья. И хотя воспоминание о падении оставалось ярким, Валентин не испытывал никакого страха, он просто держался внимательнее и знал, что если упадет и на этот раз, то последствия уже не будут такими катастрофическими. Еще он удивлялся сам себе, что так отреагировал на заботу Вариакса. Наверное, он стал слишком обидчив и слишком чувствителен, раз с такой горячностью восстал против опеки старшего брата, а ведь тот готовился стать владыкой мира, и, если даже не будет иметь возможности помочь, ему все равно придется брать на себя ответственность за всех и за каждого, особенно за младшего брата. Обдумав все это, Валентин решил защищаться менее рьяно.

Миновав лес, они въехали в Эмблморн, старейший из городов Замковой Горы с древними путаными улицами

и увитыми виноградом стенами. Отсюда двенадцать тысяч лет назад началось покорение Горы, отсюда совершались первые рискованные вылазки на совершенно голый пик тридцатимильной высоты, торчавший из почвы Маджипура. Тому, кто всю жизнь прожил в Пятидесяти Городах среди благоухающей весны, трудно представить время, когда Гора была пустой и необитаемой. Но Валентин знал историю первых подъемов на эти склоны, во время которых первопроходцы подняли на вершину механизмы, вырабатывающие тепло и воздух для всей Горы, знал он и о том, как преобразовывалась Гора в течение столетий, став местом подлинной красоты, и увенчалось наконец небольшим зданием, воздвигнутым Лордом Стиамотом восемь тысяч лет назад, которое со временем неузнаваемо преобразилось, превратившись в колоссальный и непостижимый Замок, где царствовал сейчас Лорд Малибор. Они с Вариаксом замерли в благоговении перед монументом в Эмблморне с древней, вырезанной по дереву надписью: «Выше все было бесплодно».

Сад удивительных деревьев-халэтинг окружал подножье монумента, сделанное из полированного черного велатхусского мрамора. Сам монумент взметнулся ввысь, темно-красный с золотистым.

Двое суток они провели в Эмблморне, после чего спустились по Долине Клайга к местечку под названием Чиселдорн. Там, на краю мрачного и густого леса в поселке жили несколько тысяч человек, переселившихся сюда из больших городов Горы. Они жили в шатрах, сотканных из черной шерсти диких блавов, которые паслись на зеленых лугах у небольшой речки, и делились шкурами со своими соседями. Кто говорил, что они чародеи и колдуны, кто уверял, будто это бродячее племя метаморфов, сумевшее в древности избежать изгнания с Алханрола и вынужденное теперь постоянно носить человеческий облик; правда же, подозревал Валентин, заключалась в том, что народ этот отвратительно чувствовал себя в мире торговли и наживы, каким был Маджипур, и это заставляло их жить своей отдельной общиной.

Поздним полуднем они с Вариаксом добрались до холма, с которого увидели лес Чиселдорна и сразу же за ним деревню черных шатров. Лес выглядел неприветливо: низкие и толстоствольные деревья-пингла, прямые ветви которых, росшие под самыми разными углами, тесно переплетались, образуя плотный балдахин, не пропускавший свет. А десятистенные шатры деревни, занимавшие

обширнейшие пространства, походили на огромных насекомых необычной, но строго геометрической формы, замерших на мгновение перед тем, как продолжить свою неостановимую миграцию через местность, к которой были совершенно безразличны. Валентин всегда испытывал большое любопытство к Чиселдорнскому лесу и его жителям, но сейчас, когда он добрался сюда, он почему-то уже не так страстно стремился проникнуть в их тайны.

Он посмотрел на Вариакса и увидел на лице брата те же сомнения.

— Что будем делать? — спросил он.

— Ну, по-моему, лагерь разобьем здесь, а поутру съездим в деревню, поглядим, какой прием нам там окажут.

— Неужели ты думаешь, что на нас нападут?

— Нападут? Сильно сомневаюсь. По-моему, они миролюбивее многих наших знакомых. Просто, к чему навязываться на ночь глядя, раз и сами мы не хотим? Почему не уважить их стремление к одиночеству? — Вариакс указал на полумесяц покрытой травой земли у речки.— Как по-твоему, может, разобьем лагерь здесь?

Они спешились, пустили маунтов пастись, распаковали мешки и принялись готовить ужин. Когда они собирали хворост для костра, Валентин заметил:

— Если бы Лорд Малибор охотился за какой-нибудь тварью в здешних местах, интересно, что бы он подумал насчет уединенности здешних жителей, вернее, что подумали бы они.

— Ничто бы не помешало Лорду Малибору охотиться.

— Точно. И философские мысли его никогда не переполняют. Я думаю, ты будешь гораздо лучшим Венценосцем, Вариакс.

— Не говори глупостей.

— Это не глупости, а здравое мнение. Любой согласится, что Малибор профан в государственных делах. И когда ты...

— Замолчи, Валентин!

— Ты *будешь* Венценосцем,— убежденно произнес Валентин.— К чему притворяться? Это наверняка произойдет, и скоро. Туеверас очень стар. Малибор переберется в Лабиринт через год-другой и, несомненно, провозгласит нового Венценосца; так как человек он неглупый, то...

Вариакс ухватил Валентина за руку и сжал ее, в глазах его ясно читалось раздражение.

— Такая болтовня добром не кончится. Прошу тебя, перестань!

— Только одно...

— Я больше не желаю слышать измышлений на тему, кто будет Венценосцем.

Валентин согласно кивнул.

— Нет, не измышления, а вопрос брата к брату. Я почти все время об этом думаю. Я больше не стану говорить, что ты будешь Венценосцем, но я очень хочу узнать — хочешь ли ты САМ быть Венценосцем? Хочешь ли ты сам нести такое бремя на своих плечах?

После долгого молчания Вариакс ответил:

— От этого бремени никто не может отказаться.

— Но ты хочешь?

— Если судьба предопределит его мне, разве я смогу сказать нет?

— Ты уклоняешься от ответа. Посмотри, какие мы сейчас: богатые, счастливые, свободные. И никакой ответственности, как при дворе. Мы можем делать все, что нравится, ехать, куда заблагорассудится, например, на Остров Снов или на Зимрол поохотиться на Канторских Болотах — все, что угодно! Лишиться всего этого ради венца звездного взрыва? Возможности ставить подписи под указами? Совершать грандиозные шествия со всеми этими публичными речами и выступлениями и в один прекрасный день успокоиться на дне Лабиринта — стоит ли, Вариакс? Неужели ты *хочешь* этого?

— Какой ты еще мальчишка! — вздохнул Вариакс.

Валентин сник. Опять та же снисходительность! Но чуть погодя он понял, что заслужил ее сам своими ребяческими вопросами. Он успокоился и сказал:

— Ничего, когда-нибудь и я возмужаю.

— Да, но для этого тебе еще многое надо испытать.

— Несомненно. — Он помолчал. — Хорошо. Ты признаешь неизбежность царствования, если Венценосцем провозгласят тебя. Но *хочешь* ли ты стать им? Действительно ли ты стремишься к этому, или просто склад характера и чувство долга заставляют тебя готовиться занять трон?

— Я, — медленно начал Вариакс, — готовлю себя не для трона, а на определенную роль в правительстве Маджипура, между прочим, так же, как и ты, и... да, дело здесь не только в складе характера, но и в чувстве долга, которое я испытываю как сын Верховного Канцлера Дамандайна. И я верю — для тебя это справедливо тоже. Если мне предложат трон, я приму его с гордостью и буду править, как сумею, но я никогда не стремился царствовать и очень мало размышлял на эту тему. А

вообще, я нахожу наш разговор утомительным и бесцельным, и прошу тебя собирать хворост молча.

Он посмотрел на Валентина и со вздохом отвернулся.

Вопросы расцветали в Валентине, как элабендисы летом; он подавил их, поскольку заметил, как у Вариакса подрагивают губы, и понял, что тот наглухо замкнулся. Вариакс подбирал и складывал сухие ломкие ветви с силой, совсем не нужной для подобного занятия. Валентин больше не пытался пробить броню брата, хотя не узнал практически ничего из того, что хотел узнать. Правда, по отпору брата он заподозрил, что тот все-таки желал царствовать и с увлечением предавался мечтам. А почему бы и нет? Нет ничего дурного в стремлении завоевать всеобщую любовь и славу, что, несомненно, и произойдет с Вариаксом, когда он станет Венценосцем.

Он принес в лагерь связку хвороста и принялся разводить костер. Вариакс вернулся следом. Он упорно молчал, и холодок отчуждения пробежал между братьями к великому огорчению Валентина.

Он хотел бы извиниться, но это было невозможно: он никогда не просил у Вариакса прощения за содеянное, как и Вариакс у него. Конечно, он сейчас мог бы заговорить с братом совершенно свободно, но... этот холодок было тяжело переносить, и если он не исчезнет, то отравит им весь отдых. Валентин торопливо искал возможность восстановить прежние отношения и вскоре нашел — в детстве это срабатывало.

Он подошел к Вариаксу, который в угрюмом молчании резал мясо для ужина, и предложил:

— Может поборемся?

Вариакс вздрогнул.

— Что?

— Вот, захотелось размяться.

— Ну так заберись на дерево и попляши на ветвях.

— Всего пару схваток.

— Чушь!

— Почему? Или, если я тебя припечатаю, твое достоинство сильно пострадает?

— Валентин!

— Ну, ладно, ладно, прости.— Валентин пригнулся, став в борцовскую позу, и вытянул руки.— Ну, пожалуйста, пару схваток, разомнемся перед ужином!

— У тебя нога только-только срослась.

— Но ведь срослась. Можешь бороться в полную силу, не бойся.

— А если треснет кость, а от нас день пути до города?

— Давай,— нетерпеливо подстегнул Валентин.— Чего ты медлишь? Покажи лучше, на что ты еще способен! — Он пригнулся, хлопнул в ладоши и сделал вид, будто собирается укусить Вариакса за нос. Тот не выдержал и, вскочив на ноги, бросился на Валентина.

Что-то было не так. Оно боролись довольно часто с той поры, как Валентин подрос достаточно, чтобы быть партнером Вариаксу, и он знал все уловки брата, все его хитрости. Но сейчас он боролся, казалось, с совершенно незнакомым человеком. Словно какой-то метаморф схватился с ним в облике Вариакса. Но нет, виновата нога, понял Валентин. Вариакс сдерживался, не выкладывался в полную силу, был заботлив и осторожен, он снова относился к нему снисходительно. С внезапно вспыхнувшей яростью Валентин сделал выпад, и, хотя в первые минуты этикет предписывал только проверять противника, ухватив Вариакса, перебросил его через себя, заставив опуститься на колени. Вариакс выглядел изумленным. Валентин, собравшись с силами, придавил плечо брата к земле. Вариакс подобрался и рванулся вверх, в первый раз использовав всю свою громадную силу, правда, он чуть не лег на землю, но выскользнул из захвата Валентина, перекатился и вскочил на ноги.

Они осторожно принялись кружить вокруг друг друга.

— Вижу, я тебя недооценивал,— произнес Вариакс.— Твоя нога, должно быть, в полном порядке.

— Вот именно, я уже много раз тебе говорил. Я просто чуть прихрамываю, и только. Ну, давай еще раз!

Он снова пригнулся.

Они сцепились, плотно прижав друг друга, так что ни один не мог пошевелить руками, и стояли, как показалось Валентину, час или больше, хотя, наверное, прошло минуты две. Затем он отжал Вариакса назад на несколько дюймов, но тот поднатужился и проделал с Валентином то же самое. Они пыхтели, тяжело дыша, и улыбались друг другу. Валентин только порадовался улыбке брата; она означала, что они снова друзья, что холодок между ними растаял и Вариакс простил его. В этот миг он просто обнимал брата вместо того, чтобы бороться с ним, но стоило ему чуть расслабиться, Вариакс пригнулся, вырвался и швырнул его на землю, придавив коленом живот и навалившись руками на плечи. Валентин боролся изо всех сил, но долго продержаться в таком положении он не мог. Вариакс неуклонно прижимал его

плечи книзу и в конце концов припечатал к прохладной сырой земле.

— Твоя взяла,— пробормотал Валентин, задыхаясь. Вариакс убрал колено и растянулся рядом. Оба расхохотались.— Но в следующий раз я тебе не сдамся.

Внезапно Валентин услышал аплодисменты.

Он сел, уставившись в сгущающиеся сумерки, и увидел стройную женскую фигуру с необычайно длинными и прямыми черными волосами, стоявшую на опушке леса. Глаза у нее были яркими и мерцающими, губы полными, а непривычного покроя одежда состояла только из сшитых между собой лоскутов выдубленной кожи. Валентину она показалась довольно старой — где-то под тридцать.

— Я наблюдала за вами.— Она приблизилась к ним без каких-либо опасений.— Сначала я думала, что вы деретесь по-настоящему, но потом поняла, что вы просто дурачитесь.

— Боролись мы по-настоящему,— буркнул Вариакс,— но и дурачились тоже. Я Вариакс из Хеленкса, а это мой брат Валентин.

Она посмотрела сначала на одного, потом на другого.

— Да, конечно, братья. А я Тэнанда из Чиселдорна. Могу предсказать ваши судьбы.

— Значит, ты ведьма? — осведомился Валентин.

В глазах ее вспыхнули веселые огоньки.

— Пожалуй, ведьма. Что еще?

— Тогда предскажи нам судьбу,— согласился Валентин.

— Подожди,— остановил его Вариакс,— лично мне колдовство не по душе,

— Просто ты слишком здравомыслящий,— заметил Валентин.— Ну и что тут плохого? Побывать в Чиселдорне, городе колдунов, и не узнать свою судьбу! Чего ты боишься? Это же игра, Вариакс, просто игра! — он шагнул к ведьме.— Поужинай с нами.

— Валентин...

Валентин бросил дерзкий взгляд на брата и засмеялся:

— Я сохраню тебя от зла, не бойся! — И тоном ниже добавил: — Мы так долго путешествовали одни, брат. Я просто изголодался по компании.

— Я вижу,— проворчал Вариакс.

Но ведьма была весьма привлекательной, Валентин настойчив, и в конце концов Вариакс не стал возражать против ее присутствия. Он приготовил третью порцию мяса для гостьи, а та, на минуту исчезнув в лесу, вернулась

с фруктами пинглы и показала, как их жарить, чтобы темный сок пропитал нежное мясо. Немного погодя после ужина Валентин почувствовал, что голова у него кружится, но усомнился, чтобы это произошло от двух глотков вина. Скорее всего, виноват был сок пинглы. В голове мелькнула мысль о вероломстве, но он сразу отбросил ее — охватившее его головокружение было приятным и даже возбуждающим, и он не нашел в нем ничего дурного. Он взглянул на Вариакса, ожидая, что брат, более подозрительный по природе, уже охвачен смутными страхами, но тот оставался спокойным и веселым — если вообще заметил действие сока,— он громко смеялся, потом наклонился к ведьме и что-то сказал. Подумав, Валентин положил себе еще мяса. Ночь опустилась на лес, окутав темнотой все вокруг костра, звезды резко пылали в небе, освещая его вместе с тоненькой полоской луны. Валентину почудилось, будто он слышит отдаленный звон и нестройное пение, хотя прежде ему казалось, что до Чиселдорна слишком далеко, чтобы звуки могли пробиться сквозь густой лес.

Он решил, что это воображение, взбудораженное соком фруктов.

Пылал костер. Воздух сделался прохладнее, и они сбились в кучку, тесно прижавшись друг к другу все трое, и то, что сначала было невинным, после невинным не было. Пока они сидели так, Валентин обратил внимание на глаза брата — тот ему подмигнул, как бы говоря: «Мы мужчины, брат, и нынче ночью получим удовольствие».

Валентину приходилось делить женщин с Элидатом или Стасилейном во время веселого кувыркания втроем в постели для двоих, но никогда с Вариаксом, таким сознательным, таким благородным, чем всегда восхищался Валентин. Чиселдорнская ведьма сбросила свои кожаные лоскуты и показала стройное гибкое тело в свете костра. Валентин опасался, что плоть ее покажется отталкивающей, поскольку она была немного стара для него, старше даже Вариакса на пару лет, но теперь видел, что подобные опасения глупы и объяснялись только его неопытностью — она показалась ему прекрасной сейчас. Он потянулся к ней и наткнулся на руку Вариакса у нее на бедре. Он игриво шлепнул по ней, будто смахивал насекомое.

Братья рассмеялись, и в их глубокий смех вплелся серебристый смех Тэнанды, и все трое повалились на росистую траву.

Валентин никогда не знал такого неистовства, как той ночью. Какой бы наркотик ни заключался в соке

пинглы, он своим действием освобождал от всех запретов и дарил неистощимую энергию; с Вариаксом, видимо, происходило то же самое. Ночь превратилась в ряд обрывочных образов, не связанных между собой. То он лежал, вытянувшись, с головой Тэнанды на коленях и поглаживал ее волосы, пока женщину обнимал Вариакс, и слушал их прерывистое дыхание со странным удовлетворением, то он покоился меж бедер ведьмы, а Вариакс был где-то рядом, но он не мог сказать, где. То Тэнанда вдруг оказывалась между ними, лежа животом на одном, пока второй лежал на ней сверху, то они бегали по речке и плескались и хохотали, и бежали, нагие, греться к костру, и вновь занимались любовью: Валентин и Тэнанда, Вариакс и Тэнанда, Валентин и Тэнанда и Вариакс, и плоть просила плоти до тех пор, пока серый предутренний свет не развеял мрак.

Все трое проснулись, когда солнце пылало высоко в небе. Многое из случившегося ночью исчезло из памяти Валентина. Но, как и Вариакс, он был свеж и бодр. А улыбающаяся обнаженная ведьма лежала между ними.

— Теперь,— предложила она,— может, поговорим о ваших судьбах?

Вариакс издал тяжкий вздох и закашлялся, но Валентин быстро сказал:

— Да-да! Можешь пророчествовать.

— Помогите мне собрать зерна пинглы,— попросила она.

Они были разбросаны повсюду — блестящие черные орешки с красными пятнышками на кожице. Валентин собрал с десяток, и даже Вариакс подобрал несколько. Оно отдали их Тэнанде, тоже набравшей с пригоршню, и она принялась катать их в кулаках и бросать на землю, словно игральные кости. Пять раз она бросала их, подбирала и бросала снова. Потом взяла их в сложенные ладони и вывела ими круг, оставшиеся выложила внутри круга и долго всматривалась в них, показавшись вдруг Валентину сразу и напряженной и постаревшей.

— Вам обоим уготована высокая судьба,— сказала она наконец.— Но этого мало. Семена говорят большее. Вас обоих ждет опасность.

Вариакс отвернулся, нахмурившись.

— Вы не верите, да,— продолжала Тэнанда.— Но это так. Вам угрожает опасность. Ты,— она взглянула на Вариакса,— должен опасаться леса, а тебе,— она взглянула на Валентина,— следует держаться подальше

от воды, океана,— она нахмурилась,— и еще многого; судьба твоя загадочна, и я не в силах прочесть ее ясно. Линия твоей судьбы ломается, но ты не умрешь, просто случатся большие перемены и какое-то перевоплощение...— Она покачала головой.— Не могу, это сбивает меня с толку.

— М-да...— протянул Вариакс.— Опасайся леса, опасайся воды. Все равно, что опасайся, чего хочешь. Вздор!

— Вы будете Венценосцем,— перебила его Тэнанда.

Вариакс прерывисто задышал, на лице его проступили красные пятна гнева.

Валентин улыбнулся и хлопнул брата по спине.

— Вот видишь?

— Вы тоже будете Венценосцем.

— *ЧТО?* — Валентин задохнулся от удивления.— Что за глупости! Твои зерна лгут.

— Если бы так,— пробормотала Тэнанда. Она собрала рассыпанные зерна и быстро швырнула их в речку, потом натянула на бедра свою кожаную юбочку из лоскутков.— Два Венценосца, и я провела ночь с обоими! Вы заглянете в Чиселдорн, ваши будущие величия?

— Наверное, нет,— произнес Вариакс, не глядя на нее.

— Значит, мы больше не увидимся. Прощайте.

И она быстро отправилась к лесу. Валентин махнул ей рукой, но ничего не сказал, только беспомощно сжал пальцами воздух; минуту спустя она исчезла из виду. Он повернулся к Вариаксу, который со злостью затаптывал уголья костра. Вся радость после ночного разгула исчезла.

— Ты был прав,— сказал Валентин.— Не стоило позволять ей пророчествовать. Лес. Океан! И дурацкое утверждение, будто мы оба станем Венценосцами!

— Что она имела ввиду? — задумчиво протянул Вариакс.— Что мы разделим трон, как делили ее тело нынче ночью?

— Этого не будет,— сказал Валентин убежденно.— Как не было ничего подобного за всю историю Маджипура. Глупость!

— Если я стану Венценосцем,— продолжал Вариакс, не обращая внимания на слова брата,— то как можешь стать им ты?

— Ты меня не слушаешь,— заметил Валентин.— Я ведь сказал — глупость! Не обращай внимания. Она просто обычная дикарка, которая напоила нас ночью. В ее пророчестве нет ни грана правды.

— Но она сказала, что я буду Венценосцем...

— И скорее всего, так и будет. Ну и что? Просто случайно угадала.

— А если нет? Если она гениальная провидица?

— Тогда ты точно будешь Венценосцем.

— А ты? Если она сказала правду обо мне, то и твое предсказание должно сбыться.

— Нет,— Валентин покачал головой.— Пророчество, как обычно, загадочно и двусмысленно. Тэнанда имела ввиду что-то другое, а не дословный смысл. Ты будешь Венценосцем, брат, и это понятно, но, по-моему, в этом есть еще какой-то смысл.

— Меня это пугает, Валентин.

— Что ты станешь Венценосцем? Что тут страшного? Чего ты боишься?

— Делить трон с братом...

— Этого не будет,— перебил Валентин. Он поднял валявшуюся на земле одежду, отделил вещи Вариакса и протянул их ему.— Помнишь, что я говорил тебе вчера? Я не понимаю, к чему стремиться обладать троном, и я тебе не соперник...— Он сжал руку брата.— Послушай, ты ужасно выглядишь. Неужели болтовня лесной ведьмы на тебя так подействовала? Я клянусь тебе, когда ты станешь Венценосцем, я буду служить тебе и никогда не стану соперником. Клянусь нашей матерью, будущей Властительницей Острова Снов! И не принимай близко к сердцу того, что было нынче ночью, ничего этого нет.

— Может быть, и нет,— протянул Вариакс.

— Наверняка нет,— возразил Валентин.— Ну и что, поедем отсюда?

— Да, пожалуй.

— По крайней мере, тело у нее восхитительное, а? Вариакс рассмеялся.

— Что да, то да. Мне даже жаль, что больше не удастся ее обнять. Ладно, хватит, я сыт по горло ею и этим местом. Проедем по Чиселдорну или нет?

— Проедем,— кивнул Валентин.— А какие города тут еще неподалеку?

— Ближайший — Джеррик, там полным полно врунов. Митрипонд, Кайли. Я думаю снять в Джеррике жилье и повеселиться несколько дней.

— В Джеррик, так в Джеррик.

— Да, в Джеррик. И не говори мне больше о Венценосце и царствованиях, Валентин.

— Обещаю, ни слова.— Валентин засмеялся и обнял Вариакса.— Брат, я несколько раз за нашу по-

ездку думал, что теряю тебя, но теперь вижу — все хорошо.

— Мы никогда не потеряем друг друга, какие бы расстояния нас ни разделяли, — сказал Вариакс. — Едем, брат. Надо только упаковать вещи, и... в Джеррик!

Больше они никогда не заговаривали о ночи, проведенной с лесной ведьмой, и о тех странных вещах, которые она напророчествовала.

Пять лет спустя, когда Лорд Малибор сгинул во время охоты на морских драконов, Вариакс был провозглашен Венценосцем, чему никто не удивился, и Валентин был первым, кто преклонил колени перед ним.

Со временем Валентин постепенно начал забывать мрачное пророчество Тэнанды, только не мог забыть вкуса ее поцелуев и ее гибкое тело. Но все же иногда он вспоминал ее слова. Два Венценосца? Но каким образом? Только один человек мог быть Венценосцем и восседать на троне, увенчав голову венцом звездного взрыва. Валентин радовался за брата и оставался тем, кем был, и таким же, каким был.

Только через несколько лет он понял, в чем заключался скрытый смысл пророчества: не в том, что они будут царствовать совместно с братом, а в том, что после Вариакса он займет его место на троне, хотя никогда прежде не было на Маджипуре, чтобы брат наследовал брату. Но когда он понял это, было уже поздно — Вариакс погиб на охоте в лесу, и Валентин, оставшись без брата, в благоговении и изумлении поднялся по ступеням Трона Конфалума.

Эпилог

Этот эпилог, эти последние минуты, которые какой-то писец впоследствии прибавил к записи самого Валентина, ошеломили Гиссана. Довольно долго он сидел неподвижно, затем встал и словно во сне, принялся убирать комнату. Образы бурной лесной ночи кружились в его сознании: размолвка братьев, ясноглазая ведьма, обнаженные тела, пророчество... Да, два Венценосца! И Гиссан подсматривал за обоими в самые интимные минуты жизни! Он испытывал огромное смущение и подумал, что настало время отдохнуть от Счетчика Душ; сила его воздействия иногда поражала до глубины души, и стоило, наверное, переждать

несколько месяцев. Руки его тряслись, когда он шагнул к двери.

Час назад его пропустил к Счетчику обычный чиновник, пухлый и большеглазый человек по имени Пенагорн. Он еще не сменился с дежурства и до сих пор сидел за столом, но рядом с ним стоял высокий и сильный человек в зелено-золотой форме службы Венценосца. Он сурово оглядел Гиссана и сказал:

— Могу я взглянуть на ваш пропуск?

Гиссан остолбенел. Вероятно, они давно знали о его незаконном копании в Счетчике душ и просто ждали, когда он совершит тягчайшее преступление: проиграет личную запись Венценосца.

— Мы вас искали,— сказал человек в форме.— Пожалуйста, идите за мной.

Гиссан молча повиновался.

Они вышли из Дома Записей, миновали огромную площадь и очутились у входа на нижние уровни Лабиринта в зале для ожидания флотеров, а затем вниз, вниз, в таинственное царство, где он ни разу не был. Он сидел неподвижно и оцепенело. Казалось, весь мир сжался до размеров флотера, пока тот накручивал спиральные уровни Лабиринта. Где они сейчас? Это ли место — Тронный Двор, откуда правят миром советники Понтификса? Гиссан не знал, а спросить не осмеливался, сами сопровождающие не проронили ни слова. Ворота следовали за воротами, проход следовал за проходом, уровень за уровнем, и наконец флотер замер. Его вывели из кабины и провели в ярко освещенную комнату. Шесть человек в зелено-золотой форме встали у него по бокам.

Скользнув в нишу, открылась дверь, и светловолосый человек в простой белой мантии шагнул внутрь. Гиссан подскочил:

— Господин!..

— Ну-ну, можно и без этикета, Гиссан. Ты ведь Гиссан, не так ли?

— Да, господин, только я вырос.

— Восемь лет прошло, действительно... ростом ты почти такой же, а уже мужчина. Глупо конечно, но я представлял тебя все еще мальчишкой. Тебе сейчас восемнадцать?

— Да, господин.

— А сколько было, когда ты впервые забрался в Счетчик Душ?

— Значит, вы знаете, господин,— пробормотал Гиссан, уставившись под ноги.

— А тогда, помнишь, тебе было двенадцать. Мне рассказывали о тебе. Я ведь следил за тобой все эти годы. Потом мне сообщили, что ты пробрался к Счетчику Душ, и я представил себе мальчишку, увидевшего великое множество вещей.

Щеки Гиссана горели, мысли путались. На языке вертелись слова: «Час назад, господин, я видел, как вы с братом забавлялись с длинноволосой ведьмой из Чиселдорна», но разумеется, он бы скорее умер, чем ляпнул такое вслух. И в тоже время он был уверен, что Лорд Валентин отлично знает об этом, и это угнетало его до невозможности. Он не смел поднять глаза, убеждая себя, что этот высокий светловолосый человек не Валентин из записи, но понимал, что только обманывает себя. Пусть тот, черноволосый и темнокожий Валентин был перенесен колдовством в это тело, но личность его осталась той же самой, и Гиссан подсматривал именно за ним, и эту правду не скроешь!

Гиссан подавленно молчал.

— Что ж,— произнес Валентин,— ты всегда был торопыгой. Кстати, Счетчик показал тебе то, что ты увидел бы и сам.

— Он показал мне Ни-Мойе, господин,— еле слышно возразил Гиссан,— Суврейл, города Замковой Горы, джунгли Нарабала...

— Места — да. Географию. В таких случаях Счетчик неоценим. Но географию души ты должен познавать сам. Да посмотри на меня, я не сержусь.

— Нет?

— К Счетчику Душ тебя допускали по моему приказу. Правда, не для того, чтобы ты глазел на Ни-Мойе или подсматривал за людьми. Я хотел, чтобы ты мог понять настоящий Маджипур, охватить его, впитать в себя. Это было твое обучение, Гиссан. Я прав?

— Да, господин, там было так много, что мне хотелось узнать...

— И ты узнал?

— Не все. Ничтожную часть.

— Очень жаль. Для тебя. Потому что больше ты к Счетчику не попадешь.

— Господин?.. Вы меня наказываете?

Венценосец загадочно улыбнулся.

— Наказываю? Как сказать? Ты покинешь Лабиринт и не вернешься сюда очень долго, даже после того, как я стану Понтификсом, а день этот настанет еще не скоро.

Я призываю тебя к себе на службу, Гиссан. Твое обучение закончилось, а у меня есть для тебя дело. Ты уже взрослый. — Венценосец помолчал. — Твоя семья здесь?

— Да, господин, мать и две сестры.

— Нуждаться они не будут. Попрощайся с ними, уложи вещи, мы уезжаем через три дня.

— Через три дня...

— Да, в Алайсор. Предстоит еще одно шествие. Потом отправимся на Остров Снов, ну а после заглянем на Зимрол. Поездка продлится месяцев семь-восемь, я думаю. Ты будешь при мне, в свите Двора.

Венценосец снова улыбнулся.

— И последнее, я снова пришлю за тобой завтра утром. Нам ведь нужно о многом поговорить.

Гиссан низко поклонился, а когда снова поднял голову, Лорда Валентина в комнате уже не было.

Так сбылась несбыточная мечта.

Он вновь последовал со своим эскортом по длинным коридорам, ярко освещенным тоннелям, поднимаясь с уровня на уровень, пока его не доставили до Дома Записей.

Гиссан стоял, не зная, что делать. Идти сейчас домой он не мог. Слишком многое произошло за сегодняшний день. И многое нужно было обдумать.

Он повернулся и направился наверх, к далекому Устью Лезвий.

Была ночь. Долгое-долгое мгновение он стоял, не в силах ни думать, ни чувствовать.

Звезды начали меркнуть.

Я буду жить в Горном Замке, подумал он, я буду в свите Венценосца, и никто не знает, что будет дальше.

Больше думать он не мог.

Пришли первые лучи света, а затем могучий свет озарил небо, предвещая восход, и вся земля заполнилась им.

Он не двигался. Теплое солнце Маджипура коснулось его лица.

Солнце... солнце... яркое, пылающее солнце, Мать Миров. Он протянул к нему руки. Он обнял его. Он смеялся и пел.

Затем повернулся и в последний раз вошел в Лабиринт.

КОСМИЧЕСКИЙ БРОДЯГА

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Глава 1

Чужеземец подошел к площади для аукционов на Барлааме в то время, когда там продавали протея. Чужеземца звали Барр Харндон. Это был высокий мужчина с гордым лицом, несущим печать одиночества. Однако родился он не с этим лицом, хотя и его собственное выражало такую же гордость и одиночество.

Плечами он проложил себе путь сквозь толпу. День был теплым и душным. И немало праздных зевак остановилось посмотреть на предстоящий спектакль. Аукционером был какой-то агозлид, маленький и толстый, но с голосом, похожим на рев быка. На вытянутой руке он держал извивающегося протея, время от времени стискивая его, чтобы заставить принимать различные формы.

— Смотрите, леди и джентльмены, смотрите, какие формы, какое множество необычных и захватывающих образов.

В этот момент протей принял форму восьмилучевой звезды, голубовато-зеленой в середине и с огненно-красными лучами. Побуждаемый толчками безжалостного торговца, он постепенно изменялся по мере того, как молекулы его тела теряли сцепление одна с другой и отыскивали новую устойчивую структуру.

— Смотрите, леди и джентльмены, какие очаровательные образы — змея, дерево, а вот и могильный червь!

Агозлид торжественно скалил зубы перед толпой, все свои пятьдесят желтых зубов длиной до четверти метра.

— Кто сколько даст? — выкрикнул он на гортанном языке Барлаама. — Кто пожелает купить это диковинное создание из далекой солнечной системы?

— Пять стелларов, — сказала ярко накрашенная барлаамская аристократка, стоявшая рядом с торговцем.

— Пять стелларов! Ну, что вы, миледи! Я думаю, что первая цена должна быть не менее пятидесяти! А может быть, начнем торги со ста?

Барр Харндон прищурился, чтобы лучше рассмотреть протея. Он уже повидал на своем веку много изменчивых форм жизни и имел о них кое-какое представление. Это были необычные, испытывающие мучения создания, живущие в состоянии агонии с того момента, когда их вынуждают покидать свой родной мир. Их плоть бесконечно переливается из одной формы в другую, и каждое изменение сродни тому, как обрываются конечности на дыбе при колесовании.

— Пятьдесят стелларов! — прокудахтал один из придворных Властителя Креллига — неограниченного правителя обширной планеты Барлаам.— Предлагаю пятьдесят стелларов за этого протея!

— Кто назовет семьдесят пять? — обратился к присутствующим агозлид.— Я доставил это существо сюда ценой трех жизней, а рабы сейчас стоят не меньше сотни. Неужели вы хотите, чтобы я остался в убытке? Непременно...

— Семьдесят пять! — послышался голос.

— Восемьдесят! — последовал немедленный ответ.

— Сто! — выкрикнула аристократка из первого ряда.

Зубастое лицо агозлида смягчалось по мере стихийного роста цены. Протей извивался, пытаясь вырваться, принимая для этого все более дикие и трогательные формы. Харндон плотно сжал губы. Он отлично знал по себе, что такое страдание.

— Двести! — сказал он.

— Новый голос! — ликующе закричал аукционер.— Голос из задних рядов! Пятьсот, так вы сказали?

— Двести! — сдержанно повторил Харндон.

— Двести пятьдесят,— поспешил стоявший рядом с Барром аристократ.

— И еще двадцать пять,— сказал молчавший до этого какой-то господин.

Харндон нахмурился. Теперь, когда он вступил в торги, его, как всегда, захватило происходящее. Но, как бы то ни было, он не даст, чтобы протея заполучили другие.

— Четыреста! — крикнул он.

На мгновение над аукционом нависла тишина, такая, что даже было слышно, как кто-то издал насмешливый крик устремляющейся вниз морской птицы. Затем спокойный голос из переднего ряда произнес:

— Четыреста пятьдесят.

— Пятьсот,— не сдавался Харндон.

— Пятьсот пятьдесят!

Барр ответил на сразу, и аукционер-агозлид вытянул свою раздувшуюся короткую шею, высматривая, кто это набавляет цену.

— Я слыхал пятьсот пятьдесят,— тягуче, нараспев произнес он.— Неплохо, но все еще недостаточно!

— Шестьсот,— произнес Харндон.

— Шестьсот двадцать пять!

Харндон с трудом подавил жгучее желание вытащить свой иглопистолет и пристрелить своего противника по торгам.

Вместо этого он еще теснее сжал челюсти и процедил:

— Шестьсот пятьдесят.

Протей изогнулся и стал похож на корчащегося от боли псевдокота. Толпа была от всего этого в диком восторге.

— Шестьсот семьдесят пять,— раздался голос.

Теперь торги превратились в состязание двух человек, в то время как все остальные стали болельщиками, нетерпеливо ожидающими, кто первый отступит. Харндон присмотрелся к своему оппоненту: это был рыжебородый придворный с ярко пылающими глазами и двойным рядом бриллиантов на камзоле. Пожалуй, он выглядел чересчур богатым для Барра. Перешибить его не было никакой возможности.

— Семьсот стелларов! — произнес Харндон.

Он поспешно осмотрелся вокруг, увидел стоявшего неподалеку мальчишку и подозвал его к себе.

— Семьсот двадцать пять,— спокойно произнес аристократ.

Харндон зашептал:

— Видишь того человека, там, чуть впереди? Который только что говорил. Подбеги к нему и скажи, что его госпожа послала за ним и с нетерпением ждет его.

Он дал мальчишке золотую монету в пять стелларов и подмигнул.

Мальчишка вытаращил глаза на такой подарок судьбы, затем усмехнулся и понимающе кивнул и начал протискиваться между зеваками к аристократу.

— Девятьсот! — сказал Харндон.

Это было намного больше, чем рассчитывал получить агозлид, и, вероятно, даже больше, чем мог позволить себе потратить состоятельный аристократ. Харндон осо-

знавал, что у аристократа нет другого выхода, как отступить, и предлагал ему отступить с почетом.

— Последняя цена девятьсот,— закричал аукционер.— Лорд Моарис, вы хотели еще набавить?

— Конечно,— отозвался тот,— но меня вызывают, и я должен уйти.

У него был решительный и сердитый вид, но он не мог пренебречь сообщением мальчишки. Харндон решил взять это на заметку, чтобы воспользоваться при случае. Пожалуй, это было счастливой догадкой — что Лорд Моарис, придворный Властителя, бегом бежит, как только его потребует супруга.

— Цена девятьсот! — повторил агозлид.— Что-то я не слышу надбавки? Девятьсот за такого прекрасного протея? Да это же просто смешно! Кто даст тысячу?

Таких не оказалось. Прошли положенные секунды, других голосов не было слышно. Харндон напряженно ждал, стоя в толпе с самого края, пока аукционер монотонно тянул:

— Девятьсот — раз, девятьсот — два, девятьсот — три, девятьсот — и не больше... Ваш за девятьсот, дружище. Подойдите сюда с наличными. И я прошу всех вернуться сюда через десять минут, мы предложим вам несколько прекрасных розовощеких девушек с Виллидона.

Его руки описали в воздухе очертания женской фигуры удивительно непристойными движениями.

Харндон пошел вперед. Толпа начала расходиться, когда он приблизился к торговцу. Протей принял очертания лягушки и сидел, собравшись в бесформенную груду, как пластилиновый ком.

Барр встретился взглядом с мерзко пахнущим агозлидом и сказал:

— Протея купил я. Кому отдать деньги?

— Мне,— забрюзжал аукционер.— Девятьсот стелларов золотом плюс тридцать стелларов чаевых, и тварь ваша.

Харндон дотронулся до вставки на своем поясе, и связка из стостелларовых звеньев выскочила наружу. Он отсчитал девять звеньев, отделил их и выложил на стол перед агозлидом. Затем он вытащил из кармана шесть монет по пять стелларов и небрежно швырнул их на стол.

— Оставьте свое имя для регистрации,— сказал аукционер после того, как пересчитал деньги и проверил, не фальшивые ли они, с помощью небольшого прибора, измерявшего плотность.

— Барр Харндон.

— С какой планеты?

Харндон на мгновение задумался.

— С Барлаама.

Агозлид поднял глаза.

— Вы что-то, мне кажется, не слишком похожи на барлаамца, а, приятель? А, может, чисто?

— А разве для вас это имеет хоть какое-то значение? Да, я чисто, может быть слышали о таком материке, как Зоннигог? Так вот я из речной местности этого материка. Но если мои деньги вам не подходят...

Агозлид замахал руками и начал старательно вписывать имя покупателя в регистрационную книгу. Затем он нагло взглянул вверх и произнес:

— Очень хорошо, Барр Харндон из Зоннигога, вы теперь владеете протеем. Вам будет приятно узнать, что он уже обучен и смирился со статусом раба.

— Это меня очень радует,— решительно сказал Барр.

Агозлид вручил Харндону сверкающий диск из полированной меди с девятизначным числом, выбитым на нем.

— Это кодовый ключ. В случае, если вы потеряете своего раба, отнесите этот диск в барлаамский центр «А», и вашего голубчика очень быстро выследят и приведут к вам опять.

Затем торговец вытащил из кармана крохотный излучатель и небрежно передвинул его через весь стол.

— А это ваш резонатор. Он настроен в резонанс с ячейками специальной сетки, введенной в тело протея на субмолекулярном уровне. Вам, допустим, не понравилось, как ведет себя это создание — просто дерните за этот рычажок. Очень важно, чтобы рабы вели себя надлежащим образом.

Харндон взял резонатор и спросил:

— Протей, наверное, и без этого прибора испытывает немалые муки. Но все же я возьму этот инструмент.

Аукционер схватил протея и смахнул его со стола вниз, рядом с Харндоном.

— Забирайте его и помните, что теперь он ваш. Всецело!

Место вокруг них опустело. Толпа собралась на противоположном конце площади, где шел аукцион бриллиантов. Харндон осмотрелся вокруг и отыскал свободный проулок, который вел через мощеную площадь к набережной.

Глава 2

Он отошел уже на несколько шагов от столика аукционера, когда тому привели трех испуганных обнаженных девушек с Виллидона.

Даже не поинтересовавшись столь изысканным зрелищем, он направился в сторону моря.

В двухстах метрах от него простиралась набережная, а за нею яркий зеленый простор Сияющего Океана. На мгновение взгляд Барра устремился через океан, к далекому материку Зоннигог, где он родился. Затем он внимательно посмотрел на испуганного маленького протея, который наполовину уже изменил свою форму.

Девятьсот тридцать пять стелларов за этого протея! Харндон горько скривился. Это была огромная сумма денег, намного большая, чем он мог с легкостью позволить себе вышвырнуть за одну минуту — особенно в день возвращения на Барлаам после столь долгого отсутствия.

Но тут уже нечем было помочь. Он позволил вовлечь себя в эту ситуацию, и у него не было дурной привычки сходить на полпути. Больше он такого не допустит, решил он, думая о сожженной и опустошенной деревне в Зоннигоге, разграбленной мародерами из армии Властителя Креллига.

— Иди к парапету на набережной,— сказал он протею.

Наполовину сформировавшийся рот существа неясно произнес:

— Х...хозяин?

— Ты понимаешь меня, не так ли? Тогда иди к стенке. Иди не останавливаясь и не поворачиваясь.

Барр стоял и ждал. Протей образовал ноги и нетвердо, пошатываясь побрел по истертым булыжникам мостовой. «Девятьсот тридцать пять стелларов»,— с горечью подумал Барр.

Он вытащил свой иглопистолет и опустил его вниз в вытянутой руке.

Протей продолжал идти через базарную площадь в направлении моря. Кто-то закричал:

— Эй, эта штука собирается искупаться! Ха, ха! Может быть, ее лучше остановить, хозяин?

— Протей принадлежит мне! — холодно отозвался Харндон.— И держитесь от него подальше, если вам дорога собственная жизнь.

Несколько обывателей ошарашенно посмотрели на него, но никто не посмел пошевелиться. Протей подошел уже

почти вплотную к парапету и в нерешительности остановился. Даже самые низшие формы жизни не хотели быть уничтоженными, пусть это и избавляло их от страданий.

— Залезай на стенку! — приказал Харндон.

Протей слепо повиновался. Харндон нежно поглаживал пальцем спусковой крючок иглопистолета. Он поглядел на протея, который забрался на невысокую стенку и теперь смотрел вниз в мутную воду бухты. Харндон начал громко считать и, когда дошел до трех,— выстрелил. Тонкая иглообразная пуля молнией пролетела над булыжниками мостовой и вонзилась в спину протея. Смерть должна была наступить мгновенно: игла содержала нервно-паралитический яд, эффективно действующий на все известные формы жизни.

Схваченное как раз в середине очередного изменения, несчастное создание на какое-то мгновение замерло на стенке, а затем начало медленно падать в воду. Харндон кивнул и спрятал оружие в кобуру. Он посмотрел вокруг и увидел, что люди недоуменно качали головами, и услышал, как кто-то сказал шепотом:

— Должно быть, какой-то дурень! Это надо же, заплатить за раба тысячу стелларов и первое, что после этого сделать,— застрелить его!

И Харндон должен был про себя согласиться с этим неизвестным. Наверное, так мог поступить только человек, у которого что-то с головой. «Пожалуй, утро было дороговатое»,— мелькнуло у него в голове, и, развернувшись, Харндон собрался было покинуть площадь, но путь ему преградил маленький человечек с морщинистым лицом. Должно быть, он вышел из толпы, собравшейся на распродаже бриллиантов.

— Меня зовут Боллар Бенджин,— произнесла эта маленькая пародия на человека. Голос его был похож на карканье. Тело казалось высохшим и сплющенным. На этом человечке была тесная обшарпанная куртка.— Я видел, что вы только что сделали со своей собственностью!

— Ну и что из этого? Разве ликвидация рабов в общественном месте является нарушением закона? — несколько наигранно изумился Харндон.

— Только определенный тип людей может себе это позволить, не так ли? — спросил Боллар Бенджин.— Это или очень жестокие люди, или же безрассудно смелые. Так к какому типу вы соизволили бы отнести себя, сэр?

— К обоим! — отрезал Харндон.— А теперь разрешите мне пройти...

— Позвольте одну минутку! — каркающий голос неожиданно стал напоминать щелканье бича.— Поговорим одну минуту, сэр! Если вы можете не пожалеть тысячу стелларов на то, чтобы купить раба и тут же его убить, так не пожалейте же для меня нескольких слов!

— Что вам нужно?

— Ваши услуги, сэр! — маленький человечек твердо смотрел в глаза Барра.— Думаю, что мне могли бы пригодиться услуги такого человека, как вы! Вы свободны или с кем-то уже связаны?

Харндон подумал о тысяче стелларов — почти половине своих денег — которые он только что выбросил на ветер. Он подумал о Властителе Креллиге, которого ненавидел и которого поклялся убить во что бы то ни стало. И о морщинистом человечке перед собою.

— Я не связан никакими обязательствами,— медленно проговорил он.— Но моя цена высока. Что вы хотите и что вы можете мне предложить?

Бенджин криво ухмыльнулся и стал копаться во внутреннем кармане куртки. Когда он вытащил руку, в ладони сверкнули полыхающие солнцем бриллианты.

— Я занимаюсь ими,— сказал он,— и могу очень хорошо заплатить за услуги.

Бриллианты исчезли в кармане.

— Если вы заинтересовались,— заметил Бенджин,— то можете пойти со мною.

Харндон кивнул.

— Да. Ваше предложение меня чем-то привлекает.

Глава 3

Харндон покинул Барлаам за год до этого дня. Годом раньше — в семнадцатый год правления Властителя Креллига — банда мародеров ворвалась в его родную деревню, сея смерть и разрушение. Семья Харндонов не избежала общей участи — отец и мать были убиты сразу, младшего брата угнали в рабство, сестру изнасиловали и в конце концов довели до смерти.

Деревня была сожжена. И только Барр Харндон сумел избежать смерти. Перед тем, как уйти из разрушенной деревни, он взял с собой двадцать тысяч стелларов из денег семьи и убил восемь лучших офицеров Властителя.

Он покинул эту планетную систему и отправился в Федерацию Мельд, состоящую из девятнадцати планет.

На планете Мельд XVII он купил себе новое лицо, лишенное черт, характерных для аристократов Зоннигога. Исчезли острые, почти как лезвия, скулы, бледная кожа, широко посаженные черные глаза, выступающий из-под самого лба нос.

За восемь тысяч стелларов хирурги на Мельде XVII убрали все эти черты и сделали ему новое лицо: широкое там, где было узким старое; смуглое, с узкими, близко расположенными глазами, с величественным, крючковатым носом, совершенно непохожим на любой нос в Зоннигоге. Он вернулся, маскируясь под космического бродягу, вольного стрелка, безработного наемника, готового заключить контракт по самой высокой таксе.

Хирурги с Мельда изменили его лицо, но не изменили его сердца. Харндон пылал желанием отомстить Креллигу — Креллигу неумолимому, Креллигу неуловимому, который прятался за огромными каменными стенами своей крепости, страшась ненависти народа.

Харндон мог быть и терпеливым. Но он поклялся убить Креллига рано или поздно.

Сейчас же он стоял на узкой улочке, вливающейся в Бронзовое Авеню, самую высокую из извилистого нагромождения улиц, образующих древний квартал Барлаам-Сити, столицы планеты с этим же названием. Он молча пересек всю центральную часть города, не надоедая разговорами своему похожему на гнома компаньону Бенджину, тяготясь только своими мыслями и душившей его ненавистью.

Бенджин показал на черные металлические двери слева от них и произнес:

— Нам сюда.— Он прижал свою ладонь к металлу двери и сильно нажал.

Дверь резко поднялась вверх и скрылась в карнизе под проемом. Бенджин пошел внутрь.

Харндон последовал за ним и внезапно почувствовал, как будто какая-то гигантская рука схватила его и сжала в своей ладони. Не поняв сначала, в чем дело, Харндон стал отчаянно бороться с полем статиса.

— Черт вас возьми, Бенджин, да разверните-ка меня!

Поле не ослабляло свою хватку. Карлик Бенджин криво улыбнулся и начал обыскивать Харндона. Он забрал его иглопистолет, четырехкамерный бластер и кортик.

— А сейчас мне не надо спрашивать у вас: «Безоружны ли вы?» Я и так твердо знаю: вы безоружны! И поэтому я отключаю поле.

Харндон рассвирепел.

— По крайней мере, вы могли бы предупредить меня! Кстати, когда я получу назад свое оружие?

— Позже,— ухмыльнулся карлик.— А сейчас я бы посоветовал вам немного сдерживать свой норов. Ну, что, идем?

Барра ввели в комнату, где за деревянным столом сидели трое мужчин и женщина. Харндон с любопытством осмотрел эту четверку. Мужчины представляли довольно странную компанию. По лицу одного из них безошибочно угадывалось благородное происхождение, в то время, как двое других были весьма вульгарны. Вне всякого сомнения, это были обычные простолюдины. Что касается женщины, то она вряд ли заслуживала того, чтобы на нее смотрели дважды: неряшливая, с отвислыми крупными грудями и одутловатым лицом, она, несомненно, была любовницей одного из присутствующих здесь мужчин или даже общей для всей группы.

Бенджин подтолкнул Харндона к столу и представил присутствующим:

— Это Барр Харндон,— сказал он.— Вольный космический бродяга. Я повстречал его на рынке. Он только что купил на аукционе протея за тысячу стелларов. Я наблюдал, как он велел этому своему рабу идти в море, а затем всадил иглу ему в спину.

— Если он так швыряется деньгами,— заметил кажущийся благородным мужчина,— то какая необходимость у него наниматься к нам?

— Расскажите нам, почему вы убили своего раба,— не обращая внимания на вопрос благородного, обратился к Барру Бенджин.

Харндон мрачно улыбнулся.

— Меня это позабавило.

Один из одетых в кожаные костюмы простолюдинов пожал плечами и сказал:

— Эти космические бродяги ведут себя совсем не так, как обычные люди. Бенджин, я против того, чтобы нанять его.

— Но мы нуждаемся в нем,— резко возразил карлик. Обратившись к Харндону, он сказал: — Возможно, это было что-то вроде рекламы? Демонстрация вашей готовности убивать и вашего безразличия к моральным ценностям человечества?

— Да,— солгал Харндон.

Ему бы только повредило, если бы он начал объяснять,

что он купил, а потом убил это несчастное создание только для того, чтобы избавить его от бесконечных страданий.

— Меня это позабавило,— оскалил зубы Барр.— И похоже, сослужило хорошую службу. Я имею в виду, привлекло ваше внимание к моей скромной особе.

Бенджин победоносно засверкал глазками.

— Хорошо. Позвольте тогда объяснить вам, Харндон, кто мы такие. Во-первых, наши имена: это Хейтман Оверск, младший брат Лорда Моариса.

Харндон взглянул на аристократа. Второй сынок, да. Знакомый порядок. Вторые сыновья, не владеющие собственностью, но несущие в себе искру благородного происхождения, часто забредают на скрытые в тени тропинки.

— Я имел удовольствие переиграть вашего брата на торгах сегодня утром,— заметил он.

— Перещеголять Моариса? Нет, это невозможно,— надменно скривился аристократ.

Харндон пожал плечами.

— Его посредине аукциона позвали к госпоже, поэтому он вынужден был уйти. В противном случае протей был бы его. А у меня в кармане сейчас было бы на девятьсот стелларов больше.

— Этих двоих,— продолжал дальше Бенджин,— зовут Лоргель и Резамод. У них обоих полный голос в нашей организации. Надобно вам знать, Барр, что в нашей организации нет социальных разграничений. А это,— он сделал жест рукой в сторону женской особи,— Мария. Она принадлежит Лоргелю, но он не возражает против займов.

Харндон пожал плечами.

— Я не собираюсь брать это сокровище в долг. Ну, а каково же мое участие в этом деле?

Высохший карлик пропищал:

— А ну-ка, Резамод, принеси нам один экземпляр.

Загорелый простолюдин поднялся со своего места и направился в темный угол тускло освещенной комнаты. Некоторое время он что-то искал на ощупь в ящике стола, а затем вернулся с драгоценным камнем, который ярко сиял даже через сомкнутые пальцы. Он выложил драгоценность на стол, и камень начал тускло мерцать, резко уменьшив при этом свое свечение. Харндон обратил внимание на то, что ни Хейтман Оверск, ни Лоргель не позволяют себе задержать взгляд на самоцвете более, чем на секунду, и поэтому он, так же как и они, отвел свой взгляд в сторону.

— Возьмите его,— предложил Бенджин.

Самоцвет был холоден, как лед. Харндон шутя перекатывал его на ладони и вопросительно смотрел на присутствующих.

— Ну, что же вы? — насмехался Бенджин.— Неужели вас совсем не заинтересовал этот камень? Да рассмотрите же его повнимательней. Испытайте его глубины! Поверьте мне, это действительно прелестный экземпляр.

Харндон нерешительно присмотрелся к камню. У самоцвета были широкие грани, изнутри испускался яркий свет и — у Барра перехватило дыхание — внутри камня он внезапно увидел лицо. Лицо женщины, томное, манящее, которое, казалось, взывает к нему из глубины моря.

Его внезапно прошиб пот. С усилием он оторвал взгляд от камня и сомкнул пальцы. Еще секундой позже он с силой зашвырнул самоцвет в самый дальний угол комнаты. Повернувшись к Бенджину, Харндон сквозь зубы медленно произнес:

— За такие шутки тебя ждет смерть!

Его руки метнулись к горлу карлика, но тот неожиданно резво отпрянул, а Лоргель и Резамод поспешно вклинились между ним и Бенджином. Харндон какое-то мгновение пристально смотрел на грузного потного Резамода, но потом отступил, содрогаясь от нервного напряжения.

— По крайней мере, вы могли бы предупредить меня,— сказал он через некоторое время, немного успокоясь.

Бенджин извиняюще улыбнулся.

— Это испортило бы проверку. Нашей организации нужны сильные люди. Оверск, что вы теперь думаете об этом человеке?

— Он отбросил камень,— одобрительно произнес Хейтман Оверск.— Это добрый знак. Думаю, что он мне начинает нравиться.

— Резамод?

Простолюдин издал хрип, распознанный Бенджином как согласие с Оверском. Такой же звук издал и Лоргель. Харндон постучал по столу и сказал:

— Значит, вы занимаетесь звездными камнями? И вы дали мне один из них без предупреждения? Что, если бы я не устоял?

— Мы бы продали этот камень вам и отпустили бы на все четыре стороны,— пожал плечами Бенджин.

— Какого рода работу вы хотите мне поручить?

— Наше дело,— сказал Хейтман Оверск,— перевозить эти звездные камни сюда с Внешнего Обода Галактики,

где их добывают из-под земли. Наша задача — продать их тем, кто может себе это позволить! Цена на эти самоцветы, между прочим, от пятидесяти тысяч стелларов и выше. Мы платим на Ободе по восемь тысяч за штуку, но сами отвечаем за их перевозку. Нам нужен инспектор, который бы проверял количество и качество камней, вывозимых с планеты, где они добываются, на Барлаам. Остальное, здесь, мы берем на себя.

— Оплата высокая,— добавил аристократ.— Ваша зарплата будет пять тысяч стелларов в месяц плюс полный голос в организации.

Харндон задумался.

Торговля звездными камнями была самым грязным ремеслом во всей Галактике. Гипнотические драгоценности быстро закабаляли своих владельцев. Если в течение года постоянно рассматривать один и тот же камень, то человек теряет разум и становится несущим чушь идиотом, способным только созерцать калейдоскоп чудес, замкнутый внутри самоцвета.

Путь к выработке пагубной привычки был очень легким. Только самый сильный человек был способен по своей воле оторвать взгляд от звездного камня, даже если лишь мельком взглянул на него. Харндон доказал свою силу. Люди, которые могут убить только что приобретенного дорогого раба, могут отвести взгляд от звездного камня.

Он сказал:

— Какие предварительные условия?

— Полное подчинение! — твердо пропищал Бенджин.— Включая и хирургическую имплантацию предохранительного устройства.

— Думаю, что это мне может не понравиться.

— У нас у всех оно есть,— заметил Оверск.— Даже у меня.

— Если вы все носите их,— сказал Барр,— то перед кем же несете ответственность?

— У нас полный взаимоконтроль и распределение функций. Я поддерживаю контакты с другими планетами. Оверск здесь ищет перспективных клиентов. Лоргель и Резамод являются экспедиторами и заняты вопросами транспортировки и охраны. Так что мы полностью контролируем друг друга.

— Но должен же быть кто-нибудь, кто контролирует все эти предохранительные устройства,— не унимался Харндон.— Кто же это?

— Контроль переходит по очереди, ежемесячно, от

одного к другому. В этом месяце контроль осуществляю я,— сказал карлик.— В следующем настанет очередь Оверска.

Харндон возбужденно зашагал по затемненной комнате. Предложение было очень заманчивым. Пять тысяч в месяц позволили бы ему жить на широкую ногу. И Оверск был братом Лорда Моариса, который был известен как близкий поверенный Властителя.

А самого Лорда Моариса держала под каблуком его жена. Харндон увидел, что все приобретает стройные очертания. Сочетание всех этих взаимосвязей в конце концов может привести к тому, что Властитель Креллиг окажется в пределах досягаемости.

Ему не нравилось только, что в его теле будет чужеродное предохранительное устройство. Он знал, как оно действует. Если возникнут подозрения в том, что он надувает организацию или же стремится покинуть ее, то любой, кто владеет управляющим устройством, может мгновенно низвести его до положения пресмыкающегося, раздираемого болью раба. Предохранительные устройства могут быть извлечены только теми хирургами, которые устанавливали их,— этого никак нельзя было забывать!

Принять такое предложение — означало надеть на себя ярмо этой банды контрабандистов, промышляющих звездными камнями. Но на уме у Харндона была более высокая цель.

— Я принимаю ваше предложение, господа,— сказал он.— Только расскажите мне предварительно поподробнее, в чем будут заключаться мои обязанности.

— Партия звездных камней,— начал Бенджин,— откопана для нас на планете — нашем источнике и вскоре будет отгружена. Мы хотим, чтобы вы направились на эту планету и сопровождали груз на всем его пути через космос сюда, на Барлаам. Мы терпим большие убытки от воровства при каждой отгрузке — и нет способа застраховать партию звездных камней от ущерба.

— Мы знаем, кто вор,— вставил Оверск.— Вы будете также ответственны за то, чтобы поймать его с поличным и... избавиться от него.

— Не забывайте, что я не наемный убийца! — спокойно произнес Харндон.

— Но на вас одеяние космического бродяги, а это говорит о не очень высоком моральном облике,— усмехнулся аристократ.

— Кроме того, никто не упомянул слово «убийство»,—

пропищал карлик.— Воспринимайте это просто как приведение в исполнение приговора за совершенное преступление. Представьте, что вы накажете преступника. Ведь вы же, да и он, этот негодяй, знаете, что воровать нехорошо!

Харндон сцепил руки впереди себя и произнес:

— Для аванса мне нужно двухмесячное жалованье. Я желаю воочию убедиться в том, что вы все имеете под кожей нейронные ячейки, и только после этого я позволю вашему хирургу копаться в моем теле.

— Договорились,— кивнул Бенджин, обменявшись взглядами с остальными членами шайки.

— Более того, мне нужна в качестве единовременного дара сумма в 935 золотых стелларов. Сумму, которую я потратил сегодня на аукционе, чтобы привлечь внимание потенциального нанимателя, я должен себе вернуть в первую очередь.

Это было ложью, но для нее была причина. Имело смысл заставить этих людей считаться с собой, и как можно быстрее. Тогда и следующих уступок с их стороны будет гораздо легче добиться.

— Согласны,— снова ответил Бенджин, но на этот раз более неохотно.

— В таком случае,— сказал Барр,— я у вас на службе. Я готов начать отрабатывать деньги хоть с сегодняшнего вечера. И как только будут выполнены все выдвинутые мною условия, я передаю свое тело в руки вашего хирурга.

В тот же день немного попозже он был готов к операции. Деньги в сумме 10935 стелларов были депонированы в королевском банке Барлаама на его имя, и после того, как он убедился, что Бенджину, Оверску, Лоргелю и Резамоду имплантированы нейронные ячейки, ему уже не было пути назад. Больших гарантий взаимодоверия он никак уже не мог потребовать от членов шайки, не рискуя потерять достигнутое.

Клиника хирурга размещалась чуть дальше по этой же самой авеню, в полуразрушенном старинном здании, без сомнения, построенном еще во времена Третьей Империи. Сам хирург был жилистым, крепким парнем со шрамом от лучевого ожога на щеке, и с укороченной левой ногой.

«Отставной врач пиратского корабля»,— определил Харндон. Никто другой не взялся бы за такую операцию, не задав кучу вопросов. И вот ему, Барру Харндону, остается только надеяться, что этот бугай отлично знает свое дело.

Сама операция заняла час, в течение которого Харндон был под полной анестезией. Он пришел в себя, когда с него уже снимали медный операционный колпак. Он чувствовал себя так же, как и раньше, хотя и знал, что в его тело на субмолекулярном уровне помещена металлическая сетка.

— Ну, что? Уже закончили? — были его первые слова.

— Закончил! — хирург кивнул головой и устало прикрыл глаза.

Харндон взглянул на Бенджина, находившегося тут же, рядом с врачом. Карлик держал в своей ладони ярко поблескивающий металлический предмет.

— Это аппарат контроля, Харндон. Разрешите, я продемонстрирую его действие,— с этими словами пальцы коротышки сжались, и тотчас же Харндон почувствовал сильнейшую боль в лодыжке правой ноги. Движение пальца Бенджина — и раскаленная докрасна стрела вонзилась в плечо Харндона. Еще одно чуть уловимое движение пальцев — и липкая рука, казалось, сжала его сердце.

— Хватит! — вскричал Барр. Он понял, что своим поступком он навеки расписался под отказом от собственной свободы, если только аппарат контроля останется в распоряжении Бенджина. Но сейчас это не сильно и угнетало его. Он отказался от своей свободы фактически в тот день, когда дал клятву быть свидетелем смерти Властителя Креллига.

Глава 4

Корабль назывался «Лорд Насир». Это был великолепный суперлайнер, отправившийся к звездам Внешнего Обода, на расстояние в тысячи световых лет. Бенджин устроил так, что Харндон отправился в путь на этом роскошном лайнере совершенно бесплатно. В судовом списке он числился человеком из окружения Лорда и Леди Моарис. Оверск заполучил для него работу — помощника распорядителя в свите знатной пары, которая ехала отдыхать на одну из планет — курорт в районе Обода. Харндон не возражал, когда узнал, что будет путешествовать в обществе Лорда, и особенно — дорогой Леди Моарис.

Корабль был самым роскошным и большим в космическом флоте Барлаама. Даже на палубе «С», где жила прислуга, Харндону досталась комната с нормальной силой

тяжести, с синтетическими занавесями и встроенным хроматроном. Он никогда так не жил даже в родительском доме, а родители его были когда-то среди первых людей Зоннигога.

Обязанности Барра были не сложны. Он должен был организовывать вечера знати и притом так, чтобы его патрон выглядел самым великолепным из всех аристократов, находящихся на борту. Вместе с четой Моарис в путешествие отправилось более сотни человек, включая слуг, стюардов, поваров и платных льстецов. Во время старта, находясь в своей каюте, от нечего делать он принялся изучать свои документы. Виза в Вайпор. Так вот откуда приходят звездные камни!

Вайпор, покрытая джунглями отдаленная планета, которой почти не коснулась цивилизация. Неудивительно, что так трудно было контролировать торговлю этой сверкающей радостью.

Когда корабль благополучно поднялся и статис-генераторы перевели его в нуль-пространство, Харндон оделся в придворную черно-красную одежду окружения Лорда Моариса. Затем, пройдя по широкому главному коридору, он направился в Главный Зал, где Лорд Моарис и его Леди собирали всех своих придворных в первый вечер своего путешествия в космосе.

Танцевальный зал был украшен гирляндами из живых светящихся существ. Танцующий медведь с Альбирео XII неуклюже топтался на входе. Когда в зал вошел Харндон и представился как Помощник Распорядителя, его встретили барлаамцы в такой же одежде, как и он, и поклонились ему.

Какое-то мгновение он стоял один на пороге танцевального зала, глядя на блистающее великолепие публики. «Лорд Насир» был выставкой богатства, и многие из самых богатых барлаамцев были здесь, соперничая с высшей аристократией и даже с самими Моарисами великолепием нарядов и драгоценностей.

Харндон при виде всего этого испытал чувство справедливой обиды. Хотя он и вырос далеко за морем, по происхождению и привилегиям он принадлежал к самому высшему обществу планеты. Сейчас же он был вынужден стоять в одеянии стюарда и, униженно кланяясь, выполнять чьи-то прихоти.

Знатная чета сидела на возвышении в креслах, в дальнем конце, где находилась зона для танцев со значительно уменьшенной силой тяжести. Танцоры, подобно

сказочным персонажам, грациозно проплывали мимо них, изредка касаясь ногами пола.

Харндон сразу узнал Лорда Моариса — он хорошо запомнил его лицо во время аукциона. Это был мрачный, невысокий человек, с бочкообразным туловищем, блистающий великолепием своей одежды, одежды одного из первых придворных Властителя. На подбородке Лорда топорщилась маленькая бороденка, выкрашенная по последней моде в ярко-красный цвет. Он неподвижно восседал в своем высоком кресле, сжимая его резные подлокотники, как будто боялся воспарить к потолку. В воздухе рядом с ним мерцала едва различимая дымка поля нейтрализации, предназначенная для его защиты от выстрелов возможного убийцы.

Рядом с Моарисом сидела его прелестная Леди — в высшей степени хладнокровная и недоступная. Харндон был поражен ее молодостью. Аристократы, без сомнения, имели средства для восстановления утраченной свежести на женском лице, но столь убедительно воссоздать буйное цветение юности они, конечно, не умели. Леди Моарис было никак не больше двадцати трех — двадцати пяти лет.

Ее муж был на несколько десятков лет старше и было нисколько не удивительно, что он столь ревностно стерег ее.

Она смотрела на происходящее перед нею с приятной довольной улыбкой. Харндон тоже улыбнулся при мысли о ее красоте и пользе, которую он надеялся получить от нее. Ее кожа была нежно-розовой; служанка, с которой Барр познакомился на нижней палубе, рассказала ему, что госпожа дважды в день принимает ванну из особого крема, привозимого контрабандистами с недоступных планет. У Леди Моарис были чистые, широко расставленные глаза, красивый ровный нос, губы изгибались двумя плавными дугами. На ней было платье, усыпанное изумрудами; казалось, что оно испускает зеленоватое свечение. У шеи на платье был глубокий вырез, обнажавший высокую грудь и сильные плечи. В своей маленькой ручке она держала инкрустированный бриллиантами скипетр.

Харндон осмотрелся, нашел какую-то придворную даму, которая в это время была свободной, и пригласил ее на танец. Они вальсировали молча, время от времени входя в поле пониженной гравитации. Возможно, при других обстоятельствах Харндон счел бы появляющиеся при этом ощущения довольно приятными, но сейчас ему было не до этого. Его занимала только возможность привлечь к себе внимание Леди Моарис.

И это ему удалось. Конечно, не сразу, но благодаря своему росту он был самым заметным среди собравшихся гостей. И после того, как Лорд и Леди покинули свои троны и, смешавшись с придворными, начали танцевать, Харндон старался почаще менять партнерш, пока, наконец, не оказался лицом к лицу с Леди Моарис.

— Не хотите ли станцевать со мной? — спросила она. Слова ее обволакивали Харндона как легкая осенняя паутина.

Барр склонился в учтивом поклоне.

— Я посчитал бы это за великую честь, миледи.

Они начали танцевать. Вести ее было очень легко. Харндон остро ощущал ее близость, тепло ее тела... В глазах партнерши он увидел нечто такое — затаенную щемящую боль, что ли? — что поведало ему, что не все гладко между Лордом и Леди.

— Я не знаю вас, — сказала она. — Кто вы?

— Барр Харндон, миледи. Из Зоннигога.

— Что? Из Зоннигога? В самом деле? И ради чего это вы пересекли океан протяженностью в полтора десятка тысяч километров? Чем привлекла вас наша столица?

Харндон улыбнулся и после нескольких изящных пируэтов сказал:

— Жажда славы и удачи, миледи. Жить в Зоннигоге хорошо и спокойно, но единственное место, где можно прославиться, это Барлаам-Сити. По этой причине я ходатайствовал перед Хейтманом Оверском, чтобы он ввел меня в свиту своего брата.

— Значит, вы знакомы с Оверском, да?

— Не так уж близко, миледи. Я служил у него некоторое время, а затем напросился сюда.

— Так вы и шагаете, взбираясь все выше и выше с помощью своих прежних хозяев, пока не переберетесь с плеч Лорда Моариса к ногам Властителя. В этом состоит ваш план?

Она обезоруживающе улыбнулась, показывая, что в ее словах нет ни злости, ни осуждения. Харндон кивнул и со всей искренностью произнес:

— Признаюсь, что именно в этом заключается цель моей жизни.

Женщина ободряюще кивнула, и Барр продолжал:

— Хотя, простите меня за эти слова, могут появиться причины, которые побудят меня оставаться на службе у Лорда Моариса дольше, чем я первоначально предполагал.

Румянец вспыхнул на ее лице. Она поняла намек. Шепотом Леди произнесла:

— Вы дерзкий. Я полагаю, что хорошая внешность и сильное тело являются первопричиной этому!

— Благодарю вас, миледи!

— Я не имела намерений расхваливать вас,— сказала она, когда танец подошел к концу и оркестр замолк.— Это слова осуждения. Но какое все это имеет значение? Я благодарю вас за танец.

— Могу ли я рассчитывать на удовольствие от общения с вами, миледи, когда-нибудь?

— Возможно, но не слишком скоро,— она насупилась.— У Лорда Моариса очень развиты собственнические чувства. Он негодует, когда я дважды за один вечер танцую с одним и тем же членом его свиты.

На мгновение лицо Харндона омрачила досада.

— Ничего не поделаешь, миледи. Пожалуй, я схожу на смотровую площадку «А» полюбоваться звездами. Если Леди ищет товарища — она найдет его там.

Женщина взглянула на Барра и, не ответив, упорхнула, как порыв весеннего ветра. Но Харндон весь зарделся от удовольствия. Все начинало становиться на свои места.

Смотровая площадка «А», расположенная на самой верхней палубе обширного лайнера, предназначалась только для самых знатных пассажиров и членов их свиты. Это был огромный зал, всегда погруженный во мрак. На одном конце этого зала был расположен смотровой экран, открытый чудесам мироздания. В нуль-пространстве всегда было видно гиперболически искривленное пространство, и от многоцветья звезд захватывало дух даже у много повидавших на своем веку космических бродяг. Здесь не существовало геометрии, все было сказочно искаженным. Сверкающая панорама освещала зал.

Смотровой зал для пассажиров первого класса был также известен как место свиданий. Здесь, под покровом полумрака, знатные леди могли встречаться с поварами и отдаваться лакеям, а их Лорды — обладать посудомойками. Какой-нибудь представитель желтой прессы с помощью инфракрасной съемки мог бы нажить целое состояние на снимках посетителей этого зала. Но сканирующее устройство при входе предотвращало всякую возможность проноса сюда какой-либо аппаратуры. Здесь было царство плоти!

Харндон стоял у смотрового окна, глядя на ослепительные золотые и зеленые переливы лучей ближайших звезд, когда услышал за своей спиной шепот:

— Барр Харндон?

Он обернулся. В темноте было трудно рассмотреть говорящую. Но это была точно не Леди Моарис, хотя такая же высокая. И все же скудного света было достаточно, чтобы не ошибиться. Волосы девушки были, похоже, светло-соломенными, в то время как у Леди они были цвета червонного золота. Он также смог увидеть белизну груди девушки, тогда как одежда Леди, хотя и с большим декольте, была несколько скромнее.

Это была, по всей вероятности, одна из придворных дам, очарованная Харндоном и, возможно даже, подосланная Леди Моарис с целью испытать его или что-то передать.

— Да, это я,— ответил он.— К вашим услугам, сударыня.

— Я пришла по поручению одной знатной дамы,— послышался шепот девушки.

Улыбаясь в темноте, Харндон произнес:

— Что ваша госпожа велела передать мне?

— Этого нельзя говорить. Обнимите меня, как будто мы влюбленные, а я передам нечто очень необходимое вам.

Пожав плечами, он сжал в своих объятиях подавшуюся ему навстречу девушку с наигранной страстью. Их тела тесно прижались друг к другу, губы встретились. Харндон почувствовал, как рука девушки ищет его руку и перекладывает что-то холодное, металлическое в нее. Наконец, девушка отняла губы и, поднявшись на носки, прошептала Барру на ухо:

— Это ключ. Будьте у нее через полчаса.

Они отодвинулись друг от друга.

Харндон кивнул на прощание и сосредоточил все свое внимание на великолепии космоса. Он даже не взглянул на предмет в своей руке, а просто сунул его в карман.

Отсчитав мысленно пятнадцать минут, он покинул смотровой зал и вновь появился на главной палубе. Бал продолжался вовсю, но он узнал от дежурного охранника, что Лорд и Леди уже ушли спать и веселье скоро закончится.

Харндон проскользнул в туалет и осмотрел ключ. Это был изотопный вскрыватель с выбитым на нем числом 1160.

В горле у него пересохло. Леди Моарис приглашает его провести ночь в ее апартаментах — либо это ловушка, где Моарис и его придворные только и ждут, чтобы пристрелить его и доставить себе этим неожиданное удовольствие... либо? А что либо? Пристрелить любовника — шутка вполне в духе аристократии Барлаама!

Но все же — он помнил чистоту ее взгляда и красоту ее лица. Он не мог поверить, что она могла быть соучастницей такой интриги.

Он выждал оставшиеся несколько минут и осторожно двинулся по устланному коврами коридору.

Возле комнаты 1160 он затаил дыхание и прислушался. Внутри стояла тишина. Сердце его учащенно билось, раздражая его. Это было первым и главным испытанием, возможно ключом к воплощению всех его надежд. И ко всему этому добавлялось просто страстное желание одинокого мужчины.

Он прикоснулся кончиком радиоактивного ключа к двери. Вещество, из которого была сделана дверь, распалось, так как временно был устранен энергетический барьер, который удерживал его молекулы сцепленными друг с другом. Харндон быстро переступил порог. За его спиной дверь тотчас же возвратилась в свое первоначальное непроницаемое состояние.

Комнату освещал мягкий свет из невидимых светильников. Леди Моарис ждала его, одетая в прозрачную ночную рубашку. На лице ее играла натянутая улыбка. Казалось, что она чувствует себя страшно неловко.

— Вот вы и пришли.

— А разве я мог поступить иначе?

— Я не была... уверена в этом. У меня нет привычки к подобным вещам.

Харндон едва сдержал циничный смех. Такая невинность была трогательной, но абсолютно невероятной. Он ничего не ответил, она же продолжала:

— Меня смутило ваше лицо — что-то суровое и страшное в нем совершенно очаровало меня. И мне захотелось прислать за вами, чтоб получше узнать вас...

— Я польщен, миледи, — не без иронии произнес Харндон. — Я никак не мог ожидать подобного приглашения.

— Вы не ожидали, а, получив такое приглашение, подумали, что я распутница, не так ли? — жалобно произнесла женщина, будто оправдываясь.

Услышать это из уст знатной дамы Барр никак не ожидал. Но все больше приглядываясь к ее стройному телу, совершенно обнаженному под прозрачной тканью, он понял, что она, возможно, и не была столь высокородной. Сейчас он увидел ее такой, какой она была на самом деле: молодой девушкой необыкновенной красоты, вышедшей замуж за высокомерного аристократа, который и ценил ее только за ту пользу, которую она приносила ему, показы-

ваясь вместе с ним на людях. Это и объяснило необычность приглашения Второго Распорядителя в спальню.

Барр взял женщину за руку.

— Это предел моих мечтаний. Что может быть прекраснее такого мгновения?

Но в словах его звучала пустая лесть. Ликуя в душе и в тоже время сгорая от вожделения, он приглушил в спальне свет. «Завоевав вас, Леди Моарис,— подумал он,— смогу ли я начать свою охоту на Властителя Крелла?!»

Глава 5

Путешествие на планету Моллекогг длилось неделю по корабельному календарю. Проведя ночь вместе с леди Моарис, Харндон еще дважды виделся с нею, и в обоих случаях она отводила от него взгляд, как будто он был для нее пустым местом.

Это можно было понять. Но Харндон взял с нее обещание, что через три месяца она снова встретится с ним, после возвращения на Барлаам. И еще она обещала, что воспользуется своим влиянием на мужа и добьется, чтобы Харндона пригласили во дворец Властителя.

«Лорд Насир» без всяких происшествий вышел из нуль-пространства и был захвачен силовым полем космодрома на Моллекогге. Через смотровое окно на своей палубе Харндон смотрел, как по мере приближения их корабля к поверхности планеты удовольствий буйство красок ее становилось все более ослепительным.

Но он не собирался оставаться надолго на этой планете. Отыскав Главного Распорядителя, он испросил у того разрешения отлучиться, естественно, без оплаты.

— Но вы же только поступили на службу к Лорду Моарису! — запротестовал было Распорядитель.— Почему же вы сразу хотите ее покинуть?

— Вы меня не так поняли, сэр. Вопрос идет о временной отсрочке,— пояснил Харндон.— Я вернусь на Барлаам раньше любого из вас. А сейчас я должен посетить одну из окраинных планет по одному важному делу, и я обещаю вам, сэр, вернуться на Барлаам за свой собственный счет, чтобы после этого уже никогда не покидать Лорда Моариса.

Главный Распорядитель жаловался и ворчал, но не мог отыскать ничего особенного, чтобы возразить Харндону

и поэтому, в конце концов, он неохотно предоставил разрешение на временную отлучку со службы. Харндон упаковал свой придворный наряд и натянул на себя старое одеяние космического бродяги. Когда же огромный лайнер наконец-таки совершил посадку в космопорте Данзибул на Моллекогге, Харндон был полностью готов. Он незаметно покинул корабль и окунулся в вокзальную суматоху.

Боллар Бенджин и Хейтман Оверск самым тщательным образом проинструктировали его насчет дальнейших действий. Барр прокладывал себе дорогу среди отвратительно пахнущих инобонов, лица которых были похожи на цветки лилий, и искал окошко билетной кассы. В конце концов он нашел одну такую кассу и достал заранее подготовленное поручительство на проезд, которое дал ему Бенджин.

— Мне нужен один билет на Вайпор,— сказал он трехглазому клерку со сплюснутым лицом, уроженцу неизвестной ему планеты, который внимательно смотрел на него через плетеную ширму.

— Чтобы попасть на Вайпор, нужна виза,— промычал клерк.— А эти визы выдаются очень нечасто лицам, имеющим поручительства. Не вижу, как вы...

— У меня есть виза! — отрезал Харндон и достал документы. Клерк часто-часто заморгал глазами, и его бледно-розовое лицо стало вишнево-красным.

— Да, да,— выдавил он из себя.— Как будто все в порядке, сэр, но проезд будет стоить 1165 стелларов!

— Мне нужен третьесортный корабль,— усмехнулся Харндон.— Вот квитанция об оплате проезда на таком корабле.

Он протянул клерку листок желтой синтебумаги. Клерк долго изучал ее и наконец произнес:

— Похоже, что у вас все заготовлено заранее. Ну что ж, я принимаю ваши бумаги.

В руках Харндона оказался один оплаченный билет до Вайпора на борту грузового судна «Заласар».

«Заласар» мало чем напоминал «Лорда Насира». Это было допотопное однопалубное судно, трещавшее по всем швам при взлете, дрожавшее всем корпусом при переходе в нуль-пространство и непрерывно дребезжавшее в течение всей недели, которую заняло путешествие с Моллекогга на Вайпор. Это был действительно третьесортный корабль. Его грузом были различные скобяные товары, а судовая команда состояла из восьми неразговорчивых уроженцев планеты Дудвур. Так что Харндон оказался единственным

человеком на борту. И это было не в диковину. Люди очень редко получали визу на Вайпор.

Они добрались до Вайпора через семь с половиной суток после отправления. Температура воздуха была за сорок градусов по Цельсию, влажность почти стопроцентная. Харндону кое-что было известно об этой планете: на ней было около пятисот человек, один космопорт, бесконечное разнообразие смертоносных форм местной жизни и несколько тысяч негуманоидных разумных существ самого различного вида. Какая-то часть их пряталась, другая занималась торговлей, третья искала звездные камни.

Харндон прошел основной инструктаж перед вылетом из Барлаама и поэтому знал, с кем нужно выйти на связь. Первые же его шаги по Вайпору были посвящены поискам резидента.

* * *

На Вайпоре был только один постоянный город, и, поскольку он был единственным, названия у него не было. Харндон нашел себе комнату в дешевой ночлежке, которую содержал узкоглазый негуманоид со свиными ушами, и смыл с лица пот неприятной едкой водой из крана.

Затем он вышел на полуденный солнцепек. Легкий ветерок нес вонь от гниющих растений из окружающих город джунглей. Войдя в одно из многочисленных питейных заведений города и подойдя к бару, Харндон облокотился о стойку и спросил у невысокого землянина-бармена:

— Я ищу одного ваниимооранца по имени Мардлин. Как бы мне его отыскать, а?

Бармен ткнул пальцем в темный угол комнаты и сказал:

— Вон там!

Мардлин с планеты Ваниимоор был маленьким, напоминающим хорька созданием с вытянутым рылом, не заслуживающими доверия желтыми глазками и со свойственным его породе пятнистым пурпурно-коричневым мехом. Он поднял глаза, когда к нему приблизился Харндон. Когда он заговорил, речь его оказалась смесью различных галактических языков, густо сдобренной непристойностями с десятка планет, кудахтаньем и свистом.

— Вы ищете меня?

— Если вас зовут Мардлин, то вас,— ответил Харндон.

Шакалоподобное создание кивнуло. Харндон опустился на ближайшее сиденье и тихо произнес:

— Меня послал Бенджин на встречу с вами. Вот моя доверенность.

Он положил на стол перед шакалом молочно-белый мутный кубик.

Мардлин поспешно схватил его своими кожистыми когтями и легким щелчком включил активатор.

Из туманных глубин выплыло изображение Боллара Бенджина, и спокойный голос произнес:

— Говорит Бенджин. Податель этого визитного куба хорошо мне знаком, и я полностью доверяю ему во всех отношениях. Вы должны доверять ему так же, как и я. Он будет сопровождать вас до Барлаама с партией товара.

Голос умолк и изображение исчезло. Шакал сердито посмотрел на землянина и пробормотал:

— Раз уж Бенджин посылает своего человека сопровождать товар, зачем же и мне это делать?

Харндон пожал плечами.

— Похоже, он хочет, чтобы мы оба совершили путешествие. Вам что, не все равно? Вам же заплатили за все, не так ли?

— А вам разве нет,— огрызнулся Мардлин.— Что-то это не похоже на Бенджина, платить двоим за одну и ту же работу. И вы мне не очень-то по душе, бродяга.

— Вы мне тоже,— чистосердечно ответил Харндон. Он поднялся со стула.— Мне велено, чтобы я возвращался на Барлаам на грузовике «Утренняя заря» сегодня же вечером. И поэтому, приятель, я встречаюсь с вами здесь за час до его вылета, чтобы проверить товар.

Глава 6

В тот же день он выполнил еще одно поручение. Это был визит к Бреннту, торговцу камнями на Вайпоре, который служил посредником между местными камнедобытчиками и нарочным, Мардлином.

Харндон показал ему свой опознавательный кубик и после того, как Бреннт остался доволен идентификацией, сказал:

— Мне хотелось бы проверить ваши записи последней партии.

Бреннт бросил на него раздраженный взгляд.

— Мы не ведем записей звездных камней, идиот. Что вы хотите еще узнать?

Харндон нахмурился.

— Мы подозреваем, что наш агент переправляет часть наших камней в свой собственный карман. У нас нет возможности проверить это, поскольку мы не можем требовать каких-либо накладных при перевозке звездных камней.

Вайпорец пожал плечами.

— Все нарочные крадут.

— Звездные камни обходятся нам по восемь тысяч стелларов за штуку,— сказал Харндон.— При такой цене мы не можем позволить потери даже одного камушка! Скажите, сколько вы высылаете их с текущей партией?

— Не помню,— ответил Бреннт.

Рассердившись, Харндон немного повысил голос:

— Вы и Мардлин, вероятно, работаете сообща. Мы, конечно, делаем вид, что верим ему на слово, но почему-то всегда три-четыре камня с дефектами! Мы верим, что он покупает их у вас. А теперь давайте допустим, он покупает сорок камней и платит за это 320000 стелларов из подотчетных денег, которыми мы снабжаем его. Потом он загребает из каждой партии по три-четыре камня и заменяет их дефектными, стоимостью по сотне стелларов за штуку. Таким образом, за каждую свою поездку его прибыль составляет более двадцати тысяч стелларов.

— Или же,— продолжал Харндон, напрасно ожидая, что Бреннт подаст голос,— вы умышленно продаете ему дефектные камни по восемь тысяч стелларов за штуку... Но мы же знаем, что Мардлин не дурак, почему же вы думаете, что дураки мы?

— Так что же вы, в конце концов, хотите от меня узнать? — не выдержал наконец вайпорец.

— Сколько доброкачественных камней включено в текущую партию?

Пот выступил на лице продавца.

— Тридцать девять,— сказал он после продолжительной паузы.

— И вы так же снабдили Мардлина несколькими дефектными камнями для подмены некоторого количества из этих тридцати девяти?

— Нет,— твердо произнес Бреннт.

— Очень хорошо,— улыбаясь, произнес Харндон.— Извините меня за то, что я кажусь вам таким дотошным, но мы должны знать истину. Прошу принять мои извинения и рукопожатие.

Он протянул руку. Бреннт нерешительно посмотрел на нее, а затем с опаской взял. Быстрым незаметным движением Харндон вонзил иглу в основание большого

пальца Бреннта. Быстродействующее средство, понуждающее говорить только правду, уже через пару секунд начинало действовать.

— А теперь,— сказал Харндон,— предварительная часть завершена. Вы помните подробности нашего разговора. Скажите мне теперь, за сколько звездных камней заплатил вам Мардлин?

Бесплотные губы продавца исказились, но против химии он был бессилен.

— Тридцать девять,— сказал он.

— Суммарной стоимостью?

— Триста двенадцать тысяч стелларов.

Харндон кивнул.

— Сколько из тридцати девяти камней настоящих?

— Тридцать пять,— неохотно произнес Бреннт.

— Четыре остальных — подделка?

— Да.

— Маленькая милая афера. Так это вы снабдили Мардлина дефектными камнями?

— Да.

— И сколько за это взяли?

— По двести стелларов за штуку.

— А куда делись подлинные камни, за которые мы заплатили, но которые так и не попадают на Барлаам?

Бреннт в отчаянии закрыл глаза.

— Мардлин... Мардлин продает их кому-то еще и присваивает себе деньги. За то, что я молчу, я получаю по 500 стелларов с камня.

— Сегодня вы, как всегда, хранили молчание,— кивнул Харндон.— Большое спасибо за информацию, Бреннт. Мне следовало бы убить вас, но вы слишком ценны для нас. Мы сохраним вам жизнь, но несколько поменяем условия договора. Отныне мы платим вам только за настоящие доброкачественные камни, а не за партию в целом. Вас устраивает такое положение?

— Нет,— сказал Бреннт.

— Хорошо, что вы сейчас говорите правду. Но вам придется свыкнуться с таким порядком вещей. Мардлин, между прочим, больше не будет работать на нас. Мы не можем допускать в свою организацию людей с такими наклонностями. И я не рекомендую вам пытаться вступить в какие-либо сделки с его преемником, кто бы тот ни был.

Барр повернулся и вышел из лавочки.

* * *

Харндон был уверен, что Бреннт немедленно оповестит Мардлина о том, что их афера лопнула, и что надо сматываться. Правда, Барра не очень беспокоило бегство Мардлина, поскольку в его руках было оружие, которым можно было достать шакалообразное создание на любом расстоянии.

Но он поклялся защищать интересы синдиката, как свои собственные, а он был человеком слова. В руках Мардлина было тридцать девять оплаченных синдикатом камней. Барр не хотел, чтобы этот шакал забрал их с собой.

Поэтому ему пришлось поспешить через весь городишко к дому Мардлина, в котором тот жил во время своих приездов на Вайпор. На это ушло пятнадцать минут — более чем достаточное время для предупреждения.

Комната Мардлина была на третьем этаже. Харндон вытащил из кармана свое оружие и постучал.

— Мардлин?

Ответа не было.

— Я знаю, шакал, где ты,— крикнул Харндон.— Твоя карта бита. Ну-ка, открывай дверь и пусти меня внутрь.

Игла со свистом пронзила дверь и воткнулась в противоположную стену, пройдя всего в нескольких дюймах от головы Харндона. Барр отступил в сторону, туда, где игла не могла зацепить его, и бросил взгляд на предмет в своей руке.

Это был активатор нейронной сетки, имплантированной в тело Мардлина. Ручка управления имела четко обозначенную шкалу. Установка указателя на цифру 6 лишала Мардлина возможности владеть оружием. Харндон аккуратно установил указатель градации боли на это деление и включил прибор.

Изнутри раздался глухой стук.

Приложившись плечом к двери, он одним резким толчком высадил ее и вошел внутрь. Мардлин распростершись лежал на полу комнаты, корчась от боли. Рядом с ним, но вне пределов досягаемости, лежал иглопистолет.

На кровати валялся открытый полусобранный чемодан. Он, очевидно, намеревался немедленно дать деру.

— Выключите... эту... штуку...— бормотал искаженными от боли губами Мардлин.

— Сперва немного информации,— весело проговорил Харндон.— Я только что разговаривал с Бреннтом. Он говорит, что вы абсолютно нечестно поступали с нашими звездными камнями. Это правда?

Мардлин затрепетал на полу, но ничего не ответил. Харндон увеличил степень боли на четверть деления, так как знал, что до смертного порога еще было порядочно.

— Так это правда? — повторил он.

— Да... да! Да уберите же ее, черт вас возьми!

— В то время, когда вы согласились на установку в вашем теле нейронной сетки, вы четко представляли себе, что должны быть преданным синдикату и поэтому в употреблении ее не будет никакой необходимости. Но вы воспользовались обстоятельствами и начали надувать нас. Так? Кстати, где новая партия камней?

— За... обивкой чемодана,— прошептал Мардлин.

— Хорошо,— кивнул Харндон и, подняв иглопистолет с пола, засунул его в карман. Только после этого он выключил активатор. Боль в теле Мардлина прекратилась, и он, изнуренный ею, был слишком потрясен, чтобы подняться.

Харндон умело распотрошил обивку чемодана и нашел пакет со звездными камнями. Они были завернуты в экранирующую ткань, которая предохраняла от случайного взгляда на них. Барр пересчитал камни, их было ровно тридцать девять, как и сказал Бреннт.

— Здесь есть дефектные камни? — спросил он у Мардлина.

Тот поднял с пола голову и с ненавистью посмотрел на Харндона.

— Разверни и тогда сам сможешь увидеть, какие из них дефектные!

Вместо ответа Харндон снова установил указатель активатора на шестое деление. Мардлин согнулся пополам, вцепившись своими когтистыми руками в голову.

— Да! Да! Шесть дефектных!

— Это означает, что ты продал шесть хороших за сорок восемь тысяч стелларов! Минус три тысячи, которые ты бросил Бреннту, чтобы он молчал. Значит, должны где-то быть сорок пять тысяч стелларов, которые ты нам сейчас отдашь,— закончил подсчет Харндон.— Где они?

— В ящике... в шкафу... в верхнем...

Барр нашел плотно набитый стелларами пластиковый контейнер. Во второй раз он отключил активатор, и Мардлин смог снова расслабиться.

— О'кей,— рассмеялся Харндон.— И наличные, и камни теперь у меня. Но должны быть еще тысячи стелларов, которые ты раньше украл у нас.

— Можешь забрать их тоже! Только, пожалуйста, не включай эту штуковину больше!

— У меня нет времени,— сказал, пожав плечами, Харндон,— охотиться за ранее украденными деньгами. Но мы подстрахуемся, чтобы подобное не повторилось.

Он приступил к завершающей фазе выполнения инструкций Бенджина. Повернув указатель активатора на цифру десять, он включил его и вышел из комнаты. Он знал, что сейчас произойдет. Каждую молекулу выносливого тела Мардлина пронзила нестерпимая боль: он начал кричать и извиваться на полу, но это должно было скоро кончиться. Нервные клетки были уже не в состоянии выдерживать болевую перегрузку, и цепи, проводящие нервные возбуждения, закоротились. В считанные мгновения мозг этого негодяя должен был быть парализован, и менее чем через минуту он будет уже мертв, хотя подвергаемые пытке конечности будут продолжать конвульсивно двигаться и после наступления смерти.

Выйдя из дома, Харндон отключил активатор. Он сделал свое дело и не ощущал при этом ни отвращения, ни ликования.

Так как деньги и самоцветы были у него в кармане, теперь его путь лежал на космодром.

Глава 7

Через месяц он точно по расписанию прибыл на Барлаам в грузовике «Утренняя заря» и без всяких затруднений прошел таможенный досмотр, несмотря на то, что у него было спрятано запрещенных звездных камней на сумму более трехсот тысяч стелларов.

Прежде всего Харндон направился на Бронзовую Авеню, где разыскал Бенджина и Хейтмана Оверска. Он четко и кратко описал свою деятельность после отправления с Барлаама, не упомянув, конечно, о любовной истории с Леди Моарис на борту «Лорда Насира». Пока он говорил, и Бенджин и Оверск смотрели на него с нескрываемым нетерпением, и, когда он рассказал о том, как застращал Бреннта и убил предателя Мардлина, лица их засияли от радости и возбуждения.

Харндон вытащил пакет со звездными камнями из плаща и выложил его на деревянный стол.

— Тут,— сказал он,— звездные самоцветы. Здесь есть, как вы знаете, несколько дефектных, но я привез с собой разницу стоимости наличными.

И он выложил на стол еще сорок пять тысяч стелларов.

Бенджин быстро схватил деньги и камни, а потом сказал:

— Вы хорошо потрудились, Харндон. Лучше, чем мы ожидали. День, когда вы пристрелили сьоего протея, был удачным днем, как для вас, так и для нас.

— У вас есть еще работа для меня?

— Конечно,— кивнул Оверск.— Вы займете место Мардлина в качестве нарочного. Вы разве этого до сих пор еще не поняли?

Харндон, конечно, понял, но в этом было для него так мало приятного, что он не хотел в это верить. Он хотел бы остаться на Барлааме, особенно теперь, когда стал близок с Леди Моарис. Он хотел уже начать свое восхождение к Креллигу. Но если ему суждено как челноку шнырять между Вайпором и Барлаамом, то самое важное, чего он сейчас достиг, будет потеряно.

Однако, до возвращения Леди Моарис на Барлаам оставалось еще около двух месяцев. Он мог бы еще раз обернуться до Вайпора и обратно, не ставя себя в безвыходное положение. После этого он должен будет найти какой-нибудь способ уйти с этой службы. Конечно, если бы они предпочли задержать его, они могли бы очень легко это осуществить, но...

— Когда я должен отправиться в следующую поездку? — спросил он.

Бенджин нехотя развел руками.

— Завтра, на следующей неделе, через месяц — кто знает? Мы, по крайней мере, не знаем! Сейчас у нас на руках уйма камней, поэтому нечего спешить с очередной поездкой. А пока вы можете взять себе отпуск. Срок? На время, пока мы не распродадим все привезенные вами камушки.

— Нет! — отрезал Харндон.— Я хотел бы отправиться за следующей партией как можно быстрее.

— У вас есть особая причина для такой спешки? — хмуро поинтересовался Оверск.

— Как раз сейчас мне не хотелось бы оставаться на Барлааме,— сказал Харндон.— И я не чувствую особой необходимости в дальнейших объяснениях. Будем считать, что мне просто доставляет удовольствие совершить еще один вояж на Вайпор.

— Ух, как ему не терпится,— засмеялся Бенджин.— Это хороший знак, господа.

— Мардлин тоже был сперва полон энтузиазма,— зловеще заметил Оверск.

Харндон вскочил с места и мгновенно оказался рядом с аристократом. Его иглопистолет щекотал кожу под кадыком Оверска.

— Если вы подразумевали этим сравнением...

Бенджин оттолкнул руку Барра.

— Сядьте, бродяга, и успокойтесь. Хейтман слишком устал в эту ночь и поэтому, не контролируя себя, спорол чушь. Мы доверяем вам, учтите это. И уберите подальше свой пистолет.

Харндон неохотно опустил оружие.

Оверск, побелевший несмотря на густой загар, стал тереть пальцами то место на горле, которого касалось оружие Харндона. Он так ничего и не сказал. Харндон пожалел, что у него все так вышло, и поэтому решил, что требовать извинений нет нужды.

— Слово для космического бродяги превыше всего! — громко заявил он. — И у меня поэтому нет намерений плутовать. Итак, господа, когда я смогу вновь отправиться на Вайпор за очередными камушками?

— Да хоть завтра, если пожелаете, — махнул рукой Бенджин. — Мы дадим радиограмму Бреннту, чтобы он подготовил для вас еще одну партию.

* * *

На этот раз он отправился на Вайпор на борту грузового транспорта, так как в это время года не было круизов со знатью на борту. Менее чем через месяц он был уже на этой прикрытой джунглями планете. У Бреннта его ожидали тридцать два самоцвета. Тридцать два сверкающих маленьких звездных камня, каждый в своей защитной оболочке, расчитанные на то, чтобы ограбить чей-нибудь мозг с помощью своих манящих сновидений.

Харндон забрал их и организовал перевод ценных бумаг на сумму 256000 стелларов. Бреннт с горечью взирал на такой способ ведения дел, но было очевидно, что он настолько опасался за свою жизнь, что даже не осмеливался возражать.

О Мардлине и его судьбе не было произнесено ни слова.

Неся на себе драгоценное бремя, Харндон вернулся в Барлаам на борту лайнера второго класса с планеты Дирхав, расположенной неподалеку от Барлаама. Эта поездка была весьма дорогостоящей, но Барр не мог ждать, пока подвернется попутный грузовик. Ко времени его возвращения на Барлаам Леди Моарис уже несколько

недель должна быть дома. Он обещал Распорядителю возобновить свою службу при дворе Моариса и как раз это обещание он был намерен сдержать во что бы то ни стало.

Когда он вернулся со своими камнями, на Барлааме была уже зима. Ежедневно с неба сыпался дождь со снегом, засыпая города и поля мириадами острых как нож частичек льда. Люди старались поменьше выходить на улицы, выжидая, когда кончится зимняя стужа.

Харндон шел по засыпанным снегом улицам, любуясь бело-голубым мерцанием лежащего снега. Он шел на свидание со своими компаньонами по Бронзовой Авеню.

Камни пришлось передать Оверску, так как присутствующие пояснили, что Бенджин находится где-то в городе и занят чрезвычайно важным делом.

Харндон старался согреться у теплой стенки и принимал от Оверска чашу за чашей дорогого голубоватого вина, чтобы хоть немного согреться. В это время Лоргель и Резамод вместе с Марией осматривали привезенные Барром сокровища.

Наконец появился совершенно окоченевший от холода Бенджин. Однако в голосе коротышки прозвучало тепло, когда он произнес:

— Сделка заключена, Оверск! О, Харндон, вы уже вернулись! Ну, как, поездка вышла удачной?

— Отличной! — пробормотал Барр.— Но...

Взмахом руки Оверск остановил Харндона и обратился к Бенджину.

— Вы виделись, я полагаю, с Государственным секретарем, а не с самим Креллигом?

— Естественно. Разве Властитель подпустит к себе так близко кого-нибудь вроде меня?

Харндон весь обратился в слух, как только было упомянуто имя Креллига. Дрожа от возбуждения, он спросил:

— Какое отношение имеет к нам Государственный секретарь и сам Креллиг?

— О, просто небольшая сделка с нами,— рассмеялся Бенджин.— Пока вас не было, я провел весьма деликатные переговоры. А сегодня мы уже подписали соглашение.

— Какое еще соглашение? — потребовал Харндон.

— Кажется, нашим патроном станет сам монарх! Властитель Креллиг решил сам заняться звездными камнями. И совсем не как наш конкурент. Он выкупил у нас контрольный пакет...

Харндон ощутил, как все внутри него налилось свинцом, и едва выдавил из себя:

— И каковы условия соглашения?

— Очень простые. Креллиг понял, что, несмотря на то, что торговля звездными камнями запрещена, приостановить ее просто невозможно. Чем изменять законодательство и легализировать торговлю, что было бы очень нежелательно из соображений морали и привело бы к снижению цен на камни, он решил, что лучше попросить Лорда Моариса, чтобы тот организовал контракт с какой-нибудь сильной группой контрабандистов, которая бы согласилась работать на Корону. Моарис, естественно, передал это пожелание своему брату, а Оверск, в свою очередь, предпочел, чтобы я провел переговоры. И вот поэтому я в течение последнего месяца несколько раз тайно встречался с Государственным секретарем Креллига, разрабатывая условия сделки.

— В чем же они заключаются?

— Креллиг гарантирует нам безопасность от преследования и одновременно обещает всей мощью своего аппарата обрушиться на конкурентов. Он, другими словами, дарует нам монополию в делах со звездными камнями, что позволит нам снизить наши затраты на Вайпоре и резко поднять цены здесь до такого уровня, чтоб только не уменьшать количества привозимых сюда камней. В обмен на это, мы обязуемся перечислять восемь процентов от своей прибыли Властителю и обязуемся за свой счет снабжать его ежегодно шестью звездными камнями, которые он мог бы использовать в качестве подарков для своих врагов. Естественно, мы обещаем также быть его верными вассалами. Отныне не кто иной, как он, будет осуществлять контроль за нами, чтобы гарантировать преданную службу.

Харндон был ошеломлен. Руки его похолодели, по всему телу пробежал мороз. Верность? Верность Креллигу? Своему врагу? Тому, кого он поклялся уничтожить?

Он не видел выхода из создавшегося противоречия. Как же он сможет исполнить ранее данную клятву теперь, когда ее исполнение полностью противоречит его обязанностям как вассала Креллига?! Передача лояльности, изменение субъекта вассальной верности было общепринятым делом на его планете. По условиям соглашения Бенджина Харндон становился вассалом Властителя, к которому переходила теперь клятва верности, принесенная Харндоном синдикату.

Если только он теперь убьет Креллига, это будет нарушением его обязательств в качестве вассала Властителя. Если же он будет служить ему верой и правдой, это сломает его доверие к самому себе, лишит его веры в себя и оставит родителей и отчий дом неотомщенными! Создавшуюся дилемму нельзя было разрешить.

От собственного бессилия его бросило в дрожь, что не укрылось от окружающих.

— Похоже, что космический бродяга не в восторге от нашей сделки,— заметил Оверск, внимательно уставившись на Харндона.— Или, может быть, вы заболели?

— Нет, у меня все в порядке,— произнес Барр окаменевшим тоном.— Просто я так здорово замерз, что никак не могу отогреться. О, б-р-р-р-р!

...Верность вассала по отношению к Креллигу! За его спиной они продали и себя, и его; продали человеку, которого он ненавидел больше всего на свете. До сегодняшнего дня все этические принципы Харндона были полностью основаны на концепции соблюдения верности и безоговорочного послушания, на концепции священной природы клятвы. Но теперь он вдруг обнаружил, что связан двумя взаимоисключающими клятвами. Он захвачен ими, взят на дыбу и разорван на части. Единственным бегством от страданий была смерть.

Он поднялся.

— Простите меня,— сказал он.— У меня сегодня намечены еще кое-какие дела. Когда я для чего-нибудь вам понадоблюсь, вы найдете меня по старому адресу.

* * *

Встреча с Главным Распорядителем Дворца Моариса отняла у него большую часть дня. Он объяснил, что помимо своей воли был задержан в Дальних мирах, что он серьезно намерен возобновить службу у Моарисов и выполнять свои обязанности преданно и хорошо. После некоторых пререканий он был восстановлен в должности одного из младших распорядителей и ознакомлен с функциями, которые должен был выполнять в повседневной жизни огромной резиденции, составляющей поместье Моариса.

Прошло несколько дней, прежде чем он смог хотя бы издали мельком увидеть Леди Моарис. Это не удивило его: Дворец занимал несколько кварталов Барлаам-Сити и Лорд и Леди жили на одном из самых верхних этажей, в то время как остальное огромное пространство было

занято библиотеками, танцевальными и фехтовальными залами, картинными галереями и другими помещениями для хранения сокровищ семьи Моарис.

Все эти комнаты и залы требовали от обслуживающего персонала ежедневной уборки.

Он увидел Леди, когда проходил по галерее шестого этажа в поисках прохода на седьмой этаж, где ему было поручено составить каталог развешанных там картин. Сначала он услыхал шелест кринолина, а затем увидел, как она проходит по залу, сопровождаемая двумя бронзовыми гигантами с планеты Топпид. В конце зала находилась группа ожидающих ее дам в сверкающих вечерних платьях.

Сама Леди Моарис была одета в платье прямого покроя, что еще более оттеняло безупречные линии ее тела. Лицо ее было печальным. Харндону показалось, насколько он мог определить издали, что что-то гнетет ее.

Он отступил в сторону, чтобы пропустить процессию, однако она заметила его и бросила быстрый взгляд туда, где он стоял. Как только она узнала его, ее глаза расширились от удивления. Но он не осмелился улыбнуться ей.

Он подождал, пока она пройдет мимо, но внутри не без злорадства ликовал — было отнюдь не трудно прочитать выражение ее глаз.

Позже, в тот же день, слепой слуга-агозлид подошел к нему и молча вручил запечатанную записку. Харндон спрятал ее в карман, подождал, пока не останется один в коридоре. Он знал, что здесь он был в полной безопасности, так как скрытая телекамера в этом месте была неисправна и он сам демонтировал ее в это утро, имея в виду установить новую в этот же день, только немного позднее.

Он сломал печать. Содержание записки было простым:

«Приходите ко мне вечером. М. проводит ночь во Дворце Властителя. Карла пропустит вас ко мне.»

Светочувствительные чернила мгновенно пропали из виду. Бумага была девственно чиста. Улыбнувшись, он швырнул ее в ближайшую урну.

Когда вечером освещение во дворце было приглушено, он тихо прошел на двенадцатый этаж, где помещался будуар Леди. Ожидавшей его дамой была Карла — светловолосая девушка, которая однажды уже была их посредницей на борту «Лорда Насира». Сегодня она дежурила в будуаре Леди, и на ней была надета ночная рубашка из прозрачного шелка — несомненно, испытание его верности. Харндон постарался отвести взгляд от ее тела и, немного помявшись, спросил:

— Меня ждут?

— Да. Идемте со мной.

Выражение ее глаз показалось Харндону странным. Что в них было — желание, ревность, ненависть? Но она повернулась и повела его по коридору, слабо освещенному незаметными ночными светильниками. Возле одной из дверей девушка остановилась и протянула руку. Дверь, слегка вспыхнув, мгновенно исчезла. Он вошел внутрь, и сейчас же за его спиной дверь восстановилась. Леди Моарис ждала его.

На ней на этот раз ничего не было, и глаза горели страстным желанием.

— Здесь безопасно? — осторожно спросил Харндон.

— Да. Моарис у Креллига,— губы ее с горечью изогнулись.— Он проводит половину своих ночей, забавляясь с брошенными Властителем женщинами. Не бойся, будуар не просматривается. Он никак не сможет узнать, что ты был здесь.

— А эта девушка? Карла? Ты доверяешь ей?

— Настолько, насколько вообще можно кому-нибудь доверять.— Ее руки искали плечи Харндона.— Мой бродяга,— прошептала она,— почему ты покинул нас на Моллекогге?

— У меня было на то основание, миледи.

— Мне так недоставало тебя. Ты представить себе не можешь, как мне было скучно.

Харндон печально улыбнулся.

— Поверь мне, я был лишен выбора. Ведь и у меня есть свои обязанности перед другими, которым я присягал.

Она нетерпеливо прильнула к нему. У Харндона возникло чувство жалости к этой прекрасной аристократке, первой из придворных дам, обреченной искать любовников среди конюхов и лакеев.

— Все, что у меня есть, принадлежит тебе,— шептала она ему.— Проси, что угодно! Что угодно!

— Есть только одна награда, которую ты можешь мне дать,— печально произнес Харндон.

— Только назови. Цена не имеет значения!

— Она ничего не стоит,— сказал Харндон.— Мне только нужно приглашение ко Дворцу Властителя. И ты могла бы его получить через своего мужа. Сделаешь это ради меня?

— Конечно,— шепнула она и, сгорая от желания, обняла его.— Я обещаю тебе, что завтра же переговорю об этом с Моарисом.

Глава 8

В конце недели Харндон посетил Бронзовую Авеню и узнал от Боллара Бенджина, что продажа звездных камней идет хорошо, что соглашение о покровительстве со стороны монарха было счастливым совпадением и скоро они распродадут весь свой запас. И поэтому ему придется сделать еще один рейс на Вайпор в течение следующих нескольких недель. Он согласился, но попросил жалование авансом за два следующих месяца.

— Я не вижу причин для отказа,— согласился Бенджин.— Вы ценный человек для нашего дела, и денег для вас у нас всегда хватит.

Он вручил Харндону чек на десять тысяч стелларов. Барр сердечно поблагодарил коротышку, обещая немедленно связаться с ним, как только настанет время отправляться на Вайпор. Пожав руки друг другу, они расстались.

В этот же вечер Харндон отбыл на Мельд XVII, где отыскал хирурга, изменившего черты его лица после того, как он спасся бегством из разграбленного Зоннигога. Он потребовал от него, чтобы тот совершил некоторые внутренние изменения его тела. Хирург долго сопротивлялся, заявляя, что шансы на счастливый исход составляют всего 50%. Но Харндон был упрям.

Эта операция стоила ему 25 000 стелларов — почти всех денег, которые были у него, но он считал, что этот расход себя вполне оправдывает. На следующий день после операции он вернулся на Барлаам.

Прошла неделя.

Он вновь возобновил свою службу во Дворце Моариса и провел еще одну ночь с Госпожой. Она рассказала ему, что выпросила у мужа обещание и что он вскоре будет приглашен во Дворец Властителя. Барр поинтересовался реакцией Лорда, но она сказала, что Моарис не поинтересовался мотивами, считая это, очевидно, ее очередной прихотью.

Через несколько дней пришло письмо на имя Барра Харндона из Зоннигога. Оно было у личного секретаря Моариса, и в нем говорилось, что Лорд Моарис соблаговолил оказать покровительство Барру Харндону и от Барра Харндона ожидают, что он засвидетельствует свое почтение перед Властителем Креллигом.

В этот же день, несколько позже, пришло приглашение от Властителя, которое лично принес один из рабов-телохранителей Креллига, великолепный гигант с планеты Топпид. В нем предписывалось вечером следующего дня

присутствовать на приеме, который устраивал Креллиг для своего Двора.

Харндон торжествовал.

Его карьера достигла кульминационной точки, ему было разрешено присутствовать при особе сюзерена. Это было вершиной всех его устремлений.

Он оделся в придворное платье, приобретенное еще за несколько дней до этого события — одеяние, стоившее ему более тысячи стелларов, сияющее великолепием драгоценных камней и редких металлов, покрывавших его. Он посетил самый роскошный косметический салон и обзавелся искусственной бородой, что было данью последней моде и практиковалось многими придворными, которым не нравилось отращивать бороду, но хотелось иметь ее при отправлении различных церемоний, как свидетельство своего высокого статуса. Он принял ванну, тщательно причесался, надушился и сделал все необходимое для успешного дебюта при дворе. Он также удостоверился в том, что в надлежащее время его не подведут хирургические изменения, произведенные мельдианским хирургом.

Наконец, долгожданный вечер наступил.

Высоко в небе плясали яркие луны Барлаама, озаряемые великолепными огнями фейерверков. В этом месяце родился Властитель Креллиг.

Харндон послал за предварительно заказанным экипажем. Это была великолепная четырехдвигательная модель, сверкавшая золотом краски. Он в последний раз окинул взглядом свое убогое жилище и взмыл в ночное небо; через двадцать минут он опустился во внутреннем дворе Большого Дворцового Комплекса Барлаама, состоявшего из громоздившихся друг на друга великолепных чертогов, которые неприступной твердыней сумрачно возвышались над остальной столицей на Огненном Холме.

Прожекторы ярко освещали столичный кремль. Когонибудь другого мог впечатлить грандиозный вид могущества Барлаама, но Харндон весь пылал справедливым гневом и мало обращал внимания на помпезность окружающего. Когда-то его семья также жила во дворце — конечно, не таких размеров и не такой архитектуры, ибо жители Зоннигога были скромными людьми без особых претензий. И все же это был дворец, но солдаты Креллига разрушили его до основания по прихоти своего никчемного хозяина.

Барр вылез из машины и предъявил приглашение надменным часовым Властителя, дежурившим у входа. Они пропустили его, предварительно тщательно обыскав, чтобы

он не попытался тайком пронести оружие. После этого его провели в вестибюль, где его уже поджидал Лорд Моарис.

— Так вот вы какой, Харндон,— задумчиво произнес Моарис вместо приветствия, искоса поглядывая на бороду Барра. Он протянул руку, слегка дернул за бороду и, убедившись, что она ненастоящая, радостно засмеялся.

Харндон заставил себя преклонить колени.

— Я благодарю вас за ту честь, которой ваша светлость удостоила меня в этот вечер.

— Нужно благодарить не меня,— заговорщически хихикнул Лорд.— Моя жена попросила, чтобы ваше имя было внесено в список приглашенных. Но я полагаю, что вам это уже известно. Ваше лицо мне почему-то знакомо. Где я мог раньше вас видеть?

Моарис, по-видимому, знал, что Харндон был у него на службе. Но Харндон сказал другое:

— Я как-то имел честь перехватить у вас на аукционе протея, милорд.

Какое-то смутное воспоминание промелькнуло на лице Моариса, и он холодно улыбнулся.

— Что-то такое, кажется, припоминаю.

Прозвучал гонг.

— Мы не должны заставлять Властителя ждать нас,— произнес Моарис.— Идемте.

Вместе они вошли в Главную Палату Властителя Барлаама.

* * *

Моарис вошел первым, как и положено было по его рангу, и занял место слева от монарха, который сидел на высоком троне, украшенном цветами Барлаама, преобладающими тонами которых были золото и пурпур.

Харндон хорошо знал правила этикета и немедленно встал на колено.

— Поднимитесь!— приказал Властитель. Его голос напоминал шуршанье сухих листьев и был едва слышен, но интонация была жесткой и властной.

Харндон поднялся и взглянул прямо в глаза Креллигу.

Монарх был высохшим бесплотным невысоким человеком, казалось даже, что он был горбуном. Два похожих на бусинки устрашающих глаза мерцали на сморщенном уставшем от жизни лице. Губы Властителя были тонки и бескровны, нос был похож на рубец, деливший лицо на две части, подбородок выпирал вперед.

Затем взгляд Харндона обратился на окружение монарха. Палата была, как он и полагал, огромным залом, потолок которого поддерживали четыре мощные колонны. Вдоль стен теснилось несколько рядов придворных. Среди них были женщины, и Харндон знал, что несомненно не одна дюжина их была любовницами этого старого страшилища.

Посреди зала свешивалось нечто, напоминающее гигантскую клетку, полностью задрапированную несколькими слоями красного бархата. Внутри нее, видимо, таился какой-то свирепый хищник — «Очевидно, один из любимцев Креллига,— подумал Барр,— возможно, даже гигантский орел с планеты Виллидон, орел с огромными загнутыми когтями и стальными иглами оперения».

— Добро пожаловать ко двору, доблестный рыцарь,— пробормотал Властитель.— Вы, кажется, гость моего лучшего друга Моариса, да?

— Так точно, сир,— вытянулся Харндон. Голос его отозвался громким эхом в тишине просторного зала.

— Моарис собирался удивить нас каким-то небольшим сюрпризом. Полагаю, что вы по достоинству оцените его старания,— плюгавый монарх хихикнул, предвкушая забаву.— Мы очень благодарны вашему покровителю, Харндон, за то огромное удовольствие, которое он приготовил для нас сегодня ночью.

Харндон нахмурился, смутно беспокоясь о том, не он ли сам должен стать поводом для этого развлечения. Но сейчас уже терять нечего. Прежде чем закончится этот вечер, он успеет хорошо позабавиться за счет остальных.

— Поднимите занавеску,— приказал Лорд Моарис, повинуясь взмаху руки Властителя.

И в тот же миг из углов тронного зала появились рабы с Топпида и одновременно потянули за толстые веревки, которые удерживали драпировку клетки. Тяжелые складки бархата медленно поднялись, открыв взору, как и ожидал Харндон, огромную клетку.

В клетке находилась молодая женщина.

Она висела, подвешенная за запястья к брусу, укрепленному на крыше клетки. Она была совершенно голая. Брус медленно вращался, поворачивая ее, как нанизанную на вертел дичь. Харндон весь похолодел, не осмеливаясь пошевелиться от неожиданности. В изумлении он смотрел на стройное обнаженное тело, покачивающееся в клетке.

Ибо это тело было хорошо знакомо ему.

Женщиной в клетке была Леди Моарис.

Властитель Креллиг милостиво улыбнулся и ласково прошептал:

— Моарис, спектакль за вами, и зрители уже все в сборе. Не томите нас ожиданием.

* * *

Моарис медленно вышел на середину зала. До блеска отполированный мрамор, по которому он шел, отражал как в зеркале его зловещую фигуру. Его шаги грохотали как весенний гром.

Он повернулся лицом к Креллигу и произнес спокойным голосом, хорошо владея собой.

— Леди и джентльмены двора нашего Властителя, я нижайше прошу позволения уладить в вашем присутствии одно небольшое дело, касающееся лично меня. Леди в этой клетке, как большинство из вас, я полагаю, уже поняли, является моей женой.

Придворные мужчины и женщины поспешно прекратили всякие разговоры. Моарис дал знак, и вспыхнувший внизу клетки прожектор ярко высветил фигуру пленницы.

Харндон увидел, что ее запястья были безжалостно привязаны к крыше клетки и вздувшиеся синие вены рельефно выступали на фоне бледных рук. Она описывала, раскачиваясь, бесконечные круги, вместе с вращением стержня на крыше. Капли пота катились по ее спине и животу, и в тишине было слышно, как она тяжело дышала.

— Моя жена была неверна мне,— небрежно бросил Моарис.— Заслуживающий доверия слуга сообщил мне об этом некоторое время назад: она обманывала меня несколько раз с каким-то ничтожеством из моей домашней прислуги, с каким-то конюхом или лакеем или с кем-то еще такого же сорта, о существовании которых мы, аристократы, часто даже не догадываемся. Когда я допросил ее, она не стала отрицать обвинения. Властитель,— Моарис поклонился в направлении трона,— милостиво даровал мне высочайшее соизволение подвергнуть ее телесному наказанию прямо здесь, к моему великому удовлетворению и вашей мимолетной забаве.

Харндон не двигался. Он следил за тем, как Моарис вытащил из-за пояса небольшой тепловой пистолет. Аристократ хладнокровно установил минимальный размер луча и взмахом руки приказал что-то слугам. Одна из боковин клетки скользнула вверх, открыв перед ним цель.

Моарис поднял пистолет.

«Флик!»

Яркий язык пламени вырвался из дула оружия, и девушка в клетке издала слабый стон, как только линия толщиной в карандаш обозначила ожоги по бокам ее тела.

«Флик!»

Снова огненный зайчик заиграл на теле пленницы, оставляя мучительно болезненный след на ее груди, шее, коленях, спине. Она беспомощно вращалась, а Моарис забавлялся, выжигая тепловым лучом запутанные узоры на этом некогда прекрасном теле. Придворные кудахтали, глядя на то, как Леди Моарис корчится и извивается, пытаясь увернуться от неумолимой лучевой плетки.

Да, Лорд был знатоком своего дела. Он рисовал орнаменты на теле своей жертвы, не переставая следить за тем, чтобы тепло не проникало глубоко в плоть, а скользило только по поверхности тела. Пытка в таком виде могла продолжаться часами, до тех пор пока не вспузырится кровь в ее венах и она не умрет.

Харндон ощутил, что Властитель пристально смотрит на него.

— Приходится ли вам по вкусу, доблестный рыцарь, наше придворное развлечение?

— Не совсем, сир.

Гул удивления прокатился по залу. Новичок среди придворных осмелился противоречить самому Властителю.

— Я бы предпочел для Леди Моарис быструю смерть.

— И лишить нас такого удовольствия?

— Я бы лично поступил именно так,— твердо произнес Харндон.

Неожиданно быстрым движением он распахнул усыпанную бриллиантами мантию. Властитель трусливо съежился, ожидая появления оружия, но Барр только прикоснулся к небольшой пластинке на своей груди, активируя устройство, которое имплантировал в его тело хирург-мельдианец. Нейронная сеть стала работать в обратную сторону. Собрав энергию ненависти, накопившуюся в каждой клетке тела Харндона, она многократно усилила этот заряд и устремила смертоносный разряд вдоль руки. Ослепительная огненная дуга изверглась из указательного пальца Харндона и обволокла пленницу в клетке.

— Барр! — закричала она, наконец-то нарушив свое молчание. Но тут же все ее тело содрогнулось, и она бессильно обвисла.

* * *

Харндон еще раз разрядил энергию своей ненависти, и Моарис, взмахнув обожженными руками, выронил тепловой пистолет.

— Позвольте мне представиться, сир, — склонив голову перед Властителем, произнес Харндон. Креллиг с побелевшим от ужаса лицом тупо уставился на него, а вся придворная знать в страхе сгрудилась, беспорядочно толкаясь в дальнем конце зала.

— Я — Барр Харндон, сын Первого Графа Зоннигогского. Где-то около года назад какая-то шутка придворного побудила вас опустошить свои владения в Зоннигоге и предать мечу всю мою семью. Я не смог забыть тот день.

— Схватите глупца! — пронзительно взвизгнул Креллиг.

— Любой, кто прикоснется ко мне, будет охвачен огнем, — рявкнул Харндон. — Любое оружие, направленное на меня, обратится тут же против своего обладателя. Сохраняйте спокойствие и дайте мне закончить.

— Я — Барр Харндон, младший распорядитель Лорда Моариса, а также возлюбленный женщины, только что скончавшейся на ваших глазах. Вас должно утешить, Моарис, что человек, наставивший вам рога, не был простым конюхом, а был первым аристократом Зоннигога.

— Я также, — продолжал Харндон в наступившей мертвой тишине, — Барр Харндон — бродяга космоса, вынужденный заниматься ремеслом наемника после гибели своих имений. В этом воплощении я стал контрабандистом звездных камней и, — он поклонился, — благодаря иронии судьбы оказался вассалом, давшим клятву верности не кому иному, как вам, Властитель.

Настоящим, я беру назад свою клятву преданности вам, Креллиг, и за преступления, выражающиеся в нарушении присяги своему монарху, приговариваю себя к смерти. Но кроме того, Креллиг, я выношу смертный приговор вам за беспричинное нападение на мою родину. А вы, Моарис, тоже заслуживаете смерти за ваше жестокое и варварское обращение с этой женщиной, которую вы никогда не любили.

А также и вы все — вы, соглядатаи и льстецы, зрители и садисты, вы, придворные и паразиты, вы тоже все должны умереть. И вы, придворные шуты, дрессированные медведи и порабощенные существа с дальних планет — я убью вас тоже, как убил своего раба — протея, но не из-за ненависти к вам, а чтобы просто избавить вас от дальнейших мучений.

Он кончил. В зале стояла напряженная тишина охваченного ужасом двора; затем кто-то справа от трона закричал:

— Он безумец! Давайте выбираться отсюда!

Кричавший бросился к главному выходу, и Харндон позволил ему приблизиться к нему, но когда оставалось всего несколько метров до желанной двери, он разрядил в беглеца заряд своей жизненной энергии. Механизм внутри его тела перезарядился, черпая силу из ненависти, накопившейся в нем, и разряжаясь через кончики пальцев.

Харндон улыбнулся бледному как смерть Лорду Моарису и сказал:

— Я буду более великодушен к вам, чем вы были к своей Леди. Вас ждет быстрая и легкая смерть.

Он обрушил удар энергии на аристократа. Моарис отпрянул, но в зале негде было спрятаться. Какое-то мгновение Моарис стоял, омытый огнем, а затем обуглившиеся остатки рухнули на пол.

Другой удар смел с лица земли толпу придворных. Третий Харндон направил на трон. Первыми запылали золотые и пурпурные знамена монарха. Цветы моментально обуглились. Креллиг почти поднялся на троне, но пламя охватило и его. Тело зашаталось и упало назад на пылающий трон.

Теперь Харндон стоял в одиночестве в центре зала. Его охота завершилась. Он совершил возмездие. Оставалось привести в исполнение только последний приговор: в отношении себя за нарушение присяги, которой он помимо воли был связан с Властителем.

Жизнь больше не имела для него никакого значения. Он с отвращением отвергал возможность возврата к жизни космического бродяги, и только смерть давала ему освобождение от любых обязательств.

Он направил блистающий луч на одну из колонн, поддерживающих своды центрального зала. Сооружение почернело, а затем рухнуло. Он сжег тем же способом вторую колонну, а затем — третью.

Крыша зала медленно затрещала: сотни тонн дворцового перекрытия оказались неожиданно без всякой поддержки. Харндон ждал недолго — с ликующей улыбкой на лице он был погребен под обрушившимся на него сводом.

НОЧНЫЕ КРЫЛЬЯ

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Глава 1

Рам — город на семи холмах. Говорят, что в одном из ранних циклов он был столицей. Я не знаю, ибо мое ремесло — наблюдать, а не запоминать, но когда я впервые бросил взгляд на Рам, подходя к нему в сумерках с юга, я понял, что в былые времена он действительно мог иметь громадное значение. Даже теперь это был огромный город с многотысячным населением.

Его прекрасные башни резко выделялись на фоне сумерек. Подобно маленьким взрывам мигали огоньки. Небо слева полыхало немыслимым великолепием; солнце покидало свои владения. Развевающиеся лазурные, фиолетовые и малиновые полотнища сталкивались и свивались друг с другом в ночном танце, который предвещает темноту. Справа от меня ночь уже пришла. Я попытался отыскать семь холмов и сбился, но все же я знал, что это великий Рам, к которому ведут все дороги, и я почувствовал благоговение и глубокое уважение к творению наших ушедших отцов.

Мы остановились около длинной прямой дороги, глядя на Рам. Я сказал:

— Это хороший город. Мы найдем там работу.

Рядом вздрогнули ажурные крылья Эвлуэлы.

— И пищу? — спросила она высоким, похожим на звук флейты голосом. — И кров? И вино?

— И пищу, и кров, и вино, — сказал я. — Все, что пожелаем.

— Сколько нам еще идти, Наблюдатель? — спросила она.

— Два дня. Три ночи.

— Если бы я полетела, это было бы намного быстрее.

— Для тебя, — сказал я. — Ты оставила нас далеко позади и никогда бы больше не увидела. Ты хочешь этого?

Она подошла ко мне и погладила грубую материю моего рукава, а потом прижалась ко мне, как ласкающийся котенок. Крылья ее развернулись двумя большими газовыми полотнищами, сквозь которые были видны закат и вечерние огни: размытые, дрожащие, зовущие. Я почувствовал аромат ее полуночных волос. Я положил руки ей на плечи и прижал к себе ее тонкое, мальчишеское тело.

Она произнесла:

— Ты знаешь мое желание — следовать за тобой всюду, Наблюдатель. Всюду!

— Я верю, Эвлуэла. Мы все-таки будем счастливы,— сказал я и обнял ее.

— Мы пойдем в Рам прямо сейчас?

— Я думаю, надо подождать Гормона,— ответил я, покачав головой.— Он скоро кончит свои изыскания.— Я не хотел говорить ей о своих тревогах. Она была ребенком, ей было всего лишь семнадцать весен. Что знала она о тревогах и годах? А я стар. Не так, конечно6 как Рам, но все же достаточно стар.

— Пока мы ждем,— сказала она,— можно мне полетать?

— Ну, конечно.

* * *

Я присел около тележки и погрел руки у пульсирующего генератора, пока Эвлуэла готовилась летать. Прежде всего она скинула одежду, ибо крылья ее были слишком слабы, и она не могла поднять этот дополнительный вес. Она быстро сбросила с ног стеклянные пузыри, освободилась от малинового жакета и мягких меховых туфелек. Угасающий свет на западе черкнул по ее изящной фигурке. Как и у всех Воздухоплавателей, у нее не было излишних выпуклостей: ее груди были небольшими бугорками, ягодицы плоскими, а бедра так узки, что, когда она стояла, казалось, что ширина их всего несколько дюймов. Весила ли она больше квитала[1]? Сомневаюсь. Глядя на нее, я чувствовал себя вызывающим отвращение великаном, а ведь я не такой уж и крупный мужчина.

Она опустилась на колени у края дороги и склонила голову к земле, произнося ритуальные слова, которые говорят все Воздухоплаватели перед тем, как лететь. Она стояла спиной ко мне. Ее тонкие крылья трепетали,

[1] 46,36 килограмма

наполнялись жизнью, вздымались, словно развевающийся на ветру плащ. Я не мог понять, как эти крылья могли поднять даже такое легонькое тело, как тело Эвлуэлы. Они не были крыльями ястреба, они были крыльями бабочки, все в тонких прожилках, прозрачные, испещренные тут и там эбеновыми, бирюзовыми и алыми пятнами пигмента. Прочные связки соединяли их с плоскими пучками мускулов ниже острых лопаток, но вот чего у нее не было, так это массивной килевой кости, присущей всем крылатым существам и необходимых для полета мощных мускулов. Да, я знал, что Воздухоплаватели используют для подъема не только мускулы, что в их обучение входят и мистические дисциплины. Пусть так, но я, входящий в союз Наблюдателей, скептически относился и к более таинственным союзам.

Эвлуэла умолкла. Она поднялась: она поймала крыльями ветер; она взмыла на несколько футов. Осталась на этой высоте, между небом и землей, а крылья ее бешено колотили воздух. Ночь еще не совсем наступила, а крылья Эвлуэлы были ночными крыльями. Днем она вообще бы не смогла полететь, ибо чудовищное давление солнечных лучей моментально швырнуло бы ее наземь. Сейчас, посередине между вечером и ночью, было не самое лучшее время для полета. Я видел, как остатки света отбросили ее на восток. Ее руки молотили воздух, словно помогая крыльям; ее маленькое заострившееся личико сосредоточенно застыло; на ее тонких губах были слова ее союза. Она сложилась пополам, потом резко выпрямилась, стала медленно переворачиваться и вдруг сразу взлетела горизонтально, лицом вниз, а крылья ее молотили воздух. Ну же, Эвлуэла! Ну!

Она вдруг оказалась в вышине, словно одной только своей волей победила блистающий еще на небе свет.

* * *

Я с удовольствием глядел на ее обнаженную фигуру, белеющую в ночном небе. Я видел ее отчетливо, ибо глаза Наблюдателей зорки. Она уже была на высоте пяти ее ростов и крылья ее распахнулись во всю ширь, затмевая башни Рема. Она помахала мне. Я послал ей поцелуй и слова любви. Наблюдатели не женятся, не бывает у них и искусственно выращенных детей, но Эвлуэла была мне словно дочь, и я гордился ее полетом. Мы странствовали вместе всего лишь год с тех пор, как встретились

в Эгапте, но у меня было такое чувство, будто я знал ее всю мою долгую жизнь. От нее ко мне переходили новые силы. Я не знаю, что переходило от меня к ней. Спокойствие? Знание? Череда тех дней, когда ее еще не было на свете? Я надеялся только, что она любит меня так же, как я люблю ее.

Она была уже высоко в небе. Она кружилась, парила, планировала, выделывала пируэты, танцевала... Ее длинные черные волосы готовы были оторваться от головы. Ее тело казалось случайным придатком к этим огромным крыльям, которые переливались и блестели, трепетали и сверкали в ночи. Она взмыла еще выше, наслаждаясь тем, что вырвалась из плена земного тяготения, заставляя меня все больше чувствовать свою прикованность к земле, и вдруг резко, словно тоненькая ракета, метнулась в сторону Рама. Я видел ее босые ноги, кончики крыльев, и вот я уже не мог разглядеть ничего.

Я вздохнул и засунул руки под мышки, чтобы согреться. Как получалось, что я чувствовал зимний холод, а девочка Эвлуэла могла совершенно раздетой парить в воздухе?

Шел двенадцатый из двадцати час и это было время для моего Наблюдения. Я подошел к тележке, открыл футляры и приготовил инструменты. Некоторые цифры пожелтели и поблекли; стрелки индикаторов потеряли люминесцентное покрытие; пятна морской соли покрывали футляры изнутри — память о том времени, когда в Земном Океане на меня напали пираты. Истертые и потрескавшиеся рычажки и переключатели привычно поворачивались под моими руками, когда я начал подготовку. Первые молитвы — о свободном от посторонних мыслей и готовом воспринимать мозге; затем — о родстве со всеми инструментами; еще одна — о внимательном наблюдении, поиске врагов человека среди звездного неба. Таково мое умение, мое ремесло. Я поворачивал рукоятки и нажимал кнопки, выбрасывал из головы все мысли, готовил себя к превращению в продолжение своих инструментов.

Я почти переступил порог и находился в первой фазе наблюдения, когда глубокий звучный голос спросил меня:

— Ну, Наблюдатель, как дела?

Глава 2

Я привалился к тележке, нельзя так резко отвлекать человека от работы. Это всегда болезненно. На мгновение

в мое сердце впились когти. Лицо почернело, стало горячим; глаза ничего не видели; рот наполнился слюной. Я со всей возможной поспешностью предпринял защитные меры, чтобы замедлить метаболизм и отключиться от своих инструментов. Я обернулся, насколько можно, скрывая дрожь.

Гормон, третий член нашей маленькой компании, стоял, весело скалясь, и смотрел на мое недовольство. Я не мог сердиться на него. Не следует сердиться на несоюзных, что бы ни произошло.

Я с усилием произнес сквозь сжатые губы:

— Твои изыскания увенчались успехом?

— И большим. Где Эвлуэла?

Я показал вверх. Гормон кивнул.

— Ну, что ты обнаружил? — спросил я.

— Этот город, несомненно, Рам.

— Никто в этом и не сомневался.

— Я сомневался. Но теперь у меня есть подтверждения.

— Да?

— В кошеле. Погляди.

Он извлек из-под туники свой кошель, поставил его на землю рядом со мной и раскрыл широко, чтобы туда могла пролезть рука. Бормоча что-то себе под нос, он начал вытаскивать нечто тяжелое из его нутра, нечто тяжелое из белого камня: длинный мраморный цилиндр, как я теперь видел, длинный и изъеденный временем.

— Из храма императорского Рама! — восхищенно воскликнул он.

— Не надо было его брать оттуда.

— Погоди,— закричал он и снова сунул руку в кошель. Он вытащил полную пригоршню круглых металлических пластинок и со звоном высыпал их к моим ногам.— Монеты! Деньги! Погляди на них, Наблюдатель! Лица царей!

— Кого?

— Древних законодателей. Разве ты не знаешь историю минувших циклов?

Я с удивлением взглянул на него.

— Ты всюду говоришь, что не входишь ни в один союз, Гормон. А не может быть так, что ты — Летописец и скрываешь это от меня?

— Погляди на мое лицо, Наблюдатель. Могу ли я принадлежать к какому-нибудь союзу? Разве Измененного туда возьмут?

— Пожалуй,— сказал я, оглядывая его золотистые волосы, толстую восковую кожу, багрово-красные глаза,

щербатый рот. Гормон был вскормлен гератогенетическими лекарствами. Это был урод, прекрасный в своем роде, но все-таки урод, Измененный, вне человеческих законов и обычаев. Третьего Цикла цивилизации. У Измененных не было даже своего союза.

— Тут еще есть кое-что,— сказал Гормон.— Кошель был невероятно вместительным; в его серый морщинистый зев мог при необходимости войти целый мир и в то же время он был размером с руку, не больше. Гормон достал оттуда части механизмов, катушки с записями, угловатые предметы из коричневого металла, которые могли быть старинными инструментами, три квадратика сверкающего стекла, пять обрывков бумаги (бумаги!) и еще целую кучу разных старинных вещей.

— Видишь,— сказал он.— Плодотворная прогулка, Наблюдатель! И все это собрано не просто так. Каждая вещица записана, снабжена этикеткой: пласт, возраст, местоположение. Здесь у нас десять тысячелетий Рама!

— А стоило ли брать эти вещи? — спросил я с сомнением.

— Почему бы и нет? Кто их хватится? Кто в наш цикл заботится о прошлом?

— Летописцы.

— Для их работы не нужны предметы.

— Но зачем тебе нужны все эти вещи?

— Меня интересует прошлое, Наблюдатель. Я несоюзный и я увлекаюсь наукой. Что тут такого? Разве урод не может искать знания?

— Конечно, конечно. Ищи, что хочешь. Заполняй свое время. Это Рам. На восходе мы отправимся. Я надеюсь там найти работу.

— У тебя могут быть затруднения.

— Почему это?

— В Раме сейчас полно Наблюдателей, можешь не сомневаться. Вряд ли будет большая нужда в твоих услугах.

— Я буду искать милости Принца Рама,— сказал я.

— Принц Рама тяжелый, холодный и жестокий человек.

— Ты его знаешь?

Гормон пожал плечами.

— Слыхал кое-что,— он начал затискивать свои сокровища обратно в кошель.— Попытай счастья, Наблюдатель. Разве у тебя есть выбор?

— Никакого,— сказал я, и Гормон засмеялся, а я нет.

Он засовывал свою добычу обратно. Я обнаружил, что глубоко задет его словами. Он казался слишком уверенным в себе в этом непостоянном мире, этот несоюзный тип, уродливый мутант, человек с нечеловеческим обличьем. Как мог он быть таким холодным, таким меняющимся? Он жил, ни капельки не интересуясь бедственностью своего положения и задирал всякого, кто выказывал страх. Гормон странствовал с нами десятый день, мы повстречали его в древнем городе у подножия вулкана, к югу от берега моря. Я и не предполагал, что он присоединится к нам. Он пригласил себя сам, с согласия Эвлуэлы, как я думаю. Дороги темны и холодны в это время года, леса кишат всевозможным зверьем, и старый человек, путешествующий с девочкой, должен благодарить судьбу, если с ними идет мускулистый парень вроде Гормона. Хотя иногда бывают мгновения, когда я желал бы, чтобы его с нами не было. Как сейчас, например.

Я медленно повернулся к своей тележке.

Гормон произнес, словно только сейчас заметил:

— Я оторвал тебя от Наблюдения?

Я мягко произнес:

— Да.

— Извини. Продолжай свое дело. Я оставлю тебя с миром,— и он подарил мне свою ослепительную кривую улыбку, настолько полную очарования, что она совершенно сгладила высокомерность его слов.

* * *

Я нажимал кнопки, поворачивал верньеры, наблюдал за циферблатами. Но я не впадал в транс, ибо мне мешало присутствие Гормона и страх, что он снова нарушит мою сосредоточенность в самый важный момент вопреки своему обещанию. Я все-таки не выдержал и отвел взгляд от аппаратуры. Гормон стоял на той стороне дороги, вытягивая шею, чтобы разглядеть хоть какой-нибудь след Эвлуэлы. Когда я повернулся к нему, он это почувствовал.

— Что-нибудь не так, Наблюдатель?

— Нет. Просто момент для работы неподходящий. Я подожду.

— Скажи мне,— спросил он,— когда враги Земли придут со своих звезд, твои машины действительно помогут узнать об этом?

— Уверен, что так.

— А потом?

— Потом я дам знать Защитникам.

— После чего твоя работа будет больше никому не нужна?

— Наверное,— сказал я.

— А почему вас целый союз? Почему не один специализированный центр, где проводится Наблюдение? Для чего нужна сеть странствующих Наблюдателей, бесконечно куда-то идущих?

— Больше векторов детекции,— сказал я,— больше вероятность раннего обнаружения вторжения.

— Тогда отдельный Наблюдатель может старательно проводить свои Наблюдения и ничего не замечать, если оккупанты будут рядом.

— Так это могло бы быть. Поэтому мы и используем большое количество Наблюдателей.

— Я думаю, вы доводите дело до крайности,— засмеялся Гормон.— Ты действительно веришь во вторжение?

— Да,— сказал я жестко.— Иначе моя жизнь прошла бы впустую.

— А зачем людям со звезд нужна Земля? Что у нас тут есть, кроме осколков древних империй? Что они будут делать с захудалым Рамом? С Парришем? С Йорсалемом? Прогнившие города! Полусумасшедшие принцы! Послушай, Наблюдатель, признайся: вторжение — миф, и трижды в день ты совершаешь абсолютно бессмысленные движения, а?

— Мое ремесло, моя наука — Наблюдать. Твое — ржать. У каждого свои склонности, Гормон.

— Ну, извини,— сказал он с ужасающей насмешкой.— Ты иди и Наблюдай.

— Иду.

Я в бешенстве повернулся к своим инструментам, решив теперь игнорировать любое его вмешательство, каким бы жестоким оно ни было. Звезды глядели на меня; я всматривался в сверкающие созвездия и мозг мой автоматически регистрировал многочисленные миры. Будем Наблюдать, думал я. Будем бодрствовать вопреки шутникам.

Я впал в транс.

Я вцепился в рукоятки и разрешил рвущемуся потоку энергии мчаться сквозь меня. Я разрешил своему мозгу занять всю вселенную и стал выискивать проявления враждебности. Какой экстаз! Какое невыразимое наслаждение! Я, который никогда не покидал своей маленькой планетки, скитался по черным пространствам вселенной,

несся от полыхающей звезды к полыхающей звезде, видел планеты, крутящиеся подобно волчкам. Лица поворачивались ко мне, когда я пролетал мимо. Лица без глаз и со множеством глаз, вся доступная мне, населенная множеством рас галактика. Я искал малейшее сосредоточение враждебной силы. Я исследовал подземные шахты и военные укрепления. Я искал, как ищу четырежды в день в течение всей своей долгой жизни, обещанных нам оккупантов, завоевателей, которым на склоне дней предназначено захватить наш изрядно потасканный мир.

Я не нашел ничего, а когда я вышел из состояния транса, потный и выдохшийся, я увидел Эвлуэлу.

* * *

Она опустилась пером райской птицы. Гормон окликнул ее, и она подбежала к нему, босая, с подрагивающими маленькими грудями, и он раскинул сильные руки навстречу ее хрупкости, и они обнялись, не страстно, но радостно. Когда он отпустил ее, она повернулась ко мне.

— Рам! — воскликнула она.— *Р А М !*

— Ты его видела?

— Весь! Тысячи людей! Огни! Бульвары! Рынок! Развалины *зданий прошлых циклов*! Ах, Наблюдатель, до чего же прекрасен Рам!

— Тогда твой полет был удачным,— сказал я.

— Чудо!

— Завтра мы отправимся в путь и остановимся в Раме.

— Нет, Наблюдатель, вечером, сейчас же! — Она была словно упрямая девочка, лицо ее светилось возбуждением.— Нам осталось совсем чуть-чуть! Гляди, это же совсем рядом!

— Нам лучше сперва отдохнуть,— сказал я.— Не хотим же мы появиться в Раме усталыми.

— Мы сможем отдохнуть, когда будем там,— возразила Эвлуэла.— Идем! Собирай все вещи! Ты ведь уже провел Наблюдение, да?

— Да, да.

— Тогда идем. В Рам! В Рам!

Я оглянулся на Гормона, ища поддержки. Уже наступила ночь; пришло время разбивать лагерь, чтобы немного поспать.

На этот раз Гормон присоединился ко мне. Он сказал девушке:

— Нам всем надо отдохнуть. Мы выйдем на рассвете.

Эвлуэла надула губы. Сейчас она более чем когда-либо походила на ребенка. Крылья ее опали; несформировавшееся тело поникло. Она обидчиво свернула крылья, превратившиеся в два размером с кулак комочка на спине, собрала разбросанную по дороге одежду. Пока мы разбивали лагерь, она одевалась. Я разделил пищевые таблетки; мы залезли в спальные мешки; я заснул с трудом и мне снилась Эвлуэла, вырисовывающаяся на огненном фоне разваливающейся на куски Луны, и летящий рядом с ней Гормон. За два часа до рассвета я поднялся и провел первое Наблюдение нового дня, пока они еще спали. Потом я поднял их и мы прямиком направились к сказочному городу Империи, направились прямо к Раму.

Глава 3

Утренний свет был ярок и резок, словно мы шли по молодому, только что созданному миру. Дорога была совершенно пуста. В последнее время люди не так уж много путешествуют, если только они не Пешеходы по обычаю или по профессии, как я, например.

Лишь изредка мы уступали дорогу обгоняющей нас колеснице какого-нибудь члена союза Магистров, влекомой дюжиной равнодушных животных-ньютеров, запряженных в три-четыре ряда. Четыре таких экипажа обогнали нас в первые два часа нового дня. Каждый был тщательно занавешен и закупорен, чтобы скрывать гордые черты Магистра от взглядов простого люда вроде нас. Еще мимо нас промчалось несколько колесных экипажей, загруженных чем-то доверху, да проплыла над головами группа флотеров. В основном же дорога была предоставлена нам.

В окрестностях Рама виднелись многочисленные следы прошлого: одиноко стоящие колонии, остатки акведуков, транспортирующих ничто ниоткуда и в никуда, порталы исчезнувших храмов. Это был древнейший Рам, но был здесь и вклад более поздних циклов: хижины крестьян, купола насосных станций, пустые жилые башни. Изредка мы встречали обгоревший корпус какого-нибудь древнего летательного аппарата. Гормон все это исследовал, иногда отбирая образцы. Эвлуэла глядела, широко открыв глаза и не говоря ничего. Мы шли и шли, пока перед нами не поднялись городские стены.

Они были сложены из синего глянцевитого камня и раз в восемь превышали человеческий рост. Наша

дорога уходила под арку с выступающим вперед козырьком. Ворота были открыты. Когда мы подошли к ним, навстречу нам приблизилась фигура в капюшоне и маске. Человек необыкновенного роста, одетый в темную одежду союза Пилигримов. Никто не может приближаться к Пилигриму по собственному желанию, но должен внимать, если тот кивнет. Пилигрим кивнул.

Он произнес сквозь металлическую решетку у рта:

— Откуда?

— С юга. Я немного пожил в Эгапте, потом перебрался в Талию по Земному Мосту,— ответил я.

— Куда теперь?

— В Рам, ненадолго.

— Как Наблюдение?

— Как обычно.

— У тебя есть где остановиться в Раме? — спросил Пилигрим.

Я покачал головой.

— Мы надеемся на доброту Воли.

— Воля не всегда добра,— произнес Пилигрим отсутствующим тоном.— В Раме невелика нужда в Наблюдателях. Зачем ты идешь с Воздухоплавательницей?

— За компанию. И потому, что она молода и нуждается в защите.

— А кто тот, другой?

— Он несоюзный, Измененный.

— Это я и сам вижу. Но почему он с тобой?

— Он силен, а я стар и поэтому мы путешествуем вместе. Куда ты направляешься, Пилигрим?

— В Йорсалем. Разве есть для Пилигрима другой путь?

Я пожал плечами.

Пилигрим сказал:

— Почему бы тебе не пойти со мной в Йорсалем?

— Моя дорога лежит на север, а Йорсалем на юге, рядом с Эгаптом.

— Ты был в Эгапте и не был в Йорсалеме? — спросил он ошеломленно.

— Да. Просто было не время идти в Йорсалем.

— Идем сейчас. Мы пойдем по этой дороге вместе, Наблюдатель, и мы будем говорить о старых временах и о временах, которым быть, и я буду помогать тебе в твоем Наблюдении, а ты будешь помогать мне в моем общении с Волей. Согласен?

* * *

Это было искушением. Перед моими глазами вспыхнуло видение Золотого Йорсалема, его священные здания и гробницы, места возрождения, где старые становились молодыми, его шпили, его молитвенные дома. И хотя я был человеком, идущим по своей дороге, на мгновение мне захотелось повернуться и пойти с Пилигримом в Йорсалем.

Я заколебался.

— Но мои товарищи...

— Оставь их. Мне запрещено странствовать с несоюзными и я совсем не хочу странствовать с женщиной. Ты и я, Наблюдатель, пойдем в Йорсалем вместе.

Эвлуэла, стоящая к нам боком и хмурившаяся в продолжение всего этого разговора, бросила на меня полный испуга взгляд.

— Я не оставлю их,— сказал я.

— Тогда я пойду в Йорсалем один,— сказал Пилигрим. Из его одежды высунулась рука с длинными, белыми, прижатыми друг к другу пальцами. Я почтительно коснулся их кончиков, и Пилигрим сказал:

— Да будет над тобой милость Воли, друг Наблюдатель. И когда ты будешь в Йорсалеме, разыщи меня.

Он двинулся дальше, не произнеся больше ни слова.

Гормон сказал мне:

— Тебе ведь хотелось пойти с ним. Хотелось?

— Я думал об этом.

— Что бы ты нашел в Йорсалеме такого, чего не найдешь здесь? Тот священный город, и этот тоже. Здесь ты сможешь отдохнуть. Не похоже, что ты готов сейчас к долгому путешествию.

— Может, ты и прав,— согласился я и, собрав последние силы, широким шагом подошел к воротам Рама.

Изучающие глаза обследовали нас сквозь прорези в стене. Когда мы уже наполовину прошли в ворота, нас остановил толстый рябой Стражник с отвислыми щеками и спросил, какие у нас дела в Раме. Я назвал свой союз и цель прибытия, и на лице его мелькнула гримаса недовольства.

— Отправляйся куда-нибудь в другое место, Наблюдатель. Нам нужны только те, кто приносит пользу.

— Наблюдение тоже приносит пользу,— произнес я взбешенно.

— Не сомневаюсь. Не сомневаюсь,— он покосился на Эвлуэлу.— Это кто? Наблюдатели не меняются. Нет?

— Она всего лишь моя спутница.

Стражник хрипло заржал.

— Готов поспорить, по этой дороге ты путешествуешь часто. Не думаю, чтобы ей этого хватало. Сколько ей, тринадцать, четырнадцать? Подойди сюда, детка. Разреши мне обыскать тебя. Нет ли у тебя контрабанды? — и он стал быстро ощупывать ее, нахмурился, когда добрался до ее грудей, и поднял брови, когда наткнулся на холмики крыльев под лопатками. — Что такое? Что такое? Сзади больше, чем спереди? Воздухоплавательница, а? Грязное это дельце — Воздухоплавательницы, путешествующие со старыми вонючими Наблюдателями. Он закудахтал и сунул руку еще дальше. Гормон с яростью шагнул к нему и в глазах сверкнула смерть. Я вовремя схватил его за руку со всей своей силой и оттащил назад, пока он не погубил всех нас. Он рванулся, чуть не повалив меня; потом вдруг присмирел, стих и сохранял ледяное спокойствие, пока толстый Стражник не закончил поиски «контрабанды».

Прошло еще некоторое время, после чего Стражник повернулся к Гормону и спросил:

— А ты что такое?

— Несоюзный, ваша милость, — ответил он резким тоном. — Смиренный и никчемный продукт гератогенетики, но все же, тем не менее, свободный человек, желающий войти в Рам.

— Будто у нас здесь мало уродов.

— Я мало ем и много работаю.

— Ты бы работал еще больше, если бы был ньютером, — сказал Стражник.

Гормон вспыхнул. Я спросил:

— Можно нам пройти?

— Один момент, — Стражник надвинул на голову шлем мыслепередачи и глаза его сузились, когда он передавал сообщение в хранилище памяти. Лицо его напряглось, затем расслабилось и спустя несколько секунд пришел ответ. Он был нам не слышен, но появившееся на лице Стражника растерянное выражение с очевидностью говорило о том, что не было найдено ни единой причины, чтобы закрыть нам доступ в Рам.

— Проходите, — сказал он. — Все. Быстро!

Мы прошли в ворота.

* * *

Гормон сказал:

— Я мог оставить от него мокрое место.

— А вечером бы тебя ньютировали. А так немного терпения, и мы — в Раме.

— Но то, как он лапал ее!..

— Тебя слишком притягивает Эвлуэла,— сказал я.— Вспомни, что она Воздухоплавательница и сексуально несовместима с несоюзными.

Гормон проигнорировал эту шпильку.

— Она влечет меня не больше, чем тебя, Наблюдатель. Но мне больно видеть, как ее обхаживают подобным образом. Я бы убил его, не оттащи ты меня.

Эвлуэла сказала:

— Теперь, когда мы в Раме, где же мы остановимся?

— Сперва дай мне найти штаб-квартиру моего союза,— сказал я.— Я зарегистрируюсь в Гостинице Наблюдателей. А потом, пожалуй, мы пойдем в Ложу Воздухоплавателей за едой.

— А потом,— сказал Гормон сухо,— мы пойдем к Несоюзным — на Сточную Канаву — за медяками.

— Мне жалко тебя, потому что ты Измененный,— сказал я ему,— но мне кажется, что жалеть тебя — некрасиво. Идем.

Мы шли по вымощенной булыжником, продуваемой ветром улице, шли по Раму, мы были сейчас внутри наружного кольца города, где были низкие приземистые здания, увенчанные громоздкими корпусами защитных установок. Внутри возвышались сверкающие башни, которые мы видели с полей прошлой ночью; остатки старого Рама, тщательно сохраняемые в течение десяти тысяч лет, а то и больше; рынок; заводская зона; горбы станций связи; храмы Воли; хранилища памяти; убежища Спящих; братства инопланетян; правительственные здания; штаб-квартиры всевозможных союзов.

На углу, рядом со зданием второго цикла со стенами из какой-то резиноподобной массы, я обнаружил общественный шлем мыслепередачи и надел его на голову. В тот же момент мои мысли рванулись вниз по кабелю, достигли распределителя, откуда ждут отводы к мозгам-накопителям хранилищ памяти. Я миновал распределитель и увидел сам мозг, морщинистый, бледно-серый на фоне зелени его обиталища. Один Летописец как-то говорил мне, что в прошлые циклы люди делали машины, чтобы они думали за них, хотя эти машины были ужасно дороги, требовали много места и пожирали огромное количество энергии. И это было не самое смешное чудачество предков; но зачем строить искусственный мозг, когда смерть каждый

день дарит столько великолепных натуральных мозгов, которые можно поместить в хранилища памяти? Может, они не знали, как это делается? В это трудно поверить.

* * *

Я назвал мозгу свой союз и спросил координаты нашей гостиницы. Ответ пришел сразу же и мы отправились дальше: Эвлуэла с одной стороны, Гормон — с другой, а я, как всегда, катил тележку, на которой размещались мои инструменты.

Город был запружен людьми. Ни в Эгапте, ни в любом другом месте во время моих северных странствий мне не приходилось видеть таких толп. Улицы были полны Пилигримов — таинственных, прячущих лица под масками. Их толкали озабоченные Летописцы и мрачные Торговцы. И то тут, то там — вкрапления Магистров. Эвлуэла увидела уже нескольких Воздухоплавателей, но догмы ее союза не позволили ей приветствовать их, пока она не прошла ритуального очищения. Горько говорить, что мне повстречалось много Наблюдателей и все они смотрели на меня с недовольством и без дружелюбия. Еще я заметил множество Защитников и значительное число членов мелких союзов: Разносчиков, Слуг, Производственников, Писцов, Связистов и Транспортников. И, конечно же, бесчисленное множество ньютеров, молчаливо и смиренно делающих свои дела, и кучу инопланетян всевозможного вида, бредущих по улицам. Большинство из них, видимо, были туристами, некоторые прилетели по делам, которые они имели с угрюмыми, подтачиваемыми болезнями людьми Земли. Я замечал много Измененных, осторожно пробирающихся сквозь толпу, и никто из них не выглядел так гордо, как идущий рядом Гормон. Среди себе подобных он был просто уникумом, все прочие — пятнистые, пегие и искривленные, с недостатком или избытком конечностей, деформированные на тысячу ладов, были настороженными, косящимися, шаркающими, шепчущими, заискивающими существами; это были владельцы тощих кошельков и высохших мозгов, торговцы печалью и перекупщики надежды, и никто из них не держался с подобным достоинством, даже если и считал себя человеком.

Указания мозга были точны. Мы добрались до Гостиницы Наблюдателей менее чем за час. Я оставил Эвлуэлу и Гормона на улице, а сам вкатил тележку во двор.

В холле слонялось около дюжины членов моего союза. Я сделал наш обычный приветственный знак, и они лениво ответили мне. И это те, на ком зиждется безопасность Земли! Раззявы и слюнтяи!

— Где можно отметиться? — спросил я.

— Новенький? Откуда?

— Последний раз отмечался в Эгапте.

— Там бы и оставался. Здесь нет нужды в Наблюдателях.

— Где можно отметиться?

* * *

Хлыщеватый парнишка показал на экран в углу. Я подошел к нему, положил на него пальцы, дождался вопроса и сказал свое имя, которое Наблюдатель имеет право говорить только другому Наблюдателю и только внутри Гостиницы. Экран засветился, и человек с выпученными глазами, с эмблемой Наблюдателей на правой, а не на левой щеке, что свидетельствовало о его высоком положении в союзе, повторил мое имя и сказал:

— Тебе бы следовало разузнать все получше, прежде чем идти в Рам. Гостиница переполнена.

— Я ищу лишь крова и работы.

— Человек с твоим чувством юмора должен входить в союз Клоунов,— сказал он.

— Я не вижу тут ничего смешного.

— Согласно законам, принятым большинством голосов на нашей последней сессии, гостиница не обязана принимать новых постояльцев, если не имеет такой возможности. Мы не имеем такой возможности. Всего хорошего, дружище.

Я был ошеломлен.

— Я ничего не знаю о таком ограничении! Это невозможно! Чтобы союз вышвыривал своего члена из собственной гостиницы... когда он является со сбитыми ногами, еле живой от усталости, человека моих лет, пришедшего из Эгапта по Земному Мосту, голодного, чужого в этом городе...

— Почему ты сперва не связался с нами?

— Мне и в голову не приходило, что это необходимо.

— Новые ограничения...

— Разве может Воля допускать такие ограничения? — закричал я.— Я требую права! Вышвыривать на улицу того, кто Наблюдал еще до того, как вы родились...

— Потише, братец, потише.

— Но у вас же есть какой-нибудь угол, где я могу спать... и объедки, чтобы накормить меня...

Голос мой из угрожающего стал умоляющим, и его лицо помягчело, из равнодушного стало сочувствующим.

— У нас нет места, у нас нет еды. Теперь настали тяжелые времена для нашего союза, сам знаешь. Ходят разговоры, что нас вовсе распустят как бесполезную роскошь, прореху в кармане Воли. Мы очень ограничены в своих возможностях. В Рам все время прибывают Наблюдатели, у нас сейчас очень скудный рацион и, если мы пустим тебя, наши рационы станут еще скуднее.

— Но куда же мне идти? Что делать?

— Мой совет,— произнес он тихо,— проси милости у Принца Рама.

Глава 4

Я сказал об этом Гормону, когда вышел, и тот, хохоча так, что морщинки на его впалых щеках налились кровью, словно рубцы, повторил:

— Милости Принца Рама,— пробормотал он.— Милости Принца Рама...

— Таков обычай — те, кому не повезло, всегда просят покровительства у местного законодателя,— холодно произнес я.

— Принц Рама не знает, что такое милость,— сказал мне Гормон.— Принц Рама отрежет тебе руку или ногу, чтобы ты не помер с голоду!

— Может, вмешалась Эвлуэла,— мы попробуем найти Гостиницу Воздухоплавателей? Там нас покормят.

— Только не Гормона,— возразил я.— А мы должны думать друг о друге.

— Мы можем вынести ему еды,— сказала она.

— Лучше сперва отыщем дворец,— возразил я.— Пусть нам объяснят наше положение, а потом сообразим, как нам жить дальше.

Она, соглашаясь, кивнула, и мы отправились ко дворцу Принца Рама, возвышающемуся на том берегу рассекающей город реки массивному зданию, выходящему на колоссальную площадь, окруженную колоннами. На площади нас сразу же обступили попрошайки всех сортов. Некоторые были даже не землянами. Ко мне бросился некто с клейкими усиками и сморщенным безносым лицом

и принялся выпрашивать милостыню, пока Гормон не оттолкнул его, а через минуту еще одно существо, такое же странное, как и первое,— его кожа была испещрена люминесцирующими язвами, а конечности усеяны глазами — приникло к моим коленям и стало именем Воли молить меня о милости.

— Я всего лишь бедный Наблюдатель,— сказал я и показал на тележку,— и сам пришел сюда за милостью.

Но существо не уходило, рыдало, неразборчиво перечисляло все свои несчастья, и в конце концов, к огромному неудовольствию Гормона, я бросил несколько пищевых таблеток в похожую на полку сумку, висевшую у него на груди. Затем мы направились к дверям дворца. У портика нам предстало еще более неприятное зрелище: искалеченный Воздухоплаватель. Хилые конечности вывернуты, одно крыло полуоторвано и короче обычного, другого крыла нет совсем. Воздухоплаватель обратился к Эвлуэле, называя ее чужим именем и увлажняя ее туфельки такими крупными слезами, что там, где они падали, мех слипался и темнел.

— Поручись за меня в гостинице,— взмолился он.— Они выгнали меня, потому что я калека. Но если ты поручишься за меня...

Эвлуэла объяснила, что она ничего не может сделать, что она не живет в этой гостинице, но искалеченный Воздухоплаватель не желал отпускать ее. Тогда Гормон с величайшей осторожностью поднял его, словно мешок сухих костей (чем тот, собственно, и был) и поставил в сторонку. Мы поднялись по ступеням и оказались лицом к лицу с тройкой вежливых ньютеров, которые спросили нас о наших намерениях и направили нас к следующему барьеру, за которым стояли двое высохших Указателей. Они в унисон велели нам остановиться.

Мы просим аудиенции,— сказал я.— Мы просим милости Принца.

— Аудиенция была четыре дня назад,— сказал Указатель справа.— Мы запишем вашу просьбу на ролик.

— Нам негде спать! — не выдержала Эвлуэла.— Мы голодны! Мы...

Я одернул ее. Гормон тем временем залез в зев своего кошеля. В его руке сверкнуло что-то яркое: кусочки золота, вечного металла, с оттисками бородатых лиц с ястребиными носами. Он нашел их, роясь в развалинах. Он бросил монету Указателю, который не пускал нас. Тот поймал ее на лету, провел большим пальцем по сверкающему

аверсу, и монета исчезла в складках его одежды. Второй Указатель терпеливо ждал. Гормон, засмеявшись, бросил монету и ему.

— Может,— сказал я,— подвернется какая-нибудь специальная аудиенция?

— Может и подвернется,— ответил один из Указателей.— Проходите.

И мы прошли во дворец и остановились внутри огромного резонирующего пространства, глядя на центральный проход, ведущий к окруженному защитой тронному залу. Здесь было еще больше нищих — привилегированных, с переходящими по наследству грамотами — и толпы Пилигримов, Связистов, Летописцев, Музыкантов, Писцов и Указателей. Я слышал невнятные молитвы; я чувствовал запах ладана; я ощущал колебания подземных гонгов. В прошлые циклы это здание было молитвенным домом одной из старейших религий — христианства (как мне сказал Гормон, заставив меня опять подозревать, что он — Летописец, переодетый Измененным) и оно до сих пор сохраняло некоторую святость, хотя использовалось сейчас в качестве резиденции рамского правительства. Но как же нам попасть к Принцу?

Я увидел слева маленькую узорчатую часовенку, к которой тянулась очередь преуспевающих Торговцев и Землевладельцев. Приглядевшись, я заметил три черепа над информационным устройством — знак хранилищ памяти, а рядом — дородного Писца. Сказав Гормону и Эвлуэле, чтобы они подождали, я встал в очередь.

Она непрерывно двигалась и спустя примерно час я стоял у информатора. Черепа безглазо смотрели на меня; внутри этих закупоренных коробок булькала питательная жидкость, поддерживающая деятельность мертвого, но все еще функционирующего мозга, чьи биллионы биллионов синонсов теперь служили несравненными ячейками памяти. Писец, казалось, был ошеломлен тем, что в очереди оказался Наблюдатель, но прежде чем он раскрыл рот, я быстро проговорил:

— Я пришел просить милости Принца Рама. Я и мои друзья не имеем крова. Мой собственный союз не принял меня. Что мне делать? Как я могу получить аудиенцию?

— Приходите через четыре дня.

— Я уже много дней ночевал на дороге. Теперь я нуждаюсь в отдыхе.

— Общественная гостиница...

— Но я же союзный! — запротестовал я.— Пока су-

ществует гостиница моего союза, меня не пустят в общественную, а мой союз отказал мне из-за каких-то новых ограничений и... Войдите в мое положение!

Писец устало сказал:

— Вы можете подать прошение о специальной аудиенции. Его отклонят. Но вы можете попытаться.

— Где это?

— Здесь. Сформулируйте свою просьбу.

Я назвал себя черепам информационного устройства, назвал имена своих товарищей и их статус и объяснил ситуацию. Все это было выслушано и отправлено в хранилища памяти, куда-то глубоко под землю, и когда все было сделано, Писец сказал:

— Если прошение будет принято, вас известят.

— Где я должен пока находиться?

— Поближе ко дворцу, я полагаю.

Я понял. Я должен был присоединиться к легиону неудачников, забивших площадь. Сколько их надеялось на благосклонность Принца Рама и до сих пор находилось здесь, месяцы, годы, ожидая, что им разрешат представиться? Ночуя на камнях, выпрашивая объедки, живя бессмысленной надеждой...

Я исчерпал все средства. Я вернулся к Эвлуэле и Гормону, разъяснил им ситуацию и предложил приспосабливаться к жизни в этом городе, кто как сможет. Гормона, несоюзного, пустят в любую ночлежку для этой братии; Эвлуэла, наверное, найдет кров в своем союзе; только мне придется ночевать на улице, впрочем, не впервой. Но я все же надеялся, что нам не придется разделяться. Я начал думать о нашей компании словно о семье. Странная это мысль для Наблюдателя.

Мы двинулись к выходу и в это время мой внутренний голос напомнил мне о том, что наступил час Наблюдения. Это моя обязанность и моя привилегия: как только настанет время, вести Наблюдение там, где я нахожусь, независимо от обстоятельств. Поэтому я остановился, раскрыл тележку и приготовил инструменты. Гормон и Эвлуэла остановились рядом.

Я видел косые взгляды и откровенную насмешку на лицах тех, кто проходил мимо. К Наблюдателю перестали относиться с уважением, ибо Наблюдаем мы долго, а обещанный враг так и не пришел. Но у каждого свое дело, пусть даже и смешное с точки зрения другого. То, что для одних — бессмысленный ритуал, для других — дело всей жизни. Я упрямо принудил себя впасть в транс.

Мир метнулся назад, и я рванулся в небо. Знакомая радость наполнила меня; я рассматривал знакомые места и не совсем знакомые, мой мозг гигантскими прыжками мчался сквозь галактики. Не прячется ли где армада? Не стягиваются ли войска для покорения Земли? Я вел Наблюдение четыре раза в день и то же делали остальные члены союза, каждый немного в иное время, так что в любую минуту на страже был чей-то недремлющий мозг. Не думаю, чтобы это было пустой затеей.

* * *

Когда я вышел из транса, вдалеке слышался отдающий металлом голос:

— ...Принцу Рама! Дорогу Принцу Рама!

Я заморгал, у меня перехватило дыхание и я с усилием стряхнул с себя последние остатки транса. Из угла дворца ко мне приближался золоченый паланкин, сопровождаемый четырьмя шеренгами ньютеров. Рядом с каждой шеренгой шел человек в богато украшенной одежде и блестящей маске Магистра, а возглавляла процессию тройка Измененных, коренастых и широкогрудых, чьи глотки копировали резонаторы лягушек-быков. При появлении они испустили величественный трубный рев.

Меня сильно поразило то, что Принц прибегал к услугам Измененных, пусть даже и обладающих таким даром.

Моя тележка стояла на пути этой величественной процессии, и я поспешно начал убирать инструменты, чтобы откатить ее раньше, чем все это великолепие надвинется на меня. Годы и страх заставляли мои пальцы дрожать, и я никак не мог правильно поставить уплотнения: чем больше я торопился, тем больше все валилось у меня из рук, а Измененные были уже так близко, что их рев оглушал, и Гормон бросился помогать мне, а я шикнул на него, ибо тому, кто не входит в мой союз, запрещено касаться моих инструментов. Я оттолкнул его и в тот же момент авангард ньютеров был рядом, и они были готовы пустить в ход сверкающие кнуты.

— Ради Воли! — воскликнул я.— Я Наблюдатель!

Я услышал в ответ тихий, спокойный голос:

— Оставьте его. Это Наблюдатель.

Все движение прекратилось; Принц Рама заговорил.

Ньютеры отступили. Измененные умолкли. Носильщики поставили паланкин на землю. Толпа подалась назад,

лишь Гормон, Эвлуэла и я остались на месте. Занавес из подрагивающих цепочек раздвинулся. Двое Магистров поспешно бросились к паланкину и протянули руки сквозь звуковой барьер, предлагая помощь своему господину. Барьер с тихим жужжанием опал.

И появился Принц Рама.

Он был так юн! Он был совсем мальчишкой, волосы его были темными и прямыми, лицо — несформировавшимся. Но он был рожден повелевать и, несмотря на всю его молодость, он был властителем, подобного которому я не видел. Его тонкие губы были плотно сжаты, орлиный нос был узок; его глаза, глубокие и холодные, были бездонными колодцами. Он был одет в богатые одежды союза Правителей, но на щеке его была насечка: двойной крест Защитников, а на плечи наброшена шаль Летописцев. Правитель может войти в любой союз, в какой пожелает, и для Правителя странно не быть Защитником, но меня поразило то, что Принц был еще и Летописцем. Это не тот союз, где нужна жестокость.

Он со слабым интересом поглядел на меня и сказал:

— Ты выбрал странное место для Наблюдения, старик.

— Час выбирает место, сир,— ответил я.— Я был здесь и я выполнил свой долг. Я не мог знать, что вы пожелаете пройти по этому месту.

— Твое Наблюдение не обнаружило врагов?

— Никаких, сир.

Я был готов испытать свою судьбу, ухватиться за неожиданное появление Принца и попросить его покровительства, но его интерес ко мне таял, словно догорающая свеча, а я не осмеливался заговорить, когда он смотрел в сторону. Он довольно долго разглядывал Гормона, хмурясь и потирая пальцем подбородок. Потом его взгляд упал на Эвлуэлу. Глаза его посветлели. Лицевые мускулы дрогнули, тонкий нос затрепетал.

— Подойди сюда, маленькая Воздухоплавательница,— сказал он, кивнув.— Ты пришла вместе с этим Наблюдателем?

Она испуганно кивнула.

Принц протянул к ней руку и сжал ее в кулак; взмыла в воздух и опустилась перед паланкином, и с усмешкой, настолько неприятной, что она походила на злобную гримасу, юный Правитель втащил Эвлуэлу за занавес. В тот же момент двое Магистров восстановили звуковой барьер, но процессия не двинулась с места. Я оцепенел. Рядом со мной замер Гормон; его сильное тело застыло,

словно в столбняке. Я откатил тележку на свободное место. Шли бесконечные минуты. Придворные сохраняли молчание, рассеянно поглядывая по сторонам.

Наконец, занавес снова раздвинулся. Эвлуэла шагнула наружу и пошатнулась. Лицо ее было бледно, глаза часто мигали. Она выглядела ошеломленной. На щеках ее поблескивали струйки пота. Она чуть не упала, ньютер подхватил ее и опустил на землю. Крылья ее топорщились под одеждой, говоря мне, что она испытывает сильнейшее нервное потрясение. Она безмолвно подошла к нам неуверенной шаркающей походкой, метнула на меня быстрый взгляд, бросилась к Гормону и прижалась к нему.

Носильщики подняли паланкин. Принц Рама покинул дворец.

Когда он исчез из виду, Эвлуэла хрипло бросила:

— Принц даровал нам место в королевском приюте.

Глава 5

Управляющий, конечно же, не поверил нам.

Гости Принца размещаются в королевском приюте, который расположен рядом с углом дворца, в небольшом саду, полном цветов и душистого кустарника. Обычные обитатели этого приюта — Магистры и случайный Правитель; иногда здесь находит себе тепленькое местечко особо важный Летописец, которому поручено какое-нибудь исследование, или занимающий высокое положение Защитник, прибывший с тайным стратегическим планом. Поселить в приюте Воздухоплавательницу было бы делом чрезвычайно странным; пустить Наблюдателя — явно нежелательным; разместить же Измененного или любого другого несоюзного — вообще выходящим за рамки допустимого. Когда мы явились, то были встречены Слугами, которые отнеслись к нам сперва весело, ибо приняли нас за шутников, потом — раздраженно, а после — презрительно.

— Убирайтесь! — сказали они нам в конце концов.— Подонки! Нечисть!

Эвлуэла серьезно ответила:

— Принц предоставил нам здесь места и вы не можете прогнать нас.

— Убирайтесь! Убирайтесь!

Гнилозубый Слуга вытащил нейродубинку и ткнул ею Гормона в лицо, отпустив при этом грязную шуточку

насчет его несоюзности. Гормон вырвал у него дубинку, не обращая внимания на болезненный ожог, и ударил его ногой в живот так, что тот согнулся и, блюя, повалился на пол. В то же мгновение на помощь Слуге бросилась толпа ньютеров. Гормон схватил другого Слугу и толкнул его навстречу бегущим, образовалась свалка. Дикие вопли и яростная ругань привлекли внимание почтенного Писца, который вразвалку подошел к дверям, приказал всем молчать и расспросил нас.

— Это легко проверить,— сказал он, когда Эвлуэла все ему рассказала.— Пошли-ка запрос Указателю, да поживей! — приказал он Слуге.

Через несколько секунд затруднение было устранено и нас пропустили. Нам дали отдельные, но сообщающиеся комнаты. Я никогда не имел такой роскоши и, наверное, никогда больше не буду иметь. Комнаты были обширны и высоки. Пройти в них можно было через раздвижные двери, настроенные на присущий каждому человеку температурный спектр, что обеспечивало неприкосновенность жилища. Лампы вспыхивали по малейшему желанию хозяина, ибо свисающие с потолка шары и спрятанные в нишах стен светильники были светлячками одного из миров Огненной, обученными выполнять подобные команды. Окна открывались и закрывались по первому же желанию. Когда они не были нужны, то занавешивались полупрозрачными, привезенными с других миров квазишторами, которые играли не только декоративную роль, но и источали восхитительный аромат в соответствии с тем, что было на них изображено. Были в комнатах и шлемы мыслепередачи, связанные с главными мозговыми центрами. У шлемов были ответвления для вызова Слуг, Писцов, Указателей или Музыкантов. Конечно же, человеку моего союза и в голову бы не пришло пользоваться услугами всех этих людей из боязни навлечь на себя их гнев. Да и в любом случае, у меня в них не было нужды.

Я не спрашивал Эвлуэлу о том, что произошло в паланкине, чем мы заслужили такую щедрость. Я легко мог себе представить это, и то же самое мог сделать и Гормон, чья плохо скрываемая ярость порождалась противозаконной любовью к моей тонкой хрупкой маленькой Эвлуэле.

* * *

Мы вошли. Я поставил тележку у окна, прикрыл ее шторой и оставил в готовности для следующего На-

блюдения. Я смывал с тела въевшуюся грязь, и спрятанные в стенах устройства говорили о мире и покое. Позднее я поел. Потом ко мне пришла Эвлуэла, посвежевшая и расслабленная, она сидела рядом со мной, и мы тихо говорили о том, что было с нами раньше.

Проходили часы, а Гормона все не было. Я подумал, что он ушел из приюта, атмосфера которого была ему слишком непривычна, и нашел другой среди подобных ему несоюзных. Но когда мы с Эвлуэлой вышли на монастырский двор и подошли к парапету, чтобы поглядеть на появляющиеся в небе Рама звезды, Гормон был уже там. С ним был долговязый сухопарый человек в шали Летописца: они тихо беседовали.

Гормон кивнул мне и сказал:

— Наблюдатель, это мой новый друг.

Долговязый коснулся своей шали:

— Я Летописец Бэзил,— произнес он голосом тонким, словно фреска, осыпающаяся с этой стены.— Я прибыл из Парриша, чтобы окунуться в тайны Рама. Я пробуду здесь очень долго.

— Этому Летописцу есть что рассказать,— вмешался Гормон.— Он очень известен в своем союзе. Как раз, когда вы подошли, он рассказывал мне о технике, которая открывает нам прошлое. Они прорыли траншею, сняв слой Третьего Цикла, понимаете, и с помощью вакуумного сепаратора поднимают молекулы, лежащие в нижних слоях.

— Мы нашли,— сказал Бэзил,— катакомбы императорского Рама и гальку Времени разбега, и книги, написанные на листах белого металла, восходящие ко Второму Циклу. Все это направляется в Парриш для изучения, классификации и разбора, а затем возвращается обратно. Тебя интересует прошлое, Наблюдатель?

— В некоторой степени,— я улыбнулся.— А вот этот Измененный очарован им гораздо больше. Иногда я сомневаюсь в его принадлежности к несоюзным. Не увидите ли вы Летописца под этой маской?

Бэзил оглядел Гормона, задержав взгляд на его необычном лице и ширококостной фигуре.

— Это не Летописец,— сказал он, наконец,— но я согласен, что стариной он интересуется, и очень. Он задал мне несколько очень непростых вопросов.

— Например?

— Он желает знать о происхождении союзов. Он интересовался именем генетика, создавшего первого Возду-

хоплавателя. Он хочет услышать, почему появились Измененные и действительно ли на них лежит проклятие Воли.

— И у вас есть на них ответы? — спросил я.

— На некоторые,— ответил Бэзил.— На некоторые.

— Происхождение союзов?

* * *

— Чтобы дать устойчивость и осмысленность обществу, которое допускает зло и насилие,— сказал Летописец.— К концу Второго Цикла все зашло в тупик. Никто не знал ни своего статуса, ни своей цели. Наш мир стал проходным двором для надменных инопланетян, которые глядели на нас как на ничтожество. Было просто необходимо создать жесткий свод установлений, чтобы каждый человек четко знал свое место. Так появились первые союзы: Правители, Магистры, Торговцы, Производственники, Разносчики и Слуги. Потом пришли Писцы, Музыканты, Клоуны и Транспортники. Потом появилась необходимость в Наблюдателях и Защитниках. Когда Магия дала нам Воздухоплавателей и Измененных, то эти два союза добавились к уже упомянутым, а потом были созданы несоюзные — ньютеры — и...

— Но Измененные тоже ведь несоюзные,— перебила Эвлуэла.

Летописец впервые за все это время поглядел на нее.

— Кто ты?

— Эвлуэла, Воздухоплавательница. Я иду вместе с этим Наблюдателем и Измененным.

Бэзил сказал:

— Как я уже говорил этому Измененному, в прежние времена ему подобные могли создать и имели свой союз. Он был распущен тысячу лет тому назад по приказу Совета Правителей после попытки мало популярной фракции Измененных захватить контроль над святынями Йорсалема. С этого времени Измененные и стали несоюзными, ниже их стоят только ньютеры.

— Я этого не знал,— сказал я.

— Ты не Летописец,— самодовольно ответил Бэзил.— Это наше ремесло — открывать прошлое.

— Верно. Верно.

Гормон спросил:

— А сейчас? Сколько союзов сейчас?

Бэзил несколько смущенно и неуверенно ответил:

— Около сотни, дружище. Некоторые из них совсем

малы; некоторые существуют только в определенной местности. Я интересовался только основными союзами и их непосредственными преемниками; то, что произошло в последние несколько сотен лет, это не моя область. Ответил ли я на твой вопрос?

— Ничего,— сказал Гормон.— Это был глупый вопрос.

— Твое любопытство постоянно растет,— сказал Летописец.

— Я нахожу мир и все, что в нем есть, прекрасным. Разве это грех?

— Это странно,— ответил Бэзил.— Несоюзные редко отрывают свой взгляд от земли.

Глава 6

Появился Слуга. Он почтительно и вместе с тем презрительно склонился перед Эвлуэлой и произнес:

— Принц вернулся. Он желает, чтобы вы составили ему компанию. Прямо сейчас.

В глазах Эвлуэлы мелькнул страх. Но отказаться было невозможно.

— Мне идти с вами? — спросила она.

— Прошу Вас. Вы должны одеться и привести себя в порядок. Он желает, чтобы вы вошли к нему с раскрытыми крыльями.

Эвлуэла кивнула, и Слуга увел ее.

Мы остались стоять у парапета. Летописец Бэзил говорил о былых днях Рама, я слушал его, а Гормон смотрел на сгущающуюся темноту. Потом у Бэзила пересохло горло. Он извинился и поспешно ушел. Через некоторое время во дворе под нашими ногами открылась дверца, и появилась Эвлуэла, которая шла так, словно принадлежала к союзу Сомнабул, а не Воздухоплавателей.

Она была обнажена и ее хрупкое тело белело неясной тенью в свете звезд. Ее крылья были расправлены и медленно вздымались и опадали. Слуги поддерживали ее под руки; казалось, что они ведут ее во дворец насильно. Не ее даже, а какое-то ожившее сновидение.

— Лети, Эвлуэла, лети,— прошептал рядом со мной Гормон.— Беги, пока можно!

Она скрылась в боковом проходе дворца.

Измененный взглянул на меня:

— Она продалась Принцу, чтобы дать нам кров.

— Похоже, что так.

— Я мог бы разнести этот дворец.

— Ты любишь ее?

— Разве это не очевидно?

— Остынь,— покачал я головой.— Ты непростой человек, но все же Воздухоплавательница не для тебя. Особенно Воздухоплавательница, делящая ложе с Принцем Рама.

— Она перешла к нему из моих рук.

Я был потрясен.

— Ты знал ее?

— И не один раз,— сказал он с грустной улыбкой.— В минуту блаженства ее крылья трепещут, словно листья на ветру.

Я вцепился в поручень, чтобы не свалиться вниз. Перед моими глазами закружились звезды; запрыгала и закачалась старушка Луна и два ее бледных провожатых. Я был потрясен, еще не понимая толком, почему. Из-за того, что Гормон дерзнул нарушить запрет? Или это давали себя знать мои псевдородительские чувства к Эвлуэле? Или это было простой ненавистью к Гормону, осмелившемуся совершить грех, на который у меня не хватило смелости, хотя и хватало желания?

* * *

Я сказал:

— Тебе выжгут мозг за это. И ты сделал меня своим сообщником.

— Ну и что? Принц приказал — и получил, что хотел. Но до него были и другие. Я хотел сказать, другой.

— Хватит. Хватит.

— Мы увидим ее снова?

— Принцам быстро надоедают их женщины. Несколько дней, а может, и одна ночь, и он вернет ее обратно. И тогда нам, наверное, придется уйти из приюта,— я вздохнул.— В конце концов, нам дадут об этом знать заранее.

— И куда ты тогда пойдешь? — спросил Гормон.

— Ненадолго останусь в Раме.

— Даже если придется ночевать на улице? Здесь, похоже, невелика нужда в Наблюдателях.

— Что-нибудь придумаю,— ответил я.— А потом пойду в Парриш.

— Учиться к Летописцам?

— Смотреть на Парриш. А ты? Что тебе нужно в Раме?

— Эвлуэла.

— Оставь этот разговор.

— Хорошо,— сказал он, горько усмехнувшись.— Но я останусь здесь, пока Принц не бросит ее. Тогда она будет моей, и мы найдем, на что жить. Несоюзные горазды на выдумки. Это им необходимо. Может, поживем некоторое время в Раме, а потом двинемся за тобой в Парриш. Если только ты ничего не имеешь против уродов и никому не нужных Воздухоплавательниц.

Я пожал плечами:

— Посмотрим, когда придет время.

— А раньше тебе приходилось бывать в компании Измененных?

— Не часто. И не долго.

— Я польщен,— он выбил ладонями дробь на парапете.— Не бросай меня, Наблюдатель. Я очень хочу быть рядом с тобой.

— Почему?

— Чтобы увидеть твое лицо в тот день, когда твои машины скажут тебе, что вторжение началось.

Голова моя невольно поникла, плечи опустились.

— Тогда тебе придется долго ждать.

— А ты разве не веришь, что вторжение состоится?

— Иногда. Изредка.

Гормон усмехнулся.

— Ты не прав. Они уже почти здесь.

— Перестань смеяться.

— В чем дело, Наблюдатель? Ты потерял веру? Это известно уже тысячу лет: иная раса обнаружит Землю, захочет сделать ее своей и в один прекрасный день явится, чтобы захватить ее. Это было известно еще в конце Второго Цикла.

— Я знаю это и я не Летописец,— а потом я повернулся к нему и произнес слова, которые, как я думал, никогда не выскажу вслух.— Я слушаю звезды и делаю свои наблюдения в течение двух твоих жизней. То, что делаешь слишком часто, теряет смысл. Скажи десять тысяч раз свое имя, и оно превратится в пустой звук. Я Наблюдал и я Наблюдал хорошо, и в ночные часы я иногда думал, что Наблюдаю впустую, что зря теряю свою жизнь. В Наблюдении есть свое удовольствие, но, возможно, нет никакого смысла.

Он схватил меня за руку.

— Твое признание так же неожиданно, как и мое. Храни свою веру, Наблюдатель. Вторжение близко!

— Откуда ты можешь знать это?

— Несоюзные тоже кое-что могут.

Разговор этот был горек для меня. Я спросил:

— А ты, наверно, иногда сходишь с ума от того, что ты несоюзный?

— С этим можно смириться. А кроме того, здесь есть свои неприятные стороны, чтобы компенсировать низкое положение. Я завожу разговор, с кем захочу.

— Я это заметил.

— Я иду, куда хочу, у меня всегда есть пища и кров, хотя пища может быть гнилой, а кров — убогим. Женщины тянутся ко мне вопреки всем запретам. Из-за них, видимо, я и не страдаю комплексом неполноценности.

— И ты никогда не хотел стоять на ступеньку выше?

— Никогда.

— Будь ты Летописцем, ты был бы счастливее.

— Я счастлив сейчас. Я получаю все удовольствия Летописца, но у меня нет его обязанностей.

— До чего ты самодоволен! — не выдержал я.— Говоришь о достоинствах несоюзности!

— Как же еще можно вынести тяжесть Воли? — он поглядел на дворец.— Смирение возносится. Могущество рушится. Выслушай мое пророчество, Наблюдатель: этот похотливый Принц еще до осени узнает о жизни кое-что новенькое. Я выдавлю ему глаза, чтобы отнять ее!

— Громкие слова. Ты говоришь сегодня, словно предатель.

— Это пророчество.

— Тебе даже и близко к нему не подойти,— сказал я. И, раздосадованный тем, что принимаю все эти глупости всерьез, добавил: — И почему ты винишь во всем его? Он поступает так, как поступают все принцы. Обвиняй девушку за то, что она пошла с ним. Она могла отказаться.

— И лишиться крыльев. Или жизни. Нет, у нее не было выбора. Я это сделаю! — и он с неожиданной яростью ткнул раздвинутыми большим и указательным пальцами в воображаемые глаза.— Погоди,— произнес он.— Вот увидишь.

Во дворе появились двое Хрономантов. Они разложили аппараты своего союза и зажгли тонкие свечи, чтобы читать по ним знаки завтрашнего дня. Тошнотворный запах наполнил мои ноздри, и у меня пропала всякая охота разговаривать с Измененным.

— Стало поздно,— сказал я.— Мне нужно отдохнуть,— добавил я. Скоро мне проводить Наблюдение.

— Теперь смотри в оба,— сказал мне Гормон.

Глава 7

Ночью я провел у себя в комнате четвертое и последнее Наблюдение и впервые в жизни обнаружил отклонение. Я не мог объяснить его. Это было какое-то смутное чувство, мешанина слуховых и вкусовых ощущений, контакт жизни с какой-то колоссальной массой. Я испугался и прирос к своим инструментам намного дольше обычного, но к концу Наблюдения понял не больше, чем в начале.

А потом я вспомнил о своих обязанностях.

Наблюдателей с детства учат объявлять тревогу без задержки; каждый раз, когда Наблюдатель решит, что мир в опасности, он должен бить тревогу. Должен ли я сейчас известить Защитников? Четырежды за мою жизнь объявлялась тревога и каждый раз ошибочно, и каждый из Наблюдателей, повинный в ложной тревоге, был обречен на вызывающую дрожь потерю статуса. У одного вынули мозг и поместили в хранилище памяти; другой стал ньютером; у третьего разбили все инструменты и отправили его к несоюзным; четвертый, тщетно пытаясь продолжать Наблюдения, подвергся издевательствам со стороны своих же товарищей. Я не вижу большой добродетели в насмешках над тем, кто поторопился, ибо для Наблюдателя лучше поднять ложную тревогу, чем промолчать вообще. Но таковы обычаи нашего союза, и я вынужден подчиняться им.

Я обдумал свое положение и решил, что не стоит зря сотрясать воздух.

Я подумал, что Гормон в этот вечер посеял в моей голове слишком много разных мыслей. Это могло быть простой реакцией на его разговорчики о скором вторжении.

Я не мог заставить себя действовать. Я решил не осложнять свое положение поспешной тревогой.

Я не объявил ее.

Взмокший, растерянный, с бьющимся сердцем, я закрыл тележку и проглотил таблетку снотворного.

* * *

Я проснулся на рассвете и бросился к окну, ожидая увидеть на улицах захватчиков. Но все было тихо. Над дворцом висела зимняя серость и сонные Слуги отгоняли от ворот равнодушных ньютеров. Первое Наблюдение далось мне с трудом, но, к моему облегчению, странность ночи не повторилась. Правда, я не забывал о том, что ночью моя чувствительность больше, чем после сна.

Я поел и вышел во двор. Гормон и Эвлуэла были уже там. Она выглядела усталой и подавленной, истощенная ночью, проведенной с Принцем Рама, но я ничего не сказал ей об этом. Гормон, небрежно прислонившийся к стене, испещренной округлыми ракушками, спросил меня:

— Ну, как твое Наблюдение?

— Ничего.

— Чего собираешься делать?

— Поброжу по Раму,— ответил я.— Вы со мной? Эвлуэла? Гормон?

— Конечно,— сказал он, а она слабо кивнула, и мы, словно туристы, отправились осматривать великолепный Рам.

Сразу получилось так, что Гормон стал нашим гидом в этой мешанине прошлого Рама, опровергая свои заверения, что никогда не бывал здесь раньше. Он описывал все то, что мы видели на продуваемых ветром улицах, не хуже любого Летописца. Здесь были вперемешку представлены все тысячелетия Рама. Мы видели купола силовых станций Второго Цикла, Колизей, где в неимоверно далекие времена дрались со зверями люди, сами похожие на зверей. И среди развалин этого вместилища ужасов Гормон говорил нам о дикости той непредставимо далекой древности.

— Они дрались,— рассказывал он,— обнаженными перед гигантским скопищем народа. Люди с голыми руками выходили на зверей, которые назывались львами,— гигантских волосатых кошек с косматыми головами,— и когда лев бился в агонии, победитель поворачивался к Принцу Рама и просил о прощении за то преступление, которое он совершил и которое бросило его на арену. Если он дрался хорошо, то Принц делал рукой жест: поднятый вверх большой палец несколько раз указывает за правое плечо. Но если человек выказывал трусость, или лев продолжал нападать после смертельной раны, Принц делал другой жест, и человек должен был драться со следующим зверем.— Гормон показал нам этот жест: кулак с выпрямленным средним пальцем резко поднимается вверх.

— А как об этом узнали? — спросила Эвлуэла, но Гормон притворился, что не расслышал.

Мы видели вереницу ядерных пилонов, построенных в начале Третьего Цикла, чтобы выкачивать энергию земного ядра. Они теперь не функционировали, а стояли и ржавели. Мы видели разбитый остов погодной машины Второго Цикла: могучую колонну раз в двадцать выше

человеческого роста. Мы видели холм, на котором возвышались беломраморные развалины Рама Первого Цикла, похожие на узоры инея на стекле. Войдя во внутреннюю часть города, мы прошли мимо батарей оборонных установок, готовых в любой момент обрушить на врага всю мощь Воли. Мы увидели рынок, на котором гости со звезд торговали у крестьян старинные вещи. Гормон моментально врезался в эту толпу и что-то купил. Мы зашли в мясные ряды, где прибывшим издалека можно было купить все, что угодно, от квазижизни до колотого льда. Мы пообедали в маленьком ресторанчике на берегу Тивера, где без особых церемоний обслуживали несоюзных; по настоянию Гормона пообедали какой-то тестообразной массой, горкой лежащей на тарелке.

* * *

Потом мы шли сквозь крытую аркаду, мимо островков людей, окружающих Разносчиков, предлагающих товары со звезд, дорогие безделушки Анфрики и аляповатые изделия здешних Производственников. Выйдя из нее, мы попали на маленькую площадь, на которой возвышался фонтан в виде корабля, а внизу виднелись разбитые и развороченные каменные ступеньки, ведущие к горам щебня, поросшим сорной травой. Гормон кивнул, и мы быстро пересекли площадь и вышли к пышному дворцу Второго, а то и Первого Цикла, подмявшему под себя заросший густой зеленью холм.

— Говорят, что это — центр мира,— сказал Гормон.— В Йорсалеме тоже можно найти место, которое претендует на это право. А это место отмечено глобусом.

— Как это может у мира быть один центр? — спросила Эвлуэла,— если он круглый?

Гормон рассмеялся. Мы вошли внутрь. Внутри, в зимних потемках, высился колоссальный сверкающий глобус, залитый изнутри ярким светом.

— Вот ваш мир,— произнес Гормон с величественным жестом.

— Ох! — выдохнула Эвлуэла.— Все! Здесь все, все есть!

Глобус был воплощением подлинного Мастерства. Он показывал не только очертания, но и сам рельеф; его моря казались глубокими бассейнами; его пустыни были настолько естественными, что в горло впивались острые коготки жажды; его города бурлили суетой и жизнью.

Я разглядывал континенты: Эйропу, Анфрику, Айзу, Стралию. Я видел просторы Земного Океана. Я проследил взглядом золотистую цепь Земного Моста, который я совсем недавно с таким трудом пересек. Эвлуэла бросилась к глобусу и принялась показывать нам Рам, Эгапт, Йорсалем, Парриш. Она дотронулась до высоких гор к северу от Хинды и тихо сказала:

— Вот здесь я родилась, где лежат льды, где горы касаются лун. Вот здесь владения Воздухоплавателей.— Она провела пальцем к Парсу и назад, к страшной Арабанской пустыне, и до Эгапта.— Вот здесь я летала ночами, когда прошло мое детство. Мы все должны летать, и я летала здесь. Сто раз я думала, что умираю. Вот здесь, в этой пустыне... Песок в горле, песок сечет крылья... Меня швырнуло наземь, проходили дни, а я лежала голая на горячем песке и не могла шевельнуться. Потом меня заметил Воздухоплаватель, он спустился, поднял меня, взлетел вместе со мной и, когда я была высоко, ко мне вернулись силы, и мы полетели к Эгапту. И над морем он умер. Жизнь покинула его, хотя он был молод и силен, и он упал в море, и я упала следом, чтобы быть с ним, а вода была горячей даже ночью. Меня качали волны, и пришло утро, и я увидела живые камни, подобные растущим в воде деревьям, и разноцветных рыб, и они поднялись и стали кусать его покачивающееся тело с распростертыми в воде крыльями, и я оставила его, я толкнула его вниз, чтобы он отдохнул там, а я поднялась и полетела в Эгапт, одинокая, напуганная, и там я встретила тебя, Наблюдатель.— Она застенчиво улыбнулась мне.— Покажи нам место, где ты был молодым, Наблюдатель.

* * *

Через силу, словно у меня вдруг закостенели суставы, я подошел к другой стороне глобуса. Эвлуэла встала рядом, а Гормон отошел в сторону, словно ему было ни капельки не интересно. Я показал на изрезанные островки, поднимающиеся двумя длинными лентами из Земного Океана: остатки Исчезнувших Континентов.

— Здесь,— показал я на остров на западе.— Здесь я родился.

— Так далеко! — воскликнула Эвлуэла.

— И так давно,— сказал я.— В середине Второго Цикла. Как мне иногда кажется.

— Нет! Этого не может быть! — но взглянула она на меня так, словно и вправду мне могло быть несколько тысяч лет.

Я улыбнулся и погладил ее по бархатистой шее:

— Это мне только так кажется, — сказал я.

— А когда ты ушел из дому?

— Когда я был вдвое старше тебя, — ответил я. — Дюжину лет я был Наблюдателем в Палеше. Потом Воля повелела мне отправиться за Океан, в Анфрику. Я пошел, жил немного в жарких странах. Отправился дальше, в Эгапт. Там я встретил одну маленькую Воздухоплавательницу, — повисло молчание. Я долго глядел на острова, бывшие моим домом, и в моем воображении исчез неуклюжий, потрепанный жизнью старик, которым был я сейчас, и я увидел себя молодым и сильным, взбирающимся на зеленые горы и плывущим в студеном море, проводящим Наблюдение на краю белого берега, в который неустанно бьет прибой.

Я вспоминал, а Эвлуэла тем временем подошла к Гормону и попросила:

— А ты? Покажи нам, откуда ты?

Гормон пожал плечами.

— На этом глобусе это место не показано.

— Но это *невозможно!*

— Разве?!

Она прижалась к нему, но он отстранил ее, и мы прошли в боковой выход и оказались на улице.

Глава 8

Я начал уставать, но Эвлуэла тянула меня вперед, желая до полудня осмотреть весь город, и мы шли сквозь сплетенные улицы, мимо сверкающих особняков Магистров и Торговцев, мимо вонючих ног Слуг и Разносчиков, переходящих в катакомбы, мимо прибежищ Клоунов и Музыкантов, через квартал Сомнабул, чьи обитатели умоляли нас войти купить правду, являющуюся им в трансе. Эвлуэла взглянула было на нас, но Гормон отрицательно покачал головой, а я только улыбнулся, и мы прошли мимо. Теперь мы были на краю парка, совсем рядом с городским центром. Здесь прогуливались жители Рама, двигаясь с редкой для жаркого климата энергией, и мы присоединились к этим пехотинцам на марше.

— Погляди! — сказала Эвлуэла. — Какая яркая!

Она показывала на сияющую арку громадной полусферы, накрывающей какое-то старое здание. Я прищурил глаза и смог увидеть внутри выветрившуюся каменную стену и толпу людей. Гормон сказал:

— Это Рот Правды.

— Что? — спросила Эвлуэла.

— Идем. Увидишь.

Под полусферу тянулась очередь. Мы встали в ее конец и вскоре подошли ко входу, разглядывая начинающуюся за порогом страну остановившегося времени. Почему это здание и еще несколько рядом были оборудованы специальной защитой, я не знал и спросил Гормона, чьи познания были столь же неизмеримо глубоки, как и познания Летописца. Он ответил:

— Потому что это царство определенности, где то, что кто-то говорит, абсолютно совпадает с тем, что есть на самом деле.

— Я не понимаю,— сказала Эвлуэла.

— В этом месте невозможно солгать,— объяснил Гормон.— Можно ли представить себе памятник старины, более нуждающийся в защите? — Он шагнул в узкий проход, фигура его сделалась размытой, и я поспешил за ним. Эвлуэла колебалась. Прошло некоторое время, прежде чем она решилась войти; она останавливалась перед каждым порогом, словно ее сносило ветром, который дул вдоль линии, разделяющей большой мир и карманную вселенную, в которой мы стояли.

Рот Правды находился за второй линией защиты. Туда тянулась очередь, и важный Указатель контролировал число входящих в святилище. Прошло некоторое время, прежде чем нам разрешено было войти. Мы оказались перед свирепой уродливой головой, изъеденной временем, ужасные челюсти широко раскрыты. Разверстый рот — темное и зловещее отверстие. Гормон кивнул, окинув эту голову взглядом, словно удовлетворенный тем, что все оказалось таким, как он и думал.

— И что теперь надо делать? — спросила Эвлуэла.

Гормон сказал:

— Наблюдатель, положи правую руку в Рот Правды.

Я нахмурился, но подчинился.

— Теперь,— сказал Гормон,— один из нас задаст вопрос. Ты должен ответить. Если ты скажешь неправду, челюсти сомкнутся и откусят тебе руку.

— Нет! — воскликнула Эвлуэла.

Я осторожно взглянул на челюсти, сжимающие мое

запястье. Наблюдатель без руки — человек не у дела; во времена Второго Цикла можно было заказать себе протез получше собственной руки, но Второй Цикл остался далеко в прошлом, и подобную роскошь теперь уже не найти.

— Но как это делается? — спросил я.

— В пределах этого помещения необычайно сильна Воля,— ответил Гормон.— Она неумолимо отделяет правду от неправды. За углом этой стены спят три Сомнабулы, через которых говорит Воля, и они управляют Ртом. Ты боишься Воли, Наблюдатель?

— Я боюсь своего собственного языка.

— Смелее. Перед этой стеной никогда не произносилась ложь. Никто не терял здесь руки!

— Тогда вперед,— сказал я.— Кто будет спрашивать?

— Я,— сказал Гормон.— Ответь мне, Наблюдатель, без уверток, можно ли сказать, что жизнь, проведенная в Наблюдении — жизнь, проведенная с пользой?

Я долго молчал, собираясь с мыслями и глядя на челюсти. Наконец, сказал:

— Стоять на страже во имя человека — это, наверное, самая благородная задача, которой можно себя посвятить.

— Осторожно! — закричал встревоженный Гормон.

— Я еще не кончил,— возразил я.

— Тогда давай дальше.

— Но посвящать себя поиску врага, который всего лишь плод чьего-то воображения — глупо; превозносить того, кто долго и добросовестно ищет недруга, который никогда не придет — неумно и грешно. Моя жизнь прошла впустую.

Челюсти Рта Правды не дрогнули.

Я вытащил руку. Я смотрел на ладонь так, словно она только что выросла из моего запястья. Я вдруг почувствовал себя постаревшим сразу на несколько циклов. Эвлуэла — глаза широко открыты, ладонь прижата к губам — была потрясена тем, что я сказал. Мои слова, казалось, еще звучали перед ужасным идолом.

— Сказано откровенно,— произнес Гормон,— хотя и без особой жалости к себе. Ты слишком жестоко судишь себя, Наблюдатель.

— Я говорил, чтобы спасти руку,— ответил я.— Ты хотел, чтобы я солгал?

Он улыбнулся и повернулся к Эвлуэле:

— Теперь твоя очередь.

* * *

Маленькая Воздухоплавательница осторожно приблизилась ко Рту Правды, и было заметно, что она боится. ее тонкая рука задрожала, когда она положила ее на холодный камень челюстей. Я с трудом поборол желание броситься и оттащить ее от искаженной в дьявольской гримасе каменной головы.

— Кто будет задавать вопрос? — спросил я.

— Я,— ответил Гормон.

Крылья Эвлуэлы слабо дрогнули. Лицо побледнело; ноздри затрепетали; верхняя губа приподнялась. Она стояла, прислонившись к стене, с ужасом глядя на то место, где лежала ее рука. Из-за линии защиты на нее глядели размытые лица, губы произносили слова, которые, без сомнения, означали недовольство нашим долгим визитом, но ничего не было слышно. Воздух был теплым, влажным и затхлым, словно поднимался из колодца, пробитого в пластах Времени.

Гормон медленно произнес:

— Этой ночью ты позволила своему телу услаждать Принца Рама. Перед этим ты дарила себя Измененному Гормону, хотя такие связи запрещены обычаем и законом. Еще раньше ты была подругой Воздухоплавателя, ныне покойного. У тебя могли быть и другие мужчины, но я о них ничего не знаю, да это и не важно для моего вопроса. Скажи мне вот что, Эвлуэла: который из трех дал тебе наибольшее физическое удовольствие, который из трех сумел всколыхнуть твои чувства, которого из трех ты выбрала бы своим другом, если бы у тебя была возможность выбирать?

Я хотел запротестовать, ибо Измененный задал три вопроса, а не один, воспользовавшись подходящим моментом. Но я не успел, потому что Эвлуэла ответила без малейшей запинки, погрузив руку по локоть в гримасничающий Рот:

— Принц Рама дал мне величайшее наслаждение, равного которому я еще не знала, но он холоден и жесток и я боюсь его. Моего умершего Воздухоплавателя я любила сильнее, чем кого-либо до или после него, но он был слаб, а я не хотела бы иметь слабого друга. Ты, Гормон, кажешься мне чужим даже сейчас, и я чувствую, что мне не знакомы ни твое тело, ни твоя душа, и все же, хотя пропасть между нами так велика, только с тобой я согласилась бы проводить свои дни.

Она вынула руку изо Рта Правды.

— Хорошо сказано! — воскликнул Гормон, хотя иск-

ренность ее слов и ранила его и была ему приятна в равной степени.— Ты вдруг обрела красноречие, когда этого потребовали обстоятельства. Ну, теперь мой черед рисковать рукой.

* * *

Он подошел ко Рту. Я сказал:

— Ты задал первые два вопроса. Не хочешь ли довершить начатое и задать третий?

— Да нет,— сказал он. Свободной рукой он сделал жест, словно отметал это предложение.— Лучше посоветуйтесь и задайте общий вопрос.

Мы отошли в сторонку. Она с несвойственной ей горячностью предложила свой вопрос и, поскольку он был тем самым, который хотел предложить и я, я согласился и сказал, чтобы она спрашивала.

Она спросила:

— Когда мы стояли перед глобусом, Гормон, я попросила показать место, где ты родился, и ты сказал, что его невозможно найти на карте. Это очень странно. Скажи мне: тот ли ты, за кого себя выдаешь, действительно ли ты Измененный, скитающийся по Земле?

Он ответил:

— Нет.

Формально он ответил на вопрос в том виде, как сформулировала его Эвлуэла, но и без слов было ясно, что его ответ неравноценен нашим, и он, не вынимая руки изо Рта Правды, продолжил:

— Я не показал своей родины, потому что ее нет на этом глобусе, потому что я родился под звездой, которую не должен называть. Я не Измененный в вашем смысле этого слова, но в некоторой степени — да, потому что в моем родном мире у меня другое тело. А здесь я живу десятый год.

— Что ты делаешь на Земле? — спросил я.

— Я обязан отвечать лишь на один вопрос,— сказал Гормон, но потом улыбнулся.— Но я все же отвечу: меня послали на Землю в качестве военного наблюдателя для подготовки вторжения, которого ты ждешь так долго и которое начнется в ближайшие часы.

— Врешь! — вырвалось у меня.— Все *врешь!*

Гормон расхохотался. И вынул руку изо Рта Правды в целости и сохранности.

Глава 9

Я ушел от сияющей полусферы ошеломленный и растерянный, толкая перед собой свою тележку, и попал на улицу, неожиданно темную и холодную. Ночь пришла со стремительностью ветра; было почти девять, близилось время Наблюдения.

В моем мозгу гремели слова Гормона. Это он все подстроил: привел нас ко Рту Правды, вырвал признание о моем неверии, признание другого сорта — у Эвлуэлы, не задумываясь выдал сведения, которые должен был держать при себе, рассчитывая, что я буду потрясен до глубины души.

А может, Рот Правды — липа? Не мог ли Гормон соврать, ничего не опасаясь?

Никогда с тех пор, как я начал заниматься своим делом, я не Наблюдал в неурочный час. Но теперь было время крушения привычного; я не мог ждать, пока будет ровно девять. Присев на продуваемой ветром улице, я раскрыл тележку, подготовил инструменты и с головой, словно в омут, ушел в транс.

Мое усиленное сознание с ревом рванулось к звездам. Я шагал по бесконечности, подобно богу. Я чувствовал давление солнечного ветра, но я был не Воздухоплавателем, и оно не могло причинить мне вреда, и я взмыл выше этого потока яростных частиц света, во тьму на краю солнечных владений. И там я ощутил иное давление.

Звездолеты были совсем рядом.

Не туристские лайнеры, везущие зевак, решившихся поглядеть на наш раскалывающийся мир. Не торговые транспорты, не скупы, собирающие межзвездное вещество, не корабли-курорты, вращающиеся по гиперболическим орбитам.

Это были военные корабли, черные, чужие, грозные. Не могу даже сказать, сколько их было; я только знал, что они неслись к Земле миллионами огней, выбрасывая перед собой конуса отталкивающей энергии, той самой, которую я почувствовал прошлой ночью, которая грохотала в моем мозгу, усиленная инструментами, проходя сквозь меня так же свободно, как проходит сквозь хрусталь солнечный луч.

* * *

Всю мою жизнь я Наблюдал ради этого.

Меня научили распознавать это. Я молился, чтобы мне никогда не пришлось увидеть этого, а потом в своей

опустошенности молился о том, чтобы увидеть это, в потом я перестал в это верить. А потом по милости Измененного Гормона я все-таки увидел, наблюдая раньше своего часа, скорчившись на холодной улице Рама рядом со Ртом Правды.

Наблюдателя учат выходить из транса не раньше, чем его исследования подтвердятся окончательно, и только после этого бить тревогу. Я тщательно проверил себя, перескочив с одного канала на другой, потом на третий, произведя триангуляцию, и всюду находил несомненное присутствие титанической силы, несущейся к Земле с невообразимой стремительностью.

То ли я заблуждался, то ли вторжение действительно началось? Я никак не мог стряхнуть оцепенение и объявить тревогу.

Не торопясь, с наслаждением смаковал я это неведомое ощущение. Мне казалось, что прошли часы. Я ласкал инструменты, впитывая через них полнейшее подтверждение веры, которую вернуло мне сегодняшнее Наблюдение. В голове у меня слабо шевелилась мысль, что я теряю драгоценное время, что мой долг — превратить это бесстыдное заигрывание с судьбой и известить Защитников.

И, наконец, я освободился от транса. Я вернулся в мир, который призван был охранять.

Эвлуэла стояла рядом: растерянная, испуганная, с бессмысленным взглядом... Она кусала кулак, чтобы не расплакаться...

— Наблюдатель! Наблюдатель, ты меня слышишь? Что случилось? Что происходит?

— Вторжение,— сказал я.— Сколько я был в трансе?

— Полминуты. Не знаю. У тебя были закрыты глаза, я думала, ты умер.

— Гормон сказал правду. *Оккупанты* рядом! Где он? Куда он делся?

— Он исчез, когда мы ушли из этого места со Ртом,— прошептала Эвлуэла.— Наблюдатель, мне страшно. Я чувствую, как все сжимается. Я должна лететь... я не могу здесь больше оставаться!

— Погоди,— сказал я, дотрагиваясь до ее руки.— Не сейчас. Сперва я дам тревогу, а потом...

Но она уже начала срывать с себя одежду. Ее обнаженное до пояса тело заблестело в вечернем свете, а мимо нас взад и вперед сновали люди, в полном безразличии к тому, что должно было произойти. Я хотел

удержать Эвлуэлу, но пора было давать тревогу, я не мог больше медлить, и я повернулся к своей тележке.

Словно во сне, порожденном всепоглощающей любовной страстью, я потянулся к переключателю, приводящему в действие систему общепланетной тревоги.

Может, ее уже дали? Может, какой-нибудь другой Наблюдатель увидел то, что увидел я, и, менее скованный замешательством и сомнениями, выполнил конечную задачу Наблюдателя?

Нет. Нет. Тогда бы я слышал сейчас завывание сирен с орбитальных станций.

Я коснулся переключателя. Краем глаза я видел Эвлуэлу, освободившуюся от своих облачений, начавшую произносить слова, наполняющие силой ее слабые крылья. Еще мгновение, и она была бы в воздухе, я не смог бы ее удержать.

Быстрым и уверенным движением я включил сигнал тревоги.

* * *

В этот момент я увидел коренастую фигуру, торопливо пробирающуюся к нам. Гормон, подумал я и, вскочив на ноги, бросился к нему, чтобы схватить его и задержать. Но тот, кто приближался к нам, был не Гормон, а какой-то важный Слуга с рыхлым лицом, окликнувший Эвлуэлу:

— Не спеши, Воздухоплавательница, опусти крылья. Принц Рама послал меня за тобой.

Он вцепился в нее. Ее маленькие груди приподнялись, глаза сверкнули гневом.

— Отойди от меня! Я готовлюсь лететь!

— Принц Рама зовет тебя,— повторил Слуга, заключая ее в свои тяжелые объятия.

— У Принца Рама в эту ночь будут другие заботы,— сказал я.— Она будет ему не нужна.

Одновременно с моими словами в небе взвыли сирены.

Слуга выпустил ее. Его рот беззвучно шевелился, он сделал один из предохраняющих жестов Воли и взглянул на небо, бормоча:

— Тревога! Кто дал тревогу? Ты, старик?

На улице заметались обезумевшие люди.

Эвлуэла, освободившись, спряталась за меня — лететь она не могла, ибо крылья ее расправились едва наполовину — и была мгновенно поглощена людским прибоем. Заглушая устрашающий вой сирен гремели громкогово-

рители всеобщего оповещения, инструктируя людей о способах спасения. Долговязый человек со знаком союза Защитников на щеке летел прямо на меня, выкрикивая слова слишком маловразумительно, чтобы их можно было понять, пронесся мимо и исчез в толпе. Мир, казалось, сошел с ума.

Один я оставался спокойным. Я поднял голову, наполовину ожидая увидеть там парящие над Рамом черные корабли завоевателей. Но я не увидел ничего, кроме парящих ночных огней и других предметов, которые всегда висят над головой.

— Гормон! — позвал я. — Эвлуэла!

Я был один.

Странная опустошенность наполняла меня. Я дал тревогу. Завоеватели близко; я лишился своего занятия. В Наблюдателях больше не было нужды.

Почти с любовью я дотронулся до усталой тележки, бывшей моей спутницей столько лет. Я пробежался пальцами по испещренным пятнами и вмятинами инструментам; потом я отвернулся, оставляя ее, и зашагал по улице без тележки, без ноши, человек, чья жизнь обрела и утратила смысл в один и тот же момент. А вокруг меня царил хаос.

Глава 10

Понятно, что в случае наступления момента последней битвы Земли мобилизуются все союзы, кроме Наблюдателей. Нам, которые столько времени стерегли все подступы, не нашлось места в стратегии боя; мы автоматически распускались после подтверждения тревоги. Теперь пришло время показывать свое умение союзу Защитников. В течение половины Цикла они строили планы, что им делать во время войны. К какому из них они прибегнут сейчас? Какие действия они предпримут?

Я собрался устроиться в каком-нибудь общежитии и переждать кризис. Было безнадежно и думать о том, чтобы найти Эвлуэлу, и я клял себя на чем свет стоит за то, что позволил ей удрать вот так: без одежды, без защиты в такое смутное время. Куда она пойдет? Кто ее защитит?

Молоденький Наблюдатель, несшийся сломя голову со своей тележкой, чуть не налетел на меня.

— Осторожно! — завопил я.

Он поднял голову. Взгляд его был таким, словно его чем-то ударили.

— Это правда? — спросил он.— Тревога?

— А ты не слышишь?

— Но она настоящая?

Я показал на его тележку.

— Ты знаешь, как это проверить.

— Говорят, что человек, который дал тревогу — пьяный старый дурак, которого вчера завернули из гостиницы.

— И такое может быть...— согласился я.

— Но если тревога настоящая...

Я сказал ему, улыбнувшись:

— Если это так, то все мы можем отдохнуть. Хороший день для нас всех, Наблюдатель.

— Твоя тележка! Где твоя тележка? — закричал он на меня.

Но я уже не обращал внимания на него, шел к резной каменной колонне — напоминание об императорском Раме.

На этой колонне были вырезаны старые изображения: битвы и победы, монархи других стран, бредущие в позорных оковах по улицам Рама, торжествующие орлы, знаменующие процветание империи. Я стоял в странном спокойствии перед этой колонной, любуясь тонкой резьбой. В мою сторону неслась знакомая фигура: Летописец Бэзил; я окликнул его, сказав:

— Ты появился вовремя! Не согласишься ли объяснить мне эти изображения, Летописец? Они очаровывают меня, мое любопытство растет.

— Ты ненормальный? Разве ты не слышишь? Тревога!

— Это я ее дал, Летописец.

— Тогда беги! Завоеватели рядом! Мы должны драться!

— Только не я, Бэзил. Мое время кончилось. Расскажи мне про изображения. Про побежденных королей, про потерпевших крах императоров. Все равно человек твоих лет не может участвовать в битве.

— Сейчас все мобилизованы!

— Все, кроме Наблюдателей! — сказал я.— Погоди минутку. У меня появилось влечение к прошлому. Гормон исчез, будь моим проводником в этих прошедших циклах.

* * *

Летописец дико затряс головой и шарахнулся в сторону, чтобы удрать. Я бросился к нему, намереваясь схватить его

за костлявую руку и притащить к интересующему меня месту, но он ускользнул от меня, и я схватил лишь его тонкую шаль, которая неожиданно легко осталась в моих руках. Он бросился прочь, молотя воздух руками, и скрылся из виду.

Я пожал плечами и стал разглядывать шаль, которой так неожиданно завладел. Она была пронизана блестящими металлическими нитями, образующими запутанные узоры, утомляющие глаз. Каждая нить исчезала в материи, чтобы появиться в самом неожиданном месте, словно ветвь какой-нибудь Династии, неожиданно обнаруживающаяся в каком-нибудь далеком городе. Искусство ткача было выше всяких похвал. Я набросил шаль на плечи.

Я побрел дальше.

Мои ноги, которые отказали мне утром, теперь легко несли меня. Молодость вернулась ко мне, и я шел сквозь городской хаос, не затрудняя себя выбором пути. Я дошел до реки, перешел ее. Там, на дальнем берегу Тивера, увидел дворец Принца. Тьма сгущалась, и все больше огней загоралось под приказами о мобилизации, и время от времени раздавались гулкие удары: взрывы экранирующих бомб, выбрасывающих облака дыма, скрывающего город от взглядов завоевателей. Пешеходов на улицах становилось все меньше. Сирены все еще завывали. На крышах зданий поспешно приводились в действие защитные установки; я услышал писк отражателей, раскачивающихся из стороны в сторону, чтобы обеспечить максимальный захват. Не оставалось никаких сомнений, что вторжение действительно началось. Мои инструменты могли ошибиться из-за какой-нибудь помехи, но дело не зашло бы так далеко, если бы первоначальное донесение не подтвердилось известиями сотен других членов моего союза.

Я прошел ко дворцу и передо мной возникла пара запыхавшихся Летописцев. Они окликнули меня, но я не понял их слов. Это был язык их союза, и я вспомнил, что на мне шаль Бэзила. Я не ответил, и они перешли на обычную речь.

— Что с тобой? Сейчас же на место! Мы должны записывать! Мы должны комментировать! Мы должны все видеть!

— Вы приняли меня за другого,— ответил я им негромко.— Я несу эту шаль вашему брату Бэзилу, который вверил ее моим заботам. Мне нет места в этой битве.

— Наблюдатель! — воскликнули они в ужасе, обругали каждый по отдельности и бросились дальше. Я улыбнулся и пошел ко дворцу.

Ворота были распахнуты. Ньютеры, охранявшие портал, сбежали, сбежали и два Указателя, которые раньше стояли за дверьми. Нищие, запрудившие широкую площадь перед дворцом, прокладывали теперь себе путь в само здание, чтобы найти себе там убежище; это пробудило ярость наследных обладателей лицензий, чье пребывание в этой части здания было закреплено законом, и они обрушились на пришельцев с ненавистью и неожиданной силой.

Я видел калек, орудующих костылями, словно дубинками; я видел слепых, бьющих с удивительной точностью; кротких послушников, пользующихся всеми видами оружия от стилетов до звуковых пистолетов. Я обошел стороной это бесстыдное зрелище и вошел во дворец, разглядывая часовни, где Пилигримы просили благословения Воли, а Связисты отчаянно выпрашивали наставление свыше о том, как избежать грядущего столкновения.

Я неожиданно услышал звук труб и выкрики:

— Дорогу! Дорогу!

По дворцу шла шеренга суровых Слуг, направляясь к комнатам Принца. Двое из них тащили извивающуюся, разъяренную фигуру с полураскрытыми крыльями. Эвлуэла! Я закричал, но голос мой утонул в шуме, не смог я пробиться к ней. Слуги отшвырнули меня в сторону. Процессия исчезла в комнатах Принца. Я перехватил последний взгляд маленькой Воздухоплавательницы, бледной и хрупкой, окруженной охранниками, и она снова скрылась от меня.

Я схватил за рукав бурчащего что-то ньютера, бредущего мимо с безразличным видом.

— Эта Воздухоплавательница! Зачем ее привели сюда?

— Он... он... они...

— Скажи мне!

— Принц... его женщина... в его колеснице... он... он... они... завоеватели...

Я оттолкнул это лепечущее существо и бросился к дверям. Передо мной встала медная стена раз в девять выше моего роста. Я со всего маху ударил ее.

— Эвлуэла! — крикнул я хрипло.— Эв-лу-эла!

Меня не отогнали и не пропустили. На меня не обратили внимания. Бедлам, царящий у западных дверей, охватывал все помещение и, поскольку ко мне уже бежали разъяренные нищие, я развернулся бросился к ближайшему выходу.

* * *

Я стоял во дворике, ведущем к королевскому приюту, пассивный и ко всему безразличный. В воздухе потрескивало электричество. Я решил, что это излучение одной из защитных установок Рама, приведенной в действие, чтобы противостоять нападению. И в тот же момент до меня дошло, что это означает непосредственную близость врагов.

В небе сверкнули звездолеты.

Когда я заметил их во время Наблюдения, они казались черными на фоне черноты бесконечности, но теперь они пылали яркостью солнц. Поток сияющих, тяжелых, подобных драгоценностям сфер заполнил небо; они повисли бок о бок, растянувшись с востока на запад непрерывным слоем, покрывая весь небосвод, и, когда они так одновременно возникли, мне послышался грохот и звон невидимого оркестра, возвещающего появление завоевателей Земли.

Не могу сказать, далеко ли были звездолеты, много ли их парило над головой, какова была их конструкция. Я только знал, что они были тут, в своем подавляющем наличии. Если бы я был Защитником, душа моя затрепетала бы от одного только их вида.

Небо перечеркнули лучи всевозможных оттенков. Битва началась. Я не мог понять действий наших Защитников, так же загадочны были для меня маневры тех, кто пришел испытать возможности нашей планеты с громким прошлым, но со скромным настоящим. К моему стыду я чувствовал себя не только в стороне от битвы, но и выше битвы, словно у меня не было причин для беспокойства. Я хотел, чтобы со мной была Эвлуэла, а она была сейчас где-то в глубине дворца Принца Рама. Кому было сейчас по-настоящему хорошо, так это Гормону, Гормону-Измененному, Гормону-шпиону, Гормону — чудовищному предателю нашего мира.

— Дорогу Принцу Рама! Принц Рама ведет Защитников в бой за землю отцов!

Из дворца появилась сверкающая машина в форме слезы, с широким обзорным стеклом, что позволяло всем видеть законодателя, чье присутствие должно было поднимать боевой дух воинов. У рычагов управления, гордо выпрямившись, стоял Принц Рама. Его жестокие юношеские черты застыли в суровой решимости, а рядом с ним, одетая, словно императрица, сидела Воздухоплавательница Эвлуэла. Она, казалось, находилась в трансе.

Королевская колесница взмыла в небо и исчезла в темноте.

Мне показалось, что появился еще один аппарат и устремился следом за первым, а колесница Принца появилась снова, и что эти двое закружились по суживающейся спирали, готовые к схватке. Рой голубых искр окутал оба аппарата, а потом они метнулись вверх и вдаль и скрылись за одним из холмов Рама.

Шла ли борьба по всей планете? Подверглись ли нападению Парриш и святой Йорсалем, и сонные города Исчезнувших Континентов? Везде ли висели звездолеты? Я не знал. Я описывал события только в маленьком кусочке неба над Рамом и даже в этом случае мои знания о том, что происходило, были слабы, неопределенны и недостоверны. Были мгновенные вспышки, во время которых я видел несущиеся в небе батальоны Воздухоплавателей, а потом наступала темнота, словно на город набрасывали бархатное покрывало. В отблесках взрывов я видел огромные машины наших Защитников, ведущие торопливый разговор с крыш зданий; и в то же время я видел звездолеты: неподвижные и неповрежденные. Дворик, в котором я стоял, был пуст, но издали доносились голоса, полные страха и предчувствий, слышные еле-еле. Или это был щебет птиц? И вдруг их обрывал грохот, потрясающий весь город.

Мимо меня промаршировал взвод Сомнабул. На площади перед дворцом суетились — похоже, это были Клоуны — фигуры, растягивающие поблескивающую сеть угрожающего вида. Вспышки молний высветили в небе тройку Летописцев на гравитационной платформе, записывающих происходящее. Мне показалось — но я не был уверен — что в вышине промчался аппарат Принца Рама, спасаясь от преследователя.

— Эвлуэла,— прошептал я, когда две светящиеся точки исчезли из виду.

Производили ли звездолеты высадку войск? Достигали ли потоки энергии, изрыгаемые этим нависшим в вышине сиянием, поверхности Земли? Зачем Принц схватил Эвлуэлу? Где Гормон? Что делали наши Защитники? Почему корабли врага не падают?

Всю эту долгую ночь я смотрел на битву, приросший к древним булыжникам дворика, и не понимал ничего.

Наступил восход. Бледные лучи отразились от зданий. Я коснулся пальцами глаз: до меня вдруг дошло, что я мог уснуть стоя. Может, мне стоит попросить членства в союзе Сомнабул, сказал я себе. Я положил руки на шаль Летописца, наброшенную на плечи, удивляясь, как я мог завладеть ею, и ответ пришел.

Я взглянул на небо.

Вражеские корабли пропали. Я видел обыкновенное утреннее небо, серое, с проблесками розового. Я почувствовал понуждающий толчок и оглянулся в поисках тележки и тут же вспомнил, что больше не должен Наблюдать и почувствовал опустошенность, большую, чем обычно чувствовал в этот час.

Кончилась ли битва?

Побеждены ли враги?

Может, корабли завоевателей уже сбиты и их обломки в беспорядке лежат вокруг Рама?

Все кругом молчало. Я больше не слышал небесного оркестра. А потом из этой мрачной темноты донесся звук, грохочущий шум, словно по улицам города катились какие-то повозки. И невидимые Музыканты тянули одну и ту же ноту, глубокую и резонирующую, и вдруг резко оборвавшуюся.

Из громкоговорителей всеобщего оповещения донесся тихий голос:

— Рам пал. Рам пал.

Глава 11

Королевский приют был открыт. Ньютеры и прочая прислуга — все сбежали. Защитники, Магистры и Правители, должно быть, с честью пали в битве. Летописца Бэзила нигде не было видно. Не было видно и его собратьев. Я зашел в свою комнату, вымытую и освеженную, поел, собрал свои пожитки и отвесил прощальный поклон всей этой роскоши, с которой я так и не успел толком познакомиться. Я жалел, что так мало пробыл в Раме, но, в конце концов, Гормон был самым великолепным гидом, да и повидать мне довелось немало.

Теперь пора было уходить.

Оставаться в завоеванном городе не имело смысла. Шлем мыслепередачи в комнате не реагировал на мои вопросы, и я не знал размеров разрушений ни здесь, ни в других областях, но было очевидно, что Рам вышел из-под контроля человека и надо было поторапливаться. Я подумал, не пойти ли мне в Йорсалем, как посоветовал мне перед входом в Рам долговязый Пилигрим, но я отбросил эту мысль и решил избрать направление на Запад: к Парришу, который был не только ближе, но в котором еще и размещалась штаб-квартира Летописцев.

Мое занятие теперь было не нужно; в это первое утро завоеванной Земли я почувствовал неожиданный мощный и странный призыв предложить себя Летописцам и добывать вместе с ними знания о более блистательных годах нашей планеты.

Я покинул приют в полдень. Сперва я пошел ко дворцу, все еще открытому. Вокруг вразвалку лежали нищие: одни в наркотическом опьянении, другие — спящие, большинство — мертвые; мертвые лежали так, что было ясно: они перебили друг друга, охваченные паникой и яростью. У трех черепов информационного устройства с потерянным видом сидел на корточках Указатель. Я вошел, и он сказал:

— Не работает. Мозг не отвечает.

— Что с Принцем Рама?

— Мертв. Его сбили.

— С ним была юная Воздухоплавательница. Что вы знаете о ней?

— Ничего. Мертва, я думаю.

— А город?

— Пал. Завоеватели везде.

— Убивают?

— Никого и пальцем не трогают,— сказал Указатель.— Они в высшей степени вежливы. Они *собирают* нас.

— Только в Раме, или везде?

Он пожал плечами. И начал ритмично раскачиваться взад и вперед. Я оставил его в покое и пошел дальше во дворец. К моему удивлению, комнаты Принца были незаблокированы. Я вошел, пораженный немыслимой пышностью ковров, занавесей, светильников, каминов. Я шел из комнаты в комнату, дойдя в конце концов до королевской постели, чьим балдахином служила плоть колоссального моллюска с планеты другой звезды и, глядя на зияющую раковину, я дотронулся до немыслимо мягкой ткани, которой укрывался Принц Рама, и вспомнил, что Эвлуэла тоже лежала здесь и, будь я помоложе, я бы расплакался.

Я покинул дворец и медленно пересек площадь, начиная свой долгий путь в Парриш.

* * *

И тут я впервые увидел наших завоевателей. Машина незнакомой конструкции выкатилась на край площади, и из нее появилась примерно дюжина фигур.

Они были почти человеческими. Они были высокими и крупными, с широкой, как у Гормона, грудной клеткой

и только непомерная длина рук указывала на то, что это чужаки. Их кожа была на вид какой-то странной, и, будь я поближе, мне удалось бы разглядеть получше их глаза, губы и ноздри, отличающиеся от человеческих. Не обращая никакого внимания на меня, они пересекли площадь, идя валкой развинченной походкой, что живо напомнило мне гормонову манеру ходить, и вошли во дворец. Они не казались ни спесивыми, ни воинственными.

Зеваки. Величественный Рам снова продемонстрировал свое магнетическое действие.

Оставив новых хозяев с их любопытством, я зашагал к окраине города. Зимний холод проник в мою душу. Я размышлял: была ли это грусть по нашему Раму? Или я скорбел о пропавшей Эвлуэле?. Или причиной было всего лишь то, что я пропустил уже три Наблюдения, и, подобно любому наркоману, испытывал от этого муки лишения?

Я понял, что меня ранило все это вместе, но больше всего — последнее.

Никто не встретился мне на улицах, пока я шел к воротам. Страх перед новыми хозяевами заставлял рамлян прятаться. Время от времени мимо с жужжанием проезжали машины пришельцев, но я даже не поворачивал головы. Я подошел к западным воротам города, когда солнце уже почти скрылось за горизонтом. Они были распахнуты, открывая мне вид на прекрасный холм, на чьей груди росли деревья с темно-зелеными кронами. Я прошел под аркой и увидел невдалеке фигуру Пилигрима, медленно бредущего по дороге из города.

Было странно видеть его спотыкающуюся неуверенную походку, ибо даже плотные коричневые одежды не могли скрыть его молодость и силу; он шел, выпрямившись, развернув плечи, и все же его походка была запинающейся и шаркающей походкой старика. Когда я догнал его и заглянул под капюшон, то все понял: к его бронзовой маске, которые носят все Пилигримы, был приделан ревербератор, используемый слепыми, чтобы вовремя узнать о встречающихся на пути препятствиях. Он ощутил мое присутствие и сказал:

— Я слепой Пилигрим. Прошу не причинять мне вреда.

Это не был голос Пилигрима. Это был сильный, резкий, повелительный голос.

Я ответил:

— Я никому не собираюсь причинять зла. Я Наблюдатель, который прошлой ночью потерял свое занятие.

— Многие прошлой ночью лишились своих занятий, Наблюдатель.

— Только не Пилигримы.

— Нет,— сказал он.— Пилигримы — нет.

— Откуда ты идешь?

— Из Рама.

— И никуда конкретно?

— Никуда,— сказал Пилигрим.— Совсем никуда. Я буду просто бродить по свету.

— Тогда мы могли бы идти вместе,— сказал я, ибо идти с Пилигримом — это небывалая удача, а, потеряв Гормона и Эвлуэлу, я вынужден был идти в одиночку.— Я иду в Парриш. Идем?

— Туда — с особым удовольствием,— ответил он горько.— Да. Я пойду с тобой в Парриш. Но что за дела могут быть там у Наблюдателя?

— У Наблюдателя теперь нигде не может быть дел. Я иду в Парриш, чтобы предложить свои услуги Летописцам.

— А...

— Теперь, когда Земля пала, я хочу больше узнать о годах ее славы.

— Разве пала вся Земля, а не только Рам?

— Я думаю, да,— ответил я.

— А..,— ответил Пилигрим.— А...

Он погрузился в молчание, и мы пошли по дороге. Я дал ему руку, и он больше не спотыкался, а зашагал уверенной молодой поступью. Время от времени он что-то бормотал, а, может быть, это прорывались рыдания. Когда я расспрашивал его о жизни Пилигрима, он либо отвечал уклончиво, либо отмалчивался. Мы шли уже час. Начинались леса, и вдруг он сказал:

— Мне больно лицо. Помоги мне получше приспособить эту маску.

К моему удивлению он начал снимать ее. У меня перехватило дыхание, ибо Пилигримам запрещено показывать свое лицо. Может, он забыл, что я не слепой.

Он начал стаскивать маску, проговорив:

— Вряд ли тебе понравится это зрелище.

Гнутая бронза соскользнула со лба, и прежде всего я увидел глаза, которые перестали видеть свет совсем недавно. Зияющие дыры, в которых побывал не скальпель хирурга, а скорее расставленные пальцы; потом показался острый породистый нос и, наконец,— тонкие сжатые губы Принца Рама.

— Ваше Величество! — невольно вырвалось у меня. Потеки засохшей крови на щеках. Вокруг глазниц — какая-то мазь. Он вряд ли чувствовал сильную боль, ибо убил ее этой зеленой мазью, но боль, которая обожгла меня, была настоящей.

— Больше не величество, — сказал он. — Помоги мне. — Его руки задрожали, когда он протянул мне маску. — Эти края надо расширить. Они давят на щеки. Здесь... и здесь...

* * *

Я побыстрее сделал, что нужно, ибо не мог долго видеть его лицо.

Он надел маску.

Мы молча пошли дальше. Я не имел понятия о том, как разговаривать с таким человеком. Это было невеселое путешествие для нас обоих; но теперь я решил быть его провожатым. Я думал о Гормоне и о том, что он сдержал свое слово. И об Эвлуэле я думал тоже и много, и на языке у меня вертелся вопрос о том, что стало с любовницей Принца в ту ночь, но слова не шли с губ.

Наступили сумерки, но солнце все еще сияло перед нами золотисто-красным светом. И вдруг я остановился, и у меня вырвался хриплый звук, ибо мимо промелькнула тень.

Высоко в небе парила Эвлуэла. Ее кожу пятнали краски заката, а крылья, раскинутые во всю ширь, переливались всеми цветами радуги. Она была на высоте сотни человеческих ростов от земли и поднималась все выше, и для нее я был лишь точкой среди деревьев.

— Что там? — спросил Принц, — что ты увидел?

— Ничего.

— Отвечай, что ты увидел?

Я не мог противиться ему.

— Я увидел Воздухоплавательницу, Ваше Величество. Тоненькую девушку в вышине.

— Значит, наступила ночь.

— Нет, — сказал я. — Солнце еще не зашло.

— Такого не бывает! У нее могут быть только ночные крылья! Солнце бы швырнуло ее на землю!

* * *

Я заколебался. Я не мог заставить себя объяснить ему, как Эвлуэла могла летать днем, хотя у нее были только ночные крылья. Я не мог сказать Принцу Рама, что рядом с ней летел Гормон, летел без крыльев, легко скользя в воздухе, держа в руках ее узкие плечи, помогая ей преодолевать давление солнечных лучей.

— Ну? — спросил он требовательно.— Почему же она летит днем?

— Я не знаю,— сказал я.— Для меня это загадка. Сейчас происходит много вещей, которых я не могу понять.

Принц, казалось, удовлетворился этим ответом:

— Да, Наблюдатель. Многие вещи теперь никто из нас не может понять.

И он снова замолчал. Мне хотелось позвать Эвлуэлу, но я знал, что она не может и не хочет сейчас слышать ничьих голосов и поэтому я пошел навстречу заходящему солнцу к Парришу, ведя слепого Принца. А над нами, высоко в небесах, летели Эвлуэла и Гормон, летели навстречу последнему сиянию дня, пока, наконец, не поднялись так высоко, что сделались невидимыми для моих глаз.

ПОИСКИ ЧАРОДЕЙКИ КОСМОСА

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Глава 1

Это был второй день Барсака на Глаурусе, когда впервые после приземления их корабля у него появилась свободная минута. До этого были различные текущие дела, связанные с приземлением, взятки служащим космопорта, обхаживание инспекторов, прочистка сопел ракетных двигателей. Однако на второй день высокий старый капитан Джаспелл собрал всех членов экипажа «Дивейна» и сказал, что до отправления они могут воспользоваться предоставленным отпуском.

Барсак улыбнулся. Он был худым, высоким и хорошо сложенным мужчиной: из уголков его тонких губ расходились шрамы от порезов, характерных для кровавых ритуалов планеты Луаспар. Сам он был землянином, двадцати девяти лет, из которых пятнадцать лет прожил в космосе, причем последние восемь — в качестве второго механика по горючему на борту «Дивейна» капитана Джаспелла. Салон, где собралась команда, слушая слова своего капитана, был переполнен. Барсак встал и спросил:

— Капитан, место палубного ремонтника все еще свободно?

Джаспелл кивнул. Это был совершенно высохший землянин ста трех лет, с острым умом и железной выдержкой.

— Вам известно, что это так!

— Вы собираетесь его заполнить во время нашей здесь стоянки?

— Да.

— Тогда я попрошу вас, сэр, подождать один день с публикацией об этой имеющейся вакансии. Я знаю здесь одного человека, который как раз такой, как вам нужен. Его имя Зигмунн. Он — луаспарец и мой побратим, капитан.

— Приведите его ко мне сегодня или завтра,— кивнул

Джаспелл.— Но больше ждать я не смогу, и если вы опоздаете, то можете считать, что замена уже нашлась. Кстати, у вашего побратима есть опыт работы в космосе?

— Да.

— Ну что ж, посмотрим. Приводите его.

Через час Барсак уже вылезал из подземки, связывающей космопорт с городом, и очутился в самом центре города Мильяр, самого старого и крупнейшего на Глаурусе. В нем жил двадцать один миллион и население его превосходило по меньшей мере с полутора сотен миров Галактики. Вокруг Барсака тут же начали толкаться костлявые голубоватокожие карлики с Туанна и толстые бледные аристократы с Домрана. Из лавчонок, выстроившихся вдоль древней улицы, шел запах вина и недожаренного мяса, свежеиспеченного хлеба и гнилой капусты.

В своем последнем письме Зигмунн сообщал, что теперь он живет на улице Слез, в центральной части жилых кварталов Мильяра. Барсак остановился, чтобы спросить дорогу у сморщенного старика-продавца стимулирующих трубок, и учтиво отклонил предложение того. Очевидно, у этого торговца дела шли неважно, насколько понял Барсак, предложение было сделано ему с огромной скидкой.

Он продолжал свой путь к цели.

Прошло десять лет с той поры, когда он в последний раз виделся с Зигмунном, хотя ему казалось, что встречались они совсем недавно. Луаспарец был подвижным остроумным парнем и его находчивость прекрасно дополняла сдержанную огромную силу Барсака. Они сошлись сразу же, когда вместе покидали планету Буарлет. Корабль, на борту которого он были, сделал остановку на Луаспаре, родной планете Зигмунна, так Барсак попал в дом к родственникам своего друга. Здесь же он и прошел мучительный ритуал кровного породнения и скрепил недавно народившуюся дружбу шрамами, окаймлявшими губы.

Вскоре после этого они покинули Луаспару и продолжали служить вместе. Годом позже они остановились на некоторое время на Глаурусе и потеряли друг друга во время шумного скандала, случившегося в одном из кабаков. Барсак вернулся на корабль один, без своего побратима. Корабль улетел, оставив Зигмунна на Глаурусе. В следующем космопорту Барсак нашел ожидающее его письмо от Зигмунна. Очутившись на мели, луаспарец никак не мог заполучить место на каком-нибудь отправляющемся из Глауруса корабле и только ждал благоприятного случая, чтобы удрать с этой забытой богом планеты.

Вскоре после этого Джаспелл взял Барсака к себе на работу и вот тогда-то побратимы начали свою оживленную переписку. Луаспарец писал, что он продолжает быть на мели, но страстно надеется, что ему все же удастся вырваться в космос.

С тех пор прошло уже довольно много лет. И с некоторого времени письма луаспарца стали приходить все реже и реже. Это был знак, как отлично понимал Барсак, что он все еще без работы. И вот, в ходе своего полета к Внешнему ободу Галактики Барсаку стало известно, что «Дивейн» посетит Глаурус. Затем стало известно, что «Дивейн» должен пополнить команду еще одним членом экипажа, и Барсак страшно обрадовался мысли о том, что он снова воссоединится со своим другом после столь долгой разлуки.

Наконец Барсак увидел блеклую надпись «Улица Слез» на одном из обветшалых старых строений. Зигмунн жил на этой улице в восемьдесят первом номере. Барсак стал внимательно приглядываться к номерам.

Неподалеку он обнаружил тридцать шестой. Он пересек узкую улицу, источавшую зловоние от неубиравшегося столетия мусора, и пошел по растрескавшейся и покрытой выбоинами улице. Движущийся тротуар уже давно не функционировал на этой улице; вероятно подземные механизмы проржавели и рассыпались в пыль уже сотни лет назад, и обитатели улицы просто содрали металлическую обшивку и продали в качестве утиля, обнажив бетон, который был под нею. Высокие дома громоздились один на другой, загораживая золотистый цвет солнца Глауруса.

Шестьдесят девять, семьдесят один, семьдесят три. Барсак пересек еще одну улицу и выругался. Неужели Зигмунн прожил в этой грязи целых восемь лет?

Семьдесят семь... семьдесят девять.

И наконец-то — восемьдесят один!

На улице было людно. Инопланетяне всевозможного вида, развязные уроженцы Глауруса, даже весьма курьезные существа, носившие серебряные отражающие свет маски, полностью закрывавшие их лица, кроме глаз, сновали вокруг Барсака. Но землянин должен был отметить, что эти чудаки в масках довольно торжественно выхаживали в гордом одиночестве, а все прохожие почтительно расступались перед ними. Перед номером 81 Барсак остановился и внимательно присмотрелся к зданию.

Оно было старым и обшарпанным — однообразное тускло-коричневое нагромождение кирпичей. Он вошел

внутрь. Указатель в закопченном вестибюле гласил, что Зигмунн живет на третьем этаже, в комнате 32-А. Поскольку здесь не было никаких признаков существования лифта, Барсаку пришлось воспользоваться скрипучей лестницей.

Он постучал в дверь комнаты 32-А, но тут заметил, что поперек двери был прикреплен стальной засов с висячим замком. И на засове, и на замке был изрядный слой пыли. Их давно уже не сдвигали с места.

Барсак повернулся и постучал в дверь комнаты 33-А и, когда она открылась, нерешительно спросил:

— Я ищу своего друга луаспарца Зигмунна.

Перед ним стояла маленькая, похожая на гнома старуха, в замешательстве открывавшая свой лишенный зубов рот. На ней была покрытая пятнами плесени пелерина, большая, вероятно, бывшая криком моды лет семьдесят-восемьдесят назад на какой-нибудь другой планете.

— Кого вы ищете?

— Зигмунна с планеты Луаспар. Человека, который жил в соседней с вами комнате. Это был очень худой человек приблизительно моего роста, с бронзовой кожей и шрамами вокруг губ. Шрамами такими, как у меня.

— А... Я поняла. Он выехал... две, три, а может быть и все четыре недели назад. И с тех пор он сюда не возвращался. Не зайдете ли ко мне на чашку чая? Молодой человек, такой как вы, обычно ощущает сильную жажду.

— Нет, благодарю. Так вы говорите, что три или четыре недели назад выехал отсюда? Он сказал, куда собирается?

Старуха визгливо рассмеялась.

— Может и сказал кому, но только не мне. Но он меня не провел. Для него, со всей его пьянкой и женщинами, с этими скандалами и поножовщиной, есть только одно место, куда бы он решил, что хочет отправиться, догадываетесь?

— Не знаю,— пожал плечами Барсак.— Так куда же?

Снова смех, странно похожий на смех юной девушки.

— Нет, нет. Догадайтесь сами. Я не хочу, а может быть, и не могу такое сказать. Но должна вам сказать, что это никуда не годится, ей-ей.

— Куда он перебрался? — снова потребовал, на этот раз почти закричал Барсак. Казалось, что от его голоса поднялась пыль с темных стен коридора.

— Я на самом деле...

Вдруг распахнулась дверь комнаты 34-А, и свирепый

на вид уроженец планеты Дларохен высунул наружу свою голову со взъерошенными волосами и отрывисто пролаял:

— Что это за шум? А ну, назад, в свою комнату, старое ископаемое! А это что?! Кто вы такой? Чего вы хотите?

— Я ищу Зигмунна с Луаспара,— твердо повторил Барсак, как только старуха захлопнула свою дверь и задвинула засов изнутри.— Он мой друг, и я хотел бы отыскать его.

— Луаспарца не было здесь уже несколько недель.

— Мне это уже успела сказать старая дама. Но я хотел бы узнать, куда он выехал?

— Вы имеете в виду, что не догадываетесь об этом?

— Я не внешнего мира и не был на Глаурусе около десяти лет. И кроме того, я почти ничего не знаю о жизни на этой планете.

— О, я полагаю, что вы быстро поймете, что к чему. И если вы на самом деле друг Зигмунна, то я не желаю разговаривать с вами. Спуститесь-ка лучше в бар. Там вы найдете некоторых из его друзей. Они-то вам и скажут, где найти вашего побратима.

— По-моему, я не говорил вам, что Зигмунн мой побратим! — подозрительно сказал Барсак, но дверь уже захлопнулась.

Барсак какое-то мгновение смотрел на облупленное дерево двери, затем повернулся, пытаясь разобраться в том, что все это значит, что сделал Зигмунн, где он сейчас. Вопросы громоздились один на другой. Но Барсака не смущали будущие осложнения.

Бар был на первом этаже — темная лачуга с низким потолком, провонявшая несвежим пивом. Барсак заглянул внутрь: пять или шесть завсегдатаев сидели, тяжело навалившись на грубые деревянные столики, а бармен-землянин скучал у стойки в ожидании клиентов. Барсак, стараясь выглядеть как можно более небрежным, развязно подошел к стойке.

Он швырнул один стеллар на тусклую поверхность стойки и заказал рюмку водки. Бармен лениво наполнил рюмку, расплескав почти наполовину. Барсак засмеялся и залпом опрокинул ее.

— Еще одну! — подняв указательный палец, сказал он.— Но на этот раз полную, до краев, не то я разорву вашу глотку!

Он положил еще одну монету рядом с первой и кивнул головой. Бармен молча налил другую рюмку, на этот раз до самого ободка. Барсак снова осушил ее одним

глотком. Затем он наклонился вперед, смотря прямо в холодные безучастные глаза бармена, и тихо сказал:

— Я ищу человека по имени Зигмунн, уроженца Луаспара. Вам случайно не известно, где бы он мог быть?

Бармен хмуро ткнул рукой в сторону фигуры, привалившейся к столику в дальнем конце бара.

— Спросите у нее.

— Спасибо. Обязательно спрошу.

Он пересек бар и подошел к столику девушки. Подтянув к себе стул, он сел прямо напротив нее. Она подняла на него взгляд, но в нем не было ни интереса, ни любопытства. Она просто посмотрела на него, потому что он был напротив. Взгляд ее был совершенно безразличен к нему.

— Купи мне выпить,— сказала она равнодушно.

— Позже. Сперва я хотел бы немного поговорить с тобой.

— Я не желаю разговаривать с людьми. Купи же мне выпить. Если ты хочешь позабавиться, то моя комната на четвертом этаже. Если же ты просто хочешь унизить меня, не утруждай себя понапрасну. Не выйдет. Это пробовали люди и получше тебя.

Он взглянул на нее как бы со стороны. Ей было лет восемнадцать, от силы — двадцать, и она была либо с Земли, либо от земных родителей. Желто-соломенные волосы небрежно падали на ее плечи. На ней был полинялый тесно облегающий свитер, выпукло оттеняющий стройность ее тела. По последней планетной моде на ее груди в одежде были прорези, обнажавшие соски. Горло и лицо были темными, но Барсак не мог разобрать, то ли от загара, то ли от грязи. Глаза ее вовсе не были глазами восемнадцатилетней девушки; они на вид были старше, чем у женщины, с которой он встречался возле комнаты 33-А.

— Думаю, лучше все-таки купить тебе выпить,— сказал Барсак и показал два пальца наблюдавшему за ним бармену.

На этот раз он стал медленно пить это пойло, она же выпила залпом, но после этого нисколько не оживилась. Осторожно, словно боясь ее вспугнуть, он сказал:

— Меня зовут Барсак. Ты когда-нибудь слышала это имя?

— Нет. С чего бы это вдруг мне приходилось слышать это имя?

— Я подумал, что мой друг мог когда-либо и упомянуть его. Кстати, моего друга звали Зигмунн.

— А что вам известно о Зигмунне? — голос ее был ровным, безразличным. Казалось, слова выходили из-за зубов, а не из груди.

— Я его побратим. Видите вокруг моих губ шрамы? Такие же шрамы вокруг губ есть и у Зигмунна!

— Были! Теперь у Зигмунна нет лица вообще.

Барсак вцепился руками в шершавое дерево стула.

— Что ты подразумеваешь под этими словами?

Девушка в первый раз улыбнулась.

— Вы хотите, чтобы я рассказала вам? В самом деле?

— Я хочу узнать, где Зигмунн.

— То, что он сейчас не на Глаурусе, так это точно. Возьмите еще выпить, у меня такая жажда!

— Выпьешь, когда все расскажешь. Если он не Глаурусе, так где же?

— На Азонде.

Барсак от удивления заморгал. Азонда была одиннадцатой планетой системы, к которой принадлежал Глаурус. Барсак порылся в своей памяти и припомнил, что на планете не было атмосферы и что она была столь далека от своего солнца, что по существу на ней вообще не было света — холодный, мертвый мир. В голову ему пришла мысль, что девушка, должно быть, пьяна или безумна.

— На Азонде? — переспросил он.

Она кивнула.

— Он отправился туда три недели назад. Он и я устроили по этому поводу небольшой кутеж, а затем он уехал. На Азонду.

Барсак, нахмурившись, спросил:

— А что, во имя космоса, ему надо на этой Азонде?

Она как-то странно на него взглянула.

— Вы что именно имеете в виду? Вы что, ничего не знаете? Неужели вы искренни? Нет. Вы хотите подразнить меня. Ну нет, попробуйте-ка только это сделать.

Глаза ее, ожившие на какое-то мгновение, снова потускнели, плечи опустились.

Он схватил ее за руку.

— На Глаурусе я чужестранец. И я абсолютно ничего не знаю о Глаурусе. Самая главная моя цель на этой планете — найти Зигмунна. Для него есть место на корабле, если он, конечно, захочет. Через пять дней мы отправимся в дальний путь к Внешнему Ободу Галактики. Скажите мне только, что он там делает, на Азонде? Или это какая-то шутка с вашей стороны?

— Вы явились сюда, — спокойно ответила она, — опоз-

дав на три недели со своим местом на корабле. А сейчас забудьте Зигмунна. Возвращайтесь к себе на корабль и не утруждайте себя его поисками. Это не приведет ни к чему хорошему.

Он безжалостно сдавил ее руку.

— Так вы скажете, где он?

Она побледнела, и он ослабил свою хватку.

— Еще одну рюмку,— взмолилась она.

Барсак пожал плечами и заказал еще одну порцию выпивки для нее. Она опрокинула рюмку и медленно произнесла:

— Азонда — центр культа Чародейки. Три недели назад Зигмунн принял посвящение в этот Культ. Меня пригласили также присоединиться, но я отвергла это предложение, так как я еще не настолько низко пала. Еще не настолько! Он же так или иначе присоединился. Сейчас он как раз на Азонде проходит посвящение. И поклоняется Чародейке! Больше я не хотела бы говорить на эту тему прямо здесь. Если бы вы хотели узнать кое-какие подробности, давайте поднимемся ко мне в комнату.

Глава 2

Это была небольшая комната, чистая и в хорошем состоянии несмотря на то, что само здание было очень старым. Мебели было совсем немного: дешевое кресло, небольшой стол, телеустановка и кровать, ширина которой была достаточной для двоих. Барсак беспрекословно следовал за нею, думая о Зигмунне, не переставая гадать, в какую очередную переделку попал нынче луаспарец.

Она включила тусклый, мерцающий свет и заперла дверь. Указав жестом на кресло, сама небрежно развалилась на кровати, подтянув до самых бедер свою широкую юбку. Забросив ногу за ногу, она выжидающе уставилась на мужчину.

— Кто вы? — спросил Барсак.

— Мое имя — Касса Иидрилл и я доступна для всех. Я — девушка с лицензией. Это наилучшая работа, которую в наши дни может заполучить женщина, если только она ей хоть чуть-чуть нравится. Мне эта работа не нравится, но я привыкла... хочешь, не хочешь. Моя мать родилась на Земле. И теперь вы знаете обо мне все, что стоит знать.

Он внимательно рассматривал ее. У нее были очень стройные ноги, с плавными округлостями коленок и бедер.

Глубокое отчаяние, наполнявшее ее раньше, несколько поубавилось. Но он поехал в Мильяр не для баловства с доступными девушками.

— Я разыскиваю своего друга Зигмунна,— напомнил он ей.— Вы говорили, что он на Азонде. Это точно?

— Я бы поклялась своим целомудрием,— едко сказала она,— если бы оно до сих пор было у меня. Я уже сказала вам — он там! Он там, прыгает и танцует вокруг Чародейки. Хотите верьте, хотите нет, дело ваше.

Он сжал челюсти.

— А как мне попасть на эту Азонду?

— Что? Попасть? — девушка рассмеялась.— Нет, вы не сможете. По крайней мере вы не попадете ни на один регулярный рейс. Вы могли бы попытаться нанять какого-нибудь бродягу-спейсера, чтобы он переправил вас туда. Или же вы могли бы присоединиться к Культу и получить свободный проезд, но это несколько круто. Поберегите-ка лучше свое время и деньги. Из Культа нет выхода, запомните это. Стоит только хоть один раз попасть в их лапы и все... выхода нет!

Барсак подошел к ней и присел на краешек кровати.

— Зигмунн и я — побратимы. Мы разлучены вот уже много лет. И мне все равно, в какой грязи он вынужден валяться. Я собираюсь вытащить его из трясины.

— Благородная цель, хотя и несколько безрассудная.

— Возможно и так.

Он положил ей руку на обнаженное бедро. На ощупь оно было удивительно прохладным.

— Мне нужна помощь, малышка. У меня в запасе всего лишь пять дней, и этот мир мне совершенно чужой. Поэтому, желательно, чтобы кто-нибудь помог мне, объяснив здешние нравы.

— И для этого избрана я?

— Вы знали Зигмунна, и вы могли бы очень мне помочь.

Она зевнула.

— Если бы только я захотела. Но иметь дело с Культом опасно, страшно опасно. А сейчас пойди вниз и купи бутылку, а затем возвращайся сюда. Забудь о Зигмунне. Считай, что он для тебя мертв.

— Нет!!!

— Нет? — Она слегка пожала плечами.— Ну что же, валяй. Ты сильный и упрямый мужчина, Барсак. Полная противоположность Зигмунну, насколько это можно представить.

— Как мне добраться до Азонды?

— Забудь Зигмунна,— певуче прошептала она; встрепенувшись, она резко повалилась на него. Страстно прижавшись к нему, она начала его целовать. Ее светлые волосы упали на его лицо. Они пахли хорошими духами.

— Нет! — решительно сказал он и встал.

На мгновение гнев и ненависть блеснули в глазах Кассы, но затем она смягчилась.

— Еще одна неудача, как я посмотрю. В наше время так трудно доступной девушке заработать себе на пропитание. Мужчины предпочитают сейчас рыскать в поисках непутевых кровных братьев. Ну что ж, очень хорошо. Я возьму тебя к Лорду Карнотьюту.

— К кому?

— К губернатору провинции Мильяр.

— И чем же он сможет помочь мне? — с подозрением поинтересовался Барсак.

Ее голос упал до едва слышного шепота.

— Кроме того, что он губернатор, он еще и старший функционер Культа, хотя мало кто знает об этом. Большинство приверженцев Культа носят серебряные маски, за которыми прячут свои лица, символизируя тем самым обезличенность Чародейки. У Лорда Карнотьюта особая привилегия, соответственно его рангу. Именно он предложил присоединиться к Культу Зигмунну и мне, после того, как провел ночь здесь. Возможно, он может сказать, где твой побратим. Может быть, Зигмунна еще не отослали на Азонду. Они не всегда отправляют учеников сразу же. Так что у тебя есть кое-какой шанс.

* * *

Дворец губернатора был зданием в виде тонкой иглы, грациозно устремленной к небу и расположенным далеко к северу от улицы Слез. Добраться до него отняло у Барсака и Кассы более часа.

Она сбросила свой костюм доступной девушки и оделась в нечто более скромное — черное шелковое платье и вуаль; совершенно равнодушно она разделась догола прямо в присутствии Барсака, чтобы сменить одежду. Он с интересом, но без вожделения рассматривал ее тело. Он давным давно научился распределять свои силы по нужным направлениям и сейчас поиски Зигмунна занимали главное место в его сознании. Все остальное было ему совершенно безразлично.

* * *

В этом районе Мильяра воздух был намного чище. Они приблизились к воротам дворца, и Барсак заметил, что здесь крутится очень много фигур в серебряных яйцевых масках Культа.

Они вошли в подъезд, и Касса что-то отрывисто сказала часовому, заступившему им дорогу. Караульный вызвал по интерфону сопровождающего и их повели через входной вестибюль в широкий и хорошо освещенный коридор, где находились кабинки лифта.

— Лорд дал мне пароль, которым я могу воспользоваться в любое время, если только захочу прийти к нему,— объяснила Касса.— А вообще-то попасть к губернатору довольно непросто.

Дверь лифта отворилась, и они вышли наружу. Касса тотчас же упала наземь и, преклонив колени, встала почти касаясь лбом пола. Барсак остался стоять прямо, глядя на стоявшего перед ним человека.

Он был высок (более двух метров) и столь же широкоплеч. На нем были кружева шоколадного цвета, тесно облегающие сюртук, пояс из усыпанной изумрудами платины. Его волосы были искусственно посеребрены и поэтому отливали металлом. Его глаза также были посеребрены и, когда он улыбнулся, в его улыбке, так же как и в глазах, было очень мало тепла.

Касса поднялась и произнесла то же самое слово, которое уже прежде говорила часовому. Лорд Карнотьют на мгновение нахмурился, но затем улыбнулся и произнес грохочущим голосом:

— Ты — девица Касса. Но кто же твой новый друг?

— Мое имя — Барсак. Я спейсер с «Дивейна», который приземлился здесь вчера вечером.

Губернатор наклонил голову в знак понимания и сделал приглашающий жест в сторону двери. Он привел их в небольшую, богато меблированную комнату, и Барсак неожиданно обнаружил, что держит в руке хрустальную вазу с каким-то напитком. Он прикоснулся к нему губами — это был сладковатый ликер и похоже, довольно крепкий.

— Этот человек пришел ко мне в это утро,— сказала Касса, указывая на Барсака,— и стал расспрашивать о луаспарце Зигмунне.

По большому спокойному лицу Карнотьюта пробежала тень.

— Ты отвергла предложение, Касса. И поэтому ни ты, ни твой новый друг не имеют больше никакого отношения к Зигмунну.

— Он был моим побратимом! — воскликнул Барсак,— и я обязан помочь ему, если он оказался в затруднительном положении. На моем корабле, на «Дивейне», его ожидает работа.

— Но как же я могу помочь вам в розысках вашего друга?

Барсак, не мигая, гневно бросил громадному аристократу:

— Касса рассказала мне о том, что случилось в Зигмунном, и о ваших связях с организацией, к которой он теперь принадлежит.

Касса в изумлении открыла рот. Карнотьют на какой-то миг нахмурился, но затем рассмеялся.

— Продолжайте, продолжайте, спейсер. Это довольно забавно.

— Мне ничего не известно об этом Культе,— говорил в запале Барсак.— И у меня пока нет никаких моральных возражений против него. Мне сейчас абсолютно все равно, кто принадлежит ему и какого рода непотребные обряды, возможно, связаны с ним. Меня интересует только Зигмунн. Кровные узы, знаете ли, очень сильны. Я не сделал бы такое со своим лицом, если бы сначала не обдумал все несколько раз. И я хотел бы узнать, где мой брат находится в это время, и если он все еще на Глаурусе, я хотел бы, чтобы мне разрешили повидаться с ним и сказать ему, что его ждет место на «Дивейне», если только он захочет его занять.

Карнотьют не выказал ни неудовольствия, ни гнева, но у Барсака был уже опыт общения с людьми таких размеров; они сдерживают свой гнев из боязни раздавить маленькие создания, населяющие этот мир, но когда они все же разражаются гневом, последствия этого ужасны.

— Ваш побратим не на Глаурусе,— медленно произнес губернатор.

Касса бросила многозначительный взгляд на Барсака.— Я же говорила тебе, казалось, напоминал этот взгляд,— но он предпочел оставить его без внимания.

— Тогда где он?

— Он отправился на Азонду пятнадцать дней тому назад с самой последней партией посвященных... в нашу организацию.

— Тогда мне надо сию минуту отправиться на Азонду. Как я могу туда попасть?

— Об этом не может быть и речи.

Барсак как будто некоторое время впитывал в себя эти

слова, вместе с тем пойлом, которым угостил его Карнатьют. Губернатор, казалось, подавлял своими размерами и своим самодовольным видом. Барсак ощущал страстное желание воткнуть нож между ребрами этого гиганта.

Наконец он сказал:

— Сколько времени пройдет, прежде чем Зигмунн сможет вернуться на Глаурус?

— Скорее всего этого не произойдет вообще. А может быть, это случится и завтра. Посвящение на Азонде длится год. После этого он свободен в своем выборе и может отправляться, куда только пожелает. Правда, это верно только в тех случаях, если он сохраняет свою преданность. И он будет носить маску. Приверженцы Культа едва ли беспокоятся о сокрытии факта своей принадлежности, если только на это нет причины, которая бы делала необходимым такое сокрытие.

— Такой, например, как пребывание на посту губернатора большой провинции Глауруса? — резко выкрикнул Барсак.

Карнотьют сделал вид, что не заметил укола.

— Да. Теперь, если у вас нет больше никаких желаний...

— Я все же хотел бы связаться с Зигмунном, господин губернатор. Я хотел бы, чтобы вы послали меня на Азонду. Если бы я только смог поговорить с ним...

— Вмешиваться в ритуал посвящения строжайше запрещено. И это правило — закон для всех. Здесь нет исключений. И даже если бы вы сами присоединились к Культу, вам пришлось бы подождать несколько месяцев, пока вас не сочли бы готовым к отправлению на Азонду. У вас, мне кажется, трудноизлечимый случай помешательства на чем-нибудь одном, Барсак. Но я говорю вам, что вы только навлечете на себя смерть, если будете упорствовать, следуя своему нынешнему курсу. А сейчас... вы свободны. Я больше не смею вас задерживать!

На улице, за пределами дворца, они некоторое время стояли в удлиняющихся тенях угасающего дня. Курчавые облака заполнили темнеющее небо, и на нем появились неясные очертания трех лун. Заходящее солнце почти полностью скрылось за горизонтом, и золото его лучей переходило в красное зарево заката.

— Боже, какой же ты дурак,— тихо со злостью сказала Касса.— Вламываешься, несешь всякую чушь, обвиняешь ни в чем неповинного человека в том, потом в другом, зачем-то упоминаешь Культ и об его связях с ним!

— А что же полагалось мне делать? Ползать на брюхе и просить вернуть мне Зигмунна?

— О, неужели ты думаешь в самом деле, что такое ползанье помогло бы тебе? Карнотьют правит этой провинцией уже тридцать лет. Он уже свыкся с пресмыкателями. Нам нужен был более тонкий подход.

— Так что же ты предлагаешь?

Она вынула из сумки бумагу и нацарапала на ней имя и адрес.

— Этот человек отведет тебя в такое место, где ты сможешь купить проезд на Азонду. Сколько у тебя денег?

— Тысяча сто стелларов.

Она присвистнула.

— Более чем пять сотен не предлагай. И гляди, чтобы была сотня для меня. Я не из благотворительных целей занимаюсь всем этим паршивым делом, Барсак.

Он улыбнулся и взял ее за подбородок. Он понимал честность и ценил ее. Возможно, подумал он, он еще сможет предоставить ей шанс заработать сотню и другим способом, но только уже после того, как найдет Зигмунна.

Его адресат жил на улице Королей. Барсак засмеялся и засунул бумажку в карман.

— А что ты будешь делать, пока я буду там?

— Я собираюсь вернуться к Карнотьюту. Возможно, губернатору понадобится женщина и я предложу себя. И тогда я, может быть, смогла бы попросить его, чтобы он велел отменить посвящение твоего побратима и вернуть его на Глаурус. Он наверняка может это сделать, если сочтет, что это неподходящий кандидат. Много обещаний можно потребовать в кровати, особенно это удается тому, кто знает, как это делать.

— И где же я встречу тебя после этого?

— Приходи ко мне. Вот ключ. Ты, наверное, вернешься раньше меня. Тогда подожди. И не дай им тебя надуть, Барсак. Будь очень осторожен.

Она повернулась и легкой походкой направилась ко входу во дворец. Барсак смотрел, как она вошла внутрь, улыбнулся и двинулся в путь. Следующий пункт — улица Королей,— подумал он.

Она произвела на него гораздо меньше впечатления, чем можно было бы ожидать, судя по царственному названию. По-видимому, в прошлые столетия это была улица театров и шоу, но сейчас она вряд ли была предпочтительнее улицы Слез. К тому времени, когда Барсак достиг этой улицы, ночь уже вступила в свои права.

Он отыскал нужного ему человека: Доллина Спорфейна из пятьдесят шестого номера по улице Королей. Спорфейн оказался круглолицым невысоким человеком возрастом за шестьдесят, совершенно лысым, но с белым пухом около ушей. Он выглядел бы совершенно безвредным, если бы только не его глаза. Они были далеко не так спокойны.

Он мрачно смотрел на Барсака, тщательно осматривая его и, наконец, сказал:

— Значит вы теперь новый любовник Кассы, а? Она всегда отсылает своих дураков ко мне за тем или иным одолжением. Она очень шустрая девка, не так ли, приятель? Да, она была бы одной из наилучших, если бы только взялась за ум. Но она этого не хочет. Она отказывается быть достойной своих возможностей, а какие они у нее, вы, наверняка, уже смогли сами определить за парочку проведенных с нею ночей!

Барсак не старался что-либо отрицать.

— Мне нужен человек, который сегодня же ночью мог бы переправить меня на Азонду;— сказал он.

Тотчас же выражение добродушия сошло с лица Спорфейна.

— Да, существуют одолжения, которые сделать потруднее, чем другие.

— Я хорошо заплачу за это.

— Как хорошо?

— Найдите мне человека, и мы с ним договоримся о цене. Учтите, что я буду договариваться с ним, а не с вами.

Спорфейн рассмеялся.

— Я могу вам назвать предварительную цену. Это будет вам стоить несколько сотен. Вы все еще хотите отправиться в Азонду?

— Да!

— Тогда пошли со мной.

Спорфейн вывел его из дома на улицу: теперь над сумрачной дымкой, окутывавшей город, были видны звезды. Они вошли в другой дом, где человек сидел, вцепившись в кувшин с вином, и затуманенным взглядом смотрел на маленького ребенка, спящего на грязной кровати в углу комнаты.

— Барсак, встречайте Эммери,— сказал Спорфейн.— Эммери, это Барсак. Эммери — сопровождающий, не находящийся на государственной службе. У него есть небольшой корабль, правда, немного устаревший, но все еще действующий. Барсак хотел бы, чтобы вы сегодня же ночью переправили его на Азонду, Эммери.

Человек, которого звали Эммери, повернулся и равнодушно посмотрел на Барсака, отодвинув кувшин.

— Куда? На Азонду?

— Вы правильно расслышали, Эммери. Ваша цена?

Налитые кровью глаза Эммери на миг закрылись, и когда он вновь из открыл, они алчно блестели.

— Сколько вы можете заплатить?

— Пятьсот галактических единиц,— четко произнес Барсак.— Я не хочу торговаться. И поэтому начинаю с наибольшей платы, и это все, что я могу себе позволить.

— Пятьсот стелларов,— повторил Эммери почти что про себя.— Весьма интересная сумма. Когда, я смогу получить деньги?

— Когда мы совершим рейс туда и обратно.

— Нет,— сказал Эммери.— Деньги только вперед, или выездки вообще не будет. Я не знаю, что вы там захотите делать на этой Азонде, но я хочу получить все деньги еще до того, как мы туда отправимся.

Барсак на мгновение задумался и в конце концов сдался:

— По рукам. Начинайте подготовку. Мне нужно отправиться сегодня же ночью. Но до этого я хотел бы еще кое-кого повидать и только после этого я буду окончательно готов.

Пожав плечами, Эммери поднялся и поплелся, шатаясь, через всю комнату к умывальнику. Барсак подумал, что этот человек совсем не похож на квалифицированного пилота. Пальцы его тряслись, взгляд был затуманен, и у него не просматривалась быстрота рефлексов, столь необходимых для работы пилота.

Но все это не имело значения. Главное — заполучить корабль. Он смог бы и сам рассчитать необходимый курс на Азонду, если только в том возникнет необходимость.

Эммери обернулся.

— Деньги при вас?

Барсак кивнул и добавил:

— Вы получите их, когда я увижу ваш космический корабль, не раньше. Я не собираюсь отдавать пятьсот стелларов каждому горькому пьянице, который заявляет, что он пилот.

— Вы думаете, что я могу надуть вас?

— Я ничего не думаю. Я просто не хочу лишиться своих денег, лишиться понапрасну.

— В таком случае вы пришли не туда, куда следовало бы,— самодовольно сказал Эммери.

Со страхом Барсак понял, что потерял из виду Спорфейна; старикан погрузился во тьму где-то позади него. Он слишком поздно увидел, что его загнали в западню. Он хотел было обернуться, но Спорфейн оказался быстрее. Кувшин от вина стремительно опустился на голову Барсака.

От такого удара космонавт покачнулся и сделал два неустойчивых шага вперед. Он увидел, как все еще неразбитый кувшин снова поднимается, и попытался было защитить голову, но тщетно. Во второй раз кувшин опустился на голову Барсака, и все начало погружаться во тьму.

Он упал навзничь и сквозь темноту услышал хриплый смех старика:

— Только желторотый не знает, что никто даже за миллионы не перевезет его на Азонду во время посвящения. Эммери, не стой истуканом, обыщи-ка его!

Глава 3

Его разбудил звук дождя, барабанящего по крышам домов и уличным булыжникам. На какой-то миг он даже удивился, как это может быть дождь на борту «Дивейна»? Но затем он вспомнил, что покинул корабль, а через мгновение сделал еще одно неприятное открытие, что он лежит лицом вниз в канаве, одной рукой свесившись в быстротекущий ручей дождевой воды, и что он весь насквозь промок и покрыт грязью. Голова его раскалывалась от страшной боли. Серый свет зари освещал окружающие его предметы. Он осмотрелся. Улица была ему незнакома.

Он медленно поднялся на ноги, ощущая холод и неуверенность, и стал безуспешно оттирать уличную грязь с одежды. Затем он потряс головой, стараясь прочистить сознание и избавиться от звона в ушах.

Он как-то странно ощущал свое правое бедро и мгновением позже осознал причину этого: привычный вес бумажника больше не давил на него. Он вспомнил, что произошло прошлым вечером, и покраснел. Эти двое ворюг обчистили его. Разыграли из него дурачка, сильно дали по голове, забрали бумажник, а с ним и тысячу сто стелларов и документы.

Правда, они оставили ему ключ. Он тупо рассматривал его, пока не понял, что это ключ от квартиры Кассы.

Касса. Она послала его к Спорфейну. Она должна была знать, насколько смехотворной была сама идея нанять корабль для полета на Азонду в это время года. И тем не менее она умышленно послала его к Спорфейну, зная, как его там обработают.

Но как бы ни был он рассержен, он знал, что трудно порицать ее или Спорфейна и его сообщника. Это был жестокий, суровый мир. Желторотый иностранец с тысячью стелларов в кармане был отличной приманкой.

Только вот — Касса сказала, что она собирается вернуться к Лорду Карнотьюту и сделать вторую попытку добиться освобождения Зигмунна от уз, связывающих его с Культом. Она на самом деле имела в виду именно его? Или это было частью хитрого обмана?

Этого Барсак не знал, но решил вернуться в квартиру девушки, поскольку ключ все еще был при нем. Он хотел задать Кассе несколько вопросов.

Ранний утренний дождь продолжал падать с небес. Барсак весь промок и дрожал от холода. Улицы были пустынны. Он пошел по улице под названием, судя по уличной табличке, Бульвар Солнца. Он не имел никакого понятия, в каком направлении отсюда находится улица Слез, поэтому направление движения выбрал наугад. Он обогнул угол и вступил на узкую извилистую улочку, вдоль которой стояли старые сгорбившиеся дома, настолько наклонившиеся над улицей, что дождь почти не попадал на мостовую. Пройдя пару кварталов, он увидел лучистый шар винной лавки, все еще открытой. И человека, выходившего из нее. Барсак хотел бы поверить, что этот прохожий еще достаточно трезв, чтобы указать ему правильное направление на улицу Слез.

Барсак окликнул этого человека. Тот остановился, обернулся и нерешительно посмотрел на подходившего космонавта. Это был худой, маленький человек, с болезненным рябым лицом, на котором выделялся разве что только один мясистый крючковатый нос. На нем было переливающееся красным и зеленым цветами трико и унылого фиолетового цвета плащ. Маленькие, ярко блестевшие глазки подозрительно посматривали на Барсака.

— Простите меня,— мягко произнес Барсак,— но не могли бы вы сказать мне, как пройти на улицу Слез?

— Ну конечно же, приятель,— незнакомец, казалось, воодушевился от столь незначительной просьбы.— Идите прямо, прямо, пока не дойдете до площади Основателей — вы узнаете ее по большой безобразной скульптуре

в центре, а затем сделайте крутой поворот направо, мимо винного погреба Меркурия. Улица Слез в четырех кварталах от этого погребка. Ясно?

— Благодарю,— кивнул Барсак и повернулся, чтобы уйти.

— Одну минуту,— остановил его незнакомец.

Барсак обернулся.

— У вас все в порядке?

— Могло быть и лучше! — отрывисто рассмеялся Барсак.

— Вы весь мокрый. И обляпанный грязью. Наверняка вас избили и ограбили, ведь правда же?

Барсак кивнул.

— И кроме того, вы чужестранец,— продолжал незнакомец.— И вам не помешала бы сейчас лишняя копейка.

— Как-нибудь я постараюсь обойтись без вашей помощи.

Человек сделал три шага и встал рядом с Барсаком, пристально глядя на него.

— Я знаю, что это такое, быть чужестранцем на Глаурусе. Я сам прошел через это. И я хотел бы от всего сердца помочь вам. Если вы хотите, я мог бы подыскать для вас работу.

Барсак покачал головой.

— Поверьте, что я оценил ваше участие к моей особе. Но я — спейсер, и мой корабль взлетает с этой планеты в конце недели. Нет, работы я не ищу.

— Есть много спейсеров, которые отстают от своих кораблей. Если у вас случатся неприятности, приходите ко мне. Вот моя визитная карточка.

Барсак взял протянутый листок картона, на котором золотистой вязью было написано:

«Эрпад Истилог. Выставка курьезов. Улица Лжецов, 1123».

Космонавт улыбнулся и сунул карточку в карман.

— Я желаю вам доброго утра,— сказал Истилог.— Надеюсь, вы запомнили дорогу на улицу Слез?

— Прямо до площади Основателей, затем направо до подвала Меркурия, а от него еще четыре квартала.

Истилог одобрительно улыбнулся.

— У вас отличная память, спейсер. Если вам когда-нибудь понадобится работа, приходите ко мне.

— Я подумаю об этом,— согласился Барсак.

К тому времени, когда он добрался до улицы Слез, дождь почти прекратился. С неба падали отдельные капли,

и оно стало жемчужно-серым и все больше прояснялось. Над городскими крышами повисла тонкая радуга, которая, правда, вскоре исчезла под напором утреннего тепла.

Но номер восемьдесят один все еще казался объятым сном. Барсак быстро взбежал наверх, перепрыгивая через две-три ступеньки, и остановился на площадке четвертого этажа, чтобы вынуть ключ, который дала ему Касса Иидрилл прошлым вечером.

Но ключ ему не понадобился.

Дверь была выломана. Будто бы таран обрушился на нее в одном-двух дюймах от петель, и доски были выбиты вовнутрь. И в передней, и в комнате было темно. Нахмурившись, Барсак слегка подтолкнул остатки двери И, переступая через сломанные филенки, вошел в квартиру.

Он включил свет. Через мгновение он уже с отчаянием боролся с искушением тут же его выключить.

Касса лежала на аккуратно прибранной постели, и покрывало было насквозь пропитано ее кровью. Барсаку и прежде случалось сталкиваться с ужасающими на вид смертями; но с этой ничто не могло сравниться.

Девушка была изрезана на части. Ее тело насквозь прорезал двойной крест. Причем идущий вниз разрез начинался между грудями и продолжался до самого таза, два же поперечных разреза были выгравированы поперек живота на расстоянии восьми дюймов друг от друга. Горло ее было перерезано. Ее лицо...

Лица по существу не осталось.

Одежда, которая была на ней прошлой ночью, была сложена аккуратно на стуле. На полу возле кровати лежал ключ. Он поднял его. Это была точная копия ключа, который он держал в другой руке.

Значит, она вернулась домой, закрыла дверь на замок. И кто-то вломился внутрь!

Барсак увидел, что его руки дрожат. Он быстро повернулся и с трясущейся головой выскочил наружу, закрыв за собой то, что осталось от двери.

В парадной была будка общественного коммуникатора. Барсак вошел в нее и, на заботясь о том, чтобы плотно прикрыть дверь от возможного подслушивания, нажал на кнопку вызова.

— Соедините меня с полицией. Я хочу сообщить об убийстве.

Через две секунды раздался заспанный голос:

— Дежурный отдела убийств, лейтенант Хасслик слушает. В чем дело?

— Произошло убийство, лейтенант. На улице Слез, 81. Убитая — девушка легкого поведения Касса Иидрилл. Я только что обнаружил ее тело.

Судя по голосу лейтенанта Хасслика, это сообщение, казалось, не вызвало у него особого интереса.

— А кто вы такой?

— Я спейсер с корабля «Дивейн» и нахожусь в городе в увольнительной. Мое имя Барсак. Я... встретил убитую только вчера вечером. Сейчас же, я только что пришел в ее комнату и обнаружил труп.

— Опишите, пожалуйста, в каком состоянии находится тело.

Барсак подробно описал все, что он увидел наверху. Когда рассказ был закончен, Хасслик сказал:

— Как раз это я и предполагал. Все в порядке, Барсак. Мы сейчас вышлем грузовик и заберем тело. Вам нет нужды околачиваться рядом, если только на это у вас нет желания.

— Вы что, не будете производить расследование?

— Какое еще расследование?

Барсак был ошеломлен.

— Но ведь убита девушка! Разве в случаях убийств на Мильяре не проводится расследование?

— Нет, если это дело приверженцев Культа Чародейки,— сказал Хасслик.— Какая польза от этого расследования? Над девицей совершено ритуальное убийство, если ваше описание точное. Кому-то из Культа она пришлась не ко двору. А что мы в состоянии сделать? Практически невозможно вмешиваться в дела Культа. Я этим только сам бы напросился, чтобы с меня соскребли лицо и на животе вырезали двойной крест. Нет уж, спасибо. Мы вышлем грузовик за телом и покончим с этим. Спасибо, что позвонили, мистер Барсак.

Он услышал щелчок и медленно повесил трубку. Их даже не интересует найти убийцу Кассы,— подумал он. Им все равно. Они страшно не хотят связываться с этим Культом.

Он вернулся в комнату и сел рядом с мертвой девушкой, ожидая, когда придет грузовик из морга. Его поиски Зигмунна приняли новую окраску — сначала ограбление, затем — убийство. Все это выстраивалось сейчас в какой-то зловещий порядок.

Как это сказал лейтенант: «Ритуальное убийство»? Убийство, совершенное сторонниками Культа. Оказывается, на Глаурусе законом является Культ! У него стало

удивительно тяжело на сердце — значит, вызволить Зигмунна будет гораздо сложнее, чем он предполагал. Стараясь не смотреть на тело в кровати, он подумал, что для Кассы теперь все кончилось, все огорчения для нее уже позади, и гораздо раньше, чем она ожидала.

Прошло полчаса.

Сорок пять минут.

Снова пошел дождь и снова прекратился.

Наконец, грузовик прибыл. Барсак услышал, как на лестнице поднялась суматоха, когда другие постояльцы дома, любопытство которых возбудило прибытие грузовика, стали подниматься наверх вслед за людьми из морга.

— Сюда, сюда,— позвал Барсак.

Двое со скучными лицами внесли в комнату носилки. Увидев тело Кассы, они поморщились.

— Таких случаев у нас по дюжине в неделю,— сказал один из них.— Культ держит свои кинжалы острыми.

Они погрузили труп на носилки и это было сделано так, как будто то, что они только что держали в руках, было не более, чем зарезанная туша животного. Барсак вышел вперед и спросил:

— Что же будет с ее телом?

— Его увезут в морг и там зарегистрируют. Если в течение недели не поступит заявления от родственников на выдачу тела, мы отошлем его затем в крематорий.

— И часто в таких случаях поступают заявления от родственников?

Один из носильщиков презрительно ухмыльнулся.

— Она была девушкой из бара, не так ли?

— А кроме того,— добавил другой,— даже если бы она была монахиней из Большого Монастыря, никто не требует тела жертв Культа. Это может повредить здоровью требователя.

Барсак нахмурился.

— Мне бы хотелось, чтобы этой девушке было устроено достойное погребение. Она была моим лучшим другом.

— Похороны на Глаурусе стоят пятьсот стелларов, братец. Плюс взятки. Была ли она настолько тебе другом? Учти, что ей сейчас все равно, так что не выбрасывай зря свои деньги.— Они мерзко улыбнулись ему и подняли носилки. Барсак не стал им препятствовать. Он вспомнил, что у него теперь вообще нет денег и что через четыре дня он должен вернуться на корабль и покинуть Глаурус по всей вероятности навсегда.

Повинуясь какому-то смутному чувству, он дернул за ящик письменного стола. Дешевые безделушки, косметика, сувениры...— десять скомканных бумажек по пять стелларов. Цена одной ночи,— подумал он.

Он хладнокровно засунул деньги в карман. Обернувшись, он увидел остролицего старика, следящего за ним.

— Эй, вы. Никакого грабежа здесь! Эти деньги принадлежат мне!

— Какого дьявола вы здесь? — поинтересовался нехотя Барсак.

— Я хозяин этого дома. Такое правило: если постоялец умирает, не оставив завещания, я наследую все его имущество. Верните эти деньги на то место, откуда взяли, сейчас же.

— Мне они нужнее, чем вам,— сказал Барсак.— Девушке они уже не нужны. Прочь с дороги!

Он отшвырнул хозяина к засаленной стене пренебрежительным движением растопыренной ладони, спустился вниз по лестнице и вышел на улицу Слез. Из головы его не выходила девушка из бара, которая сейчас была бы жива, не попади он в Мильяр.

Был уже почти полдень, когда он прибыл на взлетное поле, где стоял «Дивейн», и от голода у него страшно кружилась голова. Он показал браслет-удостоверение часовым у входа на поле и зашагал к огромному корпусу корабля.

Капитан присматривал за перекраской стабилизаторов, находясь на палубе. Барсак подождал, пока он закончит перебранку с малярами, и обратился к нему.

— О... Барсак. И где же этот ваш ас-ремонтник?

— Я не смог отыскать его, сэр. Во всяком случае, до сих пор. Но еще есть время, не так ли?

— Не очень,— капитан покачал головой.— Завтра я буду вынужден дать объявление о найме, если только вы его не отыщите. Больше я уже не смогу тянуть время. Э-э... вас ограбили, Барсак?

Барсак кивнул, горько улыбаясь.

— По глупости, капитан. Меня распотрошили начисто.

— Сколько вам нужно?

— Триста в счет аванса будущего рейса, сэр. Разве это так уж много?

— Возможно... Вот что, берите сто пятьдесят. В этом случае, если вас снова ограбят, это будет не так уж и страшно. И будьте осторожны, Барсак. Я не хотел бы вдобавок к ремонтнику искать на Глаурусе и механика.

Барсак рассовал деньги по карманам и отправился назад в город. Надежда найти Зигмунна вовремя, чтобы он еще успел заполучить место на «Дивейне», стала теперь совсем призрачной. Но Барсака теперь уже не интересовала возможность найти тому работу. Он просто хотел увидеть Зигмунна и если возможно, то и освободить его из сетей Культа. И еще были вопросы, требовавшие ответа. Вопросы относительно его ограбления и смерти Кассы.

Он впрыгнул в переполненный аэробус с неисправным кондиционированием воздуха и летел на нем до самого дворца Лорда Карнотьюта. Здесь он вышел, подошел ко дворцу и потребовал свидания с губернатором.

Он понимал, что не представляет из себя внушительной фигуры, в этой испачканной грязью и кровью одежде, с его изможденным и исцарапанным лицом и заросшими щетиной щеками. Но он был настроен довольно решительно для того, чтобы встретиться с Карнотьютом.

Появился губернатор, огромная слоноподобная туша в роскошном черном одеянии. Барсак посмотрел на него снизу вверх.

— Разрешите мне поговорить с вами наедине, сэр.

Эта просьба, казалось, рассмешила Карнотьюта.

— Личная аудиенция — очень редкая привилегия, мой друг. Мои часовые обязаны присутствовать при нашем разговоре все время. Поэтому... Кстати, почему вы вернулись?

— Я хотел бы задать вам несколько вопросов, сэр. После того, как я покинул вашу резиденцию, возвращалась ли девушка Касса к вам?

Губернатор пожал плечами.

— Возможно.

— Я попросил бы вас, сэр, ответить точнее.

— Не вижу в этом смысла.

— Тогда я отвечу за вас: да, возвращалась! И куда же вы и она пошли?

— Моя плотская жизнь вряд ли имеет какое-то к вам отношение, достопочтенный спейсер. Вы хотите еще задать какие-нибудь не столь личные вопросы?

— Только один, сэр,— сказал Барсак.— В какое-то время между полуночью и этим утром Касса вернулась в свою квартиру и заперлась в ней. Затем кто-то необыкновенной силы вышиб ее дверь и убил девушку. Полиция сказала, что это ритуальное убийство. Она была выпотрошена и изуродована, когда я обнаружил ее тело

сегодня утром. Вот мой вопрос: вы приложили к этому руку?

— У доступных девушек на Мильяре жизнь коротка. Какое вам дело до жизни или смерти малолетней сучки, вам, который бывает на Глаурусе раз в десять лет?

— Потому что Культ убил ее, а вы — единственный знакомый мне приверженец этого учения. Значит, вы убили ее! И вы убили ее потому, что она старалась помочь мне добраться к моему побратиму на Азонде и потому, что прошлой ночью, наверное, она вырвала у вас обещание, которое вы предпочли не сдержать, когда пересмотрели его в бесчувственные утренние часы. Я близок к истине, не так ли, Карнотьют? Всегда легче избавиться от гулящей девчонки, чем столкнуться с обвинением в том, что вы не сдержали свое священное слово.

Гладкое лицо губернатора неожиданно потемнело.

— Позвольте мне дать вам один совет, Барсак,— холодно и серьезно сказал он.— Забудьте об этой девушке и забудьте о своем луаспарце. Одна — мертва, другой — вне пределов вашей досягаемости. Бросьте свои поиски и возвращайтесь-ка на свой «Дивейн».

— А если я не сдамся?

— Тогда вы умрете раньше, чем этого ожидали ваши родители. А теперь оставьте меня одного, землянин.

Он повернулся к трем бессловесным стражам, которые ожидали его возле дверей.

— Выведите этого человека из дворца и научите его тому, чтобы он уже больше никогда не возвращался сюда.

Они бросились к Барсаку, схватили его за руки и вытолкали из вестибюля дворца, вышвырнув за ограду. Затем самый высокий из троих развернул его и наотмашь ударил по лицу.

Барсак взвыл и бросился на обидчика, но второй сделал ему подножку. Падая наземь, он понял, что ему предстоит еще одно избиение.

Они обрабатывали его в течение десяти минут, весело и беззаботно, в то время, как он тщетно пытался ударить хоть одного из них. Они были с планеты Дарьян, с длинными и гибкими руками, и когда ему время от времени все же удавалось хоть слегка коснуться их шелковистой фиолетовой кожи, это навлекало на него только еще более жестокие побои. Пять раз он с трудом поднимался на ноги только для того, чтобы его снова швырнули наземь. Они сосредоточили свое внимание на его пустом же-

лудке, отбивая барабанную дробь по нему с особым удовольствием.

Один раз ему все же удалось все-таки изловчиться и разбить нос одному из обидчиков. Через мгновение удар ногой ниже колена послал его на землю лицом вниз и некоторое время было посвящено его почкам. Затем его с таким умением отделали кулаками, как будто составляли хорошо натренированную команду; когда сознание Барсака осталось совсем на волоске, один из них сказал «Довольно», и они отпустили его.

Он прошел шагов десять и споткнулся. Затем он наощупь начал искать скамью, нашел ее, припал к холодному камню и сквозь свои заплывшие от синяков глазницы увидел, как его собственная кровь капает с лица и обагряет мощеный плитами тротуар. Он смутно все-таки понял, что его не ограбили, и это даже удивило его. Он посидел так минут пять, десять, не в состоянии подняться. Лицо его пульсировало, каждая часть тела ныла от боли. Но они хитро прекратили избиение, когда он был еще в сознании, специально для того, чтобы он каждое мгновение ощущал невыносимую боль.

Он почувствовал, что кто-то стоит перед ним и смотрит на него. Он попытался открыть глаза, но тщетно.

— Касса? — прошептал он.

— Нет. Я не Касса. Полагаю, что вы все же нашли улицу Слез, спейсер. А затем и улицу Крови.

— Кто вы?

— Мы встречались сегодня утром. Я предложил вам свою помощь. Но теперь, думаю, вы уже не откажетесь.

Затуманенными от боли глазами, которые ему все же удалось приоткрыть, Барсак различил склоненную над ним жилистую фигуру Эрпада Истилога, владельца Выставки Диковин.

Глава 4

Барсак лежал на спине на твердой неудобной кушетке и пытался расслабиться. Это ему не удавалось. Казалось, что каждый его нерв туго натянут, почти до предела.

Увидев склонившегося над ним Истилога, Барсак понял, что скорее всего он оказался на улице Лжецов, 1123, в доме этого человека.

— Уже проснулись? — поинтересовался хозяин.

Барсак поднял взгляд на болезненное, изрытое оспинами лицо этого все еще незнакомого ему человека, на его большой, изогнутый крючком нос.

— Я уже долго сплю. Который час?

— Далеко за полдень. Ну, как? Уже немного лучше? Выпейте-ка вот это.

С трудом приняв сидячее положение, Барсак взял чашку. В ней была темно-коричневая жидкость с приятным запахом. Ничего не спрашивая, он одним глотком выпил лекарство, на вкус оно было немного сладковатым.

— Спасибо. Не знаю уж, как вас и благодарить.

Истилог развел руками.

— Не стоит благодарностей. Пока отдыхайте, помните, что вам надо поскорее восстановить свои силы.

Владелец выставки Диковин оставил его одного. Барсак захотел было протестовать, он хотел сказать, что ему нельзя больше здесь оставаться, что он должен продолжать свои попытки отыскать Зигмунна, что времени осталось уже немного и что ему вскоре надо во что бы то ни стало возвращаться на «Дивейн». Но боль вновь вернулась к нему с прежней силой. Он тяжело опустился на кушетку и, чтобы избавиться от этого адского мучения, впал в сонное состояние.

Когда он снова проснулся через некоторое время, то почувствовал, что боль немного утихла.

— Эй, есть здесь кто-нибудь? — крикнул он.

Отворилась дверь и в комнату вошел Истилог.

— Я чувствую себя уже вполне сносно,— сказал Барсак.— И я должен вас покинуть. У меня осталось совсем мало времени.

— К чему такая спешка?

— Мой корабль покидает Глаурус в конце этой недели. А до этого у меня есть кое-какие дела, которые я просто обязан сделать.

— До сих пор вам чертовски не везло, если можно так выразиться. Поэтому учтите, что мое предложение до сих пор остается в силе. Может быть, на новом поприще вам начнет везти. Найти работу на Глаурусе не так-то просто.

— Мне не нужна работа на этой планете. Я — спейсер.

— Бросайте космос. Ведь отвратительнее жизни нельзя придумать. Оставайтесь на Глаурусе и переходите ко мне на службу. Мне как раз нужен помощник с крепким телом, такой, который может защитить такого хрупкого человека, как я. Я сталкиваюсь со многими опасностями, путешествуя

со своим музеем по планете. Я могу платить вам — не так уж, чтоб хорошо, увы, но вполне достаточно, чтобы вы могли отложить себе еще на черный день.

Барсак покачал головой.

— Извините, Истилог. Вы были добры ко мне, но я не могу иначе. «Дивейн» — хороший корабль, и я не хочу бросать его.

На лице человека промелькнуло разочарование.

— Я мог бы быть вам полезен, Барсак.

— Я уже сказал вам: нет! Но прежде чем я уйду, расскажите мне кое-что интересное.

— Если только смогу.

— Моя цель — разыскать своего побратима, некоего луаспарца по имени Зигмунн. Ценой двух избиений и ограбления я обнаружил, что он посвящен в Культ некой Чародейки и находится сейчас в группе посвященных на Азонде.

Улыбка сошла с лица Истилога.

— М... что?

— Я хотел бы найти его и освободить из-под влияния Культа. Но я ничего не знаю об этой организации. Расскажите мне, что это такое? Откуда возник этот Культ? В чем заключается его цель?

— Я мало что могу рассказать вам, Барсак,— тихо произнес Истилог.— Только то, что знает каждый непосвященный житель Глауруса. Культ существует уже тысячу лет, а возможно и больше. Его центр находится на Азонде. Как вы, наверное, знаете, эта планета мертва. Но там тем не менее, так там считают, обитает Чародейка.

— Расскажите мне о ней.

— Тут и говорить не о чем. Только приверженцы этой религии могут увидеть ее. Предполагается, что она прекрасна, бессмертна — и не имеет лица. Приверженцы Культа проводят год на Азонде, поклоняясь ей. Вероятно, из каждой тысячи жителей Глауруса не менее одного является приверженцем этого Культа. Эти люди практикуют кое-какие мрачные обряды, но закон не обращает на это никакого внимания. Люди думают, что большинство наших высших государственных служащих являются приверженцами Культа. Если ваш побратим отправился на Азонду, вот вам мой совет: забудьте о нем. Сейчас он для вас уже навеки потерян.

Барсак нахмурился.

— Я отказываюсь верить в это. У меня есть еще три дня, чтобы найти его!

— Вы ничего не найдете, кроме новых неприятностей,— покачал головой Истилог.— Но раз вы так решительно настроены, я не думаю, что смог бы удержать вас. Вы найдете свою одежду в этом шкафу. И не думайте даже платить мне за то, что я сделал. Это была просто обычная любезность, вы мне сразу пришлись по душе.

Барсак молча оделся. Когда он заканчивал одеваться, вновь появился улыбающийся Истилог, неся кружку с вином.

— Давайте выпьем на прощание,— сказал он и протянул кружку космонавту.— За ваши поиски и удачу в них!

Барсак отпил ровно половину и протянул остаток партнеру. Подождав, пока тот допьет, он крепко пожал ему руку и, закутавшись в плащ, направился к двери. Но прежде чем он переступил порог, ноги его задрожали и перестали его поддерживать. Он рухнул, но Истилог успел его подхватить и аккуратно положил на кушетку.

С горечью Барсак еще раз осознал, что и на этот раз он свалял дурака. Ну и что, что Истилог выпил вино вслед за ним, очевидно, до этого он принял какое-то противоядие... На него нахлынул бурлящий поток потери сознания, и он понял, что умирает.

Разбудил его колокольный звон. Он почувствовал, как с первым раскатом этого звука в голове его запульсировала боль. Стараясь лежать без движения, он подождал, пока голова не перестала звенеть, потом постарался как можно осторожнее сесть в кровати.

Веки его были слипшимися. Ему пришлось изрядно потрудиться, чтобы открыть глаза. Он почувствовал, что все его суставы онемели и мышцы стали дряблыми.

Церковный звон. Конец недели. «Дивейн» отправляется!

Он сбросил с себя покрывало и вылез из кровати. Поскользнулся, споткнулся и упал головой вперед. Руки и ноги его онемели от бездействия. Он с трудом поднялся во весь рост, тревога придавала ему силы.

— Истилог, черт вас побери, где вы? — заорал он во все горло.

— Здесь я! — раздался в ответ спокойный голос.

Барсак, шатаясь, повернулся. Истилог стоял позади него, приятно улыбаясь. На нем была черная шелковая, спадающая волнами длинная одежда и голубой парик. В его руке сверкал восьмидюймовый заостренный клинок.

— Вы отравили меня! — обвиняюще продолжал кричать Барсак.— Сколько я спал? Какой сегодня день? Который час?

— Ваш корабль покинул Глаурус полчаса назад,— вкрадчиво произнес Истилог.— я был в космопорте и наблюдал за его отправлением. Было весьма приятно видеть, как он взлетает все выше и выше в небо, а затем, включив гиперпривод, исчезает в голубизне.

Ярость охватила Барсака. Он сделал два нетвердых шага вперед.

— Зачем вы это сделали?

— Мне необходим был помощник. Трудно найти хорошего человека для этой работы. А у вас, во всяком случае, если нет мозгов, то есть хотя бы мускулы. Оплата — одиннадцать стелларов в неделю, плюс пища и кров.

— Одиннадцать стелларов?! — Барсак сжал кулаки и двинулся вперед.

Маленький человек не тронулся с места.

— Уберите этот нож, Истилог, или, видит Бог, я не побоюсь его и сделаю из вас отбивную.

Истилог спрятал кинжал в ножны..

— Да? Вы?...

Он помахал своими пустыми руками в воздухе.

— Я.. я теперь... что вы сделали? — жалобно проворчал Барсак.

— Я подстраховался, чтобы вы не могли причинить мне никакого вреда,— сказал Истилог.— Я был бы таким же круглым идиотом, как вы, если бы не сделал этого. Если бы вы были на моем месте, а я на вашем, я не колеблясь убил бы вас и как можно более зверски... если бы был только способен на это. Так что вы теперь на это не способны. Я доходчиво все разъяснил?

Барсак внимательно посмотрел на свои бессильные руки. Он страстно желал свернуть эту хрупенькую шею Истилога, но сейчас ему было легче задушить до смерти самого себя, чем причинить хоть какой-нибудь вред этому человеку. Непреодолимое заклятье лежало теперь на нем, сдерживая все его поступки.

Он в оцепенении опустился на кушетку, на которой так долго спал. Дрожь подавляемого гнева и опустошенности охватила его.

— Мой корабль на самом деле улетел?

— Да!

Барсак увлажнил языком пересохшие губы. Такой была участь Зигмунна, а теперь через несколько лет и его. Его может ожидать такая же судьба... Да, вполне естественно, с какой бы это стати капитан Джаспелл будет задерживать старт корабля ради какого-то опоздавшего механика... Это посещение Глауруса было великолепным. По-настоящему великолепным. Да...

— Может быть, вы расскажете мне, на какую работу я могу у вас надеяться,— как можно спокойнее спросил он у стоявшего Истилога.

Глава 5

Через четыре дня они отправились морем на Зуннигеннар, крупнейший материк восточного полушария Глауруса, где у обитателей его был чуть зеленоватый оттенок цвета кожи и где язык их был почти лишен начисто глаголов. Барсак, заняв новое для него положение телохранителя Истилога, носил новую одежду из синтетического шелка и на поясе имел пятидесятиваттный шок-излучатель. Это оружие способно было поднять интенсивность излучения до смертельного уровня, причем последствия этого было очень трудно обнаружить даже при очень тщательном осмотре и оружие вполне проходило как стандартная двухамперная модель. Барсак горел желанием использовать его на своем работодателе и испепелить его нервные окончания, но психообработка, проведенная Истилогом, делала это совершенно невозможным.

Корабль, на котором они отплыли, был небольшим. Истилог нанял его только для своих личных целей. На нем с трудом разместилась вся странствующая кунсткамера глаурусца.

Истилог владел пестрым набором сокровищ. Здесь были навевающие наркотические сны камни с Соллигата, призрачно-желтые на вид, от созерцания красоты которых было трудно оторваться. Великолепные изумруды с Дуу, сверкающие в своих металлических оправах; говорящие деревья с Танамона, в квакающем словаре которых был семь или восемь слов приветствия и пятнадцать-двадцать грязных ругательств.

Кроме того, в клетках были различные живые существа: карликовые спруты с планеты Кви, извивающиеся в своих чанах и не сводящие своих зловещих красных глаз с наблюдателей. Здесь были дождевые жабы с Мивагика,

пурпурные безногие саламандры с пышущей жаром солнечной стороны планеты Упджи-Лез, ухмыляющиеся протоподы с Вирока. Здесь были также и создания с Земли: скорпионы, скользкие змеи, кроты, утконосы, ехидны и, конечно же, длинноносые печальнолицые обезьяны. Зверинец был все время непрерывно грохочущим бедламом, и частью работы Барсака было накормить каждую тварь подходящей для нее пищей.

Истилог предупредил его, чтобы он был осторожен. Его предшественник по работе потерял руку, когда просовывал мясо в клетку к протоподам. Ухмыляющиеся твари двигались с поразительной быстротой.

По прибытии к месту назначения они развернули свою выставку в павильоне крупнейшего города континента Зибильпора. Эта коллекция в течение семнадцати дней пользовалась у зрителей огромным успехом. Взрослых Истилог пропускал за стеллар с каждого. Дети и рабы проходили за полцены. За время пребывания в Зибильпоре, по подсчетам Барсака, хозяин загреб не менее 28000 стелларов. Возле их павильона всегда была давка среди нетерпеливых, страстно желающих взглянуть на смертоносных тварей, собранных Истилогом на двадцати планетах ближнего района Галактики.

Не было отбоя и от жадных и завистливых любителей драгоценных камней и металлов.

Двадцать восемь тысяч стелларов! И из всей этой суммы Барсаку доставалось всего лишь одиннадцать в неделю, еда и кров. Он с радостью бы исполосовал глотку Истилога, но не мог приблизиться с оружием к владельцу цирка, сжимая его в руках. В последний день их пребывания в Зибильпоре Барсак нашел профессионального убийцу. Он намеревался предложить тому полное право на владение цирком Истилога, если он только покончит с ним, но когда подошел момент сделать предложение, сработала блокировка сознания Барсака, и он потерял дар речи. Он запнулся, язык его словно бы вспух, мешая раскрыть рот.

Цирк продолжал свое неспешное турне по Зуннигеннару. Истилог то тут, то там делал остановки от трех до пяти дней. Местные носильщики помогали переносить ящики из одного городка в другой. Истилог также нанимал людей, которые шли впереди них и громко объявляли о предстоящих представлениях.

В запертом на замок сундучке возле своей кровати Истилог хранил квитанции денежных переводов, которые он раз в неделю делал по телеграфу в Мильяр. В остальное время деньги всегда лежали так, что Барсак всегда мог бы взять их, но запрет на расправу с Истилогом распространялся также и на ограбление, и на бегство от него. Барсак был привязан к этому смуглому рябому человеку невидимыми нитями, более прочными, чем любой из металлов.

Барсак впал в состояние горького отчаяния. Он пил, грабил, один раз даже совершил убийство. Это случилось в городишке Дминн, стоявшем на зловонной загаженной промышленными отходами реке Килн. Парень с речного судна оказался в одном и том же баре, что и Барсак, и, пропустив на две рюмки больше нормы, расхвастался.

— Мы свободны и можем плыть по реке, куда глаза глядят! До чего прекрасная жизнь!

— Но и в половину не так прекрасна, как жизнь спейсера,— мрачно заметил Барсак. Он сидел на четыре стула левее, ласково гладя руками последний в этот вечер стакан вина.— По сравнению со спейсером речник — просто гусеница.

Моряк мгновенно соскочил со стула и подскочил к Барсаку.

— А что ты сам понимаешь в этом?

— Я — спейсер!

Со всех сторон раздалось едва сдерживаемое гоготанье.

— Ты — спейсер? — моряк презрительно рассмеялся.— Я знаю, кто ты, хотя ты и назвался громким именем спейсера. Ты лакей у хозяина цирка, вот ты кто! Каждое утро ты выметаешь помет из клеток его зверья!

Барсак ничего не ответил. Он бросился с кулаками на обидчика и тот опрокинулся спиной на стол. Барсак ждал, когда он встанет на ноги, чтобы снова ударить. Но тут он почувствовал, что его схватили за руки, но, напрягая мышцы, он стряхнул с себя разнимавших людей и наклонился над речником. Подняв того, он подпер его одной рукой, одновременно с этим влепив другой несколько оплеух.

Появился нож. Барсак выбил нож из рук и ударил моряка тыльной стороной ладони в горло. Тот свернулся вдвое и, задыхаясь от кашля, проскрежетал:

— Лакей... навозник!

Барсак отступил. Речник бросился к нему, но землянин, отступив на шаг, вытащил из-за пояса шок-излучатель,

включил его на максимальную мощность и выстрелил. Через мгновение до его ноздрей донесся запах горелой плоти.

В этот же вечер они покинули Дминн, двигаясь по суше к лесной провинции Эас. Когда караван грузовиков с их хозяйством выкатился из речного городка, Истилог спокойно заметил:

— Для того, чтобы выручить тебя, мне пришлось дать взятку начальнику полиции. И как ты думаешь, сколько? Ровно пятьдесят стелларов! Понял? Ровно пятьдесят стелларов. Теперь следующие десять недель твоя оплата будет урезана до шести монет в неделю. И держись подальше от таких скандалов в будущем.

Барсак нахмурился, но ничего не пожелал сказать. Истилог был его богом и повелителем и не существовало способа приподнять ногу, наступившую ему прямо на горло.

Он ночами напролет лежал без сна, обдумывая как покончить с этим маленьким человечком, и каждый раз покрывался испариной, когда в очередной раз неизбежно осознавал, что он не способен к действию.

Истилог всецело завладел им. Истилог повелевал им, и он хорошо служил своему богу.

И чем дальше двигался странствующий цирк по континенту, тем больше богател Истилог. Надо отдать ему должное, обращался он с Барсаком хорошо — покупал ему новую одежду, щедро кормил. Но Барсак выполнял при этом рабскую работу, потому что он и был рабом. Неделя проходила за неделей, из недель складывались месяцы.

Но Барсака все же не покидало желание узнать, как «Дивейн» обходится там на краю Галактики без него; узнать, какова судьба Зигмунна, ради которого он лишился и своей профессии и работы. Он думал о той девушке Кассе, давно уже мертвой. И в тех случаях, когда на пути у него попадался какой-нибудь глауранец в серебряной маске, он размышлял о Культе Чародейки и о мертвой планете Азонда, куда отправился его побратим.

Пришла зима, и вместе с ней появился снег, Истилог решил, что пришло время вернуться в Мильяр и жить с летних барышей. По дороге туда они несколько раз останавливались, чтобы скомпенсировать расходы на питание своих тварей однодневными выставками в маленьких городках.

Барсак устало помогал упаковывать и распаковывать ящики. Он уже почти что полюбил это сборище чудовищ, хотя и знал, что любая тварь с радостью прикончила бы его при первой предоставившейся возможности. Он молился, чтобы благодаря счастливой случайности освободилась ядовитая жаба и укусила бы Истилога, хотя было совершенно невозможно, чтобы он преднамеренно выпустил ее на своего господина.

Когда караван, наконец, возвратился в Мильяр, там зима была уже в полном разгаре. Прошло уже семь месяцев с той недели, как он опоздал на корабль. Барсак исхудал, под глазами у него появились глубокие тени, но он оставался все таким же упрямым и только сеть гипнотических повелений удерживала его.

Но теперь можно было увидеть следы отчаяния в чертах его лица, такие же, какие были на лице давно уже теперь мертвой Кассы. Он зачастил в опасные районы города, надеясь, что смерть положит предел его страданиям, и часто пил в баре, где впервые повстречался с Кассой, сидя один за столиком подальше от стойки.

Однажды в конце зимы, когда он пропивал в этом баре одолженную трешку, открылась входная дверь, и на пороге показалась фигура в серебряной маске приверженца Культа Чародейки.

Инстинктивно другие посетители бара замкнулись в себе, надеясь, что их не заметят и, пока приверженец Культа стряхивал снег со своей шапки, только один Барсак без страха смотрел на него и подтянул поближе к своему столику еще один стул, открыто приглашая нового посетителя сесть рядом с ним.

Глава 6

Приверженец Культа остановился, едва зайдя в помещение бара, и внимательно осмотрел комнату своими пепельно-серыми глазами, видневшимися над верхним краем маски. Затем он хладнокровно прошел мимо беспорядочно расставленных столиков и расположился на стуле, предложенном Барсаком.

— Закажите две порции покрепче,— сказал последователь Культа низким голосом.

Барсак жестом просигналил бармену, чтобы тот принес еще две порции подогретого вина, которое он пил в тот вечер. Бармен боязливо подошел к ним, поставил вино на сто-

лик и тотчас же попятился подальше от слуги Культа, даже не осмеливаясь потребовать причитающиеся ему деньги.

Барсак спокойно изучал своего соседа по столику. Маска закрывала его лицо от уха до уха и от переносицы до верхней губы; все, что было видно на его лице, это серые проницательные глаза, широкий морщинистый лоб и жесткий прогиб губ.

— Ну,— произнес Барсак,— за ваше здоровье!

Он поднял чашку, намереваясь чокнуться с приверженцем Культа, но тот только хмыкнул и сделал глоток.

Затем он внимательно посмотрел на Барсака и сказал:

— Вы — землянин Барсак, прислужник владельца цирка Эпрада Истилога?

— Да. Откуда вы узнали это?

— Считайте, что я это знал давно. Вам нравится ваш господин?

Барсак хрипло рассмеялся.

— А вы как думаете?

— То, о чем я думаю, в настоящее время не имеет никакого значения. За вами наблюдали, Барсак. Истилога направили к вам. Мы верим, что страдание благотворно для души, души так, как мы ее понимаем.

— В этом случае вы проделали большую работу. Должен вам заметить, что настрадался я предостаточно.

— Нам это тоже известно. Почему вы не убили Истилога?

— Потому... потому...— Барсак изо всех сил пытался объяснить те меры принуждения, которыми воспользовался хозяин цирка, но эти же запреты не позволяли оформить мысль в соответствующие выражения с помощью слов.— Я... я просто не могу говорить об этом.

— Блокировка языка? Истилог всегда был силен в подобных штучках. Но вы бы хотели покончить с вашим хозяином?

Барсак промычал нечто бессвязное, словно глухонемой.

— Конечно же да. Зачем я это у вас спрашиваю,— глауранец, казалось, рассмеялся.— Но вы не можете этого сделать. Истилог наложил запрет в вашем сознании? Так?

Барсак кивнул, находясь в состоянии глубокого оцепенения.

Губы сторонника Культа искривила зловещая усмешка.

— Как бы вы отнеслись к поступку, если бы кто-нибудь убил Истилога ради вас?

Капли пота выступили на лбу землянина. Разговор шел вдоль границ запретной зоны, установленной Исти-

логом в его мозгу; с большим трудом ему каким-то чудом удавалось поддерживать его с помощью внешних проявлений чувств, на эмоциональном уровне.

Выражение его лица было утвердительным, когда он отвечал единственно доступным ему способом на последний вопрос.

Последователь Культа Чародейки прикоснулся сложенными пальцами обеих рук к своим губам.

— Истилог умрет через час после того, как мы примем соответствующее решение. И вы освободитесь от навязанного вам принуждения. Азонда ждет вас!

— Азонда?

— А куда же вы еще могли бы податься после этого? Что еще осталось у вас в этой жизни, Барсак? Вы опустились до самого нижнего предела, вы оторвались от прежней жизни, от вашей привычной жизни спейсера и здесь, на Глаурусе, вы — отщепенец, пария, так уж лучше податься на Азонду, чем медленная смерть здесь. Не забывайте, что именно Культ освободил вас от Истилога. И после этого вы просто обязаны идти с нами в ногу!

После длительной внутренней борьбы ему удалось выдавить из себя пару слов:

— Я... согласен.

Человек в маске встал.

— В течение следующего часа Истилог умрет. Мы будем с нетерпением ждать вас у себя, Барсак.

И землянин снова оказался в одиночестве.

Он сидел тихо, не выпуская из рук теплого вина и глядя через покрытое изморозью окно на тяжелые хлопья снега, падающие на скованную морозом землю. Значит, Культ, подумал он. А почему бы и нет? Что еще здесь есть для него? Лучше уж Культ, чем бесконечные годы с Истилогом. Ведь Культ же освободит меня от...

Нет!!!

Сожаление об Истилоге полностью охватило его, заставило выбежать из бара прямо на улицу, в холодную зимнюю мглу. Согласившись с требованиями приверженцев Культа, он дал разрешение на смерть Истилога, и это вступило в противоречие с внушенными ему запретами. Он просто обязан был сейчас предотвратить убийство. Он просто обязан сейчас спасти своего хозяина. Он должен вернуться вовремя, чтобы этого не случилось...

Он бежал по пустым, занесенным снегом улицам города. В течение часа, как сказала маска. Разгоревшийся кон-

фликт бушевал в душе Барсака. Он боролся, чтобы удержать свое тело, замедлить бег своих ног, дать возможность этим садистам довести свое дело до конца, но в это же время демон, обуздавший его мозг, пришпоривал его вперед, чтобы достичь Истилога и защитить его.

Он с нетерпением ждал на углу прилета аэробуса. Когда наконец-то этот сарай на воздушной подушке прибыл, покрытый коркой наледи, он сразу же вскочил в него и едва дождался, когда же он довезет его до улицы Лжецов. От станции до квартиры хозяина нужно было идти еще пять кварталов пешком; Барсак преодолел их быстрой рысью, увязая в снегу каждый раз, когда его сознанию удавалось вернуть контроль над взбунтовавшимся телом.

Но по мере приближения к квартире, гипнотическое внушение Истилога полностью овладело его сознанием и в мозгу оставалась только одна единственная мысль — что он должен вовремя предупредить хозяина и спасти его от ножей приверженцев Культа.

Вверх по лестнице. По коридору. Вот и дверь. Барсак, задыхаясь, ловил воздух широко раскрытым ртом. Легкие его заледенели, нос и уши онемели от обморожения.

— Истилог! Держитесь! Я иду!

Крик. Еще один. Истошный, захлебывающийся вопль, который эхом отдался по коридору старой квартиры и вызвал чувство леденящего ужаса в груди Барсака.

Он бросился на дверь со всего размаха. Хватка, которой его удерживал Истилог, внезапно исчезла. «И все-таки после всего я опоздал»,— подумал он с облегчением.— «Они-таки убрали его!»

Дверь открылась. Барсак вошел внутрь на несгибающихся ногах. Внутри находились четверо в серебряных масках.

Истилог лежал голый в своей кровати, в луже крови. Двойной крест ярко контрастировал своим алым цветом на фоне его бледной кожи. Две фигуры в масках стояли над его телом, держа инструмент с остро отточенным лезвием, и двумя руками над лицом мертвеца, начисто соскребали...

Барсак не выдержал этого зрелища и отвернулся.

— Все кончено,— произнес внезапно знакомый голос — голос человека, бывшего совсем недавно в баре.— Жаль только, что он очень быстро умер.

— Я бы сам с удовольствием прикончил его,— пробормотал Барсак.— Этот дьявол привязал меня к себе. Но теперь уж я стал свободным! Свобода! Только...

— Да! — кивнул один из присутствующих Культистов. — Вы свободны. Но вам известна цена этой свободы?

Глава 7

В третий раз он встретился с Лордом Карнотьютом и впервые между ними не было противоборства. Барсак, изможденный, уже не способный ни на ярость, ни на страсть, устало сидел в роскошном кресле высоко во дворце губернатора, прислушиваясь к словам своего нового хозяина.

— Вы отбываете на Азонду завтра, — грохотал в комнате голос великана-губернатора. — В вашей группе семнадцать посвящаемых. Период посвящений длится ровно год. После этого — что ж, после этого вам станет известно, какие пути открыты для вас, а какие нет.

— Зигмунн там будет?

Карнотьют на мгновение опешил, а затем внимательно посмотрел на Барсака сверху вниз.

— До конца его года осталось еще несколько месяцев. Он будет там. Но если у вас есть хоть малейшая мысль...

— Вы отлично знаете, что у меня их уже нет. Я потерял всякое желание выручать его — да и себя тоже.

Барсак прислушивался к своему собственному голосу, сдавленному, лишенному выразительности и время от времени удивлялся тому, как сильно он изменился за эти семь месяцев жизни на Глаурусе. Как будто эти злоключения лишили жизнестойкости его душу, как будто она заржавела, подгнила, по сути превратилась в груду пыли и сейчас для него уже ничего не оставалось, кроме как униженно воспринимать неопределенные милости Культа.

— Выпьете? — поинтересовался Карнотьют.

— Я не ощущаю жажды.

— Это хорошо. Утрата физических желаний существенна для обряда посвящения. Желания возвратятся или нет, как вы сами предпочтете, после того, как получите маску.

Барсак на мгновение закрыл глаза.

— Так все же это вы убили ту девушку? Кассу?

— Да. Она поставила меня в рискованное положение и я либо должен был убить ее, либо самому покончить с собой. Но мне еще не надоела жизнь, Барсак. Остальное вам известно.

— Да...

Как-то странно, но ему сейчас было все равно. Казалось, что уже ничего не имеет значения.

— Идите! — Махнул рукой губернатор.— Встречайте своих товарищей по вере, с которыми вам предстоит пройти на Азонде обряд посвящения.

Корабль отправляется завтра.

Он позволил, чтобы его взяли за руку и провели в соседнюю комнату. Здесь, на мягких диванах, расставленных вдоль стен, сидели остальные шестнадцать послушников и трое в серебряных масках стояли на страже у входа.

Барсак стал наблюдать за этими шестнадцатью. Он подсчитал: пять женщин и одиннадцать мужчин. Судя по внешнему виду все они были гуманоидами. Все они устало облокотились на спинку дивана и совершенно не разговаривали друг с другом. Некоторые из них по существу уже не принадлежали миру сему, а ушли в свой личный замкнутый многоцветный внутренний мир. Одно выражение было общим для их лиц: выражение, которое было, Барсак в этом был уверен, и на его лице. Это были люди, потерявшие всякую надежду. Барсак вспомнил, как в одной из древних поэм Земли описывался ад, над воротами которого красовалась надпись: «Оставь надежду всяк сюда входящий!» Да, они все сейчас были на пороге такого ада.

Одна женщина все еще была одета в открытый костюм девушки для всех, впрочем, этот костюм был настолько изношен и изодран, что вряд ли мог вызвать какое-нибудь чувство, кроме отвращения. Внешний вид и самой девушки был не лучше. На вид ей было около сорока. Лицо ее было морщинистым и некрасивым, глаза тусклыми, нижняя челюсть безвольно отвисала. Рядом с ней сидел мальчик лет семнадцати, его руки гротескно опухли и были в пурпурных пятнах от длительного употребления наркотика, известного на Глаурусе под названием самтор. Под взглядом Барсака мальчик вдруг весь задрожал и разразился каскадом слез.

Еще дальше сидел мужчина лет тридцати пяти, черт лица которого нельзя было разобрать из-за многочисленных шрамов; одного глаза не было, второй был перекошен, нос был расплющен поперек всего лица. Одна губа была рассечена. Зеленые зубчатые следы татуировки покрывали щеки. Барсак подумал, что он-то как раз имел больше всех оснований надеть серебряную маску Культа.

Заняв место на одном из диванов, он сказал самому себе: «Вот люди, которые сдались. Но я еще не совсем такой, как они. Я еще держусь на поверхности воды. Эти же люди уже позволили себе утонуть. То, что я могу анализировать положение вещей, как раз и подтверждает то, что я еще держусь».

Но затем он горько признался самому себе, что он не прав, что он принадлежит в такой же степени, как и они, этому миру ходячих мертвецов. Культ подбирал только зашедших в тупик, из которого уже не было выхода.

К нему приходили отверженные рода человеческого, приходили те, кто уже не мог опуститься ниже, так как опускаться ниже уже было некуда, и Культ подымал их. От этой мысли было горько и обидно.

Культ следил за ним с самого начала. Они определили, что он перспективен для посвящения с того самого мгновения, как он вступил на почву этой планеты, и они следовали за ним, от одного его злоключения к другому. И он соскальзывал все ниже и ниже, все больше и больше распадался на части цельный и твердый старый Барсак, пока не настало время, когда уже некуда было опускаться ниже, и вот тогда на сцену из небытия вышли они, чтобы освободить его от Истилога и пригласить занять место среди них.

Он подумал о Зигмунне, который был спейсером, и так же, как он, застрял как-то в этом чужом враждебном городе, и о том, что Зигмунн должен был медленно опускаться в такую яму, которая бы соответствовала требованиям Культа в качестве входа в другую жизнь.

Но Зигмунн был тверже духом, к такому выводу пришел Барсак в своих размышлениях. Целых восемь лет провел луаспарец на Глаурусе прежде, чем стал соответствовать условиям набора в Культ; Барсака такая же участь постигла менее чем за восемь месяцев. Однако Зигмунн всегда был изворотливым парнем, в то время как Барсак был флегматичным увальнем, зависевшим от своего побратима и нуждавшимся в его руководстве, когда им приходилось выпутываться из неприятностей.

Теперь он попал в настоящую беду и не мог рассчитывать на помощь Зигмунна, так как Зигмунн попал в капкан Культа гораздо раньше и теперь поджидал его на Азонде.

Семнадцать будущих послушников разместили во дворце Карнотьюта и полноправные члены Культа постоянно находились среди них, ободряя и обещая возрождение,

которое им обязательно даст Культ. Барсак почти не слушал их. Он обитал почти полностью в своем внутреннем мире, где не было места предателям Спорфейнам, лжецам Истилогам, девушкам сомнительных добродетелей Кассам и Культу самому.

Ночь проходила медленно. Барсак был в полусонном, полубодрствующем состоянии, почти не реагируя на окружающую его действительность. Утром культист принес им скудный завтрак — сухую булку с изюмом, сушеные водоросли и чашку кофе. Барсак уныло и безразлично пережевывал эту отвратительную еду.

Затем Карнотьют еще раз собрал их всех вместе, чтобы пожелать доброго пути. Барсак как полутруп стоял среди таких же наполовину трупов и слушал разглагольствования губернатора вполуха. Часть его ума все еще хотела узнать, где же сейчас находится «Дивейн». Прошло более чем полгода с тех пор, как капитан Джаспелл направил его с Глауруса к дальним планетам Внешнего Обода Галактики.

Наверное они уже побывали на планетах пурпурных веннов и золотых паайидов и сейчас движутся к планете Лорримок в системе двойной звезды Соптор. Без сомнения вакантные места в экипаже давно уже заполнены и угловатый человек по имени Барсак давно уже стерся в памяти членов команды «Дивейна».

В полудреме он прикоснулся к шрамам возле своих губ и понял, что вскоре снова увидится с Зигмунном. Почти одиннадцать лет пролетело со времени последнего их свидания, но Барсак не ожидал, что эта встреча произойдет именно таким образом.

Культисты провели их, как стадо, по коридору в лифт. Было несколько мгновений свободного падения, когда кабина лифта устремилась к самому низу дворца губернатора. Во дворе их уже ждали пять сверкающих небольших автомобилей, в который их рассадили по три-четыре человека. За рулем каждого из автомобилей сидел человек в маске.

По сигналу головной автомобиль стрелой помчался в темный туннель. Барсак, сидевший во втором, пристально вглядывался во тьму, но так ничего и не смог различить.

Поездка заняла то ли пять минут, то ли целый час. В темноте Барсак был не в состоянии контролировать ход времени. Когда же они вынырнули на поверхность, он увидел, что они находятся далеко от Мильяра, на взлетном поле космодрома.

Автомобили уехали, и они стояли робкой группкой на голой бурой земле взлетного поля. Барсак увидел сияющие бело-голубые очертания стабилизаторов гигантского звездолета, и в мозгу его загорелась дикая мысль, что это «Дивейн», но затем он увидел название, нанесенное по трафарету на стояночных опорах «Мувиоль». Он не ощущал искушения вырваться, побежать к незнакомому кораблю, спросить о лишней вакансии для квалифицированного механика — он знал, что принадлежит теперь к группе будущих послушников Культа и поэтому даже не попытался пошевелиться.

Чуть дальше вдоль посадочной полосы стоял корабль меньших размеров, тонкий и хрупкий на вид, на золотисто-зеленом корпусе которого не было никакого названия. Культисты повели Барсака и остальных шестнадцать человек прямо через поле к этому безымянному кораблю, и землянин увидел, что все, кто находился на поле: смазчики, члены команд других звездолетов, пассажиры — все отступили поспешно в сторону и молча смотрели на процессию из серебряных масок и едва волокущих ноги призраков.

Один за другим они прошли внутрь корабля. Культисты провели их к индивидуальным взлетным гамакам и стали пристегивать их. Барсак, несмотря на все свои многочисленные годы работы в космосе, даже не шелохнулся, чтобы самому приладить вокруг себя зажимы, а безучастно ждал, пока не подойдет его очередь и его не пристегнут по всем правилам.

Загорелась предупреждающая надпись. Барсак закрыл глаза и стал ждать. Наступило мгновение, которое, как он одно время думал, уже никогда не придется ему испытать: слабая предстартовая дрожь вспомогательных механизмов, выхлопы постепенно оживавших ракетных двигателей.

Огни мигнули, зазвенел звонок — обычная, старая как мир, стандартная процедура перед взлетом космического корабля. Где-то в глубине оцепеневшего мозга Барсака что-то шевельнулось, побуждая его к реакции, к выполнению тех действий, которые требовали от механика по топливу эти сигналы, но он вспомнил, что на этом корабле он пассажир, а не член экипажа, и окончательно расслабился.

Затем наступил момент взлета, когда двигатели, преобразовывая материю в энергию, оттолкнули Глаурус прочь от корабля. Барсак ощутил вызывающее тошноту

свободное падение, но затем корабль начал вращаться и вес возвратился.

Через расположенный рядом иллюминатор он увидел покрытый облаками серо-золотой диск Глауруса на фоне черной бездны космоса. Корабль уже вышел за пределы атмосферы.

Целью его полета была Азонда.

Глава 8

Безымянный корабль завис на языке пламени над мрачным миром Азонды, затем он неожиданно упал вниз и для поддержки его веса под острым углом в землю вонзились посадочные опоры.

Через шлюзовую камеру вышли двадцать шесть фигур в космических скафандрах — семнадцать кандидатов (среди них и Барсак) и девять бдительных членов Культа. Даже несмотря на толстые стенки своего защитного костюма, несмотря на защитное тепло от встроенных туда нагревателей, Барсак не мог сдержать дрожь. Азонда была мертвой унылой планетой.

От золотистого солнца, согревавшего Глаурус, сюда доходили лишь слабые лучи света, едва освещавшие планету. Ее отделяли от своего света одиннадцать миллиардов миль космической мглы. На таком расстоянии центральное светило этой планеты вряд ли можно было бы назвать солнцем — скорее всего это была особенно яркая звезда.

Повсюду лежали горы снега, тускло мерцавшие в вечных сумерках — это была атмосфера Азонды, затвердевшая на холоде. В отдалении обнаженные скалы едва излучали сумрачные красноватые отблески. Вокруг была тишина, тишина мертвого мира. Жизнь никогда не возникала на Азонде и не добиралась сюда с других планет (Конечно, самопроизвольно!).

Но Чародейка???...

Это не давало покоя Барсаку. Он двигался гуськом вместе со всеми остальными, поочередно, как автомат, подымая то одну обутую в специальный сапог ногу и опуская ее, то другую. Казалось, что ветер пронизывает все его тело, хотя он отлично знал, что этого не может быть на этой лишенной всякой атмосферы планете. Он отлично понимал, что это иллюзия, призрак, но избавиться от этого ощущения непрерывно дующего холодного ветра

он не мог. Но по-прежнему он продолжал идти, тупо ставя свой след в следы, оставляемые идущими впереди него.

Всех их вел проводник. Среди льда была вырезана едва заметная тропа и они не отклонялись в своем движении от нее.

Наконец их маленький отряд вышел к небольшому кратеру, но разобрать, что творится на дне этого амфитеатра Барсак не мог — дно было закрыто висевшим серым непрозрачным облаком.

— Мы пришли к чертогу Чародейки, — раздался в наушниках скафандра тихий голос проводника-культиста. — По ту сторону серой завесы находится место, к которому вы шли всю свою сознательную жизнь.

— Когда вы пройдете сквозь эту завесу, — через некоторое время голос продолжил свое объяснение, — вы сбросите скафандры и будете стоять без платья в непосредственной близости к Чародейке.

«Но это же невозможно!» — тотчас же воспротивился этому привыкший к космосу разум Барсака. — «Холод, отсутствие воздуха, давления прикончат нас мгновенно!»

— Вам не будет причинено никакого вреда! — произнес голос в наушниках.

Барсак увидел, как шедшие впереди него люди исчезают за серой завесой, сначала одна нога, затем плечо, затем все тело... Создавалось впечатление, что люди проскальзывают между молекулами твердой стены, так как того, что творится за этой стеной, уже видно не было. С тяжелым сердцем он продолжал идти вперед, ожидая, когда придет и его очередь.

Наконец, завеса неясно вырисовалась в нескольких дюймах перед ним, и он, не колеблясь, поставил свою правую ногу за эту серую плотную стену, а затем и двинулся вперед всем телом. Оно на мгновение затрепетало, у него заколoло в ушах, но он прошел сквозь это препятствие и очутился внутри чертога Чародейки!

— Сбросьте скафандры и одежду! — раздалось в ушах строгое предписание.

«Не в состоянии!» — подумал было Барсак, но, оглядевшись по сторонам, он увидел, что другие, пришедшие с ним, сбрасывают свои скафандры и одежду, как изношенную кожу, и при этом ничего дурного с ними не случается. «Должно быть здесь действует какое-то силовое поле, какое-то полупроницаемое поле, не препятствующее проходу через него людей, но удерживающее внутри себя

пригодную для жизни атмосферу», — промелькнула у него в голове мысль. Ради пробы он протянул назад руку и дотронулся кончиком пальца до внутренней поверхности этого силового занавеса. Ответ был получен немедленно: занавес изнутри был твердый, как гранит. Значит через него можно было проникать только в одном направлении и все внутри — люди и молекулы воздуха в равной степени — оставались принудительно пленниками этого места.

Удостоверившись, Барсак взялся руками за изолирующие запоры своего скафандра и вскрыл их. Он услышал, как воздух, шипя, уходит мимо его шеи, когда он сдвинул в сторону гермошлем. Скафандр расщепился на две половинки, как раскрываются створки морских земных моллюсков. Он сбросил нагрудный щиток и лицевую маску, больше уже ни на что не обращая внимания и сорвал с себя убогую одежду, в которую он был одет перед отлетом.

Такой же обнаженный, как и остальные шестнадцать будущих послушников и девять культистов, на которых были только скрывающие их лица серебряные маски, Барсак двинулся вперед в фиолетовую дымку, которая затуманивала то, что лежало впереди. Он шел примерно две минуты и затем туман рассеялся.

Он стоял лицом к лицу с Чародейкой Азонды.

Она восседала на просвечивающемся троне, отделанном ониксом и окаймленном халцедоном, положив руки на подлокотники. Перед нею было некоторое возвышение, что-то вроде алтаря, высеченного из какого-то полупрозрачного камня нежно-розового цвета. Ниже внешнего края камня было что-то темное, возможно, какой-то механизм. Более определенно Барсак ничего не мог сказать об этом предмете, так как отчетливо его рассмотреть было почему-то нельзя.

Барсак пристально взглянул на Чародейку.

Это была женщина во всем своем нагом величии. Кожа ее была светло-золотистого цвета, как бы излучающая тепло изнутри. Тело было пышным, груди высокими и круглыми. Лица у нее не было. От лба до подбородка вместо лица была гладкая, слегка изогнутая поверхность, почти отполированная, как будто это была пустая заготовка, из которой скульптор, пожелай он только этого, мог бы высечь любое лицо. Однако эта женщина не производила впечатления чего-то незавершенного. Барсаку она представлялась самим совершенством, живым творением искусства.

Вокруг женщины полукругом расположились послушники: одиннадцать мужчин, как отметил Барсак, все обнаженные, но с лицами, уже спрятанными под масками. Преклонив колени с наружного края полукруга находились восемь женщин, также обнаженных и в масках. От этой группы исходило низкое монотонное пение без слов, скорее завывающее причитание, чем пение; создавалось впечатление, что дрожащие звуки этой псевдопесни подымались по изломанной чудовищной хроматической гамме стремительно вверх, то каким-то образом столь же стремительно падали вниз.

Барсак почувствовал какую-то легкость в голове, как будто он начал медленно-медленно плыть в море все более проникающих в сознание звуков этих непонятных и сейчас уже довольно приятных псалмов. Внезапно в его сознании возник нежный голос: *«Приди ко мне, ибо я сама жизнь!!!* Приди ко мне, ибо во мне нет больше боли, во мне только спокойствие и избавление от страданий, познанных тобой».

Расходящиеся веером лучи света омывали его сознание. Он ощутил потребность немедленно броситься вперед.

Голос в его сознании продолжал свое убеждение:

«Приди ко мне и я дам тебе конец страданий, конец мучений, избавление от самого себя!!!»

«Во мне всегда покой и дружба, ты возродишься моей дружбой и обретешь вечность».

Повинуясь неслышной команде Барсак простер обе свои руки и ощутил других. Все вокруг залил ослепительный свет, неся с собой тепло и всепоглощающую нежность.

Руки встретились, семнадцать посвящаемых двинулись к Чародейке и пали на колени перед алтарем.

«Вот и завершение всех моих поисков!» — подумал Барсак.— «Здесь вот заканчивается вся борьба, все сущее, проходя все стадии, обратным ходом возвращается в изначальное чрево творения».

«Да исцелишься ты светом моим...»

Чьи-то пальцы ласкали его мозг, побуждая отказаться от своей исключительности, отбросить свою индивидуальность, побуждая стать частью братства, которое называло себя Культом. Он ощутил, как тугие узы, крепкой хваткой державшие его разум, ослабляются под действием нежных и сладких песнопений. И как легко будет ускользнуть наконец-то от своего «я», позволить своему разуму и душе слиться со всеми здесь присутствующими.

И он расслабился. Личность его погасла, растворилась в других.

«Взгляни на меня!» — раздалась команда.

Барсак поднял взор на лишенное лица безмолвное совершенство Чародейки. Однако через мгновение его взгляд соскользнул с него и пробежал по одиннадцати послушникам, выстроившимся позади нее. Его глаза были заворожены яркостью отражения от их полированных масок. Как будто в каждой из этих масок сияла Чародейка.

Странно — подумал Барсак той небольшой частью мозга, которая еще не растворилась в общем сознании и пока еще всецело принадлежала ему. Нижняя часть лица одного из этих послушников была иссечена шрамами.

Необычный узор надрезов веером расходился от губ. Барсак нахмурил брови. Красота Чародейки призывала его прекратить всякое мышление и капитулировать, однако он нетерпеливо стряхнул с себя искушение. Его рука потянулась вверх и ощупала глубокие надрезы, обезобразившие его собственное лицо.

«Он и этот послушник были обезображены по одному и тому же образцу» — подумал он.

«Странно. Как такое могло получиться? Как...»

Самосознание бурным потоком захлестнуло его. Он вырвал свои руки из рук причитающих и что-то скулящих неофитов, которые стояли коленопреклоненно по обеим сторонам от него, и поднялся во весь рост, внезапно все вспомнив.

Крик его расколол священную тишину этой мертвой планеты.

— Зигмунн!!!

Глава 9

Лучи света задрожали. Его неожиданный пронзительный крик сломал заклятье. Вокруг него послушники стали блуждать, не осознавая, что происходит, вырванные из состояния транса, но уже не хозяева над самими собою. Позади трона ошеломленные послушники окаменели в изумлении. Чародейка сначала все так же бесстрастно обращала вниз свое лишенное всяких черт лицо, как бы загадочно улыбаясь, и отдавая окружающим свою совершенную красоту, но затем постепенно, медленно начала превращаться в мрачное выражение ужаса.

Барсак бросился вперед.

— Зигмунн! Это ты там, за маской,— я узнал тебя по шрамам! Я пришел сюда забрать тебя, увести отсюда! Ты знаешь, откуда у тебя эти шрамы, Зигмунн???

Один из неподвижных, как столб, послушников тихо, но в тишине, парящей кругом, сейчас, когда завывания прекратились, этого оказалось достаточным, чтобы услышал Барсак, произнес:

— Барсак!?

— Да!!! И Чародейке все-таки не удалось покорить меня!

Его упорство вновь ярким пламенем вспыхнуло в нем. Он бросился вперед к кольцу послушников.

— Сбрось эту маску, Зигмунн! Возвращайся со мной на Глаурус!

— Не будь глупцом, Барсак! Ведь Чародейка предлагает покой, понимаешь, *покой*!!!

— Все, что она обещает — ложь!

— Но ты уже никогда не сможешь уйти от нее. Однажды увидев, ты становишься ее частью. Остальное все — чисто внешнее. Ты уже видел ее, Барсак?

— Да, я видел ее. Но я остался свободным человеком!

— Это невозможно! Ты видишь сейчас только себя, отраженного в Чародейке! Она существует только если ее колдовские чары существуют в тебе, в черном колодце твоего подсознания.

— Нет!!! — прорычал Барсак.

— Да! Раз ты здесь, если ты уже успел увидеть Чародейку — значит, ты уже потерян! Согласись, Барсак! Уступи! Поклоняйся уж ей, раз она уже вошла в тебя!

— Нет!!!

Он протиснулся вперед, безжалостно расталкивая остальных. Шепот возник в его сознании, но он знал, что он предназначался не ему, а послушникам:

«Остановите его...»

Они касались руками его рук и цеплялись за его запястья. Он сердито отряхивал их. Его тело, столь долго бывшее скованным, снова обрело свободу и его кулаки начали весело стучать по серебряным маскам. Выплевывая кровь, послушники грузно оседали перед его неистовством.

Теперь уже десять послушников-мужчин набросились на него, остался только один Зигмунн, спрятавшийся в панике за троном Чародейки. Руки Барсака работали как молотилка; послушники, кувыркаясь, летели наземь и во все стороны от него. Он кулаками прокладывал себе дорогу. Остановить его было уже невозможно.

Последние три послушника еще повисли на нем, затем их осталось только двое, через мгновение — только один. Он оторвал от себя последнего, швырнул его в сторону и прыгнул к Чародейке.

Сквозь Чародейку!!!

Он прошел сквозь нее, как будто она была всего лишь бредовым видением. Но на это Барсак сейчас почти не обратил внимания. Его интересовало сейчас совершенно другое. Оставив трон позади себя, он схватил Зигмунна за горло.

Барсак с горечью смотрел на шрамы возле губ луаспарца. Зигмунн стоял, не шевелясь. Одним резким движением руки Барсак сбросил с него серебряную маску.

Наполненные наркотическим туманом глаза, в ужасе глядевшие на него, были глазами луаспарца, но это были глаза не только Зигмунна, которого он так хорошо знал прежде. С отвращением Барсак отпустил этого человека, и тонкий, как карандаш, луаспарец, шатаясь, отошел в сторону.

— Из Культа нет выхода! — спокойно сказал Зигмунн, отойдя на несколько шагов в сторону и оборачиваясь.— Почему ты последовал за мной сюда? Зачем ты натворил весь этот беспорядок?

— Но я же пришел сюда, чтобы забрать тебя,— сдавленным голосом произнес Барсак.— Но сейчас вижу, что мне нечего забрать с собой. Ты и душой и телом принадлежишь... этому.

— Возвращайся назад и покорись своей судьбе,— нараспев начал подгонять его Зигмунн.— Преклони колени и проси прощения у Чародейки. И я уверен, что она с радостью снова примет тебя в свое лоно. Один раз узрев ее, ты уже никогда больше не сможешь этого забыть. Знай, что ты уже отдал ей самого себя, Барсак.

Но Барсак с горечью покачал головой. Теперь он увидел, что все его мучения были напрасны; отсюда не было спасения, и Зигмунн навеки уже для него потерян. Опустошенный, он обернулся. Чародейка, глядя вперед, все еще была на своем троне.

«Что же она из себя представляет? Гипнотическую проекцию мыслей, установленную беспринципными, неразборчивыми в средствах жрецами? Или какое-то чуждое, внегалактическое существо, которое ищет общества других существ на этой мертвой планете, не в силах само покинуть ее? Этого он, похоже, никогда не узнает».

Постепенно послушники стали выходить из своего потрясения. Они ползли к нему. Отовсюду, из всех концов

этого окутанного сумраком амфитеатра к нему приближались фигуры в серебряных масках.

Внезапно яростно взревев, Барсак рывком бросился к Зигмунну и, подхватив тощее тело луаспарца, крепко прижал его к себе. Затем с дикой необузданной силой он швырнул своего бывшего побратима в прозрачный алтарь из розового камня.

Алтарь рассыпался. Камень, из которого он был сделан, должно быть, был не толще оконного стекла. Зигмунн откатился в сторону и лежал неподвижно.

Силовой занавес некоторое мгновение мигал, а затем исчез.

Барсак на какой-то миг застыл, глядя на разбитый алтарь и на послушников, издавших истошный вопль отчаяния. Атмосфера с гигантским напором устремилась наружу, и безжалостный вакуум Азонды простерся над чертогом Чародейки.

Только безотказные рефлексы, выработанные у него за долгие годы работы в космосе, могли спасти Барсака. Не выпуская воздух и почти остановив сердце усилием воли, он будто через море кислоты бросился к своему брошенному скафандру. Казалось, что прошли часы, прежде чем он надел его, часы, прежде чем воздух устремился в шлем и он снова мог дышать. Фактически же прошло не более пятнадцати секунд. Он обернулся. Не менее сотни обнаженных фигур, распростершись, лежали вокруг алтаря. Пузырьки крови сочились из их лиц по мере того, как они выкашливали свои жизни в окружающий их вакуум. Надо всем этим возвышалась безучастная ко всему Чародейка, сейчас более бледная, чем раньше, но тем не менее не изменившаяся и, по-видимому, не способная изменяться никогда.

Возникший неизвестно откуда хриплый вскрик сдавил горло Барсака, он повернулся, сдерживая рвоту, и бросился бежать. Назад, через снег, прочь от сцены смерти, которая некогда была чертогом Чародейки, к ждущему его золотисто-зеленому кораблю, который стоял на хвосте среди отдаленных сугробов.

Он добрался до корабля, влез в него, включил автопилот и поспешно начал производить настройку остальных приборов на взлет. К черту тщательные проверки механизмов и показания приборов. На борту был всего один пассажир, да и ему было решительно все равно, будет он далее жить, или умрет.

Корабль поднялся. Барсак отчаянно вцепился в перекладину, проложенную вдоль стены кабины управления, и безучастно ждал, когда пресс многократного ускорения лишит его чувств. В конце концов он упал и остался недвижно лежать на холодном металле палубы.

Пришел он в себя через некоторое время. Контрольный дисплей сообщал ему, что он давно уже покинул планетную систему Глауруса и по диагонали пересекает галактическую линзу в направлении тройной системы Суна в качестве непосредственного пункта назначения. Барсак увидел свое измученное, незнакомое лицо в настенном зеркале и только теперь осознал, что ему все же удалось избежать Культа. Приверженцы этого учения там, на Азонде, лежали теперь мертвыми, а в его распоряжении был этот корабль. Вся галактика была открыта перед ним. Жизнь можно было начинать сначала.

«Но избежал ли он все-таки культа? — размышлял он, глядя, как на дисплее яркая огненная точка, символизирующая его корабль, становится все ближе к трехцветному великолепию Суна. Ведь язык пламени непостижимой Чародейки все-таки лизнул его мозг и возможно, что Зигмунн не лгал. Возможно, что теперь Чародейка всегда будет с ним, хочет он этого или нет, пусть даже заберется он к потухшим звездам, лежащим далеко за пределами галактики». Он смотрел на отражение в зеркале своего бесплотного лица, окаймленного седыми волосами, и ему казалось, что позади него стоит другое лицо, пустое, лишенное всяких черт, лицо белое и сияющее.

Она будет с ним всегда, так же как и память о восьми месяцах ада на Глаурусе и Азонде. Потирая горизонтальные морщины, испещрившие его челюсти, он, не отрываясь, смотрел на дисплей и ждал, когда трехцветный Сун закроет своим блеском крохотный огонек его корабля.

ЗДЕСЬ КТО-ТО БЫЛ

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Глава 1

Взиир попал на борт корабля, отправляющегося на Землю случайно. Ему и в голову не приходило провести время Праздника Обновления на сырой и мрачной планете, каковой ему представлялась Земля. Но Взиир находился в той неуправляемой сомнабулической фазе, которая свойственна его расе в начале зимы. А это означало, что его тело мог увидеть землянин, настолько оно стало близко к спектру восприятия человеческого глаза. Разумеется, только очень наблюдательный землянин мог разглядеть Взиира, да и то он должен был знать, куда смотреть. Однако астронавт, ответственный за погрузку, не обратил ни малейшего внимания на небольшой комочек лилово-бурого тумана, а именно так и выглядел спящий Взиир, и контейнер был погружен в трюм. Астронавт деловито обошел ряды контейнеров, проверил еще раз пломбы и ярлыки, похлопал по отливающим сталью бокам пятого от двери контейнера, где спал невидимый пассажир, и пошел закрывать шлюз грузового отсека.

Взиир тоже не знал, где находится, пока в отсек не стали закачивать воздух планеты Земля, кислородно-азотный состав которого был чужд Взииру. Правда, он находился в метафорической фазе, поэтому перестройка его наружных покровов, применяясь к этим газам, не заняла много времени. Следующее, что представляло сделать незамедлительно — задействовать внутренние сканирующие органы так, чтобы они могли давать информацию об окружающем во всех спектрах восприятия — что так же было сделано без особых усилий.

Внимательно осмотревшись, Взиир понял:

— что он находится в небольшом темном помещении, заполненном солидным количеством ящиков и контейнеров, заполненных минералами и сельскохозяйственными про-

дуктами с его планеты, а также различными вещами, не имеющими никакой ценности для него,

— что помещение, в котором он находился, окружено двойными стенками из твердого сплава,

— что за наружной стеной атмосферы не было — было космическое пространство,

— что помещение, в котором он находился, примыкало к другим помещениям и, что все это двигалось в межзвездной пустоте со все увеличивающейся скоростью,

— что он, Взиир, находится на межпланетном корабле, стремительно удаляющемся от его мира, и что расстояние между кораблем и планетой в десятки раз превышает диаметр планеты и что это расстояние катастрофически увеличивается,

— что он не сможет выбраться из корабля и вернуться на свою планету, даже несмотря на то, что он находится в стадии метаморфоз,

— что если ему не удастся договориться с командой корабля о возвращении на родную планету, то ему предстоит долгое и опасное путешествие на планету Земля, где жизнь его будет в лучшем случае невыносимой и где его на каждом шагу будут подстерегать опасности. Он будет оторван от ритма жизни своей цивилизации. Он не сможет принять участие в Празднике Обновления, он пропустит Священное Затмение. Он не побывает следующей весной на Празднике Пробуждения Моря. И еще тысячи важных мелочей, составляющих существо жизни Взиира и его соплеменников.

Взиир открыл все каналы восприятия и попытался установить контакт. Земляне давно начали посещать планету Взиира, однако раньше ему не приходилось вступать с ними в контакт. Теперь же обстоятельства сложились таким образом, что Взииру любой ценой нужно было войти в контакт с гуманоидами. Выпустив усики рецепторов, Взиир отправился на поиски следов интеллектуальной активности гуманоидов.

Вот! Электрическая активность, заключенная в костную систему — мозг! Думающий, занятый работой мозг. Но мозг был окружен стеной, через которую Взииру не удалось пробиться, как он ни пытался. Это насторожило и обеспокоило Взиира. Что же это были за существа, мозг которых был закрыт для обычнейшего контакта.

Взиир продолжал поиск. Еще один мозг — закрыт. И еще, и еще. Все они были закрыты для контакта. Взиир начал ощущать приближение паники. Вещество, из кото-

рого состоял Взиир, начало пульсировать, его энергетический уровень упал до видимого спектра. Взиир был настолько обескуражен безуспешными попытками установить контакт с гуманоидами, что на некоторое время утратил даже свою сферическую форму, распавшись на несколько лентообразных структур, которые удерживались вместе только благодаря тому «я», которое называлось Взиром. Наконец, справившись с отчаянием, Взиир принял свою обычную сферическую форму и еще раз внимательно осмотрелся.

Корабль ушел от планеты Взиира уже на расстояние в половину солнечной системы. Теперь надежды на возвращение не было никакой, и тем не менее Взиир продолжал попытки вступить в контакт с гуманоидами хотя бы для того, чтобы убедиться окончательно, что это невозможно.

— И вдруг — открытый для восприятия мозг! Мозг не окруженный стеной! Чудо! Радостный и возбужденный Взиир ворвался в этот мозг.

«Выслушайте, пожалуйста. Негуманоидный мыслящий организм
по
нелепой случайности был погружен в ваш корабль. В
психологическом и биологическом отношении этот организм
не
способен длительно находиться в условиях вашей планеты.

Приносит извинения за нарушение графика движения и просит
вернуть на родную планету, надеется, что эта просьба является
выполнимой. Понимаете ли вы меня?

Выслушайте, пожалуйста. Негуманоидный мыслящий организм
по
нелепой случайности...

Глава 2

Лейтенант Фолкирк пошел отдыхать сразу же после старта. Это было очень кстати. Он был ответственным за погрузку, а работы было более чем достаточно, чтобы от усталости не чувствовать под собой ног.

Необходимо было проверить тщательнейшим образом содержимое каждого ящика, оформить все документы, ввести все данные о весе, характере, габаритах грузов в корабельный компьютер и еще масса различных мелочей. Теперь же, когда корабль стартовал с планеты и остальные члены экипажа были вплотную заняты сложными маневрами старта и выхода на расчетную траекторию, у него появилась возможность всласть выспаться. Как только корабль стартовал, лейтенант Фолкирк на добрых шесть часов устроился в гамаке. Где-то далеко внизу двигатели ощетинились гигантскими иглами ослепительного пламени и разгоняли корабль до крейсерской скорости, которой они достигнут раньше, чем Фолкирк проснется.

Основательно вымотанный за время погрузки, лейтенант погрузился в дрему... скоро Земля... неплохой рейс получился: трюм полный, масса интересных минералов, много новых видов лекарственных растений... и он уснул. Около получаса он наслаждался долгожданным отдыхом. Тело его расслабилось, мозг отдыхал.

До тех пор, пока мрачный сон не посетил его.

Глубокий пурпурный солнечный свет, жаркий и мрачный. Что-то скользкое коснулось его мозга. Он лежал на широкой белой плите посреди выжженной пустыни. Он не мог пошевелиться, дыхание стало стесненным. Возникло ощущение неимоверной тяжести, давящей и крушащей его кости. Вокруг двигались какие-то смутные фигуры в капюшонах, они смеялись, тыкали в него пальцами и переговаривались на незнакомом языке. Кожа плавилась и меняла свою структуру, ему казалось, что иглы дикобраза проткнули каждую пору его тела. Вокруг него беспрерывно вспыхивали яркие огни. Боль. Боль. Боль. Кровь стучала в висках с силой стартового ускорителя. Он задрожал всем телом, немыслимым усилием поднял руку, ухватился за что-то и с трудом сел.

Открыл глаза, просыпаясь, весь мокрый от холодного пота, обессиленный и опустошенный; в ушах его еще звенел собственный крик, полный боли и отчаяния. Лейтенант-командир Родригес тряс его за плечи.

— Ты в порядке?

Фолкирк попытался ответить, но слова исчезли. Галлюцинаторный шок, понял он. Мозг бросил все резервы на защиту от галлюцинации. Опытный, тренированный астронавт, каким и был лейтенант Фолкирк, быстро справился с шоковым состоянием и хрипло ответил:

— Плохой сон. Кошмар. Не кошмар, а чудо. Никогда в жизни не было сновидений такой интенсивности.

Родригес немного успокоился. Не стоило особенно волноваться из-за ночного кошмара.

— Может таблетку примешь?

Фолкирк отрицательно помотал головой.

— Нет, не стоит. Я управлюсь и так.

Но память о кошмаре еще долго продолжала преследовать его. Прошло больше часа, прежде чем он смог снова уснуть. Сон его был чуток и неглубок, словно мозг его был начеку, ожидая возвращения странного и мрачного сновидения. До его вахты оставалось еще около часа, когда его разбудил душераздирающий крик из дальнего угла каюты. Лейтенант-командир Родригес кричал во сне. Он увидел плохой сон.

Глава 3

Когда месяц спустя корабль опустился на Землю и в порту приписки был подвергнут обычной в таких случаях процедуре очищения и обеззараживания, каждый получил свое. Внешняя обшивка корабля была очищена мощнейшими потоками, спроектированными так, чтобы любой самый маленький организм, принесенный из космоса, был уничтожен. Экипаж в закрытой капсуле был доставлен прямо в карантинный блок космопорта. Только здесь после многочисленных процедур очищения, они могли снять скафандры. Воздух и внутренние помещения корабля были подвергнуты шести различным стадиям очищения и обеззараживания, начиная от вентиляции и фильтрации воздуха и кончая часовой бомбардировкой нейтронами в вакууме всего корабля.

Все эти процедуры доставили Взиру массу неприятностей, уже хотя бы потому, что его энергетические ресурсы были значительно истощены отчаянием и бесплодными попытками установить контакт с членами экипажа корабля, который доставил его на Землю. Теперь ему пришлось адаптироваться ко всем этим утомительным режимам, следующим без перерыва один за другим. Даже наиболее приспособленный к адаптации организм имеет определенный предел. Взиир бесконечно устал и к тому времени, когда все операции по обеззараживанию были закончены, он был едва ли способен к анализу окружающего.

Но вот в трюм хлынула кислородно-азотная атмосфера и установилось постоянное давление. После утомительной процедуры очищения эта атмосфера пришлась Взииру даже по вкусу. Люк грузового отсека был открыт, роботы начали выгрузку контейнеров на самоходные платформы. Взиир выбрал подходящий момент, выпустил несколько щупалец и выбрался из трюма. Он оказался на бетонном квадрате космодрома, окруженном массивными зданиями. На голубом небе сияло желтое солнце, все вокруг заливало инфракрасное излучения, но Взиир быстро адаптировался к окружающим условиям.

Он справился даже с отчаянием, охватившим его при виде этого уродливого чуждого мира, где он не мог даже установить контакт даже установить контакт ни с одном гуманоидом. Что же делать? Как вернуться на свою планету? Пока Взиир ощущал только закрытые для контакта умы гуманоидов. Только время от времени ему удавалось проникнуть в открытый мозг, но и тогда он не мог установить истинного контакта. Его изгоняли и мозг скрывался за стеной, недоступной для Взиира, словно его мысленное послание раздражало гуманоидов.

Может быть, здесь все будет по-другому. Может быть, у тех шестерых на корабле были слабые способности к мысленному общению. Может быть, здесь он найдет гуманоидов, более способных и подготовленных к контакту. Возможно. Возможно. Близкий к отчаянию Взиир стремительно пересек космопорт и направился к зданию, в котором он нащупал большое количество открытых для контакта гуманоидов. В здании находилось огромное количество гуманоидов и среди них было немало таких, чей мозг был открыт. Отыскав ближайший такой мозг, Взиир осторожно коснулся его своими нервными окончаниями и стал передавать свое отчаянное послание:

«Постарайтесь меня понять. Я не причиню никакого вреда. Я — негуманоидный мыслящий организм, оказавшийся на вашей планете,

благодаря несчастливому стечению обстоятельств. Помогите мне вернуться

на родную планету...»

Глава 4

Кардиологическое отделение госпиталя Лонг-Айлендского космопорта находилось на первом этаже массивного

здания. Как и всегда госпиталь был полон пациентов — многие люди все еще плохо переносили космические путешествия, большинство из пассажиров космических лайнеров были госпитализированы здесь же, в космопорту, для их же блага, и кардиологическое отделение не страдало отсутствием пациентов.

В это время здесь находилось человек двенадцать с инфарктами различных степеней, около десятка — после операции на сердце, кроме того было пять человек, ждущих операций на подкорке мозга, и десяток с различными сердечно-сосудистыми заболеваниями. Большая часть пациентов находилась в поле пониженной гравитации той или иной степени, в зависимости от заболевания и только выздоравливающие находились в обычном земном тяготении, чтобы их отремонтированные или совсем новые сердца работали с полной нагрузкой. Госпиталь Лонг-Айлендского космопорта пользовался прекрасной репутацией и имел самую низкую смертность среди госпиталей такого рода в Западном Полушарии.

Кончина двух пациентов в одно утро стала ударом для всего медперсонала госпиталя.

В 09.07 на контрольном табло отделения загорелась красная табличка: «Летальный исход» против фамилии миссис Мальтонадо, 87 лет, после имплантации сердца, до этого времени чувствовавшей себя хорошо. Она поступила в госпиталь с сердечной недостаточностью, возвращаясь из круиза в районе Титана. Учитывая ее возраст, ей не стали выращивать новое сердце, а просто заменили искусственным и в течение двух недель все шло хорошо. Сведения о ее состоянии поступали по телеметрической сети на главный контрольный пункт госпиталя: кровяное давление — ноль, пульс — ноль, дыхание — ноль. Ноль, ноль, ноль. Лента электроэнцефалограммы показала высокий всплеск нервной активности за две минуты до летального исхода. Реанимационная аппаратура, установленная возле кровати миссис Мальдонадо, начала работать задолго до прибытия дежурной группы врачей, однако все усилия врачей и послушных умных автоматов не смогли вернуть к жизни нестарую еще женщину. Одновременное поражение больших полушарий мозга сделало реанимацию невозможной.

В 09.28 произошла вторая смерть. Внезапно умер мистер Гиннес, 51 года, перенесший три дня назад операцию — у него была закупорка кровеносных сосудов мозга. Операция прошла прекрасно. Пациент чувство-

над себя хорошо. В момент смерти, он, как и миссис Мальдонадо, мирно спал в своей палате. Затем последовал внезапный скачок мозговой активности, были поражены большие участки обеих полушарий мозга. Реанимационная аппаратура не могла ему ничем помочь, хотя, разумеется, было сделано все возможное. Электроэнцефалограмма с характерным всплеском была разительно похожа на электроэнцефалограмму миссис Мальдонадо.

— Все это выглядит так, будто кто-то подкрался к ним на цыпочках и смертельно напугал их,— сказал один из докторов, разглядывая данные регистрационной аппаратуры, при этом он ткнул пальцем в высокий пик, зарегистрированный электроэнцефалограммой в момент смерти обоих пациентов,— или будто у них было необыкновенно «живое» кошмарное видение, с которым они не смогли справиться. Но ведь не было никакого шума ни в одной из палат. И потом, кошмары, это ведь не инфекция, которая может передаваться.

Глава 5

Доктор Питер Мукхерджи, глава невропатотологического отделения, только начал обход своего отделения, расположенного на шестом уровне госпиталя, когда в наушнике его переговорника возник безупречно вежливый, лишенный интонаций голос диспетчера-робота:

— Ответьте, пожалуйста, карантинному блоку. Незамедлительно ответьте карантинному блоку.

— Они могут подождать. У меня это самый напряженный период рабочего дня, и...

— Вас просят *немедленно* прибыть в карантинный блок.

— Послушайте, мне сейчас предстоит сеанс телепатотерапии с девушкой, находящейся в коматозном состоянии уже несколько лет. Я — единственная нить, связывающая ее со всем миром. И если я не проведу сеанс вовремя...

— Доктор Мукхерджи, вам надлежит *немедленно* отправиться в карантинный блок.

— Зачем этим карантинщикам понадобился невропатолог, да еще так срочно? Дайте мне провести сеанс с этой девушкой, и минут через сорок пять я смогу посетить карантинный блок...

— Доктор Мукхерджи...

С машиной спорить бесполезно. Мукхерджи справился с возрастающим раздражением и, вздохнув, отправился в карантинный блок. Вспыльчивость, любовь к жгучим приправам и телепатический талант были фамильной чертой поколений Мукхерджи. Все еще в плохом расположении духа он набрал свой код, вызвал Главный компьютер и внес изменения в свой рабочий график.

— Надо как-то выделить свободных полчаса. Что-то экстраординарное случилось в карантинном блоке. Да ты ведь знаешь об этом.

Главный компьютер был в принципе неплохой парень, он даже позаботился предоставить доку Мукхерджи скоростной одноместный роллербагги, подкатившийся к выходу в ту минуту, когда Мукхерджи появился на пороге Главного Корпуса. За каких-нибудь три минуты роллер доставил дока Мукхерджи через весь космопорт к карантинному блоку, не дав ему времени окончательно справиться с раздражением. Сканирующее устройство, встроенное в дверь, хладнокровно проглотило его жетон и невыразительным голосом сообщило, что его ждут в палате № 403.

За дверью по № 403 Мукхерджи обнаружил ординаторскую, разделенную на две секции. Дальняя секция относилась к собственно зданию карантинного блока, вторая же секцию, отгороженная массивной прозрачной стеной, была предназначена для посетителей карантинного блока. За прозрачной стеной, на жестких кушетках в напряженных, неуютных позах расположились шестеро осунувшихся астронавтов. Перед стеной нервно вышагивали три сотрудника карантинного блока. Раздражение Мукхерджи немного улеглось, когда он увидел, что один из карантинщиков его старый друг по колледжу, японец Ли Накадаи. Они довольно часто встречались во время ленча, здесь в госпитале, но напряженная работа иногда на месяц или больше разлучала их. Накадаи сразу перешел к делу.

— Питер, тебе приходилось слышать об эпидемии одинаковых кошмаров по ночам у разных людей?

— Что? Что?

— Эти парни пару часов назад прилетели из рейса к звезде Нортона. Их физическое состояние в полном порядке — пять десяток, и я бы их выпустил из карантина, если бы не забавная история с этими кошмарами. У них у всех ярко выраженное нервное истощение, которое, как они говорят, является результатом почти месячного...

бодрствования. Практически целый месяц ребята толком не спали. Причина, ведомо, в том, что как только кто-нибудь из них засыпал, его тотчас же посещал невероятно яркий и «живой» кошмар. Все это настолько необычно, что я решил вызвать специалиста по невропатологии и провести необходимые тесты и анализы. Может они подхватили вирусное заболевание мозга, может что-то еще похуже.

Мукхерджи нахмурился:

— Из-за этого ты оторвал меня от обхода?

— А ты поговори с ними, может это немного успокоит тебя и заинтересует. Случай редкий.

Мукхерджи внимательно осмотрел астронавтов:

— Ну что там у вас, ребята, насчет этих снов? Выкладывайте.

Поднялся высокий ширококостный офицер, представившийся как лейтенант Фолкирк, и рассказал следующее:

— Я был первой жертвой. Это случилось сразу же после старта. У меня было такое ощущение, будто кто-то буквально касался моего мозга и наполнял его жуткими картинами. Причем все выглядело совершенно реально, пока продолжался этот сон или кошмар, называйте это как хотите. У меня было ощущение, что мое тело стало превращаться во что-то другое, я чувствовал, как из всех пор сочилась кровь. Видимо, все как в обычном плохом сне, но только э... этот кошмар был более реальным. Раз в десять более реальным. Нет, в пятьдесят раз, пожалуй. Совершенно реальный, «Живой», я бы сказал. Через несколько часов после этого то же самое случилось с Родригесон. Его навестили другие образы, но яркость и реальность этих образов были точно такие же, как и в моем сне. А потом, по мере того, как у ребят подходило время отдыха, их всех тоже поднимали с постели жуткие сновидения. Двое наших три недели подряд глотали транквилизаторы. Мы ведь все крепкие, закаленные люди, прошедшие специальную подготовку к тому же. Если бы простому человеку, не астронавту, пришлось бы целый месяц жить, зная, что эти кошмары здесь, рядом, я не знаю... Да, дело-то не в образах — в их яркости, реальности. Абсолютно «живые» сновидения.

— И они все время возвращались, эти кошмарные сны? Все время, пока ваш грузовик шел к Земле? — спросил явно заинтересованный док Мукхерджи.

— Да. Каждый раз. Стоило только задремать. Даже самое сильное снотворное плохо помогало. Эти сны

приходили, стоило только уснуть. Просто эпидемия какая-то.

— Когда это случилось в последний раз?

— Во время последней смены, буквально перед посадкой.

— С тех пор, как вы вышли из корабля, кто-нибудь из вас спал?

— Нет,— ответил за всех лейтенант Фолкирк.

— Один из астронавтов добавил:

— Док, лейтенант, похоже не совсем точно растолковал вам что к чему. Это были такие кошмары, от которых можно свихнуться, прочем запросто. Нам повезло, что у нас остались крупицы здравомыслия. Если, конечно, они остались.

Мукхерджи забарабанил кончиками пальцев, пытаясь вспомнить похожий случай в истории подобных патологических отклонений, но не смог припомнить даже чуть похожего. Он знал о случаях массовых галлюцинаций; их было много за долгую историю человечества, когда целые толпы людей видели чертей, огненные знаки на небе и многое другое. Но вряд ли можно было представить следующие одна за другой направленные галлюцинации, из вахты в вахту, преследующие крепких, несуеверных астронавтов. Это была бессмыслица.

Накадаи обратился к Мукхерджи:

— Питер, у ребят есть одна догадка, правда, несколько фантастическая, но может быть...

— Так, что за догадка? — перебил его Мукхерджи. Лейтенант Фолкирк принужденно рассмеялся и сказал:

— Честно говоря, это, конечно, чистая фантастика...

— И все же?

— В общем мы подумали, что это могла быть какая-то телепатическая штуковина с той планеты, которая каким-то образом пробралась на корабль, или была нечаянно погружена вместе с продукцией. Эта штука, очухавшись, стала бродить по кораблю и заглядывать к наши мозги, как только мы засыпали.

— Вполне возможно,— добавил другой астронавт,— что это существо, проделав с нами весь путь, находится до сих пор на корабле, а может даже бродит где-то в городе.

— Невидимое Ночное Чудовище Кошмаров,— сказал Мукхерджи, слабо улыбнувшись,— вряд ли это можно принять на веру.

— Но ведь есть же так называемые «телепаты»,— запальчиво сказал Фолкирк.

— Это я знаю,— резко оборвал его Мукхерджи,— я сам — телепат.

— О, извините, док, у меня и в мыслях не было...

— Но мне не приходит в голову, тем не менее,— продолжал Мукхерджи более доброжелательным тоном,— искать телепатов под каждым кустом. Я не могу управлять этой вашей штуковиной, понятно? Мне кажется более вероятным предположение, что вы заразились каким-то заболеванием мозга, которое, как энцефалит, передается от одного к другому и вызывает похожие дурные сновидения.

Астронавты помрачнели, обескуражено поглядывая на докторов.

— Я не утверждаю, что это именно так,— продолжал доктор Мукхерджи,— это просто, рабочая гипотеза, одна из многих. Мы, конечно, узнаем гораздо больше, после того как вас обследуют более тщательно.

Посмотрев на часы, Мукхерджи обратился к Накадаи:

— Ли, вряд ли я смогу установить сейчас что-то более верное, а поэтому я возвращаюсь к моим пациентам. Ребятам следует пройти полное нейрофизиологическое обследование. Проследи, пожалуйста, чтобы данные обследования по мере поступления отправлялись ко мне. Составь скользящий график, пусть спят по очереди по двое через равные промежутки времени. Я пришлю тебе одного из своих технарей, чтобы он помог тебе управиться с телеметрической аппаратурой. Если у кого-то из этих парней повторится то, что было на корабле, дай мне знать немедленно.

— Хорошо.

— И дай им просмотреть и подписать телепатические тесты. Сегодня же вечером я сделаю первые пробы с каждым из ним на выявление их телепатических особенностей, сразу же после того, как ознакомлюсь с данными обследования. Так, ну, полный карантин, это само собой. Я уверен, ты сделаешь все как надо, Ли.

Накадаи молча покивал головой. Мукхерджи одарил шестерых подавленных астронавтов профессионально-бодрой улыбкой и отправился в свой корпус. Вирусное заболевание мозга? Он не был твердо уверен, какая из этих версий нравилась ему больше. А может быть, у всех жутких сновидений, преследующих горстку людей, заточенных в металлической коробке космического трай-

лера, найдется какое-нибудь прозаическое и даже скучное объяснение — что-нибудь вроде бактерий в корабельном рационе, или глупейшей неисправности в бортовом рециркуляторе воздуха. Все может быть.

Глава 6

Когда ЭТО случилось в первый раз, Взиир не понял до конца, что же собственно произошло. Едва он успел коснуться мозга гуманоида, как получил неистовый отпор. Испуганный такой реакцией, Взиир отступил. Когда же через несколько мгновений он попытался снова вступить в контакт с этим мозгом, то не смог его обнаружить. Может быть, подумал Взиир, это какой-нибудь специальный механизм, ограждающий человеческий мозг из воздействия извне. Однако, это было маловероятно, поскольку мозг гуманоидов и без этого был защищен достаточно эффективно.

Еще находясь на борту космического корабля и пытаясь установить контакт с астронавтами, Взиир понял, что мозг гуманоидов защищен от воздействия извне и что гуманоидам не нравилось, когда Взииру удавалось проникнуть в незащищенный мозг — он понял это по тому возмущению, которое возникало в мозге, стоило только коснуться его.

Но такого полного отсутствия признаков жизни в мозге, которого он только что касался, никогда раньше не отмечалось. Никаких сигналов вообще. Пустота. Озадаченный таким поворотом дела, Взиир решил еще раз коснуться открытого мозга, расположенного неподалеку от мозга исчезнувшего гуманоида.

— Прошу вас, выслушайте меня; я являюсь негуманоидным мыслящим организмом. По несчастному стечению обстоятельств, меня доставил с моей планеты земной корабль, я хочу только одного...

И снова могучий всплеск энергии — страх, ужас, боль, шок. Через мгновение все это исчезло. Мозг перестал излучать энергию вовсе.

— Где вы? Где вы?

Обеспокоенный окончательно, Взиир решил перейти в видимый спектр, чтобы понять, что же наконец происходит. Его не остановил даже тот факт, что при этом он сам становился видимым для человеческого мозга. Он перестроил свою структуру и обнаружил, что находится

в палате госпиталя. Прямо напротив него, в кровати, лежал человек, явно без признаков жизни. Вокруг кровати было расположено множество приборов, на которых вспыхивали красные точки. К кровати со всех сторон быстро приближалось несколько человек в одинаковой форме. На их лицах читалось напряжение с некоторой долей изумления.

Внезапно Взиир все понял. Человеческое существо в кровати прекратило свое существование, как и то, первое, когда Взиир коснулся его мозга!

Взиир немедленно перестроился в невидимый для человеческого глаза спектр и забился в дальний угол палаты. Ему нужно было немедленно разобраться в том, что же произошло.

Дано: два человеческих существа погибли.

Дано: у обоих гуманоидов существование прекратилось сразу после его, Взиира, прикосновения к мозгу этих существ.

Вопрос: является ли мысленная связь с этими существами причиной их гибели?

Сама возможность подобной ситуации повергла Взиира в отчаяние. Все его тело превратилось в плотный шар, мысленные процессы почти остановились. Если его попытки установить мысленный контакт с гуманоидами ведут к летальному исходу, то его надежды на получение помощи и возвращении на родную планету равны нулю. Как он может пытаться установить контакт, когда гуманоиды...

И тут Взиир вспомнил свое путешествие на борту земного корабля. Он десятки раз пытался установить контакт с членами команды, правда, безуспешно, но ни один из них не прекратил существования. Это было совершенно очевидным подтверждением тому, что люди вполне в состоянии переносить вторжение Взиира в человеческий мозг. Таким образом, сам факт попытки установить контакт с открытым мозгом землянина не мог стать причиной смерти этих двух гуманоидов.

Возможно, Взиир по чистой случайности коснулся мозга этих двух существ именно в тот момент, когда они находились на краю естественной смерти. Может быть, место, в которое попал Взиир, предназначено для гуманоидов, пришедших к концу своего жизненного пути. Погибли бы гуманоиды, если бы с его стороны не было попытки контакта? Или сама попытка контакта прервала последнюю тонкую ниточку, связывающую гуманоида с

существованием? Этого Взиир на знал. Он чувствовал себя не в своей тарелке оттого, что никак не может разобраться в сложившейся ситуации. Одно он понял со всей очевидностью: времени у него оставалось все меньше. Если он не найдет способа связаться каким-либо образом с гуманоидами, то у него скоро начнется процесс распада обмена веществ, затем последует стадия отвердения внутренним органов, затем он потеряет способность к адаптации... и смерть.

Выбора у Взиира не было. Продолжать пытаться установить контакт с мозгом землянина — вот единственный путь к спасению. Осторожно и неторопливо Взиир начал ощупывать ближайшие к нему источник биотоков — мозг человека. Но все они были закрыты.

Особенно Взиира интересовала следующая проблема: закрыт ли мозг гуманоидов от вторжения чуждых им мыслящих существ или же он закрыт и для непосредственной связи «мозг/мозг» между самими гуманоидами. Во всяком случае, до сих пор Взииру не удавалось обнаружить телепатической связи межу гуманоидами. Что за странная раса!

Может быть, еще больше повезет на другом уровне этого огромного здания? И Взиир просочился под дверью в коридор, по служебной лестнице перебрался на следующий этаж. Полный надежд, Взиир еще раз настроил свои приемные рецепторы. Вот мозг — закрыт. И еще, и еще. Но вот, наконец, открытый мозг. Взиир тщательно подготовился к передаче своего мысленного послания. Во избежание неприятностей он на этот раз снизил силу проникновения в мозг гуманоида.

— Внеземное мыслящее существо ищет помощи...

Ответ был явно отрицательным и резким. Взиир немедленно отступил, он подождал некоторое время, внутренне напрягшись. А вдруг и эта попытка вызвала прекращение существования гуманоида? Но мозг продолжал свою деятельность, только теперь он был закрыт стеной, через которую Взиир не мог пробиться. Отчаяние охватило Взиира — еще одна неудача. Ни на одно мгновение не возникло чего-нибудь даже отдаленно напоминающего двусторонний телепатический контакт. Был ли еще какой-нибудь путь установить контакт с мозгом гуманоида? Справившись с охватившим его отчаянием, Взиир отправился на поиски очередного открытого для контакта мозга. А что ему еще оставалось делать?

Глава 7

Визит в карантинных блок занял у доктора Мукхерджи около сорока минут. Это время было безвозвратно потеряно, оторвано от его ежедневного утреннего обхода. Это было неприятно. Он не мог обвинить персонал карантина за странный случай с астронавтами, целый месяц страдавшими от слишком ярких и «живых» кошмаров. В карантине не было своего нейрофизиолога. Однако, Мукхерджи считал, что даже такой случай, несмотря на его необычность, не был достаточным основанием для срыва его графика. Что бы там не происходило с этими парнями, ответ все равно найдется. В настоящее время астронавты надежно изолированы, и Накадай вполне мог сам провести необходимые тесты и анализы, прежде чем вызывать его. И вот итог: сорок минут, столь важных для его пациентов, безвозвратно потеряны.

Однако, начав ежедневный обход, Мукхерджи взял себя в руки и успокоился. Он прекрасно понимал, что его раздражение может только повредить пациентам. Сделав все необходимые приготовления, Мукхерджи направился к своему первому пациенту — Сатине Рэнсом. Подходя к двери палаты, он уже был спокоен и дружелюбен.

Сатина лежала на боку с закрытыми глазами. Это была худенькая девушка шестнадцати лет с волосами цвета соломы, длинными и густыми. Ее окружала паутина проводов, уходящих в контролирующую систему. Уже четырнадцать месяцев она находилась в бессознательном состоянии, двенадцать месяцев из этих четырнадцати она провела в неврологическом отделении госпиталя Космопорта. Доктор Мукхерджи уже шесть месяцев был ее лечащим врачом.

В качестве развлечения во время каникул родители Сатины взяли ее с собой на один из курортов Титана, в сезон, когда кольца Сатурна можно наблюдать во всей их красе. С большими трудностями они достали места в куполе Галилея, но именно в это время случилось титанотрясение и более сотни туристов погибли, получив большую дозу метановой атмосферы Титана. В тот трагический момент Сатина стояла рядом с гидом, который успел надеть на нее кислородную маску. Сатина вдохнула всего лишь один глоток ядовитого метана и выжила. Ее родители и младший брат погибли. С того самого момента Сатина не приходила в сознание. Месяцы ис-

следований, проведенные в Госпитале Космопорта, показали, что никакие важные центры мозга не были повреждены, все остальные внутренние органы тоже были в порядке. Но она не продолжала оставаться в состоянии комы несмотря на все ухищрения врачей. Она просто не хотела приходить в сознание. Доктор Мукхерджи считал, что это была реакция организма на шок; ведь когда сознание вернется к ней, она вспомнит катастрофу и осознает, что осталась одна. Доктор Мукхерджи установил телепатический контакт с сознанием Сатины, но пока не смог вернуть ее в мир живых людей.

Мукхерджи готовился к контакту. Дело это было непростое. Контакт отнимал не меньше сил, чем, например, заучивание глав из «Гамлета». Вопреки мнению обывателей, Мукхерджи не мог «читать» интимные мысли людей. Для того, чтобы установить телепатическую связь с мозгом конкретного человека, нужно было найти «волну», на которой мыслит человек, а это удавалось не сразу и не всегда, и требовало каждый раз напряжения всех сил. Способность к телепатии в семье Мукхерджи культивировалась уже без малого двенадцать поколений, чему способствовали также и тщательно спланированные браки. Да, Питер Мукхерджи имел большие телепатические способности, чем все его предки, однако потребуется еще не одно столетие, прежде чем из семьи Мукхерджи выйдет по-настоящему сильный телепат. Во всяком случае Питеру повезло: он мог открыто пользоваться своим даром и приносить людям счастье, излечивая их от различных психических расстройств. В недавнем прошлом, в далекой Индии, мужчинам из семейства Мукхерджи приходилось скрывать свой дар, чтобы не быть сожженными на костре. Раньше считалось, что подобным даром могут обладать лишь колдуны и оборотни.

Медленно, но твердо Мукхерджи опустил свою смуглую руку на тонкое запястье девушки: мысленный контакт возможен только в сочетании с физическим. Он сосредоточился и начал вызывать мозг девушки. Месяцы лечения не прошли даром: Сатина отозвалась почти сразу:

— Кто это? Это вы, доктор?

— Да, Сатина, это я. Как ты чувствуешь себя сегодня?

— Отлично, просто отлично.

— Тебе хорошо спалось?

— Да. У меня все так покойно.

— Поздравляю. Но неужели тебе не хочется взглянуть на все, что происходит вокруг? Сегодня чудесный летний

день. Солнышко сегодня какое-то особенно ласковое, а небо голубое-голубое. Отличный денек, чтобы искупаться в море, а? Ты любишь купаться в море?

Мукхерджи призвал на помощь все свое воображение и передал в мозг девушки картоны купания: ласковый ветер, яркое солнце, разбег и прыжок в воду, теплая, чуть зеленоватая вода, ощущение тяжелых капель на коже, веселый смех друзей.

— Я лучше останусь здесь, доктор.

Она не хотела купаться. Видимо, соблазны купания были недостаточно сильны. Однако, силы доктора были на исходе. Итак, и сегодня ему не удалось вывести ее из состояния комы. Он еще раз мысленно нащупал источник травмы, погрузившей ее мозг в шоковое состояние. Да, вот здесь закрытый полностью участок, и даже сквозь мощную защиту Мукхерджи ощутил спрятанный там ужас.

Мелькнули обрывки воспоминаний первых минут катастрофы: пол, уходящий из-под ног, трещина в куполе, клубы ядовитого газа, резкая боль, жесткие рамки кислородной маски, глоток воздуха, темнота, страх, страх, пустота. Но ведь люди оправлялись и после более сильных трагедий и бедствий. Почему же она предпочитает оставаться в беспамятстве?

Она усиленно боролась с его влиянием, закрывалась в своем добровольном изгнании из мира людей. Мукхерджи верил, что однажды ее защита ослабнет, и тогда ему удастся разбудить ее сознание. Но сегодня он уже не мог пробиться через ее защитные барьеры. Доктор вернулся к более близким уровням ее сознания.

— Тебе уже давно пора в школу, Сатина.

— Нет еще, каникулы были такие короткие!

— Сколько длились каникулы?

— Около трех недель. Разве не так?

— Твои каникулы продолжаются уже четырнадцать месяцев.

— Не может быть. Мы вылетели на Титан совсем недавно. За неделю до рождества, так ведь? И потом...

Сколько тебе лет, Сатина?

— Мне будет пятнадцать в апреле.

— Этот апрель уже прошел. И следующий тоже. Два месяца назад тебе исполнилось шестнадцать лет. Шестнадцать лет, Сатина.

— Но это же неправда, доктор. Разве вы не знаете, как отмечается шестнадцатилетие у девушек. Это же

настоящий праздник. Родители сказали мне, что устроят в этот день настоящий бал. Я позову всех своих друзей. Будут играть девять роботов на синтезаторах. Пока что ничего этого не было. Как же мне может быть шестнадцать, доктор? Сигналы, поступающие в мозг Сатины, стали затухать.

— Мы еще поговорим... об этом, Сатина... в другой раз... завтра, утром...

— Не уходите так быстро, доктор!

Но силы уже покинули Мукхерджи. Контакт прервался. Медленно приходя в себя, он поднялся на трясущихся ногах и вышел в холл. Прислонился к стене. Вытер пот со лба. Стыдно, подумал он. Уже полгода я занимаюсь этой девчушкой и все еще не сдвинулся с мертвой точки. Нет, таким путем он никуда не придет. После первых обнадеживающих контактов он не сдвинулся с места. Ее состояние оставалось на прежнем уровне.

Доктор Мукхерджи сделал глубокий вдох. Подавляя в себе попытки неудовлетворенности собой, он медленно направился к следующему пациенту.

Глава 8

Операция проходила нормально. Дюжина студентов-третьекурсников следила за тем, как док Хаммонд проводил операцию, уткнувшись в экраны мониторов, установленных в просмотровой камере. У пациента, шестидесятилетнего мужчины была опухоль мозга. Его голова была тщательно обрита, и на ней цветными линиями были нанесены контуры внутренний отделов мозга. Хирург заканчивал настройку лазерной установки, луч которой и служил скальпелем. Самая нудная и тяжелая стадия операции была закончена, оставалоеь лишь включить лазерную установку на полную мощность. Нейрохирургия, использующая в качестве скальпеля лазерный луч, была абсолютно безопасной. Луч лазера, толщиной в миллионную долю дюйма, проникал на любую заданную глубину и отсекал опухоль, на задевая здоровых тканей мозга. Самое главное заключалось в точном определении размеров и местоположении опухоли, все остальное — дело техники. После того, как луч был установлен под определенным углом, с операцией мог справиться любой интерн.

Доктор Хаммонд проделал уже не одну сотню подобных операций, эта — ничем не отличалась от прочих. Но вот

приготовления закончены. Доктор Хаммонд подает знак, и на контрольном табло загорается россыпь разноцветных огней.

И вдруг, в тот самый момент, когда луч лазера проник в мозг пациента, его лицо исказилось от животного страха, словно усыпившие его наркотики вызвали в его сознании какие-то страшные кошмарные видения. Вот он открыл глаза, всем показалось, что он хочет закричать, тело его забилось в конвульсиях, голова резко откинулась вправо, луч лазера, продолжая работать на полной мощности, разорвал здоровые ткани далеко от того места, где находилась опухоль, и левую часть лица пациента парализовало. Студенты обескуражено переглянулись и зашумели. Доктор Хаммонд сохранил достаточное присутствие духа и резким движением выключил лазерную установку. Он быстро повернулся к контрольному табло и стал считывать показания многочисленных датчиков, следивших за состоянием больного. Опухоль осталась неповрежденной, зато большая часть правой стороны мозга оказалась разрушенной.

— Немыслимо,— прошептал доктор.

Что могло заставить пациента, находящегося под наркозом, дать такого «козла» на операционном столе?

— Немыслимо, немыслимо,— продолжал бормотать доктор Хаммонд, еще раз анализируя показания приборов, установленных на реанимационной капсуле, в которой находился больной. Сейчас уже было не до опухоли, вопрос стоял о жизни и смерти пациента.

Глава 9

К четырем часам пополудни доктор Мукхерджи закончил свой обход. Он осмотрел всех пациентов, составил и передал на Главный Компьютер Госпиталя отчет о проведенной работе, он даже нашел время пообедать. Теперь он мог со спокойной совестью отдохнуть. У него было четыре часа свободного времени. Он мог пойти в холостяцкую, по-спартански комнату в общежитии для медперсонала, или сыграть пару партий в теннис. Следующий обход начинался в восемь вечера. Но утренние события в карантинном блоке вновь завладели его мыслями. Накадаи прислал данные тотального обследования астронавтов около двух часов назад. Мукхерджи внимательно изучил эти материалы, но не обнаружил ничего

экстраординарного, хотя что-то обеспокоило его тогда. Доктор Мукхерджи вернулся в ординаторскую и еще раз просмотрел данные обследования, проведенного Накадаи.

Внимательно изучил Мукхерджи все показания, но не нашел в них ничего интересного. Все было в пределах нормы, включая энцефалограммы всех шестерых астронавтов. Из показаний следовало, что эти парни остро нуждаются в отдыхе, так как недосыпали целый месяц, но ничего кроме этого приборы и тесты не установили. Не обнаружено ничего похожего на нервное истощение или психологические отклонения в работе мозга.

Откуда же тогда эти кошмары? Он набрал номер Накадаи и механический голос тут же отозвался:

— Карантин.

Через минуту на экране появилось тонкое лицо Накадаи:

— Привет, Пит. Я как раз собирался позвонить.

— Я только что закончил обход и вот сижу над результатами твоего обследования. Тут нет ничего, Ли, *ничего*.

— Я так и думал.

— А как эти ребята? Ты должен был сразу известить меня, как только кот-то из них...

— В том-то и дело, что сегодня ни у одного из них нет не только кошмаров, но по-видимому, и обычных снов. Фолкирк и Родригес легли спать в одиннадцать, дрыхнут, как малые дети, Шмидт и Кэррол отправились спать в половине второго, около трех попадали в гамаки Уэбстер и Шлавон. Сейчас все шестеро спят, как убитые. Я навешал на ребят арсенал приборов, но они им не мешают, как я понял. Хочешь посмотреть данные?

— Нет, нет. Если у них нет кошмаров, это данные мне мало помогут.

— Значит, ты собираешься покопаться в их черепных коробках вечером?

— Не знаю, не знаю,— пожался Мукхерджи,— я предполагаю, что не обнаружу там ничего интересного, но давай оставим этот вариант открытым. Я закончу вечерний обход часам к одиннадцати, и если появится какая-то причина покопаться, как ты говоришь, в их головах, я сделаю это. Послушай, Ли, они утверждают, что каждого из них посещал один и тот же кошмарный сон, как только они засыпали?

— Именно так.

— А сейчас они впервые спят вне корабля и никакие сны их не тревожат. Если я правильно понял, сейчас нет вообще никаких отклонений. Знаешь, Ли, я начинаю разделять точку зрения этих ребят, хотя утром она показалась мне дикой.

— О том, что галлюцинации были вызваны каким-то живым существом?

— Да, что-то в этом роде. Кстати, что там с их «коробкой»?

— Корабль прошел все положенные процедуры обеззараживания и теперь находится в изолированной зоне космопорта. Он будет там стоять, пока мы не разберемся, что к чему.

— Я мог бы побывать на корабле?

— Ну, конечно! Только я не понимаю, зачем, тебе...

— В том немыслимом случае, если они действительно привезли с собой какое-то живое мыслящее существо, то, может быть, мне удастся его обнаружить. Если это существо все еще на корабле, конечно. Как быстро ты можешь уладить дело с пропуском и прочими формальностями?

— Мне хватит десяти минут. Потом я заскочу за тобой.

— О'кей.

Вскоре Накадаи подъехал к главному корпусу на скоростном роллере и подал Мукхерджи скафандр.

— А это зачем?

— Может быть тебе захочется подышать там на корабле, а там вакуум. Мы решили, что будет лучше, если на корабле не будет земной атмосферы. Мало ли что. И потом, там ведь произвели бомбардировку нейтронами и остаточный уровень радиации еще высок.

Мукхерджи молча залез в скафандр.

Они подкатили к кораблю: обычный межзвездный грузовик с гравитонными двигателями, он выглядел маленьким и очень одиноким в этом пустом секторе космопорта. Накадаи остался в роллере.

Мукхерджи вошел в тамбур, люк наружной обшивки мягко опустился за его спиной. Медленно и осторожно шел Мукхерджи по отсекам корабля, как человек, заблудившийся ночью в дремучем лесу. Мозг его был настроен на прием телепатической передачи:

— Ну, давай, давай. Если ты здесь, откликнись,— взывал мысленно Мукхерджи, но никто ему не отвечал. Корабль был пуст. Если это существо проникло в мозг спящего гуманоида, то в специально открытый для кон-

такта мозг проникнуть ему не составляло труда. Но на всех уровнях восприятия была тишина. Тщательно проверив все помещения корабля, Мукхерджи вышел удовлетворенный осмотром.

— Здесь нет никого и ничего,— сказал он поджидавшему Накадаи.— Мы по-прежнему ничего не узнали.

Глава 10

Отчаяние Взиира все возрастало. Он ходил по зданию госпиталя целый день. По снижающемуся уровню солнечной радиации, проникающей в окна помещений, Взиир понял, что приближается ночь. На каждом уровне он находил открытые, не защищенные барьером, но активные, излучающие биоэлектрическую энергию умы гуманоидов, однако контакт так и не состоялся. Всякий раз, когда Взиир касался мозга, он получал решительный отпор. Правда, случаев прекращения существования гуманоидов больше не было. Но не было и столь желанного для Взиира контакта. Он не мог поверить, что на всей планете нет мозга гуманоида, который был бы в состоянии выслушать его, а потому продолжал контакты. Ничего другого ему не оставалось. Он надеялся, что не причинял большого вреда тем, кого он пытался склонить к контакту.

Может быть, вот этот мозг захочет выслушать Взиира и помочь ему. И Взиир в сотый раз начал рассказывать свою печальную историю.

Глава 11

Половина десятого пополудни. Доктор Питер Мукхерджи, усталый и бледный после очередного телепатического сеанса, обходил свое нейрофизиологическое отделение. Отделение было более чем хлопотное: шизофрения, Сатина с ее комой, десяток истерик, несколько параличей и т. д. Этого вполне хватало, чтобы работать по шестнадцать часов кряду. Но это же способствовало быстрому развитию и укреплению телепатических способностей молодого доктора. В один прекрасный день его служба в госпитале кончится, и он сможет получить практику в любой точке планеты. Престиж госпиталя Космопорта очень высок. Да, в один прекрасный день... А пока надо было работать с полным напряжением сил и мечтать

следовало только о ближайшем будущем. Скоро он закончит вечерний обход и сможет выспаться, а завтра все начнется сначала. Но тут его мысли прервал приглушенный механический голос:

— Доктор Мукхерджи, немедленно ответьте доктору Бейли, он у себя в кабинете.

Бейли? Главврач неврологического отделения все еще за работой. С чего бы это? Подобные вызовы нельзя игнорировать. Мукхерджи передал в Главный Компьютер, что его вызывает главврач, и быстро пошел по направлению к кабинету, где на матовом стекле красовалась надпись:

«Доктор Самюэль Ф. Бейли.
Главврач»

Когда Мукхерджи вошел в кабинет, там было уже больше половины врачей их отделения, а также несколько старших врачей из других отделений. Доктор Бейли, крепкий мужчина пятидесяти лет, просматривал ленты отчетов. Увидев Мукхерджи, он приветливо кивнул ему, хотя они никогда не были в особенно дружеских отношениях. Доктор Бейли принадлежал к старой школе невропатологов и относился к телепатии, как к инструменту лечения, с большой долей скептицизма.

— Как я уже сказал, — продолжал доктор Бейли, — эти рапорты поступали в течение целого дня. И все почему-то направлены к нам, в неврологию. Вот, послушайте: два сердечника, находившиеся в состоянии покоя, внезапно подверглись резким шокам, которые один из лечащих врачей назвал перегрузкой нервной систему пациентов. Оба они умерли. Еще один пациент, проходящий курс лечения по восстановлению функций эндокринной железы, во время сна испытал тоже столь сильную нервную перегрузку, что его придется оставить в госпитале еще на полгода. Далее; пациент, которому делали операцию по удалению опухоли на операционном столе, несмотря на то, что находился под наркозом, в результате чего большая часть головного мозга повреждена лазером. И так далее. По всему госпиталю наблюдаются такие вот серьезные случаи. По данным Главного Компьютера, еще четырнадцать человек помимо тех, что я назвал, в течение последних одиннадцати часов проснулись от чрезвычайно сильных сновидений, насыщенных отрицательными эмоциями, о чем свидетельствуют данные электрокардиограмм. У всех этих пациентов наступило в той или иной мере ухудшение физического и психологического состояния. Контрольный центр, связанный с Глав-

ным Компьютером Госпиталя, не смог отыскать подобной эпидемии кошмаров за всю историю существования госпиталя. Нет причин считать виновником этих событий рацион питания госпиталя и питьевую воду. И тем не менее, находящиеся в состоянии покоя пациенты продолжают страдать от кошмаров. Есть опасение, что те пациенты, которые находятся в тяжелом состоянии или спят после операций, подвергаются сейчас большому риску. Уже проведена определенная работа по возвращению к бодрствованию наиболее тяжелых больных, многим другим изменены режимы сна и процедур. Пока эти меры вполне эффективны, но проблему в целом они не решают, и если эта «эпидемия» продлится и завтра... — Бейли остановил взгляд на Мукхерджи, затем после паузы продолжил:

— Контрольный центр подготовил только одну гипотезу: некто, обладающий мощным телепатическим потенциалом, внедряет в мозг спящих людей какие-то образы, принимающие характер чрезвычайно сильного кошмара. Доктор Мукхерджи, считаете ли вы такое возможным?

— Такое вполне возможно. Однако, мне трудно представить, что какой-то человек, телепат, разгуливает по госпиталю с единственной целью — внушать кошмары спящим пациентам. Но у меня есть вопрос, связывает ли Контрольный Центр эти события с тем, что произошло в Карантинном Блоке?

Бейли озадаченно посмотрел на кипу перфолент и диаграмм на своем столе и спросил:

— А что, собственно произошло в Карантинном Блоке?

— Сегодня из рейса вернулись шесть астронавтов, которые рассказали о том, что целый месяц не могли спать из-за непрекращающихся кошмаров. Доктор Ли Накадаи проводил тщательный осмотр и тестирование, и пригласил меня в качестве консультанта. Однако мне не удалось выяснить чего-нибудь стоящего. У меня в ординаторской наверняка уже находятся отчеты о дальнейших обследованиях, но...

— Контрольный Центр занимается делами внутри Госпиталя, и не может отвечать за весь Космопорт. И даже если эти астронавты и страдали дурными сновидениями во время рейса, то я не вижу, причем здесь «эпидемия кошмаров», о которой мы...

— В том-то и дело, — не совсем вежливо перебил его Мукхерджи, — у них у всех были кошмары во время рейса. А вот теперь они все отдыхают с самого утра, и сон их ничто не тревожит. Зато в госпитале началась

«эпидемия» очень сильных галлюцинаций, возникающая только у спящих. Это может означать только одно — то, что тревожило астронавтов, перебралось в госпиталь. Это нечто, доведшее тренированных, крепких ребят до нервного истощения и натворившее столько бед у нас, где-то здесь, рядом с нами.

Мукхерджи заметил, что не только Бейли, но и все остальные смотрят на него в каком-то оцепенении:

— Простите, для вас это все выглядит слишком фантастично, но я занимаюсь этой проблемой с самого утра, и уже немного освоился с ней. Хотя идея сложилась в единое целое только сейчас, когда я узнал подробно о событиях в госпитале. Я не утверждаю, что все это именно так. И тем не менее, такое же предположение было высказано сегодня утром самими астронавтами, только сейчас я понял, что это вполне возможно. Мне кажется, что такая гипотеза наиболее полно отвечает тому, что происходит в госпитале, а поэтому считаю, что мы должны проверить ее как можно быстрее, если не хотим потерять еще несколько десятков человеческих жизней.

— Хорошо, доктор,— сказал Бейли,— как вы предполагаете произвести расследование?

Вопрос ошеломил Мукхерджи. Он с самого утра занимался этим странным случаем, но о том, как надо провести расследование в масштабе всего госпиталя, он не думал. И вот Бейли назначает его своим вопросом ответственным за решение этой более чем странной проблемы, даже не спросив его. Отказываться конечно нельзя, уже хотя бы потому, что он, Мукхерджи, единственный телепат на весь госпиталь. Да и потом, если по госпиталю действительно разгуливает какое-то телепатическое существо, то кто же, как не телепат может его обнаружить.

Справившись с охватившим его волнением, Мукхерджи сказал:

— Ну что же. Начнем с того, что мне нужны подробные отчеты о случаях галлюцинаций с точным указанием места и времени...

Глава 12

Сейчас они готовятся к самому грандиозному празднику зимы — Фестивалю перемен. Тысячи и тысячи Взиров направляются сейчас к Долине Песков, этому естественному гигантскому амфитеатру, где происходят самые свя-

щенные ритуалы. К этому времени пришедшие первыми Взииры уже заняли места, и теперь, повернувшись на запад, ждут восхода светила. Постепенно вся долина заполняется до предела его соотечественниками, по мере того, как они соберутся на Фестиваль, они будут едины в этот последний радостный миг фазы метаморфоз. Они будут соревноваться друг с другом в искусстве изобретать все новые и новые формы, в этом поистине кульминационном периоде, завершающем фазу метаморфоз. А потом... потом первые лучи светила коснутся Иглы, вознесенной выше самой высокой горы, и по всей планете прокатится волна радости и веселья, ибо это — начало фазы Стабильности их новых изумительных форм, и вот уже Взииры поднялись в небо, они танцуют и сверкают в свете высоко поднявшегося светила... они поворачиваются друг к другу, они проникают друг в друга и тогда...

Нет, об этом лучше не думать, Взиир старался как мог не думать об этом величайшем из праздников, хотя это было совсем не просто. Ностальгия с новой силой навалилась на все его существо. Никакое чудо не смогло бы уже доставить его на Фестиваль вовремя, и тем не менее он не мог до конца поверить в это.

Пытаться и дальше установить контакт с гуманоидами — дело безнадежное. В этом Взиир уже убедился. Может быть, попробовать так — сделать сое тело видимым для гуманоидов, а уж потом рискнуть заговорить с ними?

Но Взиир был так мал и беспомощен, а гуманоиды так велики и так недружелюбны. Нет, это было слишком опасно.

Глава 13

Ну что ж, хорошо,— устало сказал Мукхерджи и взглянул на часы. Без четверти двенадцать. Почти полночь.— Мне кажется, мы достаточно четко представляем себе маршрут этого телепата-невидимки.

Он сидел перед огромным на всю стены экраном дисплея, на котором трехмерное изображение Госпиталя мерцало красными точками и желтыми пунктирными линиями. Красными точками были обозначены места, где были зарегистрированы случай кошмарных сновидений, а желтые пунктиры показывали предполагаемые маршруты того, что (а может быть — кто) было причиной этих кошмаров.

— Это существо, — продолжал Мукхереджи, — проникло в госпиталь вот здесь. Скорее всего — сразу после приземления корабля и попал в кардиологию. Вот здесь находится палата, где лежала миссис Мальдональдо, а вот здесь находится кровать, на которой спал мистер Гиннес, так? Так. Затем он поднялся на второй уровень и прошел его справа налево, пытаясь «поговорить» с пациентами. Красные точки обозначают случаи галлюцинаций во сне. Это произошло между десятью и одиннадцатью часами утра. Затем час и десять минут прошли в полном спокойствии. Следующий случай, и очень трагичный произошел на третьем уровне в нейрохирургии... — в этом месте своего сообщения, которое Мукхереджи делал для всего персонала Госпиталя, он закрыл глаза. Однако красные точки и желтые пунктиры он все равно видел совершенно отчетливо. После короткой паузы Мукхереджи продолжил:

— Таким образом можно предположить, что источник сновидений в настоящее время находится между пятым и восьмым уровнями. Сейчас он движется намного медленнее, чем утром. Возможно у него иссякает энергия. Нам необходимо принять меры, которые закроют ему путь на другие уровни, и рассчитать места его наиболее вероятного обнаружения в ближайшие часы.

Один из сотрудников отдела безопасности осторожно заметил:

— Доктор, а как прикажете разыскивать это что-то или кто-то, если оно невидимо?

С трудом справившись с охватившим его раздражением, Мукхереджи ответил:

— Видимый для нашего глаза спектр не является единственным видом электромагнитных колебаний, известных во всей вселенной. Если эта штука живая, то она все равно испускает какое-либо излучение. У нас есть гигантский электронный мозг, датчики которого установлены по всему зданию в огромных количествах. Разве нельзя перестроить их работу так, чтобы они улавливали ультрафиолетовую и инфракрасную часть спектра? Или, может быть, рентгеновские лучи, ну я не знаю, что там еще. Мы ведь пока не знаем, в какой части спектра искать. Послушайте, что-то инородное таится где-то в этом здании, мы не можем этого увидеть, но компьютер-то вполне может справиться, пусть он ищет.

Слово взял доктор Бейли.

— Может быть, то, что мы ищем, испускает только телепатические волны. Так может быть, доктор?

Мукхерджи пожал плечами:

— Насколько мне известно, телепатические импульсы находятся вне спектра электромагнитных колебаний. Именно поэтому, я собственно, собирался пройти по этажам и попытаться обнаружить это существо телепатическим путем. Я займусь этим сразу после совещания.

Затем он повернулся к Накадаи:

— Ли, что новенького у твоих арестантов?

— Все шестеро проспали по восемь часов кряду и ни у одного не случилось никаких отклонений от нормы. Они видели какие-то сны, конечно, но это были обычные сны. Сегодня же я попросил их поговорить с пациентами госпиталя, которые испытали на себе воздействие галлюцинаций. Все они пришли к выводу, что характер видений, их психологический настрой, непременное ощущение безмерного одиночества и ужаса были общими для всех кошмаров и у астронавтов и у пациентов госпиталя.

— Это лишний раз подтверждает гипотезу появления инородного мыслящего существа,— резюмировал психолог Госпиталя, доктор Мартинсон,— которое бродит по госпиталю и пытается рассказать нам, людям, как оно хочет вернуться на родную планету, а эти рассказы, эти попытки контакта люди воспринимают в виде дурных снов...

— Кстати, доктор, а почему он все время пытается вступить в контакт только со спящими людьми? — внезапно спросил один из интернов.

— Похоже, оно может устанавливать контакт только с мозгом спящего человека, скорее всего мозг бодрствующего человека не может воспринять его мыслепередачи.

— А мне кажется, вы строите догадки на пустом месте. Ведь нет никаких данных. Вот вы сидите и толкуете о каком-то телепатическом субъекте, внедряющем в головы людей кошмары, но ведь причиной их может быть и вирус и какая-нибудь ерунда во вчерашнем ужине, да мало ли что. А может...

Нот тут Мукхерджи перебил сотрудника отдела безопасности.

— Все эти и много других версий были проверены и отвергнуты, как несостоятельные. Мы работаем сейчас именно над этой гипотезой, потому, что именно эта гипотеза, несмотря на всю ее фантастичность, позволяет объяснить накопившийся у нас фактический материал. И потом, никакой другой гипотезы у нас нет.

— С вашего разрешения я, пожалуй, начну осмотр здания.

Сопровождаемый двумя интернами и сотрудником отдела безопасности, Мукхерджи вышел из конференц-зала. Под его пальцами, прижатыми к вискам, часто и напряженно бился пульс.

Глава 14

Сатина Рэнсом зашевелилась во сне, вытянулась, успокоилась. Она смотрела вверх, где сквозь прозрачный купол отеля мерцающим пламенем светились кольца Сатурна. Ничего более грандиозного она никогда не видела. Отсюда с Титана, были хорошо видны все кольца, вращающиеся с различными скоростями вокруг гигантского ярко-желтого тела планеты.

Но что это? Что за шум? гром? Но на Титане не бывает гроз. Вот опять. Сильный и все нарастающий грохот. Почва ушла из-под ног. Что это? Трещина в куполе!

Нет, нет, нет! Свист уходящего воздуха, грязно-серый туман проникает сквозь трещину в куполе, люди падают, каждый хватает себя за горло. Что произошло? Сатурн падает на нас! Боже, что за вонь! Нет! Нет!

Сатина закричала. Судорога свела ее тело. Она продолжала кричать и всхлипывать, погружаясь в спасительную пучину шока, беспамятства. Она была благодарна этому шоку, надежно прикрывшему ее мозг от ужаса действительности.

Глава 15

Мукхерджи, сопровождаемый сотрудником отдела безопасности и интернами, добросовестно обошел почти все здание. Он побывал в помещениях, о которых не имел представления, не знал, что они вообще существуют. Его мозг был настроен на прием мыслепередач на всех возможных уровнях, однако не обнаружил ничего похожего, ни одного всплеска телепатической энергии ни в одном из самых глухих уголков здания. Впрочем это его не удивило. Его ничего уже не удивляло, ибо он хотел только одного — спарь, спать, спать. Теперь, когда закат был уже близок, спать хотелось особенно сильно. Он был

согласен даже на дурные сны в любых количествах. Он устал сверх всякой меры.

Но инопланетное телепатическое существо затаилось где-то рядом, больные страдали от невероятно сильных галлюцинаций, и он должен найти это существо, чего бы это ему не стоило. За последние полтора часа было зарегистрировано еще три случая: двух пациентов на пятом уровне и одного на шестом разбудили жуткие кошмары. Больных успокоили довольно быстро. Мукхереджи стало страшно за своих умственно неуравновешенных пациентов. Шестой уровень — неврологическое отделение. Если это существо начнет вступать в контакт с его пациентами, это наделает непоправимые беды. Правда, Главный Компьютер уже «научился» распознавать очередную жертву кошмара за тысячную долю секунды и будить больного до того, как начнется основная часть внедрения чужеродного мозга. Однако, это обстоятельство мало успокаивало Мукхереджи — он слишком хорошо понимал, что может натворить пришелец с его пациентами, даже попытка контакта мозг-мозг, а поэтому хотел только одного — поскорее найти пришельца и удалить его из неврологического отделения.

Но как?

Возвращаясь к себе на шестой уровень, Мукхерджи вдруг вспомнил высказывание доктора-психолога Мартинсона:

— Оно может установить контакт только с мозгом спящих людей. Мозг бодрствующего человека, скорее всего, закрыт для контакта.

Получается, что мозг бодрствующего телепата так же закрыт для мыслепередачи этого существа. Значит ли это, что ему следует лечь спать и ждать пока чужак не наткнется на его открытый мозг? Нет, конечно это ерунда. Он ведь ничем не отличается от остальных спящих людей и всего лишь увидит дурной сон и не сможет вступить в контакт. Нет, это не решение. Вот если бы он мог через мозг спящего человека, видящего тот же дурной сон, вступить в контакт с чужаком-телепатом, то тогда он смог бы... Черт возьми, Сатина!

Сатина.

Очень может быть. Может быть. Разумеется, он должен сначала убедиться в том, что это не повредит Сатине. У нее и без того горя хватает. И потом, она ведь будет только посредником, я дам ей свою силу, ее мозг будет

под защитой, и в то же время поможет установить контакт. Это может сработать. Может.

Не раздумывая больше, Мукхерджи направился в палату Сатины. Опустился в кресло возле ее кровати и взял ее за руку.

— Сатина?

— Разве уже утро, доктор?

— Нет еще, Сатина, но у нас в Госпитале сегодня происходят странные вещи, и ты могла помочь мне разобраться в них. Конечно, ты можешь отказаться, но я хочу тебе сказать, что своим согласием ты поможешь не только всем нам, но и самой себе. Слушай меня внимательно и потом скажешь, согласна ты или нет...

Помоги мне, господи, подумал Мукхерджи.

Глава 16

Одинокий, печальный и опустошенный Взнир уже несколько часов даже не предпринимал попыток вступить в контакт. Какая была от этого польза? Сколько раз он не пытался, результат всегда был одинаков: он доводил себя до изнеможения явно раздражал гуманоидов.

Здешнее светило уже должно скоро взойти. Взнир намеревался выскользнуть из здания как только потоки солнечной радиации хлынут на землю и убрать все защитные покровы. Это будет очень быстрая смерть, с которой и кончатся все его мытарства. Мечты же о возвращении на родную планеты бесплодны и нереальны, лучше совсем выбросить их из сознания. Сейчас нужно подготовиться к...

Что это?

Его кто-то зовет. Отчетлив и дружелюбен этот зов:

— Приди ко мне. Расскажи мне все. Чем я могу помочь тебе?

Взниром овладело такое волнение, что он несколько раз переходил из инфракрасной в ультрафиолетовую область спектра, испуская потоки энергии. Наконец он справился с собой и определил направление, откуда исходит этот зов. Это было совсем рядом, в конце коридора, где Взнир находился.

— Приди ко мне.

— Да, да.

Выпустив мысленные щупальца до предела Взнир устремился на зов.

Глава 17

Мукхерджи, подключенный к мозгу спящей Сатины, почувствовал приближение чего-то мощного и жуткого. Вот он почувствовал ни с чем не сравнимое ощущение проникновения одного мозга в другой. Затем в подсознании Сатины, которое стало приемником чужих мыслей, стали возникать картины: стена высотой с Эверест — Сатина карабкается на эту стену, задыхаясь и обрывая ногти; внизу в клубах ядовитого тумана возникли жуткие монстры с длинными конечностями, увенчанными жуткого вида иглами-когтями. Они ждали, когда Сатина упадет со стены. Стена вырастала все выше и выше. Сатине не хватает воздуха, невидимая рука стискивает ее сердце, готовое разорваться от страха...

— Не бойся, Сатина, ничего этого нет на самом деле. Это просто иллюзии. В реальной жизни ничего этого нет.

— Да, да. Я уже поняла это. Но мне все равно страшно.

Все ее тело сотрясалось от неудержимой дрожи, глазные яблоки судорожно вращались под плотно сжатыми веками. Как долго она сможет переносить этот нарастающий кошмар?

— Пусть эти видения войдут в мой мозг, Сатина. Пусти их в мой мозг.

Сатина не понимала, чего он хочет. Ну, да, Мукхерджи и без нее знал, как это сделать. Сейчас, когда решительный момент был так близок, у него вдруг появились дополнительные силы, несмотря на то, что он смертельно устал. Мысленная энергия Мукхерджи решительно проникла в мозг Сатины и вымела оттуда все чужеродные кошмары, словно паутину. Он и Сатина, вдвоем они сумеют устоять. Теперь мозг Питера Мукхерджи нес основную нагрузку контакта, теперь они смогут посмеяться над галлюцинациями и даже подивиться их реальности и красочности.

Мукхерджи сквозь мозг Сатины и все жуткие видения послал сильный импульс:

— Ты не мог бы убрать все эти видения?

— Нет,— ответило что-то прямо в мозгу Питера,— они порождение ваших сознаний, а не моего. Я даю только импульс, а ваше сознание само генерирует видения.

— Хорошо. Кто ты и что тебе здесь нужно?

— Я — Взиир.

— Кто-кто?

— Так называются индивиды, на той планете, откуда доставил меня ваш корабль. По чистой случайности, вместе с грузом.

Мукхерджи почувствовал резкий толчок, последовавший за этими бесплотными словами, толчок, полный печали и одиночества.

— Я хочу только одного — вернуться на свою планету. Я ведь не хотел попасть на Землю. Это произошло совершенно случайно.

И это то самое существо, которое наделало столько шума? Это и есть наш монстр-чужак с далеких звезд, принесший на Землю смерть и кошмары.

— Зачем ты внедряешь галлюцинации в мозг людей?

— Это не входило в мои намерения. Я просто пытался установить мысленный контакт. Но в системе мышления гуманоидов, наверное, какой-нибудь дефект. Я не знаю. Не знаю. Я так устал. Можешь мне помочь?

— Мы, разумеется, отправим тебя домой,— пообещал Мукхерджи.— Объясни мне, как отыскивать тебя. Покажись мне. Я уведомлю руководителей космопорта, и тебя с первым же кораблем отправят на твою планету.

Секундное замешательство. Тишина. Контакт, похоже, прервался.

— Что случилось? Где ты? — мысленно воззвал Мукхерджи.

— Могу ли я довериться тебе? Может быть ты хочешь увидеть меня, чтобы уничтожить. Если я доверюсь тебе, то...

Мукхерджи в гневе закусил губу. Силы его были на исходе, он с огромным трудом поддерживал контакт. Ситуация требовала мер отчаянных и решительных.

— Послушай, Взиир. Мои силы иссякают. Я не могу больше поддерживать контакт и эта девушка, через мозг которой я говорю с тобой, тоже устала беспредельно. Я открою тебе свой мозг, войди в него... А потом уже решай, как тебе быть. Повторяю, я помогу тебе добраться до твоей планеты, если ты доверишься мне. Он смял все защитные экраны. Его мозг был обнажен.

Взиир устремился в его мозг.

Глава 18

Кто-то потряс его за плечо. Мукхерджи начал медленно приходить в себя. Над ним стоял Ли Накадаи. Осмотревшись, он понял, что находится в палате Сатины. Сквозь

окно проникал серый свет раннего утра. Значит, он был без сознания буквально несколько минут. Его голова гудела, как набатный колокол.

— Мы давно присматриваем за тобой Пит.

— Уже все в порядке,— с трудом пошевелил языком Мукхерджи,— уже все нормально.

Мукхерджи потряс головой. Он все вспомнил. Где же он? А... Вот. Рядом с кроватью Сатины лежало странное существо, размером с лягушку, но тело это существа не имело постоянной формы и цвета. Оно все время менялось.

— Это Взиир,— сказал Мукхерджи своему однокашнику, кивнув на инопланетянина.— Это тот самый чужак, генерирующий кошмары. Я и Сатина подружились с ним. Мы уговорили его показаться нам в нормальном видимом спектре. Послушай, Ли, ему очень плохо у нас. Не мог бы ты быстро связаться со своим начальством и объяснить им, что у нас здесь случайно оказалось существо с другой планеты, со звезды Нортона, и что его нужно отправить назад как можно скорее, и что...

— Вы доктор Мукхерджи?

— Да, это я. Мне, конечно, следовало бы представиться, теперь, когда... *ты* проснулась???

— Сейчас уже утро, не так ли,— улыбнувшись сказала девушка, садясь в кровати,— я почему-то представляла вас гораздо старше и гораздо солиднее. Мне очень нравится такой цвет кожи.

— *Ты пробудилась?*

— Я видела очень страшный сон. Или, лучше будет сказать, мне снилось, что я вижу странный и страшный сон. Но потом, когда этот сон прошел, мне стало так легко. Мне вдруг показалось, что если я и дальше буду спать, то я пропущу массу интересных вещей.

Мукхерджи вдруг осознал, что у него трясутся колени.

— Шоковая терапия,— пробормотал он.— Послушай, Сатина, нам нужно будет обсудить с тобой вместе очень и очень много, но только не теперь. Хорошо? Позже. А сейчас я должен срочно идти к главврачу доктору Бейли. потом я немного посплю и приду к тебе. Часов в шесть вечера. Хорошо?

— Ну, конечно,— улыбнулась Сатина. Раз вам надо идти, идите. Я же теперь в полном порядке. Идите. У вас очень усталый вид.

Поцеловав свою выздоровевшую пациентку в щеку, Мукхерджи стремительно вышел из палаты, увлекая за

собой Накадаи. Выйдя в коридор, Мукхерджи взял своего друга за локоть:

— Ли, отвези Взиира в свой Карантин и помести его в удобной для него атмосфере. Растолкуй на космодроме, что к чему. Надо отправить его домой. Астронавтов можешь теперь выпустить. А я срочно бегу к Бейли, пока сам не свалился с ног.

— Конечно, тебе нужно отдохнуть, Пит. А за Взиира не беспокойся, я сделаю все необходимое. Мукхерджи направился в кабинет главврача, по пути вспоминая радостную улыбку Сатины, чувство надежды и облегчения, излучаемое Взииром, дурные сны многих людей, которые уже не повторятся.

— Приятных сновидений! — крикнул ему Накадаи и помахал рукой.

ПЛАМЯ И МОЛОТ

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Глава 1

В ту ночь, когда палачи Имперского Проконсула пришли, чтобы забрать его отца, Рес Дуайер силой заставил себя выполнять свои обязанности в Храме, как обычно. Они схватили старика как раз перед заходом солнца, когда он собирался пойти в Храм. Рес слышал об этом от другого из послушников, но, сцепив зубы, продолжал свое дело. Оно должно было быть сделано. Отец не захотел, чтобы нормальный распорядок жизни в Храме был бы нарушен.

Напрягая мускулы, Дуайер покатил тележку с древней атомной пушкой по стене Храма и направил ее ствол на усыпанное звездами небо. Ствол угрожающе высовывался с края стены Храма Солнц, но никто в Элдрине — и менее всех сам Рес — не принимал пушку всерьез. Ее ценность была чисто символической. Из нее не стреляли двенадцать столетий.

Ритуал предписывал, чтобы она была нацелена в небо каждую ночь. Выполнив это, Рес повернулся к послушникам Храма, следившим за его действиями.

— Мой отец вернулся? — резко спросил он.

Послушник, завернутый в церемониальное одеяние зеленого цвета, сказал:

— Еще нет. Он все еще на допросе.

Рес сердито постучал по холодному стволу орудия и взглянул вверх, на звездное небо Элдрина.

— Они убьют его,— прошептал он.— Он умрет, прежде чем выдаст секрет Молота. И тогда они придут за мной.

«А я не знаю этого секрета» — добавил он молча. В этом была вся ирония происходящего. Молот — миф, вероятно, уцелевший из мифологии седой древности, почему-то вдруг он понадобился Империи.

Он пожал плечами. Возможно Империя забудет об этом через несколько дней, люди Императора имеют обыкновение так делать. Здесь, на Элдрине, Империя редко тревожит их.

Он прильнул к прицелу орудия.

«Там вверху, десять дредноутов имперского флота. Видишь их? Они вынырнули из Скопления в четыре часа. А теперь смотри!»

Его пальцы бегали по мертвой панели управления орудием.

«Паф! Паф! Миллион мегаватт в каждом выстреле! Смотри, как рассыпаются эти звездолеты! Смотри, как залпы орудия пробивают защитные экраны!»

Сухой голос позади него произнес:

— Сейчас не время для игр, Рес Дуайер. Мы должны молиться за твоего отца.

Дуайер повернулся. За ним стоял Лугаур Хольсп, второй после отца человек в иерархии Храма и, своим ростом в шесть футов три дюйма, когда стоит без каблуков, второй по росту после самого Реса среди всех людей Храма Солнц. Хольсп был жилистым, паукообразным человеком. В редкие минуты расслабления темные тени ложились на его скулах.

Дуайер покраснел.

— С пятнадцати лет, Лугаур, я поднимаю это орудие стволом в небо с наступлением ночи, каждый день вот уже восемь лет. Я отвлекаю себя, чтобы снять напряжение.

Он неловко сошел с прицельной площадки. Казалось, что послушники посмеиваются над ним.

— Такое легкомыслие неуместно здесь,— холодно сказал Лугаур.— Проходи внутрь. Нам нужно поговорить о создавшемся положении.

Все началось семью неделями раньше, на Дервоне, родной планете Императора Дервона-14, столичной планете Галактической Империи. Дервон-14 был стариком. Пятьдесят лет он правил Империей, это ужасно большой период владычества над тысячью солнц и десятки тысяч обитаемых миров.

Ему удалось править так долго из-за унаследованного эффективного механизма правления от своего отца Дервона-13, который придерживаться пирамидальной структуры порученной ответственности: на верху был Император, у которого было два главных советника, каждый из которых имел двух советников, а те в свою

очередь имели тоже двух советников. К тому времени, когда система достигала тридцатого или сорокового уровня, приказания распространялись на миллиарды людей.

К старости Дервон-14 стал усталым сморщенным стариком, с вечно слезящимися глазами. Он любил одеваться в желтое и ежеминутно вздыхать. И им овладела одна всепоглощающая идея-фикс: Империя должна быть сохранена.

На это также были направлены усилия двух, склонившихся перед ним советников: Барра Сопиана — Министра ближайших миров, и Коруна Говлека — Министра Внешних границ. С картой в руке к Дервону-14 подошел Говлек и стал рассказывать о волнениях вдоль внешних краев Империи.

— Восстание, сир,— сказал он и стал он и стал ждать, когда старческие глаза сфокусируются на нем.

— Восстание? Где? — было видно, что черты старого Императора становятся жестче, он стал более важным, более внимательным к происходящему вокруг и отложил гороигрушку, с которой играл.

— Название системы, сир, Элдрин, в девятом секторе. Эта система состоит из семи миров, все они обитаемы, когда-то она была очень сильной, даже если исходить из галактических масштабов.

— Кажется, мне известна эта система,— произнес Император.— Так что там за восстание?

— Оно началось на третьей планете системе Дрикрана. Мир, который занят главным образом добычей полезных ископаемых и населен упрямыми, непримиримыми людьми. Они призывают к бунту против имперской администрации, к отказу платить налоги и даже, простите, убийству Императора!

Дервон-14 вздохнул.

— У них далеко идущие намерения.

Он снова поднял игрушку и крутнул ее, вглядываясь в ее внутренности, не отводя взгляда от сверкающего калейдоскопа вспыхивающих в ней огоньков. Корун Говлек терпеливо выжидал, пока Император развлекался. Наконец, он остановил игрушку и, подняв кристаллический кубик, который лежал рядом, резко сказал:

— Элдрин!

Это был приказ, а не обычное заявление. Кристалл мгновенно передал его в глубины дворца монарха, где непрерывно и усердно работали Хранители Информации.

Бюро Информации было во многих отношениях ключом к Империи, ее сердцем, так как здесь хранились сведения, которые позволяли управлять Империей и пятьюдесятью триллионами человек.

Через несколько мгновений необходимые данные были у Императора. Дервон-14 посмотрел на листы, появившиеся на столе и стал читать, часто мигая глазами:

«Элдрин — система из семи планет, присоединенная к Империи в Год 6723 после войны длительностью в восемь недель. Прежде была независимой и имела собственных вассалов. Население, согласно последней переписи Года 7940 составляет шестнадцать миллиардов человек.

Главная планета Элдрин с населением в 4 миллиарда в настоящее время управляется жрецами, оставшимися от древнего правительства. Главным среди многих религиозных течений является культ поклонения солнцу, главной идеей которого является утверждение, что жрецы обладают легендарным молотом Элдрина.

Молот Элдрина — оружие неизвестной мощности, которым в настоящее время обладает правящий Верховный Жрец Элдрина, некто Бейл Дуайер. Свойства этого оружия неизвестны, но согласно легенде оно было изготовлено во времена присоединения системы Элдрина к Империи и будет использовано, когда наступит подходящее время для свержения самой Империи.

Дакран — вторая наиболее населенная планета системы Элдрина, с населением около трех миллиардов человек. Суровый мир, лишенный плодородных почв, живущий только за счет разработки минералов. Восстание и неповиновение сборщикам Налогов Империи началось в Год 7106, но были подавлены, было уничтожено 14 миллионов жителей. Лояльность по отношению к Империи в высшей степени сомнительна.»

Император поднял взгляд от листов с описанием системы Элдрина.

— Этот Дакран — именно там восстание? А не Элдрин?

— Да, сир. На Элдрине пока все спокойно. Дикран — пока единственная восставшая планета.

— Странно. Обычно первой поднимается столичная планета.

Нахмуренные брови вызывали появление глубоких морщин на лбу Дервона.

— Но я отваживаюсь на предположение, что они

не заставят себя ждать и присоединятся к дакранцам, как только наметится успех на успешное совершение восстания.

И Император надолго умолк. Корун Говлек оставался в напряженной позе, слегка склонив туловище выше талии вперед, и ждал. Он знал, что позади поблекших глаз старика находился мозг великого мыслителя. Действительно, нужно быть великим мыслителем, и стратегом, чтобы удерживать Империю от распада в течение пятидесяти лет в такие трудные времена.

Наконец Император сказал:

— У меня есть план, Корун. Такой, который избавит нас от многих будущих затруднений в системе Элдриина, а в особенности на Элдрине самом.

— Да, сир?

— Это мифологический Молот, которым владеют жрецы, с помощью которого они собираются свергать нас. Мне не нравиться это. Предположим, что мы велим нашему Проконсулу на Элдрине конфисковать этот Молот, если он на самом деле существует. После этого мы используем этот пресловутый Молот для уничтожения восставших Дикранцев. Это будет хороший психологический ход.

Министр улыбнулся.

— Великолепно, сир. Я полагал в простоте своей, что мы пошлем несколько крейсеров для подавления восстания. Но ваш план намного лучше!

— Хорошо. Уведомьте Проконсула о нашем плане и уполномочьте его найти Молот. Меня держать постоянно в курсе событий. Если у вас есть еще что-то, то решите дела сами. У меня разболелась голова.

— Мое сочувствие, сир,— сказал Корун Говлек.

Выходя из приемной Императора, он увидел, что старец поднял игрушку и снова уставился в ее ошеломляющее вращение.

Приказ Императора долго шел вниз по инстанциям, от советника к советнику, от бюро к бюро, пока наконец через много дней достиг ушей Фоллемона Дарюэла, Имперского Проконсула на Элдрине.

Дарюэль был миролюбивым, склонным к размышлениям человеком, который предпочитал превзойти древнего поэта в переводах на языки Галактики, сбору Налогов с недовольных обитателей системы. В его деятельности было одно утешение — ох был назначен на Элдрин, а нее на суровую соседнюю планету Дикран, где недоволь-

ство высказывалось вслух и жизнь Проконсула подвергалась опасности.

Молот Элдрина? Он пожал плечами, когда приемный кристалл выдал информацию. Молот был мифом, причем таким, что не делал чести Империи. Теперь же славный Император возжелал его.

Очень хорошо, согласился Феллемох Дарюэль. Приказ Императора вряд ли можно игнорировать. Он вызвал своего советника, стройного молодого человека с Собрайла, Дивога Хойта, и сказал:

— Поднимите взвод солдат и отправляйтесь к Храму Солнц. Там нужно арестовать человека.

— Кого?

— Бэйла Дуайера.

Дивог Хойт отпрянул в недоумении.

— Как, Верховного Жреца? Но зачем?

— Настала необходимость допросить его,— сказал мягко Дарюэль.— И проведете его ко мне.

Хмурясь от столь неожиданного и щекотливого предложения, Хойт отсалютовал и покинул Проконсула.

Менее чем через час, он был пунктуальным и исполнительным работником, он вернулся, приведя Бэйла Дуайера.

Старый жрец выглядел так, будто им туго пришлось с ним. Его зеленая одежда была разорвана в нескольких местах, седые волосы растрепаны, ритуальные знаки в виде солнечных вспышек косо висели на шее. Он вызывающе взглянул на Дарюэля и сказал:

— По какой причине вы прерываете вечернюю службу, Проконсул?

Феллемон Дарюэль съежился под взглядом стальных глаз старца и ответил:

— Есть ряд вопросов, требующих ответа. Вы должны открыть нам тайну Молота.

— Молот Элдрина не имеет никакого отношения к Империи в данный момент,— сказал старец.— Он когда-нибудь будет... будет, но не сейчас.

— По приказу Его Величества Дервона-14, Императора Галактики,— официально заявил Проконсул,— я наделен полномочиями допрашивать вас до тех пор, пока вы не расскажите, где находится Молот и как он действует. Будьте благоразумны, Дуайер, мне не хочется причинять вам вред.

Жрец с достоинством пригладил волосы и поправил ритуальные знаки.

— Императору не видать Молота. Когда-нибудь Молот разрушит Империю и уничтожит Императора.

Проконсул перекосился от ярости.

— Подойди сюда, старик. Хватит болтать. Что такое Молот и где он находиться?!

— Императору не видать Молота,— упрямо повторил жрец.

Проконсул сделал глубокий вздох. Его следователей было трудно обвинять в мягкосердии, жрец не выдержит их допроса. Но другого выхода не было.

Его нервные пальцы нежно поглаживали рукопись древних сонетов, из тонкого пергамента. Он оторвал взгляд от прекрасных строк рукописи и, нажав кнопку на столе, сказал:

— Следователя ко мне!

Глава 2

В эту же ночь, спустя некоторое время, длинный черный автомобиль остановился у входа в храм, едва шелестя турбоэлектродвигателем. Из него вынесли тело Бэйла Дуайера. Люди Проконсула молча передали тело жрецам, сели в машину и уехали.

Старик был предан погребальному костру со всеми почестями. Лугаур Хольсп, как старший жрец, возглавлял церемонию и провозгласил благословение мученику. Когда служба окончилась, он выключил ядерную установку для кремации и отпустил всех присутствующих.

На следующее утро Реса Дуайера разбудила сильная рука одного из послушников.

— Чего тебе надо? — сонно пробормотал он.

— Лугаур Хольсп желает видеть тебя.

Рес зевнул.

— Передай ему, что я скоро буду.

Когда он вышел во внутренний притвор Храма, Хольсп восседал на Высоком Троне, облаченный в обрядовые одежды. Справа и слева от него сидели старшие жрецы Храма Тубар Фрин и Хельмат Соргвой. Дуайер приостановился перед ними и преклонил колени.

— Значит вы — преемник моего отца?

Лугаур торжествующе кивнул.

— Согласно принятому утром решению. Жизнь Храма будет продолжаться как и прежде. Мы хотим задать вам несколько вопросов.

— Я готов отвечать,— ответил Рес. ваш отец умер, но не выдал секрета Молота,— в спокойный голос Хольспа вкралась скептическая интонация.— Вы были ближе к своему отцу более, чем кто-либо. Говорил ли он вам, что владеет тайной Молота?

— Да, много раз.

Глаза Лугаура Хольспа, похожие на две бусинки, уставились на Реса.

— Он убежден, что секрет должен всегда принадлежать Верховному Жрецу Храма, не так ли?

— Да,— признал Дуайер, еще не понимая, куда клонит Хольсп.

— Лицо, занимающее место Верховного Жреца, то есть я, в данный момент не владеет этой тайной. Я думаю, что истинная Тайна Молота в том, что таковой тайны просто нет! А существует тщательно скрываемая легенда, которую жрецы Храма поддерживают в течение столетий и это так тщательно скрыто, что Бэйл предпочел умереть, но ничего не сказать.

— Это ложь,— сказал Дуайер.— Конечно же, Молот существует! И вы Верховный Жрец этого храма, сомневаетесь в этом?

Дуайер увидел, как Хольсп обменялся взглядами со своими советниками. Затем он сказал:

— Мне положено знать это. В последние годы Бэйл должен был сделать так, чтобы передать секрет.

— Возможно,— неопределенно ответил Дуайер.

— Я должным образом избранный Верховный Жрец, преемник вашего отца и не обладаю тайной. Тогда я думаю, что ваш отец доверил тайну вам — я обращаюсь к вам, как к праведному жрецу Храма передать тайну мне по закону.

— Вам?

— Да.

Дуайер подозрительно взглянул на Хольспа. Что-то здесь было неправильно.

Было общеизвестно, что Хольсп станет преемником отца, если тот умрет, то есть Верховным Жрецом. Рес знал об этом и его отец знал об этом. Тогда почему же отец сделал так, чтобы тайна Молота не стала известна Хольспу. Все это не связывалось в одно целое. Отец часто рассказывал о существовании тайны, хотя и не говорил ее сути. Рес не знал тайны. Но всегда считал, что Хольсп должен знать ее, а оказалось, что он тоже не знает!

Дуайер понял, что у отца были веские причины, чтобы не разглашать тайну. Либо Молот был просто мифом, хотя это было в высшей степени невероятно, либо Хольсп почему-то не заслуживал доверия.

— Ваше молчание слишком затянулось,— сказал Хольсп.— Вы откроете мне тайну?

Дуайер печально улыбнулся.

— Это такая же тайна для меня, как и для вас, Хольсп.

— Что!?

— Отец не считал меня достойным для такого знания и я всегда считал, что он раскрыл ее вам.

— Это невозможно. Бэйл Дуайер никогда не допустил бы, чтобы тайна умерла с ним. Он был обязан рассказать ее вам. Я приказываю вам рассказать ее!

Дуайер пожал плечами.

— Вы могли бы с таким же успехом приказать мне зарезать Императора или остановить бег планет. У меня нет тайны, Лугаур.

Хольсп вскипел от злости. Он вскочил с трона и ударил рукой по столу.

— Вы, Дуайеры, упрямы сверх всякой меры! Ну что же, искусство пыток известно не только людям Императора!

— Лугаур! — вскричал Рес.— Вы сошли с ума?

— Сошел с ума? Нет, мне просто не повинуется младший жрец и я силой вырву признание.

— Я не знаю тайны, Хольсп!

— Очень хорошо,— язвительно ответил Верховный Жрец.— Мы клещами вытащим ее из тебя!

Проконсул Феллемон Дарюэль провел лучшую часть этого утра, занимаясь нужным делом — составлением отчета для Императора. Он полностью описал инцидент с Дуайером. Он описал пытки и молчание Жраца и закончил тем, что пришел к выводу о наличии тайных сил у людей внешних миров, которым многие патриоты Империи могут только позавидовать.

Закончив диктовку отчета, он перемотал ленту назад и прослушал запись. Концовка показалась ему несколько оскорбительной и высокомерной, и он стер ее, переписав заново. В новой интерпретации она прозвучала так: «Упрямство этих религиозных фанатиков не поддается описанию.» Это звучало намного лучше, подумал он. Он нажал кнопку выдачи послания и через мгновение из отверстия выскочила кассета с записью, размером с мизинец, готовая к пересылке.

Он снял с полки кристаллическую капсулу, вложил в ее кассету и запечатал своим клеймом капсулу. Затем он опустил ее в сумку дипкурьера, который вылетал в столицу Империи через три часа.

Что ж, Император будет иметь полный отчет по интересующему его вопросу и Дарюэль надеялся, что старик будет доволен его оперативностью и высоко оценит ее.

Я умываю руки в этом деле, подумал он, возвращаясь к нежным стихам давно умершей цивилизации. По мере того, как он все более увлекался любимыми стихами, к нему возвращалось спокойствие.

Но те, кто получил капсулу с отчетом, совсем не чувствовали себя спокойно. Звездолет перенес дипкурьера через гиперпространство от Элдрина к Дервону одним прыжком. То есть в этот же день спустя восемь часов кассета вместе с тремя тысячами других кассет от других Проконсулов, разбросанных по всей Галактике, были доставлены в компьютерную для обработки в ифорбюро.

Отчет Дарюэля провалялся почти целый час в груде кассет, пока прилежный клерк, не нашел его. Кассета быстро проследовала вверх по инстанциям, через кабинеты чиновников все более возрастающего ранга, пока заместитель секретаря Министра Внешних Сношений не передал ее секретарю Министра, который в свою очередь представил ее Министру Коруну Говлеку.

Говлек был первым в ряду администраторов, власть которых была достаточна, чтобы прочитать отчет. Сделав это, он незамедлительно попросил аудиенцию у Его Величества.

Дервон-14 был занят прослушиванием новых музыкальных записей из Заастро. Говлек имел привилегию входить к Императору без предварительного объяснения.

Когда он вошел в тронный зал, наполненный лязгом металла, Император взглянул на него устало и с упреком.

— Что, Говлек?

— Послание от Проконсула Элдрина, сир.

— Вы прослушали его? — спросил Император.

— Да, сир.

— И что же?

— И ничего не выяснили. Верховный Жрец Храма Солнца умер под пытками, но не выдал тайны Молота, сир.

Император нахмурился.

— Какая неудача. А что это за Молот вы упомянули?

Говлек мысленно чертыхнулся и тактично освежил память старика, когда он закончил, Дервон сказал:

— О, да, тот Молот. Это неплохая идея. Жаль, что она не осуществилась.

— Восстание на Дикране, сир...

— Займитесь сами этим восстанием! Нет, я имею в виду совсем не то. Я что-то сегодня не в духе, полагаю, что виновата эта проклятая музыка. Что же об этом восстании, Говлек?

— Пока что все остается по-старому. Судя по донесению с Дикрана, взрыв может произойти в любой момент. А теперь еще и эта смерть Жреца на Элдрине, вся система может восстать.

— Дело принимает серьезный оборот,— мрачно заметил Император.— Обычно восстания имеют обыкновение распространяться от системы к системе. Мы должны остановить это. Да, остановить. Пошлите специалистов, следователей в систему Элдрина. Пусть подробно передают сообщения о происходящем. Позаботьтесь об этом, Говлек. Чтобы не случилась большая беда.

— Конечно, сир,— сказал Говлек.— Я сразу же займусь этим.

Он в отчаянии закатил глаза к потолку, соображая, каким это образом удастся остановить восстание, идущее уже полным ходом.

Но он попробует найти выход. Император всегда найдет пути к победе, так было всегда и так будет на этот раз.

— Сделайте музыку погромче,— попросил Император,— я почти не слышу ее.

Подвал Храма Солнц был холодным, серым местом, стены которого были влажными от слизи, которая веками накапливалась здесь. Рес Дуайер смутно припоминал, что он когда-то играл здесь еще ребенком. Несмотря на все упреки отца, ему нравилось играть здесь. Он также вспомнил, что его уже отводили сюда, когда на свое тринадцатилетие он слегка подвыпил.

Теперь же он шел между двумя жрецами Храма, а Лугаур Хольсп шел сзади.

Они вошли в подземелье.

— Здесь внизу все уладится,— сказал Хольсп.— Рес, не будь упрямым. Скажи, где Молот?

— Я уже говорил, я не знаю. Не знаю.

Верховный Жрец пожал плечами и сказал:

— Как хочешь. Тогда под пыткой ты вспомнишь.

— Несколько старомодно, не так ли? — спросил Дуайер.— и чуть не старомоднее по сравнению с агентами Империи. Когда информация нужна, она будет извлечена любым способом.

— Именно в соответствии с этой аксиомой поступили с моим отцом? Это дало немного.

— Но поведение твоего отца дало знание и уверенность в наличии тайны. А ты расскажешь нам ее.

Некоторое время Дуайер молчал. Появились два младших жреца с веревкой, чтобы связать его, и он, не протестуя, позволил им приблизиться. Но затем резко отпрянул назад.

— Нет! — крикнул он.

— Свяжите его,— приказал Хольсп.

— Я расскажу, где находится Молот!

Дуайер сделал глубокий вздох. Он был близок к тому, чтобы сделать такое, что полностью противоречило его убеждениям, выращенным в нем — ударить жреца Храма!

Но Лугаур не стал Верховным жрецом с ведома его отца и он не знал тайны Молота.

Хольсп спросил:

— Ты передумал? Молодец! Я всегда верил в тебя, Рес. Отойдите-ка все назад! Так где же он? — Жрец наклонился ближе к пленнику.

— Вот здесь,— сказал Рес и, коротко размахнувшись, ударил его в лицо. Верховный Жрец пошатнулся, платиновый знак слетел с его шеи и загремел по камням подземелья.

Не обращая внимания на Хольспа, Дуайер повернулся к двум жрецам, советникам Хольспа, Губару Фрину и Хельмату Соргвою. Хельмат был невысок и широкоплеч. Дуайер обхватил его одной рукой и обрушил его как таран на Фрина. Оба жреца, столкнувшись, рухнули на пол. Бросив их, Дуайер устремился во тьму подземелья. Он стал лихорадочно вспоминать прогулки в далеком детстве. Он припомнил коридоры, помещения, извилистые переходы, которые располагались под Храмом и вели к тайному выходу далеко за пределами Храма.

— Не упустите его! — услышал он крик Хольспа. Но звуки погони становились все более отдаленными с каждым поворотом коридоров. Дуайер усмехнулся при мысли о

синяки на холеном лице Верховного. Он уже окончательно пришел к мысли, что Хольсп незаконно занял трон Верховного Жреца. Если это было не так, то Рес не смог бы поднять руку на Верховного.

Тяжело дыша, он выбрался на поверхность. Он понимал, что должен, как можно скорее, покинуть планету. За то, что он поднял руку на Верховного Жреца, любой верующий мог убить его как преступника, стоящего вне закона.

Но куда бежать? Он взглянул вверх. В сгущавшихся на предвечернем небе сумерках он увидел тусклый красный шар, ближайшую к Элдрину планету.

— На Дикран, подумал он. Только на Дикран.

Глава 3

Он прибыл в космопорт Элдрина почти перед самым заходом солнца. Звезда почти касалась линии горизонта. Скучающий кассир в окошке кассы украдкой взглянул на него, когда Рес заказал билет на Дикран, и сказал:

— На Дикран нет рейсов.

— Что? Но сейчас еще не так поздно. По расписанию должно быть еще два вечерних рейса.

— Рейсов больше не будет. По приказу Его Величества на время волнений на Дикране их космопорт закрыт для приемки.

— Каких волнений? — удивленно спросил Рес.

Кассир развел руками.

— Кто знает. Эти рудокопы там все борются то за одно, то за другое. Но все равно, рейсов нет.

— Хорошо, а как насчет Перилона? Есть ли туда еще рейсы?

— Нет. Все внутри-системные рейсы отменены. Я могу предложить только полдюжины дальних, если они интересуют вас.

Дуайер задумчиво потер подбородок. При нем всегда была сотня кредитов, но ее едва ли хватило бы на билет дальнего рейса к Внешним Мирам. Вернуться в Храм было не возможно, да и здесь скоро его начнут искать.

— Так что, билетов на внутренние рейсы нет совсем? — снова спросил он.

— Послушайте, мне показалось, что я все объяснил вполне доходчиво, чего же вы еще хотите?

— О'кей,— сказал Дуайер,— спасибо.

Придав себе безразличный вид, он отошел от окошечка.

Неужели нет выхода? Пусть на Дикране волнения, но причем здесь отмена внутрисистемных рейсов? Вдруг он почувствовал, что кто-то потянул его за рукав. Он резко повернулся и увидел незнакомого, бронзоволицего парня. Такой загар мог быть только у космолетчиков.

— Что вам нужно?

— Тихо! Вы хотите, чтобы нас задержала полиция. Я случайно услышал о ваших затруднениях с вылетом у кассы. Вам очень нужно на Дикран?

— Да,— ответил Дуайер,— но как это...

— Частный рейс,— прервал его незнакомец,— две сотни кредитов и вы там.

— Но у меня всего сотня. И больше я не могу достать. Я жрец,— стал на ходу сочинять Рес,— я должен быть на Дикране на конференции, и если я не попаду туда вовремя, у меня будут неприятности.

— Жрец? А какого Храма?

— Храма солнц.

Пилот на мгновение задумался и сказал:

— Что-то я не слышал о конференции на Дикране. Ну, ладно, это меня не касается, гони сотню, так и быть я уступлю.

Рес развернул свои кредиты и показал пилоту, не слишком доверяя ему.

— Как только мы стартуем, я отдам их вам.

Полет был недолгим. Корабль тесным без удобств. Дуайер раньше летал на кораблях внутри системы, поэтому ничего необычного в полете не было. Он нормально перенес ускорение и получил даже удовольствие от невесомости, пока они летели по широкой орбите Элдрина. Пилот придал кораблю вращение, и Рес обрел вес. Он поудобнее устроился в кресле и вздремнул.

Рес быстро сообразил, оказавшись на борту, что его владелец занимается контрабандой. На борту оказалось около дюжины пассажиров и еще какой-то груз в добротных деревянных ящиках, с пятнами смазки на крышках. Но его это не интересовало. Ему нужно было побыстрее оказаться далеко от Хольспа.

Его разбудил звонок — сигнал о предстоящей посадке.

Корабль сел на голой лишенной растительности равнине, где-то вдали от города. Жалобно завывал холодный ветер, поднимая облака пыли. Дуайер пролез в открытый

люк и опустился на Землю. Подойдя к пилоту, наблюдавшему за выгрузкой ящиков, которые с трудом поднимали какие-то люди, он спросил:

— Мы должны сами найти дорогу в город?

Пилот рассмеялся:

— А ты что думал, что нас встретят роскошные лимузины? Если и будут встречать, то это будут полицейские машины, а мне бы не хотелось ездить с таким комфортом и прожить остаток жизни в еще более комфортабельном общежитии.

Дуайер отвернулся от него. Он слишком поспешно бежал с Элдрина, у него не было ни гроша, одежда не подходила для мерзкого климата Дикрана.

Но правда здесь были Храмы Солнц, и он смог бы найти там убежище и помощь. Он двинулся через равнину. Некоторые пассажиры увязались за ним.

Он прошел около мили, вздрагивая при каждом шаге, когда прямо перед ним опустился турболет, подняв тучу пыли. Рес разглядел пурпурно-золотые созвездия — опознавательные знаки Имперской полиции.

Он приготовился бежать. Полиции следовало опасаться гораздо сильнее, чем жрецов. Однако вид бластера, направленного прямо на него, заставил изменить направления. Он не двинулся с места, ожидая, когда имперский подойдет к нему. Полицейский был невысокого роста, коренастым и плотным, судя по его лицу, он много лет провел на этой суровой планете. Он спросил:

— Ваши документы?

— Прошу, инспектор.

Дуайер протянул ему свой паспорт. Полицейский тщательно просмотрел его и, вернув ему его Дуайеру, сказал:

— Согласно вашего паспорта вы — Рес Дуайер, место жительства планета Элдрин, что вы делаете на Дикране?

— Наношу визит, инспектор. Я — жрец.

— Я видел его в паспорте. Но мне не удалось обнаружить отметки космопорта Элдрина. Как же вы попали сюда?

— Конечно, на корабле,— сказал Рес.

Он был выше полицейского и смотрел на него свысока. Нацеленный бластер не позволял думать о насилии.

— Это ясно. И при этом у вас нет визы. А вам известно, что уже более восьми часов действует запрет на въезд

на Дикран? А так же, что запрещены перелеты внутри самой системы? Прошу следовать за мной.

— Вы Рес Дуайер?

— Да, это мое имя. Об этом написано в паспорте.

— Не грубите,— сказал Гольсад Кварлос, Проконсул на Дикарне, маленький щуплый, видавший виды человек с угрюмым жестким настороженным взглядом.— Я хочу знать, зачем вам, жрецу Храма, понадобилось внезапно лететь на Дикран, хотя все полеты отменены. Как вы попали на Дикран?

Дуайер молчал. Полицейский, который задержал его, сказал:

— Он с этого корабля контрабандистов. Мы задержали всех пассажиров.

— Я хочу, чтобы он сам признался в этом.

— Да,— сказал Рес.— Я прилетел сюда на корабле. Мне нужно было попасть на Дикран, как можно скорее, но рейсы отменили, и тогда я за сотню кредитов попал на этот рейс. Вот и все.

Проконсул рассердился.

— Но вы ведь знали, что полет незаконный! Зачем же вы так упорно стремились на Дикран?

— Мне нужно нанести визит,— сказал Рес. Он заранее решил, что нужно прикидываться дурачком и запутывать следователя.

— Нанести визит! Только и всего — просто визит! И вы нарушаете запрет ради простого визита! — Проконсул прикоснулся к кнопке на столе и открылась дверь.

Вошел высокий мужчина в мундире пурпурно-золотого цвета. Он с презрение взглянул на Проконсула и сказал:

— Ну? Вы что-то вытянули из него, Кварлос?

— Нет, сэр. Хотите попробовать?

— Прекрасно,— он взглянул на Дуайера.— Я — Олен Домюэль, Имперский Посланник Императора Дервона-14. А вы — жрец Рес Дуайер?

— Да, это мое имя.

— И вы также сын старого Верховного Жреца Бэйла Дуайера?

Рес кивнул головой.

— Вам известно, как умер ваш отец?

— Он погиб от рук Имперских следователей. Они пытались узнать тайну Молота.

Посланник зашагал большими шагами по крохотному кабинету Проконсула. Через некоторое время он сказал:

— Вам, конечно, известно, что мы можем подвергнуть вас пыткам, чтобы узнать тайну Молота. Империя очень заинтересована в этом.

Дуайер улыбнулся. Все что-то очень заинтересовались Молотом.

— Вы улыбаетесь?

— Да, сэр. Этот Молот — его просто не существует. Это одна из наших легенд. Миф. Мой отец пытался доказать это, но его убили. Теперь вы хотите пытать меня, возможно, я погибну. Но вы все равно ничего не узнаете.

Посланник холодно взглянул на него.

— Миф, вы говорите? И ради какого-то мифа я пересек полгалактики...

— Сэр, но восстание у нас тоже требует внимания...— робко напомнил Проконсул.

— Ах да, восстание. Ладно, будем считать, что Молот это миф. Но что же привело вас сюда на Дикран?

— Я приехал сюда по приглашению,— опять повторил Рес.

Они отпустили его через полчаса. Он твердо стоял на своем, и имперские чиновники ничего не добились от него. Он дал подписку о невыезде и вышел на свободу.

Как только он переступил порог резиденции Проконсула, к нему подошел человек, закутанный в плащ, и шепотом спросил:

— Вы Рес Дуайер?

— Возможно.

— Вас допрашивали у Проконсула? Отвечайте, или я воткну кинжал в ваш бок.

Острое лезвие уперлось в бок Реса, подтверждая слова.

— Да, это так. Но кто вы?

— Вполне возможно, что друг. Вы должны пойти со мной.

Пожав плечами, Дуайер пошел с незнакомцем по улице и через два квартала они сели в голубой автомобиль каплевидной формы, ожидавший их за углом. Дуайер не пытался даже запоминать маршрут движения, водитель выбрал такой извилистый путь, что всякая попытка запомнить что-либо была безнадежной. В конце концов они остановились перед приземистым зданием из светло-коричневого кирпича, построенном в популярном сейчас стиле «под старину».

— Приехали,— сказал незнакомец Ресу.

Они вышли из автомобиля и вошли в здание. Внутри стояли два человека с лицами, ни выражавшими ничего, кроме настороженного ожидания. Дуайеру не терпелось узнать, куда он попал. Было похоже, что это были гангстеры.

Ему захотелось обратно на Элдрин.

Раздался резкий голос ниоткуда:

— Это Дуайер?

— Да,— проводник озирался.

— Введите его,— приказал голос.

Дуайера втолкнули в ярко освещенную комнату. Вдоль стен стояли книжные шкафы со старинными книгами, судя по переплетам, обстановка представляла из себя довольно обшарпанную старинную мебель. На расшатанных стульях сидело несколько человек.

Один из сидящих, сурового вида мужчина повернулся к Ресу и сказал:

— Я должен просить прощения у вас, Рес. Мы не успели связаться с вами перед налетом имперской полиции, и таинственность, с которой вас привезли сюда, тоже необходима.

— Мне остается только принять извинения,— сказал Дуайер.— Но где я, что все означает?

— Мое имя,— сказал мужчина.— Блей Марш. А уроженец Дервона. Вы слыхали об этой планете?

— Конечно, столица Империи.

— Да, я из столицы и хорошо знаком с положением дел там. Империя давно прогнила и готова пасть от первого хорошего толчка.

— И что же?

— Поэтому я здесь, на Дикране. Я создал организацию и мне хотелось бы, чтобы вы присоединились к нам. Мы дадим Империи этот первый толчок.

Глава 4

Император уделял сообщениям из системы Элдрина намного больше внимания, чем обычно. Фактически он занимался этой системой все свободное время, почти не занимаясь остальными секторами Галактики.

Он понимал, что не зря тратит время. Он четко осознавал шаткость своего положения и предвидел серьезные трудности, начало которым положено в системе Элдрина.

— Есть ли сегодня сообщения Посланника с Дикрана, Говлек.

— Пока ничего нет, Ваше Величество.

— Проследите, чтобы информация шла без обычной волокиты. Это очень важно.

— Да, сир.

Император почесал свой, лишенный волос череп и еще раз пробежал последний отчет Посланника.

— Вы могли бы вообразить такое? Они арестовали сына этого жреца Дуайера, а потом отпустили его! Этот идиот Посланник пытается убедить меня в том, что Молот — миф, который опрокинет нас всех, Говлек! Кто этот Посланник?

— Олен Домюэль — один из лучших наших людей, сир. Я лично выбирал его.

— Тем больший позор на вашу голову,— вспылил Дервон.

Дважды загорелся сигнал на пульте.

— Пришли отчеты,— обрадовался Император.— Давайте их сюда.

— Да, сир.

Говлек пересек комнату и извлек из приемника две капсулы с кристаллами.

— Сообщения с Дикрана и Элдрина, сир.

— Читайте, читайте, Говлек.

Министр облизнул губы и вскрыл капсулы. Он вставил их в проектор и спросил:

— С какого начать, сир?

— Все равно. Быстрее!

— Нет, сир. Послание с Дикрана имеет более раннюю дату отправки. Посланник доносит, что на Дикране ходят слухи о том, что где-то на планете собрана армия повстанцев, местонахождение которой не установлено.

— А второе?

Говлек слегка вздрогнул.

— Послание с Элдрина от Проконсула Дарюэля. Он сообщает...

— Ну же!

— Дарюэль сообщает, что эвакуирует все имперские силы с планеты и перебазируется на соседнюю. На Элдрине тоже восстание. Его возглавил Верховный Жрец Храма Солнц Лугаур Хольсп, который владеет Молотом Элдрина!

Рес Дуайер вместе с другими присутствующими в комнате внимательно слушал, как мятежник с Дервона излагает свой план.

— Им, конечно, известно, что творится на Дикране. У нас множество подтверждений, что это так. Вчера из столицы прилетел имперский Посланник. Он сразу запретил перелеты внутри системы. В настоящий момент эта изоляция для них самый быстрый выход из положения. Семена восстания не перелетят на другие планеты системы. — Марш усмехнулся. — Но они не учли, что несколько спор уже попали куда надо. И Дуайер — одна из них. Правда, пока это единственный контакт, который удался.

Итак, Император сделал свой ход. Слово за нами. Терять время нельзя. Скоро он перебросит свои имперские войска, а это миллионы солдат, и мы ничего не сможем сделать. У нас есть организация, мы будем сражаться, но только помощь с других планет поможет нам победить. У Империи сильный флот, но он не поспеет всюду. Одновременные восстания на сотне планет уничтожат Империю за неделю.

Сосед Дуайера поднял руку:

— Скажите, Марш, сколько миров, по-вашему, поддержат нас?

— Наша организация существует, по меньшей мере, на четырнадцати планетах в двенадцати системах, — ответил Марш. — Я участвовал в их формировании последние десять лет. Организация на Дикране — самая мощная. Именно поэтому все должно начаться отсюда. Империя это пережиток прошлого, никто не желает платить налоги в казну бесполезной монархии только для того, чтобы удержать у власти слабоумного старика Императора. Каковы настроения на Элдрине, Дуайер?

— У нас мало кто думает об этом. У нас существует легенда о Молоте. Она немного поддерживает ненависть к Империи. Они питают надежду, что когда-то власть падет.

Марш нахмурился.

— Молот... да, я слышал об этой легенде. Она имеет под собой что-то реальное?

Дуайер ответил:

— Честно говоря, я не знаю. На этот вопрос мог бы ответить мой отец, но имперские палачи убили его. Мне же он всегда внушал. Что Молот существует, и что он знает, где он находится и как действует, но

он умер, не открыв тайны. Его преемник Верховный Жрец Хольсп тоже не знает ее.

— Прекрасно,— сказал Марш.— Психологический трюк вроде этого Молота очень хорош. Как только начнется широкое наступление наших сил, мы переправим вас на Элдрин, и там вы будете способствовать распространению идеи о непобедимости восставших и о Молоте.

— Да,— сказал Рес,— я готов.

— Хорошо,— Марш обвел присутствующих взглядом.— Каждый из вас четко представляет свою роль?

Заговорщики закивали головами. На мрачном лице Марша появилась улыбка:

— Значит, мы готовы. Начало операции — захват Проконсула и Посланника, а затем и Галактика поддержит нас.

Бурлящая толпа устремилась к резиденции Проконсула на Дикране. Рес Дуайер был среди восставших. Их было около сотни, вооруженных самым различным оружием.

Как самый высокий и наиболее сильный, Рес почти бессознательно оказался впереди всех, наступавшие приблизились к воротам. Двое часовых были ошеломлены видом приближавшихся людей. Один из них начал поднимать оружие, но толпа захлестнула их. Дуайер резким движением вырвал из рук одного часового бластер и ударил прикладом другого. Нападавшие подхватили тела и утащили в караульное помещение.

— Вперед! — закричал Дуайер. Он становился командиром нападавших. Марша нигде не было видно, вероятно у него не было вкуса к рукопашным схваткам.

Дверь в доме затрещала и рухнула под напором людей. Изнутри доносились крики:

— Стража! Стража! Организуйте оборону, черт возьми!

Появился Посланник. Он был безоружен, в великолепном мундире. Рес заметил, что на нем были туфли с высоким каблуком и наплечники в кители, чтобы Посланник казался важным и неприступным.

— Назад, сброд! — ревел Посланник.— Это резиденция Проконсула! Какое право вы имеете ломиться сюда?

— Право свободных людей,— ответил ему Дуайер, размахивая бластером.— Право тех, кто больше не склонит голову перед золотыми мундирами Империи!

— Бунт! Вы сошли с ума! Прочь! Прочь от меня, мерзавцы!

Некоторые из восставших начали колебаться. На них подействовало величие чиновника.

— Взять его! — отрывисто приказал Рес.

— Нет! Я неприкосновенен, вы не имеете права!

— Свяжите его! — вторично приказал Дуайер.

Четверо дикранцев схватили Посланника и связали его, хотя он барахтался под ними, пытаясь хоть на мгновение продлить миг свободы.

— Проконсул! — крикнул Дуайер.— Выходите с поднятыми руками без оружия!

— Вы не посмеете! — раздался дрожащий голос Проконсула.— Это бунт!

— Выходите, Проконсул, или буду стрелять!

Из-за колонны появилась жалкая фигура Проконсула. Он был завернут в плащ и был подавлен случившимся. Та жестокость в его лице, когда Рес впервые увидел его, исчезла.

— Что происходит? — спросил Кварлос.

— Это конец Империи,— ответил Дуайер. Он повернулся к восставшим и сказал:

— Свяжите его. Обыщите дом, все оружие собрать!

— Мы взяли трех охранников, Рес. Они пытались бежать!

— Отлично. Оружие раздайте. Для нас ценен каждый бластер, добытый в бою!

В течении нескольких десятков минут дом был обыскан и захвачен восставшими. Откуда-то появился Марш.

— Отлично сработано,— сказал он.— Мне понравилось, как вы штурмовали здание, Дуайер.

— А где в это время были вы?

Марш самодовольно усмехнулся:

— Вождь никогда не должен подвергать опасности свою жизнь без крайней необходимости. Кроме того, у меня есть прекрасные командиры, которые ведут в бой людей.

Дуайер холодно улыбнулся и спросил:

— Что нам делать дальше?

— Дом вы заняли. Теперь нам нужно занять пункт связи и объявить всему миру о восстании. Прозовем их тоже к восстанию.

Они переступили через скамью, валявшуюся на полу, и поднялись в кабинет Проконсула. Панель с устройством связи занимала заднюю комнату кабинета. Линии связи были исправны.

Марш бросился к пульту и стал набирать код связи. Дуайер стал копаться в бумагах, лежавших на столе. Он поднял одну и пробежал ее глазами. Затем, ошелом-

ленный, прочитал еще раз. В это время Марш включил выход антенны и стал вещать призывы к восстанию на всех мирах Империи.

— Эй! — позвал Рес, когда Марш перестал говорить, давая отдых своим связкам.— Послушайте-ка. Я нашел интересную вещь.

— Что там?

— Проконсул Элдрина сообщает о том, что эвакуирует базу с планеты и перебазирует ее на Морхельм, шестую планету. Кажется, там тоже восстание.

Марш был озадачен.

— Но там ведь нет нашей организации! Что это? Стихийное выступление?

— В сообщении сказано, что волнения начались среди жрецов Храма Солнц и возглавляет их Лугаур Хольсп. У него масса приверженцев и он заявил, что владеет тайной Молота Элдрина.

К полуночи на Дикране не осталось и следа от имперского былого величия. Имперские чиновники были захвачены в плен. Та же участь постигла и охранников. Власть была передана временному правительству Дикрана во главе с неким Фулмором Нарзином. Флаг Дикрана, голубой с зеленым, взвился над бывшей резиденцией Проконсула.

В самой резиденции сидели Марш и его люди.

— Я не понимаю этого маневра с Молотом,— сказал Дуайер.— Хольсп не знает тайны, если только не произошло чудо. Тайна умерла вместе с отцом.

— Есть ли у него тайна или нет,— сказал Марш,— это неважно. Он добился своего и имперцы убрались с планеты. Я думаю, что нам нужно связаться с ним и объединить свои силы с его. Символ Молота хорошо известен в Галактике, как символ крушения Империи. Если мы поднимем народ на восстание, то сможем передать это движение с системы на систему.

Дуайер покачал головой.

— Я хорошо знаю Хольспа. Он не из тех людей, которые стоят за свержение власти Империи, если при этом не имеет личной выгоды. Я не доверяю ему, Марш.

— Не доверяете? Какое это имеет значение? Революция — прежде всего. Когда Империя рухнет, тогда мы побеспокоимся о том, чтобы определить — предан он революции или нет. Вам придется лететь на Элдрин, Рес. Разыщите Хольспа. И не волнуйтесь, есть Молот или нет. Положение дел таково, что в Галак-

тике знают, что Молот занесен над Империей, в этом наша сила! — Марш смахнул пот, выступивший на лбу.— Есть ли известия с Тайлора?

— Там большой гарнизон войск. А силы восставших слабы.

— Наверное, мы потеряем Тайлор,— с горечью сказал Марш.— Будем надеяться, что мы не поторопились с началом. По данным поступившим сюда, восстало только полдюжины планет, а тысячи других остаются под гнетом Императора. Черт возьми, Рес, вам нужен Молот! Как надежда нашего успеха!

В кабинет вошел связист.

— Марш,— сказал он,— важные новости!

— Что? Тайлор?

— Нет. Я пытался связаться с Элдрином и попал на секретную линию связи Элдрина с Императором.

— И что же?

— Из разговора между Хольспом и Дервон я понял, что нас предали. Хольсп отдал нас Империи!

Глава 5

Как я хотел бы, чтобы это отодвинулось лет на пять,— сказал Император Дервон-14 брезгливо, беседуя сам с собой.— Или десять. Пусть мой сын заботится о своей власти.

Затем он подумал о том, что слабеет. Несмотря на все ухищрения врачей. Он стар и слаб, и все же восстание произошло именно сейчас. Но восстание должно быть подавлено несмотря ни на что.

— Где отчет? — спросил он Говлека, входящего в зал. Говлек казался глубоко озабоченным, хотя некоторое подобие улыбки появилось на его лице.

— Хорошие новости, сир. Обстановка меняется.

— Докладывайте, Говлек!

— Восстание ограничено одной системой Элдрина. Несколько планет из этой системы поражены им. На Тайлоре наши войска овладели положением, на Квинтаксе последние и отряды повстанцев загнаны в горы и уничтожаются.

Дервон улыбнулся.

— Это радует меня. Я полагаю, что пора переходить к крутым мерам. Прикажите-ка направить в системы Элдрина нашу имперскую эскадру.

— Есть, сир.

— Раз восстание носит ограниченный характер, то мы можем, не опасаясь за другие системы, смело направить флот к Элдрину. Планеты опустошить огнем звездолетов.

— Да, сир.

— Что слышно о Молоте?

Министр Внешних Границ пожал плечами:

— Ничего, кроме того, что народ Элдрина считает его своим мифом.

— Хорошо. Наша эскадра уничтожит этот миф. Всей Империи станет ясно, что власть Императора непоколебима!

— Да, сир.

Облаченный в желтые одежды паж робко появился в дверях зала и преклонил колено в ожидании, когда его заметят. Дервон сказал:

— Что нужно, паж?

— Ваше Величество, послание министру Говлеку.

— Говори! — Приказал Говлек.

— Послание с планеты Элдрин от Лугаура Хольспа. Он сообщает, что хотел бы вступить с нами в переговоры.

Говлек широко открыл глаза.

— Что? Немедленно передать сюда послание!

— Конечно, сир!

Паж исчез. Говлек повернулся к Императору и спросил:

— Что же делать, сир?

— Эскадра пусть вылетает на Элдрин,— сказал Дервон. Его губы искривились в хищной ухмылке.— Я думаю, что Хольсп намерен использовать этот пресловутый Молот для шантажа. Но мы сейчас все выясним.

Из динамиков раздался голос техника связи:

— Внимание! На связи Элдрин!

Раздался треск и гудение, затем спокойный глубокий голос произнес:

— Это говорит Лугаур Хольсп, Верховный Жрец Храма Солнц с планеты Элдрин системы звезды Элдрин.

— Что вам нужно? — спросил Дервон.

— Вам известно, Ваше Величество, что Проконсул изгнан с планеты и власть Императора низложена?

— Какие-то слухи дошли до меня, но склонен не верить им,— сказал с иронией Император.

— Нет, это случилось благодаря Молоту Элдрина, тайной которого я овладел.

— Так что же, свинья? — впервые за три десятилетия Император повысил голос.— Ты связался со мной, чтобы похвастать этим? Флот Империи уже в пути и не пройдет и трех дней, как ваша система будет испепелена.

— Именно такую реакцию мы и ожидали,— сказал Хольсп.— Но я бы хотел избежать ненужного кровопролития.

— Каким образом, изменник?

— Я не изменник, а преданный подданный Императора.

— Странный способ для демонстрации своей преданности,— заметил Император.

— Я намерен сдать вам планеты,— сказал Хольсп.— Я предлагаю, чтобы всем стало известно, что Молот Элдрина не устоял против флота, Ваше величество, и что восстание подавлено. Кроме этого, я выдаю вам зачинщиков восстания. Взамен прошу назначить меня Проконсулом Элдрина и десять процентов от суммы годового налога.

Дервон задохнулся от наглости этого человека. Он взглянул на пораженного министра и сказал:

— Я должен подумать над этим.

— Я жду, Ваше Величество.

Дервон выключил связь.

— Что вы думаете об этом, Говлек?

— Этот человек — грубый интриган,— ответил он.— Но это бесконечно лучше, чем уничтожение планет и человеческих жизней. Ведь это наше богатство и они налогоплательщики. Силу необходимо ограничивать. Она должна устрашать, а не уничтожать подданных. Весть об уничтожении восстания в системе Элдрина будет хорошим уроком для всей галактики. Империя так сильна, что ей не нужно стрелять, чтобы подавить бунт. Вот наше кредо.

— Да будет так! — сказал Дервон.— Этот Хольсп хитрец!

Он включил связь и сказал:

— Хольсп, мы принимаем ваши условия. Восстание должно прекратиться, зачинщиков передадите на борт флагмана эскадры, а вы выступите с публичным заявлением, что мощь Молота Элдрина оказалась ничтожной для борьбы с Империей. Я назначаю вас Проконсулом Империи на Элдрине и десять процентов собраных налогов ваши.

— Да, сир,— ответил Хольсп.

Этот разговор отчетливо прозвучал в ушах Реса Дуайера в то время, как небольшой прогулочный катер сошел с постоянной орбиты Элдрина и по спирали стал снижаться на посадку.

Цель разговора была ясна — предатель Хольсп должен умереть!

Дуайер отчетливо представлял себе, что этот фальшивый жрец никак не мог обладать тайной Молота. Этот символ был столь драгоценным, столь священным для Элдрина, что любой, кто приник бы в его тайну, не смог предать целую планету, как это сделал Хольсп.

Хольсп совершил еще более худший поступок, он сделал вид, что обладает священной тайной. Народ планеты объединился вокруг него и изгнал имперских чиновников с планеты, а Хольсп продал их всех за чин и деньги.

Космопорт выглядел очень необычно, когда космокатер опустился на посадочное поле. Все флаги и вымпелы Империи были сняты с флагштоков, кроме одного, разорванного на золотые и пурпурные полосы.

Рес вышел из катера и направился к зданию порта. Он заметил, что люди, окружавшие его, стали совсем другими. Их взор стал ярче, плечи — шире. Они ведь сбросили власть Империи и это было заметно.

Но как бы они выглядели, если бы узнали, что их вождь продал их Империи?

Он сел в турболет, дежуривший на стоянке, и велел пилоту лететь в Храм Солнц.

— Да, сэр,— сказал пилот, заводя машину.— Вы жрец?

— Меня зовут Рес Дуайер.

— О! Значит, вы вернулись! Интересно. Хольсп объявил, что вы погибли во время восстания.

Дуайер улыбнулся:

— Он ошибся. Во время восстания я был на Дикране и участвовал в восстании там.

— Значит, Дикран тоже,— протянул пилот.— А мы не знали, что там восстание. До нас новости не доходят. Но зато у нас есть Молот, а это главное. Жаль, что ваш отец не дожил до этого момента. Но он был бы рад, что Хольсп продолжает его дело.

— Да, я тоже так думаю. Очень рад. Сейчас планета полностью свободна от имперской власти?

— Да. Проконсул и его армия сбежали на Морхельм, а у нас не осталось ни одного человека.

— Отлично,— слазал Рес.

Показался храм Солнц. Турболет заложил крутой вираж и стал снижаться и замер у больших ворот. Дуайер заплатил пилоту и вышел из машины.

Храм выглядел так же, как и раньше: вытянутое, богато украшенное здание, окруженное тремя, возвышающимися друг над другом террасами, обнесенными невысокими парапетами. Жрецы, стоявшие там, удивленно посмотрели на него. Рес вприпрыжку поднялся по широким ступеням и оказался у главного входа. Из дверей выглянуло вежливое лицо жреца Хельмата Соргвоя.

— Вы, сын мой? — машинально спросил он.— Что привело вас сюда?

— Мне нужно увидеть Хольспа.

Соргвой открыл рот от удивления. Только сейчас до него дошло, что появился Дуайер собственной персоной.

— Рес?! Что вы делаете на Элдрине? Я думал, что вы...

— Прочь с дороги! — крикнул Дуайер.

Он оттолкнул жреца в сторону и вошел в храм.

Он нашел Хольспа в зале Для Посвящения. Какое-то мгновение Дуайер стоял в дверях, наблюдая за жрецом. Хольсп стоял на коленях и неслышно молился. На его бледном, бесплотном лице была маска глубоко благочестия.

— Довольно, Хольсп,— оборвал его молитву Дуайер.— Можете подняться с колен. Я буду говорить с вами, а Верховному Жрецу не пристало говорить с обычным жрецом, стоя на коленях.

Хольсп резко повернулся, вздрогнув от испуга.

— Кто здесь? Рес???

Он непроизвольно отшатнулся. Черты его лица окаменели от ненависти. Дуайер знал, что в стенах Храма ни один жрец не имеет оружия, закон запрещал это. Хотя Хольсп мог и нарушить его.

— Да, это я Рес Дуайер. И я восстал из мертвых.

— Вы неожиданно исчезли, и мне пришлось объявить вас мертвым. Что же я должен был делать?

— Рассказать всю правду о том, как вы пытались силой вырвать тайну Молота Элдрина, о том, как мне удалось бежать от ваших палачей. Но вы, конечно, не могли всего этого рассказать и объявили меня погибшим, как было проще всего.

— Но где же были вы все это время?

— Я был на Дикране и там боролся с властью Империи. Как нам стало известно, здесь тоже произошло восстание?

Хольсп улыбнулся:

— Да, в некотором роде. Великий Молот Элдрина помог нам. Это была большая победа.

Дуайер не обратил на это внимания.

— Молот? — спросил он.— Вы узнали тайну Молота после моего бегства? Так быстро? Расскажите о нем, как он выглядит? Где хранился?

— Это священная тайна,— быстро проговорил Хольсп.

— Я понимаю это. Но я сильно сомневаюсь, что вы знаете эту тайну. Вы блефуете, Хольсп, и этим покорили народ планеты, когда он восстал против Империи. Для победы не нужно было знать тайну Молота. Проконсул был жалким и ничтожным человечком и любого организованного выступления достаточно было, чтобы вышвырнуть его отсюда.

Хольсп с интересом глядел на него. Дуайер, забывшись, продолжал:

— Вы знаете, почему я уверен, что вы не обладаете тайной Молота? Да потому, что будь у вас Молот, вы бы сокрушили Империю. Вы бы не довольствовались жалкими десятью процентами от налога!

Казалось, что вся кровь ушла из тела жреца, так побелело его лицо.

— Как вы узнали об этом? — едва слышно прошептал он. Затем, не дожидаясь ответа, он резко метнул в голову Реса усыпанный драгоценностями крест. Дуайер ожидал нападения и увернулся от него. Крест с силой воткнулся в стену за его спиной. Одновременно жрец бросился к нему. Но Дуайер был наготове. Он ждал такой реакции от Хольспа, и был готов к отражению атаки. Рес был уверен в себе, он был выше и тяжелее жреца. Но такого бешенного напора он не ждал. Хольсп заставил Реса отступить назад и упереться спиной в холодный камень стены. Град ударов обрушился на Реса. Глаза Хольспа, казалось, выскочат из орбит.

Вдруг жрец отпрянул назад и, протянув руку за полку с книгами, повернулся к Ресу. В его руке блеснуло лезвие клинка.

— Оружие? В Храме? — изумился Рес.— Вы преступили все законы, Хольсп!

Он отлепил свое тело от стены, и они стали кружить друг вокруг друга. Хольсп замахнулся клинком,

но Дуайер резко перехватил руку и зажал запястье жреца, задержав лезвие в дюйме от лица. Затем он вывернул руку жреца, и клинок выпал из руки, со звоном ударившись об пол. Лицо жреца перекосило то ли от боли, то ли от злобы. Затем на лице его появился страх.

— Я слышал ваш разговор с Императором,— сказал Рес.— Вы предали планету за десять процентов и чин Проконсула.

Он поднял клинок.

— В Храме? — прохрипел Хольсп.— Вы убьете меня здесь, в Храме?

Дуайер рассмеялся:

— Такая щепетильность украшает вас в последние мгновения. Но законы Храма запрещают убийство, только казнь является исключением!

— Нет, Рес!

— Вы можете обжаловать приговор Императору, Проконсул Хольсп,— безжалостно сказал Дуайер и, не чувствуя никаких угрызений совести, ударил прямо в сердце жреца.

На какое-то мгновение ликование охватило Реса, когда он стоял над бездыханным телом жреца, но это быстро прошло. Он казнил предателя, который заслужил смерть.

Что же дальше?

Флот Империи уже в пути. Скоро он будет в системе, и тогда беды не миновать. Система будет уничтожена, что неизбежно повлечет подавление восстаний на других планетах.

Дуайер в отчаянии подумал о том, что лучше бы он не убивал Хольспа и сдался имперским силам. Но тут же отбросил эту мысль. Должен же быть выход.

Он попытался вспомнить мельчайшие подробности своей жизни в Храме: распорядок служб, занятия в свободное время. Может это даст ему ниточку к тайне Молота. Но пока нужно заняться восстановлением порядка. Нужно рассказать народу о предательстве Верховного Жреца. Нельзя позволить, чтобы о нем думали как о герое.

— Тубар! Хельмат!

Дуайер позвал жрецов и прямо здесь в Зале Посвящения над трупом Хольспа рассказал им обо всем. Его рассказ поверг их в замешательство. Жрецы бросали частые взгляды на труп.

Когда Рес закончил рассказ, Тубар Фрин сказал:

— Я немного сомневался в том, что Хольсп знает тайну Молота, но народ поверил ему.

— Народ заблуждался, веря ему,— сказал Дуайер.

Хельмат добавил:

— Храм остался без Верховного Жреца, так не должно быть. Я предлагаю. Чтобы Дуайер занял место, незаконно занятое Хольспом.

Дуайер обвел взглядом жрецов и послушников, вошедших следом. Все молчали.

— Я принимаю предложение,— сказал он.— Мы сейчас же проведем обряд Посвящения.

Молча они направились в Зал Верховного Жреца. Здесь старшие жрецы быстро совершили обряд, который возвел Реса Дуайера в сан Верховного Жреца.

Затем Рес с дрожью в ногах взошел на трон, где сидел его отец. Он сделал паузу перед тем, как сесть, и сказал:

— Я принимаю на себя обязанности и задачи, которые возлагает на меня сан Верховного Жреца.

Он сел — и тотчас же в его мозгу словно что-то щелкнул, и яркая вспышка озарила все закоулки памяти. Его разум прояснился, внезапный ошеломляющий взрыв откровения снял блокаду с его памяти. Он услышал тихие слова отца, звучавшие в его сознании:

— День, когда ты, сын мой, займешь место Верховного Жреца будет днем, когда все это возродится в твоей памяти. Ты узнаешь тайну Молота Элдрина. Именно ты свергнешь власть Империи и освободишь Галактику от Императора.

Вдруг в тот момент, когда он коснулся подлокотника трона, он понял, что такое Молот Элдрина и как им пользоваться, когда наступит нужный момент. Он понял, что Хольсп никак не мог знать этого. Его отец вложил эти знания в его мозг и заблокировал его психоблокадой.

Он снова поднялся.

— Нам поможет тайна Молота. Я знаю ее. И его черед уже наступил!

В ночном небе отчетливо были видны восемь ярких точек, горевших под лучами Скопления.

Это был флот Империи — громадные боевые звездолеты с экипажами в сотни человек. Их мощные орудия могли за несколько часов уничтожить планету. Они кружили на постоянной орбите вокруг Элдрина, выжидая связи.

Дуайер разыскал аппаратуру, по которой говорил Хольсп с Империей, и вышел на связь.

— Здесь командир Нольгар Милло, борт флагмана эскадры Императора «Несравненный». Я имею предписание от Императора связаться с Лугауром Хольспом, Верховным Жрецом Храма Солнц.

— Здесь Рес Дуайер, преемник Хольспа.

— Дуайер, вам известно, зачем мы здесь?

— Нет, Командор.

В голосе Командора появились нотки раздражения:

— Мне необходимо забрать от вас группу зачинщиков восстания, как было договорено с вашим предшественником. Но разве вам не известно о нашем прибытии и целях?

— Известно,— ответил Дуайер,— К вашему сведению вам не придется затруднять себя посадкой эскадры. У нас нет для вас людей, которых необходимо передать Империи. И вообще, я приказываю вам возвращаться в Империю. Там спокойнее.

— Вы?! Вы приказываете мне? Командору Флота Его Величества? По какому праву?

— По праву силы,— сказал Дуайер.— Покиньте систему Элдрина, иначе я вынужден буду применить Молот!

Наступило молчание. Дуайер напряженно ждал, меряя комнату шагами. Он понимал, что на борту флагмана сейчас творится ад.

Прошло немного времени, вполне достаточно, чтобы Командор Милло смог связаться с Императором и получить от него совет.

Наконец Милло сказал:

— Мы идем на посадку. Любые попытки воспрепятствовать нам приведут к жертвам и разрушениям. Так приказал Император.

— Вы не сможете сесть,— сказал Дуайер.

Он вышел на стену Храма Солнц и подошел к древнему атомному орудию, которое он возил на тележке, когда еще был жив отец. Он слегка коснулся кнопки, и яркое пламя пучка частиц высокой энергии взметнулось вверх. Трасса ударила в защитный экран «Несравненного», которым звездолет мгновенно окутался, как только орудие выстрелило. Огненные брызги рассыпались во все стороны, не причинив вреда кораблю. Вся эскадра опускалась и была уже на высоте тридцати тысяч футов.

Дуайер ждал. Из выносного устройства связи послышались бессвязные выкрики, а затем голос Командора:

— Дуайер, вы начали первым. Это выстрел убил твою планету!

Корабли эскадры развернулись из посадочного строя в боевой. В оптике было видно, как из люков в бортах кораблей появились стволы корабельных орудий.

Улыбаясь, Дуайер щелкнул выключателем на пульте. Секундой позже все небо окрасилось в ярко-красный цвет от потоков чудовищной энергии, извергаемой орудиями звездолетов. Миллиарды киловатт энергии обрушились на Элдрин. Но почти в тот же момент на высоте двух тысяч футов невидимый экран защиты отразил удар.

— Вы не сможете заэкранировать всю планету! — хрипел из динамиков голос Командора.— Мы уничтожим вас!

Эскадра извергала потоки энергии. Дуайер, весь подавшись вперед, наблюдал за сражением. Он уже ничем не мог помочь. Все за него уже сделала автоматика. Все небо было охвачено заревом. Лица людей, жрецов, стены домов, все было красным от отраженного экраном огня звездолетов. Все напрасно, орудия кораблей были бессильны против древней защиты Элдрина.

Дуайер сказал в микрофон:

— Командор, следите за своим последним кораблем в вашем строю,— и нажал кнопку на пульте управления огнем орудия. Старое атомное орудие слегка вздрогнуло, и острый как игла пучок энергии проткнул небо. Экраны защиты восьмого, последнего в строю звездолетов ярко вспыхнули, и не выдержав перегрузки пропали. Пучок энергии прошил корабль насквозь превратив его в огромный вытянутый факел огня. Затем пламя погасло и обломки начали свое падение вниз.

— Его уже нет, Командор,— сказал Дуайер.— Остальные последуют за ним.

Рес посмотрел, куда упадут обломки корабля, и увидел, что все пространство перед Храмом заполнено людьми, стоящими на коленях. Они пришли, видимо, к храму, заметив в небе корабли эскадры, чтобы помолиться последний раз в своей жизни. А теперь они видели сражение и молились. Иногда раздавались возгласы:

— Молот! Молот Элдрина! Наш Молот!

Вновь раздался голос Командора Милло:

— Нет, этого не может быть! Наши экраны выдерживают любые виды энергий с разными мощностями!

— Разве это невозможно? — спросил Рес. — Следите за своим седьмым кораблем, Командор.

Рес поймал корабль в перекрестье прицела и плавно нажал кнопку. Как учил его отец в прошлом. Как он вспомнил недавно. Седьмой звездолет начал закладывать вираж, пытаясь уйти от поражения, но автоматика древнего орудия — Молота уже не выпускала его из прицела. Легкое сотрясение и пучок энергии ударил в борт. Теперь защита корабля вообще не могла противостоять удару. Яркий факел озарил из без того красную от огня кораблей башню Храма.

— Невероятно! — воскликнул Милло. — Удвойте энергию, — сказал он, видимо, своим офицерам.

Дуайер улыбнулся. Он прикоснулся к переключателю и перевел орудие на поражение. Автоматика заработала, избавив человека от необходимости участвовать в уничтожении.

— Молот Элдрина, — слезы текли по лицу Дуайера. — Он крушит корабли Империи!

Орудие содрогалось от выстрелов, и яркие вспышки огня разгорались в небесах.

— Не знающее преград, пробивающее любые экраны, орудие, Командор Милло, создающее непреодолимый экран над всей планетой — это и есть наше оружие возмездия, наш Молот! — выкрикивал Дуайер. — Он ждал своего часа и час настал! Пора сокрушить Империю!

— Дуайер! — Донесся истошный вопль Милло. — Прекратите огонь! Я сдаюсь!

Рес нажал кнопку на пульте вовремя. Только один корабль Его Величества остался на поле боя — флагман «Несравненный».

— Я принимаю вашу капитуляцию, — сказал Рес. — И приказываю вам вернуться на Дервон. Расскажите Императору, что произошло с его эскадрой, и пусть он знает, что его час настал.

Командор не заставил себя долго ждать. Громада «Несравненного» легко взмыла вверх и, обратясь в яркую точку, исчезла в небе.

Дуайер проводил его взглядом и обратился к жрецам:

— Объявите по всей Галактике об этой победе. Пусть все планеты и народы узнают о начале новой эпохи. Власти Дервона пришел конец!

Он замолчал и вытер пот со лба. Он улыбнулся. Молот сработал, он помог им в сражении. Старое атомное орудие было только орудием для той силы, которая была заключена в Молоте.

Щит и меч. С их помощью Дуайер мог при желании стать новым императором, но он не хотел этого. Он должен дать свободу людям Галактики.

К нему подошел жрец.

— Сообщение с Дикрана. От Блайера Марша. Он шлет поздравления с победой и присоединяется к борьбе.

— Передайте ему мою благодарность,— сказал Дуайер.

Он подошел к краю стены. Внизу стояли тысячи человек.

— Через небольшой промежуток времени,— сказал он,— корабль, оснащенный нашим орудием, покинет Элдрин и устремиться к Дервону, чтобы освободить Галактику от Императора. Империя рухнет и на ее обломках возникнет десять тысяч независимых миров!

— Дуайер! — ревела толпа.— Молот! Дуайер! Молот!

Час настал.

Не очень приятно быть свидетелем гибели Империи, просуществовавшей три тысячелетия, но еще более мучительно быть последним Императором этой Империи.

В эту последнюю ночь Дервон-14 сидел один в своем тронном зале. Его министры давно были мертвы, мятеж вспыхнул здесь, на планете.

Он смотрел на карту Галактики, где были отмечены области, захваченные мятежниками. Они горели красным, как пламя, пламя, которое распространилось с Элдрина по всей Империи.

Дервон печально покачал головой. Империя с самого начала была обречена, но все кончится именно сейчас! Он понял, что его собственные попытки сохранить Империю стали главной причиной ее крушения.

Ему стало известно о восстании на Дикране. Более решительный Император, возможно, тотчас стер бы с галактических карт эту систему, когда это еще можно было сделать. Но Дервон избрал не тот путь, он пошел более длинным. Он боялся устранить мятежников силой, сотворить такое злодеяние, ведь тогда вся Галактика могла восстать. Он замешкался и позволил Элдрину начать раньше. Теперь восстали все. Он видел отчетливо и понимал, что ничто не спасет Империю. Она рухнула под собственной тяжестью, умерла естественной смертью от глубокой старости.

Печально он смотрел на гироигрушку, зажатую в руках. Издалека донеслись звуки тяжелых ударов, которые повторялись.

Молот,— подумал он. Последние сражающиеся защитники убежища погибали в огне. Экраны не выдерживали молний Молота.

Горько улыбаясь, умирающий Император умершей Империи смотрел на изменяющиеся нежные узоры, которые образовывались внутри игрушки. Вздохнув, он застыл в ожидании конца, который приближался с каждым новым ударом Молота, отдававшимся эхом в его потухавшем сознании.

СКРОЙ СВОЙ ТАЛАНТ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Как и следовáло ожидать, космопорт на Мондарране IV, планетке пятого разряда, к тому же расположенной далеко от галактических трасс, был более чем скромным. Райгор Девисон подхватил с ленты багажного транспортера свой одинокий чемодан и вышел в полуденный неистовый зной. Здешнее солнце — желтая горячая звезда, типа G, было в самом зените. От рудиментарного здания космопорта в сторону большой деревни, раскинувшейся в каком-нибудь километре, пролегла извилистая пыльная дорога.

Поблизости никого не было, никто его не встречал и не приветствовал. «Да,— подумал Девисон,— мало впечатляющее прибытие». И не спеша отправился по до изумления пыльной дороге в деревню, которая должна была стать его домом на ближайшие пять лет, если выживет, конечно.

Несколько минут спустя он услышал за спиной дробный легкий топот и обернувшись увидел мальчика лет десяти-одиннадцати, бегущего во весь опор, на нем не было ничего, кроме купальных трусиков.

— Ты чей же будешь, молодчик,— весело обратился к нему Девисон.

Мальчик остановился, быстро оглядел его с ног до головы и, тяжело переведя дыхание, затараторил:

— Только что прилетели, да? Я видел, как садился корабль.

— Только что прилетели. А ты куда так спешишь?

— Колдун,— выдохнул паренек,— они сейчас зада́дут ему жару. Я хочу обязательно посмотреть, не опоздать бы. Так что давай быстрее, побежали.

Девисон все-таки решил задать еще один вопрос:

— Так что все же должно произойти?

— Колдуна поджарят на костре,— деловито пояснил паренек Девисону, как будто тот был несмышленым ребенком.— Если ты хочешь посмотреть, поторапливайся и меня больше не задерживай.

Не говоря больше не слова, Девисон подхватил свой чемодан и помчался за мальчиком. Клубы пыли поднимались из-под ног бегущих и долго висели над дорогой, прежде чем рассеяться.

Сожжение колдуна, вот-те на! Девисон невольно содрогнулся и начал думать, что Гильдия Эсперов отправила его на верную смерть.

Гильдия Эсперов делала пусть незаметную, но очень эффективную работу. Они нашли Девисона и помогли ему развить могучий врожденный дар к телекинезу. А потом отправили его на эту полузабытую планету на пять лет только для того, чтобы он научился *не пользоваться* своим чудесным даром.

Все это подробно объяснил ему наставник-учитель Ллойд Кечни. Кечни был невероятно волосат, с ясными светлыми глазами под кустистыми бровями и ястребиным носом. Целых восемь лет он был наставником-учителем Девисона.

— Ты лучший из ТеКа, каких я когда-либо знал,— говорил ему Кечни.— Гильдия сделала для тебя все, что могла. И через несколько лет ты станешь полноправным членом Гильдии.

— Через несколько лет? Но я думал, что...

— Я повторяю, ты лучший ТеКа на моей памяти, мой мальчик. Ты настолько хорошо овладел телекинезом, что пользоваться этим даром стало для тебя стало второй натурой, привычкой. Ты умеешь в совершенстве пользоваться телекинезом, но совсем не умеешь скрывать свой дар. И когда-нибудь сильно пожалеешь об этом. Ты не умеешь пускать его в ход только тогда, *когда это необходимо*, действительно необходимо,— продолжал Кечни, доверительно нагнувшись к нему.

— Рай, мы решили дать тебе возможность всплыть или... утонуть. Ты не первый, кто проходит этот жестокий, но крайне важный для всей последующей деятельности путь. Мы пошлем тебя на один из миров, где отсутствуют экстрасенсорные возможности вроде телекинеза. Тебе *придется* глубоко, очень глубоко спрятать свой редкий талант, если ты не желаешь кончить свои дни на костре или виселице, как колдун.

— А нельзя остаться здесь, на Земле, и здесь учиться этому? — со скрытой надеждой спросил Девисон.

— Ишь ты, ушлый какой! Здесь не получится, слишком все просто. А там ты будешь самой жизнью поставлен перед выбором: или — или.

На ближайшем корабле Девисон отбыл с Земли. И вот он здесь, на Мондарране IV, чтобы или научиться скрывать свой талант, или...

— Откуда ты прибыл? — спросил паренек после нескольких минут молчания.— Собираешься здесь остаться?

— Да. На какое-то время,— ответил Девисон.— Я с Дариана III.

Он не хотел давать ни малейших поводов заподозрить, что он с Земли. Дариан III был хорошо известен как мир, на котором не водилось никаких психологических «аномалий».

— Дариан III? — переспросил мальчик.— Ну и как там, ничего?

— Да ничего, только вот дождь без конца.

Вдруг над деревней метнулся яркий язык пламени.

— Фу, черт! — воскликнул малыш.— Костер запалили. Я все-таки опоздал. Надо было мне раньше выйти из дома.

Девисон чувствовал нечто большее, чем просто облегчение:

— Похоже мы прохлопали всю обедню?

— Обидно... Это здорово! — вдруг с энтузиазмом воскликнул малыш.— Особенно, когда попадаются по-настоящему крепкие колдуны. Они такие штуки откалывают перед тем, как запалят костер, просто животики надорвешь. Тебе надо обязательно посмотреть, это чертовски занятно...

Могу себе представить, подумал Девисон, но вслух ничего не сказал. Они продолжали шагать, теперь уже неторопливо, в сторону деревни. Сверху нещадно пекло солнце.

Когда они одолели последний поворот к деревне, на дороге показался высокий нескладный человек, одетый в неописуемые лохмотья.

— Приветик, Джо! — громко крикнул мальчик.— Это глухой Джо,— прибавил он, видя удивление своего спутника. Нищий подошел вплотную и громким рокочущим голосом обратился к Девисону:

— Не найдется ли медной монетки, мистер, для бедного Джо?

Девисон порылся в карманах и, под явно осуждающим взглядом своего юного спутника, положил ее в протянутую широченную грязную ладонь.

— Всего самого лучшего, мистер,— проревел нищий и пошел дальше, однако, пройдя пару шагов, повернулся и сказал:

— Чертовски жаль, мистер, что вы не видели, как поджарили колдуна. Было очень весело.

Вошли в город. Ближе к площади стали появляться двухэтажные каменные дома, а в центре площади Девисон увидел высокий металлический столб, у подножия которого дымилось что-то сморщенное и обугленное. Девисона затошнило, он отвел взгляд:

— Эй, мистер, у вас на Дариане III не поджаривают что ли колдунов? — окликнул его мальчишка.

— Не так часто,— спохватился Девисон, усилием воли унимая дрожь в руках. Он подумал о Кечни, удобно расположившемся в своем уютном кабинете на далекой Земле, пока он тут, в забытой пыльной дыре, должен копаться руками в земле в какой-нибудь вонючей деревне. Это походило на приговор.

Впрочем, нет, гораздо хуже, чем в тюрьме. В тюрьме, во всяком случае, у него не было бы никаких проблем: какая-нибудь отупляющая монотонная работа, еда — три раза в день и место для сна может быть, недостаточно мягкое, но вполне покойное.

Здесь же все было наоборот. Здесь ему предстояло постоянно находиться в напряжении, контролировать каждый свой жест, чтобы никто не узнал о его тайной силе, в противном случае — железный столб на центральной площади и пламя костра под хохот толпы.

Девисон помимо воли ухмыльнулся: *Кечни хорошо знает, что делает,*— вынужден был признать он.— *Если уж я выживу здесь, то наверняка я выживу в любых обстоятельствах*, которые могут выпасть на долю члена Гильдии Эсперов.

Девисон расправил плечи, нацепил на лицо широчайшую улыбку и твердым шагом направился к центральному строению.

Навстречу ему вышел высокий загорелый мужчина, с обветренным лицом, цвета свеклы, приветливо улыбаясь.

— Привет, незнакомец. Меня зовут Домарк, я мэр. Вы новичок у нас?

Девисон кивнул:

— Да, только что прибыл с Дариана III, Решил здесь попытать своего счастья.

— Я рад, что вы прибыли именно к нам,— вежливо отозвался мэр.— Жаль, что вы пропустили наше маленькое утреннее представление. Вы, наверное, видели пламя в деревне, когда шли из космопорта сюда?

— Да, мне тоже жаль,— подхватил игривый тон мэра Девисон,— у вас тут, видать, немало проблем с нечистью?

Лицо мэра помрачнело.

— Да нет, пожалуй,— ответил он.— Просто, нет-нет, да и появиться здесь какой-нибудь комик и начинает всякие шутки откалывать. Ну, мы тут долго не рассуждаем и... отправляем его к Создателю. Мы не хотим тут иметь никаких таких штук. Мы люди простые.

— Полностью с вами согласен,— поддержал его Девисон,— нормальные люди не занимаются такими делами, мы ведь не для этого созданы.

— Вот именно,— горячо подхватил мэр,— как только мы замечаем что-то такое, так сразу пресекаем. С год назад тут у нас был один, с планеты Ланаргор VII, работал пасечником. Отличный малый, симпатичный, на мою дочку заглядывался. Мы все его очень любили. С головой парень. Никто даже предположить не мог, что он был того...

— Колдун?

— Ну да! Однажды что-то там случилось с роем диких пчел и они набросились на него. Посмотрел он на них как-то странно и началось: из пальцев у него начал вырываться огонь, спалил всех пчел начисто. Он даже не сопротивлялся, когда мы его схватили и нацепили веревку на шее.

— Так вы его повесили? А почему не сожгли? — проглотив ставшую горькой слюну, спросил Девисон.

— Да разве такого сожжешь, если он в сговоре с огнем. Нет, этих мы просто вешаем.

Может, кто-то из парней Кечни, подумал Девисон. Пиротик, видимо, присланный сюда, чтобы научиться конспирации, и вот «погорел».

Девисон в раздумье пожевал нижнюю губу и сказал:

— Думаю, пора поговорить о деле. К кому я могу обратиться насчет комнаты?

Таковая вскоре была найдена. Семейство Райнехарт. Они повесили объявление, что им нужны рабочие руки на маленькой ферме в десяти минутах ходьбы от городка.

Девисон въехал в полдень. Распаковал свой скудный багаж, повесил куртку в крохотный чулан и отправился вниз, представиться хозяевам фермы.

Глава семьи, Райнехарт, был лысоватый кряжистый мужчина лет 55, с темной, продубленной здешним жарким солнцем кожей и похоже, весьма добродушный и общительный. Его супруга — Ма — необъятная женщина с глубоким грубым голосом, от которого исходила какая-то былинная деревенская исконность, подчеркнутая немыслимо архаическим фартуком. Это была лубочная картинка древней Земли.

У них было трое детей: Дженни, длинноногая, вполне оформившаяся девица лет восемнадцати, Бо — полнолицый мускулистый парень 17 лет и Бартер — одиннадцатилетний крепыш. Вот вполне счастливое семейство, подумал Девисон, выходя из своей комнаты и спускаясь вниз по крутым ступенькам. На четвертой он все-таки споткнулся и чуть не грохнулся, но вовремя телекинетически выровнял себя в пространстве, встал на ноги и крепко взялся за перила, собираясь продолжать свой путь, когда его бросило в жар — он использовал телекинез.

Его, к счастью, никто не видел. На этот раз, никто.

Сколько же вот таких ошибок можно совершить за долгие пять лет. Если он вообще проживет эти пять лет. Девисон подождал, пока улеглось возбуждение и возвратился нормальный цвет лица. Только после этого он спустился в горницу. Все семейство уже было за столом.

Из противоположной двери появилась Джейн, бросила на Девисона любопытный взгляд:

— Ужин готов.

Девисон занял место за столом. Райнехарт, сидя во главе стола, пробормотал наскоро молитву, закончив ее благодарностью за то, что в семье появились еще одни рабочие руки. Сразу после окончания молитвы снова появилась Джейн, на сей раз с большой дымящейся кастрюлей в руках.

— Очень горячо,— сказала она. Бо и Бастер раздвинулись, давая ей место, и Джейн начала ставить кастрюлю на стол — вот тогда-то это и случилось. Девисон видел начало и до боли закусил губу.

Огромная, переливающаяся от жира капля обжигающего супа выплеснулась через край и упала, Девисон видел это как в замедленной съемке, прямо на его обнаженную руку.

К глазам подкатились слезы, и он не мог сказать, что было больнее: ожог или то усилие, которым он заставил себя не телепортировать эту каплю, скажем, прямо за окно. И то и другое было одинаково болезненно и в прямом и в переносном смысле.

Джейн поставила все же кастрюлю.

— Господи, Рай, я не хотела. Я тебя обожгла?

— Жить буду,— попытался пошутить Девисон.— Не беспокойся, все в порядке.

Боль понемногу утихала.

Кечни, Кечни, ты отправил меня не на пикник!

Райнехарт дал ему работу в поле. Основным продуктом питания на Мондарране IV были так называемые «Длинные Бобы», стручковые растения, которые все употребляли в пищу в огромных количествах. Из них же приготовлялась мука и еще добрая дюжина различных необходимых в хозяйстве продуктов. Это было жесткое, практически неразрушимое растение, которое в теплом климате Мондаррана IV давало три урожая в год.

У Райнехартов была маленькая ферма, акров десять или около того, простиравшихся на склоне невысокого холма, невдалеке от поливочного пруда. Подходило время сбора второго урожая, то есть предстояла трудоемкая работа по сбору и обдиранию стручков, содержащих бобы — основной продукт Мондаррана IV.

— Ты вот так наклоняешься, срываешь стручок,— объяснял Райнехарт, показывая, как это делается,— затем поворачиваешь вот так руку и бросаешь стручок за спину, прямо в корзину.

Затем он помог Девисону приладить на плечах ремни от корзины, нацепил на себя такую же сбрую и они начали собирать стручки, каждый в своем ряду. Пекло солнце. Казалось, здесь всегда был полдень, во всяком случае, обливающийся потом Девисон думал именно так.

Большущие мухи с багровыми крыльями сновали в раскаленном воздухе. Поддерживая на ходу тяжелеющую с каждым шагом корзинку, Девисон изо всех сил старался не отставать от идущего в десяти шагах впереди Райнехарта. Выработанные долгими годами привычные движения немолодого уже хозяина фермы могли бы привести в восторг любого конструктора роботов-андроидов, настолько они были экономны, точны и целесообразны.

Работа была не из легких. Ладони Девисона горели от постоянных прикосновений к грубым, словно посыпанным наждаком листьям и веткам жесткого кустарника, спина просто разламывалась от боли, вызванной бесконечным повторением поклонов и поворотов. Вниз, вверх, поворот. Вниз, вверх, поворот...

Сцепив зубы, Девисон заставлял себя идти все дальше и дальше. Руки у него тряслись, дряблые мышцы, которые годами ничего не делали, отказывались служить, пот заливал лицо, капал за ворот, разъедал глаза, одежда насквозь промокла от пота и прилипала к разгоряченному непривычными упражнениями телу.

Наконец рядок кончился. Девисон с трудом разогнулся. Райнехарт поджидал его в конце поля. Он выглядел точно

так же, как в начале работы. Улыбнувшись, он спросил Девисона:

— Тяжеловато с непривычки, а?

Не в силах ответить, Девисон кивнул головой:

— Ну, ничего, через пару недель войдешь в норму, окрепнешь. Я знаю, как тяжело вам, городским поначалу.

Девисон покачал головой:

— Никогда бы не подумал, что сбор урожая может быть настолько тяжелым трудом.

— Да; работа тяжелая, я не отрицаю,— Райнехарт доверительно положил руку ему на плечо.— Со временем втянешься. А сейчас пойдем в дом, выпьем пива.

На следующий день Девисон вышел в поле как сезонный рабочий с полной нагрузкой. Этот день, как и все последующие, обещал быть весьма жарким. Семейство вышло на поле в полном составе, каждый со своей корзиной, включая самого младшего Райнехарта — Бастера.

— Начнем с восточного конца,— Сказал Райнехарт и без каких-либо дальнейших объяснений углубился в делянку. Каждый взял по одному рядку и работа началась. Слева от Девисона работала Джейн, справа — Бо. Глава семейства уже опередил всех, ритмично и слажено двигались его руки и ноги — этакая уборочная машина, похожая на человека, и больше ничего. Девисон с изрядной долей зависти и невольного уважения смотрел на легкие, уверенные движения Райнехарта, которые, казалось не стоили ему никакого труда, но тут же спохватился — Джейн и Бо опередили его на несколько шагов — и с удвоенной энергией взялся за работу.

Утреннее солнце еще только поднималось по безоблачному небу, а Девисон уже изрядно взмок. Когда же он выпрямился, чтобы утереть со лба пот, он услышал тихий, едва сдерживаемый смех: в нескольких шагах впереди, уперев руки в бедра, стояла Джейн. Точно так же вчера стоял, поджидая его в конце делянки, старый Райнехарт. Девисон почувствовал раздражение, но не сказав ни слова, снова принялся за работу; от огорчения и обиды у него даже покраснели уши.

Мускулы правой руки, которой приходилось бросать сорванный стручок в корзину, почти отказывались повиноваться, боль не прекращалась ни на секунду.

Ему почему-то вспомнились сказанные в шутку слова Кечни:

— Ты ведь не хочешь, сынок, чтобы у тебя атрофировались мышцы!

Только теперь Девисон осознал до конца, сколько правды было в этих, в общем-то шутливых словах.

Он привык во всем полагаться на свой дар — телекинез, даже в обычных повседневных делах. Зачем, думал он, открывая двери, передвигая мебель и делая еще сотни всяких мелких дел с помощью телекинеза, делать это руками, как все прочие люди, когда я могу попрактиковаться в телекинезе лишний раз, лишний раз в своем настоящем деле.

Теперь он знал ответ на этот вопрос: важно не только достигнуть высокого мастерства в телекинезе, не менее важно научиться пользоваться этим даром только тогда, когда это действительно необходимо.

Там, на Земле, где телекинез был нормальным явлением, он пользовался своим даром практически бессознательно. Здесь же, где он не смел даже намекнуть на свой дар, его ослабевшие от безделья мышцы расплачивались за его предыдущую беспечную жизнь. Кечни знает, что делает, вынужден был признать Девисон.

Но вот, наконец, делянка кончилась. Девисон и Бастер закончили одновременно, гораздо позже остальных, причем Бастер вовсе не выглядел утомленным. Кроме того, Девисону показалось, что его хозяин не очень доволен своим сезонным рабочим, но, может быть, ему это только показалось.

А вот на лице Дженни ясно читалось презрение. Девисон искоса посмотрел на хозяина фермы, который высыпал свою корзинку в повозку, стоявшую в конце делянки. Но Райнехарт этого не заметил, а может просто не подал вида.

— Передохнем немного перед вторым заходом,— ровным голосом сказал он.

Делянка уже не казалась Девисону маленькой. Его охватила необычайная легкость, когда он освободил корзину. Ремни перестали врезаться в тело.

Когда начался следующий заход, у Девисона мелькнула мысль: а как было бы просто наполнять корзину с помощью телекинеза! Никаких тебе наклонов, разворотов, никакой боли в руках, отказывающихся служить.

Просто. Конечно, просто, но если кто-нибудь из этой милой семейки случайно увидел бы летящие в корзинку стручки, которые никто не бросал... уже к вечеру его бы поджарили, как поросенка на вертеле.

Черт бы побрал Кечни с его методами! — подумал со злобой Девисон, в очередной раз вытирая струящийся со лба пот.

Девисон не мог даже предполагать, насколько близок был он к провалу, о котором думал с полчаса назад, как о чем-то предполагаемом, но не более.

К концу работы он отстал от всех на целый рядок. Его хилое, не привычное к физическому труду тело, ныло и стонало каждой клеточкой. Он обладал могучей скрытой силой и не мог ей воспользоваться. Ему постоянно приходилось сдерживать себя, а это было нелегко, во всяком случае, не легче, чем собирать урожай проклятых Длинных Бобов под беспощадным солнцем Мондаррана IV.

Девисон выбивался из последних сил, заставляя себя сконцентрироваться на однообразной до одури работе, забыть, что он один из сильнейших ТеКа Земли. Воля его слабела.

— Это нормальный учебный процесс,— уговаривал он себя,— максимально способствующий дальнейшему росту. Кечни ничего зря не делает.

Заканчивая свой рядок, сквозь непрерывный гул в голове, раскалывающейся от усталости и боли, он услышал по-прежнему бесстрастный голос хозяина:

— Ну, что ж, пора передохнуть. Становится слишком жарко.

С этими словами Райнехарт сбросил свою сбрую на землю и, не оборачиваясь, медленно пошел к дому. С огромной радостью и облегчением Девисон стащил с себя ременные крепления корзины и попытался выпрямиться, впервые за все утро. Удалось ему это не сразу.

Шагая к дому, Девисон обнаружил, что рядом идет Дженни.

— Ты выглядишь не очень-то, Рай,— сказала она,— пытаясь заглянуть ему в лицо.

— Это ничего. Дело в том, что к любой работе надо привыкнуть, развить сноровку, так ведь?

— Точно. Ты привыкнешь и все будет нормально,— подхватила девушка,— или ты сломаешься и тогда все. Вот наш последний поденщик не выдержал, сломался. Но ты для первого раза справился не плохо. Не то, что тот.

— Будем надеяться, что ты угадала,— ответил Девисон, пытаясь сообразить, кто же он — его предшественник, может телепат, а может — предсказатель будущего или еще какой-нибудь специалист, которого необходимо было «обкатать» в экстремальных условиях.

Он шел рядом с Дженни, которую трудно было назвать дурнушкой, ее длинные ноги и вполне оформившееся юное

тело навели его еще на одну мысль. Нормальному мужчине необходимо удовлетворять свои сексуальные потребности в разумных пределах; навязанное извне воздержание обычно отрицательно сказывается на психике человека. Как быть с этим делом? Сможет ли он прожить пять лет монахом, не отразиться ли это, в конечном итоге, на его чудесном даре? Это ведь лишняя и довольно большая нагрузка на организм. Девисон был не прочь разрядить эту мощную нагрузку, а ведь прошло всего два дня. А сколько дней в пяти годах? И Девисону стало совсем худо. Всего два дня он скрывает свои телекинетические способности, а ему уже худо, а что же будет дальше?

Еще пара дней, проведенных на поле, помогли ему окрепнуть настолько, что заход на очередной рядок перестал казаться ему кошмаром. Его в общем здоровое, молодое тело быстро набирало силу, мышцы укреплялись прямо на глазах, это не могло не радовать.

— Смотрите, как он ест,— заметила однажды вечером Ма Райнехарт,— как будто в последний раз.

Девисон ухмыльнулся и продолжал уплетать за обе щеки. Он действительно никогда раньше не ел с таким аппетитом и удовольствием. Воспоминания о жизни на Земле казались ему туманными и расплывчатыми. Он быстро входил в хорошую физическую форму, но то, что происходило в его сознании, начинало его беспокоить.

Теперь он полностью контролировал свои телекинетические способности, все реже ему приходилось усилием воли загонять подальше желание воспользоваться своим даром. Однако, вместе с этим, он чувствовал что стремительно теряет навыки пользоваться телекинезом.

Рано утром пятого дня своего пребывания на Мондарране IV, он проснулся словно от толчка. Еще ничего не понимая выбрался из постели: голова раскалывалась от боли.

Постояв минуту в нерешительности, он начал одеваться, прислушиваясь к резко усилившемуся сердцебиению. Подошел к окну, выглянул во двор.

Было еще очень рано. Еле заметная светлая полоса у линии горизонта говорила о том, что до рассвета еще далеко. Обе луны Мондаррана IV неторопливо бежали по чистому, без облачка небу, усыпанному крупными звездами. Стояла необыкновенная тишина.

Девисон уже понял, что случилось. Это была реакция его тренированного долгие годы мозга, который лишили

возможности реализовать скрытую в нем могучую силу телекинеза. Нельзя вот так просто прекратить совсем пользоваться этим психологическим даром — усилием воли перемещать в пространстве предметы. Напротив, чтобы поддерживать его на уровне необходимо постоянно тренировать свой мозг.

С величайшими предосторожностями, вздрагивая от малейшего шороха, он выбрался из дома и направился к небольшому амбару, стоявшему в самом конце двора.

В предрассветной тишине он быстро вскарабкался по приставной лестнице в пряно пахнущий зев амбара. Не спеша, Девисон взглядом выбрал здоровенный стручок, полный маслянистых бобов. Стручок медленно поднялся в воздух, завис на некоторое время и, освобожденный, упал на место. Затем два вместе, затем еще и еще. Около пятнадцати минут Девисон упражнялся, чувствуя, как проходит охвативший его стресс безделья.

Однако, радовался он рано. С ужасом Девисон понял, что утратил кое-какие навыки в использовании своего чудесного дара. Кроме того, он устал, поскольку раньше ему *никогда* не приходилось так напрягаться.

В мозгу мелькнула бросившая в жар догадка: а что, если вынужденное воздержание вызовет утерю телекинетических способностей?! Ведь целых пять лет, если он вообще проживет на этой планете, могут начисто лишить его такого дара, каким является телекинез.

«Впрочем,— тут же подумал он,— последнее маловероятно». Ведь возвращаются же другие ребята из своих ссылок, и порой даже с более высокими результатами в своих узкоспецифических областях. Неужели и им тоже приходилось вставать ни свет, ни заря и упражняться в каком-нибудь сарае в телекинезе или, скажем, пиротехнике. Бред какой-то.

Он не знал ответа. Пока не знал. И понимал, что никто в целом мире не может подсказать ему этот ответ. Решение придется искать самому. Поупражнявшись еще немного, он осторожно выбрался из лаза и стал спускаться вниз.

Рядом с лестницей стоял Бастер Райнехарт, и в его широко открытых глазах читался немой вопрос.

— Эй, там,— наконец проговорил Бастер,— что ты там делаешь, Рай? Почему ты не спишь?

У Девисона перехватило дыхание. Стараясь делать вид, что в его действиях нет ничего странного, он сам перешел в наступление.

— То же самое я могу спросить у тебя.

Руки его тряслись. А что, если Бастер подсматривал за ним и видел, как он упражняется в телекинезе? Поверят ли такому маленькому парнишке, если он об этом расскажет?

— Что ты делаешь в такую рань во дворе, Бастер? Мать наверняка всыпет тебе по первое число, если узнает, что ты бродишь в такое время.

— Ничего не всыпет,— ухмыльнулся малец.

В руках у него была маленькая корзинка, полная отборных, слабо светящихся в лунном свете червей.

— Я собирался сегодня порыбачить. А хороших червей можно накопать только в ясную лунную ночь перед рассветом.

Тут он довольно нахально подмигнул и заговорщицки понизил голос:

— Мне ты можешь рассказать без боязни. Я не проболтаюсь.

— А что рассказывать-то. Не мог заснуть, вышел прогуляться. Вот и весь рассказ.

— Я так и подумал,— удовлетворенно хмыкнул Бастер.— Я знаю, почему тебе не спиться. Хочешь скажу? Ты просто втюрился в эту задаваку Дженни и поэтому тебе не спиться. Скажешь, не так?

Девисон тут же согласился с догадкой Бастера:

— Но ты ведь настоящий мужчина, Бастер. Никому не слова. Идет?

В грязную ладошку Бастера легла монета, которая тут же исчезла в бездонных карманах латаных-перелатаных штанов.

— Понимаешь, малыш, я не хотел бы, чтобы она узнала об этом до того, как я пообвыкну у вас.

— Я буду нем, как рыба,— твердо ответил окрыленный обладатель чужого секрета, после чего, крепко сжав в кармане добычу, он исчез в доме.

Девисон медленно отправился вслед за Бастером, все еще улыбаясь. Впрочем, эта застывшая и немного натянутая улыбка свидетельствовала скорее о растерянности. Итак, петля затягивается все туже. Теперь ему нужно было изображать роман с длинноногой фермершей, чтобы спасти свою шкуру. Час от часу не легче. Сегодня сошло с рук. Но только сегодня. Упражняться в пределах фермы он больше не рискнет, слишком опасно. Надо искать какое-то подходящее место.

Когда совсем рассвело, Девисон спустился вниз и предстал перед Райнехартом-старшим.

— Не могли бы вы, сэр, дать мне сегодня свободный денек. Если это, конечно не сильно нарушит ваши планы.

Старый фермер нахмурился, поскреб за ухом.

— Свободный день? Это действительно так необходимо, сынок? Сейчас страда. Сам понимаешь, хочется убрать все в срок. И потом, сразу после сбора урожая у тебя будет довольно свободного времени.

— Я знаю,— твердо глядя в глаза хозяину фермы сказал Девисон,— но мне действительно нужно отлучиться сегодня до обеда.

— О'кей, Рай. Я не какой-нибудь сквалыга. Раз надо, значит надо. А отработаешь, скажем, в воскресенье. Счастливо отдохнуть.

Пройдя по участку Райнехарта, Девисон направился к лесу, разделявшему, как он узнал, обширные земли городка и владения лорда Габриельсона, богатейшего землевладельца в округе. День уже вступал в свои права, пекло немилосердно, хотя было раннее утро, а поэтому прохлада леса была особенно приятной. Могучие деревья, прямые как свечи, с красными листьями и обширными кронами стояли довольно тесно; кое-где было невозможно пройти. Это был девственный лес. Высоко вверху перекликались звонкими голосами нарядные многоцветные птицы, иногда с ветки на ветку перелетало нечто отдаленно напоминающее летучую мышь, с широкими перепончатыми крыльями.

Он отлично понимал, зачем он на Мондарране IV — чтобы научиться разумно пользоваться своим даром. Приручить, если можно так выразиться, свою телекинетическую силу. Все это было абсолютно понятно. Непонятно было одно: как же выжить? Как избежать разоблачения и в то же время не утратить навыки в использовании телекинеза?

Здешняя ортодоксальная религия не отличалась терпимостью к разным отклонениям от нормы. Телекинез в их глазах был чистой воды колдовством, как, впрочем, и на большинстве отдаленных миров.

Подавляющее большинство населения — фермеры, мало интересующиеся тем, что происходит в цивилизованной части Галактики, откуда они, собственно, вышли. Столетия прошли в размеренном укладе жизни со времени заселения колоний, но они не оставили места «аномальным» явлениям, вроде телекинеза.

Для Девисона все это означало только одно — подавить в себе этот слишком опасный дар природы. Вот только сделать этого он не мог. Пять дней, всего только пять

дней постоянного бдительного контроля и он чуть не сошел с ума от этого самоконтроля, мозг отказывался повиноваться. А что, если возникнет дилемма — погибнуть, или воспользоваться телекинезом, чтобы избежать гибели? Скажем, на него падает дерево. Единственное, что он может сделать, силой своего дара в последний момент избежать гибели — отвести падающее дерево на безопасное расстояние... и тут же услышать крик: «Колдун!»

И все же он не первый прибыл на Мондарран IV. До него здесь были эсперы различных направлений, жили здесь, выживали и возвращались на Землю и на другие цивилизованные миры. Иными словами, эти люди как-то приспосабливались к здешним условиям. Занятый такими мыслями, Девисон продолжал углубляться в лес.

Вдруг стало светлее. В просветах между лесными гигантами призывно заблестела река. Немного правее ему показалось, что над кустами поднимается едва заметный дымок. Костер?

Двигаясь с предельной осторожностью, Девисон вскоре увидел источник дыма. Возле реки, на корточках, со сковородкой в правой руке сидел Глухой Джо — нищий, которого он повстречал на дороге из космопорта. Одет он был в то же немыслимо грязное тряпье и, похоже, поджаривал себе на завтрак пару рыбин на костре.

Напряженные мышцы Девисона расслабились, облегченно улыбаясь он подошел было ближе к глухому, но что-то заставило его замереть на месте. Да, глухой нищий жарил рыбу, с этим все было в порядке. Вот только костра не было. Огонь, небольшой поток плазмы вырывался из пальцев левой руки.

«Глухой Джо» был пиротиком.

Девисон не сразу пришел в себя от изумления. Вот как! Глухой нищий, всеми презираемый побирушка и попрошайка, грязный и несчастный, довольно спокойно укрылся в лесной чащобе и жарит себе рыбу с помощью уникального дара, за который на Мондарране вешали (а не сжигали, как прочих колдунов). Чуть дальше Девисон разглядел нечто отдаленно напоминающее хижину, видимо, жилище пиротика.

Ну что ж, подумал Девисон, в этом, пожалуй есть смысл.

Практически, и он это отлично понимал, прожить на Мондарране пять лет и не обнаружить себя невозможно.

Но с другой стороны, одиночка, конечно, может прожить *вне* общества — как отшельник, жарить себе рыбу, не

разводя костра там, где никто не сможет его увидеть. Да и вообще, кто станет приглядываться к грязному попрошайке!

Девисон сделал еще шаг вперед, собираясь с мыслями. И тут «глухой» Джо резко вскочил на ноги, выронил сковородку, бросил на Девисона полный ненависти взгляд и, без малейшего раздумья, выхватил откуда-то из тряпья, блеснувший на солнце охотничий нож и с поразительной сноровкой метнул его прямо в грудь Девисона.

За какой-то немыслимо короткий миг после того, как нож покинул ладонь Джо, в мозгу Девисона успела пронестись яркая, как молния, мысль: «глухой» так же, как и он, отбывал свой срок на Мондарране IV. И не было необходимости скрывать от него землянина, что и он тоже в ссылке...

Тяжелый охотничий нож, покорно воле человека, отвернулся и мягко ткнулся в землю у его ног. Девисон наклонился, и не спеша вытащил нож из земли и протянул его «глухому» Джо.

— Ты... ты телекинетик? — не веря своим глазам обалдело спросил Джо,— так ты не шпион?

— Да, я — ТеКа, а ты — пиротик,— улыбнулся Девисон.

Несмелая улыбка появилась на заросшем недельной щетиной лице «глухого» Джо, он протянул обе руки Девисону.

— Так ты — землянин, настоящий землянин,— хриплым шепотом проговорил он возбужденно.

Девисон кивнул.

— Ты ведь тоже?

— Как видишь. Я здесь уже три года, и ты первый, с кем я говорю за все эти годы. Все прочие, которых я тут встречал, сгорели на кострах этих изуверов — местных колонистов.

— Как? Неужели все? — оторопел Девисон.

— Нет, конечно нет. Я не это имел в виду. Только те, которые расшифровались. Гильдия просто не может терять столько людей, как это кажется с первого взгляда. И все-таки, те, кого я знал, все поплатились. Я на пушечный выстрел ни к кому не приближался, если не был уверен на сто процентов. Ты первый увидел меня. Мне не следовало быть таким беспечным, хотя, этой тропой никто не ходит, кроме меня.

— Или еще одного «сумасшедшего» землянина, вроде меня.

Девисону вовсе не улыбалось слишком долго болтать с «глухим» нищим, которого на самом деле звали Джозеф Фланаган.

В ходе их непродолжительной беседы Фланаган довольно подробно объяснил ему, как складывались дела у большинства землян, отправленных на отдаленные планеты. (А надо сказать, что их число было довольно значительным.) Объяснения эти сначала показались Девисону достаточно логичными. Вот они вкратце: большинство землян, попавших в эти условия, бродили от деревни к деревне, нигде подолгу не задерживаясь, постоянно «держа ушки на макушке» и глядя во все глаза по сторонам и опасаясь более всего как-нибудь нечаянно не обнаружить себя, не «расшифроваться». А чтобы не разучиться своему искусству, они забирались в дебри и там отводили душу, снимая нагрузку. Ну что же, камуфляж неплохой: мало ли бродит людей на всех планетах в поисках работы, приключений или чего-нибудь в этом роде.

— А теперь нам лучше расстаться,— заторопился «глухой» Джо.— Тут ведь тоже не такое уж безопасное место. А мне не так уж много осталось прятаться и скрываться. Господи, как это будет здорово — принимать ванну, хоть каждый день.

Девисон ухмыльнулся:

— И ты действительно думаешь, что это лучший выход в нашем положении?

— Это наиболее простой выход,— сказал Фланаган.— Нельзя ведь биться лбом в стену бесконечно. Я пробовал жить как ты, в деревне. За какой-нибудь месяц я чуть не свихнулся. Невозможно опуститься до их уровня, чтобы стать одним из них и не вызвать подозрений. Я решил стать *ниже* их уровня, тут уж гарантия — от глухого идиота никто не станет ожидать сверхъестественных штук. Только после этого я стал относительно свободным от постоянного надзора.

— Это весьма разумный ход,— в задумчивости кивнул Девисон.

— Ну, мне пора,— с этими словами Фланаган согнулся, покривился и, превратившись в нищего попрошайку «глухого» Джо, напролом пошел в глубину леса, по ему одному известной тропинке, не сказав даже «до свидания». Девисон постоял минуту в раздумье, затем повернулся и пошел назад той же дорогой, что и пришел.

Теперь, думал он, ответ ему известен.

Однако, к тому времени, как он выбрался на опушку, с которой уже были видны городские постройки, уверенность его сильно пошатнулась. Когда-то давно, Кечни сказал ему: *«Не убегай!»* Он не объяснил тогда смысла сказанного, но теперь Девисон понял, что он имел в виду многоопытный наставник.

Джо Фланаган проживет эти пять контрольных лет с минимальными усилиями, вернется, получит свою лицензию и станет членом Гильдии. Но... все ли возможности были им использованы за эти пять контрольных лет для шлифовки, совершенствовании своего дара? Нет. На такой вопрос можно ответить только отрицательно. Так подумав, решил про себя Девисон. Фланаган не может все время оставаться в роли отщепенца, он вернется в цивилизованное общество и тогда пятилетний груз — привычка избегать людей, может сыграть с ним плохую шутку, может быть, ему даже понадобиться какое-то время, чтобы вновь привыкнуть чувствовать себя полноправным членом общества.

Должен быть какой-то другой выход, твердо сказал себе Девисон. Выход, который бы позволил не уподобляться страусу — спрятать голову и ничего не видеть, считая себя при этом в полной безопасности. Должен быть выход, позволяющий вернуться в общество полноправным членом, и кроме того, уметь жить в любом отдаленном мире и держать свою силу — телекинез — под контролем.

Послеобеденное солнце нещадно пекло расстилавшиеся перед ним поля. Вдалеке уже можно было различить семейство Райнехарт, заканчивающих уборку очередной делянки.

Уже подходя к полю, он увидел, что хозяин выгрузил корзинку в повозку, вскоре и остальные проделали ту же операцию и теперь стояли отдыхая после напряженного рабочего дня. Первой его заметила Дженни.

— Эй, смотрите, кто идет! Ну, как отдохнул, Рай?

— Я очень многое обдумал, Дженни,— ответил Девисон степенно.— А утреннюю норму я отработаю в воскресенье, когда вы будете отдыхать.

Улыбаясь, к нему подошел старый Райнехарт.

— Надеюсь, ты успел все обдумать? А то после обеда нас ждет работа.

— Ну, что ж, я готов,— так же степенно ответил Девисон, мучительно соображая, где же может крыться выход из весьма сложного положения, в которое загнала его судьба. И тут мысли его прервал веселый возглас:

— Эй, смотрите!

— Ну-ка, брось! — суровым голосом приказал отец,— слезь немедленно, пока не свернул шею.

Девисон обернулся и увидел Бастера, который стоял на борту тележки и довольно ловко жонглировал двумя большими стручками.

— Смотрите, смотрите,— звонко кричал малец, гордый от сознания того, что так ловко балансировал на повозке,— я жонглирую!

В следующий момент он уронил стручки, а еще через секунду уже стоял на земле и потирал зад, к которому приложилась могучая отцовская рука.

Девисон фыркнул, затем громко расхохотался, до него дошло, что случилось.

Он нашел ответ на свой мучительный вопрос.

О своем намерении Девисон сказал в конце недели, после того, как доказал, что вполне освоился с тяжелой работой поденщика. Он чувствовал себя немного неловко и оттого, что собирался покинуть гостеприимный кров в разгар посадочной страды и оттого, что привязался к грубоватым, но открытым и честным, трудолюбивым Райнехартам. Однако, когда-то нужно было начинать, и чем скорее, тем лучше.

Он сказал главе семейства Дирку Райнехарту, что через неделю покинет его гостеприимный дом. Старик явно расстроился при этом сообщении, но вслух не сказал ни слова. Когда оговоренная неделя кончилась, Девисон собрал свои нехитрые пожитки в потрепанный чемодан и с тяжелым сердцем покинул Райнехартов.

Ему нужно было уйти как можно дальше от этих мест. Сыну одного из местных фермеров он заплатил сполна, чтобы тот отвез его в соседний город. Деньги, заработанные у Райнехартов, за вычетом платы за стол и ночлег, составили довольно круглую сумму: тщательно свернутая трубочка помятых ассигнаций была зашита в пояс. Эти деньги были ему очень нужны для осуществления того, что он задумал, а потому он держал их подальше от соблазна.

Через монотонный ландшафт Мондаррана IV фермерский отпрыск привез Девисона в городок немногим больший, но в остальном полностью повторявший предыдущий.

— Спасибо,— Девисон кивнул пареньку и, соскочил с повозки, не оглядываясь отправился в город, в центре которого торчал обгорелый столб, идентичный тому, что он видел в городке возле космопорта. Лобное место.

Теперь ему предстояло найти жилье достаточно тихое,

где ему предстояло проделать немало подготовительной работы, прежде чем он сможет приступить к выполнению своего грандиозного плана...

Спустя шесть месяцев в близлежащих деревнях появились яркие цветные афиши. Они были весьма привлекательны и довольно кратки:

«У НАС В ГОСТЯХ — ФОКУСНИК!»

Эти объявления вызвали небольшой переполох. И когда Девисон в своем ярко раскрашенном шарабане появился в одной из дальних деревень на границе владений лорда Гарбиельсона, его встретила ликующая толпа селян, проводившая его смехом и криками до самой площади. Не так уж часто приезжают в глухие деревни комедианты и фокусники.

Девисон развернул свой шарабан прямо возле столба, предназначенного для сожжения колдунов и ведьм. Опустив борта повозки, принявшей вид платформы, Девисон выступил из глубины шарабана в своем изумительно красно-золотом плаще и высоком разрисованном колпаке прямо к ошеломленным селянам. Сотни глаз смотрели на него, и как смотрели!

— Так вы и вправду фокусник, или умеете что-нибудь еще? — выкрикнул насмешливый молодой парень, задиристого вида.

— Я — Мариус Чародей,— ответил Девисон громовым голосом.

— Ну, и какие же фокусы вы покажите? — не унимался деревенский острослов.

Девисон улыбнулся заговорщицки:

— Юноша, я показываю фокусы, от которых стонет в жилах кровь и цепенеет мозг!

Он развел руки в широчайшем грандиозном жесте:

— Я умею вызывать духов из глубины веков,— громовым голосом продолжал он,— в моих руках секрет жизни и смерти!

— Все вы так говорите, да мало что показываете. Так, ерунду всякую — платки, кольца, веревки, это и я умею,— не унимался местный острослов,— покажи что-нибудь такое, за что действительно не жалко денег.

— Ну что же, неверующий, да увидишь своими глазами,— прогрохотал Девисон, обращаясь к толпе. Он обернулся к приготовленному снаряжению и зажег спичками две больших восковых свечи:

— Смотри внимательно — пламя этих свечей не может причинить мне ни малейшего вреда.

Он взвесил свечи, подбросил их в воздух и начал телекинетически жонглировать ими так, что свечи, падая вниз, прикасались к его ладоням только незажженными концами. Затем он добавил к ним еще две зажженные свечи. Толпа замерла, когда Девисон начал вращаться вокруг своей оси, не прекращая жонглировать, всем своим видом подчеркивая, что дается это ему с огромным трудом. Но вот он поймал все свечи и раскланялся — в ответ зазвенели монеты.

— Спасибо, спасибо,— важно раскланивался Девисон.

Следующий номер программы Девисона заключался в жонглировании ярко раскрашенными деревянными шарами. Через минуту после начала номера в воздухе вращались, послушные воле Девисона, семь ярких шаров. Он, конечно, манипулировал руками, но внимательный наблюдатель раскусил бы, что дело тут вовсе не в ловкости рук заезжего фокусника.

Девисон был доволен собой. Очень может быть, что в этой дыре уже появлялись его коллеги — ТеКа и кое-кто из них, быть может, закончил свои дни на костре. Но он-то был теперь не ТеКа, он был просто жонглером и все его искусство — это же было совершенно очевидно — заключалось в ловкости рук! Просто долго и упорно тренировался человек, шарлатан, короче говоря. Ведь любой знал, что все люди этой и прочих похожих профессий были жуликами в той или иной степени. А поэтому, все присутствующие на представлении Девисона были убеждены, что только ловкость его рук держит в воздухе все эти раскрашенные шары.

Когда поток монет иссяк, он поймал все шары по очереди, положил их назад в коробку и приступил к новому трюку.

Быстрым шепотом произносил он малопонятные заклинания, пока выносил из-за занавеса несколько стульев. Вот он установил их один на один в самом неустойчивом положении, поддерживая (для виду) руками эту шаткую башню футов двенадцати высотой, затем, продолжая бормотать заклинания, обошел несколько раз вокруг этого шаткого сооружения, делая вид, что производит балансировку. Наконец он удовлетворительно улыбнулся и с массой предосторожностей начал взбираться вверх по стульям. Достигнув с величайшим напряжением сил — об этом говорило его лицо — верха шатающейся пирамиды, Девисон сделал стойку на одной руке. Выровняв балансировку так, что зафиксировался на довольно значитель-

ный промежуток, пока новый поток монет не зазвенел на подмостках, после чего ловко и быстро опустился вниз, быстро и ловко разобрал пирамиду и раскланялся со счастливой улыбкой триумфатора.

«Вот он, мой настоящий выход из, казалось бы, безысходной ситуации,— думал Девисон,— слушая радостный рев толпы и аплодисменты». Они ни за что бы не поверили, что заезжий шарлатан-фокусник, как бы искусен он не был, использует для своих трюков *настоящее волшебство — телекинез*. И, таким образом, он может продолжать тренироваться без всякой опаски; кроме того, работа с использованием ТеКа приносила неплохой заработок, давала возможность жить в обществе, не скрываясь.

Ну, что же, думал Девисон, по окончании пятилетнего срока я, пожалуй, буду лучше соответствовать предстоящему назначению, чем такие, как «глухой» нищий, в которого превратил себя пиротехник Джозеф Фланаган. Девисон, честно говоря, был доволен собой и тем обстоятельством, что выполнил наказ Кечни — не убежал, не скрылся от трудностей, а смог их преодолеть.

Маленький мальчик в первом ряду возбужденно закричал:

— Эгей! Я знаю, как ты все это делаешь! Это просто такой трюк, я знаю, чтобы его сделать, надо...

— Не срывай мне представление, сынок,— прервал его Девисон сценическим шепотом, разнесшимся по всей площади,— пусть этот секрет останется между нами, волшебниками, хорошо?

СОДЕРЖАНИЕ

ХРОНИКИ МАДЖИПУРА 3
Фантастический роман

КОСМИЧЕСКИЙ БРОДЯГА 265
Фантастическая повесть

НОЧНЫЕ КРЫЛЬЯ 311
Фантастическая повесть

ПОИСКИ ЧАРОДЕЙКИ КОСМОСА 365
Фантастическая повесть

ЗДЕСЬ КТО-ТО БЫЛ 417
Фантастическая повесть

ПЛАМЯ И МОЛОТ 453
Фантастическая повесть

СКРОЙ СВОЙ ТАЛАНТ 489
Фантастическая рассказ

СЕРИЯ «ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ»

Силверберг Роберт

ХРОНИКИ МАДЖИПУРА

Фантастические романы

Ответственный за выпуск *Молокин М. А.*
Художник *Заплавный А. А.*
Технический редактор *Польщикова Л. А.*
Корректор *Руднев С. Б.*

Сдано в набор 03.01.93. Подписано в печать 30.03.93.
Формат 84x108/32. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Усл.- печ. л. 26.88
Тираж 50 000 экз. Заказ № 594.

Фирма «Тимур», г. Новосибирск. Отпечатано с готовых диапозитивов Новосибирской типографией № 4 ВО «Наука», 630077, Новосибирск-77, ул. Станиславского, 25.

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ